

Федеральное агентство по образованию
Российская ассоциация лингвистов-когнитологов
Институт языкознания Российской академии наук

Уральский государственный университет им. А. М. Горького
Филологический факультет
Кафедра современного русского языка

**НОВАЯ РОССИЯ:
НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ЯЗЫКЕ
И НАУКЕ О ЯЗЫКЕ**

Материалы Всероссийской научной конференции
14 — 16 апреля 2005 г.
Екатеринбург, Россия

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2005

ББК Ш141.12-12с(2)ЛО
Н 725

Редакционная коллегия:
д-р филол. наук, проф. *Л. Г. Бабенко* (отв. ред.),
канд. филол. наук, доц. *Т. М. Воронина*,
ассистент *М. В. Дудорова* (отв. секр.),
д-р филол. наук, проф. *Ю. В. Казарин*,
канд. филол. наук, доц. *А. М. Плотникова*.

Н 725 Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке:
Материалы Всеросс. науч. конф., 14 – 16 апр. 2005 г., Екатеринбу-
бург, Россия / Под ред. Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург: Изд-во
Урал. ун-та, 2005. — 554 с.

ISBN 5 – 7525 – 1402 – 9

ББК Ш141.12-12с(2)ЛО

ISBN 5 – 7525 – 1402 – 9

© Коллектив авторов, 2005
© Издательство Уральского университета,
2005

Содержание

Предисловие	8
Актуальные проблемы когнитивной лингвистики и концептуального анализа	
<i>Пленарное заседание</i>	
<i>Бабенко Л. Г.</i> Русские синонимы в когнитивном освещении: новый идеографический словарь синонимов	12
<i>Гридина Т. А.</i> Детская «нсология» в лингвокогнитивном ключе	18
<i>Пименова М. В.</i> Коды культуры и принципы концептуализации мира	27
<i>Трипольская Т. А.</i> Интерпретационный потенциал концепта «запах»	35
<i>Секционное заседание</i>	
<i>Васильев В. П.</i> Концепт и интерпретационные компоненты словесного значения	43
<i>Ворожцова И. Б.</i> Концепт «уважение» в русском языке	51
<i>Воронцова Т. А.</i> «Ужели слово найдено?» (концепт «олигарх» в современном языковом сознании)	57
<i>Головатина В. М.</i> Лексикографическая интерпретация <i>вдохновения</i> в русском и немецком языках	63
<i>Гынгазова Л. Г.</i> Концепт «путь» в картине мира языковой личности диалектоносителя	69
<i>Кондратьева О. Н.</i> Фитоморфные признаки концептов внутреннего мира человека (на материале текстов Древней Руси)	75
<i>Макавичик В. О.</i> «Процесс» и «результат» как концепты, выраженные в глагольной лексике (экспериментальное исследование)	83
<i>Манаенко Г. Н.</i> К вопросу о соотношении <i>идеальное</i> — <i>языковая система</i>	91
<i>Мордвинова Е. В.</i> Русский Логос и русская языковая картина мира	99
<i>Мухачева Л. М.</i> Пространственные метафоры как фрагмент русской языковой картины мира	104
<i>Мухина И. К.</i> Концептосфера «Приготовление пищи» в русском языке: основные способы замещения позиции субъекта	112
<i>Передриенко Т. Ю.</i> Модели концептуального анализа	119
<i>Плотникова А. М.</i> Принципы когнитивного изучения глагольной многозначности	124
<i>Рожков В. В.</i> Концептуальная область, представленная лексемами <i>серый</i> , <i>серость</i> , в русской языковой картине мира и пути ее изучения	130

<i>Рылкина О. М.</i> Отражение наивной картины мира в терминах оториноларингологии	137
<i>Сергеева Н. М.</i> Концептуализация ментального пространства в русской языковой картине мира	142
<i>Солопова О. А.</i> Метафорическая модель «СТРАНА — ЭТО БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ» в темпоральном аспекте	150
<i>Терешина Ю. В.</i> Концепт «побудительность» в политических текстах	154
<i>Фришберг И. Д.</i> Когнитивный подход как новая парадигма научного знания	159
<i>Широких Е. А.</i> Категория определенности — неопределенности в когнитивном аспекте (в английском и русском языках)	167

Новые научные парадигмы и лингвистические теории

Пленарное заседание

<i>Базылев В. Н.</i> Маргинальные парадигмы в лингвистике XXI века (семиосоциопсихология)	174
<i>Болотнова Н. С.</i> Новые подходы к изучению идиостиля в современной лингвистике	182
<i>Гайсина Р. М.</i> Синергетика трисдинства «значение — функция — форма» (на примере взаимодействия имени существительного и глагола)	193
<i>Кузьмина Н. А.</i> Синергетическая парадигма в современной лингвистике	201
<i>Мышкина Н. Л.</i> Специфика контрадиктно-синергетической парадигмы текста	210
<i>Новодранова В. Ф.</i> Новые подходы к определению основных понятий терминоведения	218
<i>Пушина Н. И.</i> Основные категориально-методологические парадигмы лингвистики и их развитие в современном отечественном языкознании	223
<i>Шарандин А. Л.</i> Словарь как реализация теории форм слова	229

Новые явления в языке

Пленарное заседание

<i>Андреева К. А.</i> Метафоры, которые нам так близки, но так оригинальны и поэтичны	237
<i>Лазарева Э. А.</i> Рекламный дискурс: выражение коммуникативно-прагматических смыслов	247
<i>Стексова Т. И.</i> Адресатная направленность предвыборной агитации ..	251
<i>Чудинов А. П.</i> Новые русские метафоры	259

Секционное заседание

<i>Дьячкова Н. А.</i> Новые паремии в русском языке: «новые» мысли о «старых» ценностях?	265
--	-----

<i>Крижановская Е. М.</i> Изменения в русской научной речи XX в. (постановка вопроса)	272
<i>Куркина Т. В.</i> Современные тенденции в развитии фармацевтической лексики	280
<i>Новикова А. В.</i> Прагматика косвенных речевых актов предположения	284
<i>Олешков М. Ю.</i> Лингвопрагматический аспект системного моделирования дискурса	290
<i>Попова Т. В.</i> Графикация как новый способ русского словообразования конца XX — начала XXI в.	294
<i>Соколова С. В.</i> Новые тенденции в способах оформления именной группы в русском и английском языках (на материале научного текста)	297
<i>Стрельников А. М.</i> Основные метафорические модели реализации оценочности в дискурсе президентских выборов	305
<i>Токарева П. В.</i> Актуальные вопросы описания современного отечественного школьного письменного дискурса (специфика вопросов в учебных текстах)	310

Языковые картины мира:

традиции и новые модели их описания

Секционное заседание

<i>Бекасова Е. Н.</i> «Двумерность» русского литературного языка и ее роль в становлении русской ментальности	319
<i>Бекишева Е. В.</i> Отражение категории пространства в клинической терминологии (на материале терминов, отражающих деформации) ..	325
<i>Белякова С. М.</i> Дialeктоноситель и современность: взгляд информанта и взгляд лингвиста	332
<i>Васильев В. П., Васильева Э. В.</i> Областной тематический словарь как способ воплощения языковой картины мира	340
<i>Волкоморова О. Б.</i> Семантическое поле «возраст» в русском языке ..	348
<i>Голованова Е. И.</i> «Словарь актуальных профессий» как отражение состояния категории профессионального деятеля на рубеже XX — XXI вв.	352
<i>Жукова А. Г., Мандрикова Г. М.</i> Языковая личность и фразеология: проблемы фразеологической агнонии	359
<i>Коновалова Н. И.</i> Этнолингвистическая модель описания культурной семантики языковых единиц в словаре	366
<i>Коурова О. И.</i> Издание «Словаря традиционно-поэтической лексики и фразеологии пушкинской эпохи» как способ сохранения лингвокультурной ценности	372
<i>Кусова М. Л.</i> Об изменениях в составе фразеологических единиц, характеризующих деятельность человека	380

<i>Николина Е. В.</i> Отражение наивной анатомической карты человека во фразеологизмах тюркских языков Сибири, казахском и киргизском	388
<i>Пермякова Т. Н.</i> Проблемы лексикографического описания союзов	396
<i>Слаутина М. В.</i> Семантическое тождество и семантические различия лексем в синонимическом ряду «Бог»	402
<i>Хабиров В. П.</i> Роль неологии в формировании лексики в креолизованных языках Центральной Африки	405

Новое в лингвистике текста

Секционное заседание

<i>Алексеева Л. М.</i> Интерпретация научного текста на основе ИММ ..	411
<i>Головенкина Н. В.</i> Когнитивное исследование художественной картины мира М. А. Булгакова (природная метафора как средство моделирования действительности)	418
<i>Гуляева Г. Е.</i> Периферийные смыслы концепта «Солнце» (на материале текстов К. Кинчева)	426
<i>Дудорова М. В.</i> Опыт описания пространственного образа в поэзии И. Анненского	432
<i>Казарин Ю. В.</i> Новые качества поэтического текста	439
<i>Кондакова Ю. В.</i> Цветонимации в творчестве Окуджавы и Городницкого	444
<i>Костромина Ю. И.</i> Семантический анализ поэтической рифмы (на материале поэзии И. Бродского)	448
<i>Ларионова А. Ю.</i> Прецедентные тексты в молодежной речи (на материале квазифразеологизмов)	454
<i>Мухин М. Ю.</i> Лексические универсалии художественного текста ..	460
<i>Назин А. С.</i> Традиции и новаторство поэтики Толкиена	462
<i>Ободин Г. А.</i> Модальность экономического текста (на материале немецких энциклопедических статей)	468

Язык СМИ: новые типы дискурсивной деятельности

(речевые стратегии и тактики)

Секционное заседание

<i>Аникин Е. П.</i> Речевые стратегии сопоставления и акцентирования на материале российской и американской коммерческой рекламы) ...	475
<i>Будаев Э. В.</i> Криминальный мир как сфера-источник для метафорического представления России, Грузии и стран Балтии в российской и британской прессе (2000–2004 гг.)	482
<i>Гаврилова М. В.</i> Понятие «патриотизм» в русском политическом дискурсе начала XXI в.	489
<i>Каримова Р. А., Александрова Е. Н.</i> Спортивный дискурс как индикатор состояний говорящего	497

<i>Киуру К. В.</i> Дискурсивные категории в политическом медиатексте: формирование и интерпретация имиджа	503
<i>Наумова И. А.</i> Метафоры из сферы-источника «Техника» в российских СМИ	508
<i>Перескокова А. Ю.</i> Реализация речевой агрессии в медианарративе России на метафорическом уровне	515
<i>Пименов Е. А.</i> Политические метафоры: новые и традиционные модели	521
<i>Соболева Е. Г.</i> Содержательно-прагматические особенности корпоративных изданий	531
<i>Федотовских Т. Г.</i> Логические уловки в имитации реалистичности общания в агитационной предвыборной листовке	536
<i>Чудакџа Н. М.</i> Образы России и русского народа в дискурсе российских средств массовой информации (2000–2005 гг.)	540
<i>Шаова О. А.</i> Культура России как сфера-магнит для метафорической экспансии в дискурсе масс-медиа Франции (1999–2005 гг.)	547

ПРЕДИСЛОВИЕ

Последние полтора десятилетия стали для России и ее граждан временем глобальной перестройки: перестройки общества, его структуры, политики, социальных отношений, массового сознания, психологии отдельной личности и в том числе языкового сознания. Разного рода общественные потрясения, особенно революционного характера, неизбежно отражаются на речевой деятельности говорящих, и это проявляется в различных языковых инновациях. Кроме того, особенностью исторического периода конца XX — начала XXI века является расцвет лингвистической науки, которая, вобрав в себя все достижения языкознания предыдущего столетия, а также достижения пограничных с лингвистикой научных дисциплин (психологии, философии, математики, социологии и пр.), поднялась на новую ступень своего развития, стала воистину междисциплинарной наукой. Эти два фактора обусловили проблематику конференции «Новая Россия: новые явления в языке и в науке о языке», материалы которой публикуются в данной книге. Конференция организована по инициативе и под эгидой Российской ассоциации лингвистов-когнитологов (Н. Н. Болдырев, Е. С. Кубрякова), Института языкознания РАН (В. А. Виноградов), кафедры современного русского языка Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Актуальность поставленных для обсуждения проблем вызвала большой интерес ученых самых разных вузов и регионов. В работе конференции приняло участие 93 человека из 24 городов.

Большое внимание на конференции было уделено освещению вопросов методологического характера, связанных с рассмотрением новых научных парадигм и лингвистических теорий. Так, активно обсуждались сущность и аспекты синергетической парадигмы в лингвистике (В. А. Виноградов, Р. М. Гайсина, Н. А. Кузьмина, Н. Л. Мышкина), маргинальные парадигмы в лингвистике XXI в. (В. Н. Базылев), основные категориально-методологические парадигмы и их развитие в современном отечественном языкознании (Н. И. Пушина), новые подходы в терминоведении (В. Ф. Новодранова), новые подходы к изучению идиостиля (Н. С. Болотнова), аспекты и сферы лингвокреативной деятельности (Т. А. Гридина),

проблемы категоризации и концептуализации (М. В. Пименова), интерпретационной лингвистики (Т. А. Трипольская).

Одно из самых популярных и активно развивающихся научных направлений сегодня — это когнитивная лингвистика. Это нашло отражение и в материалах конференции, большинство докладов участников которой были связаны с рассмотрением основных понятий этого направления, с использованием его постулатов в частных исследованиях. Одна из важнейших проблем когнитивной лингвистики — исследование концептуальных структур. Ряд докладов был посвящен специально рассмотрению методологических вопросов концептуального анализа: специфике когнитивного подхода как новой парадигмы научного знания (И. Д. Фришберг), моделям концептуального анализа (Т. Ю. Передриенко), принципам когнитивного изучения глагольной многозначности (А. М. Плотникова), путям изучения концептуальной области (В. В. Рожков). Наиболее популярный термин когнитивной лингвистики — концепт — был предметом целого ряда докладов и сообщений. В сборнике представлены результаты исследования концептов «Запах» (Т. А. Трипольская), «Град» (В. П. Васильев), «Уважение» (Н. Б. Ворожцова), «Олигарх» (Т. А. Воронцова), «Вдохновение» (В. М. Головатина), «Путь» (Л. Г. Гынгазова), «Порядочный (Человек)» (Н. А. Дьячкова), «Серый, серость» (В. В. Рожков), «Солнце» (Г. Е. Гуляева), концептосферы «Приготовление пищи» (И. К. Мухина), ментального пространства (Н. М. Сергеева). При этом авторы избирали самый разный материал для концептуального анализа: политический дискурс, литературно-художественные тексты, диалектный материал, пословицы. Аспекты изучения концептов также избирались самые разные: сопоставительный, структурный, моделирования, анализ особенностей лексической, фразеологической, грамматической репрезентации и др.

Еще одна существенная категория, изучаемая преимущественно в когнитивном освещении, — языковая картина мира. Вопросы, связанные с изучением языковой картины мира, национальной идентичности, также активно обсуждались на конференции: русский Логос и языковая картина мира (Е. В. Мордвинова), пространственная метафора как фрагмент русской языковой картины мира (А. М. Мухачева), двухмерность русского литературного языка и ее роль в становлении русской ментальности (Е. Н. Бскасова), отражение наивной анатомической карты человека во фразеологизмах тюркских языков Сибири, казахском и киргизском (Е. Ф. Николина). Особое место в ряду докладов, выполненных в русле когнитивной лингвистики, занимают доклады, посвященные изучению метафорического моделирования в отображении действительности, так как метафора в когни-

тивном освещении — это один из самых существенных способов объективации знаний о мире. Предметом рассмотрения были избранные новые русские метафоры (А. П. Чудинов), поэтические дискурсивные метафоры (К. А. Андреева), метафорические модели реализации оценочности в дискурсе президентских выборов (А. Н. Стрельникова), метафорическая модель «Страна — это больной организм» (О. А. Солопова), криминальный мир как сфера-источник для метафор (Э. В. Будасев), метафоры из сферы-источника «Техника» (И. А. Наумова), политические метафоры: новые и традиционные модели (Е. А. Пименов), культура России как сфера-магнит для метафорической экспансии в дискурсе масс-медиа Франции (О. А. Шаова).

Тексты разной литературно-жанровой и стилевой организации также рассматривались преимущественно в когнитивном аспекте. Так, Л. М. Алексеева описала технику интерпретации научного текста на когнитивном основании, Н. В. Головенкина показала роль природной метафоры как средства моделирования действительности в художественной картине мира М. А. Булгакова. В то же время на конференции были представлены и традиционные аспекты исследования текстовой организации. М. Ю. Мухин на основе частотного анализа 12 произведений различных авторов выявил лексические универсалии художественного текста, которые соотносятся преимущественно со сферами «Человек», «Время», «Пространство»; Ю. В. Казарин описал новые поэтические качества текста: комплетивность, экспериментальность, герметичность, репродуктивность, цельнооформленность, идиоматичность, энергетичность; М. В. Дудорова предложила модель описания пространственного образа в поэзии И. Анненского; А. Ю. Ларионова рассмотрела квазифразеологизмы как новые, специально создаваемые знаки субкультуры в молодежной речи.

Новые явления в русском языке рассматривались преимущественно на материале языка СМИ. Так, предметом специального изучения была избрана реклама: выражение коммуникативно-прагматических смыслов в рекламном дискурсе (Э. А. Лазарева), воздействующий потенциал СМИ в рекламной коммуникации (Е. П. Аникин). Проблемы политической речи и ее специфических проявлений также привлекли внимание участников конференции: механизм воздействия на избирателя в процессе предвыборной агитации (Т. И. Стеклова), вторичная идеологизация слов в новейшем русском политическом дискурсе (М. В. Гаврилова), формирование и интерпретация имиджа в политическом медиатексте (К. В. Киуру), речевая агрессия в медианарративе России на метафорическом уровне (А. Ю. Перескокова), содержательно-прагматические особенности корпоративных изданий (Е. Г. Соболева), общения в агитационных листовках

(Т. Г. Федотовских), образы России и русского народа в дискурсе российских СМИ (Н. М. Чудакова). Свежий и оригинальный подход к анализу текста обнаруживается в докладе Р. А. Каримовой и Е. Н. Александровой, которые выявили показатели напряженности, свойственные спортивному дискурсу.

В качестве инноваций в языке были специально рассмотрены новые паремии (Н. А. Дьячкова), изменения в русской научной речи XX в. (Е. М. Крижановская), тенденции в развитии фармацевтической лексики (Т. В. Куркина), новые тенденции в способах оформления именной группы в научном тексте (С. В. Соколова), изменения в составе фразеологии (М. Л. Кусова).

Достижения в теоретическом осмыслении языка и особенностей его функционирования всегда находят отражение в лексикографических изданиях нового типа. Это нашло отражение и в материалах конференции, на которой были заслушаны доклады, посвященные концепции нового идеографического словаря синонимов (Л. Г. Бабенко), словаря как реализации теории форм слова (А. Л. Шарандин), концепции сибирского метеорологического словаря (В. П. Васильев, Э. В. Васильева), словаря актуальных профессий (Е. И. Голованова), этнолингвистической модели описания культурной семантики в словаре (Н. И. Коновалова), словаря традиционно-поэтической лексики и фразеологии пушкинской эпохи как способа сохранения лингвокультурной ценности (О. И. Коурова), интерпретации служебного слова в словаре (Г. Н. Пермякова).

Итак, в данном сборнике представлены материалы, отражающие языковую ситуацию в современной России, различные научные подходы к ее осмыслению, а также материалы, содержащие освещение новых лингвистических концепций, активно разрабатываемых в новейший период в языкознании.

Сборник может быть интересен и полезен всем, кто изучает и любит русский язык.

Л. Г. Бабенко

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Пленарное заседание

© Л. Г. Бабенко
УрГУ, г. Екатеринбург

Русские синонимы в когнитивном освещении: новый идеографический словарь синонимов

Идеографическая лексикология и лексикография, решавшие в последние годы проблемы глобального описания словарного состава в целом и лексики разных грамматических классов в идеографическом аспекте, в настоящее время ставят новые задачи перед исследователями. Это касается, с одной стороны, привлечения нового материала, в качестве которого могут выступать лексические множества разных языков, исследуемые в сопоставительном аспекте, семантические классы, функционирующие в текстах одного автора, исследуемые с целью выявления их роли в формировании индивидуально-авторской картины мира и т.п. С другой стороны, это связано с рассмотрением лексических множеств в свете достижений новых научных парадигм.

Учитывая перспективы идеографического исследования лексики, мы посчитали необходимым в качестве материала идеографического описания избрать русские синонимы, а в качестве методологической базы — когнитивный подход. В статье содержится изложение когнитивных оснований нового идеографического словаря синонимов, над созданием которого в настоящее время работает проблемная группа «Русский глагол».

Когнитивная лингвистика, активное развитие которой в России начинается в 80-е гг. XX в., отличается тем, что она возникла, сформировалась на основе достижений предшествующих лингвистических парадигм, в ней в преобразованном виде получили развитие идеи функциональной лингвистики, семантического синтаксиса, лингвистики текста, антропологической лингвистики, психолингвистики и в том числе идеографической лексикологии и идеографии.

Ключевые понятия когнитивной лингвистики (категоризация и концептуализация, базовый уровень категоризации, прототипическая семантика) составляют понятийную основу идеографического пред-

ставления лексикона, так как основная цель описания словарного состава языка в когнитивном освещении — это выявление семантического строения лексики, системы ее семантических классов как главных составляющих языковой картины мира, выполняющих основную роль в обработке и переработке языковых знаний. В связи с этим можно говорить о формировании когнитивной лексикографии и об особом ее значении (наряду с когнитивной грамматикой и когнитивным исследованием дискурса) в познавательной деятельности человека.

Наш опыт показывает, что не всегда употребляя эти ключевые для когнитивной лингвистики термины (прежде всего понятия категоризации и концептуализации) в практической лексикографической деятельности, мы всегда учитывали сам механизм их языкового проявления. Они фактически составляют методологическую основу идеографического описания лексики.

Категоризация и концептуализация — важнейшие процессы познавательной деятельности, — совпадая по сути (это варианты классификационной деятельности), в то же время различаются между собой и дополняют друг друга.

Категоризация — объединение единиц, проявляющих сходство и характеризующихся как тождественные, в более крупные разряды — имеет целью выделение категорий базового уровня, результатом ее являются лексические множества разного ранга. В этом процессе одинаково важны как механизмы отождествления, так и дифференциации лексических значений. Категоризация предполагает концептуализацию, т. е. формирование концептов с выделением их существенных прототипических признаков, концептуальных структур и концептуальных полей.

Особенность идеографического описания синонимов заключается в том, что, с одной стороны, сами синонимические ряды по своей природе представляют собой лексические категории, формируемые отношениями тождества. Они состоят из близких по семантике слов, не называющих ничего принципиально нового, отличающихся интерпретационными смыслами. Таким образом, они уже выполняют функцию категоризации мира, отображая самое существенное и важное в нем с точки зрения носителей того или иного языка. С другой стороны, синонимические ряды в семантическом пространстве языка занимают разное место, степень их семантической близости и характер семантических расстояний между ними — различны, что требует специального исследования с целью выявления лексических категорий базового уровня, репрезентируемых или нерепрезентируемых синонимическими рядами слов.

Решение этого вопроса позволит понять, насколько языковая картина мира, репрезентируемая русскими синонимами, совпадает / не совпадает с общенациональной картиной мира, репрезентируемой русской лексикой в целом.

Практика идеографического описания русских синонимов вывела ряд сложных для лексикографической параметризации проблем.

Большая часть русских синонимов отличается композиционностью семантики, что создаст определенные трудности для их непротиворечивой однозначной квалификации. При этом наблюдается совмещение смыслов разного ранга. Во-первых, наблюдается совмещение концептов базового уровня, что приводит к перескакиванию самих категорий базового уровня. Например, в семантике слов синонимического ряда *Иронизировать, язвить, ехидничать, ехидствовать, пиявить* совмещены категориально-лексические смыслы речевого сообщения и выражения эмоционального отношения, в синонимическом ряду *Смелость, храбрость, отвага, мужество, бесстрашие, неустранимость, безбоязненность, бестрепетность, отважность, доблесть, героизм, геройство, дерзость, кураж, дерзание, дерзновение, дерзновенность* совмещены семантические идеи поведения и проявления эмоционального качества человека. Надо отметить, что выявляются регулярные модели подобного совмещения: так, например, эмоции регулярно совмещаются с речевой деятельностью, поведением, жестами, мимикой и пр., поэтому приходится синонимические ряды, состоящие из слов с композиционной семантикой, включать в разные семантические сферы.

Во-вторых, большая часть русских синонимов наряду с основной функцией номинации объектов реального мира выполняет оценочную, интерпретационную функцию, вследствие чего обнаруживается совмещение естественной категоризации мира с оценочной категоризацией, что также создаст трудности идеографического описания синонимических рядов слов.

В естественной категоризации первичны сами объекты мира действительности, среди которых выделяются типичные образцы. По утверждению Н. Н. Болдырева, «оценочная категоризация... представляет собой результат пересечения или наложения двух концептуальных систем, отражающих две стороны восприятия окружающего мира — буквальную, физическую, и ценностную, идеальную, т. е. результат переосмысления окружающего мира с позиций ценностных концептов и категорий» [1].

Большая часть синонимических рядов слов, обозначающих эмоциональные переживания, речевую деятельность, поведение и др., со-

держат оценку. Например, синонимический ряд слов *Несчастье, горе, горесть, беда, бедствие, напасть, лихо, поруха, злосключение, злополучие* полностью состоит из оценочных слов, обозначающих такое событие, которое негативно оценивается в русском национальном сознании, а синонимический ряд *Женица, дама, дамочка, тетя, тетька, тетка, баба, бабенка, особа, бабенция, бабец, фемина, жена, мадам, женка, бабье* включает слова, содержащие эмоционально-оценочные смыслы разной тональности. Значимость интерпретационной, в том числе оценочной, функции синонимов связана с ролью человеческого фактора в языке, она антропологически обусловлена, что приводит и к трудностям описания прототипической семантики синонимических рядов.

В настоящее время понятие прототипа допускает двойное осмысление. С одной стороны, прототип понимается как образец, как лучший, типичный представитель категории: это конкретный или абстрактный мысленный образ предметов, принадлежащих одной категории, с помощью которого человек воспринимает, познает действительность. Члены категории, в более полном объеме соответствующие прототипу, рассматриваются как более прототипические, как лучшие образцы. С другой стороны, прототип осмысливается как совокупность прототипических признаков, которые рассматриваются в аспекте их значимости: ядерные, повторяющиеся, частотные — периферийные, редкие. Подобное понимание допускает, по мнению Е. М. Кубряковой, максимальное представление о признаках, разделяемых единицей как образцом своей категории.

В идеографическом словаре синонимов, над созданием которого сейчас работает проблемная группа «Русский глагол», имеется две словарные зоны: **Семантическая идея** (1) и **Прототип** (2), — которые фактически представляют собой два варианта понимания прототипа. **Семантическая идея** — это формулировка в первую очередь типичного, характерного для всех членов синонимического ряда слов, зона **Прототип** предполагает семантизацию всей совокупности семантических признаков, репрезентируемых компонентами синонимического ряда слов. При этом важно отметить, что аспекты их параметризации регулярно повторяются при толковании каждого отдельного члена синонимического ряда.

Например, в синонимическом ряду с доминантой **Глаза** (авторы-составители словарной статьи Ю. В. Казарин и М. В. Дудорова) прототип: парный орган зрения живого существа, расположенный в глазных впадинах черепа, прикрываемый веками с ресницами, соединенный нервами с головным мозгом; состоящий из глазного яблока

с радужной оболочкой (по ее цвету различают карие, зеленые, голубые, черные глаза) и расположенного на ней зрачка. Глаза имеют индивидуальные особенности: различаются по размеру, форме (разрезу), по-разному воспринимаются и эстетически оцениваются окружающими. Глаза человека выражают его внутренний мир, эмоции; чтобы сделать глаза более красивыми и выразительными, женщины используют косметические средства, наносимые на ресницы и веки (тушь, тени и т. п.).

Наблюдается явная субъективизация описания прототипа, проявляющаяся в разной степени детальности его описания, хотя это нельзя оценивать отрицательно, так как в когнитивной лингвистике на смену лозунгу объективизации семантической теории выдвинут постулат субъективизации лингвистических исследований, предполагающий учет фоновых, социокультурных знаний, а также включение в словарную статью наряду с языковыми энциклопедических знаний, так как именно они передают представления о типичном и прототипичном. Подобный подход позволяет при лексикографической параметризации синонимов внутри одного синонимического ряда включать в прототипическую семантику и те признаки, которые различают синонимы внутри ряда, вплоть до антонимических. Главное условие, которое должно неукоснительно соблюдаться, — это оптимизация прототипа синонимического ряда по параметрам, существенным для описываемой категории и отражающим регулярные аспекты лексического варьирования внутри ряда относительно его доминанты.

Каковы результаты идеографического описания русских синонимов?

Всего в идеографическом аспекте описано 4140 синонимических рядов. Выявлено 15 категорий базового уровня: неживая природа (1), живая природа (2), человек как живое существо (3), эмоции и оценка (4), речь (5), интеллект (6), сверхъестественное (7), конкретная физическая деятельность (8), социальная деятельность (9), социальная сфера жизни человека (10), быт (11), населенный пункт (12), нации (13), восприятие окружающего мира (14), универсальные смыслы, представления, отношения (15). В составе этих категорий — 142 семантические группы и 266 подгрупп.

Количественный анализ представленности синонимических рядов (СР) в составе категорий базового уровня показал, что центр синонимической картины мира русского человека составляют денотативные сферы, характеризующие человека как индивидуальную личность (эмоции, интеллект, речь — более тысячи синонимических рядов, что составляет 25 % от общего количества) и как

социальную личность (социальная деятельность, социальная сфера жизни человека — 1103 СР, 26 %). Эти категории вместе составляют 50 % всех синонимических рядов. Ближайшую к центру зону занимают следующие денотативные сферы: восприятие окружающего мира (414 СР, 10 %), конкретная физическая деятельность (331 СР, 8 %), живая природа (311 СР, 7 %). Дальнейшую периферию в семантическом пространстве синонимической картины мира занимают следующие денотативные сферы: неживая природа (около 150 СР), человек как живое существо (150 СР), сверхъестественное (22 СР), быт (125 СР), населенный пункт (31 СР), нации (30 СР), универсальные смыслы, представления, отношения (238 СР). Как показывают количественные данные, синонимы восьми денотативных сфер из пятнадцати, в основном интерпретирующие личность человека и его деятельность, включают в свой состав 75 % синонимических рядов, остальные семь денотативных сфер представлены незначительным количеством синонимических рядов.

Итак, результаты идеографического описания русских синонимов показывают, что важную роль в формировании синонимической картины мира играют интерпретационные процессы, так как сам факт существования в словарном составе языка множества номинаций одного и того же объекта — это показатель существенности, выделенности, выдвижения данной категории для той или иной нации, показатель релевантности стоящих за ней концептов. Именно когнитивный процесс интерпретации обуславливает выделенность наиболее значимого в мире. Русская синонимическая картина мира в большой степени антропологизирована, основная часть составляющих ее категорий соотносена с человеком как существом мыслящим, говорящим, чувствующим, деятельным и социально активным. Именно идеографическое описание синонимов позволило выявить то, что находится в фокусе интереса русского национального сознания, так как синонимы являются средством репрезентации антропологически релевантных знаний.

Синонимическая картина мира в большей степени субъективирована, можно сказать, что это субъективно-объективная картина мира, в репрезентации которой в равной степени участвуют когнитивные механизмы категоризации, концептуализации, идентификации, дифференциации, ассоциации, оценки и операции сравнения.

Примечание

1. *Болдырев П. П.* Композиционная семантика как следствие оценочной категоризации мира // Композиционная семантика. Тамбов, 2002. Ч. 1. С. 11.

Детская «неология» в лингвокогнитивном ключе

Детская речь (далее ДР) традиционно рассматривается как сфера лингвокреативной деятельности, связанной с усвоением языковых форм и значений. Одно из наиболее ярких проявлений творческого начала ДР — ее «неологический» дискурс. Так называемые инновации ДР (термин С. Н. Цейтлин) опрокидывают стереотипы автоматизированного использования языка, поражая наше во многом зашоренное сознание свежей логикой. Ср.: *Йоги — это мужья Бабы-Яги, а дети ее бабьяжата? // Наездники — те, кто на всех наезжают // — Сынок, у меня ноги подкашиваются от усталости. — Ты что, мало каши съела? // Животные — значит, они хорошо живут* и т. п.

Традиционное изучение инноваций ДР сводилось к установлению соответствия (а точнее, несоответствия) «неологизмов» ребенка языковой норме. В рамках названного подхода было выявлено то существенное обстоятельство, что в усвоении языка ребенок опирается на самые глубинные, самые общие закономерности механизма формо- и словообразования, используя в своей речевой практике только «правила», соответствующие постигаемому «закону системной симметрии» (Д. Слобин, К. И. Чуковский, С. Н. Цейтлин и др.). Свойственное детям чутье системы «опровергает» алогичность языковых форм и значений, закрепленных традицией и нормой и составляющих идиоматику любого естественного языка. Безусловным открытием системно-центрического направления в изучении ДР явилось то, что **язык усваивается ребенком как операциональный механизм**, а не просто как совокупность его реализаций. Эта мысль оказалась продуктивной для перехода к изучению ДР в функциональном и когнитивно-дискурсивном аспектах. С точки зрения функциональной, ДР предстает как сфера репрезентации частных динамических систем языковых форм и значений, позволяющих ребенку удовлетворять свои коммуникативные и когнитивные потребности в соответствии с уровнем развития языковой способности. Коммуникативно-дискурсивная парадигма позволяет подойти к фактам ДР, в том числе к неологизмам, «как материалу, отражающему акты осмысления мира» [1] в процессе усвоения языка, поскольку речевое и когнитивное развитие ребенка находятся, как известно, в отношениях тесной, хотя и «нежесткой» (по С. Л. Рубинштейну [2]) корреляции. Постигая вербальный код передачи информации, ребенок «вытягивает» из содержания знака то, что соответствует его когнитивному опыту. Ситуация использования детьми готовых слов показывает, что через одни и те же

языковые формы на разных этапах освоения их значений «пропускаются» разные когнитии. Ср., в частности, характерные для детей младшего дошкольного возраста явления «сдвинутой референции» (термин Е. С. Кубряковой): *клюв* — о хоботе слона (*Какой у слона клюв большой!* — 1.5 [Цифры после примера указывают на возраст ребенка — число лет и месяцев, при условии, что эти данные содержатся в анализируемых источниках.]); расширения и сужения значений усваиваемых слов: *абзац* — о перерыве, паузе (смотрит по телевизору фестиваль «Песня-88»: *Это еще не поют. Это абзац* — 8.11); непреднамеренной метафоризации: *беситься* — о вулкане (*А вулкан, что он так бесится? И что внутри земли бесится?* — 8.6); *бомба*. В сравн. — *А что ночью снег бомбами падает, что его так много?* (7.11); буквализации значений: *безобидный* — о том, кого никто не обижает (*Лиса там тоже безобидное животное, ее никто не обидит в этом домике* — 3.11) [3].

Перечисленные виды семантических инноваций являются результатом лингвокреативной деятельности ребенка, связанной с проекцией его когнитивного опыта на область готовых языковых форм, использование которых задается «диапазоном» коммуникативных потребностей в ситуации номинативного дефицита.

Другим направлением креативной деятельности ребенка при усвоении языка является реноминация (прояснение, уточнение внутренней формы существующих слов) и собственно словотворчество. Ср. многочисленные детские «неологизмы», основанные на модификации звукового облика знакомых слов с целью «обнаружения» актуальной (понятной ребенку) связи названия и значения: *автовозиль* (автомобиль), *катобус* (автобус), *рецептека* (аптека), *горблюд* (верблюд), *гриб-фрукт* (грейпфрут), *зверопарк* (зоопарк), *клейкопластырь* (лекопластырь), *накривень* (набекрень), *клет* (плед), *зверепый* (свирепый) и т. п. [4]. Собственное детское словотворчество также отражает стремление ребенка выразить в адекватной языковой форме значимую для него информацию. Ср.: *бухарь* — о том, кто бухается: *Я могу знаешь, как бухнуться? Как бухарь!* (4.8); *базарник* — о том, кто торгует на базаре: *На продавцов в магазинах учат, а на базарников?* [3] и т. п. К этой же группе инноваций можно отнести факты омонимического словообразования: например, *садист* — тот, кто ходит в садик (*Я теперь вместе с Мишей хожу в детский сад, мы с ним уже садисты, а не ясельники* — 4 г.). Разные виды лингвокреативной деятельности, воплощенные в подобных инновациях, позволяют говорить о специфике языковой картины мира ребенка как отражающей ментальные доминанты детского сознания.

Под «неологическим» дискурсом» ДР, таким образом, имеются в виду типичные проявления лингвокреативного мышления ребенка в области осмысления готовых языковых единиц и порождения новых слов. Сам термин «неологизмы» применительно к инновациям ДР, статус которых бесспорно окказионален, употребляется нами в известной степени условно. Вместе с тем этот термин указывает на стабильность основных черт языка ребенка, типологическую однородность детских инноваций с точки зрения их лингвокогнитивной природы. Для изучения детских неологизмов в этом аспекте представляется продуктивным привлечение фактов мотивационной рефлексии ребенка над собственной «речевой продукцией» и единицами языка взрослых.

Одним из самых «проявленных» способов концептуализации и категоризации мира в онтогенезе является содержательное наполнение языковых форм в опоре на **ситуативно обусловленные когнитии**. Ср.: — *У меня сейчас зубы молочные, потому что я суп молочный ем.* — *А когда они коренными станут?* — *Когда корень буду есть* (4 г.) — рефлексия над внутренней формой словосочетаний *молочные* и *коренные зубы* получает подкрепление в ситуативном знании (*дети едят молочную пищу, молочные зубы со временем выпадают и сменяются коренными, крепкими*), на основании чего ребенок делает заключение о причинно-следственной связи между свойствами обозначаемого и его названием (*молочные зубы у тех, кто ест молочный суп, а коренные у тех, кто ест корень*). Подобный буквализм восприятия значения слова сродни мифологическому сознанию, для которого имя является частью самого «предмета».

Факты мотивационной рефлексии показывают, что «номинативный реализм» (как фактор парадоксального толкования значений) обусловлен незавершенностью процессов формирования семантического компонента языковой способности, что часто побуждает ребенка искать логику непонятого наименования путем привязки названия к знакомой ситуации: *А на начальников в начальной школе учатся? // Генеральную уборку генералы делают? // Я знаю, шальная погода — это когда холодно и тети шали надевают* и т. п.

Осмысливая внутреннюю форму наименования, дети нередко опираются и на **типизированные когнитии** (соответствующие наиболее яркому прототипическому представлению о денотате). Ср. (о белой сирени): *Это не сирень, сирень бывает сиреневого цвета* [4]. Динамика усвоения значений определяется, в частности, смесью предметных эталонов, формирующих прототипические пред-

ставления ребенка об обозначаемом. Специфика этих представлений навязывается ребенку как самой действительностью, так и характером усваиваемых языковых оппозиций. Например (мать ребенку): — *Это сухие елочки, а это — зеленые. — Это сухие, а это мокрые* (1.11) [4] (противопоставление «сухой — зеленый» вступает в противоречие с прототипическим представлением ребенка о связи признаков, выраженных антонимической парой «сухой — мокрый»). Ср.: — *Черный, а наоборот... желтый. Это свет лампочки, свет фонаря* (5 л.) [4] — пример установления ребенком окказиональной антонимической оппозиции «черный — желтый» в опоре на прототипические предметные эталоны, связанные с представлением об источниках света и его «цветовом» спектре. При этом *черный* воспринимается как нулевая величина — *отсутствие света*.

Собственно словотворческие инновации ДР отражают отрефлексированность ономастологических структур, воплощенных в уже освоенных ребенком словах: — *Мама, если снег идет, то снегопад, а если дождь, то дождепад?* (5 л.) // *Я возильщик, дед — ложильщик* (4 г.). Такие инновации возникают в ситуации номинативного дефицита, когда сформированные на основе практического опыта ребенка когнитии не «подкреплены» соответствующими обозначениями (ребенок их не знает или они вообще отсутствуют в языке).

Мотивационная рефлексия красноречиво свидетельствует о своеобразии языкового мышления ребенка, которое характеризуется ярко выраженной «прагматичностью», связанной с использованием слова как гибкой структуры, способной указывать на актуальные для детей смыслы. Так, модификаты готовых слов и детские инновации, созданные по определенному словообразовательному образцу, образуют номинативные подсистемы, корректирующие или дополняющие узловые ряды слов соответствующих денотативных сфер. Ср. (мать сыну): — *Хватит вертеться за столом, как юла. — Ты неправильно говоришь, я не верчусь, а юлюсь* (3.4) [4] — типичный для детей способ обозначения «конкретики» (образа) действия путем «свертывания» глагольного словосочетания с предметным актантом // — *Фу, какая капота! — Это называется «дождь». — Это называется «капота». — Как капает — как-кап — так и называется* (4 г.) — наделение знака звукоподражательной мотивированностью, отражающей актуальность для детей акустического аспекта восприятия мира // *Мутель* (вместо *метель*): *Вон как там мутно, ничего не видно* — модификация и осмысление ребенком внутренней формы слова в опоре на собственный перцептивный опыт // *Пища изо рта падает в пищепад* (вместо *пищевод*) — попытка дать «логическое» обоснование названию в опоре на пред-

ставление об «устройстве» организма человека // *Самки* (вместо *санки*) *сами едут с горы* — актуализация представлений о функции предмета, полученной из практического опыта, и т. п.

Природное языковое чутье (мотивационная рефлексия) в сочетании с уровнем лингвокогнитивного развития ребенка уже в дошкольном и младшем школьном возрасте создаст предпосылки для преднамеренной языковой игры, в которой господствует принцип создания симметричных лексических оппозиций в обход существующих нормативных ограничений. Ср.: — *Сейчас закапаем левомоцетин.* — *А правомоцетин?* (8.0) // Ваня с другом играют в «Морской бой». Маша (5.7) спрашивает, как называются разные корабли. Ваня объясняет: «*Четырехпалубный — четырехпалубник, трехпалубный — трехпалубник...*». Маша спрашивает явно с целью пошутить: — *А как называется нольпалубный?* [4]. При установке на языковую игру мотивационная рефлексия может выступать основой создания ребенком вымышленного (фантазийного) мира. Ср.: Сестра и брат — Саша К. (8.0) и Миша К. (6.0) придумали страну — *Бурзилию: Мы живем в Бурзилии, наш правитель — Бурз* (отрефлексированность прототипа *Бразилия* в данном случае очевидна) // Алеша (6.0) придумывает мифических животных: *Кошкотавр...быкотавр. Совотавр... пингвинотавр. Дельфинотавр* [4] — аналогия с названием мифического животного (*кентавр*) «просвечивает» сквозь серию номинаций, в которых ребенок использовал идею «соединения» реального и нереального («превращая» с помощью сегмента *-тавр* известное существо в некое человекоподобное создание: гибрид животного с человеком).

Таким образом, можно говорить о двух типах детских инноваций («несологизмов») в зависимости от того, какие когнитивные лежат в их основе: 1) когнитивные, обусловленные опытом «практической» деятельности ребенка по освоению окружающего мира (сформированные ментальные ориентиры сознания ребенка); 2) когнитивные, обусловленные языковой эвристикой, выведенные ребенком на основе спонтанных и отрефлексированных языковых аналогий, речевого опыта (сформированные ориентиры языкового сознания).

Сложные конфигурации этих «составляющих» определяют специфику креативных ходов, сопровождающих усвоение языка каждым конкретным ребенком. Можно, однако, выделить и некоторые типичные проявления «техники» детского словотворчества (в аспекте их лингвокогнитивной природы). К таким, в частности, относится:

1. Новое семантическое наполнение готовых языковых структур:

а) *омонимическое словообразование* (при этом детская инновация, случайно совпавшая с уже существующим словом, потенциально

способна выражать тот окказиональный смысл, который придаст ей ребенок, устраняя лакунарность языка в сфере номинаций осваиваемой предметной области): *голубчик* «маленький голубь», *пончик* «сыночек лошадки-пони» (ср. отсутствие специальных наименований для птенца голубя и детеныша пони); *дворняжка* — женщина-дворник, *штукатурка* — жена штукатур («протест» ребенка против «общих» наименований лиц женского и мужского пола, имеющих одну профессию или связанных отношениями родства): *Раньше к нам дворник приходил двор мести, а сейчас дворняжка // У штукатурка жена штукатурка?*;

б) *окказиональная семантизация потенциально вариативной структуры мотивированных слов*. Наполняя мотивированное слово окказиональной идиоматикой, дети действуют в рамках освоенных ономазиологических пропозиций, опираясь на значения знакомых (понятных) им единиц той же структуры. При этом спонтанно выявляется и избирательно реализуется системный «регистр» потенциальной интерпретации уже существующих слов: (Олеся рассуждает): *Печник — тот, кто печет, ельник — кто ели срубает, ночник, кто ночью не спит, птичник — где много гнезд, цветочница — это ваза* (6.4) [4]. Когнитивным основанием такой семантизации является установление ассоциативных связей между лексическим мотиватором (с его актуальным смыслом) и возможным рядом денотатов, обладающих соответствующим признаком. Так, *печник* в узусе мотивировано существительным *печь*, акцентирующим внимание на объекте действия («тот, кто делает печи»), в интерпретации ребенка слово связано с глаголом *печь*, выражающим в структуре слова *печник* актуальный смысл указания на «действие, связанное с приготовлением пищи». *Ельник*, мотивированное в детской речи тем же существительным, что и в узусе, соотносительно с иными когнитивными пропозициями: *ель* — «дерево, которое срубают (обычно под Новый год)», следовательно, «тот, кто срубает ели» — *ельник*; *ночник* — от слова *ночь*, актуальный смысл которого для ребенка связан с указанием на время суток (когда всем, особенно детям, положено спать), а «тот, кто ночью не спит» — *ночник*; *птичник*, очевидно, осмысливается ребенком по связи с когнитивными «птицы живут в гнездах» и «птицы живут стаями»; денотативная отнесенность слова *цветочница* (ваза для цветов) определяется предсказуемой когнитивной пропозицией: *цветы ставят в вазу*;

в) *ложноэтимологическая парадоксальная мотивация*, зеркально отражающая ономазиологические пропозиции, лежащие в основе интерпретации мотивированных слов, через их внутреннюю форму. Выведенная на основе случайного звукового сходства связь гнесс-

тически неродственных лексем когнитивно «обрабатывается» ребенком в опоре на актуальные смыслы, которые обусловлены «внесением» (введением) понятного мотивирующего элемента в модельную сетку незнакомого слова. Ср.: *Индусы индюков разводят? // Пульверизатор пулями стреляет?* Такая наивная (вынужденная) креативность, проявляющаяся в ситуации когнитивного дефицита, может базироваться на этимологической рефлексии, обнаруживающей неожиданный ракурс сближения детьми синхронно не соотносимых родственных слов: *Я могу смотреть на солнце один миг, оно мне подмигивает* (4.0) [4]. При всей парадоксальности подобных толкований они показывают, как работает механизм соединения когнитивного и языкового опыта в сфере креативной речевой деятельности ребенка.

2. Особенности когнитивного освоения операциональных языковых алгоритмов в процессе создания детьми собственно словотворческих (словообразовательных) инноваций. Последние выступают как параллельные узусу номинации, образующие функциональные подсистемы детского «неологического» дискурса. Этот дискурс образуют:

— инновации, созданные по принципу отталкивания от конкретного слова-образца или усвоенной модели словообразования, «устанавливающих» симметрию выражения актуальных для ребенка смысловых (лексических и грамматических) оппозиций. Ср.: *нетеряха* «тот, кто ничего не теряет» — антонимический коррелят узуального *растеряха*; *старуха* и *старух*, *свинья* и *свинух* — симметричные способы выражения оппозиций по гендерному признаку; *красняк*, *желтяк*, *зеленяк* — ситуативно конкретизирующие номинативные варианты слова *синяк*. Мотивационные контексты, сопровождающие появление таких «серийных» номинаций, позволяют судить о специфике реализации словообразовательных моделей применительно к когнитивному опыту ребенка. Ср.: *Машинист — на машине ездит. Кто на такси — таксист. А кто на «Волге» — волгарист* (6.0). Инновация *волгарист*, представленная в ряду тематически связанных номинаций *машинист*, *таксист*, показывает, что ребенком не учитываются (не освоены) различия мотивирующих лексем по родовой (*машина*), видовой («Волга») и функциональной (*такси*) соотносительности. Соответственно *машинист*, *таксист*, *волгарист* выступают как однопорядковые (видо-видовые) обозначения «пользователей соответствующего транспортного средства». Заметим, что слово *машинист* трактуется на основе буквального прочтения мотивационной формы слова (при «игнорировании» компонента «водитель поезда», определяющего идиоматику дан-

ной узуальной единицы); ономаσιологическая модель, реализованная в представленном ряде номинаций, в данном случае актуализирует лишь поверхностный уровень восприятия мотивационной формы слов подобной структуры;

— словообразовательные инновации, отражающие специфику номинативной сферы ДР (восполняющей «недостаточность» узуальных номинаций для указания на «объекты» осваиваемого мира, выпадающие в поле внимания ребенка). Ср.: *асфальтильщик* — рабочий, занимающийся асфальтированием дорог; *ещекает* — повторять слово «еще», *недобатонить* — оставить батон недоседенным; *недогол* — о недолетевшем до ворот мяче. Среди подобных номинаций есть и такие, которые создают вымышленную самим ребенком «реальность»: *мухарь* — животное, которое ловит мух [4]; к этому же типу можно отнести инновации, образованные путем свертывания (вербализации) словосочетаний (по принципу семантического включения) при необходимости указания на актуальное (часто ситуативно значимое) для ребенка содержание: *уподружить* (— *Мама, если мы Таню удочерить не можем, давай ее уподружим*); *овнучиться* — стать бабушкой, «приобрести внуков»: (Обращаясь к бабушке) — *Я родился, а ты овнучилась*). Такие словообразовательные инновации при их формальном совпадении со структурой узуальных образцов обнаруживают специфику когнитивных пропозиций, обусловленную ментальными ориентирами детского сознания. Ср. *удочерить*, *усыновить* (буквально: официально признать чужого ребенка сыном, дочерью) и *уподружить* (взять в семью в качестве *подруги*);

— словообразовательные инновации, находящиеся в отношениях синонимической дополнительной к узуальным номинациям. При этом узуальное синонимическое обозначение соответствующей реалии а) может быть ребенку неизвестно; б) известное наименование может подвергаться корректировке в плане его мотивированности (соответствия представлениям ребенка о свойствах обозначаемого); в) немотивированная узуальная номинация может заменяться мотивированным словом «детского языка»). Ср.: *печаталка* — принтер, *обьедалка* — обжора; *наподушник* — наволочка; *кораблист* — моряк; *наैयाка* — наседка; *тушенники* — пожарники; *чехолок* — колпачок (от ручки); *бульбулька* — река; *уколка* — иголка, *белонка* — болонка, *бел* — мел и т. п.; такие номинации обнаруживают когнитивные основания, в соответствии с которыми ребенок воплощает в языковой форме собственный «образ» мира.

Особое место в неологическом дискурсе ДР занимают инновации, которые проявляют осознанную интенцию ребенка к языковой игре,

когда манипулирование формой и / или значением знака приобретает явно условный, непрагматический характер. Рефлексия над языковой формой приводит ребенка к креативному ходу, обнаруживающему ее «новое», неслучайное видение. Ср.: *Есть дятел (смесь)... и тетел (7.0) // А почему пломбир — это мороженое, а не врач, который ставит пломбу? (6.7) // — Наш папа — автомат. Отгадай почему? — Почему? — Потому что он папулька... пулька... автомат (6.0) // Масса книги без цитат — нетто, а с цитатами — брутто (12) [3] и т. п.*

Можно говорить о двоякой функциональной направленности лингвокреативной деятельности ребенка: 1) словотворчестве, проявляющем особенности когнитивного развития ребенка, особый ракурс видения объекта, актуальный для детского сознания; 2) словотворчестве, проявляющем отношение к самой технике языкового означивания, освоение которой позволяет ребенку моделировать картину мира «по собственным масштабам».

Лингвокогнитивный анализ «неологизмов» ДР подтверждает их операциональную значимость в соединении опыта освоения мира (эмпирического знания ребенка о реалиях окружающей действительности) с семантикой языковых форм и значений. Природа словотворческой эвристики в онтогенезе выступает, таким образом, в трех ипостасях: первая ипостась — это спонтанный речевой ход ребенка, выявляющий потенциальную интерпретационную валентность языковых знаков; вторая ипостась — это осознанный речевой ход, связанный с «коррекцией» существующих номинаций, их формальной модификацией и переосмыслением в свете актуальных ценностных ориентиров картины мира ребенка; третья ипостась — это речевой ход, выражающий (реализующий) интенцию ребенка к игровому манипулированию освоенными языковыми алгоритмами, формами и значениями.

Примечания

Материал для анализа извлечен из опубликованных словарей и дневниковых записей детской речи с привлечением собственных наблюдений автора (последние не снабжаются специальными пометами).

1. Кубрякова Е. С. Новые единицы номинации в перекраивании языковой картины мира как транснациональные проблемы // Языки и транснациональные проблемы. Москва; Тамбов, 2004. Т. 1. С. 9.

2. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 2002.

3. Харченко В. К. Словарь детской речи. Белгород, 1994.

4. Дети о языке / Петербург. лингв. о-во. Прил. № 2 к Тр. постоянно действующего семинара по оптолингвистике. СПб., 2001.

Коды культуры и принципы концептуализации мира

В данной статье рассматривается проблема означивания окружающего мира посредством кодов культуры. «Человек не может жить и развиваться, не построив — обязательно с помощью какой-либо знаковой системы — модель окружающего его мира. В общем случае в качестве такой системы выступает естественный язык» [1]. Язык считается универсальной формой первичной концептуализации мира и рационализации человеческого опыта, хранилищем бессознательного стихийного знания о мире, исторической памятью о прошедших знаменательных событиях в истории народа. «Язык — зеркало культуры, отображающее лики прошедших культур, интуиции и категории миропредставлений» [2].

Исследовать культурные различия возможно на основе выявления лингвистической универсальности, т. е. того, что объединяет все языки или их большинство. В психологии было выдвинуто понятие универсально-предметного кода (УПК) — особого несловесного предметно-образного кода, единицами которого являются наглядные образы, формирующиеся в сознании человека в процессе восприятия им окружающей действительности [3]. При помощи этих образов осуществляется мышление человека. Считается, что мы живем под одним небом, нам светят одно солнце и одни звезды, однако мир разные народы описывают совсем не одинаково: и небо, представляющееся в английском языке объемным (*in the sky*), а в русском и объемным (*высоко в небе*), и имеющим поверхность (*на седьмом небе*), и звезды, которые в русском концептуализируются признаками алмазов (*небо в алмазах*), а в английском — падающие звезды концептуализируются признаками пули (*shooting star* «метеор, падающая звезда»), они же в русском — признаками душ (*вон чья-то душа полетела на землю* «о падающей звезде»).

Как пишет А. Вежбицкая, «только надежно установленные языковые универсалии могут дать солидную основу для сопоставления концептуальных систем, закрепленных в различных языках, и для объяснения значений, закодированных в одних языках (или в одном языке) и не закодированных в других» [4]. Еще Г. В. Лейбниц предлагал концепцию «алфавита человеческих мыслей»: «Хотя количество понятий, которые можно себе мысленно представить, бесконечно, возможно, что весьма невелико число таких, которые мысленно представимы сами по себе; ибо через комбинацию весьма немногих элементов можно получить беско-

нечное множество. ...Алфавит человеческих мыслей есть каталог тех понятий, которые мысленно представимы сами по себе и посредством комбинаций которых возникают остальные наши идеи» [5].

В языке отражаются различные модели «в дения мира» (выражение В. фон Гумбольдта) носителей языка. Это различие закрепляется в виде разнообразных возможностей формирования и развития языковых значений и форм. Слово в таком контексте выступает как символ, семиотическая формула того или иного образа, который возможно восстановить через исследование соответствующих концептов. Внешний и внутренний миры представляются человеку через призму его культуры и языка. Язык является неотъемлемой частью этой культуры. В ходе теоретической и практической деятельности человек чаще имеет дело не с непосредственным миром, а с репрезентацией мира, с языком.

Исследование и сопоставление стереотипных признаков концептов позволяет выявить общие и специфические особенности народных (ненаучных) систем знаний о мире, а также сделать некоторые заключения о свойствах национальной ментальности. Интерпретация языковых средств, служащих для таксономии отдельных фрагментов мира, является одним из методов исследования процессов категоризации субъективной действительности и отражения этих процессов в языковых структурах: «Познавательную операцию, позволяющую определить объект через его отнесение к более общей категории, принято называть категоризацией. ...Отнесение объекта и именующего его слова к более общей категории скрывает за собой отнесение его смысла, концепта, к более общей категории концептов. ...Важную роль в процессах сжатия информации и концептуализации неисчерпаемого многообразия мира играет именно отношение член категории — имя категории, поскольку оно лежит в основе операции **обобщения**» [6]. Как организованы категории в языке? «Безусловно, часть наших знаний структурируется посредством «классических парадигм» по принципу вариант — инвариант, однако определенная (большая) часть нашего опыта организована иным, более сложным способом — лучевых структур с центральными (прототипичными) и периферийными членами категории, которые по-разному демонстрируют некоторые типы подобия с лучшим представителем своего класса» [7].

То, что существует и адаптируется в языке, соответствует ментальности народа. В языке ассимилируются только те знания, которые соответствуют существующей в нем понятийной сетке. Невозможно говорить о языковой ментальности, не проникнув в суть духовного пространства языка. «Ментальность — это мирозерца-

ние в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях. Язык воплощает и национальный характер, и национальную идею, и национальные идеалы, которые в законченном их виде могут быть представлены в традиционных символах данной культуры» [8]. «Ментальные архетипы складывались исторически, по определенным, генетически важным принципам, которые и следует описать» [9].

В последние десятилетия XX в. отмечается живой интерес к вопросам глубинных закономерностей языкового механизма; на первый план выступил ряд проблем, связанных с методикой и методологией исследования концептов и концептуальной системы языка. Концептуальная система — это основа языковой картины мира. Концепты — составные части концептуальной системы — объективируются в виде слов или сочетаний слов, в которых «прочитываются» признаки фрагментов языковой картины мира.

Концепт — это некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами. Концептуальный признак объективируется в закреплённой и свободной формах сочетаний соответствующих языковых единиц — репрезентантов концепта. Концепт отражает категориальные и ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира. В структуре концепта отображаются признаки, функционально значимые для соответствующей культуры. *Структура концепта* — это совокупность обобщённых признаков и групп признаков, необходимых и достаточных для идентификации предмета или явления как фрагмента картины мира.

Анализ фрагментов картины мира происходит на основе выделения языковых единиц, репрезентирующих исследуемые концепты. На материале этих единиц рассматриваются способы представления концептов определённой сферы мира и их признаки. Как отмечает И. А. Стернин, «слова выражают в общении коммуникативно релевантные признаки концептов, поэтому ни одно слово ни в одном акте речи не может выразить все содержание концепта», которое «никогда не востребовано в общении в полном объёме в силу своего глобального объёма» [10].

Удивительной закономерностью, характеризующей язык, является способность языка хранить и передавать то, что веками закреплялось в виде устойчивых выражений. Признаки концептов, представляющие национальную картину мира, консервативны. И в то же время

картина мира народов меняется, структура признаков концептов расширяется за счет продолжающего познания мира. Развитие науки, культурные процессы дополняют сведения о мире, в том числе о мире внутреннем. В языке отражены знания о мире и человеке: и мир, и человек описываются как сложные образования, что лишь отчасти можно объяснить существующими и существовавшими ранее мифологическими и религиозными представлениями. Анализ концептов приводит к выявлению архаичных знаний о мире. Эти знания не относятся к разряду научных, это народные, обыденные представления, на них накладывают отпечаток меняющиеся религиозные и научные воззрения социума. Как отмечает Т. А. Фессенко, «интерпретация фрагмента действительности в концептуальной системе — это, по сути, конструирование информации об определенном мире или «картине мира», при этом смысл вербальных единиц оказывается как бы «вплетенным» в данную концептуальную систему» [11].

Концепт как сложный комплекс признаков имеет разноуровневую представленность в языке. Наиболее информативным с этой точки зрения выступает лексический уровень. Опираясь на этот уровень исследования, возможно выявить набор групп признаков, которые формируют структуру того или иного концепта. Такие группы состоят из более или менее распространенной совокупности признаков, которые, объединяясь на основе родовой или видовой характеристики, выражают тот или иной способ концептуализации.

Исследование концепта происходит в несколько этапов. Первый этап — анализ лексического значения и внутренней формы слова, репрезентирующего концепт. Слов — репрезентантов концепта может быть несколько. В этом случае производится анализ всех форм и их сопоставление с целью выявления общих и специфических особенностей. Второй этап — выявление синонимического ряда ключевой лексемы-репрезентанта концепта. Данный этап также включает в себя выявление общих свойств и специфики синонимов. Третий этап — описание способов категоризации концепта в языковой картине мира. Обычно выделяется два способа категоризации концептов — через онтологические и гносеологические категории. Четвертый этап — определение способов концептуализации как вторичного переосмысления соответствующей лексики (лексем, их дериватов), исследование концептуальных метафор и метонимии. Пятый этап — исследование сценариев. Сценарий — это событие, разворачивающееся во времени и/или пространстве, предполагающее наличие субъекта, объекта, цели, условий возникновения, времени и места действия. Такое событие обусловлено конкретными причинами, послужившими его появлению [12].

В случае анализа концептов на материале разных языков выявляются общие признаки и отличительные особенности на всех этапах изучения концептов.

Каждая культура имеет свою модель мира, картину мира. Постичь картину мира всегда нелегко; «в силу привычки мы не замечаем культурную модель мира, отраженную в родном языке» [13]. Содержание культуры представлено различными областями: это нравы и обычаи, язык и письменность, одежда, поселения, работа (труд), воспитание, экономика, армия, общественно-политическое устройство, закон, наука, техника, искусство, религия, проявления духовного развития народа. Все эти области в языке реализуются в виде системы кодов культуры. «Язык — уникальный архив исторической памяти народа, отражение его образа жизни, верований, психологии, морали, норм поведения» [14]. *Код культуры* — это макросистема характеристик объектов картины мира, объединенных общим категориальным свойством; это некая понятийная сетка, используя которую, носитель языка категоризует, структурирует и оценивает окружающий его и свой внутренний мир. Коды культуры соотносятся «с древнейшими архетипическими представлениями человека» [15]. При переносе характеристик из одного кода в другой в языке возникает метафора или метонимия. *Код культуры* — это таксономия элементов картины мира, в которой объединены природные и созданные руками человека объекты (биофакты и артефакты), объекты внешнего и внутреннего миров (физические и психические явления). Как указывает В. Н. Телия, культура — «это та часть картины мира, которая отображает самосознание человека, исторически видоизменяющегося в процессах личностной или групповой рефлексии над ценностно значимыми условиями природного, социального и духовного бытия человека. Из этого следует, что культура — это особый тип знания, отражающий сведения о рефлексивном самопознании человека в процессах его жизненных практик» [16]. Коды культуры проявляются в процессах категоризации мира, «категоризация как процесс сжатия многообразия — всегда лишь этап взаимодействия с окружением. Сами категории как таковые не даны нам «свыше», а формируются в нашем сознании в соответствии с конкретными требованиями окружения, среды. ... При этом любой язык адекватно обслуживает свою культуру, предоставляя в распоряжение говорящих средства для выражения культурно значимых понятий и отношений» [17]. Процессы категоризации связаны с человеком, его особенностями восприятия мира.

Наиболее актуальными выступают исследования когнитивных аспектов языка, в частности, когнитивной интерпретации носителей разных языков фрагментов своего внутреннего мира, а также ключевых концептов культуры, под которыми понимаются обусловленные куль-

турой «ядерные (базовые) единицы картины мира, обладающие экзистенциальной значимостью как для отдельной языковой личности, так и для... сообщества в целом» [18]. Концепты культуры представлены категориями, среди которых: 1) *универсальные категории культуры (философские категории* – время, пространство, причина, следствие, изменение, движение, количество, качество); 2) *социально-культурные категории* (свобода, справедливость, труд, богатство (для русских – *достаток*); 3) *категории национальной культуры* (для русской культуры – это *воля, доля, соборность, душа, дух*); 4) *этические категории* (*добро и зло, долг, правда и истина*); 5) *мифологические категории*, включающие в себя религиозные (*боги, ангел-хранитель, духи, домовой*) [19]. *Ключевым* можно считать тот *концепт*, который объективируется в частотных общеупотребительных формах языка – словах, словосочетаниях, фразеологизмах, пословицах и поговорках, загадках.

В языке отобразилось свойство мышления человека, живущего в природной и социальной среде, переносить на свой внутренний мир и его объекты антропоморфные, биоморфные и предметные характеристики, что закрепилось в виде метафор и метонимии. Способность человека соотносить явления из разных областей, выделяя у них общие признаки, находится в основе существующих в каждой культуре систем кодов, среди которых растительный (вегетативный, фитоморфный), зооморфный (анимальный, териоморфный), перцептивный, соматический, антропоморфный, предметный, пищевой, химический, цветовой, пространственный, временной, духовный, теоморфный (божественный). Растительный, зооморфный и антропоморфный коды иногда объединяют под общим названием биоморфного (натуралистического) кода. Основу культурных кодов составляет мифологический символизм, суть которого состоит в переносе образов конкретных предметов на абстрактные явления (в том числе внутреннего мира). Устанавливая параллелизм объектов физической (реальной) и виртуальной (иллюзорной) действительности, мифологическое сознание основывается на гносеологических операциях сравнения и отождествления.

Антропоморфный код, в свою очередь, делится на индивидуальный и социальный субкоды. Индивидуальный субкод формируется признаками характера, гендерными, ментальными и эмоциональными признаками. Социальный субкод включает в себя признаки занятий, религиозные, этические и интерперсональные признаки. Кодам культуры в основной своей части свойственен изоморфизм, т. е. в каждой культуре присутствует весь перечисленный спектр кодов, однако не все элементы указанных кодов будут изофункциональны. Поиск специфических элементов, отличающих тот или иной код культуры, позволяет указать на особенность культуры, отраженной в мышлении

народа. Элементы кодов выступают как классификаторы и квантификаторы друг для друга, за ними закреплена некоторая символическая культурная соотнесенность.

Каждую национальную культуру отличают специфические языковые образы, символы, образующие особый код культуры, с его помощью носитель языка описывает окружающий его мир, используя его в интерпретации своего внутреннего мира. Образы, признаки которых относятся к кодам культуры, функционируют в режиме подобия. Образные признаки актуализируют только те черты, которые являются «образом образа», об этом писал еще А. А. Потебня: «Внутренняя форма, кроме фактического единства образа, дает еще знание этого единства; она не есть образ предмета, а образ образа, т. е. представление» [20]. Такие признаки лежат в основе типовых представлений о реалиях внешнего и внутреннего миров. По мнению Н. Д. Арутюновой, образ может «подняться до символа» [21].

Концептуальные метафоры, используемые для описания внутреннего мира человека, можно представить в виде универсальной типовой (присущей большинству концептов) структуры [22]. Существующие знания о мире принадлежат к фонду общей для всех носителей языка информации. Таким образом, концепты внутреннего мира соотносятся с концептами мира физического на основе уподобления (сравнения / аналогии) первых вторым. Характеристика, на которой основывается такое уподобление (сравнение / аналогия), позволяет утверждать сходство между известным и неизвестным. Такое сходство квалифицируется как признак концепта. *Признак концепта* — это то общее основание, по которому сравниваются некоторые несхожие явления. Как отметил В. В. Колесов, «признак — всегда образ, история каждого древнего слова и есть сгущение образов — исходных представлений — в законченное понятие о предмете» [23]. Духовный код культуры проявляет систему ценностей народа, этические нормы, оценку. Как пишет В. В. Красных, «этот код изначально аксиологичен. Он пронизывает все наше бытие, обуславливает наше поведение и любую деятельность, предопределяет оценки, даваемые себе и миру» [24]. Духовный код культуры прослеживается в группе эстетических признаков.

Таким образом, концептуальная структура представляет собой развитие человеческого опыта по нескольким путям освоения мира: (1) дуальность мышления представлена в виде нескольких антиномий: а) «живое — неживое», где к «живому» в русской языковой картине мира относятся растения, животные, человек, Бог, к неживому относятся стихии, вещества, продукты, предметы; б) «человеческое и нечеловеческое»; в) «природное (натуральное) — созданное (Богом / человеком — животным)»; г) «ценное — неценное»;

д) «контролируемое — неконтролируемое»; е) «внешнее — внутреннее»; (2) системность познания мира, где каждый элемент системы обозначает определенный участок человеческого опыта, осознанный и сохраненный в виде устойчивых компонентов сознания, которые, закрепляясь за соответствующими языковыми знаками, переносят эту часть опыта в другие области познаваемого; (3) консервативность структур знания, сохранивших архаичные классификации мира в виде устойчивых выражений, не осознаваемых современными носителями языка (например, тело человека — прах от праха (библейская метафора) — есть почва для посева доброго и дурного; метонимически соматические концепты (телесных составляющих) переносят этот признак в свои структуры: *заронить зерно мысли в ум/ сознание; посеять в уме мысль*.

Знаки культуры изменяются во времени, дополняются новым их прочтением. Коды культуры пополняются за счет развития человека и общества. Так, антропоморфный и предметный коды выступают в качестве подвижных способов выражения культуры; например, в XX в., в связи с развитием науки и техники, концептуальные системы вобрали в себя признаки механизмов. Этикетный и ритуальный коды культуры консервативны. Религиозный код подвижен, но его подвижность измеряется веками: при принятии христианства религиозный код был дополнен, но признаки язычества из этого кода до сих пор функционируют. Сознание отличает пресметственность: память языка хранит все познанное человеком на протяжении всего его существования. Концептуальная система консервативна и, одновременно, изменчива.

Примечания

1. Фрумкина Р. М. Психоллингвистика. М., 2001. С. 86.
2. Постовалова В. И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 30.
3. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М., 1982. С. 18.
4. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001. С. 46.
5. Leibniz G. W. New Essays on Human Understanding / Trans. P. Remnant and J. Bennett. Cambridge, 1981. P. 430.
6. Фрумкина Р. М. Указ. соч. С. 62.
7. Борискина О. О., Кретов А. А. Теория языковой категоризации. Национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса. Воронеж, 2003. С. 11.
8. Колесов В. В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // Язык и этнический менталитет. Петрозаводск, 1995. С. 15.
9. Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб., 2004. С. 15.
10. Стернин И. А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях // Попова Э. Д., Стернин И. А., Карасик В. И. и др. Введение в когнитивную лингвистику. Кемерово, 2004. С. 45.

моделируют, интерпретируют и отражают внеязыковую действительность, т. е. в центре внимания оказывается интерпретационный потенциал единиц ментального лексикона.

Объектами языковой интерпретации являются: внеязыковая действительность, событие, которое человек воспринимает через призму своего языка и соответствующих ментальных структур, а также речевое произведение, построенное и считываемое с учетом его семантических, прагматических и жанровых особенностей. Результат интерпретации в существенной мере зависит от языковой системы и от концептуальной картины мира, включающей концепты, постоянно присутствующие в национально-культурном сознании. Напомним мысль Гумбольдта о том, что человек преимущественно — и даже исключительно — живет с предметами, как их преподносит ему язык. Продолжая эту мысль, Р. М. Фрумкина пишет: «Мир не отображается, а интерпретируется, человек не просто воспринимает мир, но конструирует его» [6]. В связи с этим неизбежно встанет вопрос о соотношении языковой концептуализации и творческой активности человека. В языке всегда есть нечто навязываемое, но говорящие, по крайней мере частично, как считает Е. С. Кубрякова, преодолевают это за счет создания и/или привлечения альтернативных языковых средств выражения [4] (речь идет о вариативном потенциале языковой системы).

В ходе различных экспериментов специалисты по когнитивной психологии показали, что ментальные структуры существуют, что хранятся они в упорядоченном виде и что они разнообразны по своему типу и сложности. Так, весьма распространенной является позиция, представленная, например, в работах Р. Джексдоффа: «Существует единый уровень ментальной репрезентации, единая концептуальная структура, на которой лингвистическая, сенсорная и моторная информация оказывается сопоставимой и совместимой» [7].

В предложенных когнитивных моделях пока много неясного. Так, одной из ведущих проблем когнитивной лингвистики является проблема моделирования поля концепта и его соотношения с устройством соответствующего ЛЗ слова.

Если исходить из представления о системном устройстве картины мира говорящего социума [8, 9, 10 и др.], то логично считать, что и ее фрагменты, отдельные концептуальные области, будут каким-то образом структурированы, организованы. Так, по мнению Э. Рош, «интуитивное представление о языковом концепте состоит в том, что он объединяет признаки и свойства разного веса». Эту же мысль находим у Д. Герарта: «Языковые концепты устроены прототипически, т. е. неравномерно, по принципу центр — периферия»

дями» по разным осям семантического пространства). Иными словами, когнитивное исследование опирается на результаты структурно-семантического анализа словаря. Это подтверждает известное положение о том, что характерной чертой современной лингвистики является полипарадигматизм, обеспечивающий исследование языка с разных сторон (Е. С. Кубрякова). Если говорить о методике описания ментального лексикона, то обоснованным представляется движение от концепта к его языковому воплощению, а затем, на новом уровне, от языковых структур — к концептуальным.

Система восприятия, как известно, состоит из частных подсистем: зрительной, слуховой, вкусовой, обонятельной и осязательной.

Чувствовать, чувствовать, нюхать — это ощущение, процесс, возникающий в результате воздействия окружающего мира на обоняние человека; *запах* — это то, что воспринимается человеком с помощью обоняния (МАС).

И психологи, и лингвисты, намечающие пути исследования данного фрагмента наивной и научной картин мира, отмечают иерархический характер компонентов этой системы: слух и зрение традиционно считаются основными перцепциями в жизнедеятельности человека. Ср.: «Зрительные восприятия — наиболее «определенные», объективированные восприятия человека» [13]; качественная и количественная характеристики «зрительной» и «звуковой» лексик и специфика процессов метафоризации в этом фрагменте словаря также выдвигают эти модусы перцепции на первый план в системе восприятия [14].

В языковой картине мира проявляется взаимосвязь и взаимовлияние разных подсистем восприятия: язык демонстрирует высокую степень диффузности в интерпретации разных видов восприятия. Синестезия в психологических словарях объясняется как свойство ощущений, которое проявляется как их интермодальная общность; в ощущениях, относящихся к разным системам восприятия, обнаруживаются общие свойства. Язык последовательно отражает общность ощущений, возникающих в результате действия различных анализаторов: например, полисемант *острый* реализует разные лексико-семантические варианты, представляющие разные модусы перцепции (*острый угол, острый звук, острый вкус, острый запах*), а звуки мы воспринимаем акустически (*высокие, низкие, громкие, тихие, короткие, длинные*), ощущаем их вес (*тяжелые, легкие*) и цвет (*цветомузыка*).

Сказанное в полной мере характеризует и обонятельную картину мира. Так, запахи мы слышим (— *Слышишь, дымком потянуло?*), ощущаем на вкус (*горький, кислый, сладкий, едкий*), на вес

(*тяжелые и легкие запахи*), оцениваем их температурные характеристики (*теплые и холодные*).

Ведущими параметрами, определяющими и ограничивающими процесс интерпретации окружающего мира, являются языковой фильтр и картина мира, психологический тип личности (с точки зрения особенностей восприятия действительности), фактор времени (как далеко отстоят во времени событие и его языковое представление), фактор адресата (для себя или для других), а также интенции коммуниканта [15].

В комбинации признаков, определяющих режим интерпретации, как правило, выделяются доминантные, приглушающие все прочис. Так, в отражении ситуации зрительного восприятия актуализируется, наравне с параметрами языкового фильтра и картины мира, параметр психологического типа личности. Ср.: *Я вышел на улицу и оглох от белизны снега* (из детского сочинения).

Доминантным фактором интерпретации события автором сочинения является его принадлежность к типу аудиалов. Человек, для которого этот канал восприятия действительности не является ведущим, скорее всего, выбрал бы из системы предложенных вариантов по закону семантического согласования ведущий глагол *ослеп*. Это не единственный лексический и грамматический вариант, которым располагает языковая система, но стереотипный.

Очевидно, что можно также привести примеры по преимуществу обонятельного (например, в повести П. Зюскинда «Парфюмер»), или зрительного, или звукового образов мира разных языковых личностей.

Область обонятельных представлений прежде всего связана с оценкой ощущений: приятные запахи (аромат) и неприятные (вонь, смрад). Более ранние этапы развития языка демонстрируют нерасчлененное представление обонятельных впечатлений (запах) — свидетельство генетически примитивного и недифференцированного сознания [15]. Ср.: слова *вонь* и *смрад* имели значение «запах», не характеризуя его с аксиологической точки зрения. В современном языке, видимо, происходит формирование микрополей со значением приятный/неприятный в семантическом поле «запах». Ср.: *в нем (запахе) есть веселость, он прелестен, как мелодия, он поднимает настроение; отвратительный, дурящий запах*.

Признаки концепта «запах» имеют свою ярко выраженную специфику, которая проявляется в соотношении с оценочной характеристикой обонятельного ощущения.

Так, представление о запахе связано прежде всего с **передвижением** в пространстве или с неподвижностью, причем присутствуют

практически все виды движения в разных средах: *запахи идут, ползут, стелются, плывут, скользят, несутся, летят, парят*. Но: *стоит вонь, тяжелый, темный запах, стоячий, как вода*. Отметим, что к неподвижности тяготеют тяжелые, неприятные запахи (в качестве примеров используются контексты из произведений Ф. Сологуба, И. Бунина, П. Зюскинда, Г. Газданова, В. Набокова и др.)

В зависимости от качества запаха, воспринимаемого человеком (приятного/неприятного), он как бы обретает *вес* (*тяжелые и легкие запахи*) и свое **место в пространственной вертикали**: тяжелые (часто неприятные) запахи тяготеют к земле, *они ползут, стелются, расстилаются, идут, спускаются, давят, затопляют* и др.; приятные запахи располагаются в воздушной среде, являются *легкими, летучими, летят, парят, несутся, плывут, разливаются по воздуху*; ср.: *аромат, словно лента, спускался по улице; парила лента запаха; пролетавшее мимо ароматное облако; запах длинным полотнищем тянулся над землей, колыхаясь и вздуваясь; запахи тонкими волокнами проплывали мимо, становились плотнее, превращаясь в облако; летучее царство запахов* и др.

В метафорической картине мира существует ярко выраженная тенденция уподоблять наименее «опредмеченные» представления звукового, светового и обонятельного ряда жидкости: *запах* (как, например, свет) *течет, разливается, струится, льется, изливается, хлещет, затопляет, заполняет, источается; запах можно впитывать, им можно упиваться*. Ср.: *не хотел расплескать этот запах; глотать носом нечто исходящее от него; он пил этот запах, утонул в нем, напивался им до самой последней внутренней поры; аромат струился теплым потоком; запах летнего поля парил над нами*.

Отметим также, что «водные» образы также коррелируют с таким параметром характеристики запахов, как приятный/неприятный. Ср.: *аромат плывет, льется, скользит, течет, струится, изливается* и др., а *дурной запах хлещет, затопляет, захлестывает, заполняет, им захлебываются* и др. В последнем случае легко выделяется неположительная составляющая коннотативного содержания слова.

Кроме того, у запаха выделяются следующие характеристики, воплощенные в лексической системе языка:

вес (тяжелый/легкий): *легкое облако аромата; легкий и тонкий запах духов; поднимался легкий аромат моха; давящая невыносимая вонь*;

структура (простой/сложный): *простой запах, примитивный запах, обонятельное богатство, фантастическая смесь составляющих аромата; нос раздробит запах на составляющие; чистый запах; калейдоскоп запахов; фейерверк ароматов*. Запахи состоят

ся, взаимодействуют, накладываются друг на друга, подавляются один другим: *отдельные ароматы, которые составляют композицию запахов; алфавит запахов; лава запахов; фейерверк запахов; коктейль, палитра запахов; многоцветье запахов; узел из испарений и воню; море пахло как надутый парус, в котором запутались вода, соль и холодное солнце.* Одновременно, кроме ссмы «сочетаемость», в этих выражениях актуализируются смыслы: текущий (*лава, коктейль*) и связь с цветом (*палитра, многоцветье*), а также вкус (солёный) и температура (холодный);

температура (холодный/тёплый): *верхние поленья пахли горячо и сладко; от сосновой стены сарая шла теплая струя смоляных испарений; запах источал тепло; аромат струился теплым потоком; аромат теплого пара; холодный, чистый аромат белых цветов;*

вкус (горький/сладкий/терпкий/едкий): *пахнуть горячо и сладко; томительно-сладко пахли цветы; сладкий яд заколдованного сада; горький, прозрачный аромат; в памяти жили горько-сладкие запахи поля.* Об объективной связи вкусовых и обонятельных впечатлений пишут психологи и физиологи, а обыденное сознание отмечает, что, если заложен нос, человек частично теряет вкусовые ощущения;

цвет (блестящий/темный): *тяжелые, темные запахи; светлый аромат утра; пряный, тягучий, темный запах.*

Выявленные характеристики коррелируют друг с другом, выстраиваясь во вполне устойчивые сочетания: тяжелые, темные, стоячие или стелющиеся по земле, затопляющие и одуряющие запахи; легкие, холодные, парящие, струящиеся, светлые и приятные запахи. Кроме типичных сочетаний, возможны и иные. Ср.: *чарующие ароматы* оказываются *тяжелыми, околдовывающими, губительными, плывущими*, но не парящими в «Заколдованном саду» Сологуба. В тексте повести прекрасные ароматы, тонкие и удивительные, несут смерть, поэтому характеризуются таким «противоречивым» набором признаков.

Кроме того, концепт «запах» имеет и опосредованные признаки, он характеризуется тем, как его ощущает человек: в отличие от зрения и слуха, человек не может перестать обонять (*нельзя не поддаться аромату, ибо аромат — брат дыхания; он нюхает, вдыхает, чувствует, слышит, обнаруживает нюхом, пьет запах, впитывает его*).

Подобная «принудительность» восприятия обонятельных ощущений формирует в сознании говорящих образ живого существа, которое воздействует на человека: *запах ошеломляет, одуряет, ог-*

лушает, обрушивается, убивает, возрождает, усыпляет, околдовывает, чарует, ласкает, балует, зовет, манит за собой.

В этих метафорах также проявляется языковая диффузность в отражении разных модусов восприятия.

Выявленное многообразие характеристик «опредмечивает» запахи в языковой картине мира.

Преобладающий тип номинации в семантическом поле «запах» — вторичная метафорическая номинация. Вследствие этого моделируемое когнитивное пространство является по преимуществу метафорическим. Метафора как бы увязывает представления мифологического и логического типов сознания. Метафорическая модель позволяет выявить первичную дифференциацию объектов мира и его структурирования, выявляет полевое, системное устройство когнитивного уровня в структуре языкового сознания [11]. Описание этой модели дает возможность реконструировать специфические черты обонятельной наивной картины мира, в которой, судя по результатам проведенного исследования, ведущими характеристиками являются, во-первых, чувственно-наглядные (пространственные, вкусовые, например) и, во-вторых, субъективно-оценочные.

Таким образом, особенности обонятельного восприятия мира, представленные в языке семантическим полем «Запах», моделируются как иерархически организованная система когнитивных характеристик, которые, в свою очередь, связаны с ментальными областями других модусов восприятия.

Примечания

1. Бондарко А. В. К проблеме соотношения универсального и идиоэтнического аспектов семантики: интерпретационный компонент грамматических значений // *Вопр. языкознания*. М., 1992. № 3. С. 5–20.
2. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретационного подхода // *Вопр. языкознания*. 1994. № 4. С. 17–30.
3. Кобозева И. М., Лауфер П. И. Интерпретирующие речевые акты // *Логический анализ языка: Язык речевых действий*. М., 1994. С. 63–70.
4. Кубрякова Е. С. *Язык и знание*. М., 2004.
5. Матханова И. П., Трипольская Т. А. Интерпретационные аспекты лингвистики: проблемы и перспективы // *Проблемы интерпретационной лингвистики: интерпретаторы и типы интерпретации*. Новосибирск, 2004. С. 6–19.
6. Фрумкина Р. М. Когнитивная лингвистика или «психология наоборот» // *Язык и речевая деятельность*. СПб., 1999.
7. Jackendoff R. Morphological and semantic regularities in the lexicon // *Language*. P., 1975. Vol. 51. № 3.
8. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // *Языковая личность: Культурные контексты*. Волгоград, 1996. С. 3–16.
9. Попова З. Д., Стернин И. А. *Очерки по когнитивной лингвистике*. Воронеж, 2001.
10. Щученко В. А. Образы русской культуры: к проблеме объективного осмысления национального ценностного мира // *Ценностный мир русской культуры*. СПб., 1995. С. 5–26.

11. Рахилина Е. В. Основные идеи когнитивной семантики // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М., 1998. С. 274–324.
12. Виноград Т. К процессуальному пониманию семантики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 12.
13. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1989.
14. Апресян Ю. Д. Избранные труды. М., 1995. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. С. 363–364.
15. Кондаков И. М. Психология: иллюстративный словарь. М.; СПб., 2003. С. 329.

Секционное заседание

© В. П. Васильев
КемГУ, г. Кемерово

Концепт и интерпретационные компоненты словесного значения

Изучение лексической семантики в связи с ее когнитивными основаниями не только актуализирует широкую практику описания содержания и структуры концептов, но и ставит на новую теоретическую платформу обсуждение ключевой для лингвистики проблемы о взаимодействии языковой семантики и знаний о мире, о соотношении мыслительных и языковых структур.

В когнитивной лингвистике, воспринимающей концепт как феномен, который распрямляет себя не только в языке, наблюдается неоднозначное отношение к этой проблеме. С одной стороны, высказывается сомнение по поводу разделения лингвистического и экстралингвистического знания, мыслительного и языкового содержания [1], основывающегося на том, что, во-первых, язык, когнитивное наполнение которого есть результат активного освоения человеком окружающего мира, «выступает формой овладения миром, но не особой формой особого мира» [2], во-вторых, граница между собственно языковой и энциклопедической информацией, по замечанию Р. Лангакса, не может не быть произвольной [3]. С другой стороны, когнитологами постулируется как перспективное «то направление в семантике, которое защищает идею о противопоставленности концептуального уровня семантическому (языковому)» [4]. Такое понимание содержательной стороны языка и его единиц отвечает давней традиции отечественной лингвистики, для которой «взаимоотношение языка и мышления было и остается увлекательнейшей проблемой теоретического языкознания, имеющей... не узко-лингвистический, а широкий, философский и культурно-исторический интерес» [5].

Проблематика различия между «содержанием языка» и «внесыковым значением», восходящая к идее А. А. Потебни [6], применительно к лексическому уровню языка обсуждалась в рамках противопоставления «малой семантики» (элементарного значения слова) «большой семантике» (идеосемантике), отграничения семантики языка от семантики отражения и аспектов соотношения лексических десигнатов и понятий [7]. В 80-е гг. XX в. научные разработки в этом направлении обозначились оформлением трех семантических концепций слова — континентальной [8], вероятностно-стохастической [9] и коммуникативной [10], согласно которым в структуре лексического значения выделяются две части: лексическое понятие и лексический фон, интенционал и импликационал, ядерные и периферийные семантические признаки. Оказываясь сходными в понимании кумулятивного характера лексической семантики, данные концепции по-разному устанавливают смысловые границы слова и в разном объеме «выводят» его содержание на языковой уровень. Вместе с тем они явились предтечей концептуальных исследований и с развитием когнитивной лингвистики трансформировались в когнитивные теории слова, вобрав в себя предшествующий опыт по осознанию семантики языка и семантики отражения в их соотношении [11]. В зарубежной когнитивной лингвистике на позиции, которая отражает мнение о тесной взаимосвязи, но не идентичности семантического знания и концептуального знания, стоят М. Бирвиш, М.Шварц [12]. Последняя считает, что семантическое знание, будучи привязанным к фонологической репрезентации и к синтаксической структуре, подчиняется принципам специфичности языка. «Отсюда семантическое знание — это модально-специфичный подраздел концептуального знания, с помощью которого лексикализируются специфические части концептуальной информации» [13].

В настоящей статье рассматриваются способы лексико-семантической интерпретации концепта *град*, представление о содержании которого было получено на основе языкового материала русского литературного языка.

Исследование концептуального и семантического содержания слова *град* исходит из того, что средой существования лексического значения слова и концепта на уровне его объективации являются полевые структуры лексико-семантической системы языка и речевые произведения в виде словосочетаний и предложений. При этом в рамках контекстов класса и контекстов текстовой последовательности намечается их демаркационная линия. Так, при дискурсивном представлении метасемантических знаний обнаруживается, что содержание предложений, в которых реализуется ме-

тсоним *град* (ср. *В полдень вдруг посыпался град*), всегда является той или иной актуализацией его концепта и в большинстве случаев лишь частью входит в реализованное словозначение.

Словозначение как часть концепта «вливается» в структуру предложения-высказывания в определенных синтагматических границах его определенного лексического окружения (ср. ...*град посыпался*), что объясняется его лексико-семантическим статусом. Следовательно, оно «имеет два направления связей — в сторону концептуальной системы и в сторону лексической системы; таким образом обеспечиваются спецификации, разрешающие синтагматические отношения с другими единицами, и спецификации, которые дают возможность через слово идентифицировать единицы концептуального уровня» [14]. Двойная обращенность словозначения — к миру слов и к ментальному миру (к миру сознания) — позволяет акцентировать внимание на такой взаимозависимости значения слова и концепта, при которой словозначение, взятое в совокупности его контекстных реализаций, предстает как концепт, а концепт, преломленный через знак и его синтактику, выступает в виде значения. Таким образом, устанавливаемые различия между словозначением и концептом, служащими разными формами (способами) воплощения результатов понимания человеком явления, покоятся на их привязках к таким разным интерпретационным единицам, как лексические поля и предложения, с помощью которых задается понимание качества информации и ее пределов. Надо заметить, что этот критерий не абсолютен и им не исчерпывается различие.

Для последующей процедуры, обнаруживающей вид лексического значения слова *град* и его конфигурационное «вживание» в концепт, следует учесть, что в лексическом значении в связи с его когнитивной базой различаются две стороны: а) концептуальная основа данного значения и б) интерпретационный компонент — способ представления концепта, связанный с формой выражения данного значения [15]. При этом формой как способом лексико-семантической интерпретации концептуального (когнитивного) содержания, помимо основной номинации *град*, выступает ее системный контекст, т. е. вспомогательные лексические единицы, находящиеся с ней в разнообразных системных отношениях — парадигматических (*град — снег — иней — дождь*), эпидигматических (*град — градина, град — нар. градом*) и синтагматических (*град...посыпался*). Системно освоенный концепт является достоянием языковой картины мира, которая, по справедливому заключению В. П. и Л. В. Даниленко [16], принадлежит системе языка, но не речи. Отсюда вытекает, что названные параметры лексико-семантической системы языка и

лексические средства, их представляющие, по своему участию в языковой объективации концепта являются неравноценными. Ведущими признаются те аспекты языковой системы, которые определяют ее классификационный характер. Синтагматика слова, развертывающаяся в процессе общения его лексическое значение, задействована в показе лексикализованного знания в том объеме лексической сочетаемости, в каком она обусловлена классификационными аспектами этой системы (*градинка* и — *мелкий град*; *градобой* и — *градом... выбило, побило* и т. д.).

Характер высказанных соображений ориентирует на реконструкцию концепта града как элемента обыденного сознания в цепи от семантики слова к концепту, так как вербализующее концепт имя обеспечивает доступ к его содержанию. В этом случае концептуальный анализ, закономерно включающий в себя логический анализ именуемого метонимом денотата, опирается на контексты использования слова *град* и его системные отношения.

Информация, полученная в результате разноаспектной интерпретации имени *град*, упаковывается в виде концептуальных аспектов и формирующих их признаков [17]. Осмысление концепта в плане языковой маркировки позволяет говорить о его трех информационных слоях.

1. Лингвистически релевантные концептуальные аспекты, признаки которых получают как языковую, так и текстовую интерпретацию. В первую голову сюда входят признаки, которые отображают град как осадки со стороны их «составных элементов» (49; здесь и далее цифры в скобках указывают на частоту актуализации аспекта и его признаков), «агрегатного состояния» (31), «способа существования» (66) и «источника образования» (31). На основе этих определяющих (или существенных) признаков формируется ядро концепта, или его интенционал, которое в лексико-семантической проекции имени *град* предстает как словарное (сигнификативное, дефинирующее) значение — «...частицы (крупинки, кусочки) льда, выпадающие из туч». Лингвистически релевантные концептуальные признаки а) проявляются когнитивными именами (ср. *град* — *дождь* «...капли воды, выпадающие из туч» — *иней* «...кристаллы льда, оседающие из влажного воздуха...» — *снег*); б) репрезентируются разными частеречными словами одного словообразовательного гнезда, лексические единицы которого объективируют семантикой или внутренней формой коммуникативно важные сегменты информации производящего имени (ср. *град* и — *градина* «крупинка града» / *градинка*, *градовая* «несущая град (= градины)», *градобой* / *градобитие* — «уничтожение или повреждение градом (= градинами) посевов...»

< *бить* 'с силой ударять во что-л., ударяться обо что-л. при движении', *градобойные* (ракеты) 'предназначенные для стрельбы по грозовым облакам', *градоопасность*, *градоопасный* 'опасный в отношении образования и выпадения града'); в) удостоверяются синтагматическими сателлитами метеонима *град*, специализированное значение которых (*выпадать*, *падать*, *идти*; *посыпать* / *посыпаться* 'начать идти: о мелком, частом дожде, снеге') реализуется благодаря их замкнутой сочетаемости, т. е. сочетаемости со словами, обозначающими атмосферные осадки; г) называются сочетательными единицами при прилагательных (ср. *градовая туча*, *градоопасные облака*), значение которых сформировано относительно их субстантивного компонента. Кроме того, словарное значение «обрастает» системно отмеченными потенциальными семами, связанными с «величиной частиц осадков» (68), которые получают маркировку за счет производных слов *градинка* 'уменьш. к градина', *градобой* 'уничтожение и повреждение градом (= не мелкими градинами) посевов, плодовых насаждений...', устойчивыми сравнениями *слезы как град* 'о чьих-л. крупных и обильных слезах', *слезы катятся (льются) градом* 'об обильно нахлынувших крупных слезах' и словами *посыпать*, *посыпаться*, наделяемыми замкнутой сочетаемостью. Возрастающая градация «интенсивности выпадения осадков» (32), расчлененная на признаки «значительный по степени проявления» (20), «очень значительный по степени проявления» (12), передается внутренней формой производных слов *градобой* / *градобитие* < *бить* 'с силой ударять во что-л., ударяться обо что-л. при движении', семантикой компаративной номинации *сыпаться* (*посыпаться*) *как град* (*градом*) 'о часто и сильно наносимых кому-л. ударах'. Потенциальные семы, входящие в лексическое значение слова по причине их системной обусловленности, соотносятся с сильным импликационалом концепта.

2. Концептуальные аспекты, содержащие лингвистически релевантные и нерелевантные признаки, сводятся к таким характеристикам отображаемого явления, как:

«время года, когда выпадают осадки» (33): «лето» (19), «весна» (9), «осень» (3), «зима» (2) — *майский... град... ударил летом*, но ср.: *градобойные* года, *градобойное* лето;

«связь с другими атмосферными явлениями» (145): «проявляющийся отдельно» (87), «проявляющийся совместно с другими атмосферными явлениями» (58) — *дождь и град, ветер/буря с градом, гроза с ливнем и градом*, но ср.: *буря* 'сильный разрушительный ветер с дождем, градом или снегом', *гроза* 'гром и молния с дождем или градом';

«утилитарная оценка» (32): «причиняющий вред объектам, вплоть до прекращения их существования (29)», «не причиняющий вреда человеку и объектам, важным для его жизнедеятельности» (3) — град...*размозжил редис, побил/уничтожил посевы, заporол индюшат, чуть не проломил крышу, не брал лебеду*, но ср.: *градобой / градобитие* 'уничтожение или повреждение градом посевов, плодовых насаждений...', *градоопасный, градоопасность* 'опасность в отношении образования и выпадения града', *градозащита* 'мероприятия по защите сельскохозяйственных культур от града'. Некоторые системно объективированные признаки также включаются в состав лексического значения слова.

3. Лингвистически нерелевантные концептуальные аспекты, признаки которых, оставаясь элементами ментальной памяти, вербализуются в словосочетаниях и предложениях. К ним относятся 12 аспектов и 25 представляющих их признаков: «твердость составных частиц осадков» (20): «легко поддающийся разрушению» (1), «с трудом поддающийся разрушению» (19) — *колющий* град, градины *рикошетили* от скалы и др.; «форма составных частиц осадков» (13): «имеющие определенную форму: шаровидную (5), овальную (8) и др.» (13), «не имеющие определенной формы» (0) — *шарики* града, град... *с куриное яйцо* и др.; «вес составных частиц осадков» (3): «имеющий небольшой вес» (1), «имеющий большой вес» (2) — град... *превратился в ливень тяжелых камней* и др.; «цвет составных частиц осадков» (11): «имеющий цвет» (9), «не имеющий цвета» (2) — *белые шарики* града, *выпал синий* град и др.; «фазисный способ существования осадков» (18): «начало действия» (17), «окончание действия» (1) — *отступавший...* град... *начался, полетел*; «время прохождения фаз существования осадков» (9): «очень быстро возникший, появившийся» (9) — *вдруг полетел* град и др.; «продолжительность выпадения осадков» (3): «продолжающийся короткое время» (2), «продолжающийся долгое время» (1) — *короткий, продолжительный...* град и др.; «время суток, когда выпадают осадки» (17): «утро» (5), «день» (4), «полдень» (3), «ночь» (3), «вечер» (2) — *после полудня посыпался* град и др.; «локализованность града в пространстве» (28): «полосой» (28) — *полоса* града и др.; «эмоциональная оценка» (8): «положительная оценка» (0), «отрицательная» (8) — *Все тревожно поглядывали на страшную тучу, на белые градовые полосы в ней и думали о поле*. Медынская «Марья»; «гедонистическая оценка» (4): «положительная оценка» (1), «отрицательная» (3) — град... *резал больно лицо и руки* и др. Перечисленные признаки, просцируя слабый импликационал концепта, не являются достоянием системного значения слова.

При проведении концептуального анализа слова *град*, увязанного с демонстрацией языковой объективации его содержания, обнаруживается, что воплощенность концепта в языке достигается благодаря включенности его имени в трехмерное измерение лексико-семантической системы.

Парадигматическая соотнесенность словозначения *град* с лексическими единицами *снег* — *иней* — *дождь*, входящими в семантическую общность «атмосферные осадки», проявляет необходимость присутствия в его значении признаков «частицы» (но ср. «кристаллы» — «капли»), «лед» (но ср. «вода»), «выпадать» (но ср. «образовываться»), «тучи» (но ср. «влажный воздух»), с помощью которых данное слово отграничивается от других в ряду когипонимов. На другом уровне семантической организации слова *град* парадигматическое единство метонимов *ветер*, *дождь*, *гром*, *молния* доказывается существованием в языке слов с комплексной семантикой (*буря*, *гроза*). Значимость метонима *град*, установленная в системе на основе его оппозиций с другими членами парадигмы, определяется сигнификативным значением, которое, включая в себе универсальные (или определяющие) семантические признаки, составляет основу лексического значения имени. В его словарном значении усматривается языковленный интенционал одноименного концепта.

Производные слова и лексико-семантические варианты, мотивационно связанные с именем *град*, как системные интерпретанты эвристичны в том отношении, что они своей внутренней формой или значением показывают, какие кванты информации выделены из общего потока сведений о граде. Среди признаков, лексикализованных дериватами, отмечаются как ядерные (универсальные, определяющие) семантические признаки (ср. *градина/градинка*, *градовой/градоносный* (о туче), *градобой* < *бить*, *градобойный* (о ракете), *градоопасный/градоопасность*), так и периферийные (характерные, описательные) признаки (*градобитие* < *бить*, *градоопасный/градоопасность*, *градозащита*, *слезы катятся градом* и др.). Последние в концептуальной проекции представляются как сильный импликационал.

В синтагматической сфере слова *град* в разряд системно значимых связеизменительных классов входят а) как слова, которые, замыкаясь в своей сочетаемости на метеонимах (к ним относятся глаголы функционального состояния *выпадал*, *посыпал*, *посыпался*, *прошел*... дождь, снег, град), специализированы на выражении знаний об атмосферных осадках, б) так и слова (*мелкий*, *жесточайший*, *летний*, *частый*... *град*... *бил*, *лупил*, *таял*, *изломал* безжалостно, *повредил* посевы), преломляющие в семантике такое содержание, которое заложено в языковых единицах, находящихся с именем в

парадигматических и эпидигматических отношениях. Основное назначение синтагматических классов слов заключается в способности актуализировать системное значение в тех объемах информации, которые необходимы для удовлетворения потребностей речевого общения. Развертывание в речи системного значения метеонома, протекающее на основе его словарного значения, осуществляется в рамках левой и/или правой валентности имени (ср. *крупный... град... хлестал*), а также в границах предложения, имеющего детерминантные распространители (ср. *Летом... в горах выпал синий град*), что зависит от положения актуализируемой семы в семной конфигурации (ср. *секло нещадно градом*) лексического значения.

Итак, объективация концепта в языке показывает, что он входит в системное значение имени интенционалом и сильным импликационалом. В свою очередь, системное значение, представляя собой отягощенное структурно значимыми потенциальными семами словарное значение, включается в концепт и цементирует его. Таким образом, смысловая информация, закреплённая за словом, стратифицируется в виде словарного (десфинирующего) значения, системного значения и концептуального содержания, организуясь, образно говоря, по «принципу матрешки».

Примечания

1. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992. С. 20; Баранов А. П., Добровольский Д. С. Постулаты когнитивной семантики // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1997. Т. 56, № 1. С. 11.
2. Колишанский Г. В. Объективная картина мира в познании и в языке. М., 1990. С. 25.
3. Скребцова Т. Г. Американская школа когнитивной лингвистики. СПб., 2000. С. 119.
4. Кубрякова Е. С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С. 92.
5. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1–2. С. 19–20.
6. Абаев В. И. Понятие идосемантики // Язык и мышление. М.; Л., 1948. Вып. 11. С. 13.
7. См. работы: Абаев В. И. Указ соч. С. 25; Слюсарева И. А. Проблемы лингвистической семантики // Вопр. языкознания. 1973. № 5. С. 13–23; Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания. М., 1977. С. 86.
8. Вережагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.
9. Никитин М. В. Лексическое значение слова: структура и комбинаторика. М., 1983.
10. Стернин И. А. Лексическое значение слова в языке и речи. Воронеж, 1985.
11. Никитин М. В. Развернутые тезисы о концептах // Вопр. когнитивной лингвистики. Москва; Тамбов, 2004. С. 53–64; Стернин И. А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях // Там же. С. 65–69.
12. Приводится по: Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М., 2000. С. 192.

13. Там же.
14. Там же. С. 150.
15. Бондарко А. В. К проблеме соотношения универсальных и идиоэтнических аспектов семантики // *Вопр. языкознания*. 1992. № 3. С. 5.
16. Даниленко В. И., Даниленко Л. В. Основы духовной культуры в картинах мира. Иркутск, 1999. С. 487.
17. Полное описание концепта см.: *Васильев В. И. Лексический концепт в аспекте его языковой релевантности: метоним град* // *Филол. сб. Кемерово*, 2002. Вып. 2. С. 21–33.

© И. Б. Ворожцова
УдГУ, г. Ижевск

Концепт «уважение» в русском языке

Изучение концептов представляет интерес с точки зрения процессов смыслообразования и их существования в смысловой ткани языка, которую также можно образно представить в виде «плотной сущности», приписываемой Ю. С. Степановым концепту «слово». Несомненно, что в организации мыслительной материи система концептов играет роль определенных фильтров. И они принимают немалое участие в понимании и поведении речевого субъекта.

У А. А. Брудного есть красивый образ: смысл толкуется как «свет на тень фактов» [1]. Здесь существенно то, что этот свет привязан к каждому конкретному речевому субъекту и что он возникает в ходе его персональной работы по пониманию. Важно и то, что смысл включается в его систему ценностей. Однако, как мы это увидим ниже, культура играет большую роль в том, что высвечивается в концепте.

Можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что основой общения людей скорее служит сопоставимость смысловых пространств, чем единство языкового кода. В создании и динамике смыслов участвует много разных кодов. Человеку надо быть уверенным в том, что пространства смыслов в коммуникации достаточно близко соотносятся, и он ищет им подтверждение, опираясь на свой познавательный и жизненный опыт, на сенсорные ощущения, на телесное проживание и проч. Исследование концептов поэтому приближает к познанию того, какие смыслы возникают и как они взаимодействуют, *raison d'être* выражающих их лексических единиц.

Концепт «уважение» квалифицирует определенным образом отношения между людьми и является, на наш взгляд, одним из существенных в ткани социальной жизни. Именно поэтому нам захотелось рассмотреть его с точки зрения смысловой структуры входящих в поле его аттракции единиц.

Что входит в смысловое пространство концепта «уважение» в русском языке? Какие смыслы являются первичными? Какие элементы являются смыслообразующими для данного концептуального поля?

Исследовательский прием, который мы применяем, соответствует определению, которое М. М. Бахтин дает концепту «смысл»: *Смыслами я называю ответы на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла*. Раскрытие концептуальных смыслов лексических единиц, попадающих в поле «уважения», происходит через ответ на вопрос «Что значит уважать?». Поиск ответа ищется в дефинициях, этимологии слов, в их соотношении друг с другом с целью выявления семантического потенциала лексических единиц, входящих в данное поле, а также путем сопоставления с означающими данного понятия в другом языке (в данной статье — французского).

В поле русских слов, обозначающих уважение, мы включаем *уважать, ценить, чтить, почитать, испытывать чувство уважения, испытывать чувство почтения, принимать во внимание, считаться с..., относиться с уважением, любить, преклоняться*.

Слово *уважать* заимствовано в XVIII в. из польского *uwazać* — *быть внимательным, наблюдать, размышлять, считать*, от *uwaga* — *внимание, замечание* [2]. В украинском языке *уважати* (*принимать во внимание, считать*), в белорусском *уважаць* (*соблюдать*). В словаре Фасмера указано, что эти слова также заимствованы из польского. Польское слово связано с новым верхненемецким *Wage* — *весы*. В русском есть слово *вага*, которое пришло в славянские языки через польский, а в диалектах обнаруживается слово *важный* от *важить* — *взвешивать*. Все они, за исключением *любить* (испытывать чувство) и *принимать во внимание* (выделять по каким-то характеристикам), этимологически восходят к семам отношения в социальной иерархии, приписывания ценности. В словаре В. И. Даля *уважать, уважить, увадить* толкуется как *почитать, чтить, душевно признавать чью-либо достоинства, ценить высоко, считать достойным, убедиться, уступить*. То же и для значения взвешивания: на весы кладется ценность.

В современных словарях: **уважение** — *почтительное отношение, основанное на признании чьих-нибудь достоинств* [3]; **уважать** 1. *относиться с уважением к кому/чему* (Я его очень уважаю за его мужество и честность); 2. *считаться с кем/чем, не ущемляя чьих-либо интересов, не нарушая обычаев, порядков и т. п.* (уважать законы государства, уважать религиозные чувства верующих); 3. нар.-разг. *любить что-либо, иметь особое пристрастие, охоту к чему-либо* (Особенно дед уважает рыбную ловлю); **уважение** 1. *почтение, почтительное отношение, основанное на призна-*

нии чьих-либо заслуг, качеств, достоинств и т. п. (уважением к родителям; этот человек достоин величайшего уважения); 2. *уважительное отношение к законам, порядкам, правилам, интересам и чувствам* [4].

В поле уважения попадают слова, обозначающие иерархические отношения *авторитет*, отношение как к высшей ценности *благоговение* (*При изучении этого труда читатель проникается и уважением и прямо благоговением к автору*), *культ, почесть, почет, преклонение*, измененные отношения с принижающего на равное *признание*.

Для социальных отношений типа «уважение» необходимо основание. Как, например, *Слава юношей — сила их, а украшение стариков — седина*. Основание для уважения у юношей — «сила», у стариков — «седина» (возраст). Или *Просим же вас, братия, уважать трудящихся у вас, и предстоятелей ваших в Господе, и вразумляющих вас*; основание разное для уважения: трудящийся у братии, для тех, кто выше на социальной лестнице, за то, что ближе к Господу; *несмотря на все уважение к Уильяму Джемсу, как к глубокому, проницательному и тонкому психологу*.

В любом случае речь идет о смыслах, связанных с чувством, оценкой или отношением: *за это его уважали, но никто не любил* (Достоевский); *надо уважать чувства близких*; *Он утиную охоту не особенно уважал*; *Мы должны чтить священную память солдат Отечественной войны; чтить икону; ценить людей не по внешности, а по поступкам*. Значения *любить и уважать* разведены: можно уважать, но не любить (*номенклатурные работники всех времен таких опознают сразу и, хоть не любят, но уважают — Г. Чхартишвили*), любить, но не уважать, не уважать и не любить, не любить и не уважать. Но одновременно любить и уважать означает слишком много хорошего отношения и возникает в иронических контекстах как характеристика героя, не знающего цену словам: *«Очень я это дело люблю и уважаю»* (из мультфильма «Падал прошлогодний снег»). Как говорил Ф. Ларошфуко: *Трудно любить тех, кого мы совсем не уважаем, но еще труднее любить тех, кого уважаем больше, чем самих себя*.

Исследованный материал позволяет выделить два «типа» уважения:

уважение 1 как установления отношений по «горизонтали» = принимать кого/что во внимание (внимать = воспринимать слухом), как *уважить* (исполнять, уступать), *оказывать уважение*; синонимичным к нему будет *признание*;

уважение 2 как выражения отношений, реальных или воображаемых, возможных, по «вертикали» — уважать кого/что за что, уважение к кому/чему (за что): *испытывать уважение/большое*

уважение/безграничное уважение; Мы стремимся/хотим заслужить/внушить уважение; в уважение к чему/кому мы хотим заслужить уважение; синонимы для уважение 2: авторитет, благоговение, культ, пиетет, почесть, почет, почтение, преклонение.

Значение уважения 1 толкуется как посчитаться с другим как равным себе, не взвешивать его на весах ценности, признать его равным: Уважения мы оказываем ровно столько, сколько его требуют (С. Джонсон). Для уважения 2 имеет значение не столько взаимность, сколько взвешивание: тот, кого я уважаю, выше меня по вертикали.

Для уважения 1 важно находиться в поле восприятия посредством органа слуха (внимать).

Последнее значение оказывается основным для французского языка, где органом восприятия является глаз, т. е. действие *видеть*. В поле уважения во французском языке попадают такие лексические единицы, как *respecter, considérer, estimer, apprécier, voir de bon oeil, juger bon, regarder favorablement, évaluer, vénérer, etc.* Анализ семантического потенциала этих слов выявил, что в этом поле есть глаголы, основной смысл которых образуется за счет сем «испытывать чувство» (*vénérer*), давать цену/мнение (*avis, apprécier, évaluer*), однако эти слова находятся на периферии данного поля. В центре его глаголы, смысл которых формируется на базе значения «видеть»: *respecter* от лат. *specio, spexi, spectrum* «смотреть», *considérer* означает «regarder longtemps et attentivement» (смотреть долго и внимательно), *examiner* имеет основное значение «observer» (наблюдать). Этимология слова *avis* — «мнение» восходит к старофранцузскому «ce m'est a vis» (*cela me semble bon* — это мне кажется хорошим); словообразовательно соотносимый с ним глагол *avisier* означает «croire bon» (считать хорошим) и происходит от *viser* (лат. *videre* = *voir* «видеть»).

В обоих случаях уважение есть ментальное действие, которое выстраивается в следующей последовательности: видеть (физически, органами зрения) — мысленно представлять — понимать, смотреть — смотреть долго и внимательно — вынести мнение, считать, т. е. от взирания к мысли, от внешнего зора к внутреннему зору для глагола *considérer*, или видеть — ощущать — осознать для глагола *avisier*.

На первом этапе происходит восприятие (зрением для французского языка или слухом для русского языка), приводящее к знанию, что кто-то или что-то имеет место быть. Это уважение 1: Признать кого/что-либо: **знать**, что он/это есть. Примеры: *неуважение/уважение к личности; уважать свою личность можно, только если с уважением относишься к другой личности; уважать личную свободу, частную*

собственность; не признавая (не уважая) суверенитета голосов (Бахтин); уважение к правам и свободам человека; au respect absolu du sujet; respecter la temporalité de l'autre; respecter qn dans sa personne; le respect de l'humanisation de l'enfant; respecter l'intégrité de l'image du corps du sujet; respect et amour chaste pour l'enfant; pour son sens social et son respect d'autrui; respecter le bien d'autrui; on a respecté tout ce qu'il met dans sa caisse à jouets; respecter naturellement les objets personnels d'autrui; l'irrespect de toute règle de conduite; respecter au jour le jour ses désirs d'initiatives motrices; le respect de sa dignité d'humain; le respect de la possession personnelle d'un objet.

На следующих этапах происходит приписывание этому кто-то или что-то ценности. Это уважение 2: Ценить: знать и приписывать ценность / **относиться** (выстраивать иерархию). Примеры: *относиться с уважением к телу; уважение к семье; относились к идолам без большого уважения (пренебрегали); уважение к женщине, восхищение целомудрием супруги и чистотой семейной жизни; Со своей стороны, француз «любит, вообще говоря, все нации»; так, например, «он уважает английскую нацию, тогда как англичанин, никогда не покидающий своей страны, вообще ненавидит и презирует француза». Еще Руссо сказал: «Франция, эта кроткая и доброжелательная нация, которую все ненавидят и которая ни к кому не питает ненависти» (А. Фуллье); уважение к науке; желание нравиться другим, добиться их уважения естественно порождает известное тщеславие и известное «уважение к личности»; любовь и уважение к Отечеству; уважение в своем кругу; уважение к научному знанию; avec respect pour l'union sexuelle; respecter son corps; respect des femmes.*

На основе данных наблюдений видно, что говорящие на русском и французском языках при общности концептуального поля находятся в разных его точках. В русском языке — в точке измерения ценности или места в более высокой иерархии, во французском — в точке факта видения другого: я вижу другого и я имею уже тем самым основания уважать его или считаться с правилами обращения с данным объектом моего внешнего или внутреннего зрения.

Важно ли, какими путями человек приходит к данному смыслу? Безусловно, поскольку это путь смыслообразования, который, как об этом говорилось выше, обуславливает понимание. Различие, существующее между смысловой структурой концепта «уважение» в русском и французском языках, обуславливает фундаментальное различие в способе взаимодействия, доминирующего в контактирующих в данном случае культурах. Во французской культуре установление отношений идет по линии *дать знать дру-*

тому, что он включен в диалогическое пространство. Мы называем такой тип вхождения во взаимодействие Ты-позицией в общении. **Ты-позиция в общении** определяется как стратегия выстраивания диалогического взаимодействия с включением адресата (Ты) в контекст взаимодействия. В этом диалогическом взаимодействии Я и Ты мыслятся как имеющие — каждый свое собственное — пространство, и Ты-стратегия состоит в том, чтобы создать поле, общее для обоих коммуникантов. В Ты-ориентированном общении Я и Ты отделены друг от друга в представлениях, каждый из них имеет свои границы, и общение строится с вовлечением Ты в круг обсуждаемых проблем, для него прочерчивается ситуация и проявляются ее элементы [5]. В этой перспективе оценочность концепта «уважение» вытекает из его исходного значения: увидеть другого, т. е. сказать «Вот другой. Он есть, и он не Я. Он такой же, как Я».

В **Я-позиции в общении** представлена стратегия выстраивания диалогического взаимодействия от Я, которая выражается в том, что субъект высказывает свои суждения, оценки, отношение к предмету речи, предполагая — чаще всего неосознанно, — что адресат уже включен с ситуацией общения и разделяет его знания о ситуации и предмете речи. Я говорит о себе, своих переживаниях, эмоциях, оценках, отношении к чему-либо, но с неосознанным представлением, что для Ты это столь же значимо, как и для Я. Я-позиции вследствие этого свойственна в коммуникативной деятельности — в качестве первичной функции — функция воздействия, проявляющаяся в первичности ценностей над фактами, преобладании воздействия и оценки над информированием, эмоционального над рациональным. Отсюда в концептуальном поле уважения первичным оказывается значение оценки и взвешивания, что целиком находится в ведении Я.

Примечания

1. Брудный А. А. Психологическая герменевтика. М., 1998. С. 8.
2. Шанский И. Краткий этимологический словарь. М., 1971. С. 460.
3. Абрамов И. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений // www.gramota.ru
4. Современный толковый словарь русского языка Российской академии наук. СПб., 2002.
5. Ворожцова И. Б. Культурологическая основа личностно-позиционно-деятельностной модели обучения. Ижевск, 2001. С. 21–24.

«Ужели слово найдено?»

(концепт «олигарх» в современном языковом сознании)

Среди общекультурных причин речевой агрессии И. Дзялошинский называет недоверие к материальному благополучию, зависть к богатым.

«Из всего богатства христианского вероучения российская (а впоследствии советская) культура восприняла в качестве одного из своих красугольных камней положение о том, что «легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в царствие небесное». Проникновение в Россию во второй половине XIX в. социалистических учений лишь помогло артикуляции народного неприятия богатства, частной собственности (а заодно и прав личности, противопоставляющей себя большинству) и многих других, естественных для западной цивилизации ценностей» [1].

В период социализма оппозиция «бедные — богатые» фактически накладывалась на оппозицию «Россия — остальной мир», осложняясь сугубо идеологическим противопоставлением «социалистический лагерь — империалистические страны».

В постсоветский период оппозиция «бедные — богатые» стала актуальной на родной российской почве, вписавшись по известным экстралингвистическим причинам в более широкую оппозицию «свои — чужие» (мы — они), где «чужие» и «они» — это стремительно разбогатевшие россияне. Для «своих» существует универсальное наименование: мы — «народ», общество и т. п. А вот для «них» постоянно идут поиски некоего универсального наименования, которое бы не просто обозначило их, но и выразило бы существующую в обществе негативную социальную оценку.

Сначала появились «кооператоры», которые тут же встали в один синонимический ряд со словом «спекулянты», затем, с исчезновением кооперативов как таковых, появились «коммерсанты» и «бизнесмены», чья деятельность по достижению имущественного превосходства связывалась в сознании большинства людей, как правило, с нарушением закона. Не случайно «Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения» дает следующее толкование слова *бизнесмен*: «1. Организатор бизнеса, предприниматель, коммерсант 2. разг. О мошеннике, жулике» [2].

Изменения в российской экономике привели к тому, что предпринимательская деятельность перестала быть уделом избранных. Понятие *бизнес* и соответственно *бизнесмен* фактически вернули себе

первоначальное значение, существующее в языке-источнике, — *дело, деловой человек*, — и стали употребляться преимущественно как нейтральные, без негативных коннотаций. Тогда образовавшуюся было лакуну и заняло слово *олигарх*.

На первых порах оно показалось лингвистам случайным. Так, в вышедшей в 2000 г. научно-популярной книге «Говорите, пожалуйста, правильно» П. А. Клубкова читаем: «В последнее время в газетах с невероятной частотой замесляло слово *олигарх*. Это слово давно известно в русском языке, но не появилось ли в нем сейчас что-то новое?... В советском политическом лексиконе это слово употреблялось как ругательство... В конце 90-х наш вице-премьер, желая покрепче обругать банкиров, назвал их «олигархами». Сначала публика (не банкиры) даже перепугалась. Но вдруг слово подхватили журналисты, и оно, быстро утратив иронические кавычки, стало употребляться **как стилистически нейтральное обозначение** (выделено нами. — Т. В.) очень богатых людей, пытающихся играть какую-то существенную роль не только в экономической, но и в политической жизни страны, причем иногда **оно звучит даже как будто с уважением** (выделено нами. — Т. В.). Мне такое употребление слова *олигарх* кажется не совсем грамотным. Впрочем, и само по себе оно тоже звучит немного странно. Хочу надеяться, что эта странная мода утратит актуальность» [3].

Однако слово, знакомое многим лишь из курса политэкономии капитализма, прочно вошло в современное языковое сознание и стало широкоупотребительным. Очевидно, для этого необходимо было, чтобы произошли изменения в сознании носителей языка. Если исходить из того, что «за каждым словом стоит структура знания или оценки, явления, убеждения и т. д.» [4], то ответить на вопрос, почему слово *олигарх* столь активно существует в современном лексиконе, и не только политическом, но и бытовом, можно, лишь выяснив, что вкладывается сегодня в его содержание. Как известно, смыслы, передаваемые отдельными словами, словосочетаниями и т. д., являются объектом концептуального анализа. Структура и содержание концепта «выявляются через значения языковых единиц, репрезентирующих данный концепт, их словарные толкования, речевые контексты» [5].

В современном словаре иностранных слов слово *олигархия* толкуется следующим образом:

1. «Олигархия (сер. XVIII в.) — Политическое и экономическое господство небольшой группы представителей финансово-промышленного капитала, а также сама такая группа. *Нефтяная олигархия. Финансовая олигархия.*

Олигарх — *Кучка олигархов.*

Франц. — *oligarchi* — олигархия < греч. *oligarchia* от *oligos* — не много и *arche* — власть» [6].

Самый популярный словарь С. И. Ожгова и Н. Ю. Шведовой так определяет значение этих слов:

«**Олигархия** — 1. В древности и в средние века: гос-во, в котором у власти стоит аристократическая верхушка. Византийская олигархия. 2. Политическое и экономическое господство небольшой группы представителей крупного финансово-промышленного капитала, а также сама такая группа.

Олигарх — 1. Представитель олигархии (в 1 знач.) 2. Представитель финансово-промышленного капитала» [7].

Анализ употребления слова *олигарх* в публичном дискурсе (аналитические телепрограммы, ток-шоу, тексты предвыборной агитации, Интернет-издания и др.) позволил увидеть, почему слово *олигарх* «резко эволюционировало в сторону политического ругательства» и стало «по сути, синонимом выражения «враг общества № 1» [8]. Проанализировав около 1000 словоупотреблений слова *олигарх*, мы обнаружили только 10 случаев употребления данного слова в контексте с позитивной модальностью.

«Естественно, как только возникает необходимость разъяснить суть нового обозначения, аналитику приходится... пройти путь от обозначения к структуре знания, за ним стоящей, соотнести элементы этой структуры со способами их выражения, а во всех этих действиях разложить концепт на его составляющие...» [9]. В словарных определениях слова *олигарх* можно четко выделить две составляющих: богатство и власть.

Примечательно, что в русской ментальности богатство воспринимается как власть, а власть — как путь к богатству. (Не случайно основной пафос многих предвыборных текстов в пользу того или иного кандидата: он богатый человек, поэтому воровать не будет.) Отсюда логически выводится третья составляющая: богатство не может быть заработано, оно может быть получено только преступным путем.

Анализ контекстов позволяет определить основное содержание концепта *олигарх* следующим образом: это тот, кто а) имеет большие деньги; б) при помощи денег пытается влиять на ту или иную ситуацию; в) получил эти деньги преступным (или не совсем честным) путем. В зависимости от прагматических установок высказывания каждая из этих составляющих может актуализироваться в большей или меньшей степени.

Идея сверхбогатства реализуется в рамках данного концепта через противопоставление по имущественному статусу некоему множеству людей (народу, государству, горожанам, и др.), т. е. олигарх — самый богатый (или один из самых богатых) в стране, в области, в отрасли и т. д.

Разумеется, чаще всего слово *олигарх* употребляется со вполне конкретной референцией, когда имеется в виду сравнительно узкий круг людей, известных как самые богатые люди в России. Абсолютное большинство таких употреблений характеризуется негативной коннотацией. Приведем несколько наиболее характерных примеров (их число может быть значительно увеличено):

1. **Г. Явлинский:** «Это будет переназначение **олигархов**. ... Действительно, совершенно необходимо принять решение, очень существенно ограничивающее **влияние денежных мешков, крупных денежных мешков** на российскую власть, на российское правительство, на российскую Думу, на администрацию президента» (Свобода слова. 07.11.2003).

2. **К. Титов** (губернатор Саратовской области): — Закон даст путь **буржуям** отобрать землю у крестьянина и взять ее в свою собственность. А **крестьянин** становится просто наемным работником.

Ведущий: — ...Кто у нас **буржуй-то**?

К. Титов: — **Олигархи**, вы их знаете хорошо.

Ведущий: — Их всего там 10 человек, **олигархов-то**.
(Времена. 04.07.2004).

3. **В. Жириновский:** — **8 негодяев** имеют миллиарды долларов, и **80 миллионов** внизу **прозябают в нищете**.

С. Шустер: — Владимир Вольфович, что интересно, аудитория с вами соглашается, как только вы начинаете критиковать **олигархов** (Свобода слова. 30.05.2003).

4. **Зритель в студии — известному политику:** — Сегодня прибить уходит **в карманы олигархов**, которых вы защищаете. Вы защищаете **сверхбогатых**, и вы на самом деле еще пытаетесь по нравиться **сверхбедным** (Свобода слова. 07.11.2003).

В приведенных примерах негативная коннотация поддерживается оценочными контекстуальными синонимами: денежный мешок, буржуй, негодяй. Антитезы *сверхбогатые — сверхбедные, 8 негодяев, владеющих миллиардами, и 80 миллионов бедных* и т. д. призваны не столько отразить реальное положение вещей, сколько усилить негативную социальную оценку.

В связи с таким пониманием расширяется круг референтов: **олигархами** называют банкиров (например, статья о банкирах Санкт-Петербурга носит название «Олигархи подставили нало-

говиков» (Версия-СПб. 10.12.2002); олигархами называют крупных чиновников, политическую элиту. Примечательно, что в этом случае идея «имущественной» избранности фактически интегрируется с идеей незаконно обогатившейся власти.

1. «Михаил Зурабов на глазах превращается в настоящего олигарха, однако **олигарха какого-то нового, пока еще невиданного разлива**. Это не бизнесмен, который приватизировал государственную власть, а чиновник, который довел до совершенства свой бюрократический бизнес» (журнал «Профиль», июнь 2003 г.).

2. **В. Афанасьев:** «...Наших **олигархов** называют в несколько ругательном смысле — олигархами. Для того чтобы их назвать позитивно, о них говорят «бизнесмены». Ну, **какие они бизнесмены? Это самые натуральные государственные чиновники, только баснословно дорого обходящиеся всему обществу**. Ничего у них общего с бизнесом нет» (Свобода слова. 31.01.2003).

Кроме того, в публичном дискурсе можно увидеть широко употребляемое слово **олигарх** по отношению к кругу лиц из самых различных сфер: спортивные олигархи, игровые олигархи, аграрные олигархи, хлебный олигарх, макаронный олигарх, олигарх из стройбата (о генерале Косоване), олигархи-лампасники (о руководителях силовых ведомств Украины), «Олигарх из НКВД» (название фильма о Нафталии Френкеле, одном из руководителей ГУЛАГа) и даже православные олигархи (о представителях русской православной церкви) и т. д.

Расширению круга референтов, обозначаемых словом *олигарх*, способствует также относительность понятия *богатство* в современной России. С одной стороны, это обусловлено фактором социально-экономическим: в России отсутствует четкое представление о имущественной иерархии (что такое средний класс, о необходимости создания которого так много говорят и политики и экономисты, на сегодняшний день каждый понимает по-своему); с другой стороны, это, возможно, связано с особенностями нашей ментальности. Достаточно вспомнить, как эвфемистически определяют свой имущественный статус богатые люди, называя себя «обеспеченный» или «небедный» человек. В связи с этим понятие *олигарх* постепенно получает еще более широкое осмысление. «Олигархами в городах и весях России-матушки стали называть уже не только и не столько долларовых миллиардеров, выкачивающих из недр нефть и газ, производящих алюминий или владеющих огромными машиностроительными концернами. Олигархами у нас теперь зовут директоров больших и не очень больших (главное, чтоб прибыльных) предприятий и даже председателей бывших колхозов — нынешних товариществ, а то и

хозяину единственной в селе лесопилки сей громкий титул заглазно присвоят» (Громов С. Олигархи районного масштаба // Лит. газ. 2003. № 37 (5940), 10–16 сент.).

В современном публичном дискурсе широко представлены такие словосочетания, как *местные олигархи*, *городские олигархи*, *районные олигархи* и т. д. Даже если рассматривать их как своего рода ироническую гиперболу, основная концептуальная идея (противопоставление по имущественному статусу) остается в действии.

Например, С. Борисов (предприниматель): «... А в районе средний предприниматель — **олигарх**. Это вот зависть. А вообще все эти разговоры и все ссоры, которые сейчас происходят, это от двух факторов: от бедности нашей и от безделья. Мы не можем заняться реальным производством, реальным бизнесом» (Времсна. 04.07.2004).

Не менее репрезентативными в количественном отношении являются высказывания, в которых актуализируется так называемая криминальная составляющая: олигарх — это тот, кто получил богатство преступным путем. Самая распространенная реализация этой идеи: «Олигархи незаконно присвоили то, что принадлежит народу». В данном отношении показателен круг глаголов, наиболее часто употребляемых для обозначения действий олигархов: олигархи *растасили*, *разворовали*, *прихватизировали*, *нахапали*, *ограбили* и т. д.

Например, Д. Рогозин: «... Богатства, приобретенные, как мы знаем, как правило, особенно то, что мы называем **«олигархией»**, незаконным путем, путем **грабительским**, а иногда даже путем применения насилия и убийств. Их было очень много в начале 90-х годов, в середине 90-х годов» (Свобода слова. 07.11.2003).

В довольно большой группе высказываний власть олигархов приравнивается к власти криминала:

1. В. Лебедев (председатель Союза православных граждан): «Общества граждан у нас не существует, поэтому реально существует власть олигархов. Неважно, убивают они кого-то или нет. И **власть олигархов существует вместе с властью бандитов**, которые убивают людей на улице» (Свобода слова. 07.11.2003).

2. А. Куликов: «Создано криминальное государство, над законом стоит определенный круг лиц высших руководителей государства, в том числе **связанных с теневой экономикой, с нашими олигархами**» (Свобода слова. 18.04.2003).

Если обобщить аналогичные высказывания, то в них довольно отчетливо просматривается мысль о том, что олигарх — это сверхбогатый преступник, который приближен к власти, а потому недосягаем для закона.

В целом же перечень потенциальных и реальных грехов тех, кого в современном публичном дискурсе обозначают словом *олигарх*, чрезвычайно велик: от заговора против президента до снижения рождаемости.

Все это позволяет сделать вывод о том, что концепт **олигарх** в современном российском языковом сознании вписывается не столько в оппозицию «бедные — богатые», сколько в более широкую концептуальную оппозицию «свои — чужие» (которую можно конкретизировать как «народ и богатые», будь то народ всей страны или жители отдельно взятой деревни), где *олигарх* — это не просто чужой, а чужой, с которым нужно бороться.

Изменение такой ситуации возможно лишь в том случае, если богатые перестанут быть чужими на российском экономическом и социальном пространстве.

Примечания

1. Дзялошинский И. Кому выгодно тиражирование нетерпимости? // «Язык мой...»: Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ / Сост. А. М. Верховский. М., 2002.
2. Толковый словарь русского языка конца XX. Языковые изменения. СПб., 1998. С. 86–87.
3. Клубков П. А. Говорите, пожалуйста, правильно. СПб., 2000. С. 86–87.
4. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. С. 311.
5. Болдырев Н. П. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вopr. когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 29.
6. Баш Л. М. и др. Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология. М., 2002.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2000. С. 452.
8. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Москва; Волгоград, 2000. С. 143.
9. Кубрякова Е. С. Указ. соч. С. 318.

© В. М. Головатина
УрГУ, г. Екатеринбург

Лексикографическая интерпретация **вдохновения** в русском и немецком языках

В данной работе приводятся результаты анализа словарных статей существительных, используемых для передачи значения «вдохновение» в русском и немецком языках.

Многие ученые-лингвисты соглашаются с тем, что наиболее общую, основную часть содержания концептов, общепринятое у носителей языка представление о том или ином явлении действительности передают значения лексем. К примеру, И. А. Стернин указывал

на то, что семантика ключевого слова — репрезентанта концепта лучше всего отражает ядро концепта [1]. Исследователь Н. А. Красавский также говорил о том, что в значении слова отражены базовые представления об обозначаемом им понятии. В одной из своих работ он писал, что словарная дефиниция — это «культурно релевантный тип вербального текста, в котором раскрыта базовая (собственно понятийная) структура и ассоциативно-образная основа концепта» [2]. Таким образом, анализ словарных дефиниций существительных, используемых для передачи значения «вдохновение», позволяет выявить базовые представления о передаваемом ими явлении, т. е. основу концепта «вдохновение».

В качестве материала для исследования использовались словарные дефиниции русского существительного *вдохновение* и немецких *die Begeisterung* и *die Inspiration* с аналогичным значением. Большинство русско-немецких словарей в качестве эквивалента имени *вдохновение* предлагают именно эти два немецких слова (см., к примеру, [3]), и немецко-русские словари переводят немецкие существительные как вдохновение, воодушевление, восторг, подъем, наитие (см., к примеру, [4]). Поэтому толкования именно этих лексем мы будем сравнивать. Источником материала являются различные русские и немецкие толковые словари, словари синонимов. Мы использовали словари разных лет издания, чтобы наиболее полно выявить представления об анализируемом состоянии (список словарей приведен ниже).

Словарные дефиниции существительного *вдохновение* отражают представление о вдохновении как о состоянии душевного подъема, увлеченности, воодушевления [5, 6], наивысшего подъема душевных сил [7], сопряженного с желанием что-то сделать [8], побуждающего к каким-либо действиям, поступкам [6]. А также вдохновение понимается как состояние творческого подъема, прилив творческих сил [9, 5, 6]. Вдохновение в русском языке связано как с творчеством, так и с любым другим видом человеческой деятельности. Оно представляет собой особое душевное состояние, предполагающее проявление большого интереса человека к чему-либо вообще, рост его активности и продуктивную деятельность (см. толкования *увлеченность* и *воодушевление*). Большой академический словарь определяет существительное *вдохновение*, исходя из значения глагола *вдохновлять* — «*приводить кого-л. в состояние творческого и умственного подъема*» [6]. Из этой дефиниции видно, что вдохновение связывается и с умственной деятельностью человека, воспринимается как состояние активной работы мозга.

Немецкие словари содержат похожие толкования эквивалентов русского существительного. *Begeisterung* определяется как воодушевление, состояние радостного волнения, страстного рвения, пыла, увлеченности, жажда деятельности, энтузиазм, страстность: «*Zustand freudiger Erregung, leidenschaftlichen Eifer; von fruedig erregter Zustimmung, leidenschaftlichen Anteilnahme getragener Tatendrang, Hochstimmung, Entusiasmus*» [10]; «*starkes emotionales Eingenommensein*» [11]; «*Leidenschaft, Inbrunst, Glut*» [12] и др. В дефинициях существительного *Begeisterung* присутствует сема интенсивности (она представлена при помощи лексических репрезентантов *erregen, stark*). Причем сильное эмоциональное возбуждение представляется одной из основных особенностей *Begeisterung*. В определениях этого существительного также отражены представления о вдохновении как о состоянии, предполагающем стремление к действию (*Tatendrang* — жажда деятельности).

В дефинициях существительного *Begeisterung* нет связи описываемого чувства именно с творческой деятельностью, однако в толкованиях *Inspiration* она появляется. Немецкие толковые словари дают такое определение этой лексемы: «*schoepferischer Einfall, Gedanke; ploetzliche Erkenntnis; erhellende Idee, die jmdn., bes. bei einer geistigen Taetigkiet, weiterfuehrt*» [13], «*religiose Erleuchtung*» [14], «*(goettliche) Eingebung, Erleuchtung, Beeinflussung*» [15]. В данном случае вдохновение понимается как интеллектуальный процесс, предполагающий творчество (*schoepferischer Einfall* — творческая мысль). Причем в определениях существительного *Inspiration* вдохновение связывается именно с интеллектуальной деятельностью человека, а не миром эмоций (см. значения лексем *Einfall, Gedanke* — мысль, *Erkenntnis* — сознание, *Idee* — идея, *Eingebung* — внезапная мысль, интуиция). Также в данных толкованиях присутствует сема внезапности, которая выражена при помощи лексем *ploetzlich* (внезапный) и *Eingebung* (внезапная мысль), отражено представление о вдохновении как о состоянии, связанном с горным миром и имеющем божественное происхождение (это значение объективировано при помощи сочетания *goettliche Eingebung*). В русском языке такое значение тоже присутствует. В толковом словаре Даля встречается определение: «*наитие, внушение, ниспосланное свыше*» [16].

Таким образом, вдохновение для носителей немецкого языка — это либо эмоциональное состояние высокой степени интенсивности, сильное воодушевление, сопровождающиеся стремлением действовать, либо внезапно возникшая творческая мысль или идея. Такое понимание соответствует отношению к вдохновению, существующему в русском языке. Однако оба немецких существительных не выража-

ют полностью русского понятия «вдохновениe». *Begeisterung* в большей степени совпадает с русскими понятиями «воодушевлениe» или «душевный подъем», а *Inspiration* передает представление об этом состоянии как об интеллектуальном процессе.

Получить о концепте более полное представление, выявить дополнительные присущие ему признаки можно путем анализа парадигматических связей лексем, являющихся средством репрезентации исследуемого концепта. Обычно в толкованиях используются именно синонимы анализируемых лексем. В русском языке для передачи значения «вдохновениe» используются слова *наитие*, *подъем* (душевный), *воодушевление*, *сосредоточенность*, *увлеченность*, *пыл*, *восторженность*. Эти существительные отражены и в словаре синонимов [17]. *Вдохновение* является основным словом в этом ряду, поскольку оно наиболее полно и точно выражает значение (определение имени *вдохновение* см. выше). Остальные же члены синонимического ряда отражают определенную черту, грань исследуемого душевного состояния, актуализируя в своем значении ту или иную сему. Хотя при этом все они содержат основной компонент значения: увеличение душевных и ментальных сил. Наиболее близкими к существительному *вдохновение* по семантике можно считать слова *наитие*, *воодушевление*, *подъем*. *Наитие* определяется как внезапно пришедшая мысль; это вдохновениe, «в котором большое место принадлежит интуиции» [17]. То есть состояние вдохновения воспринимается как активизация работы разума, а основное внимание сосредоточено на роли подсознания. *Воодушевление*, *подъем* характеризуются как прилив душевных сил, вызванный какой-либо мыслью, чувством, работой [17]. В этом случае уделяется внимание причине возникновения данного психологического состояния. В семантике слов *увлеченность*, *восторженность* акцентируется сема интереса к деятельности, вызванного большим удовольствием, удовлетворением от нее.

К синонимам имени *Begeisterung* относятся существительные *Entusiasmus*, *Leidenschaft*, *Inbrunst*, *Eifer*, *Glut*, *Feuer*, *Erregung*, *Hochstimmung*, *Entzueckung*, *Verzuecktheit*, *Verzueckung*, *Ekstase*, *Rausch*, *Idealismus*, *Elan*, *Schwaermerei* и т. п. К синонимам имени *Inspiration* — *Einfall*, *Gedanke*, *Erkenntnis*, *Idee*, *Eingebung*, *Anregung*, *Erleuchtung*, *Einfluesterung*, *Eingebun*, *Beeinflussung* и др. Эти лексемы встречаются в дефинициях к существительному *Begeisterung* и *Inspiration*, приводятся в словарях синонимов [11, 18]. Их можно условно разделить на несколько групп. Первая *Entusiasmus* (энтузиазм), *Leidenschaft* (страсть), *Inbrunst*, *Eifer* (рвение, пыл), *Glut* (жар), *Feuer* (огонь, пыл), *Erregung* (волнение), *Hochstimmung* (воодушевлениe), *Entzueckung*, *Verzuecktheit*, *Verzueckung*, *Ekstase*

(восторг, экстаз), *Elan* (подъем) соответствует представлению о вдохновении как об очень сильном чувстве. *Leidenschaft* (страсть), *Inbrunst*, *Eifer* (ревение, пыл), *Schwaermerei* (увлечение, фанатизм) свидетельствует о том, что вдохновение предполагает увлеченность чем-либо.

К третьей группе можно отнести существительные *Inbrunst*, *Eifer* (ревение, пыл), *Glut* (жар), *Feuer* (огонь, пыл), *Rausch* (опьянение), а также синонимы имени *Inspiration* – *Erleuchtung* (просветление), *Einfluesterung* (нашептывание). Они являются метафорическими номинациями интересующего нас понятия и свидетельствуют о концептуализации данного состояния в языке в качестве огня, высоких температур, опьянения, света или звука (шепота). Это также говорит о том, что, по мнению носителей немецкого языка, человек, находясь в состоянии, обозначаемом именем *Begeisterung*, испытывает нечто похожее на то, что он обычно чувствует, находясь в состоянии опьянения, дурмана или когда его тело ощущает жар. Наличие синонима *Einfluesterung* (нашептывание) свидетельствует о том, что вдохновение воспринимается как нечто приходящее извне (это то, что кто-то «нашептывает» человеку).

Последнюю группу составляют синонимы имени *Inspiration* *Einfall*, *Gedanke* (мысль), *Erkenntnis* (сознание), *Idee* (идея), *Eingebung* (внезапная мысль, интуиция), характеризующие вдохновение как интеллектуальный процесс.

Также следует отдельно отметить синонимы *Anregung* (стимул, побуждение) и *Beeinflussung* (влияние). Они указывают на то, что вдохновение воспринимается как определенное явление, подталкивающее человека к творчеству.

Стоит также отметить, что в толкованиях немецких и русских словарей активно используется метафора. Это вполне закономерно. Большинство исследователей соглашаются с тем, что слову, обозначающему эмоцию, почти невозможно дать прямое лексикографическое истолкование (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Л. Г. Бабенко, А. Везбица, А. Ортони, В. И. Шаховский и др.). По этому поводу Ю. Д. Апресян говорил, что когда прямое объяснение того или иного явления невозможно, «говорящий использует различные окольные пути, обращаясь при этом к тем знаниям, которые, по его предположению, уже имеются в опыте адресата» [19]. В таких случаях либо идет отсылка к знакомой адресату ситуации, либо появляется сравнение с похожим явлением.

При толковании вдохновения в русских словарях используется метафора подъема и прилива: «творческий / душевный подъем», «прилив сил», «наплыв мыслей» [5, 6, 7, 8]. В большом академи-

ческом словаре появляется уподобление вдохновения пылу, т. е. сильному жару от огня: «настроение, **пыл**; воодушевление» [6]. Таким образом, уже в словарных дефинициях отражается представление о вдохновении как о жидкости, жаре и парении.

В толкованиях существительных *Begeisterung* и *Inspiration* используются похожие метафоры. Как было видно из анализа синонимов этих существительных, которые используются в определениях разных словарей, *Begeisterung* и *Inspiration* уподобляются огню, высоким температурам и свету. Авторы словаря *Duden* в иллюстративной части к имени *Begeisterung* используют сочетание *die Wogen der Begeisterung* (волны вдохновения), которое отражает представление о вдохновении как о жидкости [10]. Исследователь Н. А. Красавский писал, что «в иллюстративной части словарной статьи эксплицированы его (понятия. — В. Г.) ценностные и образно-ассоциативные компоненты» [2].

Как показал проведенный анализ, базовые представления о вдохновении в русском и немецком языках имеют ряд отличий, но и ряд сходств. Ядром русского концепта является представление о вдохновении как о сильном чувстве. В немецком языке также вдохновение воспринимается как сильное эмоциональное напряжение, но, кроме того, оно определяется и как интеллектуальная деятельность (в немецком языке это представление о вдохновении выражено ярче, чем в русском, и является одним из основных в отношении к данному состоянию). По мнению носителей обоих языков, вдохновение возникает внезапно, предполагает проявление большого интереса человека к чему-либо, увеличение его активности, продуктивную деятельность. В обоих языках вдохновение связывается с деятельностью неземных сил, уподобляется жидкости и огню.

Примечания

1. Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 58–65.
2. Красавский Н. А. Русская и немецкая концептосферы эмоций (опыт лингвокультурологического анализа словарных статей) // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 115.
3. Цвиллинг М. Я. Русско-немецкий словарь. М., 1998. С. 56.
4. Большой немецко-русский словарь: В 3 т. М., 1998. Т. 1. С. 218, 669.
5. Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981. Т. 1: А–Й. С. 143.
6. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1951. Т. 2. С. 102.
7. Большой толковый словарь современного русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000. С. 114.
8. Большой толковый словарь русских существительных: идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Под ред Л. Г. Бабенко. М., 2005. С. 187.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. М., 1993. С. 69.

10. Duden, Deutsches Universalwoerterbuch. 5, ueberarbeitete Auflage. Mannheim, 2003. S. 247.
11. Synonymwoerterbuch: Sinnverwandete Ausdruecker der deutschen Sprache. Leipzig, 1980. S. 68.
12. Duden, Bedeutungswoerterbuch. 2, voellig neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Mannheim, 1985. S. 96.
13. Duden, Deutsches Universalwoerterbuch. 5, ueberarbeitete Auflage. Mannheim, 2003. S. 837.
14. Grosse Fremdwuerterbuch. Leipzig, 1979. S. 335.
15. Das neue deutsche Woerterbuch fuer Schule und Beruf. Muenchen, 1997. S. 451.
16. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1998; репринт. изд. 1880. Т. 1: А–З. С. 178.
17. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. Л., 1970. Т. 1: А–Н. С. 117–118, 160.
18. Duden, Sinn- und sachverwandte Woerterbuch. 2., neu bearbeitete, erweiterte und aktualisiertr Auflage. Mannheim, 1986.
19. *Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д.* Метафора в семантическом представлении эмоции // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 453.

© Л. Г. Гынгазова

ТГУ, г. Томск

Концепт «путь» в картине мира языковой личности диалектоносителя*

Понимание языка как культурно-исторического феномена актуализировало направленность лингвистических исследований на поиск культурных доминант языкового сознания, носителем которого выступает этнос, сообщество людей в пределах этноса, человек — носитель индивидуального сознания. Из всех типов субъектов осмысления мира нас в данном случае интересует последний, так как он воплощает в своей речевой практике один из вариантов как специфически языкового, так и национально-языкового миромоделирования. Обращенность к конкретной языковой личности (далее ЯЛ) позволяет интерпретировать индивидуальную картину мира через дискурсивную опосредованность, включенность в контекст бытия ЯЛ, что даст возможность увидеть языковое сознание «в его природной ипостаси» [1].

Объектом настоящего описания является ЯЛ Веры Прокофьевны Вершининой (далее В. П.), 1909 г. р., жительницы с. Вершинино Томской области, типичного представителя традиционной речевой культуры. Наблюдения над ее речью ведутся с 1981 г., и источниковая база на данный момент составляет около 10 тыс. страниц печатных текстов, отражающих немоделированное языковое существование информанта.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ-НШ 1736.2003.6.

Описание картины мира по данным дискурса сопряжено с поиском продуктивной модели анализа, позволяющей обнаружить в языковой материи способ мировидения и его национально-культурную составляющую. Такая модель выстраивается в рамках когнитивно-ориентированного описания, оперативной единицей которого является концепт, репрезентирующий один из сущностных фрагментов картины мира.

Оставляя за рамками статьи анализ существующих определений термина «концепт», справедливо квалифицирующегося в последних исследованиях как зонтиковый [2], обозначим согласующиеся с нашим пониманием его базовые характеристики: это принадлежность к области идеального, соотносительность с внешним миром, вербализованность и этнокультурная маркированность. С точки зрения структуры, концепт — структурированное знание, совокупность сложно взаимодействующих признаков. Его ядро составляет комплекс смыслов, остающихся неизменными при всех взаимодействиях концепта с соотносимыми с ним объектами реального мира. Это идея концепта, ядро, прототипический образ. Далее группируются вариативные смыслы, которые могут быть как денотативно, так и прагматически ориентированными. Однако, если пользоваться терминологией Ю. С. Степанова, это актуальный слой концепта: данные признаки неядерны только в смысле их вариативности. Зона периферии включает «ретроспективные» смыслы, связанные с когнитивной памятью слова и его внутренней формой, запечатленной во внешнем облике слова. Поскольку объективация знания осуществляется через языковые формы, они же, будучи производными концептуализации, определяют объем концепта. В данном описании концепт предстаёт репрезентированным смыслами, стоящими за единицами — членами лексико-семантической парадигмы слова (имени концепта), их дериватами и синонимами. Это собственно лексические, фразеологические единицы и афористические средства (прецедентные тексты).

Обращение к концепту «путь» обусловлено его значимостью в концептосфере ЯЛ: к разряду ключевых его позволяет отнести коммуникативная выделенность в дискурсе, семантическая разработанность и многомерность, т. е. обращенность к различным сферам бытия, из которых доминирующей выступает этическая. Таким образом, он «пространствует» мировоззренческие установки ЯЛ и может быть отнесен к разряду «обыденных понятий жизненной философии», в трактовке Н. Д. Арутюновой [3].

В основе архетипического представления о пути лежит конкретно-пространственный смысл, связанный, с одной стороны, с идеей движения, а с другой — с идеей пространственной локализации данного

движения, имеющей границы, и следовательно, упорядоченной. Как представляется, эти смыслы образуют ядро концепта «путь», а множественные ответвления от них репрезентируют многомерность мыслительного образа, закрепленную различными словесными формами, в семантике которых присутствуют либо оба смысла, либо один из них.

Сферой языковой реализации описываемого концепта является концептуальное поле, включающее такие единицы, как *путь*, *по пути* / *по пути*, *распутье*, *в последний путь*, *зайти в колею*, *вступить в колею*, *сбиться с правильного пути*, *пойти по плохой пути*, *пойти не по правильной пути*, *не пойти по пути*; *путный* / *путненький* / *путявый*, *путем*, *не по пути*, *непутевый*, *беспутный*, *распутный*, *распущенный*, *развратный*, *блудить*, *блудник*, *блудня*.

В исследуемом материале слово *путь* в его конкретно-пространственном значении не отмечено (такое значение закреплено за лексической единицей *дорога*), хотя его след отражен в форме *по пути* / *по пути*: *К Елене заедете? Они же по пути живут*.

В целом же смысловой план концепта соотнесен с метафорическим осмыслением пути, при котором физическая, материальная пространственность трансформируется в идеальную, умозрительную. Понятие умозрения принадлежит Е. С. Яковлевой и определяется ею в соответствии с внутренней формой слова как «мысленное, умственное зрение, видение» [4], что как нельзя точнее передаст характер описываемой метафорической модели: видение зрением > «видение» сознанием. Данная модель является универсальной для русского языкового сознания, а ее наличие репрезентирует один из сущностных аспектов картины мира.

Метафора пути как движения в пространстве и времени прослеживается в представлениях описываемой ЯЛ о человеческой жизни. В этом движении особую выделенность получает идея его «конечного пункта»: ср. номинации умирания *подходить к концу*, *в землю уйти*, *уйти*, *убраться*, *отойти*. Осмысление смерти как конца земного пути отражено во фразеологизме *проводить в последний путь*, значение которого обращено в сакральную сферу и содержит указание на ритуальность действий, сопровождающих переход человека в иное пространство: *Хоронили Анну Петровну-то, приезжали, дак приехали на самолете — они семнадцать с половиной [тысяч]. Я говорю, выслали бы, ну, «в последний путь мать проводить»*; *Помяните, схороните чесь по чести. В последний путь!* Следует, однако, признать, что отсутствие у информанта веры в загробную жизнь оставляет открытым вопрос о том, какие представления о последнем пути актуализованы в индивидуальном сознании ЯЛ в данном случае и носят ли они сакральный характер.

Заведенный жизненный порядок линейного пути метафорически осмысляется ЯЛ как движение по накатанной колесе, из которой человек «выпадет» в случае нарушения привычного движения. Преодоление беспорядка получает языковую отмеченность в фразеологизмах *зайти в колею, вступить в колею: Потом собралась и ушла [жена сына]. Они прямо чуть... «кое-как, гыт, — на меня, — ой, тетя Вера, кое-как в колею, гыт, зашли, кое-как в колею... вступили»*. Как видим, линейность пути не предполагает его абсолютной континуальности: жизненный путь мыслится как смена порядка и беспорядка.

Иное проявление дискретности пути, не связанное с его бытийно-пространственным пониманием, представлено выделением в дискурсе «частных» путей, ограниченных протяженностью определенных действий. Здесь прототипический смысл поступательного целенаправленного движения порождает представления о протекании какого-либо процесса, действия, имеющего начало и конец и членимого на этапы: *Не знаю, как делать-то буду [дойти корову соседа в его отсутствие]. Сама согласилась, посереде пути бросать неохота*. Данное ответвление от прототипического пути уводит в более конкретную сферу, репрезентируя одно из измерений концепта.

Возвращаясь к метафоре пути в осмыслении жизни, следует сказать, что смысл упорядоченности прототипического пути может «укрупняться» и перерастать в идею ценностно отмеченного порядка, пространством существования которого становится этическая сфера. Путь, вписанный в систему нравственно-этических ценностей, на шкале нормы лежит в ее позитивной части, обозначая идеализированную норму, которая значительно реже становится предметом внимания ЯЛ в ее дискурсивных проявлениях. Такая норма служит фоном для сосредоточенности на отрицательном полюсе, который представлен развернутым вариантным рядом *сбиться с правильного пути, не пойти по пути, пойти по неправильной пути, пойти по плохой пути: У Люды мальчик, а его в армию взяли, он сбежал. И что-то пошел не по правильной пути, давай воровать тут кое-что да... Его посадили в тюрьму; А гармонис — то сбился с правильного пути, упивать стал; Плоха девочка стала, по плохой пути пошла; И он-то красивый. А дети не пошли по пути*.

Отклонение от правильного пути, жизненный беспорядок усматривается ЯЛ не в сиюминутных проявлениях, а в морально осуждаемом образе жизни (пьянстве, воровстве, склонности к неблаговидным поступкам, нежелании трудиться — последнее особенно важно, так как труд, с точки зрения В. П., является главным нравственным долгом человека). Все это имплицитно представляет ЯЛ о нравственном выборе и его «судьбозначимости» (Е. С. Яковлева).

Морально оцениваемые поступки человека формируют его характеристики — *путный / непутевый, беспутный*, при этом, как показывают контекстные реализации, первый член ряда соотносён с характеристикой гипотетического субъекта (идеальная норма): *Путный-то и в городе найдет работу*, в то время как референция второго конкретна: *Он не работает нигде, хочет в город. ~ Непутевый. Там работать надо, а он работать не любит; А бабенка беспутна тоже, а она и щас бегат, сучит без ума; А та-то убежала [бросив ребенка]? Вот змея так змея, беспутна*.

В квалификации поведения субъекта лексическую выделенность получает семантика половой распущенности, закреплённая за рядом единиц *распутный, распущенный, развратный*. В них определяющую роль играет приставка рас-, несущая идею рассредоточенности как в сфере физического пространства (ср. *распутье: Весной-то само распутье будет*), так и в этической сфере [5]. Отметим, что специализация (акцентированность на сексуальной сфере) морально-этического значения слова *распутный*, а вместе с ним и *распущенный*, включённых в семантическое поле пути, определяется когнитивной памятью этих слов, по описанию Д. Н. Шмелева, этимологически родственных и восходящих к древнерусскому *ропуск, распуст* ‘развод, расторжение брака’, а впоследствии *ропутство* ‘беззаконие’ [6]. Однако в сознании ЯЛ все эти единицы, включая *развратный*, последовательно связываются с осуждаемой антинормой в определённой жизненной сфере: *Она шибко така вольна была, распутна была, ит мужика гуляла, гыт, тамо-ка; А кого поставили [заведовать клубом]? То несовершеннолетня, то распушизна така; [Родившую вне брака] гуляшша, развратна называют*.

С семантикой пути соотносится и глагол *блудить* ‘сбившись с дороги, ходить в сс поисках’, в значении которого также проявляется диалектика физического и умозрительного. В данном случае потеря пути мыслится как интеллектуальный беспорядок, неверная передача информации: *Ну маленько че-то перепутала она. Так-то она не блудит. О, как по воде бредет! Ну, она ниче и не запинается и ниче. Вот я че думаю сказать, забуду, а она...*

В другом значении слова *блудить* ‘братъ без спросу, хулиганить, проказничать’ и соответственно в характеристиках *блудник, блудня* содержится указание на отрицательно оцениваемые действия, субъектом которых чаще всего является ребенок, животное, скотина, таким образом, градус оценки незначителен — это не моральное осуждение, а неодобрение, относящееся к ещё одному виду жизненного беспорядка: *А у их кот стал блудить. ~ Он взял его да упер на большой базар в мешке; Печенья -- высушит [мама],*

в мешочек и подвешат. И мы не брали, никто, не блудили, не ели; Пойти по внука. Наблюдит че-нибудь. Блудня он мальчик-то. Невоспитанный; Блудня [кошка]. А мне это принесла Физа селедочку, таку вот. - Прихожу — она доедат тут ее, съела.

До сих пор предметом нашего рассмотрения была дискурсивная выделенность отрицательного полюса оценки, связанного преимущественно с деонтической нормой. Иная картина наблюдается в сфере повседневной практической деятельности человека, где в фокусе внимания оказывается семантика порядка, констатация того, как положено, как следует быть. В описании различных действий человека, качеств объектов окружающего мира через наречие *путем* и прилагательное *путный* регулярно актуализируется стандартизованная норма. Признак, маркирующий представление об идеале, чрезвычайно разнопланов: это повседневные действия, утилитарные характеристики предметов, животных, растений, указание на то, что принято за норму в социуме, время как отсутствие разного рода аномалий и др. Ср. контексты: *Ее убрать, эту тепличку, и все подремонтировать, грядки путем изделать, подделать все путем; Она развалилась, а мать говорит: «Сядь путем»; У меня есть битончик-то. Путного-то нет, а барахла дополна: тогда у кого че было? У путных-то людей не было [мебели], а... кого тут-ка?; Которы бедненьки, пустят вечорку. Ну, путны-то не пустят. Бедненьки старушонки каки-нибудь; Раньше, кода в путно-то время было, дак родилась [клюква], на болоте брали.*

Важно подчеркнуть, что в утилитарной сфере идеальная норма заполняет все оценочное пространство, что определяется мотивацией оценки: идеальная модель, обеспечивающая нормальную жизнедеятельность человека, выводится сознанием на первый план и получает устойчивую экспликацию в языковых формах.

Итак, предпринятое описание позволяет сделать некоторые обобщения. Пространственная природа архетипического концепта «путь» определяет множественность способов его развития, при котором пространство в его физической ипостаси формирует мыслительные образы в различных жизненных сферах: этической, психической, интеллектуальной, социальной, утилитарной, реализуя идею порядка и беспорядка в них. Сам способ миромоделирования через образ пути является универсальным в силу базовости феномена пространства в когнитивных механизмах восприятия. Специфичным же представляется характер моделирования, при котором «задействованными» оказываются практически все сферы человеческого бытия, что говорит о значимости концепта «путь» для носителя традиционной речевой культуры и его доминантном положении в картине мира

ЯЛ. Репрезентирующие его единицы наделены оценочным свойством и через динамику порядка и беспорядка выстраивают идеальную модель мира ЯЛ, в которой идеальная норма этической сферы утверждается через констатацию беспорядка, в то время как для модуса восприятия окружающего мира во всем его многообразии — «среды и средства для человеческого бытия» (Н. Д. Арутюнова) — в целом характерен примат порядка над беспорядком. Отмеченная диалектика порядка и беспорядка в разных жизненных сферах также представляется специфичной.

Примечания

1. Чернейко Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997. С. 7.
2. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М., 2004. С. 40.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 616.
4. Яковлева Е. С. Пространство уозрепия и его выражение в русском языке // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 268.
5. Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. *Компактность vs. рассеяние* в метафорическом пространстве русского языка // Логический анализ языка. Космос и Хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка. М., 2003. С. 350.
6. Шмелев Д. Н. Избранные труды по русскому языку. М., 2002. С. 494–497.

© О. Н. Кондратьева
КемГУ, г. Кемерово

Фитоморфные признаки концептов внутреннего мира человека (на материале текстов Древней Руси)

Процесс концептуализации действительности, специфика объективации концептов в языке, механизмы формирования концептуальной картины мира и структуры отдельных концептов являются одной из основных областей рассмотрения современной лингвистики. В настоящий момент преобладает изучение концептов в фольклорных текстах либо в текстах XIX – XX вв., практически не изучаются в подобном аспекте древнерусские тексты. Обращение к текстам Древней Руси позволит понять, «что именно и каким образом когда-то открывали для себя наши предки, восстановить, хотя бы в общих чертах, картину их познания мира» [1].

Анализ структуры концептов может быть проведен на основе анализа сочетаемости лексем, являющихся репрезентантами изучаемых концептов. И. А. Стернин отмечает, что «анализ сочетаемости лексем, объективирующих концепт в языке ... даст возможность выявить некоторые составляющие концепта. Из сочетаемости можно выявить способы категоризации концептуализируемого явления. ... выявленные способы категоризации (когнитивные метафоры) должны быть сформулированы как определенные содержательные

признаки, входящие в структуру концепта» [2]. Таким образом, описание концептов происходит «в виде выделения максимально полного набора признаков, свойственных исследуемому концепту. Такие признаки формируют структуру концепта. Под структурой концепта понимается совокупность всех потенциальных признаков, свойственных тому или иному концепту» [3].

Сегмент фитоморфных признаков является одним из центральных в структуре концептов внутреннего мира человека в древнерусский период. Растения, порождающая их земля и общая идея плодородия достаточно активно используются в процессе концептуализации действительности с древнейших времен. В. Н. Топоров указал на участие растений в многочисленных системах классификаций, что позволило ему предположить существование растительного кода, в котором выражена «символика плодородия, процветания, богатства, новой жизни» [4].

Со времен язычества растениям и породившей их земле приписывались особые функции, с ними связывался культ предков, разного рода обряды и ритуалы. Многие явления жизни человека соотносились с жизнью растений. Достаточно распространенным являлось представление о связи отдельных компонентов внутреннего мира человека, в частности души, с миром растений; у славян бытовало представление души в образе цветка. Существовали мотивы прорастания души в виде деревьев и цветов, а также поверья, что души умерших живут в деревьях, ветвях, листьях или цветах, отсюда запрет срубать некоторые деревья и обычай сажать деревья на могилах [5]. Уподобление души дереву встречается и в Библии: **и бѹдетъ дѹша ихъ, якоже древо плодовито, и не взычѹтъ к томѹ** (Иср. 31: 12).

Прежде всего, концептам внутреннего мира человека свойственны признаки, характеризующие жизненный цикл растений. В данную группу входит признак 'произрастание': **онъ бо не бяше нашъ, от добрыхъ дѣлъ повѣженъ богатство ваше прелестное, не довольно емѹ бысть от Тиверна рѣкы пити воды целомѹдрна и тоя ясти, в немже растеть ѹмъ богочестный** (ЛЕР). Посредством признака 'цветение' описывается эмоциональное состояние человека: **а мнѣ же цвететь сердце и точить ѹмъ, но языкъ ми косенъ и хѹдословесен и толикое величество исповѣдати** (ИФ), а также возраст человека: **и въ всемъ равно послѣдѹющѹ своему ѹчителю, тѣломъ ѹбо младѹ, ѹмомъ же зело сѣдинами цветѹща** (ЖСР). Признак 'увядание' реализует значение 'угнетенное эмоциональное состояние, страх': **о сей князе азъ, страстный, егда помышляю, трепещѹ и трясѹся, сердцемъ увядаю** (СЯ).

В. Н. Топоров указывал, что «объектами мифологизации становятся не только сами растения, но и их корни, листья, ветви, а также те части, которые выражают квинтэссенцию не только данного, но и вообще всех растений (цветы, плод, зерно, семя) [6]. Растительные признаки концептов внутреннего мира могут быть представлены посредством ‘морфологических характеристик растения’, таких, например, как ‘корни’ и ‘плоды’. Так, ‘корнями’ обладают *сердце* и *ум*: ...спряжениемъ чювствия *умъ* в *сердцѣ* садъ *вкореняеть* (СЛ); из третьева стрелили — *убили богатыря против сердца богатырскова*, отрезали *коренье сердечное* (ПС); како ли не оупали зеницы со слезами вкупе, како ти не оувалося *сердце от корени* (ПЛ).

Признак ‘плоды’ характерен для концепта *сердца*: что рано *увядаеши виноград многоплодный*, *уже не посади плода сердцу моему* (СЛ). Плоды символизируют идею урожая, жатвы, а в духовном плане — мудрость, что подчеркивается и эпитетом ‘плода’ *умный*: *сердце же плодъ умнымъ миру подаваетъ* (СЛ).

Растительные признаки концептов внутреннего мира человека связаны и с концептуализацией основных его констант как ‘места произрастания растений’, что связано с особым восприятием земли, плодородной почвы, дающей жизнь растениям. Как отметил В. В. Евсюков, «главное свойство земли, имевшее в глазах древнего человека первостепенное значение, — это плодородие. Неведомая чудесная сила, ежегодно производящая злаки и растения и дающая тем самым пропитание людям и зверям, не могла не вызывать в религиозном сознании почтительного к себе отношения» [7].

В качестве почвы в сознании человека Древней Руси представлял ум, в котором укореняется учение: *яко же и мяхому воску чисто печать воображается, зело и учение от младых ноктей крѣпостнѣ во умъ вкореняется* (СС); сердце, на земле которого утверждена вера: *великий же и неполевимый столпъ богомъ крѣпко водружан, не на песцѣ основанъ но на земли сердечнѣи твердѣ* (НППРЦ), а также душа, в которой произрастает и цветет благодать: *кто достигнет поистине исповѣдати добродетѣльнаго жити его, благодати цвѣтущи в души его* (ЖСР).

По наблюдениям З. М. Волоцкой, существует «противопоставление культурных растений, выращиваемых человеком в ‘своем’ пространстве (огороде, поле, саду), дикорастущим растениям, растущим в чужом пространстве без участия человека» [8]. Концепты внутреннего мира человека, концептуализируемые как ‘место произрастания растений’, также характеризуются категориальными признаками «свой — чужой».

Душа, сердце и ум человека концептуализируются исключительно как окультуренные, освоённые человеком 'места произрастания растений', а именно как 'сад' и 'нива'. Образ сада является значимым для большинства культур. В качестве 'сада' в сознании человека могут быть представлены душа, ум и сердце: садъ быс душевнѣй. посрѣдѣ во дому гснѣа столъ (М); говорѣ водѣ вѣтрѣмъ бываесть умъ въ сердце садъ въкореняесть (СЛ).

Уподобление 'ниве' характерно для *души и сердца*: да ѹмѣгчѣть Господь нивы душевныя сердець вашихъ (МЛС). Представление о душе и сердце как 'ниве' связано с пересечением растительного и земледельческого (сельскохозяйственного) кодов.

Л. В. Балашова также обращает внимание, что флористическая модель активно притягивает лексику других семантических сфер. В частности, «каузативное представление о развитии и причинно-следственных отношениях выражается здесь с помощью сельскохозяйственной лексики (посев, уборка урожая): снѣ, не сѣи на браздахъ неправды и не пожнешь ихъ седмицею (Изб. 1076)» [9].

Земледелие являлось одним из базовых видов деятельности человека, это «основное традиционное и наиболее ритуализированное занятие славян (паряду со скотоводством). ...Для общеславянской традиции характерно представление о высоком статусе земледельческого труда в сравнении с военными и даже магическими функциями высшей власти — князя» [10].

Земледельческие метафоры издавна использовались для описания различных сторон человеческой жизнедеятельности. Центральные компоненты внутреннего мира человека — душа и сердце — представлены в древнерусских текстах как плодородная почва, дающая обильные плоды. Следует отметить, что уподобление компонентов внутреннего мира пашне присутствует и в текстах Священного Писания, где сердце предстает как пространство, засеянное словами: всякомѹ слышащемѹ слово царствия и не разѹмѣвающѹ, приходитъ лѣкавыи и восхитаетъ всѣянное въ сердце егѹ (Мф. 13: 19).

В древнерусских текстах 'нива' души и сердца подвергается всем основным действиям, которые характерны для обычного поля.

'Пахота'. Прежде всего, ниву необходимо вспахать: штець во сего Володимеръ [землю] взора и оумѣкчи рекше крещеньемъ просвѣтивъ. съ же настѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людин (ЛЛ). 'Смягчение' 'нивы' душевной и 'нивы' сердца является подготовительным этапом для восприятия человеком истины, необходимой предпосылкой для движения человека верным путем: да ѹмѣгчѣть Господь нивы душевныя сердець вашихъ, еже слышати и

разумѣвати всѣмъ истиннѹ (МЛС); ты, о благочестивый снхъ рифмъ читателю, бога правды и жизни вѣчны искателю, умягчи прежде ниву внутрь сердца твоего, потомъ вся писанная въ него (АП).

‘Умягчение’ сердечной ‘нивы’ является также метафорой милосердия, раскаяния: Господь же, премилостивый Богъ, умягчилъ ниву сердца ея: прислала на утро сына среднева Ивана ко мнѣ, — со слезами просить прощения матери своей, ходя и кланяясь около печи моей (ЖПА).

Затем ‘ниву’ необходимо ‘удобрить’, чтобы она дала обильные плоды. ‘Удобрение’ и ‘плодоношение’ столь тесно связаны, что это проявляется и в языке, один и тот же глагол оугобзити имеет два значения: 1) *напityвать, насыщать досыта, напаять* и 2) *урождаться в изобилии* [11]. Напоенная, насыщенная ‘почва’ души позволяет зародиться мыслям в сердце: и уговзися святому Андрею нива душевнаа, и положиися ему большая мысль въ сердце (НЛ).

Наиболее распространенной является метафора ‘посева’, когда ‘нива’ души и сердца засевадается особыми ‘семенами’: прииде ж во времена глад велик на землю, самодержецъ же в тѹзе и в болѣзни быв и, видев падения многа, зжалися зело гладныхъ ради, и ниву сердца своего благоразсѹднаго милосердия жита настѣяв, существеннѹ пшеницѹ, елико предержажѹ человеческомѹ естествоѹ, роздати повелѣ (СЦДС).

Зерно и семя — это самый общий и самый глубокий из всех растительных символов, подчеркивающих идею непрерывности развития жизни, плодородия. Именно зерно «обладает свойством надолго сохранять и вновь и воссоздавать жизнь, умножая ее. Семя — растение — семя составляют извечный круговорот, который свидетельствует о нескончаемости жизни» [12].

В качестве ‘семян’ выступают слова, которые, упав на благодатную почву, прорастают: Ярославъ сынъ Володимерь же настѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людей. а мы пожинаемъ оученье приемлюще книжное (ИЛ). Процесс ‘засевания’ души и сердца связан с познанием истины, с приобретением человеком мудрости: отрок же сътвори поклонение старцѹ и акы земля плодовиная и доброплодная, сѣмена приемши въ сердца си, стояше, радуяся душею и сердцемъ, яко соподобися такова свята старца обрѣсти (ЖСР).

‘Семена’, которыми ‘засеяно’ сердце человека, воспринимаются в древнерусской культуре в большинстве случаев как семена Божественные: всегда сѣю в ниву сердцеъ вашихъ сѣмя Божественное, ни коли же вижю прозябша и плод породивша (ССВ). Но помимо ‘здоровых семян’ в сердца человека могут быть ‘посеяны’ и

‘больные семена’ — хвала и гордость: си бо вся быша от дьявола на ны, иже всеваетъ въ сердце наше хвалу и гордость (ИЛ).

Брошенные сеятелем в сердце человека семена не всегда прорастают и дают плоды: душа яко земля безводна оста, не может принести плода (МВС); всегда сѣю в ниву сердце вашихъ сѣмя Божественное, ни коли же вижду прозябша и плод породивша (ССВ). У некоторых людей данный процесс является бесполезным в силу их несовершенной природы: не сѣи бо на бразнахъ жита, ни мудрости на сердца безумныхъ (МДЗ).

Когда вырастает посеянное на ‘ниве’ внутреннего мира, наступает время сбора урожая, время ‘жатвы’. Жатва — «один из наиболее ответственных периодов в хозяйственном цикле земледельцев, относящихся к хлебу как к высшей ценности» [13]. В метафорическом плане жатва связана с приобретением знания.

Как правило, отдельному человеку удастся только произвести ‘посев’, заронив в людские сердца семена истины, а сбор урожая, жатва производится уже его потомками или духовными преемниками: Продавъ сынъ Володимеръ же на сѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людей. а мы пожинаемъ оученье приемлюще книжное (ИЛ).

Таким образом, в описании процесса приобщения человека к истинному вероучению, в познании книжности присутствуют все этапы земледельческих работ: пахота, удобрение, посев, жатва, упоминаясь иногда даже в одном контексте: штець бо сего Володимеръ [землю] взора и оумачи рекше крещеньемъ просвѣтивъ. съ же на сѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людей. а мы пожинаемъ оученье приемлюще книжное (ЛЛ).

В качестве ‘земледельца’, возделывающего ‘ниву’ внутреннего мира, может выступать Бог: да умягчить Господь нивы душевные сердецъ вашихъ, еже слышати и разумѣвати вѣмъ истинну (МЛС). ‘Сеятелем’ может быть и дьявол, что вызывает негативные проявления в поведении человека: си бо вся быша от дьявола на ны, иже всеваетъ въ сердце наше хвалу и гордость (ИЛ).

Сеятелем может выступать и сам человек: берегись, другъ, если только пашню свою хочешь возделать, а душу свою оставишь необработанной (П).

Фитоморфные признаки концептов
внутреннего мира человека

Признаки	Душа	Сердце	Ум
‘Жизненный цикл растений’			
‘Произрастание’	—	—	+
‘Цветение’	—	+	+
‘Увядание’	—	+	—
‘Части растений’			
‘Корни’	—	+	+
‘Плоды’	—	+	—
‘Место произрастания растений’			
‘Сад’	—	+	—
‘Нива’	+	+	—

Из таблицы видно, что фитоморфные метафоры использовались при концептуализации всех трех анализируемых компонентов внутреннего мира человека, при этом распространенными являлись признаки ‘жизненный цикл растений’, ‘части растений’ и ‘места произрастания растений’ (признаки структурных групп ‘формы существования растений’, ‘названия растений’ в изученном материале отмечены не были). Для концептов внутреннего мира характерны наиболее общие растительные признаки, которые выражают quintessence всех растений в целом, а не какого-то определенного их вида. Признаки структурной группы ‘места произрастания растений’, свойственные концептам внутреннего мира человека, характеризуются исключительно через признаки освоенного пространства (‘сад’ и ‘нива’), что связано с особым статусом констант внутреннего мира. Как отметила Т. В. Цивьян, «в плане категории possessivity «интенциональное владение» или присвоение выступает здесь наиболее отчетливо: присвоен может быть не только вещественный объект, но и явление, эмоция, понятие и т. п., т. е. освоенным оказывается весь мир, точнее, он интериоризируется в локус данного объекта» [14].

Хорошо знакомый человеку процесс земледелия, особое отношение к земле как главной ценности, от которой во многом зависит существование человека, обусловило перенос данных характеристик на компоненты внутреннего мира, также воспринимаемые как необходимые для существования. Земледельческие метафоры использовались для описания процесса познания, приобщения к православной вере.

В целом же можно отметить, что «исключительная» роль растений — диких и особенно культурных — в жизни человека способствовала мифологизации всего контекста, в котором выступают рас-

тения, начиная с земли, понимаемой как материнское лоно растений и жизни вообще, и кончая всеми благоприятными факторами, влияющими на растения» [15]. Таким образом, растительные метафоры являются одним из наиболее древних способов концептуализации внутреннего мира человека.

Примечания

1. Колесов В. В. Древняя Русь: Наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000. С. 8.
2. Стернина И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Под ред. И. А. Стернина. Воронеж, 2001. С. 62–63.
3. Пименова М. В. О типовых структурных элементах концептов внутреннего мира (на примере концепта *душа*) // Язык. Этнос. Картина мира: Сб. науч. тр. / Отв. ред. М. В. Пименова. Кемерово, 2003. С. 28.
4. Топоров В. Н. Растения // Мифы народов мира. М., 1999. Т. 2. С. 368.
5. Толстая С. М. Душа // Славянские древности. М., 1999. Т. 2. С. 166.
6. Топоров В. Н. Указ. соч. С. 369.
7. Евсюков В. В. Мифы о вселенной. Новосибирск, 1988. С. 58.
8. Волоцкая З. М. Лексика болгарских загадок (опыт составления семантического словаря загадок) // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. М., 1983. С. 190.
9. Балашова Л. В. Роль метафоризации в становлении и развитии лексико-семантической системы (на материале русского языка XI–XIV вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1998. С. 27.
10. Петрухин В. Я. Земледелие // Славянские древности. М., 1999. Т. 2. С. 312.
11. Полный церковнославянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). М., 2001. С. 748.
12. Некрылова А. Ф. Русский земледельческий календарь // Круглый год: Русский земледельческий календарь. М., 1991. С. 13.
13. Виноградова Л. И., Усачева В. В. Жатва // Славянские древности. М., 1999. Т. 2. С. 196.
14. Цивьян Т. В. Об одном аспекте посессивности и способах его выражения в балканских языках // Балканское и славянское языкознание: Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984. С. 83.
15. Топоров В. Н. Указ. соч. С. 368.

Источники

- АП — Анонимная поэзия // ПЛДР: XVII в. М., 1994. Кн. 3.
 Библия. Книги Священного Писания, Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке. М., 1997.
 ЖПА — Житие протопопа Аввакума // ПЛДР: XVII в. М., 1989. Кн. 2.
 ЖСР — Житие Сергия Радонежского // ПЛДР: XIV — сер. XV в. М., 1981.
 ИЛ — Ипатьевская летопись. М., 1962.
 ИФ — Инок Фомы слово похвальное ... ПЛДР: 2-я пол. XV в. М., 1982.
 ЛЕР — Летописец Еллинский и Римский. СПб., 2002.
 ЛЛ — Лаврентьевская летопись. М., 1997.
 МДЗ — Моление Даниила Заточника ПЛДР: XII в. М., 1980.
 МЛС — Московский летописный свод. М.; Л., 1949.
 НЛ — Новгородская первая летопись. М.; Л., 1941.
 НППРЦ — Новая повесть о преславном российском царстве / ПЛДР: кон. XVI–XVII в. М., 1987.

- П. — Пчела // ПЛДР: XIII в. М., 1981.
 ПЛ — Псковская первая летопись. М., 2000.
 ПС — Повесть о Сухане // ПЛДР: кон. XVI–XVII в. М., 1987.
 СЛ — Софийская первая летопись. М., 2000.
 СПИ — Слово о полку Игореве // ПЛДР: XII в. М., 1980.
 ССВ — Слова Серапиона Владимирского // ПЛДР: XIII в. М., 1981.
 СС — Справщик Савватий // ПЛДР: XVII в. М., 1994. Кн. 3.
 СЦДС — Хворостинин И. А. Слова царей, днй и святителей // ПЛДР: кон. XVI–XVII в. М., 1994.
 СЯ — Стихотворения Стефана Яворского // ПЛДР: XVII в. М., 1994. Кн. 3.

© В. О. Макавчик
 ТПУ, г. Томск

«Процесс» и «результат» как концепты, выраженные в глагольной лексике (экспериментальное исследование)

При экспериментальном исследовании отражения видовой категоризации русских глаголов в языковом сознании русскоговорящих было выявлено, что семантические различия между глаголами СВ и НСВ носители русского языка (из среды молодежи, получающей высшее образование) осознают на основе понятий «процесс» и «результат». Именно эти понятия оказались наиболее психологически выделенными в сознании носителей русского языка при соотношении ряда глаголов одного из видов с различными компонентами видовой семантики, отмеченными аспектологами (более подробно см. [1]).

Кроме того, в ходе дальнейшего исследования была обнаружена обратная связь: между упомянутыми понятиями и глаголами одного из видов. Понятия «процесс» и «результат» исследовались на этом этапе в числе других семантических компонентов, релевантных для категории вида русского глагола: *предел/предельность, целостное действие, многократность, повторяющееся действие, длительное действие, следствие, однократное действие, итог, результат, завершение*.

Рабочей гипотезой данного этапа эксперимента было предположение, что если понятие является осознаваемым компонентом видовой категориальной семантики, оно может быть представлено через разнообразие глаголов одного из видов. На данном этапе эксперимента использовался прием, называемый «методом извлечения примеров» [2]. Ряд заданий состоял в том, чтобы к предлагаемому понятию назвать 10 глаголов, с ним соотносимых (например: «Назовите 10 глаголов со значением процесса»). На каждое понятие давали глагольные реакции 50 человек, таким образом, мы получили материал для сравнения всех исследуемых понятий.

Одним из итогов проведенного исследования глагольной репрезентации ряда обозначенных понятий является вывод, что в сознании носителей русского языка далеко не все из них соотносятся с глагольной лексикой. Действительно, на понятия «целостное действие» и «предел/предельность» информанты привели всего 35–37 % от числа возможных реакций, при этом отказ от выполнения задания зафиксирован в 40–46 % анкет. Очевидно, эти понятия не могут считаться концептами, выраженными в глагольной лексике, скорее всего, они выражаются другими средствами языка.

Противоположными можно назвать выводы относительно понятий «процесс» и «результат». Эти понятия очень легко соотносятся в сознании русскоговорящих с разнообразной глагольной лексикой (преимущественно одного из видов глагола): на понятие «процесс» информанты привели 96 % реакций (из них 91 % — глаголы НСВ), на понятие «результат» — 92 % реакций (из них 85 % — глаголы СВ), при этом отказов от ответов не было (более подробно см. [3]). Это дало основания предполагать, что **представления о «процессе» и «результате» в сознании русскоговорящих формируются во многом с участием лексики одного из видов глагола**, многогранно отражающей опыт и знания человека.

Концептуальную сущность этих понятий удалось выявить с помощью задания, которое заключалось в том, чтобы назвать 10 глагольных примеров (с зависимыми словами) на понятие «результат» (или «процесс»). Таким образом мы получили глагольную репрезентацию указанных понятий и смогли проанализировать ее в лексико-семантическом аспекте.

Остановимся на анализе концепта «результат», существование которого в русской языковой картине мира уже было отмечено исследователями [4].

Понятие «результат» многоаспектно в представлении русскоговорящих, оно соединяет в себе различные смыслы, репрезентируется весьма разнообразными глаголами СВ, т. е. глаголами всех трех семантических полей: глаголами «действия и деятельности» (92,2 %), глаголами «бытия, состояния, качества» (9,4 %), глаголами «отношения» (18,0 % — анализ глагольных реакций проводится в соответствии с Толковым словарем русских глаголов под ред. Л. Г. Бабенко [5]). Понятие «результат» (как и понятие «процесс») осознается прежде всего на основе глаголов семантического поля «действия и деятельности» что закономерно, так как «глаголы действия составляют ядро глагольной лексики и именно в них ярко проявляются многие грамматические и функционально-семантические процессы, характерные для глаголов как особого семантического класса слов» [6].

Прежде всего значимы в представлении русскоговорящих о результате действия смыслы завершения (прекращения, окончания) действия, так как наиболее частотно репрезентируют это понятие глаголы СВ *завершить, закончить, выполнить*.

Понятие «результат» содержит в себе разнообразные изменения в физической, интеллектуальной, социальной сферах жизни субъекта, изменения в пространственном положении субъекта или объекта действия. Результативность связана с наличием ориентира, направления движения, количество ориентиров и их расположение на этапах пути может быть различным: начало — *уйти (из дома), выйти (на свободу)*; конец — *приехать (домой), добежать (до финиша)*; начало и конец пути — *пройти (путь), перейти (улицу)*. Само это движение может характеризоваться различной интенсивностью, скоростью, различным способом и направлением: *выпрыгнуть (из окошка), спуститься (на дно океана)*.

Репрезентация понятия «результат» через глаголы физического воздействия на объект достаточно многочисленна. Это глаголы прикосновения: *погладить (белье, брюки), толкнуть (в овраг)*. Глаголы очищения, удаления чего-либо с поверхности объекта или субъекта наиболее многочисленны в этом ряду: *вымыть (пол, посуду, руки, окно), помыть (посуду), перемыть (посуду), постирать (белье), выбить (ковер), вынести/выкинуть/выбросить (мусор), вычистить (кастрюлю), отмыть (грязь), очистить (лужайку), почистить (зубы), свести (пятно), скосить (траву), смыть (грязь)*.

Действия, выражаемые данными глаголами, оцениваются как позитивные, соответствующие норме, однако и негативные действия также входят в представление о результате. Приводились как ассоциируемые с понятием «результат» глаголы группы повреждения объекта, отрицательного воздействия на объект, в том числе группы активного воздействия на объект с нанесением ему вреда, вплоть до уничтожения: *сломать (ручку, телевизор), доломать (часы), испортить (вещь); разбить (лицо); сжечь (письма)*. Также приводились глаголы, относящиеся к группе лишения жизни живого существа: *убить (врага, чеченца)*.

Это означает, что представление о результате действия не связано с положительной или отрицательной оценкой действия, включает и положительную, и отрицательную коннотацию.

Носители русского языка оценивают как имеющие результат глаголы СВ противоположных значений, а именно глаголы, выражающие:

разнонаправленные действия: *открыть (банку, окно, шкаф) — закрыть (дверь, окно, стол, шкаф);*

созидание и разрушение: *связать (шарф), вырастить (цветок) – доломать (часы), испортить (вещь)*;

соединение и разъединение: *прибить (доску) – отрезать (кусок)*;

рождение и смерть: *родить (ребенка) – убить (врага, чеченца)*;

приобретение и утрату, лишение: *наловить (рыбу), получить (зарплату) – потерять (ключи), отдать (тетрадь)* и др.

Результативными считаются качества или характеристики человека в их возможности изменяться, что и фиксируется через соответствующие глаголы. Например, даны как репрезентирующие понятие «результат» глаголы СВ, отражающие становление внешних признаков и внутренних качеств человека: *похудеть (на 5 кг), стать (другим человеком)*, а также глаголы становления социальных качеств: *стать (звездой, известным, миллионером)*. Все эти глаголы передают изменение человека: как объективное, так и субъективное (в представлениях окружающих). Глаголы изменения качественного и количественного признака в глагольной репрезентации понятия «результат» также имеются: *перекрасить (стену), перекрасить (волосы), накрашивать (ногти), приумножить (состояние)*.

Практически не представлены в репрезентации понятия «результат» глаголы, характеризующие образ жизни человека. Отражая то, что является в жизни человека постоянным, фоновым, их значение оказывается малосовместимым с представлением о результате действия.

Глаголы СВ группы эмоционального состояния в реакциях также имеются: *выплакаться (вволю), отлучиться, дойти (до точки), соскучиться (по дому)*, однако таких глаголов немного. В большинстве своем глаголы этой группы передают погруженность человека в эмоциональное состояние, в котором отсутствуют ориентиры, что, возможно, и мешает осознанию этих глаголов как результативных.

Весь спектр глагольных значений, репрезентирующих понятие «результат», свидетельствует о неоднозначности представления русскоговорящих о результате действия, его интерпретационной сущности, которая предопределяет его концептуальную природу. Возможно, интерпретационная, концептуальная сущность понятия «результат» служит основой для осознания грамматической семантики совершенного вида русского глагола носителями русского языка.

Понятие «процесс» репрезентируется глаголами всех семантических полей, т. е. глаголами семантического поля «действия и деятельности» (75,4 %), глаголами поля «бытия, состояния, качества» (9,0 %), поля «отношения» (10,4 %).

Одним из наиболее широко представленных подполей сферы «действия и деятельности» является подполе глаголов «движения»

(13,6 %). Представление о процессе включает направленное движение, однако непоступательное движение в репрезентации изучаемого понятия также представлено — *прыгать (стоя)*, *крутиться (перед зеркалом)*, *танцевать (под дождем)*, это говорит о том, что направление и наличие ориентиров для глаголов со значением процесса не является обязательным. Такая же закономерность прослеживается и в группе глаголов перемещения объекта. В реакциях на это понятие представлены как глаголы однонаправленного перемещения — *вести (ребенка)*, *водить (машину)*, *катать (коляску)* и др., так и глаголы ненаправленного перемещения — *дергать (за руку)*, *толкать (в транспорте)*, *шатать (полку)*.

Следует отметить, что из глаголов физического воздействия на объект в репрезентации понятия «процесс» наиболее часто приводились информантами глаголы очищения и удаления объекта: *мести (пол)*, *мыть (посуду)*, *чистить (зубы)*, *стирать (белье)*. Эти глаголы передают действия, периодическое повторение которых необходимо в бытовой жизни человека, а сами эти действия можно считать обычными, узуальными. «Процесс», таким образом, связан с повторением действия, так как процессуальными мыслятся изо дня в день повторяющиеся действия, хотя сами эти действия могут быть и достаточно короткими по длительности: *чистить (зубы, ботинки)*, *мыть (руки)*.

Одна из групп глаголов, широко представленных в репрезентации понятия «процесс», это глаголы созидательной деятельности (11,4 %): *строить (дом)*, *шить (брюки)*, *писать (книгу, лекцию, курсовую)*, *готовить (завтрак, обед, ужин)*, *ремонттировать (автомобиль, кран, стул, часы)*, *заполнять (анкету)*. Представление о процессе связано, прежде всего, с созидательной деятельностью человека, как физической, так и интеллектуальной. Интересно, что при проведении эксперимента нами было замечено, что некоторые информанты описывают через глагольные примеры условия и обстановку проведения эксперимента. Например, информанты к понятию «процесс» подбирают глаголы *заполнять (анкету)*, *ходят (красивые девушки)*, *получать (зачет)*, *объявлять (результат)*, *проводить (эксперимент)*, *думать (о сессии)*, *обучаться (в вузе)*, *опаздывать (на пару)*, соответствующие действиям в конкретной ситуации, которая сложилась во время их участия в эксперименте. Понятие «процесс» применяется в зависимости от опыта информантов и в соответствии с этим может варьироваться. Это понятие применимо к описанию актуальной ситуации и актуального положения вещей для носителя языка, что говорит о том, что этот компонент видовой семантики не только присутствует, но и реально функционирует в сознании русскоговорящих при использовании языковых глагольных средств.

Процесс мыслится через глаголы, отражающие действия и поведение человека в обществе, так как глаголы социальной деятельности также широко представлены (10,2 %). Из подгруппы глаголов социальной деятельности более всего приведено глаголов поступка и поведения: *хулиганить, дразнить (собаку), обижать (человека)* и др. — и глаголов профессионально-трудовой деятельности (*заниматься (делом, спортом), работать (в отрасли промышленности, на компьютере), преподавать (в школе)* и др.

Понятие «процесс» к цели безотносительно, оно включает в себя представление о цели — *пытаться (сдать), получать (зачет), стремиться (к лучшему)* и др., но также включает и глаголы, которые нельзя назвать целенаправленными, — *общаться, говорить (с друзьями), разговаривать, исполнять (красиво)*.

Исходя из анализа реакций можно сделать вывод, что начало и конец действия в меньшей степени осознаются как процессуальные. Действительно, на фоне широкой представленности глаголов существования: *быть (дома, на рыбалке), ждать (подругу), отдыхать (на море), сидеть (вместе, дома, молча, на стуле, у костра, за партой, за столом), сидеть (за компьютером), лежать (на диване)*, глаголы начальной фазы и прекращения бытия представлены единично: *начинать (думать), создавать (хорошее настроение, условия), умирать (достойно), вымирать (птицы)*. Из чего следует вывод, что глаголы, отражающие изменение ситуации, находятся на периферии представления о процессе. Об этом же свидетельствует и незначительность таких реакций, как *сушить (волосы), менять (жизнь)*, отражающих изменение признака или состояния, отсутствие в реакциях глаголов становления эмоционального состояния.

Имеют не единичные реакции глаголы, совместимые со значениями длительности или различной повторяемости: глаголы приобретения: (*надо*) *учиться, брать (уроки), занимать (деньги), ловить (рыбу), получать (подарки), покупать (продукты), приобретать (машину), дарить (подарки), раздавать (направо и налево), учить (студентов)*; глаголы эмоционально-оценочного отношения: *интересоваться (чем-либо), любить (без оглядки, жизнь, мир), жалеть (мать, собаку)*; глаголы внешнего проявления отношения: *бросать (кого-то), дарить (подарки), целовать, ласкать, обвинять (соседа), плакать (тихо), встречать (девушку), смеяться (над шуткой), танцевать (с ним)*.

Событийность передаваемого глаголами действия, отношения малосовместима со значением процесса, хотя все же глаголы такой семантики тоже имеются: *приходить (в гости), входить (в комнату)*.

Под «процессом» носители языка понимают не только действия, требующие затрат энергии. Например, имеются в глагольной репрезентации данного понятия глаголы *бить* (*баклуши*), *считать* (*ворон*), *мечтать* (*об отдыхе*) и др. С восстановлением энергии (духовной и физической) связаны действия, выраженные в глаголах: *смотреть* (*телевизор, фильм* и др.), *любоваться* (*природой*), *есть* (*конфеты, пищу, еду*), *кушать, вдыхать* (*свежий воздух*), *спать* (*долго, крепко*), *отдыхать* (*на море*).

Процессуальность включает и глаголы контролируемых действий, состояний: *смотреть* (*в окно, телевизор*), *звонить* (*домой*), *создавать* (*хорошее настроение, условия*), и глаголы действий, состояний не волевых, передающих независимость происходящего от воли человека: *дышать* (*через нос*), *слышать* (*шум*) и др.

Глаголы, обозначающие действия, повторяющиеся периодически, постоянно, имющие в настоящем времени неактуально-статальное значение, также представлены — это глаголы профессионально-трудовой деятельности (*водить* (*машину*), *заниматься* (*спортом*), некоторые из глаголов познания (*обучаться* (*в вузе*), *изучать* (*предмет, язык*), *работать* (*в отрасли промышленности*), *нести* (*ответственность*), глаголы эмоционально-оценочного отношения (*любить* (*мир, жизнь, без оглядки*), *интересоваться* (*чем-либо*)). Глаголы, обозначающие прерывистое действие (действие, состоящее из отдельных, достаточно коротких актов, фаз), представлены в различных группах: *долбить* (*просьбами*), *называть* (*поименно*), *рвать* (*бумагу*), *рубить* (*дрова*), *кусать* (*яблоко*), *стучать* (*в дверь*), *бить* (*руками*), *забивать* (*гвозди*).

Итак, «процесс» в представлении русскоговорящих — это то, что длится в момент наблюдения непрерывно, и то, что прерывается, периодически повторяется. Повторяемость, прерывистость действия входит в представление о процессе и понимается как повторение и коротких одинаковых фаз действия с короткими промежутками между ними, и длительных периодов действия с длительными промежутками между ними. Выявленное через глагольную репрезентацию представление о процессе в определенной степени дублирует лексическими средствами основные значения НСВ: актуально-длительное, неактуально-статальное, значение многократности (итеративное).

В ходе экспериментального исследования было выявлено многообразие смыслов, которые русскоговорящие подразумевают, когда используют понятия «процесс» и «результат» относительно глагольной лексики. **Многообразие входящих в понятия «результат» и «процесс» смыслов, их интерпретационная сущность, отра-**

жение в них сферы опыта человека позволяют сделать вывод о том, что эти понятия являются концептами, выраженными в глагольной лексике. Являясь «квантом» знания, концепт представляет собой «оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы языка мозга, всей картины мира», которая отражает «сведения о том, что индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира». При этом концепт сводит «разнообразис наблюдаемых и воображаемых явлений к чему-то единому, подводя их под одну рубрику ...способствуя обработке субъективного опыта путем подведения информации под определенные выработанные обществом категории и классы» [7].

Возможно предположить, что понятия, на основе которых носители языка осознают грамматические значения, являются основополагающими в языковой картине мира и должны иметь концептуальную сущность. Это, в свою очередь, дает возможность изучать многообразие смыслов, входящих в подобные концепты, через анализ их репрезентации. В любом случае следует иметь в виду, что формирование концепта может осуществляться на различных уровнях системы языка, в частности, лексическая и грамматическая семантика могут быть тесно переплестены.

Примечания

1. *Макавич В. О.* Осознание видовой оппозиции русского глагола посетителями русского языка (по данным лингвистического эксперимента) // Теоретические и прикладные аспекты филологии: Сб. науч. тр., посвящ. 10-летию каф. рус. яз. и лит. Ин-та языковой коммуникации Том. политехн. ун-та / Под ред. З. И. Резановой. Томск, 2004. С. 184–190.
2. *Кибрик А. Е.* Методика полевой работы с информантом // Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М., 1992. С. 278.
3. *Макавич В. О.* Категория вида русского глагола: экспериментальное исследование осознания посетителями русского языка понятий, предлагаемых в качестве инвариантов СВ и НСВ // Современная филология в международном пространстве языка и культуры: Тр. и материалы Междунар. науч. конф., 30 сент. — 2 окт. 2004 г. / Сост. Л. Г. Золотых. Астрахань, 2004. С. 52–54.
4. *Богуславская О. Ю., Левонтина Н. Б.* Подведение итогов в русском языке // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2002. С. 36–49.
5. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 1999.
6. *Кильдибекова Т. А.* Структура поля глаголов действия. Уфа, 1983. С. 4.
7. *Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Паикрац Ю. Г., Лузина Л. Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С. 90–91.

К вопросу о соотношении идеальное — языковая система

Человек, осваивая мир и ориентируясь в нем, наделяет реалии мира определенным содержанием, т. е. проецирует на них свой познавательный-практический опыт, свои знания и представления о мире. Тем самым происходит очеловечивание пространства (ниши взаимодействий человека и мира). Человек культуры уже живет в опредмеченном мире, выступая одновременно и субъектом и объектом этого мира. В соответствии с концепцией Л. С. Выготского, реальный мир предстает перед человеком в «удвоенном» виде: как мир «вещей» и мир общественно выработанных знаний об этих вещах, как отображение этого мира в идеальных формах. Если идеальное во многом характеризует происхождение сознания, его природу (со-знание), т. е. является его онтологическим признаком, то «удвоение мира» — это подчеркивание признака представления, репрезентативности, который характеризует «работу» сознания и является его функциональным признаком: идеальные формы сознания могут выступать в функции значений. Репрезентативность как сущностная черта идеального при соответствующих гносеологических интенциях может стать «множителем» мира отдельного человека. Так, Е. С. Кубрякова, обосновывая семиотическую заданность когнитивных исследований, пишет: «Мы реально живем в мире вещей и взаимодействуем с людьми вокруг нас. Мы тоже живем в мире языка, который предлагает нам увидеть и понять мир в терминах уже означенной и ословленной действительности. Но мы живем тоже и в мире знаков» [1]. На наш взгляд, в данном определении слишком много миров, в то время как есть лишь единый мир, который выступит перед нами только таким, каким мы его представляем, мы живем в мире вещей, но ориентируемся в нем с помощью своих представлений об этом мире. Знаки же, в том числе языковые, координируют наши концептуальные схемы. Три мира — лишь метафора. Знаки — те же вещи «мира вещей».

Если исходить из определения А. Н. Леонтьева: «Значение — это ставшее достоянием моего сознания... обобщенное отражение действительности, выработанное человечеством и зафиксированное в форме понятия, значения или даже в форме умения как обобщенного «образа действия», формы поведения и т. п.» [2], то именно отношение представления «удваивает» или «утраивает» мир. Значение есть форма презентации действительности в сознании, и тогда отчетливо про-

является метафоричность выражений «мир вещей», «мир языка», «мир знаков». В то же время «изолированное значение, будь оно вербальным или предметным (добавим: или знаковым. — Г. М.), — это абстракция. Человек стоит не перед лицом отдельного предмета, а предметного мира как целого; он оперирует не отдельными значениями, а системой значений» [3]. И именно система значений выступает основой для формирования «моего мира», или образа мира, который понимается в современной психологии как отображение в психике человека реального мира, опосредованного предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами, что в целом и поддается сознательной рефлексии. То, что осознается в предметах, явлениях, процессах объективной и субъективной реальности, оказывается во многом общим для любого человека, находящегося в пространстве определенной культуры. В этом смысле система значений выступает субъективизированной психологической опорой, на которую проецируются знания и опыт каждого человека: такой опорой может быть вещь, с которой знают, что делать; действие, которое представляется целесообразным, языковое выражение, которое индуцирует одинаковые представления, знак, который понятен, проявление чувства, которое адекватно вам. «Значение является социально кодифицированной формой общественного опыта, присваиваемого каждым индивидом. Эта кодифицированность является его конституирующим признаком, она сказывается в том, что соответствующий денотат может осознаваться» [4]. Таким образом, денотатом (эмпирическим объектом) значения слова выступает звуковой комплекс. Денотатом «вещи» — соответствующий предмет, однако не просто предмет, но предмет в контексте культуры, как и звуковой комплекс в контексте высказывания, поскольку только в контексте системы, с одной стороны, и контексте конкретного функционирования, с другой, может происходить осмысление мира, т. е. порождение мыслей и формирование смыслов об этом мире. Соответственно, актуализация значения инициирует мысль, а результатом мысли становится смысл. Это формы идеальной природы, но качественно и функционально различные. В плане соотносительности значения и смысла необходимо вслед за А. А. Леонтьевым подчеркнуть, что значение — это любая форма социального закрепления и кодификации деятельности, существующая также и в сознании. Со значением соотносятся личностные смыслы как форма включенности значения в концептуальную схему. В целом же можно констатировать, что значения являются единицами сознания.

Существует разное понимание значения: если психолог относит к объектам сознания прежде всего «предметные» значения, то лингвисты — прежде всего словесные значения, причем данные значения

оказываются соотносительными. Положение Л. С. Выготского подтверждает, что у слова как вещи есть свое предметное значение: «Всякое наше восприятие имеет значение... Значение предмета не есть значение слова...» [5]. Предметное значение относится к абстрактным объектам из рода гносеологических объектов, это идеальный представитель концепта как всего «объема» того, что мы знаем, чувствуем, переживаем по поводу того или иного эмпирического или абстрактного объекта. При этом «гносеологический образ» — «есть субстантивация идеального качества сознания в рамках эпистемологии; в рамках же семиотики гносеологический образ — презентант, опять-таки характеризующий феномен сознательного, ибо в природе презентации нет, есть лишь замещение, к которому презентация не сводится, описывая лишь мир человеческой культуры со стороны смысла» [6]. Поскольку значение не дается нам в ощущениях, понятие «значения», равно как и «знак», может характеризовать познание и коммуникацию в качестве семиотических ситуаций, актов семиозиса. Значение как идеальный представитель объекта познания, вид гносеологического образа направлено на свой объект, «привязано» к своему референтному уровню. Вопрос в том, что выступает в качестве объекта, чем является «референциальный» уровень — миром эмпирических объектов или миром абстрактных объектов. В последнем случае перед нами значение знака: «... гносеологический образ, который стал значением знака (и не обязательно лингвистического), имеет интенцию «ломаной траектории»: направление соответствия (совпадения) у него тоже на объект, который в акте семиозиса предстает как репрезентант, денотат, сигнификат, номинат и пр., но *через знак*» [7].

На этом основании можно заключить, что предметным значением (идеальной стороной) «вещи» выступает представление какого-либо свойства, качества, отношения данного эмпирического объекта. В случае знака, и это не требует доказательств, представляется не данный эмпирический объект, а другой, иная «вещь». В этой связи А. А. Леонтьев пишет: «Идеальная сторона знака несводима к субъективному представлению субъекта о содержании знакового образа («предметного» значения знака. — Г. М.), но она не есть и та реальная предметность, те действительные свойства и признаки предметов и явлений, которые стоят за знаком (квазиобъектом)» [8]. Отсюда возникает серьезная гносеологическая задача: при анализе знака разграничить в нем то, что обусловлено его «субстанцией» (собственной спецификой, признаками и свойствами), и то, что «перенесено» на него и преобразовано в нем. Иначе говоря, отделить предметное значение знака как эмпирического объекта от его связи с другим значением или другим абстрактным объектом, т. е. не

отождествлять два типа соотношений: означающее/означаемое знака и план выражения/план содержания знака. Предметное значение знака как эмпирического объекта не только отображает какие-либо его «собственные» свойства, но и является своеобразной «установочной базой» для создания «знакового» значения как апелляции к иной области представлений, связанных с иными «вещами». Типы знаков, по Ч. С. Пирсу, это «предметные» значения знаков как способы указания мыслящим субъектом на ассоциированные с данным представлением другие представления о других «вещах».

Означаемое знака не есть его значение, ни предметное, ни функциональное. Содержание (означаемое) знака, в том числе и языкового, — это область представлений о мире, к которой апеллирует человек, наиболее существенная при определенном взаимодействии как минимум двух субъектов и обусловленная целями и задачами общения: «Чтобы язык мог служить средством общения, за ним должно стоять **единое** или сходное понимание реальности, им *обозначаемой* (подчеркнем, понимание обеспечивается общим пространством культуры. — Г. М.). И наоборот: единство понимания реальности и единство действий в ней имеют своей предпосылкой возможность адекватного понимания» [9]. Знаки не обнаруживают, не проявляют непосредственно свойства обозначаемых предметов. С развитием языка его знаки все больше «отдалялись» от копирования и ситуативности (привязанности к контексту употребления) — отсюда вывод Соссюра о произвольности связи между означающим и означаемым, якобы полной немотивированности ее. Но внутренняя форма языковых выражений, деривационные законы и пр. свидетельствуют, что «доля» мотивированности есть, что связь между двумя сторонами языкового выражения как знака не такая уж случайная (произвольная). Произвольность связи не отменяет ее обязательности (жесткости), и даже если означающее (экспонент) знака представлен разными субстратами, т. е. имеется несколько экспонентов, связь с означаемым (содержанием) не нарушается, остается неизменной: в определенный исторический период конвенция сохраняется. По отношению ко всем знакам применимо положение М. В. Лебедева, касающееся естественных языков: «Концептуальная схема как система концептов и была бы тем “индивидуальным языком”, невозможность которого постулирует соответствующий аргумент; но она — не язык: она является *текстом* на этом индивидуальном языке *непосредственного описания* действительности. Этому языку не хватает “языковости” в том отношении, что он не обеспечивает коммуникацию — мы не можем непосредственно обмениваться с другими людьми нашими мыслями и т. п. ... Но мы можем использовать и используем для описания нашей кон-

цептуальной схемы естественный язык, предстающий, таким образом, метаязыком по отношению к языку непосредственного описания действительности» [10]. Следовательно, естественный язык, как и другие знаковые системы, прежде всего опосредует отношения между людьми одной культуры, цивилизации, а «изображать язык (в традиционной лингвистической его трактовке) как то, что опосредует отношение человека к миру, — это значит попадать в порочный круг» [11]. Все взаимодействия человека с миром и отношения к миру, к которому он принадлежит, в том числе и «внутренние» взаимодействия с описаниями (представлениями, различными структурами знаний) мира, опосредованы не вещами, языковыми выражениями, знаками и другими эмпирическими объектами, но их значениями.

В присущем ему ракурсе данное положение формулирует и Ч. С. Пирс: «...значение лежит не в том, что действительно мыслится, но в том, с чем эта мысль может быть связана в репрезентации ее последующими мыслями» [12]. Именно поэтому, согласно Пирсу, «самотождественность (identity) человека состоит (consists) в *связности* (consistency) того, что он делает и мыслит, а связность есть интеллектуальное свойство вещи, т. е. ее выражение чего-то» [13]. Различие же между значениями вещей, знаков и языковых вариантов заключается не столько в области опосредования — взаимодействия человек — *внешний мир (природа)* или взаимодействия человек — человек и человек — *его описания мира* — это, скорее, следствие, сколько в особенностях сигнификации знаков как идеальных форм и ее «направления совпадения», или обусловленности. Знак идеальной формы вещи не представляет сходство или тождество с ней. Будучи чем-то, через знание которого мы узнаем нечто большее, чем он сам, знак отличается особым функционированием, отличным от других идеальных форм. Специфика такого функционирования отражена в пирсовской трактовке знака: «Знак, или *репрезентант*, есть нечто, что знаменует (stands for) собой нечто для кого-то в некотором отношении или качестве. Он адресуется кому-то, то есть создаст в уме этого человека эквивалентный знак или, возможно, более развитый знак. Знак, который он создаст, я называю *интерпретантом* первого знака. Знак замещает собой нечто — свой *объект*. Он замещает этот объект не во всех отношениях, но лишь отсылая (in reference) к некоторой идее, которую я иногда называю *основанием* (ground) репрезентанта» [14]. В данном определении следует подчеркнуть, что: 1) знак-репрезентант выступает как указание на какую-то идею о некотором объекте, т. е. мысль, принадлежащую когнитивному пространству адресанта; 2) знак используется для того, чтобы создать в когнитивном пространстве адресата «эквивалентный знак», т. е.

мысль — интерпретацию репрезентативна; 3) в идеале основание знака (идея-мысль) эквивалентно интерпретанте (мысли-интерпретации), которая может быть и более развитой. Таким образом, знак понимается как указание к интерпретации замещаемого объекта: «Знак может только репрезентировать Объект и сообщать о нем. Он не может организовать знакомство (*furnish acquaintance*) с Объектом и составить о нем *первое представление* (выдслено мною. — Г. М.)» [15].

Так, Е. С. Кубрякова считает, что интерьеры офисов, учреждений и институтов, наша одежда, марка нашей машины и прочее не только имеют значение для выполнения ими «прямых» задач, но и функционально нагружены в семиотическом аспекте. Уточним лишь, что семиотическая нагрузка, выполнение «вторичных» задач такими вещами — это действительно, и в соответствии с Ч. С. Пирсом, не свойство данных вещей, но деятельность (как единство дела и мысли) познающего субъекта. Кардинальное отличие знаков как идеальных форм от идеальных форм вещей заключается (в пирсовском понимании) именно в отнесенности репрезентативной функции, исходно не являющейся прерогативой обычной вещи, к области мыслительных операций. Знак как «вещь» обладает предметным значением, которое основывается на эквивалентности, отношение же между означающим и означаемым знака, бесспорно, основывается на импликациях. Вторая сигнификация знака также социально закреплена, отображает не столько индивидуальный опыт, сколько социальный и тем самым входит в сознание, являясь при этом компонентом структур знаний индивидуальных концептуальных схем.

Таким образом, в отличие от других идеальных форм, знаки представляют двухуровневое образование с двойной сигнификацией. Принципиальное же отличие языка от других знаковых систем заключается, на наш взгляд, в том, что это не закрытая система «готовых» знаков, но система для порождения потенциально бесконечного количества знаков. Язык можно рассматривать как систему эмпирических объектов, предназначенную и только предназначенную для реализации знаковой функции на основе комбинирования своих элементов. Вне знаковой функции языковые выражения перестают существовать как идеальные формы, практически полностью теряя свое предметное значение (мы все-таки способны отличить один бессмысленный комплекс от другого). Подчеркивая знаковость языка, В. М. Лесбедев пишет: «Значение, выполняя указательную функцию, соотносит звуковой комплекс с понятием, которое тем или иным способом существует вне и помимо знака, и при этом, возможно, возникает в сознании носителей языка еще до того, как они конвенционально закрепили за данным понятием особый звуковой комп-

лекс» [16]. Чтобы снять неизбежные в силу научной традиции возражения относительно формы данного положения, заменим в нем термин «понятие» термином «концепт» и еще раз подчеркнем, что как смысловая структура, представляющая эмоции, переживания, знания о каком-либо явлении мира, концепт может быть не кодифицирован, но обязательно социален, являясь отображением отношений «лик-к-лику», по Э. Левинасу: «Первосущность языка заключается не в его “телесности”, “воплощенности”, а в репрезентации *значения*» [17].

Необходимо подчеркнуть, что под «значением» имеется в виду предметное значение языковых выражений, благодаря которому и осуществляется «указание». Структуры знаний, к которым обеспечивается таким образом «доступ», и есть означаемое языкового выражения как знака. Предметное значение языкового выражения кодифицировано в «направлении совпадения» как общепринятой апелляции к определенной области смыслов концептуальной схемы, а также в плане формирования определенного типа мысли как движения и столкновения смыслов. Предметное значение языкового выражения указывает на те смыслы, которые традиционно актуализируются в коммуникации, тем самым закрепляясь за ними (ср. выражение «стоит за словом»), «растворяясь» в них. Это «ближняя», наиболее частотная и актуализированная зона смыслов, так называемое ближайшее значение мыслительного содержания, по А. А. Потемне. Апелляция к тем или иным смыслам концептуальной схемы сознания (со-знания), ее направление определяется целями и задачами коммуникации и типом дискурса (ср. «вода» — питье, сырость, химический элемент, несущественная информация, свободное или большое водное пространство и т. п.). Значения языковых выражений как апелляция к социально закрепленным конфигурациям смыслов определяют *параметры* концептуализации мира определенным социумом, но не являются собственно формируемыми концептами. Означаемое языковым знаком при помощи его предметного значения может конкретизироваться не только использованными в конкретном контексте значениями других языковых знаков, но и существующими в языковой системе в целом. Языковой знак, сочетаясь с другими языковыми знаками, создает текст и соотносится с ситуацией своего применения, что и образует контекст. Именно в контексте происходит пересориентация указания, реализованного на основе системы предметных значений языковых знаков, на другую область концептуальной схемы как структур знаний и представлений о мире. Все это возможно, поскольку области конфигураций смыслов как знаний и представлений о мире пересекаются, имеют общие точки («обладают» одними и теми же

смыслами). Совпадение «направления совпадения», т. е. областей смыслов как структур знаний и представлений о мире у разных индивидов, обусловлено как биологическим единством человека, так и принадлежностью индивидов к одному социокультурному пространству. Значение как употребление следует понимать как возможность приложения предметного значения языкового знака к разным областям упорядоченного и социализированного опыта (со-знания).

Таким образом, «знаковое» значение (означаемое) языкового выражения не есть его содержание (предметное значение), но апелляция к этому содержанию, вектор, связывающий посредством предметного значения языкового выражения его экспонент (означающее) с одинаковыми представлениями о мире (абстрактными объектами области со-знания) взаимодействующих людей. Значение языкового выражения как знака есть результат означающей деятельности людей (сигнификация действительно предшествует выражению), что позволяет в общении устанавливать область взаимодействия, ее границы, экстериоризируя соответствующие ментальные структуры образа мира. В этом смысле языковые выражения, прежде всего слова, могут использоваться для упорядочивания опыта (области со-знания), задавая параметры осмысления мира, формат организации «содержания», на которое они указывают (именно в этом плане «каждое слово — концепт»).

Неразличение двух значений языкового знака (обычно слова) приводит к тому, что языковое выражение отождествляется с теми смысловыми конфигурациями, к которым оно апеллирует: языковые выражения становятся «вместилищем» драгоценного опыта познания человеком мира, превращаются в «носителей информации», застывшие глыбы знаний, предстают самодостаточными сущностями, не нуждающимися по большому счету в человеке как активном познающем субъекте.

Примечания

1. Кубрякова Е. С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // Вопросы филологии. 2001. № 1 (7). С. 33.
2. Леонтьев А. И. Проблема развития психики. М., 1972. С. 290.
3. Леонтьев А. А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избр. психол. тр. Москва; Воронеж, 2001. С. 115.
4. Там же. С. 145.
5. Выготский Л. С. Из неопубликованных материалов Л. С. Выготского // Психология грамматики. М., 1968. С. 193.
6. Тайсина Э. А. Некоторые концептуальные дополнения к исследованиям проблемы значения // Философия языка и семиотика. Иваново, 1995. С. 54.
7. Там же. С. 56.
8. Леонтьев А. А. Указ. соч. С. 37.
9. Там же. С. 265.

10. Лебедев М. В. Стабильность языкового значения. М., 1998. С. 197.
11. Леонтьев А. А. Указ. соч. С. 114.
12. Пирс Ч. Начала прагматизма. СПб., 2000. С. 31.
13. Там же. С. 50.
14. Пирс Ч. Логические основания теории знаков. СПб., 2000. С. 48.
15. Там же. С. 51.
16. Лебедев М. В. Указ. соч. С. 60.
17. Портнов А. Н. Сознание, личность, язык в философии Э. Левинаса // Философия языка и семиотика. Иваново, 1995. С. 79.

© Е. В. Мордвинова

Нижевартовский экономико-правовой институт (филиал)

ТюмГУ

Русский Логос и русская языковая картина мира

Логос (от греч. *logos*) — первоначально — слово, речь, язык; позже, в переносном смысле, — мысль, понятие, разум, смысл, мировой закон; у Гераклита и стоиков — мировой разум, идентичный с безличной, возвышающейся даже над богами закономерностью Вселенной, с судьбой. Иногда, уже у стоиков, логос понимается как личность, как Бог. В христианстве логос становится обретшим плоть словом Бога, «сыном» Бога, который пришел на землю как исторический Христос. Свое окончательное место в христианстве этот логос занял только в результате установления его в качестве второго лица в догмате о тринитизме (Троица).

Говоря о назначении языка, Т. П. Григорьева [1] считает, что нужно заглянуть в его истоки, не столько исторические, сколько доисторические, провиденциальные. Здесь она упоминает прозрения Гумбольдта о том, что язык не складывается постепенно, как привыкли думать в соответствии с идеей поступательного движения, прогресса, а изначально задан, рождается как чудо, неожиданно раскрывается, как цветок. То есть язык первичен, он уже есть, остается принять или не принять божественный дар. Сказано: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

«Логос», т. е. не только слово, но и его потаенный смысл, способен принимать разные формы. Национальная душа выражает себя в образе мышления, образ мышления — в национальном языке, который можно понимать широко, как язык жеста, музыки, танца, архитектуры, — разных форм искусства. Григорьева отмечает, что язык есть явление Духа, который животворит. Рожденное в Духе причастно ему, т. е. извечно. В историческом движении какие-то языки могут возникать, какие-то исчезать, как в любом органическом образовании, но существует нечто изначальное, которое определяет характер, судьбу народов.

Язык является лингвистическим оттиском с различных ракурсов телесной совместности людей. Существование совместности происходит в собирании и рассеянии, в открываемости и закрываемости. Язык дублирует телесные взаимодействия, в нем действуют «логосы» и «полюсмы» в качестве лингвистических структур. Значительная роль языка в воспроизводстве культуры — факт очевидный, но весь вопрос в том, каков этот язык и какое содержание он в себе несет и передает? А. Вежбицкая обращает внимание на несколько очень важных семантических характеристик, образующих универсум русского языка и отражающих русский национальный характер. Имеются в виду следующие связанные друг с другом признаки:

1) эмоциональность — ярко выраженный акцент на чувствах и их свободное изъяснение, высокий эмоциональный накал русской речи, богатство языковых средств для выражения эмоций и эмоциональных оттенков;

2) «иррациональность» — подчеркивание ограниченности логического мышления, человеческого знания и понимания, непостижимости и непредсказуемости жизни;

3) неагентивность — ощущение неподвластности и бесконтрольности жизненных событий; склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности; недостаточная активность агента действия, стремящегося к своей цели и пытающегося ее достичь, как контролера событий;

4) любовь к морали — абсолютизация морального измерения человеческого бытия, приверженность к категоричным моральным суждениям.

Подобные характеристики немного односторонни. Любое явление мира имеет как положительную, так и отрицательную стороны, а что касается наций, то у них отрицательные черты зачастую являются продолжением их достоинств. Так, смирение и щедрость, доведенные до крайности, оборачиваются соответственно покорностью и расточительством.

Основной особенностью русского языка, передающейся из поколения в поколение и определившей как умонастроение носителей культуры в целом, так и характер философствования, явилась его глубокая топологичность, т. е. его размещенность внутри мира, одновременно образующая его часть. Русский язык совершенно определенно показывает, что язык нельзя свести к его инструментальному существу. Язык — не только средство общения и инструмент по передаче информации от одного сознания к другому, от говорящего к слушающему. Язык — это высказывания самого

мира, ибо мир сам говорит землей, деревьями, животными и вещами. Этой особенностью, наряду с русским языком, обладают такие флективные языки, как, например, древнегреческий или немецкий.

Интересны выводы Р. И. Таросяна [2] о Логосе и бессознательном в языке. Поиск Логоса в сфере языка и логики поначалу кажется более простым, чем наша попытка обнаружить Вселенский Логос в виде космического закона эволюции и прогресса. При поверхностном рассмотрении логика и язык представляются областью самобытия Логоса, областью, в которой должна раскрыться его сущность. И следовательно, в этой области не должно быть ничего случайного и инородного для Логоса. В действительности же, чем глубже мы проникаем в тайны языка, тем более отчетливо мы видим бессознательные мотивы в его основе.

Если остановиться на тезисе В. Гумбольдта: «... характер народа и особенности его языка вместе и во взаимном согласии вытекают из неисследимой глубины духа», то невольно возникает вопрос — что же есть эта неисследимая глубина духа? По мнению Таросяна, в качестве таковой мы должны признать коллективное бессознательное, архетипические представления народа, которые оказывают непосредственное влияние на нормирование языка и менталитета народа в целом.

Р. И. Таросян полагает, что каждый живой язык сакраментален менталитету своего народа, в том числе и его архетипическим представлениям. Ведь именно на своем, родном языке изложены сказки и мифы, а изменения менталитета непременно связаны с изменениями в языке и, в первую очередь, с появлением значительного количества новых слов.

Несмотря на тесную связь Логоса и слова и на то, что язык — это высказывание самого мира, в языке существуют так называемые «запреты», которые отдалают слово от Логоса. Запрет на существование таких слов, как «курносость», «трещинноватость» и «квадратность», основан на иррационально заданных запретах в менталитете народов.

Запреты на употребление указанных выше слов можно назвать запретами на обобщение, так как никто не отрицает возможности существования трещин, квадратов, курносых, но существование таких общих свойств, как трещинноватость, квадратность и курносость, не укладывается в обыденном сознании и нормальном (соответствующем грамматическим нормам, а не профессиональному жаргону) языке. Это не значит, что язык не признает категории общего, ведь, к примеру, кроме слова «деревья» есть и слово «лес». Необходимо отметить, что слово «лес» имеет множественное число:

«Много в ней лесов, полей и рек». Но использование числительных со словом «лес» вызывает сомнения: «Вокруг поселка находилось три леса: один — на севере, другой — на востоке, третий — на юге». Неудобство, которое мы испытываем при использовании числительного применительно к количеству лесов, это и есть, по мнению Таросьяна, ослабленный вариант запрета на обобщение. Можно привести другой пример запрета на использование количественных оценок. В телевизионных криминальных обзорах можно услышать следующую фразу: «В городе зафиксировано пять разбоев». Конечно, следует говорить: «пять случаев» или «пять разбойных нападений». Это связано с тем, что все упомянутые пять случаев характеризуют один и тот же разбой, которому в русском языке приписано обобщенное, почти космическое (по крайней мере, планетарное или региональное) звучание. Подобное планетарно-космическое понимание можно отнести и к другим понятиям, не имеющим множественного числа (тишина, покой).

Аналогичные запреты известны не только в русском языке. В языках некоторых народов Крайнего Севера имеется около десяти слов, описывающих различные формы и состояния снега, но нет слова, означающего просто снег, снег в целом.

Аналогично, у аборигенов Австралии и папуасов Новой Гвинеи — каждый вид деревьев и птиц имеет свое название, а терминов для обозначения деревьев в целом, так же, как и для птиц, нет. Австралиец бесполезно спрашивать о количестве деревьев, растущих на вершине холма. Он скажет: «Два каури и один эвкалипт». Складывать каури с эвкалиптами он не может в силу иррационального запрета.

Нельзя отбросить эти примеры, сославшись на низкую стадию развития упомянутых народов, потому что аналогичные случаи можно обнаружить и в русском языке.

Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что в языке имеются запреты на обобщение, запреты на введение общих свойств. Действительно, ни в одном языке мы не найдем исконного слова, означающего материю в философском смысле. «Все окружающее представляет собой материю», — фраза в обыденной жизни бессмысленная, неинформативная, так же, как фраза «Все, что лежит вокруг, есть снег» бессмысленна для жителей Крайнего Севера, а фраза «Все, что растет вокруг, — деревья» — для жителей тайги и джунглей. Неинформативность всеобщих обобщений формирует узкий запрет на тавтологию и более общий запрет на философскую мысль.

Запреты на тавтологию (типа «масло масляное») не позволяют нам использовать фразы типа «Железнодорожники работают на железной дороге», несмотря на то, что они могут быть информативны.

Таросян указывает также на запрет беспредметных (бессубстанциональных) предикатов, т. е. свойств, отдельных от объектов, типа «квадратность» и «курносость». Если в языке можно найти слова, отражающие свойства, прямо не связанные с объектом, типа «синева», «краснота», то предполагается существование их материального носителя (красителя). Исключение составляет термин «красота».

Иррациональность, нелогичность, содержащиеся в языке и, соответственно, в мышлении народа, составляют индивидуальность его менталитета. Поэтому наиболее информативными сведениями о менталитете народа будут не столько сведения о его научных достижениях, сколько данные о нелогичностях в мышлении и языке. Например, у коренных жителей Сахалина для длинных предметов существуют одни числительные, для коротких — другие, для круглых — третьи. Это не позволяет ни только посчитать, но даже и поставить вопрос об общем количестве пуговиц различной формы.

Иррациональная нелогичность составляет важную специфическую черту национального менталитета, отраженную в языке. Иррациональные нелогичности в языке и мышлении могут играть роль строительного материала, с помощью которого писатель (творец выдуманного мира) может создавать менталитет выдуманного народа.

Вспомнив космический принцип единства этических, эстетических, экологических и других истин, можно указать на аналогичный принцип, имеющийся в языке. Рационализация иррациональных установок, нескритическое впитывание рациональных результатов, доводящие его до уровня инстинктивного и иррационального, образуют единство языка на фоне его эстетизации. Часто мы отбрасываем неудачные словесные обороты, не проводя логического анализа, а довольствуясь лишь эстетическим критерием, ставя знак равенства между «так не говорят (не думают)» и «так говорить некрасиво».

Если мы представим или искусственно сконструируем нормализованный язык, не имеющий нелогичных иррациональностей, то он не будет иметь никакой информации, никакого смысла, никакой онтологии. В этом случае язык представляет собой формальную матрицу, готовую впитать что угодно, лишь бы оно было внутренне непротиворечиво. Язык до его онтологического наполнения является тем самым нулевым, пустым Логосом, о котором писал А. Ф. Лосев: «Логос не имеет собственной содержательной природы. Логос есть лишь метод осмысления».

Указанная постановка позволяет говорить, что фраза Евангелия «В начале было Слово» не несет никакого смысла, пока она не наполняется онтологическим содержанием следующих фраз: «И Слово было у Бога, и Слово было Бог».

Попытка осмысления иррациональностей в живом, а не формально выдуманном языке позволяет отметить их двойную природу: иррациональности и нелогичности, содержащиеся в языке и составляющие его часть наряду с логичной частью, становятся Логосом, т. е. методом осмысления, априорно предшествующим онтологическому знанию (информации).

Г. А. Югай [3] полагает, что уникальность русской культуры — в исключительно хорошей структурированности души, где представлен уровень сверхсознания — бескорыстие и духовность, уровень поистине космическо-синтетического, целостно-интуитивного созерцания мира и сохранения его в гармонии и красоте. Эта уникальность русской души имеет своего конкретного носителя — интеллигентного человека. В качестве примера Югай приводит посвящение С. Залыгина писателю Б. Можасву: «Логика не была у него на первом месте, она была, но проистекала из интуиций и эмоций, из неординарного характера этого человека, являющегося в то же время и персонифицированным выражением русского национального духа».

«Неисследимые» глубины русского духа проявляются на уровне бессознательного (которое иррационально и нелогично); в бессознательном сокрыт русский Логос — космический закон всего сущего. Бессознательное проникает в жизнь посредством языка. Таким образом, исследуя язык в его разных проявлениях, мы сможем постигнуть и глубины нашего духа.

Примечания

1. Григорьева Т. П. Предвечность языка // <http://lib.userline.ru/1255?page=2>
2. Таросян Р. И. Логос и бессознательное в языке (из эссе-монографии «Космос, Логос, Эрос и Вакх») // <http://nounivers.narod.ru/bible/tar.htm>
3. Югай Г. А. Средний путь России и евразийство: (Концепция конвергенции). М., 1998.

© А. М. Мухачева
ТПУ, г. Томск

Пространственные метафоры как фрагмент русской языковой картины мира

В последнее время метафора представляется ведущим способом образного моделирования и отражения действительности, поэтому ее изучение является одним из путей исследования когнитивной области.

Предметом анализа в работе является образное осмысление пространства в системе метафорических переносов, что определяет методику анализа и позволяет построить когнитивную метафоричес-

кую модель восприятия пространства через призму образного компонента. Под когнитивной метафорической моделью, вслед за А. П. Чудиновым [1], понимаются заложенные в понятийной системе человеческого разума схемы, по которым человек думает и действует. Построение данной модели предполагает рассмотрение языкового знака как ментального явления, включенного в культурный срез. Метафора, в свою очередь, представляется ментальной операцией, которая объединяет две понятийные сферы (сферу-источник метафорической экспансии и сферу-мишень), фокусирующие смыслы друг друга [2]. В результате анализа метафорической лексики, в исходном значении имеющей сему пространство, выделились типичные образные представления человека о понятийной сфере-источнике, типичные ассоциации, модели концептуализации сферы-мишени, что позволяет отметить существование когнитивной метафорической модели, репрезентирующей пространство.

Исследование метафорического формирования образного компонента концепта «пространство» в работе опирается на достижения двух современных направлений исследования метафоры: лексикологического и когнитивного.

В рамках *лексикологического подхода* метафора исследуется прежде всего как вид полисемии (Г. Н. Скляревская, Е. М. Вольф, В. Г. Гак, Н. Д. Арутюнова). В работах лингвистов широко обсуждается вопрос структуры метафоры, типологизации метафор, была предпринята попытка описания механизма метафоризации.

В рамках *когнитивного* — метафора исследуется как феномен сознания (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Ф. Уилрайт, М. Блэк, Е. С. Кубрякова, Р. М. Фрумкина). Сторонники когнитивного направления сосредотачивают свое внимание на механизме метафоризации и на описании метафорических моделей фрагментов действительности.

В работах последнего времени наблюдается тенденция к объединению двух указанных направлений в рассмотрении метафоры (А. П. Чудинов, Н. А. Мишанкина, Е. В. Шитикова, Л. И. Ермоленкина и др.), что определяет поэтапную методику анализа.

В данной работе анализ лексики, репрезентирующей пространство, осуществляется в два этапа. На **первом этапе** привлекается методика компонентного анализа и метод интроспекции, которые позволяют выявить семы, являющиеся основными или второстепенными при создании метафорических образов и восприятии пространства. На первом этапе мы считаем необходимым привлечение методики компонентного анализа исходного и переносного метафорического значений. На основе сопоставления исходного и переносного значений выявляются компоненты исходной семантики, функционально

значимые при создании метафорических образов, и таким образом формируется функциональная модель пространственного номинативного значения, состав сем, отражающих совокупность признаков, актуальных при образном переосмыслении того или иного типа пространственного членения. В номинативном значении анализируемых пространственных метафор выделяется архисема «пространство», дифференциальные семы содержат информацию о характеристиках, функции пространства, потенциальные семы указывают на факультативные признаки. Коннотативный компонент значения — оценочный смысл (по отношению к типу пространства, которое обозначает лексема в исходном и в результативном значении, по отношению к действию, к свойствам пространства и т. п.).

Как показал анализ, система метафорических переносов лексемы **пустота** основывается на актуализации архисемы «пространство» в соединении с дифференциальным компонентом «ничем не заполненный» и совокупностью потенциальных сем «непривлекательное», «непригодное», «не соответствующее функциональному назначению».

Заметим, что при анализе материала исследователь выходит за рамки компонентного анализа, так как эта методика не объясняет «систему разрешений или запретов на то или иное текстовое сочетание» [3]. Мы считаем необходимым привлечение метода интроспекции, который подразумевает наблюдение исследователя над собственной языковой интуицией.

Интерпретация исходного номинативного значения через призму результативного значения позволяет выделить в значении пространственной номинации наиболее значимые при восприятии пространства компоненты, так как метафоризации подвергаются прежде всего наиболее известные и устойчивые элементы когнитивной системы. Поскольку когнитивная система человека содержит как личностную, так и коллективную информацию, возможно говорить о наличии определенных закономерностей актуализации элементов когнитивной системы при метафоризации. Это позволяет использовать результаты компонентного анализа соотношенных в метафорическом переосмыслении значений в качестве основания для построения когнитивной модели образного компонента концепта «пространство», что и проводится на втором этапе анализа. Под когнитивной метафорической моделью, репрезентирующей пространство, при этом понимается типовая схема, находящаяся в сознании «наивного» носителя языка и отражающая представления о пространстве.

На втором этапе выстраивается когнитивная модель образного компонента концепта «пространство». Так как в значении слова отражается определенный способ познания мира, совокупность зна-

чений может представить совокупность знаний и представлений о каком-либо понятийном поле. Значения можно считать минимальной когнитивной структурой, но «для того чтобы они могли сохраняться в памяти человека, могли быть задействованы в любой момент, эти когнитивные структуры определенным образом организованы» [4]. Объединения представлений и знаний формируют когнитивную систему человека, выражаясь в языке в виде объединений слов по группам [5].

Своеобразие направленности метафорических переносов явилось основанием объединения лексем в **пространственные группы** в пределах семантических классов «пространство-среда» и «пространство-организация». В пространственную группу объединяются лексемы на основе общности метафорически моделируемого пространственного образа, представляющие определенный тип пространства, отражающие сложившуюся в языковом коллективе оценку этого типа и систему образов, с ним связанного. В работе были выделены пространственные группы: «пространство стихии» (*земное место — земной человек, воздушная струя — воздушные создания*) и «наполнение» (*опустошенный сад — опустошенная душа, полная река — полный голос*) в семантическом классе «пространство-среда» и «расстояние от наблюдателя» (*близкий город — близкие отношения, удалить мишень — удалить от должности*), «координационные параметры» (*низкое место — низкий чин, глубина реки — глубина народной жизни*), «размер» (*короткая линия — короткий ум, большой город — большое чувство*), «геометрическая форма» (*большой круг — круг друзей, горизонтальная линия — линия жизни*), «граница» (*провести черту — черта бедности, крайний дом — крайние мнения*) в семантическом классе «пространство-организация».

Значимым для интерпретации характера образного осмысления тех или иных членений пространства, зафиксированных в лексике русского языка, является установление преимущественных направленностей исходных пространственных значений на формирование метафорических семантик, относимых к тем или иным смысловым (понятийным) сферам, под которыми понимается объединение смыслов, отражающих ту или иную сторону действительности. Анализ всего спектра метафорических переносов обнаружил регулярность метафорической интерпретации явлений психологической (*чувство пустоты, глубина горя*), социальной (*дно общества, дальний родственник*), ментальной (*глубокий ум, верхи знаний*), физической (*снежная пустыня, глубокая ночь*), темпоральной (*далекие мечты, середина июля*) сфер. Семантика пространства стихии является основанием метафорического осмысления символической сферы (*небесные силы*).

В каждой понятийной сфере результативных значений выделяются частные группы метафорических единиц, характеризующиеся общностью исходного значения, понятийной сферы, модели переноса и аспекта семантики результативного значения. Таким образом, основным классифицирующим параметром материала является принадлежность производных метафорических значений одной понятийной сфере, в которой мы выделяем метафорические группы, характеризующиеся единой моделью переноса. Модель переноса характеризуется тематическим (семантическим) единством исходного пространственного значения, актуализированной ссмы или совокупности ссм исходного значения и тематическим (семантическим) единством результативного метафорического значения, отражающим тип метафорического переосмысления тех смыслов исходного пространственного значения, которые послужили основой метафорообразования. В результате мы получаем знание о совокупности пространственных смыслов, значимость которых для формирования русской языковой картины мира определяется регулярностью их актуализации при осмыслении базовых сфер бытия человека. Например, лексема *пустота* по результативному значению (отсутствие ума) образует метафорическую группу наряду с лексемой *пустой*. Общая модель переноса — отсутствие предметов (объединяющий аспект семантики исходного значения), отсутствие ума (объединяющий аспект семантики результативного значения); общая понятийная сфера — интеллектуальная. Данная метафорическая группа входит в пространственную подгруппу «Пустота» в пространственной группе «Наполнение». Анализируя метафоры в пространственной группе по исходному значению, их функционирование, можно смоделировать когнитивную метафорическую модель восприятия пространства, отметить, как представлена исходная пространственная область через метафорические смыслы.

Таким образом, в работе рассматривается совокупность метафорических переносных значений, созданных на базе лексики, репрезентирующей пространство, отмечается, какие сферы человеческой жизни осмысливаются через пространство. На основе анализа метафорических образов характеризуется образное восприятие самого пространства и интерпретируется представление о пространстве в сознании носителя русского языка.

При анализе пространственных метафор оказывается важным выделение оценочного смысла, поскольку акт оценки служит одной из составляющих чувственно-образного восприятия мира. Человек, познавая мир, отмечает ценное в своей практической и духовной жизни

ни, что находит свое отражение и в языке. Метафора же, как способ выражения вновь познаваемого через уже познанное, актуализирует оценочные смыслы, отражая сущность познаваемого.

Выявление оценочных смыслов, входящих в структуру концепта «пространство», позволяет выявить наиболее актуальные компоненты исходной ситуации через призму результативной, выстроить иерархию объектов действительности, определить положение концепта «пространство» в системе ценностей и его культурную специфику.

В работе постулируется мысль об особенностях оценки в метафоре: ситуация, обозначенная метафорическим именем, всегда оценивается через призму смыслов, выраженных исходным номинативным значением. Отмечается, что пространство в исходной ситуации непосредственно с оценкой не связано, но физическая природа пространства, как замечает О. П. Ермакова [6], влияет на оценочный компонент в семантической структуре пространственной метафоры. Оценка исходной ситуации четко не выражена, потенциальна, поэтому о положительном или отрицательном отношении к тому или иному типу пространства можно сделать заключение после анализа оценочных смыслов результативной ситуации, поскольку именно она отражает ту или иную оценку.

Например, психологическое состояние человека метафорически именуется на основе переосмысления пространственной семантики отсутствия предметов в каком-либо пространстве: ПУСТОТА — исходное значение: пустое, ничем не заполненное пространство. *Чугунные плиты заросли травой, а постучишь — под ними **пустота***. Кузьмин; метафорическое значение: состояние душевной опустошенности, отсутствие интересов, стремлений. В метафорическом значении слово приобретает отрицательный оценочный смысл, как ненормальное состояние души человека, например: *Я не **чувствую** ни любви, ни жалости, а какую-то **пустоту**, утомление*. Чехов. При оценивании душевного состояния смысл исходного значения «отсутствие предметов» трансформируется при интерпретации в результативном значении как отсутствие характеристик, качеств. Отсутствие предметов связывается со смыслами «бесполезный», «непривлекательный». Важную роль при оценивании душевного состояния в анализируемом слове играют экстралингвистические факторы — незнание человеком ситуации, невозможность узнать, разглядеть объекты, что вселяет состояние страха, влияя на общую отрицательную оценку, выраженную в метафорическом выражении. Дескриптивно-оценочное содержание исходного значения, включающее информацию практического характера, является основанием для эмоциональной оценки в метафорическом наименовании. В этом и проявляется особая природа метафори-

ческой оценки, когда через призму пространственного значения оцениваются непространственные явления, например, сфера чувств, социальной жизни и т. д.

Определяя оценку ситуации, отраженную в метафорическом имени, также нужно иметь в виду, что собственная семантика метафорического выражения может быть оценочна, или оценочный смысл метафорического выражения основывается на представлении ситуации в целом, и его оценка может быть определена только в контексте. Такого рода метафорические выражения Е. М. Вольф называет квазиоценочными [7]. Например, в метафорических выражениях **глубокое чувство**, **глубокий ум** определяющая оценка семантика выражается в лексеме, обозначающей пространственное понятие: данные интеллектуальные проявления осознаются как обладающие глубиной содержания, касающиеся сущности явлений, проникающие в них, что оценивается положительно. В метафорических выражениях **глубокое отчаяние**, **глубокая радость** определяющее влияние на оценку оказывает семантика именного состояния: *радость* оценивается нами положительно, и сильное проявление радости, метафорически выраженное посредством интерпретации лексемы **глубокий**, также оценивается положительно. Семантика лексемы **глубокий** лишь усиливает оценку, поэтому в данном контексте метафора **глубокий** — квазиоценочна.

Выявление оценочного смысла, содержащегося в коннотативном компоненте, и анализ метафорических переносов позволяют определить отношение носителей языка к пространству и выявить значимые параметры при восприятии пространства. Посредством такого анализа оказывается возможным определить структурирование, дифференциацию пространственных связей, типов, отношений, представить образ пространства в сознании человека.

Анализ метафорических переносов позволяет выявить характер восприятия пространства и образы тех смысловых сфер, именование которых происходит на базе осознания пространства. Выявление оценочного смысла, содержащегося в коннотативном компоненте метафорического значения, позволяет определить отношение носителей языка к пространству и выявить значимые параметры при его восприятии.

1. В значении лексем, репрезентирующих пространство, сопряжены собственно-пространственные, предметные и функциональные семы, которые выступают в качестве основ метафорических переносов и оценочных значений. Данное положение подтверждает мысль о том, что пространство в языке мыслится предметным, что отражается на формировании образа пространства. Система метафорических пере-

носов показывает, что концептуальной структурой, соответствующей образу пространства в сознании современного носителя русского языка, является величина, представленная более простыми пространственными категориями, определяющими ее описание: это целостное образование, заполненное воздушной, водной, земной субстанцией, включающее в себя то или иное количество объектов. Эта величина обладает трехмерной протяженностью (по высоте, по глубине, в длину), характеризуется объемностью, имеет разную форму и границы.

2. Пространственная семантика служит основанием наименования психологической, интеллектуальной, социальной, физической, темпоральной понятийных сфер.

3. Оценка пространства формировалась в процессе жизнедеятельности человека, познания мира и основывается на психофизиологических, религиозно-мифологических, национальных особенностях восприятия мира человеком.

4. Анализ метафорических переносов, созданных на базе пространственной семантики, подтверждает базисность семантических противопоставлений, выделенных разными исследователями (В. Н. Топоров, Дж. Лакофф, М. Джонсон, А. А. Федяшина и др.), таких как «верх — низ», «центр — периферия», «правое — левое». Кроме этого в работе отмечается важность противопоставлений «значительный — незначительный объем», «пустой — наполненный», «наличие — отсутствие границы», «плотность — разреженность», «внешний — внутренний», «окружность — не окружность». Крайние члены оппозиций при переносе в метафорический план имеют полярные смыслы и оценку.

Примечания

1. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. С. 31.

2. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 153–172; Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001; Резанова З. И. Метафора в процессах миромоделирования в языке и тексте // Изв. ТПУ. Вып.: Язык и межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. Томск, 2002. С. 74–83.

3. Резанова З. И., Катулин Д. А., Мишанкина П. А. Метафорическое моделирование в языковой картине мира (к обоснованию методов исследования) // Языковая ситуация в России начала XXI века: Материалы междунар. науч. конф. Кемерово, 2002. Т. 2. С. 125.

4. Шитикова Е. В. Процессы формирования метафорического значения: когнитивный аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002.

5. Шитикова Е. В. Процессы формирования метафорического значения: когнитивный аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002; Мишанкина П. А. Феномен звучания в интерпретации русской языковой метафоры: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002.

6. Ермакова О. И. Пространственные метафоры в русском языке // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.

7. Вольф Е. М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 52–65.

© И. К. Мухина
УрГУ, г. Екатеринбург

Концептосфера «Приготовление пищи» в русском языке: основные способы замещения позиции субъекта

До настоящего времени в лингвистической науке не было принято целостного изучения когнитивных структур, стоящих за лексическими и фразеологическими единицами, объединенными семой *еда*.

Проведенное нами исследование показало, что концептосфера «Еда» в русском языке имеет макропропозиционную структуру, т. е. состоит из пяти микропропозиций: когнитивно-пропозиционной структуры (далее КПС) добывания пищи, КПС приготовления пищи, КПС процесса еды / кормления кого-либо, КПС процесса питья / поения кого-либо и КПС ситуации гостеприимства.

Цель работы — исследование специфики основных лексических репрезентаций позиции субъекта приготовления пищи в концептосфере «Приготовление пищи». Задачи заключаются в том, чтобы раскрыть когнитивные особенности основных лексических репрезентаций данной позиции КПС, т. е. выявить их основные виды, проведя лексико-семантическую (идеографическую) классификацию; охарактеризовать связи значений слов и соотносимой с ними реальной действительности; выделить главные типы мотивировочных признаков и тем самым определить, какие аспекты деятельности, связанной с ситуацией приготовлением пищи, представляются человеку наиболее существенными.

Микроситуация «Приготовление пищи» является основной микроситуацией в концептосфере «Еда», к ней относятся 4238 ЛСВ. Анализ лексической семантики ЛСВ и фразеологических единиц выявил, что **ядром** концептосферы «Приготовление пищи» является КПС, отображающая на ментальном уровне знания о ситуации приготовления пищи. Данную КПС составляют следующие позиции: субъект — предикат приготовления пищи — объект приготовления пищи — свойство объекта приготовления пищи — способ приготовления пищи — помещение — посуда — приспособление — прибор — предприятие — вещество — пищевой продукт / кушанье — свойство пищевого продукта / кушанья.

Основными способами замещения позиции субъекта приготовления пищи (102 ЛСВ) являются следующие:

Приядерная зона (48 ЛСВ):

1. Обобщенное название субъекта приготовления пищи (3 ЛСВ): *кулинар, кулинарка, кухарка*.

2. Субъект, специализированный относительно сферы деятельности (3 ЛСВ): *кок II, общепитовец, пиццевик*.

Данные лексемы относятся к сфере приядерной зоны позиции субъекта приготовления пищи, поскольку представляют собой изосемические единицы и обозначают субъекта, непосредственно осуществляющего приготовление пищи. Например, *кухарка* — работница, готовящая кушанья; *повариха*; *кок II* — повар на судне.

3. Субъект, специализированный по изготавливаемому им продукту питания (15 ЛСВ): *бараночник 1, бараночница, булочник 2, булочница 1, вафельник, вафельщик, вафельщица, калачник, калачница, колбасник 1, кондитер, конфетница, конфетчик, сахарник, сухарник 1*.

4. Субъект с включенной предикативной семантикой приготовления пищи (27 ЛСВ).

4. 1. Субъект, приготовляющий пищу различными способами (5 ЛСВ): *повар, поваренок, повариха, поварской, стряпуха*.

4. 2. Субъект, специализированный по способу приготовления пищи (6 ЛСВ): *засольщик, засольщица, пекариха, пекарский, пекарь, солильщик*. В семантике данных лексических репрезентаций, являющихся изосемическими единицами, непосредственно обозначающими субъект, осуществляющий процесс приготовления пищи, включенная предикативная дифференциальная сема (далее — ДС) «приготовление пищи» манифестируется корнем. Ср.: *повар* — специалист по приготовлению пищи.

4. 3. Субъект, специализированный по способу приготовления определенных продуктов питания (16 ЛСВ): *браговар, винодел, винокур, грибовар, кашевар, маслодел, медовар, тивовар, тивоварка, салотоп, самогонщик, самогонщица, сахаровар, сыровар, сыродел, хлебопек*. В лексическом значении большинства данных лексических репрезентаций позиции субъекта приготовления пищи, которые представляют собой слова, состоящие из двух корней, ДС объекта приготовления пищи манифестируется первым корнем, а включенная предикативная ДС «приготовление пищи» отображается вторым корнем. При этом включенный предикат указывает на способ приготовления пищи. Например, *браговар* — тот, кто делает брагу; *винодел* — тот, кто занимается виноделием. Данные лексемы относятся к сфере приядерной зоны позиции субъекта приготовления пищи, поскольку представляют собой изосемические единицы, непосред-

ственно связанные с процессом приготовления пищи, в семантике данных лексем присутствует ДС «результат приготовления пищи — пищевой продукт», манифестируемая корнем, ср.: *бараночник* — разг. 1. Пекарь, изготавливающий **баранки**; *колбасник* — 1. Специалист **колбасного** производства. В семантике лексем *вафельник*, *вафельщик*, *вафельщица*, *калачник*, *калачница* происходит совмещение ситуаций приготовления пищи и торговли пищевыми продуктами. Поскольку эти ситуации выступают в качестве равноправных, данные лексемы отнесены нами к сфере приядерной зоны. Ср.: *вафельщик* — тот, кто изготавливает или продает вафли; *калачник* — кто печет калачи или торгует ими.

Б л и ж а й ш а я п е р и ф е р и я (14 ЛСВ):

1. Субъект с включенной предикативной семантикой (4 ЛСВ).

1. 1. Субъект с включенной предикативной семантикой приготовления пищи, специализированный по способу приготовления определенных продуктов питания (1 ЛСВ): *мукомол* — тот, кто занимается размолом, переработкой зерна в **муку**. Лексема *мукомол* представляет собой сложное слово, имеющее в своей семантике объектную ДС, манифестируемую первым корнем *-мук-/-муч-*, и относится к сфере ближайшей периферии позиции субъекта, поскольку включенная предикативная ДС обработки, выражаемая вторым корнем *-мол-/-мел-*, обозначает действие, являющееся одним из промежуточных этапов приготовления пищи, результатом которого — первично обработанный продукт, который должен быть подвергнут действию приготовления пищи.

1. 2. Субъект с включенной предикативной семантикой извлечения объекта (1 ЛСВ): *давилщик* — тот, кто занимается выдавливанием сока из винограда или других плодов. Лексема *давилщик* относится к сфере ближайшей периферии позиции субъекта приготовления пищи, так как процесс извлечения объекта может представлять собой как заключительный этап приготовления пищи (сока), так и один из промежуточных этапов, например, при приготовлении каких-либо напитков. В семантике данной лексемы происходит совмещение ситуаций приготовления пищи и извлечения объекта.

1. 3. Субъект с включенной предикативной семантикой покрытия объекта (2 ЛСВ): *глазироващик* — рабочий, глазирующий что-л.; *глазироващица* — работница, глазирующая что-л. Данные лексемы относятся к сфере ближайшей периферии, поскольку в их семантике присутствуют ДС «покрытия объекта» и целевая ДС приготовления пищи, т. е. происходит совмещение ситуации приготовления пищи и ситуации покрытия объекта, являющейся одним из заключительных этапов приготовления пищи.

2. Субъект, оценивающий качество продуктов питания (1 ЛСВ): *дегустатор* — специалист по дегустации.

3. Субъект — владелец помещения или предприятия, где производится приготовления каких-либо продуктов питания (9 ЛСВ): *винно-заводчик, дуканичик, духанища, кабатчик, кабатчица 1, корчмарка, корчмарь, шинкарка, шинкарь 1*.

К сфере ближайшей периферии относятся лексемы, обозначающие субъекта, непосредственно не приготавливающего пищу, а обрабатывающего объекты, способные стать пищей, а также субъекта, осуществляющего действие, являющееся одним из этапов (не конечным) процесса приготовления пищи, оценивающего качество приготовления пищи, субъекта, являющегося владельцем предприятия по производству продуктов питания. В семантике данных лексем происходит совмещение ситуации приготовления пищи с ситуациями извлечения, покрытия, разделения объекта, оценки и владения.

Дальнейшая периферия (40 ЛСВ):

1. Обобщенное название субъекта приготовления пищи (4 ЛСВ): *кухарь, кухмистер 2, кухмистерша*.

2. Субъект, специализированный по способу приготовления пищи, с включенной предикативной семантикой приготовления пищи (14 ЛСВ):

2. 1. Субъект, приготавливающий пищу различными способами (1 ЛСВ): *стряпка*.

2. 2. Субъект, приготавливающий пищу каким-либо определенным способом (5 ЛСВ): *месица, месильщик, месильщица, насекала, подпекарь*.

2. 3. Субъект, специализированный по способу приготовления определенных продуктов питания (8 ЛСВ): *кашеварный, квасовар, маслбой, маслбойщик, маслотоп, саепек, саловар, фруктовар*.

3. Субъект, специализированный по изготавливаемому им продукту питания (13 ЛСВ): *блинник 1, блинница, брикетчик, колбасник 2, крендельщик, пирожник, пирожница 1, порционист, просвирня, сахаринщик, хлебник, хлебница 1, шашлычник*.

4. Субъект — владелец помещения или предприятия, где производится приготовление каких-либо продуктов питания (9 ЛСВ): *корчемник, корчемница, кухмистер 1, кухмистерский 1, кухмистерша, ресторатор, трактирищик, трактирищица, харчевник 1*.

Данные лексические репрезентации находятся на периферии позиции субъекта, так как имеют различные пометы.

Субъект действия приготовления пищи является иерархически первым (*варить суп для сына*) или единственным участником ситуации (*варить себе*), активно участвует в осуществлении действия, характеризуется высокой степенью сознательности своих действий.

В ситуации приготовления пищи субъект обладает намерением совершить действие, что включает представление субъекта о возможности совершить действие и о том, что это действие контролируемо. Исключением здесь является ситуация, когда действие по приготовлению пищи не достигает своей цели, а превращается в деструктивное действие, предполагающее уничтожение, разрушение объекта (*перечь пирог, пережарить котлеты*).

При анализе минимальных контекстов, в которых употребляются глаголы приготовления пищи, обнаружилось, что субъект действия обязательно получает выражение и однозначен, определен: им может быть только живой человек (*мама варит обед, повар варит суп* и т. п.). Иногда указывается дополнительный субъект действия, который производит его совместно с основным субъектом: *варить в одиночестве / с кем-либо / под руководством кого-либо* (при этом могут быть конкретизированы субординационные отношения готовящих еду: *под руководством, с помощью, при консультации с кем-либо, с помощником* и т. п.). Субъект приготовления пищи может быть определенным (*Вася жарит котлеты*) и обобщенным (*все варят щи с капустой*).

Следует отметить, что в лексикографических определениях глаголов приготовления пищи не манифестированы отдельной лексемой компоненты, характеризующие субъект действия. Вероятно, последний в сознании носителей языка является настолько определенным, так глубоко связан с сущностью действия, что не нуждается в специальном акцентировании.

Таким образом, субъектом приготовления пищи выступает одушевленное лицо — человек, поскольку только человек способен к трудовой деятельности, видом которой является приготовление пищи. Наиболее характерный способ замещения позиции субъекта приготовления пищи — субъект, специализированный по изготавливаемому им продукту питания (53 из 102 ЛСВ). Анализ лексических репрезентаций данной позиции показал, что для русского языка характерна концептуализация субъекта приготовления пищи только по признакам сферы деятельности, способа приготовления, изготавливаемого продукта и владения предприятием, где производится приготовление продуктов питания. Остальные признаки приготовления пищи при номинации субъекта приготовления пищи не получают непосредственного отражения в языке или эти номинации нельзя отнести к числу основных и типичных.

Субъект приготовления пищи выступает в качестве центрального и активного актанта (агенса) в ситуации сознательного, целенаправленного и контролируемого действия по приготовлению пищи.

Таким образом, в зеркале русского языка приготовление пищи предстает как индивидуальное занятие.

Для концептосферы «Приготовление пищи» в русском языке характерна сильно развитая приядерная зона, формируемая лексическими репрезентациями позиции субъекта приготовления пищи (48 из 102 ЛСВ). Это говорит о том, что для обозначения субъекта приготовления пищи русский человек выбирает основные изосемические номинации, непосредственно связанные с ситуацией приготовления пищи и не содержащие в своей семантике указания на другие смежные ситуации.

Анализ показал, что для позиции субъекта характерна узкая специализация относительно вида профессионально-трудовой деятельности и способа приготовления пищи, поэтому часто в качестве репрезентантов субъектной позиции выступают слова с включенной предикативной семантикой, относящиеся к одному словообразовательному типу: *мукомол, браговар, хлеборез, маслобой*.

На основе компетентного анализа основных лексических репрезентаций остальных позиций КПС приготовления пищи (предикат приготовления пищи, объект приготовления пищи, свойство объекта приготовления пищи, способ приготовления пищи, помещение, посуда, приспособление, прибор, предприятие, вещество, пищевой продукт / кушанье, свойство пищевого продукта / кушанья), были сделаны следующие выводы.

Количественный анализ лексических репрезентаций различных позиций данной КПС показал, что всего к ситуации приготовления пищи в русском языке относится 4396 ЛСВ. В организации концептосферы «Приготовление пищи» преобладают связи, отражающие закономерности субъективного видения данной ситуации русским человеком. Это проявляется в том, что некоторые составляющие ситуации приготовления пищи, как следует из лингвистического анализа, рассматриваются более детализировано. Конкретизация концептосферы «Приготовление пищи» в русском языке осуществляется в разных аспектах и различными языковыми средствами.

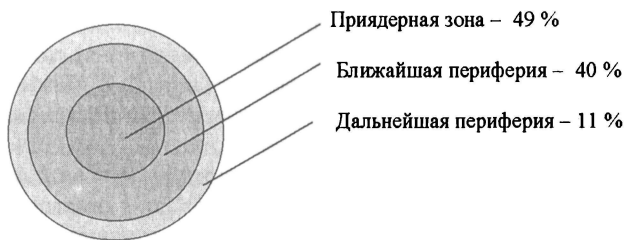
Так, концептосфера ситуации приготовления пищи характеризуется тем, что в сфере приядерной зоны наиболее разработанными являются позиции предиката приготовления пищи (508 ЛСВ), пищевого продукта (688 ЛСВ) и свойства пищевого продукта (439 ЛСВ), в сфере ближайшей периферии доминируют лексические репрезентации позиции предиката приготовления пищи (1630 ЛСВ). Это говорит о том, что для обозначения пищевого продукта / кушанья и свойства пищевого продукта / кушанья, русский человек выбирает основные изосемические номинации, непосредствен-

но связанные с ситуацией приготовления пищи и не содержащие в своей семантике указания на другие смежные ситуации. Частотность номинаций пищевого продукта / кушанья вполне оправдана: эти слова в принципе употребляются чаще других и наиболее очевидно выполняют свою функцию, так как обычно не несут дополнительных оттенков смысла. Количественное доминирование лексических репрезентаций пищевого продукта / кушанья детерминруется наличием большого числа разнообразных пищевых продуктов / кушаний.

В целом в данной концептосфере оказываются заполненными все позиции, исключая позицию объекта приготовления пищи в сфере ближайшей периферии. Следовательно, концептосфера «Приготовление пищи» достаточно разработана в сознании русского человека, для которого важным является отражение на языковом уровне всех компонентов данной ситуации.

Показательным для выявления национальной специфики отображения ситуации приготовления пищи русским языком является частотность лексических репрезентаций позиции предиката приготовления пищи, относящихся к сфере ближайшей периферии. Это демонстрирует тот факт, что действие, направленное на приготовление пищи, мыслится русским человеком в большинстве случаев как соотнесенное с другими смежными действиями, которые могут иметь включенную сему приготовления пищи (ситуации изменения качественного признака, приведения в функциональное состояние, соединения и др.), а позиция предиката приготовления пищи заполняется глаголами с совмещенным значением. Поэтому нельзя говорить об узкой специализации действий глаголов приготовления пищи, в отличие от лексических репрезентаций позиции субъекта приготовления пищи. Однако, несмотря на преобладание совмещенных предикатов, в концептосфере доминирует приядерная зона (2140 из 4396 ЛСВ). Данный факт объясняется тем, что ситуация приготовления пищи предстает в сознании русского человека однозначно определенной. Следовательно, для русского человека важным является отражение на языковом уровне всех изосемических компонентов данной ситуации.

В итоге данные количественного анализа позволяют составить диаграмму, представляющую количественное распределение по трем сферам лексических репрезентантов концептосферы «Приготовление пищи» в русском языке.

Для ситуации приготовления пищи характерны сильно развитые сферы приядерной зоны и ближайшей периферии и слабо развитая сфера дальнейшей периферии. Это говорит о том, что для обозначения данной ситуации русский человек выбирает основные изосемические номинации или лексемы, содержащие в своей семантике указания на другие смежные ситуации.

Несмотря на преобладание совмещенных предикатов, в концептосфере доминирует приядерная зона (2140 из 4396 ЛСВ). Данный факт объясняется тем, что ситуация приготовления пищи предстает в сознании русского человека однозначно определенной. Следовательно, для русского человека важным является отражение на языковом уровне всех изосемических компонентов данной ситуации. Выявлено, что концептосфера «Приготовление пищи» является многослойной процессуальной сферой, репрезентируется когнитивно-пропозициональной структурой и включает в себя объекты, действия и отношения, относящиеся к базисному уровню взаимодействия человека с окружающей его средой.

© Т. Ю. Передриенко
ЮУрГУ, г. Челябинск

Модели концептуального анализа

Метод исследования концептов, репрезентации их содержания получил название «концептуальный анализ». Однако, как отмечают ученые, в лингвистике пока нет однозначного его понимания. Р. М. Фрумкина указывает на то, что концептуальный анализ не является каким-то определенным методом экспликации концептов, а «соответствующие работы объединены некоторой относительно общей целью, а что касается путей ее достижения, то они оказываются весьма разными» [1].

Лингвисты видят цель концептуального анализа в выявлении признаков изучаемых концептов. Л. Г. Бабенко, например, полагает, что цель концептуального анализа — «выявление парадиг-

мы культурно значимых концептов и описание их концептосфер, т. е. тех компонентов, которые составляют ментальное поле концепта» [2]. Мы придерживаемся точки зрения Л. Г. Бабенко и видим назначение этого метода в том, чтобы подробно описать все составляющие изучаемых концептов.

Поскольку концепт имеет сложную структуру и, как отмечает Ю. С. Степанов, состоит из нескольких «слоев», то с самого начала, по мнению ученого, следует допустить, что и метод изучения окажется не одним, а совокупностью нескольких различных методов [3]. Точку зрения Ю. С. Степанова о «сложности» концептуального анализа как метода разделяют многие ученые (Н. А. Красавский, В. А. Маслова, М. В. Пименова, З. Д. Попова, И. А. Стернин и др.). М. В. Пименова подчеркивает, что сочетание нескольких методов и приемов исследования всегда повышает точность результатов, увеличивая количество выделяемых признаков исследуемого концепта [4].

Различные подходы ученых к определению термина «концепт» приводят к различным моделям концептуального анализа. Изучение концепта проводится на разных основаниях и дает представление о его структуре, содержании, его языковом выражении, характерных свойствах — атрибутах, предикатах, ассоциациях, о валентностях концепта и т. д.

С. Е. Никитина считает, что семантическое описание слов-концептов может быть произведено через указание их связей с другими концептами той же культуры [5]. Описание концепта происходит через заполнение тезаурусной статьи — анкеты, состоящей из перечня семантических отношений (статических — синонимия, антонимия, метафоры; динамических, которые бывают актантного и импlicative типов). Составление «перечня регулярных семантических отношений» даст возможность судить о парадигматических и синтагматических валентностях концепта.

Представление о глубинных, подсознательных, ассоциативных связях слов, вербализующих концепты в языковом сознании как индивида, так и коллектива, дает метод Л. О. Чернейко. Суть метода — в исследовании сочетаемости абстрактного имени с описательными глаголами и дескриптивными прилагательными, что необходимо, по мнению ученого, для постижения структуры коллективного бессознательного [6].

Методика освещения смыслового потенциала концепта в определенной культуре, предложенная В. И. Карасиком, получила название «методика изучения культурных доминант». Лингвистическое исследование «культурных доминант» осуществляется в виде наблюдения и эксперимента (слепая выборка лексических и фразеоло-

гических единиц, а также прецедентных текстов из словарей, сборников пословиц и афоризмов и т. д.), с одной стороны, и разработки анкет, включающих различные оценочные суждения для интервьюирования носителей языка — с другой. Однако, как отмечает В. И. Карасик, лингвистическое изучение концептов должно быть дополнено данными других дисциплин — культурологии, истории, психологии и т. д. [7].

Более поздние работы по исследованию концептов отличаются более подробным и разносторонним их описанием, что, нам кажется, достигается именно благодаря использованию совокупности методов. Чаще всего при исследовании концептов ученые обращаются к их языковым выражениям, этимологии («внутренней форме») ключевого слова (имени концепта), данным лексикографических источников, анализу синонимов и дериватов имени концепта, анализу сочетаемости и сопоставлению концептов.

Основная часть концептов имеет языковое выражение. Наличие языкового выражения концепта, его регулярная вербализация делают его общеизвестным. К одному и тому же концепту можно апеллировать при помощи лексических единиц различных уровней: слов, фразеологизмов, свободных словосочетаний, предложений. Определение всего ряда языковых выражений концепта поможет установить его актуальность для того или иного лингвосообщества. Большое количество слов, лингвистически вербализующих концепт, может свидетельствовать о его значимости в той или иной лингвокультуре. Кроме того, по мнению М. В. Пименной, которого придерживаемся и мы, «полное описание того или иного концепта возможно только при исследовании наиболее полного набора средств его представления», поскольку «концепт рассеян в языковых знаках, его объективирующих» [8].

После определения языкового выражения концепта следует обратиться к рассмотрению этимологии «имени концепта», определить источник появления слова и способ его образования, поскольку «внутренняя форма» концепта является первоосновой, из которой возникли и развиваются остальные «концептуальные слои». Этимологический анализ концептов, впервые предложенный Ю. С. Степановым, показывает первоначальное предназначение слова (имени концепта) и выражает особенности мировидения представителей определенного лингвосообщества. Источниками, помогающими изучить концепт в диахронии и установить механизм его формирования, являются этимологические словари.

Большие возможности для раскрытия содержания концепта, установления места изучаемого концепта в языковой картине мира

и сознании нации, предоставляют словарные статьи толковых и энциклопедических словарей. По мнению В. А. Масловой, словарную дефиницию слова, вербализующего концепт, можно считать ядром этого концепта [9], поскольку словарная дефиниция обеспечивает относительно стабильную информацию по раскрытию структуры и содержания концепта. Однако мы полагаем, что данных одного словаря будет недостаточно. Информация, получаемая из одного словаря, может оказаться достаточно субъективной. Поэтому мы считаем, что следует обратиться к нескольким источникам. Мы полагаем, что сумма нескольких толкований, сделанных разными людьми, поможет составить наиболее общее представление о том или ином явлении изучаемой лингвокультуры.

Анализ концептов, основанный на изучении сочетаемостных свойств лексических единиц, вербализующих исследуемый концепт, получает в настоящее время все более широкое распространение. Проводя анализ концептов, к исследованию сочетаемости обращаются Л. О. Чернейко, З. Д. Попова, И. А. Стернин, М. В. Пименова и многие другие. По мнению З. Д. Поповой и И. А. Стернина «значительно большее число признаков концепта, по сравнению с количеством, взятым из словарей, можно получить с помощью изучения лексической сочетаемости ключевого слова» [10]. Мы разделяем точку зрения ученых и полагаем, что употребление лексической единицы, через которую вербализуется концепт, с другими лексическими единицами позволяет выявить его сущность.

Интересным и необходимым видится также выявление концептуальных метафор и анализ метафорической сочетаемости «имени концепта», которые помогут установить образные характеристики изучаемого концепта. О. Н. Кондратьева, в частности, утверждает, что «именно изучение сочетаемости (как правило, метафорической) видится рядом лингвистов основой метода концептуального анализа» [11]. Выявление концептуальных метафор и анализ метафорической сочетаемости «имени концепта» представляют большой интерес, поскольку раскрывают лингвокогнитивный механизм действия нашего сознания.

С целью «зрительного, наглядного представления структуры концепта» такие ученые, как Л. Г. Бабенко, З. Д. Попова, И. А. Стернин, занимаются его моделированием. Л. Г. Бабенко отмечает, что «моделирование концепта становится возможным в результате обобщения регулярно повторяющихся в лексических, фразеологических и текстовых репрезентациях концепта его существенных свойств, обнаруживающих знания о мире» [12]. Занимаясь моделированием отдельных концептов (З. Д. Попова, И. А. Стернин) и концептосферы

текста (Л. Г. Бабенко), ученые приходят к мнению, что концепты и концептосфера структурированы по принципу поля.

По мнению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, «полевая модель концепта» имеет следующую структуру: ядро; базовые слои, обволакивающие ядро, в последовательности от менее абстрактных к более абстрактным; интерпретационное поле, содержащее оценки и трактовки содержания ядра концепта национальным, групповым и индивидуальным сознанием [13].

После моделирования концептов необходимо сопоставить аналогичные концепты разных лингвокультур. В концептосфере каждого народа есть немало концептов, обладающих национальной спецификой. Такие концепты трудно или даже невозможно передать на другом языке. Но и близкие концепты разных культур имеют свои особенности и не всегда совпадают по содержанию. Сопоставление концептов позволит обнаружить совпадающие и несовпадающие признаки концептов, которые весьма существенны для изучения особенностей национального менталитета и межкультурной коммуникации.

Итак, под методом концептуального анализа мы понимаем совокупность приемов и методов, необходимых для исследования концептов и репрезентации их содержания. План проведения концептуального анализа нам видится следующим:

1. Определение всего ряда языковых выражений (знаковой составляющей) концептов, что поможет установить их актуальность для того или иного лингвосообщества и дать наиболее полное их описание.

2. Рассмотрение этимологии «имен концептов» с целью изучения концептов в диахронии и установления механизмов их формирования.

3. Обращение к культурологическому ракурсу становления концептов, поскольку когнитивные лингвистические исследования не могут игнорировать культурный фон носителей языка.

4. Анализ словарных дефиниций слов, вербализующих концепты, для раскрытия понятийной составляющей концептов и определения их места в языковой картине мира и сознании нации.

5. Изучение сочетаемостных свойств слов, вербализующих концепты, что позволит выявить их признаки.

6. Выявление концептуальных метафор и анализ метафорической сочетаемости «имени концепта», которые помогут установить образные характеристики концептов.

7. Количественный подсчет и фиксация в таблицах основных и дополнительных концептуальных признаков, необходимых для построения «полевых моделей концептов» и сопоставления особенностей изучаемых концептов.

8. Построение «полевой модели концепта» (методика З. Д. Поповой и И. А. Стернина) с целью наглядного представления структуры концепта.

9. Сопоставление аналогичных концептов разных лингвокультур для обнаружения совпадающих и несовпадающих признаков изучаемых концептов.

Примечания

1. Фрумкина Р. М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // Научно-техническая информация. 1992. Сер. 2, № 3. С. 3.
2. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста: Основы теории, принципы и аспекты анализа. М., 2004. С. 106.
3. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001. С. 49.
4. Введение в когнитивную лингвистику: Учеб. пособие / Отв. ред. М. В. Пименова. Кемерово, 2004. С. 7.
5. Никитина С. Е. О концептуальном анализе в народной культуре // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 118.
6. Чернейко Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997. С. 201.
7. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. Волгоград; Архангельск, 1996. С. 5.
8. Введение... С. 10.
9. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск, 2004. С. 45.
10. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2002. С. 104.
11. Кондратьева О. Н. Концепты внутреннего мира человека в русских летописях (на примере концептов *душа, сердце, ум*): Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004. С. 53.
12. Бабенко Л. Г. Указ. соч. С. 110.
13. Введение.... С. 15.

© А. М. Плотникова
УрГУ, г. Екатеринбург

Принципы когнитивного изучения глагольной многозначности

Исследование многозначности слов (полисемии) в течение многих десятилетий является приоритетной задачей семасиологии. Обширная научная литература, посвященная различным аспектам изучения полисемии, несомненно свидетельствует о неослабевающем интересе ученых к этому языковому феномену. Причиной этого интереса в первую очередь является особый статус полисемии в структуре языка: многозначность — неотъемлемое свойство естественных языков, обусловленное самим устройством языковой системы.

Существующая в современной лингвистике теория полисемии, получившая отражение не только в научной, но и в учебной литературе, формировалась в 60–80-е гг. XX в. в рамках семасиологического

подхода к изучению лексического состава языка. Именно в это время были написаны классические работы по теории полисемии В. В. Виноградова, Д. Н. Шмелёва, Ю. Д. Апресяна, Л. А. Новикова, М. В. Никитина.

В лингвистике конца XX — начала XXI в. происходит всплеск интереса к полисемии, объясняющийся возникновением когнитивной парадигмы научного знания. Лингвисты, работающие в когнитивном направлении, пытаются ответить на вопросы о том, какие структуры знания репрезентирует многозначное слово, как осуществляется переход от значения к значению и можно ли смоделировать способы развития значения, как человеку удастся запомнить множество значений многозначного слова и легко оперировать этими значениями в процессе коммуникации.

Вопрос о связи значений многозначного слова ставит перед исследователем задачу нахождения общих семантических компонентов в значении многозначного слова и требует решения классического для теории полисемии **вопроса об общем значении**. Обобщение различных взглядов на проблему общего значения позволяет сформулировать следующие подходы к решению данного вопроса:

1. Инвариантная теория. В соответствии с данной теорией «общее значение» является инвариантом по отношению к частным значениям (вариантам), выводимым из общего. Данная теория восходит к идеям Р. Якобсона, который связывал общее и частные значения с разграничением языка и речи. Он относил общее значение к сфере языка, а частные значения — к сфере речи. Инвариантная теория полисемии неоднократно подвергалась критике в языкознании советского периода. В современной лингвистике отношение к концепции «общего значения» кардинально меняется: появляется множество работ, посвященных поиску инварианта значения, при этом понятие инварианта распространяется не только на значения знаменательных слов, но и на значения морфем и служебных слов. Конструкт, выполняющий функцию объединения всех значений многозначного слова, называют инвариантом, инвариантным значением, общим значением, прототипом, концептуальной схемой, когнитивным сценарием и т. д.

2. Теория исходного значения. Согласно этой теории, значения многозначного слова неравноправны, образуют определенную структуру, в которой производные значения связаны с исходным, основным или косвенно подчинены ему. Факт наличия основного значения слова ни у кого не вызывает вопросов. Однако выделение одного из значений в качестве основного не всегда бесспорно, что объясняется рядом причин: 1) диахроническими изменениями в семантической струк-

туре слова, 2) несовпадением основных значений слов в разных языках, 3) взаимопроницаемостью отдельных значений слов. Теория исходного значения, в соответствии с которой производные значения напрямую или опосредованно связаны с основным наличием общих сем, получает развитие в современных концепциях семантических сетей, призванных доказать единство многозначного слова. Модель семантической сети особенно активно используется в работах таких ученых, как Д. Герартс, Р. Лангакер, Л. Янда. В последнее время эта модель применяется и в исследованиях отечественных лингвистов. Частично пересекается с моделью семантической сети концепция «корневой лексемы» Е. В. Падучевой [1].

3. Теория концептуального конструкта (образ-схемы, когнитивного сценария, концептуальной схемы, прототипа и др.). Данная теория возникла в рамках когнитивного подхода к многозначности, в соответствии с которым семантическая связь значений многозначного слова объясняется наличием концептуальных связей на невербальном уровне. Г. И. Кустова отмечает: «...поскольку язык — часть человека, то количество СПОСОБОВ образования значений не может быть бесконечным, и эти способы не могут быть «любыми», какими угодно. Невозможно себе представить, чтобы механизм, пусть даже и «естественный», работал совершенно хаотично, без всяких правил, чтобы каждое новое значение создавалось по уникальной технологии» [2]. Следовательно, задача лингвиста — дать когнитивное объяснение многозначности. На первом этапе такого исследования требуется определить ту концептуальную структуру, которая объединяет значения многозначного слова. В зависимости от анализируемого материала в исследованиях используются другие термины, обозначающие концептуальные структуры, которые репрезентируются языковыми единицами: прототипическая схема (Г. И. Кустова), образ-схема (М. Джонсон, Дж. Лакофф, Л. Талми), сценарий (Дж. Лакофф), прототип (А. Вежбицкая, Д. Герартс, У. Лабов, Дж. Лакофф, Р. М. Фрумкина), фрейм (Ч. Филмор) и др.

Терминологические поиски такого конструкта доказывают стремление лингвистов объяснить феномен многозначности и уйти от списочного подхода, при котором все значения представлены как дискретные, а связь между ними не всегда эксплицирована.

Обобщая существующие в когнитивной семантике представления о многозначности как когнитивном и языковом феномене, А. А. Зализняк называет основные принципы когнитивного исследования многозначности:

1. Все языковые единицы многозначны.
2. Для многозначной языковой единицы не существует единого

ядерного (инвариантного) значения, такого, что все остальные являются его вариантами.

3. Значение языкового выражения может быть представлено в форме его схематического образа (образ-схемы).

4. Значения языкового выражения образуют категорию, имеющую радиальную структуру, в которой центральный элемент связан со всеми остальными посредством трансформаций образ-схемы.

5. Нецентральные (производные) значения могут быть представлены на основании центрального, но они мотивированы центральным значением, трансформациями образ-схемы и метафорическими переносами.

6. Между описанием полнозначных слов и служебных морфем нет принципиальной разницы [3].

К приведенным принципам, на наш взгляд, следует добавить еще один, постулирующий взаимосвязь синхронного и диахронного изучения многозначности, поскольку механизмы развития значения и динамика семантической структуры совпадают в синхронии и диахронии. Нерелевантным для когнитивной семантики является и противопоставление моделей семантической деривации в разных языках: модели признаются универсальными, поскольку универсальны когнитивные механизмы, лежащие в основе этих моделей.

Объектом когнитивных исследований многозначности преимущественно становятся глаголы. Наличие большого количества значений, богатые сочетаемостные и деривационные связи глагола, продуктивность и регулярность моделей глагольной многозначности делают глагол объектом изучения семантики в целом и когнитивной семантики в частности. Интерес к глагольной многозначности объясняется и особой ролью глагола в когнитивных процессах концептуализации и категоризации процессуально-событийного мира. Значение глагола содержит в свернутом виде программу осуществления действия, состоящую из упорядоченных во времени эпизодов. На когнитивном уровне значение глагола является репрезентантом когнитивного сценария. Под **когнитивным сценарием** мы понимаем абстрактную ментальную структуру, представляющую собой интерпретацию говорящим ситуации внесязыковой действительности как динамического процесса, состоящего из совокупности эпизодов и обладающего набором участников с закрепленными социальными ролями.

Покажем на примере анализа многозначного глагола *крутить* варьирование когнитивного сценария. В словаре (БТС [4]) зафиксировано 9 самостоятельных его значений:

‘1. что или чем. Приводить в круговое или вращательное движение; вращать, вертеть. *Крутить педали велосипеда. Крутить руль.*
|| Быстро поворачивать из стороны в стороны. *Крутить головой.*

2. что. Разг. Воспроизводить снятый на пленку фильм или записанную на ленту (пластинку) музыку, песни и т. п. при помощи соответствующего аппарата, устройства. *В этом кинотеатре крутят старые ленты.*

3. что. Вертя, туго свивать. *Крутить пряжу. Крутить папироску.*

4. что. Связывать, стягивать. *Крутить руки кому-л.*

5. что. Придавать вихревое движение чему-л., вздымая, кружить. *Ветер крутит пыль на дорогах.*

6. без доп. Взметать, кружить снег, пыль и т. п.; мести. *Метель крутит.*

7. Распоряжаться по своему усмотрению, командовать. *Она им крутит, как хочет.*

8. Разг. Избегать прямого ответа с помощью каких-л. уловок; хитрить. *Ты не крути, говори прямо.*

9. что с кем. Разг. Находиться в любовных отношениях. *Крутить роман с кем-л.* '

Совершенно очевидно, что значения многозначного глагола семантически удалены друг от друга и обозначают различные по характеру действия: физические (1, 3, 4-е значения), социальные (2, 7, 8, 9-е значения) и природные процессы, не зависящие от человека (5, 6-е значения). Глагол «крутить» обладает высоким потенциалом словообразовательной и семантической деривации, о чем свидетельствуют, в частности, значения глаголов *крутить*, *накрутить*, *раскрутить*, представленные в Словаре общего жаргона [5].

В основном значении глагол относится к ЛСТ кругового и вращательного перемещения объекта. На когнитивном уровне глагол репрезентирует следующий сценарий: субъект (человек, живое существо) приводит в движение объект (предмет, прикрепленный к оси и способный двигаться кругообразно) по заданной окружности траектории вокруг точки закрепления с какой-либо целью.

Развитие значений глагола связано со специализацией элементов исходного сценария. Специализация позиции объекта приводит к возникновению ряда значений: объект — фильм, пленка, пластинка (2-е значение), объект — часть тела (оттенок 1-го значения). Актуализация цели и способа действия способствует возникновению 3-го и 4-го значений. Утрата специализации объекта приводит к изменению способа перемещения объекта и объясняет появление 5-го значения. В 6-м значении, непосредственно образованном от пятого, происходит специализация объекта и его включение в значение глагола (*метель крутит* — в значение глагола включен объект «снег»).

Метафорическое значение (*крутить* — *распоряжаться по своему усмотрению*) обусловлено каузативной ситуацией в основном

значении (заставлять, приводить в движение объект) и характером движения объекта (перенос с «заданной окружностью траектории» на «заданное кем-л., чьими-л. приказами, распоряжениями поведения»). Связь кругового движения с обманом и хитростью (*крутить — избегать прямого ответа с помощью уловок*), по всей видимости, обусловлена архаическими представлениями о круговом движении. Метафора «любовные отношения — движение по кругу» (9-е значение глагола) не всегда получает отрицательные коннотации (*крутить любовь, крутить роман*) и вряд ли восходит к 8-му значению, связанному с обманом. Скорее, основой переноса является заданная траектория движения, объединяющая движение по кругу и любовные отношения. Возникновение жаргонного значения «крутить деньги», по мнению авторов Словаря общего жаргона [5], связано с быстрым движением по кругу, при котором предмет удаляется из поля зрения и тут же возникает снова. Представляется, что более важным при метафорическом переносе является не позиция наблюдателя, а характер действия: оно связано с идеей движения, при котором происходит увеличение объекта и, следовательно, получение прибыли (ср.: противоположные смыслы *хранить деньги (деньги лежат, т. е. находятся в ситуации без движения) и пустить деньги в оборот (т. е. заставить двигаться, работать)*).

Таким образом, мы видим, что, несмотря на далекие семантические расстояния и неочевидные семантические связи между значениями глагола «крутить», существуют такие прототипические элементы когнитивного сценария, которые объясняют развитие значений этого многозначного глагола. Семантическая парадигма значений глагола «крутить» представляет собой поле с сильно центрированным ядром, так как при развитии значений и при употреблении глагола в контексте происходят модификации когнитивного сценария кругового движения.

Итак, процесс образования семантической парадигмы многозначного глагола можно представить как последовательность концептуальных операций над исходной когнитивной моделью — когнитивным сценарием.

Примечания

1. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
2. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004. С. 21.
3. Зализняк Анна А. Феномен многозначности и способы его описания. Вопр. языкознания. 2004. № 2. С. 32.
4. Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2000.
5. Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. Н. Слова, с которыми мы встречались: Словарь общего жаргона. М., 1999.

Концептуальная область, представленная лексемами *серый, серость*, в русской языковой картине мира и пути ее изучения

Цель данной статьи — описание лексического воплощения и по возможности типового, стандартного содержания, релевантного для всех носителей русского языка, концепта, вербализованного лексемами *серый, серость*.

Цвет является предметом изучения многих наук. В лингвистике цвет изучается с XVIII — XIX вв., цветовая картина мира — с начала XX в. (в 1930 г. вышла работа Р. З. Миллер-Будницкой о цветовых обозначениях в поэзии Блока). Когнитивный подход дает возможность изучить цветообозначения в художественной картине мира автора, определить, какое место они в ней занимают и как соотносятся с другими концептами. Данное исследование имеет своей целью сопоставление концепта в картине мира социума с индивидуально-авторским концептом братьев Стругацких, вербализованным лексемами *серый, серость*.

Под концептом в исследовании понимается «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [1].

К основным признакам концептов как глубинных содержательных величин относят: большую масштабность в сравнении с языковыми значениями и потому трансцендентность языку; неизолированность, связанность концептов между собой и, как следствие, континуальность и динамичность; полевой характер, соотнесенность концепта с некоторой областью знаний, которая получает в литературе различные наименования — концептуальная зона, квант знания, область смысла и др. (Е. С. Рахилина, И. А. Стернин). Отмечаемые свойства концепта свидетельствуют о том, что в качестве его языкового эквивалента может рассматриваться только совокупность языковых единиц, или поле.

Концепт богаче по содержанию, чем имеющиеся лексические средства, и каждое из них раскрывает какую-то его часть, только в совокупности они могут достаточно полно передать содержание концепта в речи.

Моделировать концепт как структуру в принципе невозможно. Можно, видимо, перечислить концептуальные признаки (КП) и концептуальные слои (КС), представить их положение в поле концепта,

но не более того, поскольку концепт все время функционирует, актуализируется в разных своих составных частях и аспектах, соединяется с другими концептами и отталкивается от них. В этом и заключается смысл мышления.

По вполне обоснованному, на наш взгляд, мнению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, концепт состоит из концептуальных признаков, которые образуют концептуальные слои (т. е. слои состоят из признаков). КП *в условиях вербализации концепта* (тем самым разграничиваются категории языка и мышления) предстают как семы, а КС иногда могут совпадать с семемами (но далеко не всегда — концептуальных слоев обычно больше, чем семем).

Любой концепт, независимо от типа, имеет базовый слой (ядро концепта), который всегда представляет собой определенный чувственный образ. Совокупность базового слоя и дополнительных КП и КС составляет объем концепта. Кроме ядра и КС, концепт имеет объемную интерпретативную часть — совокупность слабоструктурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных КП и их сочетаний в виде утверждений, установок сознания, вытекающих из содержания концепта в данной культуре [2].

При анализе концепта используются разные методы, но общий принцип исследования заключается в том, что после выбора ключевого слова, наиболее полно, по нашим представлениям, отражающего интересующий нас концепт, обращаются к языковому материалу, его источникам. Источниками языкового материала могут быть разговорная речь, художественный текст, лексикографические источники. Ключевое слово должно быть связано с отобранным языковым материалом общими семемами. После сбора языкового материала проводится анализ его семантики, выявляется содержание концепта. После этого возвращаются к семантике ключевого слова, дополняя ее новыми данными. Такую методику условно можно назвать «членичной» — от понятия к языковому материалу, затем снова к понятию на ином уровне.

Как отмечает О. В. Гофман [3], «концептуальный анализ следует отличать от семантического анализа слова. При всей внешней близости их содержательных задач и целей, они в определенном смысле противоположны друг другу. Лексическая семантика идет от единицы языковой формы (лексемы) к семантическому содержанию, а концептуальный анализ — от единицы смысла (понятия, образа, концепта) к языковым формам их выражения». При этом концептуальный анализ не отвергает признаков, носящих недифференциальный характер, и если семантический анализ связан с разъяснением слова, то концептуальный анализ идет к знаниям о мире [4].

Для выявления содержания концепта могут быть использованы различные источники: словари, разговорная речь, художественная речь (тексты).

Источниками исследования концепта в русской языковой картине мира в данном случае послужили различные словари. Словарь для нас — это систематизированное собрание языкового материала, которое может дать ценные сведения о языковом выражении единиц ментального лексикона. Каждый словарь выявляет содержание этих единиц в каком-либо из аспектов. Остановимся подробнее на отдельных словарях и предоставляемой ими информации.

Толковые словари фиксируют базовые, наиболее очевидные КС анализируемого концепта. Концептуальный анализ начинается с выделения этих базовых слов и определения концептуальных областей, позволяющих уяснить, для категоризации какого класса предметов служит данный концепт (или КС). Таким образом, толковые словари дают основу для анализа концепта. Во всех толковых словарях дается 4 значения слова *серый*: цвет, погода, посредственный, малокультурный и необразованный.

В исследовании используются парадигматические словари, несущие информацию о языке как системе (словари антонимов, синонимов и т. п.). Эти словари также дают представление о семантике ключевого слова (например, замечание в словаре синонимов А. П. Евгеньевой: «...слова *невежественный*, а особенно *темный* и *серый* содержат неодобрительную оценку и имеют усилительное значение: совершенно необразованный, не обладающий самыми необходимыми знаниями») и позволяют расширить поле исследования, включив в него синонимы ключевого слова и их семантику. Эти словари дают представление о том, как организована понятийная сфера среднего носителя русского языка. Антоним слова *серость* — *бездарность*, синонимы — *стальной, пепельный, дымчатый; пасмурный, сумрачный; бесцветный, невыразительный; непросвещенный, невежественный*.

Русский ассоциативный словарь (РАС) под ред. Ю. Н. Караулова — это своего рода смоделированный психолингвистический эксперимент. Статья РАС представляет собой «естественно-языковое ассоциативное поле, имеющее не только структурно-лексикографический, но и онтологический статус: ассоциативное поле — это фрагмент не только вербальной памяти (знаний) человека, фрагмент семантических и грамматических отношений, но и фрагмент образов сознания, мотивов и оценок русских» [5]. В этом заключается его ценность. Интересно и то, что участники эксперимента — люди 17–25 лет,

наиболее ярко выражающие динамику в современной ККМ русской нации. Одна из задач словаря — прогнозирование развития сознания тех русских, которые в ближайшие 30 лет будут определять язык, духовную и материальную жизнь нашего общества. РАС — «это «выход» в будущее сознание русских (на 10–20 ближайших лет)» [6]. Материал этого словаря очень богат, он один может послужить источником для исследования, но вместе с другими источниками его данные становятся еще более интересными. По материалам РАС было установлено, что, во-первых, словарь эксплицирует все значения слова *серый*, содержащиеся в толковом словаре (с разной степенью интенсивности), во-вторых, материал этого словаря позволяет предположить существование имплицитных (скрытых) или потенциальных смыслов в содержании этого концепта у носителей русского языка.

Кроме узуальной лексики, в исследовании использована лексика маргинальная (Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона — СТЛБЖ). Эта лексика в силу исторических причин была актуальна и, к сожалению, достаточно актуальна сейчас. В отличие от ассоциаций, одно из ведущих свойств которых — личностный характер, эта лексика имеет более постоянную основу и употребляется, хотя и ограниченно (в определенной социальной группе), но постоянно, закрепленно. Маргинальная лексика, по нашему мнению (сленг, арг, сюда же можно причислить различные социолекты по причине ограниченности их употребления), может служить сигналом образования новых смыслов у уже существующих лексем, а также новых лексем для выражения этих смыслов. Таким образом, маргинальная лексика представляет собой одну из составляющих потенциала языка, а значит, национальной концептосферы. В этом словаре лексемы с корнем *сер-* оказались достаточно представленными, например, *серяк* — солдат (в первом значении), *житель деревни* (во втором), *серый* — военнослужащий Советской Армии и т. д.

Словари паремий (пословиц и поговорок), фразеологизмов и афоризмов служат главным образом для подтверждения выделенных концептуальных признаков. Также они представляют интерес для изучения концепта в диахронии (наряду с толковым словарем В. И. Даля, толковыми словарями прошлых веков и этимологическими словарями), а также могут входить в интерпретативную часть концепта.

Данные словообразовательного и частотного словарей позволяют говорить о языковой представленности концепта в русском языке (т. е. о разработанности и актуальности концепта для носителей этого языка). Так, в словообразовательном гнезде слова *серый* 67 единиц, следовательно, концепт «Серость» достаточно актуален для носителей русского языка. В словарной статье содержатся прилагатель-

ные (цвет и его оттенки — *серенький, сероватый*, общее значение — качество), существительные (*серость* — предмет в широком смысле) и наречия (*серо, серовато* — признак действия и другого признака). Частотный словарь русского языка Л. Н. Засориной фиксирует у слова *серый* частоту употребления 116, это не много, но данное слово фиксируется (т. е. востребовано) во всех жанрах (сферах общественной жизни): в художественных произведениях, драматических, научных и публицистических, газетно-журнальных изданиях (в порядке убывания частотности).

Данные Русского семантического словаря С. Г. Бархударова позволяют выстроить (схематично) поле концепта, его концептуальные слои и их расположение относительно ядра концепта по степени актуальности. Этот словарь с помощью анализа словарных дефиниций позволяет выявить общие семы у разных слов (правда, на ограниченном словарном материале — словарь содержит около 1500 словарных статей, составленных по результатам анализа словарных дефиниций около 3 тыс. слов). Семантическая общность слова *серый* обнаруживается с 21 словом по 9 семантическим множителям (семам). Преобладает (т. е. наиболее частотна) здесь сема «цвет» (содержится в словах *зола, металл, голубь*), а также семы, сопряженные с названной, затем по частотности идут семы «погода», «пасмурный» (*барометр, дождь, туман, холод*), «посредственный» (*посредственность, несовершенный*) и «малокультурный» (*невежество*).

Концепт «Серость» состоит из базового концептуального слоя (чувственного образа), основных КС «Погода», «Посредственность» и «Малокультурность, необразованность», имплицитных слоев (составляющих интерпретативную часть концепта) «Непонятный, подозрительный», «Бедный, простой, безответный» и «Болезнь, страдание». Остановимся на каждом из КС более подробно.

Зрительный образ, т. е. **цвет**, дается во всех толковых словарях как первое значение: «Цвета, получаемого из смешения черного с белым».

Как и следовало ожидать, реакции с семантикой цвета (в основном предметная лексика) составляют в РАС большинство (в среднем 60 %, если судить по нечетным томам, — от стимула к реакции), хотя здесь существует интересная закономерность: в статье со стимулом *серая* цветовых реакций 84 %, со стимулом *серый* — 75 %, со стимулом *серость* — 21 %.

Серым могут быть названы **погода**, физическое состояние в природе, время суток, нелокализованное пространство в случае, если все вышеперечисленное соответствует условиям: недостаток света; осадки и обилие влаги (выполнение этого условия необязательно). Этот

КС позволяют выделить, в частности, материалы словаря синонимов (*пасмурный, сумрачный, хмурый, тусклый*) и РАС (*облака, сумерки, туча, туман, рассвет, сырость, дождь, дождливый день, погода, небо, на улице*).

КС «**Посредственность**». Концептуальная область: «о человеке, его речах, мыслях, артефактах, месте, времени, образе жизни». Эта концептуальная область обнаруживает тенденцию к дальнейшему расширению. КП, общие для всех перечисленных в концептуальной области предметов и явлений: «ничем не выделяющийся из ряда таких же предметов и явлений», «интенсивное отрицательное эмоциональное отношение» (дефиниция в СС — «лишенный выразительности, своеобразия, яркости, ничем не привлекающий внимания»), «легкость распознавания» (РАС — *неприкрытая, очевидная*), а также «вызывающий скуку». Для некоторых предметов и явлений выделяются отдельные КП. Так, серым можно назвать:

1) **человека и продукт его деятельности**, не привлекающих внимания, а значит, не вызывающих интереса; незамысловатого, «упрощенного» (РАС — *простота*), незавершенного в каком-либо отношении (РАС — *заготовка*) человека, а также лишенного всяческого таланта, природного дара (РАС — *бездарность*, СА — *талант*), незначительного. При этом созданию образа «серости» способствует большое количество, скопление кого-, чего-нибудь в случае, если люди или предметы в этом скоплении обладают общими признаками, свойствами (РАС — *толпа, масса, стадо* (о скоплении людей), ФС — *серая скотинка* (о солдатах в дореволюционной России)). Также серым может быть назван человек, выполняющий, в нашем представлении, определенную функцию, работу, лишенную своеобразия (РАС — *служащий, клерк*);

2) серым можно назвать какой-нибудь **отрезок времени или какое-нибудь место (либо и то и другое одновременно) и образ жизни** (о расширении КО свидетельствуют реакции *город, на улице, сегодняшнего дня, жизнь, быт*), если события и поступки человека повторяются изо дня в день, при этом они лишены яркости, своеобразия, все остается неизменным (РАС — *будни, повседневность, обыденность, рутина*). Языковое сознание отмечает также трудность выхода из такого образа жизни, губительное воздействие на новое, своеобразное, попадающее в его сферу (РАС — *болото, непроходимая*). Этот КС оказался одним из самых представленных лексической системой языка, а значит, и одним из наиболее актуальных.

КС «**Малокультурный, необразованный**». Концептуальная область: «о человеке, его ментальной и духовной сфере». Серым называют человека: совершенно не имеющего образования (имеющего

плохое образование); плохо владеющего производственными, общественными, духовными достижениями людей или не принимающего их; обладающего низкими нравственными качествами (МАС: «несвежий, малокультурный»). Такой человек оценивается негативно, причем здесь есть элементы рациональной оценки, обосновывающие неодобрение: «несовершенный», «отклонение от нормы в худшую сторону», «более низкий уровень развития по сравнению с другими людьми» (РАС — *отсталость, тупость, необразованный*). Причинами «серости» могут быть: умственная ограниченность (т. е. неспособность к получению образования и усвоению культуры), провинциальность (удаленность от источников образования и культуры; РАС — *деревенский, деревня*, СЛБЖ — *серяк* (деревенский житель)). Следствиями «серости» могут быть: чрезмерная уверенность в себе, отсутствие сомнений, раздумий, пренебрежение к другим, грубость, неделикатность (РАС — *заносчивый, ненависть, грубость*), а также отсутствие интереса к такому человеку со стороны других (РАС — *неинтересный*). Поступки и мотивы такого человека легко объяснить. Для этого КС так же, как и для КС «Заурядный», актуальны когнитивные признаки «трудность выхода из этого состояния», «легкость распознавания необразованности и некультурности», «незавершенность и возможность исправления».

Кроме базовых КС, зафиксированных в толковых словарях, в содержании концепта есть скрытые, неявные КС, выявленные по материалам РАС, на основе паремий и маргинальной лексики.

КС «Непонятный, подозрительный». Например, пословицы из словаря В. И. Даля: *говорит красно, а выходит серо* (мутно, непонятно); *есть в нем серой шерсти клочок*. В СЛБЖ приводится такое значение слова *серый*: 2. Подозрительный, не вызывающий доверия человек.

КС «Бедный, простой, безответный». Например, *вали на серого, серый все свезет* (актуальный смысл, данный в словаре: «безответный, тот, кто не может ответить»). РАС: *бедность, грязь, нищета, убогость*.

КС «Болезнь, страдание». Здесь следующие реакции: *больница, болезнь, неизлечима, страдание, мучение, горе, кровать, мокрота, не хоч, поганка*.

Необходимо заметить, что в словарных статьях РАС содержится немало оценочной лексики, причем только негативной. Отметим также негативную оценку в предыдущих КС. КС «Болезнь, страдание» конкретизирует эту оценку и воплощает ее в себе.

Таким образом, на основе лексикографических источников выявлено содержание концепта «Серость». Задача будущих исследований — определить место концепта «Серость» в языковой картине мира русского народа, в частности, в цветовой картине мира.

Весьма перспективным представляется сопоставление содержания концепта «Серость» в языковой картине мира социума и содержания этого концепта в художественной картине мира, воплощенной в тексте, выявление его текстообразующего потенциала.

Примечания

1. Краткий словарь когнитивных терминов / Под. ред. Е. С. Кубряковой. М., 1996. С. 90.
2. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. С. 60–64.
3. Гофман О. В. К вопросу о методе концептуального анализа // Картина мира: модели, методы, концепты. Томск, 2003. С. 214–215.
4. Там же.
5. Караулов Ю. Н., Уфимцева Н. В., Сорокин Ю. А. и др. Русский ассоциативный словарь. М., 1994. С. 6.
6. Там же. С. 5.

Источники

- МАС — Толковый словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой (малый академический словарь): В 4 т. М., 1994.
- РАС — Русский ассоциативный словарь / Под ред. Ю. Н. Караулова. М., 1998.
- СА — Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка. М., 2001.
- СС — Словарь синонимов русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 2001.
- СТЛБЖ — Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. М., 1992.
- ФС — Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1986.

© О. М. Рылкина
СамГМУ, г. Самара

Отражение наивной картины мира в терминах оториноларингологии

Как справедливо отмечает Е. С. Кубрякова, «языковая картина мира — это особое образование, постоянно участвующее в познании мира и дающее образцы интерпретации воспринимаемого» [1]. В результате его функционирования формируется опыт, который включает в себя «не только огромный корпус единиц номинации но... и правила их образования и функционирования». Вместе с тем языковая картина мира — это отражение «концептуальной системы нашего сознания», которое состоит как из «врожденных концептов», так и из концептов, сложившихся «в ходе предметно-познавательной деятельности», а также из концептов, выделенных «из повторяющихся в семантических структурах слов объединений значений, представленных сложными словами. Таким образом, смысл языковой единицы у субъекта основывается на том, что уводит далеко за линию горизонта — в целостную картину мира и разнообразные выводные знания (языковые и энциклопедические), вне которых понимание и взаимопонима-

нис невозможны» [2]. Как отмечает в своих трудах Т. В. Колшанский, сущность номинации заключается не в том, что языковой знак обозначает вещь или каким-то образом соотносится с вещью, а в том, что он репрезентирует некоторую абстракцию как результат познавательной деятельности человека, «абстракцию как отображение реальных предметов и явлений в сознании». Поэтому номинацию необходимо рассматривать как «языковое закрепление понятийных признаков, отображающих свойства предметов».

По мнению А. П. Бабушкина, «существуют несколько способов формирования лексических единиц, за которыми стоят новые концепты и категории. Наиболее интересен способ, при котором старое слово приобретает новое значение в результате переноса имени с одного предмета на другой. Перенос имени происходит на уровне той картины мира, тех научных и обыденных представлений, которые соответствуют менталитету данной генерации носителей языка» [3].

Современные ученые-лингвисты выделяют естественный и искусственный типы номинации. Естественный «представляет собой процесс стихийного выбора языковым коллективом оптимального варианта содержания и формы языковой единицы в ходе использования ее в актах речевой коммуникации». Искусственный же тип характеризуется тенденцией «предопределять восприятие реалий при дальнейшем использовании имени» [4].

Основываясь на модели образной номинации, которую предлагают Т. С. Непряхина и М. Э. Рут [5], а также на схеме для зоонимии Т. А. Сироткиной [6], рассмотрим типологизацию процесса номинации в терминологии оториноларингологии (болезни уха, горла и носа) следующим образом:

1. По движущему мотиву: *ото́бъектная* и *отсубъектная*. Отобъектная номинация, в основе которой лежит стремление выразить в названии свойства объекта, является преобладающей в медицинской терминологии. Например: *искривление перегородки носа, слизистая оболочка рта, околоносовые пазухи*.

Отсубъектная номинация базируется на определенной образной модели, существующей в сознании номинатора, на его модели восприятия мира. Она определяется национальной, материальной и духовной культурой носителей языка, с учетом национальной психологии. Нужно отметить, что античная мифология сыграла особую роль в становлении медицинской терминологии вообще и в оториноларингологии в частности. Образы древнегреческих и римских богов и богинь, героев и чудовищ встречаются во всех терминосистемах языка медицины. Лор-терминология не является исключением. Например, *гарголизм* — идиотия дизостотическая — аномалия раз-

вития костей скелета, имеющая наследственный характер (от слова французского происхождения *gargoyle*, которое обозначает фигуру человека или животного с отталкивающим лицом или ртом, служащую в качестве устья водосточных труб средневековых кафедральных соборов); *лабиринт* — внутреннее ухо, часть преддверно-улиткового органа, представляющая собой систему каналов височной кости (от греческого слова *labyrinthos*, напоминающего нам миф о лабиринте, построенном Дедалом для критского царя Миноса).

2. По наличию или отсутствию внутренней связи данной номинации с другими: *автономная* и *системная*. Большинство фиксируемых объектов номинации являются автономными, но в отдельных случаях можно увидеть и систему образов. Например: *кошачье ухо, макаки ухо, ухо Сатиры; разрез бокаловидный, воротниковый, двустворчатый, линейный, одностворчатый, окаймляющий, Т-образный*.

3. По характеру воплощения образного представления в названии: *непосредственная* и *ассоциативная*. Непосредственная, как и автономная, встречается более часто. Например: *сосцевидный отросток* (*processus mastoideus*) — отросток, напоминающий сосочек. Однако в ряде случаев мы можем наблюдать развертывание цепочки ассоциаций. Например, к термину «*поза легавой собаки*» (больной лежит на боку с согнутыми и приведенными к животу ногами) можно смоделировать ассоциативный ряд: *собака — порода — легавая собака — поза легавой собаки*.

Похожий ряд выстраивается при номинации термина «*сэндвич-способ*» (*способ наложения лекарственного средства*): *бутерброд — многослойный — сэндвич-способ*.

Из вышеизложенного видно, что большую роль в процессе номинации медицинской терминологии играет принцип антропоцентризма и процесс метафоризации. «Обращение к признакам представителей животного мира для сравнения аспектов жизнедеятельности человека, — как считает И. В. Миронова, — подтверждает тезис о том, что употребление оценки ограничивается частью Вселенной. А привлечение для сравнения характеристик тех животных, которые знакомы человеку из его практической деятельности, обусловлено коммуникативными целями: образы известных человеку животных помогают четко обрисовать ситуацию, внешний облик человека...» [7]. Общепризнано, что метафора является универсальным механизмом профессиональной коммуникации. Мы полностью разделяем концепцию Алексеевой, что «метафора не противоречит логике научного познания, но является его постоянным атрибутом. Целью научной метафоризации всегда была актуализация результатов глубинных мыслительных процессов не столько для того, чтобы

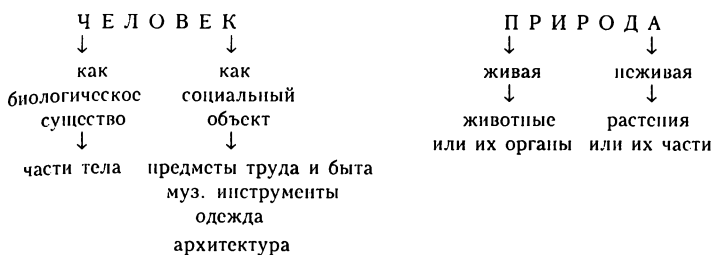
создать единицу номинации, а скорее для того, чтобы представить индивидуальное видение исследуемого явления, используя при этом различные ассоциативные механизмы для генерации нового знания в сознании партнеров по коммуникации» [8].

При анализе русских анатомических лор-терминов было выявлено, что основным креативным когнитивным процессом номинации является сравнение на базе различных реалий окружающей действительности. В сфере проблем вербализации нового знания специфика терминопорождения всегда занимала особое место. Философ Ф. Бэкон писал: «Всякое знание, не совпадающее с предшествующими представлениями, должно искать себе опору в аналогиях и сравнениях» [9]. Так, например, органы уха сравниваются с 1) предметами народного быта или ремесленными инструментами: *молоточек, наковальня, стремя, шиловидный отросток, рукоятка, яремная ямка*; 2) с музыкальными инструментами или их частями: *барабанная перепонка, барабанная струна*; 3) животными или их органами: *улитка, гребешки*; 4) растениями или их частями: *ветви нерва, слуховая кора, оливное ядро, корень языка*; 5) одеждой: *карман, складки*; 6) архитектурой: *окно, стенка, преддверие, крыша, аттик, бассейны наружной сонной артерии, водопровод преддверия, мост преддверного волокна, лестница на поперечном срезе кости улитки*; 7) природой: *пещера, мыс, холмики, возвышение, каменисто-барабанная щель*; 8) частями тела: *шейка стремени, маточка, коленчатое тело, язычок, ушко, ножки противозавитка, сосцевидный отросток, пупок барабанной перепонки*.

Итак, метафора — универсальное языковое явление, присущее как общеупотребительной, так и научной лексике, в частности, медицинской терминологии. Из всех функций метафоры (эвристическая, эмоционально-художественная, информативная) в термине реализуется только эвристическая и информативная. Приведенная выше классификация соответствует «основной метафорической модели медицинского дискурса», приведенной С. Л. Мишлановой [10], которая распределяет все метафоры по двум доменам — **Человек и Природа**.

В свою очередь, домен **Человек** также делится на две метафорические модели. Первая модель — Человек как социальный объект — представлена предметами труда и быта, музыкальными инструментами, одеждой, архитектурой. Вторая модель — Человек как биологическое существо — включает группу терминов, обозначающих части тела.

В домене **Природа** тоже выделяются две модели — Природа живая и Природа неживая, куда входят животные или их органы и растения или их части (см. схему).

В заключение отметим, что медицинский термин имеет двоякую сущность. С одной стороны, он субъективен, так как в нем заложено индивидуальное (авторское) видение и восприятие научного понятия, с другой стороны — объективен, поскольку по своей сути он должен максимально приближаться к научной дефиниции и быть информативным для всех членов социума. Принимая во внимание данный тезис и основываясь на анализе метафорических лор-терминов, который показал, что большинство образных клинических терминов имеют синонимы с прозрачной внутренней формой, выраженной греческо-латинскими терминологическими элементами, информативными для специалиста-медика (*костная львиность*, синоним — *фиброзная остеодисплазия*), правомерно было бы сделать вывод о том, что метафорическое переосмысление формируется на первой ступени научного познания. В результате эволюции научного понятия появляются новые, более информативные термины для его обозначения. Процесс поиска адекватного обозначения часто заканчивается эпонимизацией, т. е. созданием термина, в состав которого входит фамилия автора, наиболее полно описавшего патологический процесс. Ярким примером эволюции понятия, а вместе с ним и его терминологического выражения, является болезнь, которую впервые наблюдал С. П. Боткин летом 1888 г. на даче в Финляндии и которую он назвал «*финляндской жабой*». Позже Плаут и Венсен (1898) описали это заболевание с уже известным возбудителем в виде симбиоза веретенообразной палочки и спирохеты полости рта и на основании своего открытия дали ему название «*фузоспирохетоз*». Последующие поколения врачей увековечили их открытие в термине «*ангина Плаут — Венсен — Симановского*».

Таким образом, термин, представляющий собой искусственное образование, создаваемое в языке, находится в тесной связи с общелитературной лексикой языка и другими терминами, что определяет его особую роль в формировании языковой картины мира.

Примечания

1. Кубрякова Е. С. Язык и знание. М., 2004. С. 64.
2. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М., 1999. С. 102.

3. *Бабушкин А. П.* Поиск «тела-знака» для наименования концепта // *Филология и культура*. Тамбов, 1999. С. 100.
4. *Голомидова М. В.* Некоторые теоретические вопросы искусственной топонимической номинации // *Номинация в ономастике*. Свердловск, 1991. С. 7.
5. *Пепряхина Т. С., Рут М. Э.* Ономастологический эксперимент и типология образов номинации // *Номинация в ономастике*. Свердловск, 1991. С. 27–40.
6. *Сироткина Т. А.* К вопросу о типологии образной номинации в ономастике // *Филология и культура*. Тамбов, 2001. Ч. 3. С. 55–56.
7. *Миронова И. В.* К вопросу о национально-культурных особенностях проявления антропоцентризма в зооцентрических обозначениях человека и его жизнедеятельности // *Философия и культура*. Тамбов, 2001. Ч. 1. С. 198.
8. *Алексеева Л. М.* Термин и метафора. Пермь, 1998. С. 31.
9. *Бекон Ф.* Соч.: В 2 т. М., 1971. Т. 1. С. 34.
10. *Мишланова С. Л.* Сравнительное исследование метафоры в научно-медицинском дискурсе // *Лексикология. Терминоведение. Стилистика*. Москва; Рязань, 2003. С. 132.

© Н. М. Сергеева
КемГУ, г. Кемерово

Концептуализация ментального пространства в русской языковой картине мира

Актуальность исследования процессов концептуализации в современной лингвистике представляет одно из направлений новой парадигмы изучения языка. Значимым в лингвистике становится взгляд на язык как знаковую систему, в которой зафиксирован опыт поколений, знаний и представлений человека о мире.

Для лингвистики XXI в. характерно включение в сферу исследований языка многих проблем, касающихся человека: его мышления, памяти, восприятия, чувств, эмоций, поведения, деятельности, социальных статусов и разнообразных ролей. Есть все основания говорить о том, что современная наука входит в новый этап своего развития, зарождается когнитивная (антропоориентированная) парадигма исследования. Последняя представляет собой, по определению Ю. С. Степанова, «синтез семантической, синтаксической и прагматической парадигм в сфере когнитивных проблем» [1].

При когнитивном подходе в спектр изучения включается весь познавательный опыт человеческого сообщества, объединяющий разные сферы жизнедеятельности: социальную, бытовую, религиозную, мифологическую, национальную и т. д. В менталитете существует определенная совокупность знаний и представлений об окружающем мире, формирующаяся в сознании человека по определенным структурам и реализующаяся в своеобразной материальной форме. Изучение же человека и его картины мира позволит понять природу языка.

На современном этапе развития лингвистической мысли наблюдается переход от структурно-системного описания языка к антропоцентрическому. Антропоцентризм лингвистами воспринимается как осмысление человеческого мира и отражение этого понимания в языке. Этот подход разработан в современных исследованиях Ю. Д. Апресяна, Ю. Н. Караулова, Е. С. Кубряковой, С. Е. Никитиной и др.

Процесс концептуализации обусловлен познавательной деятельностью человека, заключающейся, по мнению Е. С. Кубряковой, «в осмыслении поступающей к человеку информации и приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека» [2].

Утверждение в лингвистике термина *концепт* обозначило новую ступень в постижении способов, закономерностей и особенностей взаимодействия языка, сознания и культуры, а следовательно, и новые аспекты взаимодействия лингвистики, когнитологии, культурологии, философии, расширило рамки содержательного анализа языковых явлений и придало большую глубину и эффективность семантическим исследованиям.

При определении концепта следует учитывать, что концепт занимает ту плоскость, которая не оформлена в сознании, а значит — не понята. Процесс понимания не имеет завершенности — он бесконечен; процесс определения термина *концепт* также не завершен и, по мнению З. Д. Поповой, И. А. Стернина, «границы термина *концепт* размыты» [3].

Концепт, по мнению В. В. Колосова, есть ментальная единица, которая предстает в своих содержательных формах «как образ, как понятие, как символ» [4]. Именно ментальность играет роль посредника между культурой и языком. Исследование взаимодействия языка и культуры будет заведомо неполным без этого связующего элемента. На уровне ментальности человек способен эксплицировать культурную информацию определенными языковыми средствами в конкретной ситуации диалога для реализации определенных коммуникативных целей. Продолжая рассуждения о термине *концепт* как единице ментальности, следует отметить, что под термином *концепт* понимается единое ментальное образование, разделяемое при анализе на несколько компонентов: внутренняя форма, общеполитическое понятие, лексическое значение, когнитивная модель, связанная с концептуальным признаком.

Термин *концептуальный анализ* (далее КА) предполагает, что объектом анализа является концепт и его структура. Сложная структура концепта предполагает применение в концептуальном анализе различных методов и приемов, которые используются в смежных дисципли-

нах: герменевтический метод, метод экстраполяции (вычленение смыслов из разных уровней языка и культуры), метод компонентного анализа и т. д. По содержанию КА не структурирован жесткой техникой приемов, а представляет целенаправленное описание материала для решения поставленных вопросов в рамках смежных дисциплин — психологии, культурологии, этногерменевтики и этнолингвистики.

КА осуществляется в терминах когнитивной лингвистики. Описание концептов в данной работе дается как описание концептуальных признаков. Когнитивная категоризация происходит на основании какого-либо наиболее «бросающего в глаза» признака. Согласно прототипической теории Э. Рош, такие признаки называются прототипичными. Сторонники теории когнитивной категоризации (С. В. Вишаренко, В. З. Демьянков, А. А. Залевская, Е. С. Кубрякова, Л. Г. Лузина, З. Д. Попова, Е. В. Рахилина, И. А. Стернин) также подчеркивают, что эти признаки, как правило, не поддаются четкому определению, поэтому говорят о прототипическом представителе категории, который в наиболее полном и совершенном виде обладает прототипичными когнитивными признаками.

В структуре концепта имплицитно содержатся знания о мире. Экстралингвистические характеристики концепта репрезентируются в языке средствами выразительности: метафорой и метонимией. По мнению многих исследователей (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Н. Д. Арутюнова, Г. И. Берестнев, Е. С. Кубрякова, О. Н. Лагута, М. В. Пименова, А. П. Чудинов), метафорична может быть вся деятельность человека, его восприятие окружающей действительности, обыденная понятийная система метафорична по своей сути. Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают, что существуют особые ментальные сущности — метафорические концепты в самых глубинных основах понятийной системы человека [5]. Поэтому в структуре концепта выделяют метафорическую когнитивную модель, метонимическую когнитивную модель и особый вид метафоры — концептуальную метафору.

В процессе представления концептуальной метафоры и когнитивных моделей используется этногерменевтический метод, или метод интерпретации экстралингвистических явлений в контексте языковых структур. Интерпретация является высказанной рефлексией, а рефлексия — второй (после чувственности) источник опыта, важнейший собственно человеческий конструкт, позволяющий совершенствовать всю душевную и духовную структуру личности и сообщества (их онтологическую конструкцию), делая человека умнее и человечнее [6].

Для концептуального анализа термины *концептуальный признак* и *структура концепта* являются значимыми. *Концептуаль-*

ный признак рассматривается исследователями (В. В. Колесов, Е. А. Пименов, М. В. Пименова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Л. А. Шарикова) как типологическое явление. *Структура концепта*, таким образом, состоит из *концептуальных признаков*, которые воссоздают концепт как «означенный в языке национальный образ, идея, понятие, символ» [7]. Совокупность *концептуальных признаков* позволяет полностью воспринять явление, предмет или понятие. *Концептуальные признаки* функционально значимы для носителей культуры, потому имеют свою специфику восприятия. Такой подход предполагает полновесное знание о каком-либо фрагменте действительности.

Когнитивная модель включается в описание концепта (М. В. Пименова, Филмор, А. П. Чудинов). Процесс когнитивного моделирования включает характер функции понимания: способность соотносить новое знание с уже имеющейся структурой знания по принципу сходства. Рассматривая содержание термина *когнитивная модель*, следует отметить, что знание о концепте соотносится с некоторой имеющейся структурой знаний, на основе которой и создается модель ситуации. В процессе этого вспоминаются прошлые ситуации, как конкретно-эпизодические, так и обобщенно-семантические. Хранящиеся в памяти ситуации входят в состав пересекающихся структур (или кластеров), образованных по принципу сходства, на основе которых и выстраивается новая модель. Модель представляет конструкцию релевантного явления, содержащегося в концепте. Дж. А. Миллер утверждает, что модель содержит дополнительный компонент, ментальный по своей природе. Когнитивные модели способны не только реализовывать образы памяти, но выражать в языковых знаках определенную систему, построенную на универсальных законах [8]. На основе этого когнитивная модель понимается как некоторый стереотипный образ, с помощью которого организуется опыт.

Репрезентация когнитивных моделей использует метод герменевтического осмысления взаимодействия языка и действительности. Именно герменевтика указывает на принципиальное единство объективного и субъективного, на взаимодействие языка и действительности, образующих единое целое, модель мира.

Когнитивная лингвистика помогает обнаружить явления когнитивного моделирования в языке, которая содержит разные объекты действительности, в том числе и абстрактные.

При изучении и описании абстрактных сущностей, к которым относятся концепты ментальной деятельности человека, невозможно уклониться от упоминания того, каким образом трактовалась и трактуется

ся абстракция, характеризующая мыслительную деятельность человека. Абстрактное есть нераскрывшееся, неразвернувшееся, неразвившееся конкретное. Чтобы описать абстрактное, используют метафоры, ведь иной способ осознать вещи отвлеченные, по-видимому, отыскать крайне трудно. Результатом является комплексное мышление, в основе которого лежит метафорическое мышление. Метафора — это те явления, на которых базируются абстрактные понятия, экспликация которых обращает внимание на процессы восприятия, сочетающие в себе и интеллектуальные, и эмоциональные, и специфически национальные начала. Механизмы восприятия кроются в подсознании человека, на уровне которого находятся единицы ментального уровня — концепты, репрезентируемые в большей степени *концептуальными (когнитивными) метафорами* или, по терминологии Дж. Лакоффа и М. Джонсона, *метафорическим концептом*.

При наиболее общем подходе метафора рассматривается как видение одного объекта через другой и в этом смысле является одним из способов репрезентации знаний в языковой форме. Метафора обычно относится не к отдельным изолированным объектам, а к сложным мыслительным пространствам (областям чувственного или социального опыта). В процессах познания эти сложные, непосредственно ненаблюдаемые мыслительные пространства соотносятся через метафору с более простыми или конкретно наблюдаемыми мыслительными пространствами (человеческие эмоции сравниваются с огнем). По мнению З. И. Резановой, в метафоре присутствует предлогический или доязыковой этап, который содержит опыт телесной жизни человека [9]. Выражения *пир разума, включенный ум* обозначают отвлеченную реалью, отображенную в метафорической форме; такая реальность существует как языковленное понятие только в виде метафоры. Оценка умственных способностей представлена соответствующими метафорами (*куриный ум, умом тетерева, птичий ум, ум с гусиным носом, гусиный ум, ум цыпленка*). Курица ассоциируется с отсутствием умственных способностей, потому что является птицей, не способной летать.

Таким образом, в основе концептов, определяющих оценочные смыслы в метафорах, лежит ценностная картина мира и семантика единиц языка в их взаимодействии. Путем анализа метафор можно определить те аспекты картины мира, которые непосредственно проникают в структуру языковых единиц, вводя в них оценочные коннотации.

В русском языке концептуализация ментальных способностей человека включает следующие языковые репрезентации умственной деятельности: *ум, разум, мудрость, премудрость, дума, догадка, мозг/мозги, мысль, рассудок*.

Мыслительная деятельность по общефилософским представлениям относится к духовной сфере человека, которая имеет скрытую форму существования. В древнерусской традиции, по учению Нила Сорского, *ум* относился к внутренней части человека: «Ум — это образ божий в человеке, и он руководит всеми аффектами и страстями («царь страстей»)» [цит. по: 10]. Концепт *ум* репрезентирует определенные умения, навыки и способности человека, связанные с мыслительной деятельностью.

Ум имеет определенную локализацию — в верхней части головы человека. В концептосфере внутреннего мира человека (концепты *душа, сердце, вера, совесть, ум*) концепт *ум* имеет различия с *душой* и *сердцем*. *Ум* в русской языковой картине мира воспринимается как мыслительная способность, *ум* уподобляется органу, с помощью которого человек думает и понимает. По мнению В. В. Колесова, «ум воплощается в разуме («ум без разума — беда»), отливается в законченные формы рассудка и затем, в полном единении с душой и сердцем, по желанию и влечению постигает мудрость («разум душевный»); ум предполагает ум-ение в разуме, здравомыслие в рассудке и ум-озрение в мудрости» [4].

Слово *разум* в период средневековой культуры связано было с понятием *ум*, но выражено это в определенной иерархической градации. Августин Блаженный в своих философских сочинениях подчеркивает, что ***разум*** — это «своего рода взгляд ума (т. е. тот орган, с помощью которого воспринимают информацию), а умозаключение (способность производить какие-то операции) — разумное исследование, т. е. движение этого взгляда по всему подлежащему обозрению» [цит. по: 4]. Языковое сознание выражает надстроечную функцию концепта *разум*. Разум воспринимается как предел интеллектуальных ресурсов.

Понимание, достигаемое *умом, разумом, рассудком*, основывается на логике и анализе фактов, т. е. является результатом рационального процесса. Синонимы ряда *ум* описывают способность человека логически мыслить, рассуждать, например: *Глаза — чтобы видеть, ум — чтобы распознавать (Пословица); Дурак закинет, а умный доставай (Пословица); В учении не мог, да в разуме тверд (Пословица)*.

Концептуализация ментальной сферы содержит ряд концептов мыслительной деятельности: *догадка (сообразительность), смекалка, сметка, мысль*, которые описывают способность человека быстро понимать или предвидеть что-либо в условиях нехватки информации или принятия быстрого решения. Эта способность основана на умении делать правильные выводы из небольшого, мобилизуя

все интеллектуальные ресурсы: память, воображение, опыт и т. д. Такос пониманиис предстает как результат нсизвестного хода, например: *Ум без догадки гроша не стоит (Пословица); Догадка лучше ума (Поговорка); Догадка не хуже разума (Поговорка); Мысль о смерти того или другого также мелькнула в уме моем, и я приблизился к станции *** с печальным предчувствием (А. С. Пушкин).*

Концепт *мозг* представляет другой концептуальный уровень репрезентации ментальных составляющих человеческой деятельности: его материальную выраженность. Физиологическая интерпретация слова «мозг» представляет ипой уровень описания мыслительных процессов. В Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля значение слово *мозг* определяется следующим образом: «вещество, наполняющее череп человека и высших животных. Пучки мозговых нитей от мозга к разным частям тела» [11]. Таким образом, *мозг* представляется как видимая часть мыслительных реакций человека, например: «...рефлексы головного мозга», — *подумал Степан Аркадьевич, который любил физиологию (М. А. Булгаков); Что это такое... Мозговая грыжа... Гм... он живет... Саркома... Гм... мягковата... Какая-то невиданная, жуткая опухоль... Откуда же она развилась... Из бывшего глаза... А может быть, его никогда и не было... Во всяком случае, сейчас нет... — Вот что, — вдохновенно сказал я, — нужно будет вырезать эту штуку... И тут же я представил себе, как я надсеку веко, разведу в стороны и... И что... Дальше-то что? Может, это действительно из мозга... Фу, черт... Мягковато... На мозг похоже... (М. А. Булгаков); В прозрачной и тяжелой жидкости плавал, не падая на дно, малый беленький комочек, извлеченный из недр Шарикова мозга (М. А. Булгаков).*

Наиболее широк спектр составляющих образный компонент концептов ментальной сферы. В структуру концептов *ум*, *разум* входят группы признаков ‘живой природы’: ‘вегетативные’, ‘витальные’, ‘зооморфные’, ‘антропоморфные’, которые реализуются через ряд признаков (‘вегетативные’ признаки: ‘плод’, ‘дерево’, ‘цветение’; ‘витальные’ признаки: ‘сон’, ‘возраст’, ‘движение’, ‘обладание голосом’, ‘зрение’ и ‘глаза’, ‘сила’, ‘слух’, ‘истощение’, ‘питание’; ‘зооморфные’ признаки: ‘орнитологические’, ‘анималистические’). Группа ‘антропоморфных’ признаков содержит четыре подгруппы признаков: ‘социальные’, ‘ментальные’, ‘эмоциональные’, ‘гендерные’, которые представлены рядом подпризнаков.

Среди выделенной подгруппы ‘социальных’ признаков выявляются следующие признаки: ‘национальные’, ‘интерперсональные’, ‘этические’.

Подгруппа **‘эмоциональных’** признаков: ‘смущение’, ‘волнение’, ‘беспокойство’, ‘восторг’, ‘вселение’, ‘страх’. К выявленной подгруппе **‘ментальных’** признаков относятся следующие признаки: ‘предвидение’, ‘понимание’, ‘творчество’.

К обозначенной подгруппе ‘гендерных’ признаков принадлежат признаки ‘мужской’ и ‘женские’ как социокультурное явление.

К блоку признаков ‘неживой природы’ относятся предметные признаки, признаки ‘вещества’, пространственные признаки и признаки ‘стихий’ и ‘время’. В наибольшей степени структура концепта *разум* представлена ‘витальными’ и ‘антропоморфными’ признаками. В представлениях русского народа *разум* воспринимается как живое существо, которое обладает органами восприятия: глазами, ушами.

В структуру концепта *разум* входят следующие признаки ‘неживой природы’: признаки ‘вещества’ — разум как ‘твердое вещество’: *Ибрагим не мог надвинуться быстрому и твердому его разуму, силе и гибкости внимания и разнообразию деятельности.* (А. С. Пушкин); *...но вторая одна может быть свойственна народу, который имеет более доброго смысла, нежели пытливости, более простого и твердого разума, нежели воображения...* (М. М. Сперанский), пространственные признаки — признаки ‘дома как строения’: *Язык разум открывает* (Поговорка); *столпы разума*; ср.: *...воздвигали бы под завесою настоящего правительства новое здание на столпах разума* (М. М. Сперанский) признаки стихии ‘огня’: *Сочинение вообще требует известного огня в разуме, умеряемого опытом и размышлением* (М. М. Сперанский).

Таким образом, концептуализация ментального пространства имеет обширную, концептуальную сферу в народном мировоззрении, о чем свидетельствуют разнообразные уровни категоризации представленных концептов.

Примечания

1. Степанов Ю. С. Изменяющийся «образ языка» в науке конца 20 века. Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 25.
2. Кубрякова Е. С. Концептуализация // Краткий словарь когнитивных терминов. Под ред. Е. С. Кубряковой. М., 1997.
3. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2002. С. 71, 97.
4. Колесов В. В. Философия русского слова. СПб., 2002. С. 108, 116.
5. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23. С. 12–53.
6. Бोगин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984. С. 36.
7. Пименова М. В. Методология концептуальных исследований // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. Сер.: Филология. Ред. М. В. Пименова. Кемерово, 2002. Вып. 4 (12). С. 100–105.

8. Миллер Дж. Образы и модели, уподобления и метафоры // Теория метафоры / Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М., 1990. С. 236.
9. Резанова З. И. Метафора в процессах миромоделирования в языке и тексте // Изв. Том. политехн. ун-та. Томск, 2002. Т. 305, вып. 4. С. 74–83.
10. Чумакова Т. В. «В человеческом жителстве мнози образы зрятся». Образ человека в культуре Древней Руси. СПб., 2001. С. 76.
11. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 2. С. 338.
12. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387.

© О. А. Солопова
ЧГПУ, г. Челябинск

Метафорическая модель «СТРАНА — ЭТО БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ» в темпоральном аспекте

В политическом дискурсе моделирование общественно-политической ситуации часто осуществляется за счет создания образов прошлого, настоящего и будущего. Оппозиция ПРОШЛОЕ — НАСТОЯЩЕЕ — БУДУЩЕЕ является очень существенной для политического дискурса, поскольку позволяет автору представить модель общественно-политической ситуации в темпоральном аспекте, построить динамический образ социума, дать ему оценку, помогает адресату создать некую «модель мира» и уяснить взаимосвязь между его элементами [1]. В политической коммуникации прошлое, настоящее и будущее выступают, как правило, в двух ипостасях: им даются условные метафорические определения «светлое — темное». Стереотипное приподнесение проблемы к полюсам «светлое — темное» предназначено для коррекции представлений адресата, касающихся ситуации в политике и экономике страны [2]. Апелляции к прошлому страны, описание настоящего положения дел и прогноз на будущее часто оказываются не самоцелью, а средством презентации (положительной или отрицательной) политического лидера, его деятельности и позиции, что становится возможным благодаря использованию в политической коммуникации разнообразных метафорических моделей.

В настоящей статье рассматриваются закономерности функционирования метафорической модели «ОБЩЕСТВО — БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ» и ее особенности при моделировании образов прошлого, настоящего и будущего в политических текстах, посвященных ситуации выборов депутатов Государственной Думы России (2003). В исследовательских целях представляется целесообразным провести анализ метафорической модели по следующим параметрам: 1) частотность употребления модели при создании образов прошлого-

го, настоящего, будущего и их периодов; 2) представленность фреймов модели при моделировании прошлого, настоящего и будущего; 3) использование метафорической модели для поляризованного представления прошлого, настоящего и будущего («темное прошлое», «светлое прошлое», «темное настоящее», «светлое настоящее», «темное будущее», «светлое будущее»); 4) корреляция между метафорическими представлениями прошлого, настоящего и будущего.

Данная модель является достаточно продуктивной при создании образа «прошлого» (9, 3 %), особенно активны метафоры «болезни» при моделировании «советского периода» (18, 5 %) и «горбачевской перестройки» (17 %). При моделировании «прошлого» оказываются востребованы метафоры, принадлежащие шести фреймам модели, однако в целях создания образа «темного прошлого» отрабатываются три основных фрейма: «Диагноз» (*страшные болезни эпохи, туберкулез, сифилис, «либеральный сифилис», грипп, воспаление легких, скарлатина, менингит, оспа, чума, серьезный порок, кадровый тромб, эпидемия, безумие саморазрушения, параноидальное государство, политическая близорукость*), «Симптомы болезни» (*кровоточащие шрамы, кровоточащая рана, костлявые ноги, седая, с провалившимися глазами голова, страна чихала и кашляла либерализмом*), «Способы лечения, используемые инструменты и лекарства» (*шоковая терапия, болезненные перемены, вакцина, пользоваться иммунитетом, грипп лечат воспалением легких, скарлатину менингитом, оспу чумой*). Метафорика данных фреймов имеет широкий потенциал воздействия, так как репрезентирует прошлое страны как череду тяжелых, опасных для жизни, подчас неизлечимых болезней, а находящихся у власти — как лекарей, применяющих методы и лекарства, эффективность которых равняется нулю. Выбор метафор, принадлежащих данным фреймам, работает на создание пессимистической картины «темного прошлого» страны.

При моделировании «настоящего» количество метафор «болезни» составляет 7, 6 % от общего числа, наиболее частотны данные метафорические номинации при описании «продолженного настоящего» (11,4 %). При метафорическом представлении настоящей действительности регулярно выделяются шесть фреймов модели, однако наиболее частотны метафоры, принадлежащие фрейму «Диагноз» (*предвыборная эпилепсия, сплошная головная боль, импотентная власть, «медвежья» болезнь, красно-коричневая чума, мор в законе, истерия, шизофреническая политика, истерика, параноидальное, антинациональное государство, безумие саморазрушения, психически нездоровые политики, душевные недуги, сумасшедшая страна, ненормальность, нездоровье политической системы, невроз, находится*

в наркотическом состоянии, депрессия, апатия). Показательно, что при моделировании образа «настоящего» фрейм «Диагноз» большей частью представляют метафоры слота «Психические болезни», тогда как для «прошлого» более частотен слот «Физические болезни». Как и при создании образа «прошлого», фрейм «Способы лечения, используемые инструменты и лекарства» представляют метафоры с негативно-оценочным потенциалом (*патологоанатомическая операция, «отсечение отморозков», скальпель, отравленные таблетки, прикладывать примочки к обрубкам империи*), наталкивающие на мысль о том, что предлагаемые лекарства и пути излечения не эффективны и скорее приведут к ухудшению положения дел в стране, чем к облегчению страданий «больного». При создании образа «настоящего» фрейм «Состояние пациента» включает в себя два слота «Тяжелое состояние больного» (*зомбируемая, смертельно больная нация, находится в стабильно тяжелом состоянии, находится в предынфарктном состоянии, патологически больной государственный организм*) и «Смерть пациента» (*смердящий труп, разложение страны*). В метафорическом описании «прошлого» и «настоящего» слот «Выздоровление больного» находится либо на периферии фрейма, либо вообще отсутствует, что можно объяснить стремлением политика к сгущению красок при описании ситуации в стране, где «темное прошлое» становится не менее «темным настоящим».

При моделировании «будущего» образы с исходной понятийной сферой «болезнь» составляют 11, 8 %, при прогнозировании «отдаленного будущего» число морбиальных метафорических словоупотреблений достигает 29, 4 %. В отличие от развития метафоры при создании образов «прошлого» и «настоящего», в картине «будущего» метафора «болезни» конкретизируется в ином направлении. Если в первых двух случаях детализировалось описание критического состояния организма, то для «будущего» информация о том, чем именно «болит страна», как протекает «болезнь», уходит на второй план. Таким образом, при создании образа «будущего» используются метафоры, принадлежащие двум фреймам модели. На первый план выдвигается фрейм «Состояние пациента», а именно слоты «Смерть пациента» (*превратиться в труп, кишачий клубками ненасытных червей; окончательная гибель народа; превратиться в безумного истеричного гиганта, которого вооружат и бросят в пекло войн; смерть страны; эпидемиолога сменит патологоанатом*) и «Выздоровление пациента» (*страна начнет выздоравливать; спасти от окончательной гибели; выздоровление после длительного отравления, не скоро заболеть вновь*). Использование метафор, принадлежащих этим слотам, работает на создание образов

«темного будущего» и «светлого будущего» соответственно. При моделировании «светлого будущего» возникает необходимость введения фрейма «Способы лечения, используемые инструменты и лекарства» (*лекарство от всех болезней, лечить, вылечить, вакцина*). «Светлое будущее» оказывается связанным с более позитивным, оптимистическим восприятием политической ситуации даже в рамках концептуальной метафоры болезни.

Образ «темного настоящего» создается за счет установления семантических ассоциаций с «темным прошлым» и потенциально возможным «темным будущим» (вариант «антиутопия») либо «светлым будущим» (вариант «утопия»). Появляющийся образ «темного прошлого» актуален лишь как аргумент, выполняющий вспомогательную функцию информирования о прошлом негативном опыте, об истоках болезни современного общества и причинах летального исхода в будущем. Метафорическому описанию «болезненного состояния» общества в прошлом, настоящем и потенциальном «темном будущем», используемому с целью «сгущения красок», противопоставляется «возможное выздоровление», предлагаются новые кардинальные «методы лечения», отличные от прежних, не принесших положительного результата, которые только усугубили и без того «тяжелое» состояние страны. Таким образом, именно обращение политиков к фреймам и слотам с различной смысловой наполненностью предоставляет возможности для вариативного использования метафоры болезни в зависимости от целей говорящего, в данном случае диаметрально противоположных: правые и левые «стремятся показать, до чего довели страну их политические противники», рисуя картину «ужасного настоящего», центристы «демонстрируют, как много им удалось сделать в чрезвычайно сложных условиях» [3], акцентируя внимание на наследии «ужасного прошлого». И те и другие полагают, что их противники не в состоянии справиться с ситуацией, а они сами, будучи опытными «медиками», смогут излечить Россию от тяжких недугов. Показательно, что негативная оценка общественно-политической ситуации базируется преимущественно на настоящем положении дел в стране, отталкиваясь от того, что было в прошлом, тогда как положительная реализация, как правило, устремлена в будущее, ориентирована на перспективу.

Примечания

1. Чудинов А. П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора). Екатеринбург, 2003. С. 49.
2. Миронова Н. О. Стратегия редукционизма в политическом дискурсе: когнитивно-прагматический аспект: Дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2003. С. 52–53.
3. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2003. С. 69.

Концепт «побудительность» в политических текстах

Политические тексты и политические речи как их разновидность относятся к группе текстов, изучаемых преимущественно в прагматическом аспекте, с точки зрения достигаемого ими перлокутивного эффекта. Как справедливо отмечает А. П. Чудинов, «специфической чертой агитационных политических текстов является их общая коммуникативная установка на то, чтобы увлечь, заинтересовать, убедить адресата, повести его за собой» [1]. В связи с этим представляет интерес выделение концепта «побудительность» и рассмотрение средств его актуализации в текстах речей американских президентов.

Концепт «побудительность» частично соотносится с концептуально-содержательной категорией «воля», выделяемой Ю. М. Малиновичем как «осмысленное и целенаправленное действие или твердо принятое решение действовать, руководствуясь конкретным целеполаганием» [2]. Побудительность, как и воля, может выражать интенцию субъекта и проявляться как антропоцентрическая категория, но акцент в данном случае смещен с иллокуции на перлокуцию, т. е. на «склонение к действию» [3], воздействие.

В основе концепта «побудительности» лежит онтологическая категория причинности, под которой понимается каузальная связь как «одна из важнейших форм взаимосвязи и взаимообусловленности процессов бытия, выражающая такую генетическую связь между ними, при которой одно явление (процесс), называемое причиной, при наличии определенных условий неизбежно порождает, вызывает к жизни другое явление (процесс), называемое следствием (или действием)» [4]. Вместе с тем представляется необходимым это определение причинности дополнить следующими составляющими:

1) под причиной понимается событие, т. е. «изменение какого-либо свойства» [5], или факт (З. Вендлер), задаваемый в английском языке в виде «не полностью номинализованных групп» или *imperfect nominals* [6];

2) следствие, в отличие от причины, может выступать только как событие, задаваемое в языке именными группами — *perfect nominals* [7];

3) связь между причиной и следствием носит закономерный и порождающий характер и, несмотря на темпоральную обусловленность, не является простым «следованием одного явления за другим» [8].

Среди средств актуализации данного концепта в текстах политических речей американских президентов особенно широко используется аналитическая каузативная конструкция с глаголом *let* в императиве, в которой, по словам Е. Е. Корди, «происходит наложение значения волеизъявления, свойственного императиву, на значения фактитивной или пермиссивной каузации, или, иначе говоря, вторичное каузирование» [9]:

... ***Let us go forward, firm in our faith, steadfast in our purpose...*** (Nixon's First Inaugural Address).

В качестве объекта каузации в таких призывно-побудительных конструкциях чаще всего выступает местоимение *we* в объектном падеже, существительные во множественном числе (*nations, neighbours, sides etc.*), выражающие «знаковый символ «народ» как квантор всеобщности» [10], а также абстрактные существительные *word, history, freedom*:

Let all the neighbours know that we shall join with them to oppose aggression or subversion... (J. F. Kennedy's Inaugural Address).

Let history answer this question (T. Jefferson Inaugural Address).

Значение побудительности часто усиливается за счет использования синтактико-стилистического приема анафоры, который является структурообразующим в инаугурационных обращениях Томаса Джефферсона, Ричарда Никсона и Джона Кеннеди.

Пермиссивные конструкции с *let* в изъявительном наклонении встречаются намного реже:

Both parties deprecated war, but one of them would make war rather than let the nation survive, and the other would accept war rather than let it perish, and the war came (A. Lincoln Second Inaugural Address).

Пермиссивные конструкции с *let* функционально соотносятся с глаголами *allow, permit, leave*:

...***The measures of the last session have been as satisfactory to your constituents, as the novelty and difficulty of the work allowed you to hope*** (G. Washington's First State of Union Address).

...***A wise and frugal government, ... which shall leave them otherwise free to regulate their own pursuits of industry and improvement*** (D. D. Eisenhower's Second Inaugural Address).

В обращении Дуайта Эйзенхауэра побудительность выражается через конструкцию с глаголом *may* в императиве, которая передает модальный оттенок «желательности»:

May we pursue the right without self-righteousness.

May we know unity without conformity (D. D. Eisenhower's Second Inaugural Address).

К основным средствам актуализации концепта «побудительность» относятся лексические каузативы, особенно каузативные глаголы речи. Среди них чаще всего встречаются конструкции с глаголом *call*, выражающим, по классификации Е. А. Мельниковой, тип каузации «приглашение» [11]. *Call* выступает, как правило, в пассиве, акцентируя тем самым внимание на агенте каузируемого действия, «кванторе всеобщности» *we*:

Sometimes in life we are called to do great things (G. W. Bush's First Inaugural Address).

Широко используются также конструкции с фразовым глаголом *call for*, обладающим большей категоричностью и силой воздействия:

...A gracious Providence has placed within our reach, will, in the course of the present important session, call for the cool and deliberate exertion of your patriotism, firmness and wisdom (G. Washington's First State of the Union Address).

Кроме каузативных глаголов приглашения, к которым относятся также *summon*, *invite*, можно выделить следующие группы речевых глаголов, выражающих различные оттенки побудительности:

— приказ, призыв: *command*, *induce*, *invoke*, *order*, *tell*, *urge*.

But a solicitude for your welfare... and the apprehension of danger natural to that solicitude, urge me... to offer to your solemn contemplation and to recommend to your frequent review some sentiments (G. Washington's Farewell Address);

— рекомендация: *recommend*;

— просьба: *ask*, *appeal*, *request*.

I ask you to share with me today the majesty of this moment (R. Nixon's First Inaugural Address);

— мольба: *crave*, *entreat*, *plead*, *pray*.

Fondly do we hope, fervently do we pray that this mighty scourge of war may speedily pass away (W. Wilson's First Inaugural Address);

— совет: *advise*, *counsel*.

...When we may choose peace or war, as our interest, guided by justice, shall counsel (G. Washington's Farewell Address);

— предложение: *offer*, *propose*, *suggest*;

— каузация психического состояния: *argue*, *challenge*, *convince*, *encourage*, *persuade*, *reason*, *remind*.

...The presence of many whom I here see remind me, that in the other high authorities provided by our constitution, I shall find resources of wisdom... (T. Jefferson's First Inaugural Address).

Помимо каузативных глаголов речи, концепт побудительности актуализируется в политических текстах анализируемого типа через

конструкции с другими каузативными глаголами, среди которых наиболее часто встречаются *enable, wish, inspire*:

*The interest of the United States requires, that our intercourse with other nations should **be facilitated by** such provisions as will **enable me to fulfill my duty**...* (G. Washington's First State of Union Address).

Побудительность также передается в политических речах через архаичные каузативы, такие как *will, beckon*, отражающие влияния протестантизма с его традицией и развитой риторикой проповеди. Библизмы являются мощным средством воздействия на аудиторию, так как, по словам Н. Л. Галсевой, «построение официальной речи, как проповеди, с одной стороны, находится в рамках ожиданий аудитории, воспитанной в соответствующей традиции, этот же фактор облегчает усвоение речи, с другой стороны» [12].

*...But which, having continued through His appointed time, He now **wills to remove**...* (W. Wilson's First Inaugural Address).

Эффект побудительности усиливается за счет многократного употребления «синтетических» каузативных глаголов в рамках одного высказывания. Этот эффект особенно заметен при использовании аффиксально образованных каузативов:

*Our duty is to cleanse, to reconsider, to restore, to correct the evil without impairing the good, **to purify and humanize every process** of our common life without **weakening or sentimentalizing it*** (W. Wilson's First Inaugural Address).

Актуализация концепта «побудительность» через конструкции с лексическими каузативными глаголами обнаруживает интересную особенность: в качестве каузатора выступает, как правило, некая «высшая», не зависящая от воли говорящего сила (*Providence, God, ideals, interests of the nation, the American experiment, the example of our fathers and mothers, the trumpet etc.*). Эта сила призывает говорящего (агенса каузируемого действия), а также его соотечественников к единению и самопожертвованию во имя общей цели — процветания нации.

На периферии средств выражения концепта «побудительность» лежат синтаксические конструкции, которые Дж. Сонг сгруппировал в типы AND (эксплицитный и имплицитный) и PURP [13]. Сонг описывает тип AND как двусоставную каузативную конструкцию, в которой первая часть содержит [Vcause], а вторая — [Veffect]. В прототипической конструкции формальную целостность двух предикативных единиц обеспечивает союз, выражающий темпоральное следование событий:

*We've grown used to the idea of space, **and** perhaps we forget that we've only just begun* (R. Reagan's Tribute to the Challenger Astronauts).

В имплицитных AND-конструкциях роль союза полностью берет на себя твердый порядок «причина — следствие»:

Recognizing the threat to our country, the United States Congress voted overwhelmingly last year to support the use of force against Iraq (G. W. Bush's Address to the Nation — Ultimatum to Sadaam Hussein).

Конструкции PURP-типа состоят из двух предикативных единиц, первая из которых называет событие *x*, необходимое для реализации события *y*. Части конструкции объединяет союз цели.

*They aspire to this: the lifting, from the backs and from the hearts of men, of their burden of arms and of fears, **so that** they may find before them a golden age of freedom and of peace* (D. Eisenhower: The Chance for Peace).

Супрасегментные средства выражения побудительности являются факультативными [14] и обладают, как правило, меньшей силой воздействия по сравнению с синтетическими и аналитическими каузативами.

Таким образом, концепт побудительности имеет в текстах анализируемого типа широкий спектр средств актуализации: призывно-побудительные и пермиссивные конструкции с *let* и *may*, лексические каузативы речи, архаичные каузативы, конструкции с супрасегментным типом каузации.

Примечания

1. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург, 2001. С. 21–22.
2. Малинович Ю. М. Человек волевой: Воля, ее модусы и их актуализация в немецком языковом сознании. // Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории. Москва; Иркутск, 2003. С. 94.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1989. С. 426.
4. Новая философская энциклопедия. В 4 т. М., 2001. Т. 3. С. 355.
5. Краевский В. Проблема онтологической категории причины и следствия. / Закон, необходимость, вероятность. М., 1967. С. 289.
6. Вендлер З. Причинные отношения. // НЗЛ. М., 1986. Вып. 18. С. 266.
7. Там же. С. 265.
8. Юм Д. Исследования о человеческом познании. Соч.: В 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 75.
9. Корди Е. Е. О взаимодействии категорий французского глагола: императив и категории лица/числа, времени/вида, залога. // Межкатегориальные связи в грамматике. СПб., 1996. С. 76.
10. Малинович Ю. М. Указ. соч. С. 100.
11. Мельникова Е. А. Семантический признак «характер передаваемой информации» и типы синтаксических конструкций с глаголами речи. // Межкатегориальные связи в грамматике. СПб., 1996. С. 186.

12. Галеева Н. Л. Речевые и переводческие характеристики текстов американских официальных заявлений // Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2003. С. 38.

13. Song J. J. Causatives and Causation: A Universal-Typological Perspective // [hamminkj.cafe progressive.com/cause.htm](http://hamminkj.cafe.progressive.com/cause.htm)

14. Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л., 1969. С. 8.

© И. Д. Фришберг
ЧВВАУШ (ВИ), г. Челябинск

Когнитивный подход как новая парадигма научного знания

Одним из самых прогрессивных и динамично развивающихся научных направлений стала когнитивная наука. По мнению В. З. Демьянкова [1], с которым мы полностью согласны, «когнитивизм — взгляд, согласно которому человек должен изучаться как система переработки информации, а поведение человека должно описываться и объясняться в терминах внутренних состояний человека». Новизна данного научного подхода заключается в том, что впервые человек рассматривается в том числе и как средство получения, систематизации, переработки и хранения информации; более того, именно человек, его внутренний мир, интеллектуальные способности и т. д. являются источником новой информации и ее появления в языке.

Цель нашей работы — выявление и сопоставление когнитивных особенностей функционирования закона синонимической аттракции в языке (на материале глагольной синонимии английского и русского языков).

Наиболее многочисленной группой среди глаголов являются глаголы действия (368 синонимических рядов в русском языке и 333 синонимических ряда в английском). Для носителей обоих языков это группа глаголов физического воздействия на предмет.

Данный результат объясняется тем фактом, что группа глаголов физического воздействия является наиболее многочисленной вообще; для носителей языка актуально называть свои действия. Согласно Е. С. Кубряковой [2], выделения частей речи связаны в первую очередь не с типом, к которому относится язык, а с тем способом, каким объективизируются в языке различные концепты. Поскольку в процессе жизнедеятельности и функционирования человек прежде всего сталкивается с различными предметами и необходимостью определенных манипуляций с ними, преобладание в словаре глаголов именно «конкретной» тематики (помещение, перемещение объекта, физическое воздействие на объект) представляется нам закономерной. Интересно отметить, что в словаре русских сино-

нимов в группе глаголов физического воздействия на объект преобладают глаголы со значением соединения и присоединения (11 и 12 синонимических рядов соответственно), в то время как в словаре синонимов английского языка в той же самой семантической группе преобладают глаголы разделения. Для русского человека, носителя коллективного сознания, в первую очередь актуализируется смысл «общности», «присоединения», «соединения вместе». Реалии жизни в России, Советском Союзе были таковы, что жить, а зачастую и выживать можно было только вместе, соединив усилия, средства, ответственность: *объединить, соединить, связать, сплотить, спаять, цементировать, сковать; прибавить — добавить, присоединить, присовокупить, приобщить*. В то же время английский язык, представители которого являются носителями индивидуалистического сознания, обогащался глаголами с семами разделения, разграничения: *separate — part, divide, sever, sunder, divorce, cleave, rend, split, rive, estrange, alienate, disperse, dispel, scatter, detach, disengage*.

Достаточно широко представлена в словарях синонимов как английского, так и русского языков лексико-семантическая группа глаголов социальной деятельности. Данный результат не вызывает удивления: человек живет в обществе, совершает действия, имеющие общественную значимость. Более того, многочисленность этой группы в русском языке легко объяснима еще и с той точки зрения, что в России в последние два десятилетия происходили и происходят радикальные социальные изменения, что не может не найти отражение в языке. Кроме того, специфика развития нашей страны такова, что каждый новый правитель, будь то царь, генеральный секретарь ЦК КПСС или президент, не продолжает линию развития страны, выбранную своим предшественником, а начинает выстраивать свою собственную, поэтому русский язык так богат на слова социальной тематики: *состязаться — соперничать, спорить, тягаться, тянуться*.

Наиболее многочисленной в группе глаголов, обозначающих социальную деятельность, является подгруппа глаголов поступка и поведения. Интересно, что именно в данной подгруппе в синонимических рядах русского языка содержится много фразеологических глагольных оборотов, имеющих разговорный характер: *переборщить (разг.) — пересолить (разг.), перехватить (через край) (разг.), хватить (через край или лишнего, лишку и т. п.) (разг.), перехлестнуть (через край) (разг.); спутать — запутать, сбить (с толку)*.

Поступок, поведение, манера вести себя — это то, с чем индивид, живущий в социуме, сталкивается чаще всего, поэтому и вербализуются в его речи зачастую именно эти концепты. Причем, как правило, вербализованные концепты данной подгруппы имеют негативную

окраску: когнитивные особенности человеческой природы таковы, что в первую очередь он обращает внимание на негатив, воспринимает его, перерабатывает в мозгу — и возникает языковая когниция, вербализованная в речи. Данная тенденция характерна больше для русского языка, в синонимических рядах английского языка в данной подгруппе в основном представлены лексические единицы нейтральной окраски, встречаются даже синонимические ряды, имеющие положительное значение: *sacrifice — abnegate, forbear, forgo, eschew, renounce, abdicate, surrender, yield, resign, relinquish; ravish — transport, enrapture, entrance, rejoice, delight, regale*.

Следует отметить, что наряду с общими чертами сходства представленности русских и английских синонимических рядов, существует и явные различия. Одно из таких различий — неоднородность наличия среди синонимических рядов тех или иных лексико-семантических групп, а именно отсутствие некоторых лексико-семантических групп в одном языке при их наличии в другом. Данное различие может очень много дать для изучения прагматических особенностей закона синонимической аттракции. Так, в группе английских глаголов социальной деятельности отсутствует подгруппа глаголов профессионально-трудовой деятельности. Мы связываем этот факт с особенностями национального характера. Вполне возможно, что в английском языке существует синонимия среди глаголов данной подгруппы, хотя, видимо, такие случаи не столь частотны, как в русском языке, и в обследованном материале случаи подобной синонимии нам не встретились. И причина этого кроется в отношении индивидов — носителей разных языков к работе. Известно, что «мышление народа не опосредуется его языком <...>, однако оно выражается, фиксируется, номинируется, овнешвляется языком» [3]. Для русского человека работа — это больше, чем работа, это место общения, дружбы, обсуждения последних событий в мире и вселенной и т. д. (ср., например, мнение представителей иностранных компаний, которые считают, что они приходят на работу работать, а мы (т. е. представители российского народа) — дружить). В связи с этим неудивительно, что глаголы профессионально-трудовой деятельности (в общем-то, достаточно конкретные по своему значению и, как все конкретные лексические единицы, не склонные к образованию большого количества синонимов) в русском языке получают особые оттенки объективации мира.

Широко представлены в словаре синонимов также глаголы, обозначающие интеллектуальную деятельность (составляют около 15 % всех глаголов действия). В данном результате мы не видим ничего удивительного: русский и английский народы являются народами с достаточно высоким уровнем культурного и интеллектуального раз-

вития, поэтому эти сферы не могли остаться невербализованными. В результате для обозначения ментальных и прочих умственных операций возникает большое количество соответствующей лексики; данная лексика призвана отражать все особенности интеллектуального отображения мира, следовательно, она развивает довольно большое количество синонимов, с целью более полного и глубокого описания интеллектуальной деятельности: *анализировать — разбирать, рассматривать; resolve — analyze, dissect, break down, separate, part, divide, reduce, diminish, melt, fuse*. Интересно другое: в обследованном материале словаря английских синонимов мы не обнаружили ни одного глагола понимания. Разумеется, глаголы понимания *to understand, to realize* и др. в английском языке присутствуют, но, видимо, либо они не образуют синонимического ряда, либо (и этот вариант представляется нам наиболее правдоподобным) их количество столь незначительно, что в обследованном, довольно большом по объему материале они обнаружены не были. Для русского же человека понимание явлений, какого-либо научного материала и, главным образом, мотивов и действий другого человека всегда было одной из первостепенных задач. Достаточно привести пример вербализации концепта «понимание»: «Счастье — это когда тебя понимают», «У нас полное взаимопонимание», «У нас хороший начальник — понимающий». Вряд ли для носителя английского языка один из лучших комплиментов начальнику будет его понимание проблем подчиненных. Можно предположить, что хотя концепт «понимание», безусловно, присутствует в обоих языках, его значимость для носителя русского языка значительно превышает его актуальность для носителя языка английского: *понять — постигнуть, постичь, разгадать, раскусить; додуматься — дойти*.

Широко представлены в английском языке глаголы движения. Связано это с особенностями вербализации концепта. Часть английских глаголов движения является безэквивалентной по отношению к русскому языку: *abseil — спускаться с крутизны на веревке; accost — подойти и заговорить*. Разумеется, мы далеки от мысли, что носитель английского языка больше и разнообразнее двигается, нежели носитель русского, однако для английского языкового сознания, по-видимому, актуальной является более подробная и детальная вербализация концепта «движение»: к примеру, для носителя английского языка глаголы «мчаться» и «нестись» не являются полными синонимами и синонимические ряды у данных лексических единиц совпадают лишь частично: *rush — dash, tear, shoot, charge, speed, hurry, hasten, dart, fly, scud; skim — float, fly, dart, scud, shoot, sail*. Более того, в русском языке глаголы движения означают в основном движение медленное или, во всяком случае, не быстрое,

ориентированное на результат движения, а не на его характер: *падать* — *валиться*, *свалиться*, *лететь* (разг.), *слетать* (разг.), *растягиваться* (разг.). В то время как носитель английского языка обращает более пристальное внимание на характер движения, нежели на цель последнего: *slide* — *slip*, *lide*, *skid*, *glissade*, *slither*, *coast*, *toboggan*; *slink* — *lurk*, *skulk*, *sneak*.

Наименее многочисленными группами как в английском, так и в русском языках являются глаголы, обозначающие физиологическое действие, и глаголы звучания. Однако причины этого в данных группах разные. По нашему мнению, причина небольшой представленности в словаре синонимов глаголов, обозначающих физиологическое действие, заключается в том, что сами денотаты этих действий достаточно ограничены, их число конечно. В связи с развитием языка в указанной группе будет увеличиваться скорее длина синонимического ряда, нежели количество синонимических рядов в ней. Кроме того, для достаточно большого количества этих глаголов (обозначающих половой акт, акты дефекации и мочеиспускания) вообще не существует стилистически нейтральных номинаций, это так называемые стилистические лакуны [4]. В свете всего вышесказанного небольшое количество данных глаголов в словаре не вызывает удивления: *поест* — *закусить*, *перекусить* (разг.), *подзакусить* (разг.), *перехватить* (разг.), *заморить червячка* (червяка) (разг.); *spew* — *belch*, *burp*, *vomit*, *disgorge*, *regurgitate*, *throw up*. При исследовании синонимических рядов данной лексико-семантической группы выявляется интересная закономерность: большая часть глаголов, образующих синонимические ряды, сопровождается пометкой «разг.». В отличие от глаголов, обозначающих, к примеру, интеллектуальную или социальную деятельность, слова лексико-семантической группы «физиологическое действие» близки и понятны абсолютно любому представителю народа, так как обозначают те действия, которые человек совершает каждый день. Мы присоединяемся к точке зрения З. Д. Поповой, И. А. Стернина, «в языке названо только то, что имело или имеет для народа коммуникативную значимость — об этом народ говорит или говорил» [5].

Несколько иная причина небольшого количества в словаре синонимов синонимических рядов глаголов, обозначающих звучание. Конечным в данном случае является не количество денотатов вообще, а количество тех денотатов, от которых возможно образовать синонимические ряды: *чавкать* — *хлюпать* (разг.), *чмокать* (разг.), *чвакать* (разг.); *roar* — *bellow*, *bluster*, *bawl*, *vociferate*, *clamor*, *howl*, *ululate*, *reverberate*, *repercuss*, *rebound*, *yell*, *shout*, *bay*, *bark*, *growl*, *yelp*. Лексические единицы типа *чавкать*, *щелкать*, *греметь*, *петь* и пр.

образуют достаточно длинные синонимические ряды и в словаре синонимов представлены. Однако большая часть глаголов звучания репрезентирует уникальные акустические явления *мяукать*, *блеять*, *мычать* и т. д. Поскольку к данным глаголам в их прямом значении синоним подобрать непросто, а в переносном значении они уже относятся к глаголам характеризованной речевой деятельности, то и данная группа в словаре синонимов будет немногочисленной.

Среди глаголов бытия, состояния, качества преобладают те, которые обозначают качественные состояния, причем данная тенденция прослеживается как в русском, так и в английском языке. Причина этого опять кроется в конечности денотатов. Так, глаголы бытия мы, вслед за Л. Г. Бабенко, делим на 3 основные подгруппы: глаголы начальной фазы бытия, существования; глаголы существования; глаголы прекращения бытия [6]. Денотаты этих глаголов конечны, другое название для глаголов этой группы — аспектные.

В отличие от глаголов группы бытия, глаголы группы качественного состояния представлены очень широко как в английском, так и в русском языках. Наиболее многочисленными в данной группе являются подгруппы глаголов приведения в эмоциональное состояние, изменения качественного признака, пребывания субъекта в эмоциональном состоянии, физиологического состояния. Однако наполненность подгрупп в русском и английском языках разная.

Так, в русском языке большая часть глаголов качественного состояния относится к подгруппе приведения в эмоциональное состояние (26 синонимических рядов): *огорчить* — *разогорчить* (разг.), *опечалить*, *расстроить*, *удручить*, *сокрушить*, *убить*. В английском языке наибольшей представленностью обладают подгруппы изменения качественного и количественного признаков (15 и 14 синонимических рядов соответственно): *relent* — *yield, submit, capitulate, succumb, defer, bow, cave, comply, acquiesce, forbear, refrain, abate, subside, wane, ebb* (подгруппа изменения качественного признака); *speed* — *accelerate, quicken, hasten, hurry, precipitate, advance, forward, further, promote, adjust, regulate, fix* (подгруппа изменения количественного признака). Мы считаем, что данный результат можно объяснить особенностями грамматики и синтаксиса английского языка: с целью обозначения приведения в эмоциональное состояние чаще используется либо сочетание глагол *to make* + *adjective* (прилагательное): *to make happy, sad* (осчастливить, опечалить), либо сочетание *to make* + *verb* (глагол): *to make laugh* (рассмешить), *to make cry* (расстроить). Забегая вперед, отметим, что данный вывод косвенно подтверждается следующим наблюдением: количество английских качественных прилагательных с лежащей в основе архисс-

мой «объятый» (*rabid; spiteful; rampant* и др.), — а именно они, как подсказывает логика, лежат в основе вышеназванных сочетаний — почти в два раза превышает количество аналогичных прилагательных в русском языке (16,7 % и 8,7 % соответственно).

Среди глаголов отношения как в русском, так и в английском языке глаголы владения, отношения и социальных отношений представлены примерно одинаково, однако наиболее многочисленной для русского языка является группа глаголов владения, в то время как для английского — группа глаголов социальных отношений. Чтобы интерпретировать данный результат, нелишним будет вспомнить, что для русского человека вопрос собственности всегда был вопросом болезненным: только за прошлый век произошло множество социальных потрясений, в результате которых менялись формы собственности, отношения к ней; в результате язык обогащался лексическими единицами с соответствующим значением: в исследованном материале словаря русских синонимов нами обнаружено несколько синонимических рядов со значениями утраты и передачи объекта: *потерять — затерять* (разг.), *утерять* (разг.); в аналогичном материале словаря синонимов английского языка синонимические ряды данной подгруппы отсутствуют. Наряду с отношением к собственности как к чему-то, обладающему значительной ценностью, и не только материальной, собственность считалась чем-то недостойным, достаточно вспомнить появившуюся в середине XX в. лексическую единицу *вещизм*, характеризующую чрезмерную страсть к собственности. На этом фоне не вызывает удивления тот факт, что большая часть глаголов владения носит негативную коннотацию: *присвоить — прикарманить* (прост.), *зажилить* (прост.), *зажулить* (прост.), *замотать* (прост.), *зажать* (прост.).

Большое количество глаголов социальных отношений в английском языке объясняется довольно легко, если принять во внимание тот факт, что английское общество долгое время сохраняло один и тот же социальный слой, следовательно, синонимические ряды росли «в ширину», обогащаясь глаголами с различными оттенками значений; в то же время эту группу пополняли и глаголы победы и поражения; принуждения; влияния. Не будем забывать, что на протяжении многих веков Великобритания сама вела войны, либо обороняясь, либо нападая, часто подвергалась завоеваниям. Поэтому в английском языковом сообществе актуализируются различные оттенки значений вышеуказанных глаголов, что ведет к их появлению в словаре и расширению их синонимических рядов: *spur — urge, egg, exhort, goad, prod, prick, sic, rouse, arouse, stir, awaken, rally, incite, instigate, excite, provoke, stimulate, encourage, countenance, favor.*

К сожалению, не все языковые явления можно объяснить с точки зрения лингвопрагматики. Так, не поддается объяснению факт, что, несмотря на достаточно большое количество глаголов принуждения и влияния, в обследованном материале английского языка отсутствуют синонимические ряды, образованные глаголами победы и поражения, присутствующие в русском языке: *превзойти* — *затмить*, *перещеголять* (разг.), *переплюнуть* (прост.), *перекрыть* (прост.), *заткнуть за пояс* (прост.), *утереть нос* (прост.). Вряд ли будет правильным объяснить данную особенность тем, что Великобритания не побеждала или не проигрывала в войнах или спортивных соревнованиях. Возможно, в данной ситуации действуют некие причины, о которых мы не подозреваем.

Самой малочисленной в группе глаголов отношения являются глаголы взаимоотношения. Следует оговориться, что под глаголами отношения мы, вслед за Л. Г. Бабенко, понимаем глаголы взаимосвязи и глаголы замены; глаголы, обозначающие личные отношения, принадлежат подгруппе глаголов межличностных отношений, которая, кстати, является очень многочисленной: *пренебрегать* — *игнорировать*, *третировать*; *reprobate* — *censure*, *reprehend*, *criticize*, *blame*, *condemn*, *denounce*, *decry*, *derogate*, *detract*, *depreciate*, *disparage*, *reject*, *repudiate*, *spurn*, *reprimand*, *rebuke*, *reprove*. Конечно же, многочисленность данной группы удивления не вызывает: межличностные отношения — это то, что имело актуальность как много веков назад, так и сейчас. Вопрос в другом: за время существования человеческого общества значительно менялись ценности, отношения к ним, менялись отношения; изменилась ли в связи с этим наполненность лексических единиц, их количество? Или язык фиксирует новшества значительно позже, если это вообще происходит. Мы, со своей стороны, считаем, что, несмотря на все перестрелки общества, все изменения, происходящие с ним, существуют вечные ценности, вечные концепты. Может меняться их вербализация, их наполненность и структура, их лексическое выражение. Однако базовые понятия типа: *любить*, *ненавидеть*, *ревновать*, *презирать*, *уважать* и пр. из языка вряд ли исчезнут.

Примечания

1. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // *Вопр. языкознания*. 1994. № 4. С. 17.
2. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знания о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. С. 102.
3. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2003. С. 6.
4. Там же. С. 22.
5. Там же. С. 6.

6. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английский эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 1999.

© Е. А. Широких
УдГУ, г. Ижевск

Категория определенности—неопределенности в когнитивном аспекте (в английском и русском языках)

Известно, что хотя все народы мира образуют единое человечество, разница между отдельными культурами, народами, социальными группами носит порой существенный характер. Продуктивной представляется идея, состоящая в выделении более специфичных и более универсальных фрагментов бытия, получающих отражение в языке.

Полное отсутствие концепта в той или иной лингвокультуре — явление весьма редкое. Различие между культурами проявляется в количественном и комбинаторном предпочтении признаков при концептуализации мира. Объяснение таких предпочтений требует обращения к истории, психологии, философии того или иного народа. Кроме того, подчеркивается, что важнейшим объективным показателем актуальности той или иной сферы действительности для конкретного сообщества является понятие номинативной плотности (т. е. детализация обозначаемого фрагмента реальности, сложные смысловые оттенки обозначаемого).

В то же время два языка никогда не бывают столь схожими, чтобы их можно было считать средством выражения одной и той же социальной действительности [1]. Большинство универсальных оппозиций находят выражение в языке; но многие лингвисты признают, что нет необходимости в том, чтобы каждый язык выражал все понятийные категории, свойственные языку вообще, и при этом теми же категориями.

Отмечают, что категории формируются вокруг концептов, т. е. «концепт» — это понятие более широкозначное, чем «категория». Вопрос о лингвокультурной специфике грамматических категорий (ГК) постоянно находится в центре внимания лингвистов. Некоторые ученые выделяют формальные и содержательные категории: первые никак не отражают национально-культурное своеобразие в картировании мира (по крайней мере, на современном этапе), а вторые, несомненно, обладают культурной спецификой и поэтому в значительной мере определяют поведение людей, пользующихся именно этим языком [2].

Лингвокультурное изучение языков даст множество доказательств в пользу того, что языки фиксируют в грамматике наиболее существенные концепты для культуры соответствующего народа либо значимо их игнорируют. Так, если говорить о категории определенности — неопределенности (КОН), то известно, что в ряде языков выделяются артикли, назначение которых состоит в тематизации (рематизации) обозначаемой сущности (предмета, качества, события), т. е. представления этой сущности как известной (неизвестной) участникам общения. Наряду с этим в некоторых языках выделяется особый вид действия, происходящий в данный момент на наших глазах, как, например, континуальный вид в английском. В этом смысле можно сказать, что в английском языке существует «суперкатегория определенности», распространяющаяся на именное и глагольное обозначение действительности. Значимость этой категории в межкультурном сопоставлении может быть измерена: есть языки, где эта категория представлена наиболее развернуто (английский), менее развернуто (только применительно к артиклю (немецкий) и не представлена формально (русский).

Максимальная степень развернутости категории свидетельствует о том, что эта категория обозначает приоритетный для данной лингвокультуры признак. По мнению В. И. Карасика, этот признак состоит в том, что английский стиль общения резко смещен в сторону актуализации активности адресата в процессе общения по сравнению, скажем, с русским. Адресат в англоязычном общении постоянно должен держать в поле зрения информацию о том, что нечто происходит именно здесь и сейчас, а не вообще. Отсюда и внимание к обозначению времени, к ощущению времени и даже к маркированным в англоязычной культуре признакам «старый — новый» [3]. Англичанин постоянно подчеркивает свое отношение к тому, что происходит, определяет релевантность происходящего в терминах определенности-неопределенности, значимости для данного момента. Для русского менталитета эти характеристики вряд ли являются приоритетными. Гораздо важнее подчеркнуть, как разворачивается действие. Отсюда, как отмечает В. И. Карасик, имперсональность русской лингвокультуры. При этом грамматическое воплощение концепта свидетельствует об этноспецифическом осмыслении действительности.

У. Чейф предложил когнитивную интерпретацию давно занимавших лингвистов категорий определенности — неопределенности и данности — новизны языковой информации на основании представлений о структуре памяти и происходящих в ней процессах поиска, активации и деактивации информации. Традиционно эти категории трактовались через обращение к речевому контексту; Чейф предложил понимать опреде-

ленность (выражаемую в артиклевых языках артиклями) как сообщение говорящего о своем предположении, что слушающий в состоянии найти в своей памяти уникальный концепт, соответствующий определенной именной группе, а данность (выражаемую, прежде всего, порядком слов и интонацией) — как сообщение говорящего о своем предположении, что соответствующий оформленному как данное фрагменту высказывания концепт или концептуальный комплекс активирован в сознании слушающего. Обе грамматические категории тем самым предстали как имеющие, прежде всего, когнитивную основу, тогда как присутствие в предшествующем контексте — это только один из многих способов установления данности и определенности [4]. Начиная с 1980-х гг. такая трактовка стала наиболее распространенной.

Категория детерминации, которая актуализируется в оппозиции «определенность-неопределенность», является категорией антропоцентрической природы: человек наделяет предмет таким признаком в зависимости от степени его познанности. Именно при помощи языка люди проводят границу между предметами и явлениями, которые известны собеседникам (следовательно, соотносящиеся с ними понятия относительно независимы и определены), и теми, которые неизвестны и новы. Следовательно, в языке должны существовать средства, разграничивающие и показывающие разницу между словами, обозначающими такие предметы и явления. Данные средства будут выражать определенность или неопределенность понятий, выраженных данными словами, и соотносить язык и действительность.

Как отмечает Ф.-Д. В. Якубович, в языках, где существительное может выступать в сопровождении артикля, обычно отмечается наличие ГК определенности — неопределенности [5]. Нельзя не согласиться с данным утверждением, но возникает вопрос: только ли в языках, где существует артикль, отмечается наличие данной категории? Очевидно, нет. Рассмотрим для примера английский и русский языки. Как известно, в английском языке существительное обязательно сопровождается детерминативом (артиклем и т. д.), а в русском языке категории артикля не существует. Если следовать утверждению Ф.-Д. В. Якубовича, то можно заключить, что в русском языке нет особой ГК определенности — неопределенности.

Действительно, в английском языке существительное лишь тогда начинает выполнять свои функции и вообще что-то означать, когда оно оформлено артиклями или другими детерминативами. Это отмечает и К. Г. Крушельницкая, утверждая категориальный характер значений, выражаемых артиклями, что доказывают следующие факты: существительные в английском языке обязательно употребляются с артиклем; эти формы выражают определенные значения, которые

входят в грамматическую характеристику каждого имени существительного, употребленного в предложении; эти значения связаны с общей семантикой существительного как части речи, с его «предметностью»: они характеризуют предмет как определенный или неопределенный; определенность и неопределенность представляют собой однородные, но противоположные значения, что и является обязательным признаком всякой грамматической категории части речи [6].

Наличие «единства взаимоисключающих противоположностей» в рамках данной категории представляется нам важнейшим для отнесения КОН в английском языке к ГК. Своеобразие КОН подчеркивается в классификации В. В. Богданова, который рассматривает КОН как безусловно семантическую категорию, отмечая ее роль в актуализации существительного. В. В. Богданов подчеркивает ее грамматический характер, отмечая, что своеобразие любой ГК проявляется в том, что ее значение должно выражаться в тексте **всегда, независимо** от того, есть ли в этом реальная необходимость, в то время как при отсутствии соответствующей категории данное значение выражается только тогда, когда это совершенно необходимо для коммуникации [7].

Остается вопрос о других средствах выражения категории определенности — неопределенности, существующих в английском языке, кроме артиклей, и выражении определенности — неопределенности в русском языке. Как отмечает Ф.-Д. В. Якубович, даже для артиклевых языков связывать определенность — неопределенность только с артиклем не совсем верно. Артикль — это служебная часть речи, являющаяся основным определителем имени существительного, но не единственным. «Артикль может считаться условной моделью категории определенности — неопределенности, но сам по себе не составляет особой категории и не может быть объяснен вне системы детерминативов» [8]. В английском языке конституэнтами поля определенности — неопределенности являются лексические средства (все остальные детерминативы). Всем конституэнтам данного поля свойственны два противопоставленных значения: выраженной и невыраженной определенности, формирующих два микрополя — определенности и неопределенности. Грамматические средства выражения данной категории (определенный и неопределенный артикли) образуют грамматическую категорию, которая входит в функционально-семантическое поле (ФСП) в качестве ядра. Лексические средства находятся на периферии данного ФСП.

Нам кажется, что ФСК определенности — неопределенности может претендовать на универсальный характер, так как существует во всех языках, хотя и не везде опирается на ГК, что, как считает

А. В. Бондарко, вполне допустимо. Ю. А. Левицкий отмечает, что артикль входит в систему определителей. Системы определителей есть во многих языках, в том числе и в русском языке, т. е. в русском языке отсутствует лишь один из способов выражения данной категории (артикли) [9].

В безартиклевом русском языке для выражения определенности — неопределенности используются как лексические, так и грамматические средства. Однако грамматические средства (падежи, порядок слов) не являются категориальными средствами выражения определенности — неопределенности, поскольку эти значения являются для этих форм вторичными, не образующими регулярных противопоставлений в рамках грамматической категории.

Роль падежей как грамматических средств выражения определенности — неопределенности отмечалась еще А. А. Реформатским, указывавшим на различие с точки зрения КОН употребление винительного и родительного падежа при отрицании. Употребление винительного падежа (*я не вижу книгу*) указывает на определенность предмета (имеется в виду какая-то известная слушателю книга), употребление родительного (*я не вижу книги*) — на неопределенность объекта (имеется в виду книга, неизвестная слушателю) [10]. В английском языке в данном случае используется определенный или неопределенный артикль. К. Г. Крушельницкая также указывает на связь прямого дополнения в родительном или винительном падеже (не в случае отрицания) с известностью или неизвестностью предмета для слушающего: *Принеси воды/воду*. Однако, как она отмечает далее, дифференциация форм прямого дополнения в зависимости от определенности — неопределенности — это лишь частный случай, ограниченный небольшим количеством слов (имен вещественных) [11].

Порядок слов также является важным грамматическим средством выражения КОН в русском языке. По мнению С. Д. Кацнельсона, порядок слов часто используется для ввода нового для слушателя предмета: имя такого предмета в функции подлежащего ставится, как правило, после глагольного предиката [12]. Как отмечает Т. М. Николаева, в русском языке конечная позиция обычно связывается с неопределенностью (*Он отдал жене подарок*), а не-конечная — с определенностью (*Он отдал подарок жене*) [13]. Роль порядка слов для выражения определенности — неопределенности отмечают и другие исследователи.

Наряду с грамматическими средствами в их несобственных (некатегориальных) значениях, для выражения определенности — неопределенности в безартиклевых языках широко применяются лексические

средства. Например, в русском языке для этой цели используются неопределенные местоимения с частицами *-то, -нибудь, -либо, кое-*, местоимение *некоторый*, а также слова *один, известный, данные*, указательные местоимения *этот, тот*, словосочетания типа *тот самый, упомянутый ранее* и т. д., а также местоименные частицы *-от, -та, -то, -те* после слова (*дом-от, изба-та, окно-то, грибки-те*). Интересно, что подобное постпозитивное употребление частиц в некоторых русских говорах напоминает болгарский суффиксированный артикль *-та*: ср. *гората* («лес» + артикль «-та»), *зелената гората* («зеленый лес»). К. Г. Крушельницкая также говорит о постпозитивной частице *-то*, называя ее остатками постпозитивного артикля в русском языке, которая употребляется иногда в разговорной речи для указания на известность предмета для слушающего (*Передай книгу-то!*). Но разница между ней и артиклями очевидна, поскольку употребление *-то* ограничено стилистически — разговорной речью. Но и здесь она употребляется не при каждом существительном, а в основном лишь при том, в котором содержится «тема» сообщения. А с другой стороны она может стоять не только при именах существительных, но и при местоимениях, наречиях, прилагательных, инфинитивах и даже личных формах глагола (*пришел-то, так-то, книгу-то* и т. д.) [14].

Русские местоимения, будучи лексическими единицами, имеют значительно более конкретные, а тем самым более ограниченные значения, чем формы артикля, которые мы признаем грамматическими формами, выражающими обобщенные грамматические значения. Обычно местоимения передают значения определенности и неопределенности в разной степени, дополняя их при этом своим собственным лексическим значением. Однако некоторые исследователи выделяют особо слова *один* и *этот*, как обладающие артиклевым значением. Так, по мнению В. В. Гуревича, слово *один* «само по себе уже достаточно многозначное, обнаруживает еще и тенденцию к употреблению в особом грамматическом значении — артиклевом» [15]. Однако, как отмечает В. В. Гуревич, это лишь тенденция, обнаруживающаяся в определенных условиях, и факультативность использования слов *один* и *этот* в роли артикля подтверждается тем, что подобную функцию в русском языке могут выполнять и другие средства.

Кроме того, неоднократно утверждается связь значений определенности — неопределенности имени и его просодической выделенности или невыделенности. При этом менялись терминологии, но суть оставалась неизменной: определенное (известное, упомянутое, детерминированное, тематическое) — безударно; неопределенное — акцентно выделено (А. Шведк, Р. Харвер). Мысль об оппозиции ударности — безударности как формальном средстве передачи содер-

жательного противопоставления известности — неизвестности высказывалась много лет назад Матезиусом, который развивал понятие сильного ударения, падающего на слово, выражающее важную, новую информацию, и указывал на отсутствие этого ударения у односложных слов, уже известных из контекста или из ситуации [16]. Однако, как отмечает Т. М. Николаева, непосредственной и прямой зависимости между определенностью — неопределенностью имени и акцентным выделением в безартиклеских языках нет.

Таким образом, мы склоняемся к более широкому рассмотрению категории определенности-неопределенности, поскольку семантическое пространство некоторой семантической категории не перекрывается лишь грамматическими формами и остается возможность использования других средств, необязательно грамматических, но и лексических, просодических и т. д.

Примечания

1. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 261.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. С. 206.
3. Там же. С. 209.
4. Chafe W. L. Meaning and the Structure of Language. Chicago; London, 1970.
5. Якубович Ф.-Д. В. О категории детерминации — индетерминации (на материале английского языка) // Филол. науки. 1977. № 2. С. 68.
6. Крушельницкая К. Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М., 1968. С. 48.
7. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977. С. 113.
8. Якубович Ф.-Д. В. О категории детерминации — индетерминации (на материале английского языка) // Филол. науки. 1977. № 2. С. 69.
9. Левицкий Ю. А., Погудина Э. Б., Шутов И. И. Система определителей (на материале английского, немецкого, французского языков). Пермь, 1973. С. 11.
10. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 2001. С. 293–300.
11. Крушельницкая К. Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М., 1968. С. 52.
12. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972. С. 37.
13. Николаева Т. М. Категория определенности — неопределенности // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1998. С. 349.
14. Крушельницкая К. Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М., 1968. С. 53.
15. Гуревич В. В. Есть ли артикли в русском языке? // Рус. речь. 1968. № 3. С. 63.
16. Николаева Т. М. Акцентно-просодические средства выражения категории определенности — неопределенности // Категория определенности — неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979. С. 120.

НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПАРАДИГМЫ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ

Пленарное заседание

© В. Н. Базылев

СГА, г. Москва

Маргинальные парадигмы в лингвистике ХХI века (семиосоциопсихология)

По мере того как интересы лингвистов все больше концентрировались на изучении роли человека в языке, возникала необходимость в создании нового метаязыка, позволяющего включить в рассмотрение новые объекты, — только так можно и нужно двигаться вперед, провоцируя переосмысление допущений, ставших уже рутинными. Ведь именно тогда, когда мы думаем, что знаем точный смысл слова, именно тогда, когда его употребление перестает вызывать споры и дебаты, нам особенно нужны новые слова и новые концепции или, может быть, новые конфигурации и интерпретации уже существующих идей. Задаваясь вопросом о том, откуда берутся понятия нового метаязыка и новая методология, мы вынуждены признаться самим себе, что, как правило, они не сочиняются заново, а заимствуются, и чаще всего из смежных наук. В последнее время, однако, в эпистемологии лингвистики наблюдается иная тенденция — нам не хотелось бы говорить «новая», — а именно расширение списка разрешенных к постановке проблем за счет анализа самого естественного языка как основной формы фиксации наших знаний о мире, равно как и источника самих этих знаний. В связи с этим процитирую изящный афоризм И. Д. Левина: «Если философия даст необязательные ответы на обязательные вопросы, то наука (resp. лингвистика) даст обязательные ответы на необязательные вопросы». Несомненно одно: в лингвистической парадигме рубежа веков «яркие теории» вытесняют установки на методы описания.

При этом следует попытаться предварительно ответить на вопрос: с чем мы имеем дело в «новых» современных исследованиях — с «новоязом» или «новоделом»? Если речь идет о «новоязе», то мы должны допустить, что сталкиваемся со стилистическими особенностями (напр., терминологического характера), особой (может быть, эзотерической) речевой практикой или особым языком. В этом случае «новояз» имеет все черты функционального

стиля (отбор элементов, из которых складывается стиль: репертуар форм, определенная фразеология, отчетливое предпочтение в выборе лексики, в том числе терминологии), являясь по сути квазиязыком, так как его основная задача состоит лишь в переформулировании, в переописании уже имеющегося знания новыми (иными) языковыми формулировками.

Если же речь идет о «новом деле», то мы сталкиваемся со специфическим процессом мыслительной деятельности, свободной, в отличие, например, от проектирования, от строгого подчинения средств цели. Происходит, скорее, противоположное: интенция мысли определяется рекомбинацией, на манер калейдоскопа, образов-символов, метафор, образовавшихся в результате прошлой деятельности.

Возьму на себя смелость утверждать, что на современном этапе эволюции лингвистического знания (в рамках западноевропейского культурного ареала) исследователь использует одну из описанных возможностей, об эвристическом потенциале языкознания пока говорить не приходится, так же как и о статусе лингвистики как *pilot-science* (в отличие от ситуации начала прошлого века или 60-х гг.).

По сути, в современной лингвистике активно идет процесс рассмотрения и пересмотра, переосмысления традиционных проблем языкознания в свете «новых парадигм» знания. К концу XX в. появление «новых парадигм научного знания» привело в лингвистике к тому, что многие традиционные для этой науки проблемы предстали перед исследователями в новом свете, и, конечно, в их решении наметились существенные изменения. Не говоря о том, что каждая парадигма знания приносит с собой и новые проблемы, как указывал Т. Кун, всегда дает обществу новые модели постановки проблем (проблем, возможно, старых как мир) и их рассмотрения. В этой связи представляется весьма целесообразным в каждом конкретном случае обращения к той или иной методологии, методике и методу исследования — заявляют ли они о себе как о традиционных или инновационных, основных или вспомогательных, доминирующих или маргинальных — пытаться осмыслить и то новое, что они приносят в анализ вполне определенных проблем, но также и то, от чего, собственно, они отталкиваются, то, что входит в их предпосылочное знание об изучаемом объекте или явлении, а также и то, что именно не удовлетворяло их в его рассмотрении. Сталкиваясь почти всегда с борьбой мнений по поводу эффективности того или иного подхода к рассматриваемому явлению, можно объективно оценить его вклад лишь тогда, когда совершится обращение к конкретному материалу и когда о его достоинствах и недостатках будут судить по тому, к каким результатам он

привел в описании выбранного объекта. При всем том — и это главное — фрагменты знания не образуют никогда новой системы, а самые правильные предвидения не могут приравняться к тщательной обработке эмпирических данных, приводящих к обнаружению неизвестных дотоле свойств. Хорошо известен также факт, что основные открытия совершаются обычно в науке на стыке разных дисциплин. Это одно уже свидетельствует о важности проблем, рассматриваемых сразу в нескольких областях знания. Хотя на разных этапах своего развития связи наук принимали различный характер, а отдельные науки то сближались, то, наоборот, расходились, требование междисциплинарных исследований задач сохраняется и сегодня. В качестве примера укажу на то, что многие плодотворные идеи методологического и методического плана в парадигме деконструкции текста Ж. Дерриды осуществились на стыке философии (феноменологии) и лингвистики (генетической критики текста). При междисциплинарности подхода становится возможным увидеть новые объекты анализа, новые аспекты существования и функционирования изучаемых существностей, а главное, новые возможности объяснения фиксируемых наблюдений и фактов. Иначе говоря, это даст возможность распространению тенденции антропоцентризма, заставляя подходить по-новому к оценке человеческого опыта, к результатам чисто человеческого осмысления мира как субъективно- и прагматически ориентированного; это позволяет по-новому оценить роль языка во всей речемыслительной деятельности человека, в осуществлении им дискурсивной деятельности разных типов и, главное, привлечь внимание к языку как обеспечивающему доступ ко многим непосредственно не наблюдаемым процессам ментального, мыслительного, познавательного характера, т. е. процессам концептуализации и естественной категоризации мира; это, по сути, характеризует одновременно и в равной степени как сам феномен языка, так и пути и способы познания мира, особенности восприятия действительности и, главное, специфику чисто человеческой переработки информации, приходящей к человеку извне, но классифицируемой и категоризируемой внутри его сознания и, конечно же, с помощью языка. Можно предположить, что целый ряд онтологических категорий и главных концептов человеческого бытия предсуществовали языку, как предшествует и сегодня акту описания ситуации или же ее обозначению ее осознание, оценка, осмысление и т. п. Но только язык способен объективировать все эти процессы, ибо, вербализуя и, так сказать, материализуя формирующиеся концепты и концептуальные структуры, он придаст им определенную завершенность и ставит в соответствие внутренней репрезентации воспринятого или задуманного свои знаковые символичные заместители. Поэтому в са-

мом поступательном развитии лингвистики в XX в. междисциплинарный характер ее установок сыграл свою исключительную роль: отдельные дисциплины — литературоведение и психология, математика и логика, философия и педагогическая методика, социология и семиотика, политология и риторика — работали рука об руку и взаимно поддерживали друг друга. Постоянные перекрещивания, челночные операции, заимствования то из одной науки, то из другой служили в то же время взаимообогащению наук, и в этом процессе взаимовлияния то одна наука, то другая предоставляли друг другу доказательства продвижения по верному пути и, что не менее важно, способы и средства объяснения наблюдаемого.

В данной публикации, являющейся продолжением моей работы о парадигмах-маргиналиях [1], я хочу представить еще один фрагмент описания методологических основ и методов исследования языка, которые призваны обеспечить именно то разнообразие интерпретаций, которое возможно станет доминантой научного подхода к явлениям языка в XXI в.

Исторически закономерно, что процесс вычленения новых явлений в сфере научных представлений о мире неизменно сопровождается попытками осмыслить, какое место в этом потоке явлений отведено человеку с присущим ему типом как внутренней — эмоциональной, интеллектуально-мыслительной, так и внешней активности, проявляющийся в наблюдаемых действиях, актах поведения. Именно такую познавательную задачу выдвинула в свое время компьютерная лингвистика, возникшая как синтетическая область знания на стыке целого ряда технических и естественнонаучных дисциплин и оформившаяся в самостоятельное научное направление. Еще в 60-е гг. XX в., изучая общие закономерности процессов управления и связи в организованных системах, структурная и компьютерная лингвистика вычленила новый круг явлений, получивших название «информация». Новое понятие заняло достойное место в кругу таких понятий, как «материя» и «энергия». Одновременно как в самой компьютерной лингвистике, так и за ее пределами — в ряде гуманитарных дисциплин (в социальной психологии, философии и социологии) возник вопрос о месте человека в потоке информации, о структурных особенностях механизма «обратной связи» в сложных системах управления; о месте языка или кода в важнейшей коммуникативной подсистеме, образусмой отношением «языковая информация — человеческая деятельность». Эта познавательная задача в свою очередь продиктовала необходимость вычленения из фактов и явлений окружающей действительности такого социально значимого объекта, который был бы способен «вобрать» в себя дан-

ную систему отношений, не ограничиваясь, однако, рассмотрением последних только как управленческих. Дело в том, что представителей разных областей общественнознания и человековедения все чаще стал волновать вопрос о пределах компьютерно-информационного подхода к анализу связей человека с другими людьми; об ограниченных возможностях описания этих связей в терминах управления и целенаправленного воздействия, независимо от того, идет ли речь о непосредственных эмоциональных контактах между людьми или о контактах, опосредуемых текстами (сообщениями), позволяющими людям особым образом организовывать значения в ходе обмена впечатлениями и представлениями, идеями и знаниями, эмоциями, ценностями и нормами. При этом претерпевало изменение и само представление о тексте. Текст как определенный способ организации значений и структурирования смысловой информации, как воплощение мотивированной и целенаправленной интеллектуально-мыслительной активности индивида, т. е. текст как сообщение или единица коммуникации, привлекая к себе внимание не только лингвистов и семиологов, но и психологов, социальных психологов и социологов. Возрос интерес к категории «общение», позволяющей реконструировать, по меньшей мере, два взаимосвязанных теоретических объекта, изучавшихся обычно независимо друг от друга в рамках самых различных дисциплин: индивидуального сознания как субъекта интеллектуально-мыслительной деятельности, с одной стороны, и текста (сообщения) как способа актуализации этой деятельности (т. е. как «деятельностной структуры») — с другой. Будучи рассмотрены во взаимосвязи в качестве образующих коммуникативных систем, эти независимые теоретические объекты позволяют анализировать опосредованное текстами общение сознаний как теоретический объект более высокого порядка, требующий всестороннего междисциплинарного анализа.

Предмет семиосоциопсихологии сформировался именно на этой основе, с тем ограничением, что в его рамках рассматриваются лишь знаковые формы общения, поскольку последние пронизывают всю общественную деятельность, являясь неслучайным ее условием. В самом широком смысле слова знаковая деятельность (включая оперирование знаковыми системами, рядоположенными естественному языку, — пантомимический, изобразительный или музыкальный способы воплощения эмоциональной и интеллектуально-мыслительной деятельности сознания; и вторичными по отношению к естественному языку — дорожные знаки, знаки отличия и пр.), несомненно, является предметом не только общей (описательной), но и социальной семиотики, входящей, в свою очередь, в компетенцию социальной психологии

общения. Специфика семиосоциопсихологии состоит в том, что она фиксирует внимание на основном, наиболее сложном виде социальной знаковой деятельности — на деятельности тестовой, размывающей представления о границах знаковых систем.

Обслуживая другие виды человеческой деятельности, т. е. способствуя реализации целей, как бы «внешних» по отношению к ней (выступающая в этом смысле как основа для общения созданий), тестовая деятельность все более кристаллизуется в самостоятельный вид деятельности с «внутренними», реализуемыми в рамках общения целями коммуникативно-познавательного и эмоционального свойства. При данном подходе текст уже не может рассматриваться как единица языка в одном ряду с такими категориями, как предложение или сверхфразовое единство. Текст (сообщение) рассматривается в семиосоциопсихологии как единица общения, иерархически соотносимая с категориями высказывания и семантико-смыслового (коммуникативного) блока, или «предикации».

Семиосоциопсихология, таким образом, изучает место текстовой деятельности среди прочих видов общественной деятельности; роль и место тестов (сообщений) при обмене всеми видами деятельности в процессе актуализации общественных отношений; пути и механизмы внедрения продуктов интеллектуальной знаково-мыслительной деятельности в общественную практику, в культуру и общественное сознание.

Непосредственным предметом изучения в рамках семиосоциопсихологии становится мотивированный обмен текстами, никогда не прерывающийся процесс целенаправленного порождения и интерпретации целостных, иерархически организованных семантико-смысловых структур, запечатлевающих в себе образ деятельности как материально-практической, так и духовной; продуктов семиозиса, возникающих в ходе общения. В центре внимания семиосоциопсихологии оказывается коммуникативное отношение «текст — интерпретатор», где текст становится источником смысловой информации о «затекстовой» действительности, а в качестве субъекта выступает активный интерпретатор, чьи действия над текстом и при порождении текста мотивированы, ситуативны и целесообразны.

Таким образом, изучению подлежат, с одной стороны, тот уровень индивидуального сознания, на котором мотивационно-ценностные и абстрактно-логические мыслительные структуры обретают свое языковое (знаковое) оформление, т. е. «языковое сознание», с другой — тексты, в которых в процессе общения находит свое воплощение коммуникативно-познавательная активность индивида, т. е. «языковое сознание» в действии.

Семиосоциопсихологические исследования призваны способствовать пониманию смысловых механизмов социального взаимодействия людей, поскольку общественная деятельность протекает в атмосфере общения, сопровождаемого бесконечным порождением и потреблением разнообразных текстов. Возникая из потребности этой деятельности, тексты как бы обретают новое качество и в свою очередь влияют на механизмы регуляции социальной деятельности и поведения.

Семиосоциопсихология относится к числу теоретико-прикладных дисциплин, поэтому в качестве зондирующего и диагностического средства в ходе конкретного изучения текстовой деятельности, наряду с наблюдением во всех его видах и формах, заслуживает внимания целый ряд эмпирических методов. Таких методов уже немало разработано, с разными целями и задачами, в экспериментальной психологии и психолингвистике, в прикладной социологии, социальной этнографии и даже в социальной антропологии. Немалую пользу могут принести и некоторые весьма известные способы лингвостилистического и семиотического анализа текстовых материалов и речеповеденческих структур. Необходимо совершенствовать также уже имеющиеся и разрабатывать новые (или трансформированные), адекватные целям эксперимента, процедуры опроса мнений и тестирования состояний сознания, а также постоянно уточнять критерии не только отбора экспериментального материала, но и оценки полученных результатов.

В семиосоциопсихологии вводится понятие «уровень семиотической подготовки» как существенной для протекания речевого общения характеристики индивидуального языкового сознания, а также понятие «семиотическая группа» как способ типологизации субъектов общения, опосредованного знаками, и понятие «информативно-целевой» анализ текста, в рамках которого трактуются термины «адекватная интерпретация» и «информативность» текста. Текст представляется как «иерархия коммуникативных программ» и в этой связи цементирующий текст — «основное коммуникативное намерение» автора сообщения, с одной стороны, и «языковое воплощение» указанного намерения — с другой. Семиосоциопсихология предлагает конкретное истолкование фактов языковой (знаковой) избыточности текста; разграничивает понятия «языковое клише» и «штамп сознания»; систематизирует ситуации, когда, по вине неадекватного воплощения средствами языка коммуникативного намерения автора сообщения, возникает «эффект смысловых ножниц».

Возможная сфера практического приложения семиосоциопсихологических исследований столь же широка, сколь широко проникновение общения посредством знаков в практическую человеческую деятельность. Это и социально-психологический анализ процесса общения как такового для выработки критериев взаимопонимания в различных ситуациях, и вопросы социальной организации общества на разных уровнях руководства и управления. Это изучение путей формирования общественного мнения, не существующего вне коммуникаций, и вопросы формирования норм и ценностей — этих важнейших ориентиров деятельности общественного человека. Это процесс обучения во всех его звеньях, от дошкольного, школьного и вузовского обучения до обучения, связанного с повышением квалификации, политическим, экономическим, правовым и прочим образованием, и вопросы информационного обслуживания специалистов в эпоху так называемого информационного взрыва. Это вопросы писательского, лекторского, журналистского мастерства и, наконец, и это главное (потому что — общее) — просто вопросы человеческого взаимопонимания в самом прямом и конкретном смысле этого слова, понимания одного человеком того, что говорит другой на том же самом языке. Семиосоциопсихология призвана сыграть весьма заметную роль в развитии социальной психологии, так как областью ее приложения может стать вся сфера социально значимой коммуникативно-познавательной деятельности человека, связанная с языком, поскольку ее интересуют не явные, но весьма заметные по своим последствиям процессы, связывающие хранящиеся в сознании элементы познанного с поступающими туда же символическими символами. Познание здесь выступает как процесс не только интернализации данных материально-практического опыта, но и интерпретации и избирательного поглощения индивидуальным сознанием смысловой информации, циркулирующей в обществе в виде текстов. Дальнейшая разработка предмета и понятийного аппарата семиосоциопсихологии может и должна внести немало уточнений и в теорию общения, которая разрабатывается в отечественной лингвистике в тесной связи с категорией «деятельность» [2, 3, 4].

Примечания

1. *Базылев В. И.* От парадигм-маргиналий к парадигмам-доминантам в современной лингвистике (Лингвосинергетика, палеонтология языка, кондициональная лингвистика). М., 2004.
2. *Бабайлова А. Э.* Текст как продукт, средство и объект коммуникации при обучении родному языку: Социопсихолингвистический аспект. Саратов, 1987.
3. *Дридзе Т. М.* Организация и методы лингвосоциопсихологического исследования массовой коммуникации. М., 1979.
4. *Кожина М. И.* Стилистика и лингвосоциопсихология. Пермь, 1996.

Новые подходы к изучению идиостиля в современной лингвистике

Интерес к проблеме идиостиля обусловлен антропоцентризмом современного гуманитарного знания. Своеобразие личности, проявляющееся в речевой деятельности, привлекает внимание специалистов разных областей знания: лингвистов, психологов, методистов, социологов и т. д. В сфере образования, например, исследуют педагогический стиль учителя (В. А. Кан-Калик, Т. А. Ладыженская, В. И. Рахматшаева и др.). В научной сфере изучается индивидуальный стиль ученых (Н. М. Разинкина, М. Н. Кожина, М. П. Котюрова, Р. К. Терешкина, Т. Б. Трошева, Л. М. Лапп и др.). В публицистике рассматривается индивидуальный стиль журналистов (Л. М. Майданова, И. П. Лыскова, Л. Г. Кайда, Е. В. Какорина и др.) и телеведущих (О. А. Лаптева, С. В. Светлана, Г. Н. Беспмятнова и др.) и т. д. Объектом внимания становятся и индивидуальные особенности речевой деятельности носителей языка (Г. И. Богин, Т. Г. Винокур и др.) и носителей диалекта (ср. работы Т. С. Коготковой, Е. В. Иванцовой, Л. Г. Гынгазовой, Т. Ф. Волковой, О. А. Казаковой и др.). В рамках лингвистической персонологии создаются речевые портреты языковых личностей, изучаются особенности моделирования мира, тип мышления, жанровые предпочтения и т. д.

Проблема идиостиля, таким образом, приобретает общелингвистический характер, выходя за рамки стилистики, традиционно рассматривающей идиостиль как одну из своих главных категорий. Признавая это, нельзя отрицать огромный опыт отечественной стилистики в исследовании данного феномена.

В задачи статьи входит обобщение традиционных подходов к изучению идиостиля в рамках стилистики художественной литературы и освещение некоторых новых направлений в его исследовании, связанных с развитием психолингвистики, когнитивистики, лингвосинергетики, коммуникативной стилистики текста — нового направления функциональной стилистики, разрабатываемого с начала 80-х гг. в Томском государственном педагогическом университете [1].

Идиостиль трактуется нами, во-первых, как многоаспектное многоуровневое проявление языковой личности автора, «стоящего» за любым текстом: его лексикона, тезауруса, мотивов, определяющих своеобразие семантики, прагматики и структуры текста; во-вторых, как основная категория стилистики художественной литературы, отражающая своеобразие творческой деятельности художников слова, включая использование выразительных средств и при-

смов, особенности художественного метода, принципы отбора и организации материала, жанровые предпочтения и т. д.

Особенно интенсивно в течение ряда лет в стилистике художественной речи проводились исследования идиостиля с ориентацией на отдельные элементы художественной системы писателя, прежде всего на рассмотрение языковых средств (чаще лексических) с последовательным «укрупнением» единиц анализа и постепенным усилением внимания к смысловым формам и структуре. Для этого этапа в изучении идиостиля характерно внимание к образной трансформации слов (Б. А. Ларин, М. Б. Борисова, М. Д. Поцепня, Е. Г. Ковалевская и др.); к эстетической модификации выразительных средств в идиостиле писателя (Т. Г. Винокур, Н. А. Кожевникова, Е. А. Некрасова и др.); к динамике речевых форм (В. В. Виноградов, Е. А. Гончарова, А. И. Домашнев, И. П. Шишкина и др.); к композиционным приемам и структуре (В. В. Одинцов, К. А. Рогова и др.); к универсальным смыслам, по-разному реализуемым в творчестве разных авторов (И. Я. Чернухина и др.); к словоупотреблению и словотворчеству (В. П. Григорьев, А. Д. Григорьев, Н. А. Кожевникова, О. Г. Ревзина и др.).

Второе направление в исследовании идиостиля характеризуется анализом различных структурных и смысловых форм организации языкового материала (прежде всего лексического) в замкнутом целом с последующим сопоставлением полученных данных на уровне стилистического узуса и индивидуальных особенностей автора (А. Д. Григорьева, В. П. Григорьев, Н. К. Соколова, Ю. С. Язикова, Н. А. Кожевникова, Н. А. Николина, Л. В. Зубова и др.). Проблема идиостиля затрагивается в работах, посвященных интертекстуальности, рассматриваемой как одно из признаков индивидуального стиля (Н. А. Кузьмина, Н. А. Фатеева и др.).

Применение компьютерных технологий открыло новые возможности для моделирования некоторых индивидуально-авторских особенностей в творчестве художников слова (М. А. Красноперова, В. С. Басевский, Г. Г. Москальчук и др.).

Новый подход к изучению идиостиля намечается в исследованиях по лингвосинергетике (В. А. Пищальникова, Г. Г. Москальчук, Н. Л. Мышкина и др.), сравним, например, анализ основных закономерностей распространения энергии в интертексте (Н. А. Кузьмина), рассмотрение поэтической энергии образного слова (Н. Ф. Алсфиренко) и т. д.

Перспективные современные направления в исследовании идиостиля формируются под влиянием психолингвистики и когнитивной лингвистики на основе моделирования «возможных миров» разных авто-

ров. При этом в рамках психопоэтики выявляются «доминантные личностные смыслы» (В. А. Пищальникова, Т. А. Голикова, Т. Г. Утробина и др.); в творчестве разных авторов изучаются отдельные концепты и лексические формы их репрезентации (Н. М. Мухина, В. Ю. Прокофьева, Т. С. Кусаинова и др.); анализируется система концептов-доминант в ряде произведений писателя или в одном тексте (Е. Г. Малышева, М. Р. Проскуряков, М. Л. Левченко и др.); исследуются некоторые семантические, ассоциативные и лингвокультурологические поля концептов (Н. В. Козловская, М. А. Бабурина, И. А. Тарасова, Н. Р. Суродина и др.). Каждое из данных направлений в той или иной степени рассматривает проблему идиостиля прежде всего с точки зрения первичной коммуникативной деятельности автора. С этим же связано изучение идиостиля на основе анализа текстовых категорий и ведущих принципов организации художественных произведений писателя.

Среди новых подходов к изучению идиостиля особо отметим изучение картины мира автора в рамках *когнитивной поэтики* (см. работы Л. О. Бутаковой, И. А. Тарасовой и др.). В поле зрения исследователей находится феномен сознания автора и его моделирование на основе созданных им текстов [2]. В качестве методики когнитивной реконструкции исходного объекта Л. О. Бутаковой предлагается «поэтапное смысловое моделирование когнитивной, эмотивно-смысловой, коммуникативной и знаковой систем текста с учетом на каждом этапе форм воплощения единичного, особенного, общего» [3]. В когнитивной поэтике практикуется «путь от ментальных феноменов — концептов и когнитивных структур — к языковым способам их реализации» [4]. В этом отношении есть различия с коммуникативной стилистикой текста, где наблюдается иная направленность — от языковой репрезентации — к моделированию концептуальной структуры текста. Различны и цели: реконструкция ментальной реальности, структуры и типа сознания автора [4] в когнитивной поэтике, исследование языковых средств формирования концептуальной структуры текста, значимой для его смысловой интерпретации адресатом и изучения идиостиля автора на основе теории регулятивности и текстовых ассоциаций, — в коммуникативной стилистике текста. Это определяет различия в методике анализа художественных концептов. В когнитивной поэтике она дифференцируется в зависимости от типов концептов, в коммуникативной стилистике она основана на моделировании ассоциативно-смысловых полей концептов.

В отличие от ранее рассмотренных подходов к анализу идиостиля, в рамках *коммуникативной стилистики текста* идиостиль изучается с

точки зрения того, как автор организует диалог с читателем средствами текста, направляя его речемыслительную деятельность по определенному пути в соответствии с замыслом и избранной коммуникативной стратегией. Особенностью коммуникативной стилистики художественного текста является, таким образом, коммуникативная интерпретация идиостиля, включающая организацию познавательной деятельности читателя [5] и др. Идиостиль рассматривается комплексно: как многоплановое проявление мировидения автора в структуре, семантике и прагматике текста.

Три основных направления коммуникативной стилистики, основанные на теории регулятивности, текстовых ассоциаций, смыслового развертывания текста, отражают исследование общих и индивидуальных коммуникативно обусловленных закономерностей в текстовой деятельности автора и адресата [1]. *Теория регулятивности* ориентирована на выявление свойственных автору особенностей в использовании средств и способов организации их совместного диалога. *Теория текстовых ассоциаций* предполагает анализ закономерностей в стимулировании ассоциативной деятельности читателя на основе регулятивных средств и структур, дающих ключ к коммуникативной стратегии автора. *Теория смыслового развертывания* текста направлена на изучение свойственных автору закономерностей в организации ассоциативно-смысловых полей концептов, отраженных в лексической структуре его текстов. Идиостиль писателя, таким образом, проявляется в выборе характерных для автора средств и способов организации сотворчества с читателем и особенностях стимулирования его ассоциативно-смысловой деятельности.

Коммуникативно-деятельностный подход к изучению идиостиля опирается, во-первых, на концепцию языковой личности Ю. Н. Караулова [6]: за исходное взято положение о том, что всякий анализируемый текст воплощает фрагмент языковой картины мира автора, отражающий его лексикон, семантикон, грамматикон; информационный тезаурус создателя текста; цели и мотивы автора.

Во-вторых, данный подход к изучению идиостиля основывается на определении текста как формы коммуникации, предполагающей особую организацию общения как совместной речемыслительной деятельности автора и адресата [7]. С этим связана опора на концепцию Т. М. Дридзе [8], рассматривающей текст с точки зрения отраженной в нем иерархии целевых программ. Это предполагает изучение коммуникативных стратегий автора, реализуемых в его текстовой деятельности. Идиостиль рассматрива-

ется, таким образом, как сложное, многомерное и многоуровневое проявление личности, «стоящей за текстом» (се лексикона, семантикона, грамматикона, тезауруса, мотивов), в структуре, семантике и прагматике текста.

Особенности изучения идиостиля с точки зрения теории регулятивности, теории текстовых ассоциаций и смыслового развертывания текста получили отражение в серии работ по коммуникативной стилистике текста [1, 5]. Остановимся на некоторых аспектах данных исследований.

1. С точки зрения идиостиля важно, какие типы регулятивных средств и регулятивных микро- и макроструктур, соотносящиеся с «волевыми задачами» автора (Л. С. Выготский), для него характерны, как они взаимодействуют и какую роль выполняют в процессе познавательной деятельности читателя. Средства и способы регулятивности текста в целом определяются как спецификой художественной сферы общения, так и своеобразием творческого метода автора, традициями литературных школ, направлений, к которым он принадлежит, индивидуально-авторским мировидением.

В поэзии М. И. Цветасвой, например, отмечен широкий спектр разнообразных средств регулятивности, из которых особенно значимыми являются ритмико-звуковые и лексические. Ср. суждение М. И. Цветасвой: «О Маяковском сказано — мною обо мне сказанное: Я слово беру — на прицел! А словом — предмет, а предметом — читателя!» [9]. В результате формируются наиболее характерные для автора способы регулятивности — сопряжение стилистических приемов антитезы и оксюморона, создающие контраст как доминирующий в его поэзии тип выдвижения языковых средств.

В работах по коммуникативной стилистике текста анализ различных лексических регулятивных средств в поэзии Н. С. Гумилева, М. И. Цветасвой, О. Э. Мандельштама, И. Бродского позволил установить ряд характерных для авторов особенностей. В лирике И. Бродского, по наблюдениям О. В. Орловой [11], в качестве широко распространенного регулятивного средства с приобретением статуса полноценной двусторонней единицы используется элемент алфавита, означающий звук, что совершенно нехарактерно для идиостилей М. И. Цветасвой, О. Э. Мандельштама, Н. С. Гумилева.

Одни и те же регулятивные средства в творчестве разных авторов отличаются разной силой регулятивности, которая может быть яркой или слабой. Так, компаративные тропы как регулятивное средство в поэзии Н. С. Гумилева обладают более яркой регулятивностью [12], чем в лирике М. И. Цветасвой и О. Э. Мандельштама. В их творчестве регулятивные возможности таких средств,

как семантические окказионализмы, также ослабляются, увеличивая вариативность их смысловой интерпретации [13].

Для идиостиля поэтов характерна разная представленность графических и морфологических регулятивных средств: поэзии М. И. Цветасвой, например, свойственно многообразие их типов («авторское» тире, прописные буквы в нарицательных существительных, расчленение узуального слова, графические новообразования, изменения морфологических характеристик канонических слов, большая активизация глагольных новообразований по сравнению с именными) [13]. Использование расчлененных узуальных слов, тире, переносов части слова на другую строку встречается в поэзии И. Бродского гораздо реже, чем у М. И. Цветасвой. Вместе с тем эти виды регулятивных средств не характерны для лирики Н. С. Гумилева. К особенностям его идиостиля, скорее, можно отнести достаточно часто встречающиеся случаи грамматической модификации слов и явное доминирование именных окказиональных слов над глагольными [13].

Можно говорить и о разных регулятивных стратегиях и способах регулятивности текстов, характерных для разных авторов. Например, в лирике К. Бальмонта, по данным Н. Г. Петровой [10], особенно значимыми являются следующие способы взаимосвязи лексических регулятивов: сопряженность заглавия с лексической регулятивной цепочкой; сопряженность заглавия с лексической регулятивной структурой, основанной на принципе синтаксического параллелизма; сопряженность заглавия с регулятивной цепочкой и лексической регулятивной структурой, основанной на принципе синтаксического параллелизма.

2. Личность писателя отражается в неповторимости и оригинальности ассоциаций, характерных для лексической структуры текста. Ассоциативные переключки и параллели, наиболее характерные для автора типы ассоциаций, пронизывающие все его творчество, становятся важной приметой идиостиля. Столь же оригинальными могут быть и направления ассоциирования, на основе которых формируется ассоциативная структура произведений. Ключом к ее постижению является лексическая структура текста, которая в снятом виде фиксирует результат ассоциативной деятельности создателя и регулирует вторичную коммуникативную деятельность адресата. В связи с этим особую значимость в рамках коммуникативно-деятельностного подхода к художественному произведению приобретает анализ типов лексического структурирования.

Индивидуальность автора отражается в вербализации текстовых и межтекстовых ассоциативно-смысловых полей ключевых концептов. Например, в сборнике О. Э. Мандельштама «Камень» ключевы-

ми словами-номинатами эстетически значимых концептов являются: *холод, горение, туман, тяжесть, творчество, движение, время, вечность*, а также *связь и узор* [14]. В лирике И. Бродского по концептуальной значимости явно лидирует ключевое слово *язык* — номинат соответствующего концепта, отражающий лингвоцентризм картины мира поэта [11]. Для поэзии Н. С. Гумилева весьма показательными в плане творческой эволюции стали концепты «душа» и «слово» и их номинаты [16].

Во-вторых, авторская индивидуальность проявляется в характере текстовых ассоциатов на слова-стимулы — номинаты ключевых концептов. При этом важно, какие ассоциаты доминируют в текстовых ассоциативно-смысловых полях (уникальные или узуальные, однородные или разноплановые и т. д.). В поэзии О. Э. Мандельштама, например, преобладают уникальные текстовые ассоциаты на рассмотренные ранее ключевые слова [14]. В лирике Н. С. Гумилева, наряду с уникальными, достаточно часто встречаются узуальные ассоциаты на выделенные ключевые слова.

В-третьих, идиостилевая специфика текстовых и межтекстовых ассоциативных полей ключевых слов проявляется в своеобразии структурирования ассоциатов. Например, в поэтических текстах М. И. Цветаевой, по данным проведенного исследования [15], текстовые ассоциаты на стимул «любовь» отличаются большим разнообразием и многоплановостью, представлены в 10 межсловных парадигмах, основу которых составляют контрастно связанные ассоциаты. Анализ межтекстового ассоциативно-смыслового поля «любовь» позволяет судить о характере индивидуально-авторского осмысления этого ключевого концепта, в частности, о максимализме автора и доминировании контрастов и противоречий в восприятии и интерпретации этого чувства.

Ассоциативное развертывание текста, стимулированное его лексической структурой, также осуществляется по-разному. Например, в лирике Н. С. Гумилева, по данным С. М. Карпенко [16], способы ассоциативного развертывания (тезисно-аргументирующий способ и вопросно-ответная форма репрезентации смысла) зависят от типа лексической макроструктуры текста. Для кольцевой, ассоциативно замкнутой макроструктуры, часто встречающейся в поэтических текстах Гумилева, характерно наличие ассоциативной доминанты в препозиции (тезис) и в постпозиции (вывод, относящийся к тезису). Концептуально значимые лексические единицы ассоциативной доминанты, актуализирующие основные микросмыслы, получают ассоциативное развитие в лексической макроструктуре текста на основе разного рода ассоциативных свя-

зей (лингвистических и экстралингвистических). Ассоциативное развертывание лексической макроструктуры поэтических текстов Гумилева в целом обусловлено повествовательным характером его стихотворений [16].

Специфика идиостиля авторов проявляется и в том, что выступает ассоциативной доминантой, т. е. ключевой ассоциативной микроструктурой, значимой для ассоциативного развертывания текста в целом. Например, в поэтических текстах И. Бродского, в отличие от других авторов, в роли ассоциативной доминанты и элемента ассоциативной структуры может выступать звукобуква как стимул и ассоциат, как самостоятельная смыслообразующая единица текста в связи с характерным для поэтической картины мира автора лингвоцентризмом. Как показали исследования О. В. Орловой [11], способность звукобуквы становиться самостоятельным смыслоформирующим элементом текста, обладающим в лексической структуре текстов Бродского статусом слова, зиждется на ассоциативной «ауре» звукобуквы, формирующейся на основе ее графического облика и фонетической значимости. Лингвоцентризм поэта воплощается в его творчестве особой системой «лингвоориентированных» средств и способов вербальной экспликации концепта *язык*, прежде всего лингвистических терминов и понятий (*слово, существительное, род, число, падеж, окончание, точка, запятая, слог*), а также атрибутов письма (*письмо, бумага*).

В ассоциативном развертывании поэтических текстов разных авторов важно и то, какие аспекты ассоциативной доминанты стимулируют ассоциативно-смысловое развертывание текста, отражая разную степень уникальности ассоциативной деятельности автора. У Н. С. Гумилева, например, велика опора на узловые ассоциативные связи слова, у О. Э. Мандельштама и М. И. Цветаевой нередко текстовые ассоциаты на ключевые слова-стимулы возникают на основе их коннотаций, часто культурологического характера. Лирике М. И. Цветаевой к тому же свойственны «семантические метаморфозы» ключевых слов [17], определяющие необычные текстовые ассоциаты на них в связи с коренным переосмыслением их семантики.

Специфика индивидуального стиля автора проявляется в характере ассоциативного структурирования текста, т. е. направлениях ассоциирования с учетом места ассоциативной доминанты. В лирике О. Э. Мандельштама, например, отражается доминирование ассоциативной структуры цепочечного типа с отношениями включения и пересечения текстовых ассоциативно-смысловых полей ключевых слов. Наряду с этим в творчестве поэта отмечены однонаправленные и разнонаправленные ассоциативные структуры радиального типа и

несоднородные ассоциативные структуры смешанного цепочечно-радиального типа [18]. Типы ассоциативного развертывания поэтических текстов позволяют выявить как универсальные особенности на уровне стилистического узуса, так и индивидуально-авторские в способах стимулирования ассоциативной деятельности читателя, на основе которой формируется представление о смысле текста.

3. Идиостиль автора проявляется и в способах развертывания содержательного плана текста, в характере смысловой структуры текста, в том, какие авторские смыслы становятся доминантными («сквозными») в творчестве писателя. Под смысловым развертыванием текста понимается динамика представления в нем лингвистически репрезентированного фрагмента концептуальной картины мира автора, отражающаяся в сознании адресата и формирующая его представление о содержательном плане текста.

Смысловое развертывание текста, таким образом, отражает выраженную в художественной форме концептуальную картину мира автора через динамику различных связей вербализованных в тексте концептов. Авторская индивидуальность проявляется в выборе ключевых концептов, в характере их структурирования и способах репрезентации. Возможны разные подходы к изучению смыслового развертывания текста: 1) на основе анализа ассоциативно-смысловых полей концептов и их связи; 2) изучения лексической структуры образов; 3) рассмотрения лексической макроструктуры, а также лексических микроструктур «по горизонтали» (уровень текстовой синтагматики) и «по вертикали» (уровень текстовой парадигматики); 4) выявления смысловых признаков различных художественных реалий разного ранга и уровня обобщения.

Каждый из намеченных подходов вполне возможен и реален. Эффективным представляется выявление вербализованных в тексте ассоциативно-смысловых полей (АСП) ключевых концептов и их структуры. В чем при этом проявляется авторская индивидуальность? Во-первых, в выборе ключевых и периферийных концептов. Так, по наблюдениям И. И. Бабенко [17], центральными концептами, судя по данным частотного словаря лирики М. И. Цветаевой (1909–1921), являются: «человек как живое существо», «природа», «цвет», «человек и его особенности, проявления», «время», «любовь», «социальный статус человека», «вероисповедание», «жизнь — движение», «сон», «жилище человека» и др. В поэзии И. Бродского периферийный с точки зрения тезауруса обычной языковой личности концепт «язык» становится ядерным, определяющим смысловое развертывание поэтических текстов автора [11].

Во-вторых, идиостиль поэта проявляется в специфике основных направлений ассоциативного развертывания концептов в тексте. Например, по данным С. М. Карпенко [16], в лирике Н. С. Гумилева ключевой концепт «поэт» связывается со следующими направлениями ассоциирования: поэт — пророк, поэт — чародей, поэт — властитель вселенной, поэт — имсющий свой путь (т. е. реализующий себя, выражающий себя в слове, в творчестве). В лирике И. Бродского ключевой для автора концепт «язык», определяющий смысловое развертывание его стихов, реализуется в особых смысловых корреляциях: язык — человек, язык — время, язык — пространство, язык — смерть, язык — творчество.

В-третьих, специфика отражения концептуальной картины мира автора проявляется в том, какие ассоциаты входят в ядерную зону ассоциативно-смысловых полей ключевых концептов. По данным И. И. Бабенко [17], в ранней поэзии М. И. Цветаевой, например, в межтекстовые АСП концепта «человек» входит 1518 словоупотреблений, включая ассоциаты: руки (300), глаза (200), сердце (167), грудь (111), голос (87), кровь (77), голова (73), целовать (69), имя (64), взгляд (62), лоб (60), рот (60), лицо (59), слезы (57), волосы (51) и др. В лирике Н. С. Гумилева у АСП ключевого концепта «слово» вообще нет ядерной части (повторяются немногие ассоциаты: простое, таинственное, говорить).

В-четвертых, важным для анализа идиостиля фактором является структура ядерной зоны ассоциативно-смысловых полей ключевых концептов в конкретном текстовом развертывании. У М. И. Цветаевой, например, ряд АСП концептов в зоне высокой частотности содержат ключевые лексемы, вступающие в отношения контраста: жизнь — смерть и т. д. Это коррелирует с другими наблюдениями о преобладании лексической структуры контрастивного типа в творчестве автора.

В-пятых, для смыслового развертывания текста в аспекте идиостиля важен характер взаимодействия концептов (его можно выявить на основе анализа текстовых ассоциативно-смысловых полей концептов, их состава и структуры). В поэтических текстах Н. С. Гумилева и И. Бродского, например, все ассоциативно-смысловые поля ключевых концептов соотносятся на основе связи пересечения, при этом связь данных АСП прослеживается на все уровни поэтического текста, т. е. смысловое развертывание обеспечивается взаимодействием (пересечением, наложением) АСП ключевых концептов.

В-шестых, знание частотности лексических репрезентантов концепта, глубины его связи с другими и ассоциативных перекличек также позволяет определить различие в картине мира авторов. На-

пример, в цветовой картине мира М. И. Цветасвой явно доминирует черный цвет, как и у И. Бродского, в то время как для лирики Н. С. Гумилева концептуально значимым является белый цвет. Таким образом, изучение концептуальной картины мира авторов на основе ее лексической репрезентации в текстах и анализа ассоциативно-смысловых полей ключевых концептов открывает новые перспективы в изучении смыслового развертывания произведений и выявлении идиостиля поэтов. В целом коммуникативно-деятельностный подход к анализу идиостиля не исключает имеющуюся традицию в его изучении, а дополняет ее. Вполне очевидна связь коммуникативного подхода к изучению идиостиля с когнитивным [19].

Подводя итоги, отметим, что проблема идиостиля имеет комплексный характер, требующий многообразных подходов к ее разработке. Все они формируются под влиянием новых направлений в науке о языке. Проблема идиостиля столь же глубока и неисчерпаема, как неисчерпаема сама личность художника слова.

Примечания

1. Болотниova И. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск, 1992; Она же. О статусе коммуникативной стилистики текста и перспективах ее развития // Изв. Алтайск. гос. ун-та. 1998. № 3 (8).; Она же. О трех направлениях коммуникативной стилистики художественного текста и изучении текстового слова // Коммуникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте. Томск, 2000; Она же. Коммуникативная стилистика художественного текста // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М., 2003.
2. Бутакова Л. О. Автор и текст: Когнитивная модель и вербальный феномен // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: Материалы III филол. чтений. 28–29 нояб. 2002 г. Новосибирск, 2002. С. 172.
3. Там же. С. 173.
4. Тарасова Н. А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. Саратов, 2003. С. 5.
5. Болотниova И. С., Бабенко И. И., Васильева А. А. и др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль. Томск, 2001.
6. Караулов Ю. П. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
7. Сидоров Е. В. Проблемы речевой системности. М., 1987.
8. Дридзе Т. М. Язык и социальная психология. М., 1980; Он же. Текстовая деятельность и структура социальной коммуникации: Проблемы семосоциопсихологии. М., 1984.
9. Цветаева М. И. Об искусстве. М., 1991. С. 306.
10. Петрова И. Г. Лексические средства регулятивности в поэтических текстах К. Д. Бальмонта: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2000.
11. Орлова О. В. «Лингвоцентризм» концептуальной картины мира И. Бродского и его отражение в лирике поэта // Болотниova И. С., Бабенко И. И., Васильева А. А. и др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль. Томск, 2001. С. 246–254.
12. Сыпченко С. В. Компаративные тропы как регулятивное средство в поэтических текстах Н. Гумилева // Там же. С. 99–113.

13. *Тюрина Р. Я.* Морфологические и «графические» окказионализмы как регулятивные средства в поэзии Н. Гумилева, М. Цветасовой, И. Бродского // Там же. С. 113–128.

14. *Васильева А. А.* Текстовые и межтекстовые ассоциативно-смысловые поля ключевых слов в творчестве О. Э. Мандельштама // Там же. С. 146–160.

15. *Бабенко И. И.* К вопросу о текстовых и межтекстовых ассоциативно-смысловых полях ключевых слов в творчестве М. И. Цветасовой // Там же. С. 160–173.

16. *Карпенко С. М.* Текстовые и межтекстовые ассоциативно-смысловые поля ключевых слов в творчестве Н. С. Гумилева // Там же. С. 146–160.

17. *Бабенко И. И.* Особенности концептуальной картины мира М. И. Цветасовой (на материале частотного словаря ранней лирики) // Там же. С. 255–263.

18. *Васильева А. А., Болотниова Н. С.* Ассоциативная структура поэтических текстов в творчестве О. Э. Мандельштама // Там же. С. 199–209.

19. *Болотниова Н. С.* Поэтическая картина мира и ее изучение в коммуникативной стилистике текста // Сиб. филол. журн. 2003. № 3–4. С. 198–207.

© Р. М. Гайсина
БашГУ, г. Уфа

Синергетика триединства
«значение — функция — форма»
(на примере взаимодействия
имени существительного и глагола)

В работах А. А. Потепни содержится фундаментальная идея о внутриязыковом энергетическом факторе, определяющем саморазвитие и самоорганизацию языка. Так, широко известно положение Потепни об энергичности глагола как самой прогрессирующей категории языка, о том, что межчастеречные глагольно-именные взаимодействия происходят под влиянием проявляющейся в ходе развития языка тенденции к усилению глагольности и к распространению глагольной энергии на слова других частей речи. В частности, он отмечал «изменение значения и круга деятельности существительного» [1] под энергетическим воздействием глагола. Эти идеи Потепни большинством ученых не были приняты, считались недоказанными [2] и даже противоречащими фактам языка [3].

На наш взгляд, идея Потепни о распространении глагольной энергии на имена глубока и плодотворна. Эта идея заключает в себе теоретический исход современных взглядов на язык как на саморазвивающуюся и самоорганизующуюся систему. Именно такое понимание языка лежит в основе складывающейся в настоящее время синергетической парадигмы в языкознании, в рамках которой признается синергетичность языка в целом [4, 5, 6].

Тенденция к саморазвиваемости и самоорганизующести, проявляющаяся в языке, может быть продемонстрирована на примере отдельных фрагментов языковой системы, рассматриваемых в ретроспективной диахронии. В свое время под воздействием идей Потебни мы обратили внимание на проявление энергийных процессов в сфере взаимодействия глагола и имени под активным энергетическим воздействием глагола [7]. Сейчас, в период становления синергетической парадигмы в языкознании, хотелось бы вернуться к этим идеям, с тем чтобы вписать их в контекст данного парадигмального направления.

В современном состоянии отдельной части речи зафиксирован неподвижный результат развития, представлены разные этапы становления, поэтому внутренняя структура части речи отличается большой сложностью. Сложность структуры частей речи отображается в широко используемых терминах: ядро и периферия части речи, первичные и вторичные значения частей речи, первичные и вторичные синтаксические функции частей речи, изосемические и неизосемические части речи и т. д.

Утверждается, что разграничение частей речи в русском языке проводится при учете комплекса трех признаков, представленных в понятиях «значение», «форма», «функция». В названные понятия вкладывается определенное содержание: под значением понимается общее категориально-грамматическое (частеречное) значение, под формой — характер морфологической парадигмы, под функцией — роль части речи в предложении. Обычно значение, форма и функция рассматриваются как три самостоятельных аспекта части речи, соотношение же между этими аспектами характеризуется в плане их синхронного соответствия / несоответствия, изосемии / неизосемии и меньше всего в плане их взаимообусловленности и взаимовлияния, т. е. в плане диалектического. На самом же деле эти три признака находятся между собой в сложных диалектических отношениях, в процессе становления частей речи эти признаки взаимообуславливают, «вызывают к жизни» друг друга. Поэтому совокупность названных трех признаков, на основании которых различаются части речи, можно охарактеризовать как диалектическое триединство «значение — функция — форма», как своеобразное синергетическое пространство.

Здесь следует сделать два существенных для дальнейшего изложения замечания. Первое замечание касается содержания понятий «значение», «функция», «форма» в составе триединства. Необходимо ограничить содержание этих понятий лишь теми элементами, которые, будучи взаимообусловленными, позволяют интерпретировать

совокупность этих понятий как синергетическое триединство. Под «значением» в этом триединстве понимается категориально-вещественное или категориально-грамматическое (частеречное) содержание слова. Под понятием «функция» в составе триединства имеется в виду коммуникативное (тема-рематическое) или синтагматическое (предикатное, актантное) назначение слова. Понятие «форма» в триединстве относится к структурно-морфологическим признакам, т. е. охватывает прежде всего характер суффиксов-окончаний, свидетельствующих о частеречной принадлежности слова.

Второе замечание касается динамики частеречных образцов. В динамике частеречных образцов следует различать два процесса: 1) процесс противоречивого становления частеречных образцов, характеризующихся тройственной симметрией «значение — функция — форма»; 2) использование готовых, устоявшихся частеречных образцов для создания новых слов в процессе словообразования, словотворчества. Раскрыть диалектику, энергетичность соотношения значения, функции, формы как компонентов синергетического триединства можно в процессе изучения современного состояния части речи, имея в виду, что современное состояние части речи хранит в себе в свернутом виде диахронические процессы ее становления.

В составе имени существительного выделяются два общих семантических подкласса, свидетельствующих о динамике становления этой части речи, — подкласс предметных и подкласс признаков существительных. Каждый из названных подклассов на современном этапе характеризуется тройственной симметрией «значение — функция — форма». Так, в подклассе ядерных, предметных имен существительных наблюдается симметрия субстантивной формы (набора соответствующих суффиксов-окончаний) и актантной функции с категориально-вещественным значением предметности. В подклассе же признаков имен существительных наличествует симметрия несколько иного характера — симметрия субстантивной формы и актантной функции с категориально-грамматическим значением предметности. Отмечаемая в настоящее время тройственная симметрия компонентов в триединствах, свойственных разным подклассам имени существительного, есть результат противоречивого развития, результат внутреннего, содержательного видоизменения компонентов триединства. Ведущая роль в нарушении тройственной симметрии принадлежит наиболее активным компонентам триединства — функции либо содержанию. В восстановлении же симметрии энергетический импульс может исходить от различных компонентов триединства: либо форма подстраивается к функции под энергетичес-

ким воздействием, давлением последней, либо значение меняется под влиянием формы, либо функция изменяется по требованию содержания и т. д.

Значит, тройственная симметрия, наблюдаемая в отдельных семантических подклассах имени существительного, имплицитно, «скрыта» в себе диалектику своего развития, диалектику развития отдельных компонентов триединства. В дальнейшем изложении ставится цель — раскрыть, эксплицировать «скрытую» диалектику соотношения значения, функции, формы и взаимообусловленного развития этих компонентов применительно к отдельным семантическим (отчасти и формальным) подклассам имен существительных.

Выявление диалектики соотношения формы, функции, значения позволяет выделить три ступени развития имени существительного как части речи:

- ступень диффузных наименований, предшествующую появлению частей речи, заключающую в себе в синкретичном виде значения основных частей речи — имени существительного и глагола;

- ступень становления образца триединства для существительных, являющихся наименованиями предметов (предметных существительных);

- ступень становления образца триединства для существительных, являющихся наименованиями элементов непредметного мира (признаковых существительных).

Вслед за рядом ученых можно предположить, что на первоначальном этапе части речи не различались, а существовали слова, которые хотя и могли соотноситься с чувственно воспринимаемыми вещами, однако не обозначали эти вещи как существующие сами по себе субстанции. Такие слова могли использоваться для сообщения о целостных событиях, ситуациях, действиях, качествах, связанных с данной субстанцией. Значение высказывания, состоящего из такого диффузного наименования, конкретизировалось в речевой ситуации. Это подтверждается и психологией детской речи [8, 9]. Так, слова, взятые в отрыве от конситуации (вернее — искусственно оторванные от конситуации), обладали первоначальной неотграниченностью таких сторон лексического знака, как значение, функция, форма.

Признание недифференцированности, диффузности первоначальных слов не означает утверждения того, что в человеческом сознании в то время отсутствовали логические категории предмета, признака, действия, отношения. Эти категории, представляя собой «основные опорные смысловые центры любой мысли, какой бы степенью примитивности она ни обладала» [10], существовали и в доисторическое время. Однако для обозначения предметов, их признаков, действий

использовался один и тот же звуковой комплекс [11]. Значит, если рассматривать первоначальные слова сквозь призму триединства «значение — функция — форма» с позиций более позднего состояния языка, то их можно охарактеризовать как свидетельство проявления в языке изначальной (дочастеречной) тройственной (семантико-функционально-морфологической) интеграции. Процесс поочередного выделения трех сторон триединства невозможно проследить и проиллюстрировать, его можно лишь предположить, исходя из диалектического анализа некоторых фактов современного языка и опираясь на соответствующую лингвистическую литературу.

Самые древние неословные высказывания представляются как результат соположения двух слов, одно из которых выполняет функцию темы, другое — ремы. Дифференциация тематической и рематической функций ведет к изменениям в значениях слов. При выполнении функции темы у слов актуализируется предметная отнесенность и усиливается субстантивный компонент значения; в функции же ремы, наоборот, акцентрируется признаковая отнесенность слова и усиливается признаковый элемент значения [12; см. также: 13].

Таким образом, возникновение высказываний, расчлененных на тему и рему, ведет к появлению двух классов слов — предметных и признаковых, которые разграничиваются и семантически, и функционально. Факт функционально-семантического разобщения слов позволяет говорить о выделении двух компонентов будущего триединства — значения и функции — и о начале формирования частей речи (имен и предикатов) как функционально-семантических классов слов, заключающих в себе двойственную симметрию «функция — значение». На этом этапе функцию темы можно рассматривать в качестве формального проявления предметной семантики имени существительного как функционально-семантической категории. Иначе говоря, функция предстает как форма, как способ оформления определенного типа значения, т. е. интегрирует в себе два компонента будущего триединства — функцию и форму.

Выделение третьего компонента триединства — формы, как признается, не является обязательным для всех языков. Можно предположить, что субстантивная форма в морфологически развитых языках возникла прежде всего как способ материализации не вещественного содержания, а скорее тематической функции слова, т. е. субстантивная форма на первом этапе соотносилась прямо и непосредственно с функциональным содержанием, находясь под влиянием его энергичности. Постепенно субстантивная форма начинает восприниматься как способ материализации также и предметного значения и между суб-

стантивной формой и предметным содержанием имени устанавливается прямое, непосредственное отношение. Функция таких имен существительных в процессе дальнейшего развития мышления и языка расширяется: они используются для заполнения не только позиции подлежащего (именно с этой позицией ассоциируется тематическая функция у первоначальных существительных), но и позиции дополнения, что свидетельствует о возникновении у существительных актантной функции. Можно сказать, что на этом этапе закончивается процесс становления первого образца имен существительных, заключающего в себе тройственную симметрию «предметное значение — субстантивная форма — актантная функция». Значит, тройственная симметрия, характерная для ядерных имен существительных, не задана изначально, а является результатом диалектического развития. Устоявшийся образец активно используется в процессе словообразования и обуславливает субстантивный способ представления в языке любого предметного понятия вне зависимости от значения его корневой морфемы (*учитель, косилка, выключатель* и т. д.).

В семантике ядерных существительных категориально-грамматическое (собственно частеречное) и категориально-вещественное значения представлены интегрированно, нерасчлененно, в органическом взаимопроникновении, поэтому их трудно отделить друг от друга и раздельно осмыслить. Категориально-вещественное значение таких существительных воспринимается как их частеречное значение [14], предметность значения любых слов является основанием отнесения их к именам существительным [15].

В связи с развитием и расширением познавательных способностей человека возникает необходимость выражения в языке сложных мыслей посредством полипропозитивных конструкций. Стремление реализовать такие потребности ведет к созданию предложений, в которых актантную функцию выполняют не только предметные, но и признаковые понятия (*Отец болел. То, что отец болел, меня тревожило.*). Под влиянием устоявшейся формы предметных имен существительных, для которых актантная функция типична, признаковое понятие, подвергшееся в актантной функции функциональной субстантивации, субстантивируется и формально: *Отец болел. Болезнь отца меня тревожила.*

Под энергетическим влиянием предметных имен существительных субстантивная форма признаковых существительных наполняется «предметным» содержанием, т. е. начинает осознаваться как выразитель своеобразной, отвлеченной предметности. В результате в семантике признаковых имен возникают два понятийных слоя, между которыми обнаруживаются отношения асимметрии. Первый по-

ятийный слой заключает в себе категориально-вещественное значение признака, второй понятийный слой — категориально-грамматическое значение «существительности» (т. е. грамматической предметности).

Под энергетическим воздействием признаков имен аналогичная перестройка осуществляется и в содержании предметных существительных. Их значение также подвергается расслоению, дифференциации: единое интегрированное значение предметных имен раздваивается на изосемичное вещественное значение объективной предметности и частеречное значение грамматической предметности.

В системе признаков имен существительных также происходят изменения: значение формальной, субстантивной оболочки оказывает энергетическое влияние на вещественное значение, и эти два значения подвергаются интеграции, в результате чего признак начинает осмысливаться, так сказать, «опредмеченно», т. е. как самостоятельная сущность, как субстанция. Признаковое имя существительное приобретает статус самостоятельной семантической единицы и становится фактом словаря. Теперь оно может использоваться в тексте и без поддержки исходного слова (*Приехав домой, я узнал о болезни отца*) и даже без синтаксических актантов (*Болезнь — серьезное испытание для организма*).

Таким образом, и на уровне вторичных существительных происходит своеобразное «слияние» значения и формы при энергетическом влиянии формы. Субстантивная форма начинает восприниматься не только как способ представления в языке предметных понятий, но и как способ представления понятий о любых реалиях, осмысляемых как самостоятельные сущности, а также о любых отвлеченных понятиях.

В результате сложных диалектических (синергетических) процессов в сфере признаков имен устанавливается тройственная симметрия, только более высокой степени абстракции, чем в сфере предметных существительных: «значение «опредмеченного» признака — субстантивная форма — актантная функция». Это позволяет говорить о наличии в языке устоявшегося образца для создания отвлеченных отглагольных и отадъективных имен существительных. Оформившийся образец начинает активно использоваться в процессе словообразования — в результате отглагольные и отадъективные имена существительные воспринимаются нами как слова, изначально содержащие в себе тройственную симметрию.

Имя существительное как часть речи продолжает развиваться и после установления образцов для предметных и признаков имен существительных. Так, в последнее время возникает новый образец

для предметных имен существительных с вторичной, адъективной формой. Это явление интерпретируется как субстантивация. Причину возникновения так называемых субстантивированных прилагательных обычно усматривают в изменении синтаксической функции, что будто бы влечет возникновение предметного значения у прилагательных. Если же рассматривать явление субстантивации с точки зрения становления имени существительного как части речи, то явление субстантивации прилагательных получает иную интерпретацию — как факта использования формы прилагательного для обозначения предметного понятия. Данная трактовка субстантивации полностью соответствует естественному направлению словотворческого процесса: от понятия к форме его представления.

Использование адъективной формы для наименования предметного понятия, которое по своей природе ориентировано на актантное функционирование, влечет возникновение противоречия в триединстве, свойственном предметным существительным. Противоречие, возникшее в триединстве, можно графически представить так: «(предметное значение — актантное функционирование) ↔ адъективная форма», где знак ↔ означает противоречие между блоками триединства. Симметрия восстанавливается в результате того, что адъективная форма под влиянием субстантивных форм перестает изменяться по родам, приобретает самостоятельные категории числа и падежа, т. е. происходит своеобразная субстантивация адъективной формы. Таким образом, в составе триединства, лежащего в основе существительных адъективного типа, возникает тройственная симметрия: «предметное значение — актантная функция — субстантивированная адъективная форма». В настоящее время можно считать, что этот образец находится на завершающем этапе своего становления, поскольку он начинает использоваться в процессе словопроизводства. По данному образцу непосредственно от имен существительных (вне связи с прилагательными) создаются имена существительные адъективного типа (чаще всего со значением помещения): *шашлык* → *шашлычная*, *булка* → *булочная*, *профессор* → *профессорская*, *ординатор* → *ординаторская* и т. д. Названные существительные, образованные по готовой модели и демонстрирующие так называемую ложную субстантивацию [16], пополняют формальный подкласс существительных адъективного типа, который противопоставляется формальному подклассу существительных субстантивного типа.

Итак, если рассматривать современные имена существительные русского языка сквозь призму триединства «значение — форма — функция», то их можно представить как совокупность слов, в основе которых лежит один из трех образцов тройственной симметрии:

«предметное значение — актантная функция — субстантивная форма», «значение «опредмеченного» признака — актантная функция — субстантивная форма», «предметное значение — актантная функция — субстантивированная адъективная форма». Общим свойством существительных, созданных по этим образцам, является актантная функция. По двум другим признакам имена существительные подразделяются на подклассы: по характеру значения — на подклассы с первичным (предметным) и вторичным (признаковым) значениями, по характеру формы — на подклассы первичной (субстантивной) формы и вторичной (субстантивированной адъективной) формы.

Примечания

1. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. М., 1968. Т. 3. С. 5.
2. *Пешковский А. М.* Глагольность как выразительное средство // *Избранные труды.* М., 1959. С. 101.
3. *Виноградов В. В.* Русский язык. М., 1972. С. 338–339.
4. *Герман И. А., Пищальникова В. А.* Введение в лингвосинергетику. Барнаул, 1999.
5. *Герман И. А.* Лингвосинергетика. Барнаул, 2000.
6. *Мышкина И. Л.* Внутренняя жизнь текста: механизмы, формы, характеристики. Пермь, 1998.
7. *Гайсина Р. М.* Межкатегориальный переход понятия и обогащение лексики. Уфа, 1985; *Она же* Диалектика триединства «значение — форма — функция» // *Филол. науки.* М., 1986. № 4.
8. *Лурия А. П.* Язык и сознание. М., 1979. С. 32–35.
9. *Кацнельсон С. Д.* Лингвистическая типология // *Вопр. языкознания.* 1983. № 3.
10. *Спиркин А. Г.* Формирование абстрактного мышления на ранних ступенях развития человека // *Вопр. философии.* 1954. № 5. С. 72
11. *Серебренников Б. А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. М, 1983. С. 231 и сл.
12. *Кубрякова Е. С.* Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 1978. С. 34–37.
13. *Арутюнова И. Д.* Предложение и его смысл. М., 1976.
14. *Овсяннико-Куликовский Д. И.* Синтаксис русского языка. СПб., 1912. С. 36.
15. *Щерба Л. В.* Очередные проблемы языкознания // *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 80.
16. *Лукин М. Ф.* Трансформации частей речи в современном русском языке. Донецк, 1973.

© Н. А. Кузьмина
ОмГУ, г. Омск

Синергетическая парадигма в современной лингвистике

«Исследования в области синергетики... представляют собой одно из самых интригующих и быстроразвивающихся направлений современной постнеклассической науки» [1]. Сегодня почти любая публикация (по крайней мере, в гуманитарной сфере) не-

пременно содержит «магические» слова *синергетика*, *нелинейность*, *самоорганизация*, *хаос*, *фрактал* и т. п., которые становятся своего рода паролем избранного научного сообщества, однако «прямой трансфер» синергетических идей в другие области знания неизбежно приводит к их вульгаризации. Авторы одной из монографий по синергетике сетуют: после того как они услышали, что *Бах офрактализовал свои произведения* или что *синергетику надо внедрять в культуру, а культуру в синергетику*, стало ясно — для синергетики вполне реальна опасность «растворения» и утраты смыслов [2].

Что же такое синергетика: наука, совокупность наук, научное направление, философия / методология науки или нечто совсем другое?

Синергетика позиционирует себя как трансдисциплинарная единая теория самоорганизации и сложности. Герман Хакен, который ввел сам термин, так пояснял свои мотивы: «Я искал такое слово, которое выражало бы совместную деятельность, общую энергию что-то сделать». На вопрос интервьюера о соотношении синергетики с некоторыми другими направлениями в науке, исследующими сложные системы и процессы самоорганизации (теория детерминированного хаоса, исследование фракталов, теория автопоэзиса, теория диссипативных структур, современная теория сложности или так называемая теория самоорганизованной критичности), Хакен заметил: «Когда я предложил слово *синергетика*, я добавил к этому еще следующее пояснение: *учение о взаимодействии*. Тем самым была очерчена общая направленность этого исследовательского движения, которая сохраняет силу и сегодня, а именно: исследование общих закономерностей, которые действуют в системах, состоящих из отдельных частей. ... Я полагаю, что все эти новые результаты подпадают под термин *синергетика*, ибо с самого начала синергетика понималась как некая направленность исследования, а, разумеется, не как конечный объект» [3].

Итак, синергетика — это «исследовательское движение», «направленность исследования» (Хакен), «способ взглянуть на проблему» (Капица, Курдюмов, Малинецкий), «инструмент исследования сложных систем», «новый зонтообразный термин, охватывающий разные подходы к пониманию принципов коэволюции и самоорганизации сложноорганизованных систем самого разного рода», «метод экспериментирования с реальностью» (Аршинов, Князева), наконец, «новое мировидение», «нелинейное мышление» (Князева, Курдюмов).

Именно поэтому нам не кажется корректным появившийся в последнее время термин *лингвосинергетика* [4], равно как невозможно говорить о математической или физической синергетике: все

это — применение синергетики как научной парадигмы и соответствующего языка в физике, математике, лингвистике, социологии, экологии, медицине etc.

Синергетика представляется исследователям гигантской воронкой, вбирающей задачи, методы, идеи многих различных дисциплин, при этом новое трудно отделить от хорошо забытого старого. Можно сказать, что синергетика в ее современном, западном варианте угадала скрытые тенденции развития научного знания, уже созревшие в недрах русской национальной культуры, но еще не вербализованные в виде единой познавательной модели.

Попробуем очертить круг таких синергетических по своей сути идей в классической филологии. Заметим, что в качестве точки отсчета мы выбираем век XIX — век «зрелой» науки, по классификации Т. Куна, хотя вполне можно было бы обратиться, например, к трудам М. В. Ломоносова, ибо «спуск в основания» (Г.-Ф. Гегель) может продолжаться бесконечно. Важно заметить, что как только в филологическое описание вводится параметр времени и речевое произведение начинает изучаться как некий процесс, разворачивающийся по стреле времени во взаимодействии с окружающим миром — средой, так ученый, стремящийся следовать научной истине, делает выводы, которые целиком укладываются в современную синергетическую парадигму.

Это в первую очередь идеи **А. А. Потебни**, касающиеся психологии творчества и восприятия читателем художественного произведения по мере его движения во времени. Именно Потебня высказал мысль, позднее ставшую краеугольным камнем современной герменевтики и психолингвистики: художественное произведение, вышедшее из-под контроля создавшего его автора, начинает самостоятельное бытие, «сущность и сила такого произведения не в том, что разумел под ним автор, а в том, как оно действует на читателя или зрителя, следовательно, в неисчерпаемом возможном его содержании» [5]. Причем содержание, «проецируемое нами», «влагаемое» читателем в произведение искусства, «могло вовсе не входить в расчеты художника» — заслуга творца в «известной гибкости образа, в силе внутренней формы возбуждать самое разнообразное содержание», и именно это обстоятельство объясняет тот факт, почему древнейшие художественные произведения способны продвигаться во времени и сохранять свою художественную ценность: в них происходит «обобщение и углубление идеи, которую можно назвать самостоятельной жизнью произведения» [5]. «Переводя» идеи Потебни на язык синергетики, можно заметить: речь идет о существовании автора и читателя в

открытой нелинейной неравновесной системе (мы называем ее интертекстом), в которой отдельный текст по мере движения во времени обнаруживает эмерджентные качественные изменения в результате взаимодействия с разными познающими субъектами.

В концепции **А. Н. Веселовского** существует явный параллелизм между смысловой структурой художественного текста, механизмами человеческой памяти и культурной традицией. И художественное произведение, и человеческая память, и «память культуры» включают области, освещенные сознанием, актуальные и структурированные, и области, погруженные в темноту бессознательности, существующие, скорее, потенциально или в виде неких формальных элементов (слова, мотивы, поэтические формулы, сюжетные схемы и т. п.). Веселовский пишет о работе фантазии, которая не создает свои образы из ничего, а воспроизводит их из глубины памяти, «памяти о личном прошлом либо об образах, созданных фантазией других поэтов» [6]. По мысли Веселовского, поэтический язык представляет собой своего рода *κοινη*, отличительная черта которого — «это условность, выработавшаяся исторически и бессознательно обаявающая нас к одним и тем же или сходным ассоциациям мыслей и образов» и, соответственно, к повтору известных оборотов — так называемых поэтических формул.

В классическом литературоведении закрепилось представление о А. Н. Веселовском как о создателе теории «доминирующей традиционности», утверждающей преддетерминированность индивидуального творчества, что, на наш взгляд, не вполне соответствует действительности. Во-первых, сам ученый неоднократно подчеркивал, что его выводы сделаны исключительно на почве поэтического языка и приложимы именно к нему, а во-вторых, признание суггестивности поэтических формул доказывает, что речь вовсе не идет о жесткой предопределенности: поэтические формулы, по Веселовскому, — это «нервные узлы», прикосновение к которым «будит в нас ряды определенных образов, в одном более, в другом менее; по мере нашего развития, опыта и способности умножать и сочетать вызванные опытом ассоциации», причем эти ассоциации связаны не только с личностью читателя, но и со временем — особенностями культурной эпохи, новыми знаниями, новыми понятиями [7].

На языке синергетики процессы, описанные Веселовским, — это процессы взаимоперехода между порядком и хаосом: порядок рождается из хаоса, точнее говоря, «он создается локально за счет возникновения неупорядоченности где-то в ином месте» [8]. Теоретические положения Веселовского коррелируют с современными синергетическими представлениями о поле путей развития, ха-

рактарном для определанного класса открытых нелинейных сред, и, следовательно, о том, что синергетика не отменяет понятия детерминированности, а лишь модифицирует его. В этом плане идеи А. Н. Вессловского вполне можно назвать синергетическими.

«Каждая система дана обязательно как эволюция, а с другой стороны, эволюция неизбежно носит системный характер», — эта методологическая установка **Ю. Н. Тынянова** легла в основу эпистемы Нового времени. Эволюционный процесс рассматривается Тыняновым как саморазвертывание некоторой изначальной сущности, заложенной в архетипических формах: каждая эпоха примеряет на себя те литературные одежды, которые соответствуют ее общим духовным интенциям. Вместе с тем основное понятие старой истории литературы — «традиция» — полностью переосмысливается Тыняновым, ибо оно не учитывало функции литературного элемента в составе целого. Определение конструктивного принципа, конструктивной функции элемента по отношению к системе вводит понятие точки отсчета — ключевое в современной теории относительности. Эволюция, по Ю. Н. Тынянову, есть самоорганизация системы: ее трансформация в виде «смещения» как результат противоречия тенденций к автоматизму и дезавтоматизации. При этом неизбежны срывы, «скачки» в развитии. Эти тыняновские положения, в сущности, предвосхищают современные синергетические теории порядка и хаоса. По Тынянову, новый конструктивный принцип вырисовывается на фоне распада центральных, главенствующих в предшествующую эпоху течений и зарождается на основе «случайных» результатов, выпадов из системы, ошибок [9].

Как отмечает современный исследователь, в текстах Ю. Н. Тынянова без труда обнаруживаются прототипы позднейших кибернетических и синергетических идей: генератор случая, случайный поиск, закрепление случайного выбора, ломка парадигм как стохастический процесс, содержащий в себе большие и малые флуктуации; точки бифуркации (непредсказуемость путей развития литературы в определенные исторические периоды); открытость и неравновесность литературных систем (сопряженность литературного ряда с другими рядами, перенады «литература — быт») и многое другое [10].

Мы назвали только три имени и бегло коснулись некоторых теоретических положений трех выдающихся филологов XIX — начала XX в., чтобы доказать свой тезис. Между тем в этом ряду по праву должны быть упомянуты имена М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, П. М. Флоренского, А. Ф. Лосева, Н. А. Рубакина, В. В. Налимова и многих других. Причем судьба самих ученых и отстаиваемых ими научных идей представляется хрестоматийной иллюстрацией ос-

новых положений синергетики. Их идеи, будучи впервые высказаны, воспринимались как «несвоевременные мысли», были подвергнуты жесткой критике и, оказавшись на периферии научного контекста, не создали школы, не нашли широкого отклика. Существует закономерность: знания, не укладывающиеся в рамки господствующей парадигмы, и прежде всего новые идеи и подходы, отвергаются научным сообществом как неспроверенное и недоказанное. «Всякое новое начинается как ссора и кончается как ортодоксия» — так нобелевский лауреат Конрад Лоренц характеризует путь революционных научных идей [11]. Действительно, сегодня многие из процитированных положений воспринимаются совершенно иначе и в полной мере отвечают духу эпистемы нашего времени, которую называют по-разному — антропоцентрической, культурологической или интегративной.

Две центральные научные парадигмы конца XX — начала XXI вв. — **синергетическая** и **когнитивная**. Что их объединяет и что отличает? Показательно, что в отношении когнитивистики, равно как и синергетики, высказываются опасения в том, что она превращается в «нескую устоявшуюся конъюнктурную парадигму» и скорее нуждается в критике, чем в вербовке новых сторонников [12].

Прежде всего, и та и другая представляют собой междисциплинарные направления, «зонтообразные» науки (см. известные схемы Е. С. Кубряковой, Ф. Варелы, Э. Томпсона и Э. Рош — для когнитивной науки и работы Е. Н. Князевой и С. П. Курдюмова, Г. Хакена, И. Пригожина по синергетике). И та и другая используют идеи и понятия естественных наук: математики, информатики, кибернетики, физики, биологии. И та и другая осознаются как особый подход, новое мировидение, познавательная модель, а не как собственно теория. Обе они изучают *процессы и механизмы* обработки информации. В центре и той и другой находится человек — субъект познания. Именно человек в двух его ипостасях — как наблюдатель и как наблюдаемое явление — оказывается фокусом сопряжения когнитивных и синергетических исследований.

Вместе с тем классическая (традиционная) **когнитивистика** рассматривает квазилокальные системы, которые не соприкасаются или детерминированно соприкасаются с окружающей средой, онтологической базой когнитивизма является допущение о том, что все свойства внешнего мира могут быть установлены и заданы в качестве предусловий когнитивной деятельности. Такие системы имеют собственный вектор времени, соизмеримый с вектором времени наблюдателя, наблюдатель может анализировать момент зарождения процесса, динамику его развития, результат. Недаром когнитивистика использует компьютерную метафору: мозг

как некий механизм «внутренней переработки» информации. При этом утверждается, что при изучении когнитивных структур и процессов можно сознательно отвлечься от внешней среды — «воздействующих на них эмоциональных, культурологических и исторических факторов» [13], хотя и признается, что такая процедура носит методологически временный характер. Когнитивный структурализм постулирует закрытость нервной системы индивида, которая не имеет дела с репрезентациями внешней среды — ее операции обусловлены только внутренней динамикой, необходимостью структурных изменений, направленных на собственное сохранение. Направление взгляда «когнитивного наблюдателя» интровертивно: человек изучается как система переработки информации, а его поведение описывается в терминах внутренних состояний организма.

Модульный подход в лингвистике связан с традициями генеративной грамматики Хомского и предполагает, что язык обособляется от остальных систем познания в когнитивной сфере и рассматривается как самостоятельный модуль (автономная подсистема). Когнитивный метод в лингвистике в его наиболее раннем варианте описывает языковые системы с помощью линейных уравнений с пошаговым решением по определенному алгоритму (ср. понятие *программы, подпрограммы, процедур* в процедурной семантике Т. Винограда).

Синергетика изучает процессы, протекающие в открытых нелинейных неравновесных системах, а раз так, то стрела времени необходимо включается в синергетическое описание. В синергетике нет понятия абсолютного начала и конца, все зависит от точки отсчета, соотношенной с позицией наблюдателя во времени: то, что было концом некоторого этапа, осознается как момент бифуркации, предопределяющий начало следующего процесса. Синергетика рассматривает эволюцию когнитивных систем в «большом времени». Когнитивистика изучает реальный ход реальных процессов, траектория развития события в когнитивистике детерминирована начальными условиями. В синергетике исследуются спектр возможных путей, различные сценарии развития события в зависимости от разного типа аттракторов, определяющих в самом общем виде направление эволюции. «В этой эволюционной игре ничто не предопределено, кроме самых общих правил игры» [14].

Если обратиться к процессам, происходящим в языке, то можно заметить следующее. Когда мы изучаем язык как модуль в ряду других когнитивных модулей или отдельные языковые подсистемы как модули, мы можем воспользоваться когнитивными методами — если мы стремимся проследить варианты поведения данного модуля в зависимости от различных начальных условий,

складывающихся в языке как открытой среде, мы вступаем в область синергетических закономерностей: «В процесс наблюдения вовлекается синергетический наблюдатель, обладающий, помимо прочего, особой исторической оптикой, позволяющей включить в рассмотрение культурно-историческое измерение события — акта наблюдения, располагая событие как длящийся нелокальный процесс уже не в физическом, но историческом, или мыслимом виртуальном временном многообразии» [15].

Весьма симптоматично, что новый, динамический подход в когнитивной науке, связываемый с именами Ф. Варелы, Э. Томпсона, Э. Рош, защищает положение о том, что мозг не сводим ни к какому компьютеру и что в ходе процессов познания продуцируются непредсказуемые, эмерджентные качества систем. Познавательный акт расширяется в некоторую ситуацию, для представителей коннекционизма — современного варианта когнитивизма — когнитивна любая интеракция организма со средой. При таком подходе квазилокальная когнитивная система размыкается и становится принципиально нелинейной, нестабильной. Вступают в силу законы синергетики: в описание вводятся понятия вероятности, случайности, «памяти о прошлом» и «памяти о будущем». Память не рассматривается больше как нечто, преимущественно хранимое в символической форме в голове, — она «разлита» в окружении (ср. идеи гештальтпсихологии Курта Левина). Но ведь именно современная синергетика провозгласила так называемые немарковские процессы, или процессы с памятью, в качестве новой парадигмы: память о прошлом представляет собой информацию, записанную в определенных структурах. «Возникает фактор воздействия, обусловленный прошлым. Он меняет взаимодействия в системе и в принципе может доминировать над диссипацией структур. Другими словами, процессами развития управляет не только внешнее воздействие, но и память» [16]. Наконец, современная когнитивистика говорит об инактивированном познании: по мнению Ф. Варелы, мир может быть охарактеризован не посредством атрибутов, но лишь посредством вероятностей, потенциалов, которые инактивируются в когнитивной деятельности индивида. А признание активности субъекта всегда было краснотелом положением синергетики: «Не только познающий познает мир, но и процесс познания формирует познающего, придаст конфигурации его когнитивной активности» [17]. Так современная когнитивная парадигма смыкается с синергетическим мировидением, формируя эпистему XXI в.

Вернемся к началу нашего доклада. Если сегодня каждое серьезное лингвистическое (или даже филологическое) исследование начинается с самоидентификации по отношению к изложенным подходам (будь то

работы Д. С. Лихачева, Ю. Н. Караулова, В. Н. Телия, Н. Д. Арутюновой, Р. М. Фрумкиной, Н. Е. Сулименко, В. А. Пищальниковой, Г. Г. Москальчук, К. Э. Штайн, И. В. Арнольд и т. д.), то далее неизменно следует экскурс в классическую лингвистику. И. А. Бодуэн де Куртене, В. Гумбольдт, Э. Бенвенист, Э. Сепир, А. А. Потебня, Ю. Н. Тынянов, Е. Д. Поливанов, Л. В. Щерба, А. Ф. Лосев — у всех можно найти вполне современные когнитивные/синергетические идеи.

Здесь проявляется один из синергетических законов: новое знание вырастает на почве предыдущих исторических стилей научного мышления и, будучи соотносено с наукой как информационной средой, резонансно высвечивает некоторые неясные связи и положения, способствуя более глубокому и подчас неожиданному пониманию старых областей знания.

Когнитивистика, обращенная вглубь и исследующая процессы обработки знания, синергетика, анализирующая взаимодействие системы и среды и эволюцию открытых нелинейных систем, и классическая филология — вот те три основания, на которых, на наш взгляд, покоится современная лингвистическая наука.

Примечания

1. Синергетическая парадигма: Многообразие поисков и подходов. М., 2000. С. 6.
2. Катица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. М., 2001. С. 13.
3. Синергетике 30 лет: Интервью с профессором Г. Хакеном // Вопр. философии. 2000. № 3.
4. См., напр.: Герман И. А., Пищальникова В. А. Введение в лингвосинергетику. Барнаул, 1999; Лингвосинергетика: проблемы и перспективы. Барнаул, 2000.
5. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 181, 182.
6. Веселовский А. П. Историческая поэтика. М., 1959. С. 102.
7. Веселовский А. П. Историческая поэтика. М., 1989. С. 295.
8. Эткинс П. Порядок и беспорядок в природе. М., 1987. С. 126.
9. Тынянов Ю. П. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
10. Марков В. А. Моделирование литературной эволюции в свете идей Тынянова // Тыняновский сб.: Третьи Тыняновские чтения. Рига, 1988.
11. Князева Е. П., Курдюмов С. П. Основания синергетики. СПб., 2002. С. 267.
12. Соппи А. Г. Когнитивная лингвистика: становление парадигмы. Барнаул, 2002. С. 26.
13. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С. 60.
14. Князева Е. П., Курдюмов С. П. Основания синергетики. СПб., 2002. С. 66.
15. Аршинов В. И., Будапов В. Г. Когнитивные основания синергетики // Синергетическая парадигма: Нелинейное мышление в науке и искусстве. М., 2002. С. 69.
16. Азроянц Э. А., Харитонов А. С., Шелепин Л. А. Немарковские процессы как новая парадигма // Вопр. философии. 1999. № 7. С. 98.
17. Князева Е. П., Курдюмов С. П. Основания синергетики. СПб., 2002. С. 90.

Специфика контрадиктно-синергетической парадигмы текста

Для современного периода развития научной и культурной мысли характерно стремление к построению новых теоретических моделей, знаменующих «интенции, т. е. скрытые потенциальные тенденции, к становлению Неклассических науки и культуры, общей системы Тотальной Неклассичности будущего бытия человечества» [1]. Не осталось в стороне от этих тенденций и языкознание. В 80-х гг. XX в. появляются теоретические построения, направленные на осмысление тех новых результатов в исследовании естественного языка, которые не поддаются полному объяснению в рамках старых теорий, что ведет к смене главных проблем и поиску их решений. При этом, несмотря на множественность путей развития в лингвистике, просматриваются определенные магистральные направления. Во-первых, идут интенсивные исследования суггестивных свойств языка, разрабатываются технологии воздействия на массовое сознание (прежде всего, с помощью электронных СМИ), что приводит к формированию суггестивной лингвистики [2], к постановке проблемы защиты сознания от непроизвольного воздействия [3] и исследования фатического аспекта языка [4]. Во-вторых, выдвигаются задачи изучения связи языка с Универсумом смыслов [5] и человека с информационно-смысловым Универсумом [6]. В-третьих, усиливается интерес к междисциплинарным исследованиям, ведется интенсивная разработка интерпретационных методов, направленных на изучение смысла текста, что приводит, в частности, к постановке проблемы энергетической природы процессов смыслообразования в текстовом пространстве [7] и к разработке синергетических концепций языка [8]. Развитие этих направлений, берущее начало в XX в., продолжается и в XXI в. [9].

Целенаправленная разработка синергетических концепций (см., например: И. А. Герман, Н. А. Кузьмина, Г. Г. Москальчук, Н. Л. Мышкина, В. А. Пищальникова и др.) привела к возникновению синергетической лингвистики (синерголингвистики). Объединяющей чертой синергетических концепций выступает их направленность на изучение и моделирование влияния спонтанных процессов на функционирование моделируемых систем, но при этом наблюдаются существенные различия в позициях исследователей. Отсутствие единства в разработке синергетических проблем языка обусловлено целым рядом факторов. Важнейшие из них следующие:

1. Методологическая основа любой концепции в ее существенных чертах определяется: а) целью, которую ставит перед собой исследователь; б) объектом и предметом исследования; в) методом исследования.

2. В современных синергетических исследованиях применяется обычно комплексный подход, однако перечень и иерархия принципов, на основе которых исследователь разрабатывает оптимально соответствующий целям исследования концептуальный аппарат, различны.

3. Заимствование тех или иных терминов из других наук (в том числе и из синергетики как общенаучной дисциплины) осуществляется на основе принципов комплексного подхода, но источники заимствований и само количество заимствованных терминов совпадают лишь частично.

4. Как в любом новом направлении, в синерголингвистике используются новые термины, однако разработка синергетических концепций ведется с разными целями и на разных теоретических и методологических основаниях, вследствие этого исследования существенно различаются по своей терминологии.

Из сказанного вытекает, что синерголингвистика изначально неоднородна, каждая из концепций базируется на тех или иных характеристных именно для этой концепции методологических и теоретических принципах, и их прояснение будет способствовать взаимопониманию представителей различных лингвистических направлений.

В рамках контрадиктно-синергетического подхода текст трактуется как одна из форм существования языка. Текст определяется (как, собственно говоря, и любая другая форма существования языка, будь то язык сознания или Универсум смысла) как сложная — самовозникающая и саморазвивающаяся — система, в развитии которой значительную роль играют спонтанные процессы.

Именно учет нелинейных спонтанных процессов есть то основание, которое позволяет нам отнести контрадиктно-синергетическую концепцию языка, разрабатываемую на основе принципов контрадиктно-синергетического подхода, к синерголингвистике, но при этом следует оговорить, что термины самой синергетики в данной концепции не используются. В основе ее названия лежат термины *контрадикция* (трактуются предельно широко как логически противоречивые высказывания, противоположности и любые другие случаи асимметрии, а сами явления асимметрии интерпретируются как источники спонтанного движения текстовой системы) и *синергия* (под этим термином понимается слияние энергий текстовых единиц в текстовом пространстве). Изучение всех этих явлений

служит раскрытию законов внутренней жизни (энергожизни) текстовой системы. Важнейшее концептуальное понятие в рамках данной теории — интегрально-общее понятие «энергия», поскольку доказывается энергетическая природа смысла и процессы смыслообразования исследуются как энергопотоки смысла в текстовом пространстве. Специфика контрадиктно-синергетического подхода определяется, кроме того, объемом, номенклатурой и иерархией задач. Считаем необходимым также упомянуть, что контрадиктно-синергетический подход — это лишь один из возможных подходов к языку, при выборе иного подхода задачи будут другими.

Во-первых, определяется иерархия принципов методологической основы исследования. Базовыми являются принципы комплексного подхода, которые задают рамочные условия для построения интегральной модели энергожизни текста. Из них доминантны принцип центрированности описания и принцип концептуальной сообразности заимствований из других наук и подходов. Методологически важно положение общей теории систем, утверждающее, что элементами системы являются любые ее стороны, в том числе этапы развития системы, при этом элемент может быть весьма сложен, но описывается он с точки зрения его функций в системе. Данное положение лежит в основе интегральной модели энергожизни текста: частные модели аспектов внутренней жизни системы выступают в интегральной модели как ее элементы, а характеризуются они по функции в динамике энергожизни текста.

Во-вторых, ставятся задачи раскрытия энергожизни текста. Доказывается, что текстовое пространство движется и развивается своей собственной энергией, но в то же время оно способно самопроизвольно «подпитываться» энергией среды (т. е. имеет место синергия — слияние энергий, включение их в собственную энергожизнь) и воздействовать на среду.

В-третьих, утверждаются задачи разработки контрадиктно-синергетического подхода, применения динамико-системного метода в рамках данного подхода, выделения единиц анализа и интерпретации энергожизни текста. Применение метода направлено на моделирование процессов интеграции/десинтеграции (планетаризации текстового пространства благодаря формированию миров текстовых субъектов), симметризации-асимметризации и функторизации (способности текста и его единиц иррадиировать в пространство множество смыслообразов и проецировать одно множество элементов на другие множества элементов). Интерпретация «пустот безмолвия» как точек неоднозначностей, ведущих к спонтанному смысловдвижению, вскрывает их роль в сверхслабом резонансном

взаимодействии смыслообразов, способном вызвать воронкообразное стяжение смыслов, привести к креации гиперсмысла.

С позиций контрадиктно-синергетического подхода гиперсмысл есть эзотеричная сущность текста, или, иными словами, синкретичный смыслообраз, возникающий вследствие синергии сущностной идеи (она скрыто реализуется во взаимодействии стержневых идей) с энтелехисой (скрыто реализованные целсвые устремления к экзистенциальным смыслам из разряда «вечных» типа *жизнь, смерть, любовь и др.*) и архетипической формулой бытия. Отметим, что любая единица языка способна нести в себе гиперсмысл. Его понимание предполагает «узрение» энтелехии слова, его этического и эстетического концептуального смысла на основе данных о связях языка, этноса, культуры.

Интерпретация текста направлена не только на гиперсмысл. Необходимо эксплицировать *«приращения смысла»* и неявные смыслы лексических единиц и языковых структур, способные «затемнить» гиперсмысл. Важно отслеживать сверхслабые резонансные взаимодействия смыслообразов, устанавливать точки разрыва смысла, чтобы выявить креируемые смыслы. Обратимся к результатам интерпретации фрагмента выступления В. М. Гаевского «Сергей Дягилев: черты личности», чтобы проиллюстрировать сказанное.

В данном фрагменте процессы интеграции-дизинтеграции смыслообразов ведут к планетаризации пространства: возникает несколько смысловых сфер-миров, центрами притяжения выступают: маски автора — ментсавтор иронично-саркастичный и ментеавтор серьезно-уважительный; индукторы — С. Дягилев, Вагнер и другие текстовые субъекты, которых нельзя интерпретировать как маски автора, а также мир общественного мнения. В их столкновениях возникает мир В. М. Гаевского; он интерпретируется как мир артеавтора. Из-за скрытости эманативных смыслов предлагаемая интерпретация авторского мира гипотетична.

В заголовке сталкиваются два глубинных смыслообраза: «Черты Сергея Дягилева» — «Черты личности», скрыто реализуется проблемный смыслообраз *Почему Сергей Дягилев — личность?* и пресуппонируется смыслообраз наблюдателя, оценивающего С. Дягилева. Эксплицируем проекции-излучения текстовых единиц «Сергей Дягилев» и «Личность», так как иррадиируемые ими смыслообразы задают линии развития текста, часть из них реализуется скрыто:

Сергей Дягилев. Имя мецената Сергея Дягилева вошло в историю мировой культуры как человека, который познакомил в начале XX в. европейцев с русским искусством того времени, предпринял попытку создать театр балета, который соответствовал бы его пред-

ставлениям о художественных ценностях, и, говоря современным языком, осуществил уникальный проект презентации русского искусства в Европе, отобрав лучшее из современного ему искусства. О совершенном исполнении проекта недвусмысленно говорят свидетельства того потрясения, которое пережили европейцы от встречи с русским искусством.

Личность — выдающийся человек, осознавший раньше и яснее других требования прогресса и способный играть ведущую роль в общественной жизни. Человек, признаваемый личностью, считается достойным подражания. У окружающих он вызывает противоречивые чувства: у одних — чувство восхищения, у других — зависть, у третьих — ненависть, у четвертых — уважение. Поэтому положительная оценка человека может войти в противоречие с негативными переживаниями «наблюдателей» его жизни, из-за чего в текстовое пространство проецируются противоречивые фоновые гедонико-оценочные смыслообразы.

Во втором смысловом блоке приводится в виде цитаты метавысказывание С. Дягилева, который определяет балет как «совершеннейший синтез всех существующих искусств». Оно вводится ментсавтором (а через него артсавтором) лексической единицей «признавать», которой имплицитно выражается ироничное отношение ментсавтора к Дягилеву; в мир артсавтора проецируется имплицитный смыслообраз *«сомнение в том, что оценка балета — это компетенция Дягилева»* и *«сомнение в соответствии высказывания действительности»*. Эти смыслообразы симметризируются с имплицитным смыслообразом *«балет не является синтезом всех существующих искусств»*, который возникает вследствие столкновения смыслообраза *«любовь Дягилева к превосходным степеням (т. е. к преувеличениям)»* и смыслообраза *«синтез восходит к Вагнеру, а не к Дягилеву»* на фоне пресуппозиции *«высказывания людей, склонных к преувеличениям, не соответствуют действительности»*. Благодаря этим процессам фигура Дягилева оказывается соотносительной с фигурой Вагнера: они асимметризируются ментсавтором по отношению к синтетическому театру как *«вымысел»* и *«реальность»*.

В третьем смысловом блоке наиболее важен имплицитный смыслообраз *«развенчивания»*: ментсавтор развенчивает миф о Дягилеве как о личности, создавшей балет. Наблюдается *скрытая карнавализация* текста. Эксплицитно вводится аргумент: «театр Дягилева нельзя называть синтетическим, поскольку отсутствует один ведущий компонент, носитель духовной энергии — слово». Скрытый карнавальный смех замаскирован серьезной формой обоснования. Вследствие этого происходит смена ролей ментсавтора: вместо «иронично-саркастичного

ментсавтора» появляется «серьезно-уважительный ментсавтор».

Но смыслообраз «развенчивания» не стирается, он пресуппозитивно просцируется во все текстовое пространство. Одновременно происходит симметризация смыслообразов Дягилева и ментсавтора: оба используют прием абстрагирования. Дягилев абстрагируется от драмы как от искусства, изжившего себя, а ментсавтор абстрагируется от музыки, чтобы определить балет Дягилева не как синтетический театр, а как *визуальный*.

Ментсавтор серьезно-уважительный готов пойти на уступку общепринятому мнению; такой уступкой выглядит признание существования дягилевского театра и признание его необычности. Но, по его мнению, эта необычность не в синтезе всех искусств, а в сверхвизуальности, в магическом использовании культуры жеста и красочного пятна. И происходит приращение смысла в оценочно-гедонистический план адресата: имплицитируются вопросы о причинах, которые вынуждают артсавтора абстрагироваться от музыкального компонента в балете, и о причинах скрытого *«неудовольствия артеавтора»*. В мирах ментсавтора выстраиваются две тематические цепочки. Первая связана с лексической единицей «слово»: *слово — носитель духовной энергии; культура слова, одухотворившая европейский театр*. Вторая — с культурой зрелищ: *культура жеста и красочного пятна; театр Дягилева; магия азиатских и восточных зрелищ; выразительность живописи и выразительность жеста*. Театр Дягилева объявляется сверхвизуальным, эксвизуальным. Возникает имплицитный смыслообраз: *театр Дягилева — магический театр*.

Ментсавтор признает Дягилева прародителем, *предвозвестником* современных «паблик рилейшнз». Этот смыслообраз возникает в столкновении а) смыслообраза *Дягилева-мага*, который пресуппонируется предложением-высказыванием о его знании, как создавать массовый экстаз, как повелевать толпой, как превращать в толпу цивилизованных европейцев; б) смыслообраза массовых коммуникаций; в) смыслообраза знаковых систем публичного общения; г) смыслообраза массовой культуры. Вновь надевается маска серьезного ментсавтора, отдающего дань уважения личности Дягилева: Дягилев не признавал стереотипов, серийности, его жизнь — почти донкихотский, хотя и предвосхищенный вызов массовой культуре XX в. Примечательно это словечко «почти»; оно сигнализирует какое-то внутреннее неудовольствие артеавтора той уступкой общественному мнению, которую он вынужден сделать.

Затем вновь происходит смена маски: вместо серьезно-уважительного ментсавтора появляется иронично-саркастичный ментсавтор. Осмеянию подвергаются требования С. Дягилева к балетмейстерам и

танцовщикам, ставится под сомнение его художественный идеал, которому он следовал, увольняя их: *искусство должно быть уникальным и неповторимым*. Ментсавтор оценивает эти требования как малоосуществимые, ибо для их реализации нужны новые зрители, а не только новые мастера. Имплицитно реализуется смыслообраз *«требования руководителя должны быть соразмерны способностям подчиненных и возможностям адресата»*. Для актуализации этого нового смыслообраза используются вспомогательные смыслообразы *«разочарование С. Дягилева в балете»* и *«возвращение Сергея Дягилева к культуре слова»*. И вновь актуализируется смыслообраз слова как носителя духовной культуры, а также имплицитруется смыслообраз, связанный с определением истинного места С. Дягилева в развитии искусства: *его роль созвучна роли средневековых вельмож и меценатов высокого Ренессанса*. Ментсавтор не проходит мимо того факта, что по своей значимости в истории искусства С. Дягилев сопоставим с вельможами и меценатами высокого Ренессанса, ибо его похоронили без шума, но с теми же почестями. Однако способ представления этого факта ведет к смысловому сдвигу: имплицитно возникает смыслообраз: *эта оценка есть выражение склонности города к театральным эффектам, поэтому она едва ли соответствует реальности*.

По-видимому, Дягилев для артеавтора — источник раздражения, ибо общепринятую высокую оценку дягилевского театра и самого С. Дягилева Гаевский не принимает. Этот смыслообраз просвечивает сквозь серьезно-уважительную и иронично-саркастическую маски ментсавторов. По всей видимости, В. М. Гаевский не принимает систему ценностей С. Дягилева, который стремился к уникальности, так как для В. М. Гаевского мерилom ценности театрального деятеля выступает наличие собственной системы, которой Дягилев, по В. М. Гаевскому, не создал, ибо постоянное стремление к уникальному систему разрушает. В столкновении смыслообразов «новое в искусстве» и «собственная система в искусстве» на макроуровне возникает эманативно-мерцающий смыслообраз *«Гаевский в своих взглядах довольно консервативен и трудно воспринимает новое»*. Его импликация происходит благодаря взаимодействию эксплицитных и имплицитных смыслообразов, раскрывающих, на наш взгляд, суть мировоззренческой позиции артеавтора: *Именно система — залог устойчивости. Новое может быть принято лишь в рамках единой системы. Создание новой театральной системы невозможно не только тогда, когда отсутствуют новые мастера, но и тогда, когда нет новых зрителей*. В результате в пространстве артеавтора возникает, на наш взгляд, смыслообраз гедонистического плана «переживание защиты». В прин-

цине допустимы по меньшей мере две причины переживания: первая — убеждение В. М. Гасевского, что истинными творцами искусства следует считать тех, кто его создаст; вторая — неудовольствие от того, что надо найти аргументы, подтверждающие бесперспективность поиска уникального пути в искусстве. Недовольствие «снимается» указанием «виновных» — до понимания уникальных систем не доросли ни зрители, ни исполнители.

На основании данного анализа можно определить гиперсмысл текста следующим образом: вследствие взаимодействия смыслообразов скрыто актуализируется родовой экзистенциальный смысл «справедливость», возникающий на основе архетипической формулы бытия «поиск виновных», а взаимодействие стержневых идей ведет к эзотерической реализации главной — сущностной — идеи: в иерархии эстетических ценностей наибольшей ценностью обладает европейский театр, сохраняющий культуру слова.

Итак, гиперсмысл обнаруживается в результате анализа и интерпретации мерцательной игры смыслов и их взаимодействий в процессе внутренней жизни текстового пространства.

Примечания

1. *Субетто А. И.* Послесловие. Спирально-рефлексивная гармония мира // Дзясин Г. Г. Азбука Гермеса Трисмегиста, или Молекулярная тайнопись мышления. М., 1998. С. 127.
2. *Черепанова И. Ю.* Дом колдуньи: Суггестивная лингвистика. СПб., 1996.
3. *Мышкина И. Л. и др.* Защита в условиях рыночной экономики от воздействия средств массовой коммуникации на подсознание // Навчання діловій англійській та німецькій мовам в процесі підготовки фахівців для ринкової економіки: Тез. міжнар. наук. конф. Дніпропетровськ, 1995. С. 51.
4. *Мурзин Л. И.* Полсвая структура языка: Фатическое поле (текст лекции) // Фатическое поле языка (памяти профессора Л. И. Мурзина): Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1998. С. 5–14.
5. *Дзясин Г. Г.* Азбука Гермеса Трисмегиста, или Молекулярная тайнопись мышления. М., 1998; *Налимов В. В.* Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М., 1989.
6. *Мамардашвили М. К.* Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М., 1995; *Мышкина И. Л. и др.* Гибкое скорочтение — ваш ШАНС: Путь к творчеству и профессионализму в чтении. Пермь, 1994. Ч. 1; *Радьяр Д.* Планетаризация сознания: От индивидуального к целому. Киев, 1995.
7. *Мышкина И. Л.* К характеристике движения текстовой системы // Статус стилистики в современном языкознании: Тез. докл. Пермь, 1990. С. 116–118.
8. *Кузьмина И. А.* Когнитивные механизмы цитации // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1999. С. 217–235; *Она же.* Энергия интертекста // Русский язык в контексте современной культуры. Екатеринбург, 1999; *Ирина В. Р., Новиков А. А.* В мире научной интуиции. Интуиция и разум. М., 1978; *Москальчук Г. Г.* Структурная организация и самоорганизация текста. Барнаул, 1998; *Мышкина И. Л.* Внутренняя жизнь текста: механизмы, формы, характеристики. Пермь, 1998; *Она же.* Лингводинамика текста: Контрадиктосинергетический подход: Дис. ... д-ра филол. наук / Перм. гос. техн. ун-т. Пермь, 1999.

9. Кушина Л. В. Взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве: генитальт-синергетический подход: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2001; Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс. М., 2003; Мышкина И. Л. Проблемы исследования языкового существования // Учен. зап. гуманитар. ф-та. Пермь, 2002. Вып. 5. С. 29–37; Она же. Динамико-системное исследование смысла текста. Красноярск, 1991.

© В. Ф. Новодранова
г. Москва

Новые подходы к определению основных понятий терминоведения

На современном этапе развития науки возрастает роль языков для специальных целей (Languages for special purposes или LSP), служащих для коммуникации в специальных областях знания, для умножения, развития знания и передачи его от одного поколения к другому.

Несмотря на существование значительной литературы, касающейся вопросов LSP, адекватного определения языка для специальных целей, отражающего его сущностные характеристики, не существовало. Лишь в 80-е гг. XX в. стали появляться определения LSP.

Один из наиболее известных исследователей языков для специальных целей Л. Хоффманн дефинирует LSP как совокупность всех языковых средств, используемых в профессионально ограниченной коммуникативной сфере для достижения взаимопонимания между людьми, занимающимися соответствующей профессиональной деятельностью. Российский ученый Р. Г. Котов пишет, что языки науки и техники создаются и функционируют в пределах иногда даже небольших коллективов и групп, обеспечивая в них фиксацию, хранение, передачу и обработку нового знания или необходимой специальной информации. В документах Международной организации по стандартизации язык для специальных целей определяется как языковая система, предназначенная для однозначно интерпретируемой коммуникации в конкретной области знания с использованием терминологии и других лингвистических средств. Суммируя эти дефиниции, можно выделить следующие признаки специальных языков:

- 1) соотнесенность с определенной предметной областью;
- 2) специфический круг пользователей;
- 3) ограниченное по сравнению с общим языком число функций;
- 4) 4) базирование на системе общенационального языка.

А. В. Суперанская с соавторами указывают, что почти все профессиональные подсистемы, базируясь на грамматической системе общенационального языка, имеют большие или меньшие отличия от нее в

области словообразования и словоизменения и значительные отличия в области лексики: в их состав входит много слов, неизвестных литературному языку, а ряд слов, внешне напоминающих слова последнего, употребляется в них в совершенно ином значении.

Специфичность лексического состава специальных языков также не следует преувеличивать. Поскольку языки для специальных целей находятся в постоянном взаимодействии с общеупотребительным языком, граница между специальной и неспециальной лексикой оказывается весьма подвижной. С одной стороны, специальные слова могут переходить в общеупотребительный язык, теряя при этом некоторые из своих свойств, с другой стороны, общеупотребительные лексические единицы могут терминологизироваться.

Обозначение «языки для специальных целей» покрывает весьма широкий круг достаточно разнообразных объектов. Естественно, что предпринимались многочисленные попытки их классификации. Классификация велась в двух направлениях: горизонтальном и вертикальном. Так, Э. Вюстер предложил подразделять языки для специальных целей прежде всего в соответствии с предметом и областью знания, которую они описывают. Таким образом, выделяются язык физики, язык педагогики, язык медицины и т. п. Это — горизонтальная классификация.

Любой из этих языков состоит из ряда сопряженных областей. Так, например, в медицине объединяются и одновременно различаются по разным параметрам терапия, хирургия, педиатрия, психиатрия, ортопедия, отоларингология, офтальмология, травматология, кардиология, гинекология, неврология, пульмонология, иммунология и многие другие.

Значительно сложнее обстоит дело с вертикальным членением языков для специальных целей, точнее, каждого конкретного языка. Например, в языке медицины, выделяют: 1) научный теоретический язык; 2) язык практики, или язык клиник; 3) язык учебников; 4) профессиональный разговорный язык; 5) язык научно-популярной литературы.

С учетом вышесказанного приведенные дефиниции языков для специальных целей были дополнены указанием на характер коммуникативной ситуации, в которой они используются. Язык для специальных целей в докогнитивный период определялся, как система языковых средств, описывающих какую-либо область знания или деятельности и используемых специалистами данной области для однозначно интерпретируемой коммуникации, связанной с профессиональной деятельностью. Несмотря на то, что конституирующие черты этого понятия были действительно сформулированы, адекватного определения LSP все же, на наш взгляд, не было дано. Возмож-

ность такого определения появилась только с возникновением когнитивной науки и со становлением в лингвистике такой парадигмы знания, как когнитивно-дискурсивная, поскольку только в рамках этой парадигмы можно выделить основополагающие характеристики LSP, позволяющие показать его своеобразие, как с когнитивной, так и с чисто коммуникативной точки зрения, а также определить место отдельных LSP в общенациональной системе того или другого конкретного языка. Мы согласны с Е. С. Кубряковой, что LSP — это такая система лингвистических средств общенационального языка, которая репрезентирует структуры знания, сложившиеся в определенный период развития науки и демонстрирующие достигнутый в этот период уровень развития в конкретной предметной области знания, важный для социума и обеспечивающий его собственное развитие и прогресс. По таким своим лингвистическим характеристикам, как грамматика, морфология и синтаксис, эта система повторяет в значительной степени признаки системы общенационального языка, отличаясь от нее кардинально по своей лексической терминологической составляющей и, прежде всего, по своим функциям. Являясь частью системы общенационального языка, исключительно в сфере грамматики, она никак не может рассматриваться как часть ее лексической системы, ибо как раз в этой сфере проявляются ее своеобразие и отличительные свойства: она репрезентирует особые структуры знания, служит их объективации и тем самым обеспечивает общение специалистов в определенной предметной области знания. Релевантность отдельно взятого языка (LSP) обуславливается релевантностью соответствующей предметной области знания и специфика его связана именно с уровнем развития этого знания для соответствующего социума.

Все исследователи языков для специальных целей единодушны в том, что главную роль в них играют термины. Но при этом следует отметить, что общепринятого определения самого понятия «термин» до сих пор не существует. Так, Б. Н. Головин приводит семь определений этого понятия. В. П. Даниленко — 18, причем автор подчеркивает, что этот перечень может быть продолжен. З. И. Комарова предлагает классификацию подходов к определению термина, считая, что их по меньшей мере пять. В. М. Лейчик полагает, что создать общепринятое определение термина вообще невозможно, поскольку термин — это принадлежность и объект целого ряда наук, и каждая наука стремится выделить в термине признаки, характерные для данной науки.

В самом общем виде термин в докогнитивный период развития терминоведения понимался как слово или словосочетание профессиональной сферы употребления, являющееся наименованием специ-

ального понятия и требующее дефиниции. В этом определении фиксировались три признака: 1) соотносённость с определенной сферой употребления; 2) соотносённость со специальным понятием; 3) необходимость дефиниции.

Современные исследования в области терминологической лексики с применением принципов автоматизации и инженерно-лингвистического моделирования в ее описании (Пиотровский, Герд, Караулов и др.) базируются на фундаменте, заложенном классиками русской лингвистики и терминоведения (Реформатский, Винокур, Лотте и др.). Сегодня неоспоримым является тот факт, что формирование понятий, закрепленных в термине, происходит в процессе становления и развития специальных знаний в конкретных научных областях. Хотя в последние годы появились монографические работы С. В. Гринева, В. М. Лейчика, В. А. Татарина, С. Д. Шелова и др., в них не ставился вопрос о когнитивной сущности термина. Ближе всего к определению термина с точки зрения когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания подошли в своих работах Л. М. Алексеева, Т. В. Дроздова, Л. А. Манерко, С. Л. Мишланова и др. В установки когнитивной лингвистики, по словам Е. С. Кубряковой, входят принципы обязательного рассмотрения каждого языкового явления, каждой языковой формы, по ее участию в выполнении языком двух его важнейших функций — когнитивной и коммуникативной.

Так как в когнитивной лингвистике за каждым словом стоит определенная структура знания, разгадку когнитивной сути термина нужно искать в особенностях структуры представляемого им знания. Конкретно такая структура знания характеризуется тем, что отражает собой часть специального знания, выработанного в определенной науке. Это сказывается в некоторых аспектах организации терминов, и, прежде всего, относится к системности термина. Системность с когнитивной точки зрения может быть определена не только благодаря простому указанию на функционирование термина в какой-то определенной системе. Этого недостаточно. Системность термина означает, что он и соответственно семантическая его структура дефинируется относительно той части системы знаний, которая выделяется в определенной науке и составляет предметную область этой науки.

В термине как языковом знаке аккумулировано знание трех видов: языковое (являющееся результатом обыденного познания), рациональное (рационально-логическое, энциклопедическое, научное — в широком смысле) и собственно специальное (основанное на профессиональном опыте и возникшее как результат профессионального познания определенных объектов). Таким образом, каждый из

видов знания, репрезентированных в термине как языковом знаке, основан на определенном опыте взаимодействия человека с миром.

Если в исследованиях докогнитивного периода толкование основных сущностных характеристик термина, обуславливающее и общность понимания термина, сводилось к толкованию термина как языкового знака в самых разных тематических областях, то сегодня исследователи видят новые перспективы в определении и изучении термина — как результата познавательного процесса, специально ориентированного и специально организованного особым сообществом — в решении сложнейшей задачи, поставленной когнитивной лингвистикой — объяснения тех корреляций и связей, которые обнаруживаются между структурами языка и структурами знания.

Такой подход оказывается более сложным, поскольку, в языковом знаке взаимодействуют такие типы сущностей как: 1) категории действительного мира; 2) мыслительные категории; 3) прагматические факторы; 4) отношения между языковыми знаками в системе. В данном случае М. Н. Володина говорит об информационно-понятийном статусе термина. Передаваемая им информация — это информация о некоем фрагменте мира, о ментальной форме отражения этого фрагмента, об условиях использования такого знака и о связи его с другими знаками. Выражая специальное понятие, термин становится носителем и хранителем фрагмента информации, которая имеет свою ценность в особой понятийной системе, и в этом смысле термин является собой особую когнитивно-информационную структуру, в которой аккумулируется выраженное в конкретной языковой форме профессиональное знание. Закрепив полученную специалистами информации, термин сам становится инструментом познания, поскольку даст возможность обобщать научные факты, умножать знания и передавать их следующим поколениям.

Термин одновременно является и единицей речи, функционируя преимущественно в сфере научной (специальной) коммуникации, и может использоваться также в других типах дискурса, представляя ту часть содержания ментальной единицы, которая фиксирует результат научного познания, что позволяет рассматривать термин в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, по определению Т. В. Дроздовой, как языковой знак, фиксирующий в своем значении научное знание о референте, а также содержащий информацию о себе самом как о единице естественного языка, существующей в рамках определенной терминосистемы, употребляющийся в различных типах дискурса, но полностью реализующий свою функцию лишь при употреблении в соответствующем контексте в совокупности с другими единицами, реферирующими к одной и той же предметной области.

Таким образом, в осмыслении термина как специфического языкового знака мы исходим из того, что термин является вербализованным результатом профессионального мышления, значимым лингвокогнитивным средством ориентации в профессиональной сфере и важнейшим элементом профессиональной коммуникации. В термине реализуется результат познания той или иной специальной области знания или деятельности, в нем репрезентированы структуры специального знания, которые служат отправной точкой в осмыслении профессионального пространства и способствуют оптимальной организации деятельности специалиста.

© Н. И. Пушина
УдГУ, г. Ижевск

Основные категориально-методологические парадигмы лингвистики и их развитие в современном отечественном языкознании

В последние годы история науки рассматривается в виде парадигмы, компоненты которой формируются в той или иной последовательности, в тех или иных соотношениях [1]. Сам термин и понятие «парадигма» давно известен и в математике, и в истории, и в языкознании. Парадигма (от греч. — пример, образец) определяется как 1) понятие, используемое в античной и средневековой философии для характеристики взаимоотношения духовного и реального мира; 2) теория или модель постановки проблем, принятая в качестве образца решения исследовательских задач [2]. В языкознании под парадигмой понимают совокупность всех форм словоизменения, всех словоформ, присущих той или иной лексической единице. Кроме морфологической, парадигма может быть синтаксической, словообразовательной, семантической.

История науки также может рассматриваться как парадигма, переменимыми которой выступают этапы и научные направления, появляющиеся в хронологической последовательности, либо одновременно, а порою вырастающие друг из друга. Лингвистическая парадигма может быть представлена в виде развертывающейся во времени структуры. Каждый предыдущий компонент парадигмы тем или иным образом становится этапом для подготовки следующего качественного скачка в развитии лингвистической теории [3].

Вступление научной дисциплины в «зрелый» или «нормальный» период ее развития знаменуется утверждением одной из конкурирующих концепций в качестве общепризнанной парадигмы и вытекающим отсюда «прекращением бесплодных споров между различными

школами... и бесконечных дискуссий по поводу основных принципов» [4]. В качестве типичного представителя научной парадигмы выступает определенная система понятий, терминов, методов исследования и научно апробированных результатов, независимо от того, репрезентируется ли эта система одним или некоторым множеством конкретных научных работ.

Наличие парадигмы, представляющей собой общее понятийное, методологическое и эмпирическое основание для всей совокупности исследований, проводимых в некоторой сфере научного познания, определяет такую существенную особенность нормальной науки, как преемственный характер и кумулятивный эффект научной деятельности ученых, работающих в одной области: результаты каждого конкретного исследования становятся общим достоянием всего научного сообщества и используются всеми его членами в качестве предпосылки их собственной исследовательской деятельности [5].

Язык, как и всякий объект, может изучаться с точки зрения его возникновения и развития, строения и функционирования в некой среде как более сложной системе. Тот или иной аспект оказываясь ведущим, задает направление исследовательского подхода и определяет выбор основного объяснительного принципа, что открывает пути для формирования в рамках лингвистики ее соответствующих научных парадигм.

По мнению И. П. Сусова, выделяющего историко-генетический аспект, организационный или системно-структурный аспект и коммуникативно-прагматический, в первые десятилетия XIX в. произошло становление исторического, или генетического, языкознания (прежде всего в форме сравнительно-исторической лингвистики), в котором был реализован принцип историзма [6].

Через столетие рядом с историко-генетическим языкознанием стало бурно развиваться языкознание системно-структурное, поставившее в центр внимания целостность языкового образования, что вначале формулировалось как принцип инвариантности — язык во всех своих проявлениях сохраняет одну и ту же структуру как совокупность устойчивых и существенных свойств, а затем получило выражение в принципе системности — язык как целое не сводим к своим частям или их сумме [7].

Еще через полстолетие в противовес системно-структурной лингвистике стала формироваться группа дисциплин в рамках функционального подхода. Особое значение для функциональной лингвистики имело обращение к принципу деятельности как целенаправленной активности субъекта, а затем к поискам того, как выражает себя в языковых структурах, в дискурсе личность. Возникла личностно-ориентированная

деятельностная лингвистическая наука — прагмалингвистика (дублирные и синонимические термины: «прагматическая лингвистика» «лингвистическая прагматика», «теория речевых актов», «теория речевой деятельности»), ознаменовавшая становление коммуникативно-прагматической исследовательской парадигмы [8]. По утверждению А. Д. Дуличенко, рождение этого направления, падающее на рубеж 60 — 70-х гг. XX в., является результатом расчленения лингвистической парадигмы, ориентированной на изучение речевой коммуникации (деятельности), и общего перехода от изучения языка как формальной структуры к языку как средству коммуникативного воздействия, которое осуществляется в рамках социального контекста [9].

Иную конфигурацию лингвистических парадигм представил Ю. Н. Караулов, отметив появление (вместе с накоплением новых знаний о языке) исторической, психологической, системно-структурной и социальной парадигм. Как указывает автор, гипостазирование одного из свойств языка приводит к тому, что на разных этапах развития лингвистики меняется девиз, написанный на ее знамени: «Язык насковзь историчен (психологичен) социален». При этом подчеркивается, что несмотря на резкую оппозицию, «лидером» в языковедении 80-х гг. по-прежнему остается системно-структурный подход. Имеет место лишь перенос акцента с семантики (содержание общения) на прагматику (условия и цели общения). По мнению автора, прагматика лишь продолжение системно-структурной лингвистики. «Коммуникативно-прагматическая волна усиливает потенциал системно-структурных исследований, расширяет возможности этого подхода за счет вторжения в сферу социального и социально-психологического» [10].

Характеризуя функциональное языковедение, следует отметить прежде всего то, что его образует личностно-ориентированная деятельность лингвистика. Прагмалингвистика исследует использование языка в дискурсе, ввлеченном в совместную практическую деятельность людей, в процессы межличностного взаимодействия. Она по необходимости обращается к данным социолингвистики, этнолингвистики, этнографии речи, теории массовой коммуникации и т. п., но в отличие от дисциплин, ориентированных на изучение того, как язык используется социумом, прагмалингвистика сосредоточивает свое внимание на личности, на личностных факторах языкового общения, на отражении этих факторов в языковых структурах (дискурсе). Она оказывается как раз тем звеном, без которого невозможно моделирование языковой личности, а в личности, как известно, связаны всеедино биологическое и психологическое, индивидуальное и социальное, общечеловеческое и этноспецифическое, интеллектуальное и эмоциональное, стереотипное и новаторское, объективное

и субъективнос. Таким образом, нельзя не согласиться с И. П. Сусовым в том, что прагмалингвистика представляет собой не просто новую волну в рамках системно-структурного подхода, она символизирует собой совершенно новый подход к языку. В противоположность системно-структурной лингвистике лингвистика функционально-прагматического направления может строиться как учение о единицах языкового общения, начиная с речевых актов, каждый из которых обладает определенным целевым потенциалом (иллокутивной силой), речевых ходов, знаменующих очередные вклады каждого из коммуникантов в развитие дискурса в рамках речевых взаимодействий (или интеракций), и кончая дискурсом как целым речевым событием. В этом случае языковая система и система дискурса противостоят друг другу [11].

В конце 20 столетия фундаментальный пересмотр традиционных исходных представлений о природе языка привел к утрате монополии в его исследовании со стороны лингвистики, философии и логики. Язык рассматривается уже не в качестве некой отчужденной от человека сущности, а как уникальная, подлинно человеческая способность, средство общения и отображения мира, неотъемлемый компонент нашей естественной и социальной истории и прогресса когнитивных наук [12].

Изменилась стратегия научных исследований. Потребности развития той или иной технологии задают направление и масштаб теоретическим изысканиям. Применительно к лингвистике такой базовой технологией выступает вычислительная техника, перспективные системы с искусственным интеллектом [13], которые дали мощный импульс для развития традиционных проблем языка, мышления и сознания. Именно в этот период произошло становление когнитивной парадигмы, тематически оформились ее новые научные проблемы и направления.

В основе этого подхода лежит фундаментальная идея о том, что мышление представляет собой манипулирование внутренними (ментальными) репрезентациями типа фреймов, планов, сценариев, моделей и других структур знания. Еще в сороковые годы данную идею высказывал психолог Кеннет Крайк. Более ранние ее истоки восходят к философии рационального сознания, начиная с Платона. Однако до 60-х гг. эта идея не рассматривалась серьезно специалистами, и только после ее включения в сферу компьютерной технологии она оказалась в фокусе теоретических исследований [14].

Развитие когнитивного подхода к явлениям языка способствовало его пониманию как источника сведений о концептуальных или когнитивных структурах нашего сознания и интеллекта. По призна-

нию многих специалистов, язык представляет собой лучшее свидетельство существования в нашей голове разнообразных структур знания о мире, в основе которых лежит такая единица ментальной информации, как концепт. Концепты разного типа рождаются в процессе восприятия мира, они создаются в актах познания, отражают и обобщают человеческий опыт. «Язык выявляет, объективирует то, как увиден и понят мир человеческим разумом, как он преломлен и категоризирован сознанием» [15].

Вне сомнения когнитивная парадигма научного знания представляет одно из самых перспективных направлений в исследованиях междисциплинарного характера, хотя споры о ее конкретных целях все еще продолжаются. «По всей видимости, стержнем этой науки является ее направленность на получение знания, и в фокусе ее внимания находятся многочисленные проблемы, связанные с получением, обработкой, хранением, извлечением и оперированием знаниями, относящиеся к его накоплению и систематизации, его росту, ко всем процедурам, характеризующим использование знания в поведении человека и, главное, его мышлении и процессах коммуникации» [16]. Такая широкая исследовательская программа означает, что когнитивистика занимается информацией о мире в самых различных ракурсах и отношениях, изучая самые сложнейшие феномены человеческого бытия — восприятие мира и отражение воспринятого в голове человека, стрессные мозги, память, организацию когнитивных способностей человека, включая языковую способность [17].

В становлении когнитивной науки многими учеными подчеркивался тот неоспоримый факт, что человеческое знание и процессы познания слишком сложны, чтобы обеспечить их описание в рамках какой-либо одной науки. Когнитивная наука и возникла поэтому как наука междисциплинарная, призванная объединить усилия специалистов в разных областях знания — психологов и лингвистов, философов и логиков, специалистов по искусственному интеллекту и теории информации, по организации баз знаний в компьютерах и математическому моделированию. Но с самого начала ее возникновения особую роль неизменно отводили психологии и лингвистике, подчеркивая не только их значимость для выработки особой исследовательской программы, но и особое положение объектов их анализа — психики, сознания, языка — в самой речемыслительной деятельности человека. С развитием когнитивной науки мысль об исключительной значимости языка для всех процессов обработки знания, для его передачи от одного поколения к другому, для роста и накопления опыта по познанию мира, по его описанию и т. д. получала все большее признание [18]. Не случайно вполне естественным и логичным можно при-

знать выделение и более емкой лингвистической парадигмы -- неофункциональной. К. Я. Сигал выделяет и характеризует парадигму неофункционализма в единстве ее установочно-предпосылочного, предметно-познавательного и процедурного компонентов, для которых характерны фундаментальный постулат неавтономности («устройство языка и его единиц не может быть объяснено без обращения к другим сферам человеческой активности, и прежде всего ко всей палитре когнитивных способностей и коммуникативных потребностей homo loquens'a»), требование последовательной интеграции тех сведений о языке, которые могут быть получены при системном, коммуникативном и когнитивном подходах, сближение с психолингвистикой. Неофункционализм стремится выдвигать гипотезы о том, какими психологическими и психолингвистическими механизмами обеспечивается структурирование разных типов значений и отношений на различных уровнях языковой репрезентации. Теоретическим основанием интегративности неофункционализма является установка, согласно которой лингвист стремится к обнаружению того, что внутренняя структура языкового объекта определенным образом координирована с ее когнитивным представлением и текстовыми функциями. Неофункционализм отличается максимально широким охватом типов эмпирических данных лингвистики и эксплицитно-выраженной объяснительной направленностью, описывает и объясняет язык «на всем пространстве речевой эмпирии, не отбрасывая «неудобных» фактов и не ограничивая своего эмпирического базиса только теми фактами, существование которых предполагается какими-либо априорными теоретическими положениями» [19].

Таким образом, каждая из указанных лингвистических парадигм, испытывая воздействие философских и общенаучных принципов определенной эпохи, предлагает свой подход к пониманию границ предметной области языкознания, соотношения частей языкового феномена, как сложного и противоречивого целого, их значимости в развертывании лингвистического знания, вырабатывает свой содержательно-концептуальный аппарат, свои методы и процедуры исследования. Так, в частности, историческое языкознание испытало на себе воздействие и натурализма, и логицизма, и психологизма, и этнографизма, и социологизма, и эстетизма и тем не менее остается самим собой. Системно-структурное языкознание старалось избавиться от подобных воздействий лишь в своих крайних структуралистских течениях. А функциональное языкознание, в центре внимания которого оказываются взаимосвязи языка и среды его функционирования, языковых структур и когнитивных деятельностных структур, учитывает данные смежных наук, позволяющие понять истинную сущность и природу языка [20].

Примечания

1. *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1977.
2. *Философский энциклопедический словарь* М., 1983. С. 477.
3. *Тураева З. Я.* Лингвистика текста и категория модальности // *Вопр. языкознания.* 1994. № 3. С. 105–114.
4. Там же.
5. *Кун Т.* Указ. соч.
6. *Сусов И. П.* Языковое общение и лингвистика // *Прагматические и семантические аспекты синтаксиса.* Калинин, 1985. С. 3–12.
7. Там же.
8. Там же.
9. *Дуличенко А. Д.* Общее языкознание: Учеб.-метод. пособие для студентов-заочников филол. ф-та. Тарту, 1987.
10. *Караулов Ю. П.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
11. *Сусов И. П.* Указ. соч.
12. *Петров В. В.* Язык и логическая теория: В поисках новой парадигмы // *Вопр. языкознания.* 1988. №2. С. 39–48.
13. Там же.
14. *Петров В. В.* Вступительная статья // *Язык и интеллект.* М., 1996.
15. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. С. 57;
- Попова З. Д., Стернин И. А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2002.
16. *Кубрякова Е. С.* Указ. соч. С. 41.
17. Там же.
18. Там же. С. 57.
19. *Сигал К. Я.* Сочинительные конструкции в тексте: опыт теоретико-экспериментального исследования (на материале простого предложения): Автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 2004. С. 8–9.
20. *Сусов И. П.* Указ. соч.

© А. Л. Шарандин
ТГУ, г. Тамбов

Словарь как реализация теории форм слова

Академик Ю. Д. Апресян в статье «О московской семантической школе» определяет отношения теории и лексикографии как взаимосвязанные. Он пишет: «... лексикографическая практика дает материал для теории, а теория позволяет строить лексикографическую практику на системных основаниях» [1].

Последнее особенно важно, если учитывать, что расположение слов в алфавитном порядке, хорошо обслуживающее практические нужды потребителей лексикографической продукции, тем не менее не является научно обоснованным принципом. Показательно в этом смысле высказывание В. И. Даля о том, что алфавитный способ расположения слов «крайне туп и сух. Самые близкие речения... разносятся далеко врозь и томятся тут и там в одиночестве; всякая живая связь речи разорвана и утрачена» [2].

Лексикография даст возможность увидеть целесообразность многих научных теорий, на основе которых строятся те или иные лексикографические труды. Поэтому лексикография — это своего рода высший этап развития лингвистической науки, который позволяет не противопоставлять теоретические разыскания в лексикологии, грамматике, словообразовании и т. д., а видеть в них основу, то, что позволяет оценить лексикографические труды. Эти труды должны оцениваться, поскольку одни из них несут информацию концептуальную, определяют новые принципы лексикографирования, а другие — представляют собой своего рода «косметический ремонт» старого. То и другое необходимо, но преклонения достойны прежде всего лексикографы-новаторы, которые осознали основной постулат представления языкового материала в словаре, а именно: лексикография и различные аспекты описания языковой системы едины в онтологическом плане, что обуславливает их определенное взаимодействие друг с другом. Это не означает отрицания, например, специфики лексикографии и грамматики, поскольку они имеют свои системные характеристики, позволяющие самостоятельно изучать и описывать языковые явления. Но в целом представляется бесперспективной позиция изолированного их рассмотрения. Поэтому и важно выявить механизм их взаимодействия, который определяет хранение в словарной статье информации, отраженной словом, способы ее передачи посредством тех или иных языковых средств.

Важно понять, на какой теоретической базе основывается тот или иной словарь, ибо в этом случае мы имеем возможность увидеть непротиворечивость, объяснительную силу и экономность подачи материала, то, что позволяет более или менее объективно оценить лексикографический труд. Так, например, в «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова видовые образования (пары) представлены в словообразовательном гнезде. Однако в своей теоретической концепции А. Н. Тихонов рассматривает видовые пары как словоизменительные формы глагола. В результате возникает противоречие: если это формы, то они не должны подаваться в словообразовательном гнезде, как не подаются другие глагольные формы, например, временные; если же не формы, то они должны быть представлены разными глагольными словами, одно из которых — совершенного вида — представляет собой, скорее всего, способ глагольного действия — общерезультативный, наиболее регулярный и частотный в системе способов действия.

Другой пример. В грамматической теории частей речи представлен подход, согласно которому причастия и деепричастия признаются самостоятельными частями речи, имеющими гибридный (смешан-

ный) характер [3]. Поскольку части речи — это классы слов, а не форм, то причастия и деепричастия претендуют в этом случае на статус самостоятельных слов. Но тогда логичным должно быть бы их включение в словарь русского языка на правах самостоятельных слов, имеющих свою словарную статью. Только какую лексическую информацию мы будем давать в этой словарной статье? Насколько целесообразно и экономно такое представление причастий и деепричастий в словаре? Никто не отрицает особой содержательности у причастий и деепричастий, но есть все основания рассматривать эту содержательность как грамматическую (синтаксическую), обусловленную взаимодействием частей речи в коммуникативном акте [4], а точнее, глагола с прилагательным и наречием в условиях его функционирования в синтаксических позициях этих частей речи. В этом и заключается особый характер причастий и деепричастий как глагольных форм и их назначение: выразить глагольную информацию лексического характера в других синтаксических позициях. Естественно, непредикативные синтаксические позиции обусловили специфику восприятия и интерпретации этой информации. Но при этом она не выходит за рамки грамматики, поскольку семантико-синтаксическая информация является не лексической, а грамматической.

Правда, в связи с этим возникает вопрос: почему тогда образования типа «чтенис» признаются все же существительными, а не формами глагола? Действительно, почему признаковый характер причастий не делает их отглагольными прилагательными, а субстантивный характер деепричастивов делает их предметами? Хотя ни один из толковых словарей русского языка не включает в толкование их значения понятия предмета, даже в широком смысле: чтенис — это «действие по глаголу «читать»». Но ведь точно также можно было бы определять: читающий — «признак по глаголу «читать»». Где в модели мотивации слов типа «чтенис» лексическая информация, которая дала бы основание считать их не глаголом? На наш взгляд, если образования типа «чтенис» — существительные, то и причастия — прилагательные. Если причастие — это особая форма, то и «чтенис» — это особая (субстантивная) форма глагола. Правда здесь возникает вопрос: а какие глагольные признаки отражены в них? А какие признаки отражены в инфинитиве? Вид! Но где видовой показатель в глаголах типа «печь»? А разве лексическая основа не является таким основанием?

Цель настоящей статьи и заключается в том, чтобы показать значимость для лексикографической практики теории или учения о формах слова, поскольку их функция по обслуживанию лексического значения слова позволяет определить принцип их лексикографической обработки в рамках одной словарной статьи.

В качестве **исходных положений** предлагаемого подхода используются следующие: 1) единицей словаря является лексема, которая понимается как модель номинации, представленная тем или иным ЛСВ, реализованным в различных условиях коммуникации; 2) отношения между содержанием и формой в языке имеют относительный характер, т. е. в языке формальным может быть не только звуковая оболочка, но и содержание, например, грамматических форм; 3) лексическое значение слова (лексемы) — это то, что определяет знаковое содержание слова и в единстве с грамматической семантикой (грамматикой) представляет минимальную семантическую структуру слова, выраженную определенным звуковым составом [5].

Толковый словарь в наибольшей степени отражает совокупность различных знаний, хранящихся в памяти человека. Поэтому необходимо определить его структуру, исходя из основной функции словаря. С этой точки зрения толковый словарь рассматривается нами как функциональная система слов, предполагающая в качестве ведущей функции лексическую объективацию концепта (понятия), а в качестве дополнительных — те функции, которые обслуживают эту лексическую объективацию, внося специальную семантическую информацию, предназначенную для актуализации и реализации концепта. В связи с этим представляется интересным мнение А. С. Герда, который проанализировал различные определения понятия «словарь» и пришел к выводу, что «специфика словаря не в том, что в нем представлена или не представлена энциклопедическая характеристика слова, грамматическая или стилистическая характеристика, синонимы, антонимы или этимология, а только в том, **как** все это подается в такой книге, как словарь, в разных типах словарей» [6].

Прежде всего отметим, что любая словарная статья в толковом словаре описывает определенное семантическое пространство лексемы. Это пространство не одномерное, а многомерное, поскольку отражает взаимосвязь и взаимодействие различных по семантическому содержанию пространств. Основное пространство заполнено отражением и категоризацией предметов и явлений действительности, что фиксируется в лексическом значении слова. В качестве языковых средств, объективирующих лексическое пространство, выступают физические средства — звуки (фонемы) или буквы (графемы), а также грамматические средства, оформляющие лексическое значение посредством определенного набора грамматических категорий и форм. В своей совокупности они образуют семантическое пространство, представленное лексико-грамматическим варьированием одного и того же слова. Эти пространства оказываются обязательными для слова: нет лексического значения, не оформленного

грамматически (морфологически и /или синтаксически). Именно грамматическое оформление свидетельствует о том, что мы имеем дело со словом как языковым знаком. По мнению академика В. В. Виноградова, «в языках такого строя, как русский, нет лексических значений, которые не были грамматически оформлены и классифицированы. Понятие бесформенного слова к современному русскому языку не приложимо» [7].

Поэтому мы даем следующее определение слову: **слово** — это субстанционально (фонетически и графически) и грамматически (морфологически и синтаксически) оформленный знак коммуникативной системы человека, связанный с отражением, познанием и выражением предметно-понятийной стороны действительности путем называния ее или указания на нее и участвующий в передаче аккумулированной информации на правах самостоятельного элемента высказывания.

Такое определение слова позволяет нам не рассматривать как слова междометия, квалифицируя их как элементарные нечленимые высказывания аффективного характера. Не рассматриваются нами как слова и предлоги, союзы, частицы, которые, однако, квалифицируются в системе частей речи как несловесные, но все же части речи. Таким образом, в качестве слов рассматриваются только языковые знаки, имеющие лексическое значение, которое фонетически и грамматически оформлено.

Однако трехмерное представление пространства слова (лексемы) не является единственно возможным. Человеческое сознание оказывается способным осмыслить концепты субъективного отношения к предметам и явлениям действительности. Такие концепты, как «эмоциональность», «оценочность», объединенные коннотативным пространством, получили свою объективацию в языке в определенных формах и конструкциях. Но, получив языковой статус и приняв участие в концептуализации и категоризации тех сфер, за которыми закреплены эмоциональность и оценочность, коннотативные формы оказались тесно связанными с лексическим (денотативным) пространством, обеспечив так же, как и грамматические формы, его объективацию посредством определенного набора коннотативных форм. Другими словами, они стали обслуживать (оформлять) лексическое значение слова в плане его коннотативного варьирования. Следовательно, коннотативные различия не определяют выхода в новое лексическое значение, а лишь модифицируют его, окрашивая субъективным отношением человека к предметам и явлениям действительности. Поэтому оказывается вполне уместным включение коннотативного пространства слова, объективированного опре-

деленными языковыми формами, в словарную статью. Более того, это целесообразно, поскольку коннотация не является обязательным компонентом в семантической структуре слова и поэтому значимым оказывается востребованность тех или иных коннотативных форм в коммуникативном процессе. Показательны в этом смысле материалы Л. Г. Бабенко: денотация «Человек как живое существо» характеризуется, по терминологии Л. Г. Бабенко, коннотативными эмотивами «ласк.», «пренебр.», «презр.», «несодобр.», «шутл.», «ирон.» тогда как денотация «Цвет» — только «ласк.» [8]. Как легко заметить, их различает прежде всего оценочная коннотация.

Особым семантическим пространством является стилистическое пространство, определяющее сферы использования слова в коммуникации. Если признать стилистические различия как различия между формами одного и того же слова, поскольку при их объективации не происходит перевода языкового знака в новый предметно-понятийный класс, т. е. наблюдается лишь стилистическое варьирование одного и того же лексического значения, то стилистически отмеченные образования могут быть включены в одну словарную статью (ср. табурет — табуретка, тетрадь — тетрадка, лиса — лисица).

По отношению к **глагольной лексеме**, представленной в словаре тем или иным ЛСВ, мы имеем следующий набор семантических форм, обеспечивающих объективацию ее лексического значения:

1. *Собственно морфологические формы*. В силу регулярности и обязательности их реализации, в словаре в качестве морфологических помет указываются лишь маркированные формы. Например: наличие формы 1-го лица, поскольку если есть данная форма, то обязательно наличие других форм — 2-го и 3-го лица; наличие формы страдательного залога свидетельствует о наличии действительного залога и вследствие этого указывается помета «страд. з.», и т. д.

2. *Морфолого-синтаксические формы* (или неличные репрезентанты глагольной лексики, так как личные формы представлены собственно морфологическими формами). К ним относятся прежде всего причастия и деепричастия, но мы, в отличие от большинства исследователей, включаем в состав репрезентантов субстантивных формы типа «чтенис».

3. *Лексико-грамматические формы* (способы глагольного действия). В силу их меньшей регулярности и обязательности, они задаются списком с указанием способов действия. Их включение в словарную статью обусловлено тем, что они также не безразличны к лексическим значениям. Ср. глаголы действия и глаголы отношения: последние характеризуются отсутствием фазовых способов действия.

4. *Семантические формы* (коннотативные формы). Они также представлены списком в словаре с указанием пометы о характере коннотации.

5. *Стилистические формы*. Представлены с указанием той или иной стилистической пометы.

Таким образом, перечисленные языковые формы выполняют, по крайней мере, **две взаимосвязанные функции**: 1) они отражают определенное видение действительности человеком, тем самым концептуализируя и категоризируя ее в языке; 2) они оформляют, будучи содержательными сущностями, лексическую объективацию концепта, выражаемого языковым знаком. Это подтверждает положение об относительности содержания и формы в языке: то, что на одном уровне выступает как содержание, на другом уровне может выполнять функцию формы (см.: Потебня, Кацнельсон и др.).

В отличие от традиционного представления глагольной словарной статьи, где обычно указывается морфологическая (иногда и морфолого-синтаксическая) информация, рамки лексикографического представления в данном случае расширены. Основанием является то, что мы не нарушаем тождественности лексического значения слова, обеспечивая его варьирование в тех или иных языковых формах. По существу, словарная статья строится по гнездовому принципу, но это гнездо очерчивает лексическое пространство только одной лексемы. Специфика этого описания, на наш взгляд, состоит в том, что лексическая семантика «пронизывает» все уровни языка, вовлекая их средства (элементы, единицы) для оформления данного лексического пространства, его границ и объемного представления в нашем сознании. Эта «объемность» создается взаимодействием лексического значения слова с грамматическими, лексико-грамматическими, коннотативными и стилистическими значениями, которые сами являются оформленными языковыми средствами. Механизм этого взаимодействия состоит в том, что слово, имеющее то или иное лексическое значение, будет иметь тот набор грамматических, лексико-грамматических, коннотативных и стилистических форм, содержание которых соответствует данному лексическому значению, не противоречит ему.

Словарь в этом случае представляет собой наиболее экономный способ описания лексической системы языка, поскольку грамматические, лексико-грамматические, коннотативные и стилистические образования, выполняя функцию различных форм слова, исключаются из числа собственно языковых знаков (лексем), т. е. из числа единиц словаря, которые имеют самостоятельную словарную статью.

Это не означает, что они не представлены в словарной статье. Поскольку данные формы служат средством выражения лексической семантики слова и при этом несут собственную дополнительную информацию, то они включаются в левую часть словарной статьи, чтобы показать уникальность лексического значения, представленного правой частью. В разных условиях коммуникации лексема реализует ту речевую модель номинации, которая в наибольшей степени сориентирована на носителя языка, его коммуникативные цели и потребности.

Примечания

1. Апресян Ю. Д. О московской семантической школе // *Вопр. языкознания*. 2005. № 1. С. 3.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1. С. XVIII.
3. См.: Современный русский язык: В 3 ч. Ч. 2: Словообразование. Морфология / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. М., 1981. С. 90.
4. См.: Руделев В. Г. Динамическая теория частей речи русского языка // *Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки*. Тамбов, 1996. Вып. 1. С. 83–89; Шарадин А. Л. Грамматическая категоризация русского глагола и его синтаксических форм // *Моделирование процессов функциональной категоризации*. Тамбов, 2000. С. 47–90.
5. См.: Шарадин А. Л. Курс лекций по лексической грамматике русского языка: Морфология. Тамбов, 2001.
6. Герд А. С. К определению понятия «словарь» // *Проблемы лексикографии*. СПб., 1997. С. 202.
7. Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972. С. 18.
8. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989. С. 56.

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ЯЗЫКЕ

Пленарное заседание

© К. А. Андреева
ТюмГУ, г. Тюмень

Метафоры, которые нам так близки, но так оригинальны и поэтичны

В настоящей статье рассматривается особый тип когнитивных метафор, который мы предлагаем называть **поэтической дискурсивной авторской метафорой**.

Прежде всего необходимо представить общие подходы к рассматриваемому феномену. Огромный интерес к исследованию когнитивных метафор возникает в восьмидесятые годы двадцатого столетия после выхода в США монографии Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors We Live By» (1980), впервые полностью переведенной на русский язык А. Н. Барановым и А. В. Морозовой лишь в 2004 году. Данное издание по праву называют сегодня библией когнитивного подхода к метафоре, сравнивая ее роль со значением «Курса общей лингвистики» В. де Соссюра.

В следующую четверть века механизм и функциональный потенциал когнитивной метафоры весьма интенсивно исследуются не только зарубежными: D. Davidson, M. Johnson, G. Lakoff, M. Turner и др., но и отечественными авторами: А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, М. В. Никитин, И. В. Толочин, А. П. Чудинов и многие другие. Под **когнитивной (концептуальной) метафорой** понимается особая форма концептуализации, позволяющая реципиенту видеть один объект через другой, улавливая сходство между разными классами объектов [1]. В более специальной дефиниции **концептуальная метафора** определяется как ментальный перенос (mapping) от источника (source) на объект (target) [mapping (a conceptual projection) from source to target] [2].

В аналитическом обзоре Антонио Барселоны (The State of the Art in the Cognitive Theory of Metaphor and Metonymy and its Application to English Studies / The European English Messenger. Vol. 7, Spring 1998), основанном на анализе 50 наиболее влиятельных источников по теме, раскрывается состояние данного направления в когнитивной науке, его формальный механизм и перспективы

использования когнитивной метафоры **в контрастивном анализе, дискурсе, когнитивной поэтике** (Маргарет Фриман), **обучении иностранным языкам** и в пограничных областях: **изучении культурных моделей, политике, этике, религии, философии** и др. [2].

В статье А. Барселона психологической основой возникновения когнитивной метафоры объявляется **воображение**, способность человека производить проекцию с одного концепта на другой. Вскрывая когнитивные механизмы метафоры и метонимии, Барселона определяет **традиционный подход**, идущий от Аристотеля, как «лингвистический тип», и подход Лакоффа и Джонсона (*Metaphors we Live by*. Chicago, 1980), анализирующий иные случаи, подобные предложениям *He's at a crossroads in life* от *Life is a road*; *Our relationship isn't going anywhere* от *Love is a journey — Journey is a path*: **«концептуальные проекции»**. **Второй тип** иногда даже не вербализуется. Метафора автоматическая, бессознательная (*conventional*), иногда передается жестами, в форме драмы или же кино. В вербальной форме собственно **концептуальная метафора может быть выражена** морфемой, словом, фразой, предложением, целым текстом. В основе наших абстрактных концептов находятся базовые схемы воображения (вертикаль, контейнер, путь). Основной принцип концептуальной метафоры — *tapping*, т. е. «закрепленный множественный одновременный перенос от источника к объекту (референту)» [3]. По А. Барселоне подобный перенос всегда *частичен* (не вся семантика структуры переносится) и *однонаправлен*. Одной из проблем теории является **проблема типологии базовых метафор** и метонимий. В качестве развития теории Барселона называет теорию слияния (*the theory of blending*: Gilles Fauconnier and Mark Turner «*Mappings in Thought and Language*». Cambridge).

Уточненное определение, а также раскрытие сущности концептуальной метафоры даст А. Н. Баранов в предисловии редактора к своему переводу книги Дж. Лакоффа и М. Джонсона: «Устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества, получили название **«концептуальных метафор»**. К числу концептуальных метафор европейской культуры относятся, например, метафорические проекции *время — это деньги, спор — это война, жизнь — это путешествие* и др. Концептуальные метафоры могут образовывать согласованные концептуальные структуры более глобального уровня — «когнитивные модели», которые являются уже чисто психологическими и когнитивными категориями, напоминающими по свойствам гештальты когнитивной психологии» [4].

В сложившейся после выхода в свет монографии Дж. Лакоффа и М. Джонсона традиции в качестве концептуальных метафор рассматривается чаще всего **конвенциональный тип**, подобный приведенным выше примерам, а также раскрывающие его в разных контекстах **фреймы**. Следует заметить, что А. Н. Баранов в своих последних работах заменяет термин **фрейм** на термин **гештальт**. Однако, как недвусмысленно свидетельствуют разделы последней главы («Понимание») работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона, когнитивная метафора не ограничивается конвенциональным типом. Так, в частности, в разделе *Эстетический опыт* мы читаем: «Новые метафоры могут создавать новое понимание и, тем самым, новые реалии. Это становится очевидным при рассмотрении поэтических метафор, так как **в поэзии язык — это средство создания новых концептуальных метафор...**» [5]. Данные метафоры, продолжают авторы, не только языковые, но и концептуальные, основаны как на мышлении, структурируя наш «приземленный, практический опыт», так и на эстетическом опыте, учитывающем синестетические впечатления. «Произведения искусства, — завершают свое рассуждение Дж. Лакофф и М. Джонсон, — по-новому структурируют наш опыт на основе этих естественных измерений. Произведения искусства способствуют возникновению новых опытных гештальтов, а поэтому и новых связей. С точки зрения эмпиризма, искусство в целом представляет собой феномен воображаемой рациональности и является средством создания новых реалий» [6]. Эти высказывания, безусловно, расширяют наше понимание природы концептуальных метафор.

Как указывалось выше, объектом нашего рассмотрения является особый тип когнитивных метафор, обозначаемый нами как **поэтическая дискурсная авторская метафора**. Присоединяясь в целом к трактовке Дж. Лакоффа и М. Джонсона, мы также считаем, что поэтические метафоры — принадлежность не только поэзии, но и художественной литературы. Их новизна и образность определяется талантом индивидуального автора. Кроме того, наибольший эффект возникает в случае использования так называемых развернутых метафор, охватывающих целый текст и основанных как на их чисто лингвистическом механизме, так и на многократных различных концептуальных переносах (слияниях) их разнообразных признаков, а также на культурных ассоциациях и традициях, присущих разным народам и этносам.

Известным русским писателем И. А. Бунным созданы целые рассказы-метафоры. Один из рассказов «Ворон» был написан в 1944 г. Рассказ повествует не об этой зловещей птице, а об отце молодого человека. Тем не менее в названии рассказа уже содер-

жится проекция его будущего смысла. Напомним, что еще Л. С. Выготский замечал, что название всякому рассказу дается не зря, оно составляет его смысловую доминанту. Анализ рассказа требует также затронуть вопрос о семантической типологии когнитивных метафор. Хотя существующие классификации метафор разнообразны, их описания, основанные на строгих принципах, созданы не были. Тем не менее в соответствии с природой основания объекта описания значимо деление метафор на **событийные категории** (event categories), **объектные категории** (object categories), а также **анимистические** (animistic). Анимистические модели-источники (source models) делятся далее на *метафоры животных* (animal metaphors), *метафоры растений* (plant metaphors) и т. д. [7]. В соответствии с используемым структурным механизмом в «Кратком словаре когнитивных терминов» Е. С. Кубряковой и соавт., вслед за Лакоффом, Джонсоном, Редди, Лонгаком, выделяются *следующие типы*: 1) *структурные* метафоры, концептуализирующие определенные области путем переноса на них структур другой области; 2) *онтологические*, учитывающие границы абстрактных сущностей в пространстве; 3) *метафоры «канал связи / передача информации»* (движение смыслов, связывающих говорящего и слушающего); 4) *ориентационные* (типа вверх — вниз, внутри — снаружи, глубокий — мелкий); 5) *метафоры типа «контейнер»* — «смыслы как наполнения контейнеров»; 6) *«конструирование»* крупных произведений из мелких смыслов [8].

Предваряя подробный анализ рассказа И. Бунина «Ворон», отмечаем, что в нем представлена **поэтическая дискурсная авторская метафора: Мой отец** (рассказ написан от лица молодого человека) — **ворон**. Это частный случай **базовой когнитивной метафоры анимистического типа Человек — Птица** (и еще более общего случая: **Человек — животное**). Онтологическая природа подобных базовых метафор вполне прозрачна: происходит ментальный перенос признаков с источника на цель.

Приведем некоторые известные всем примеры: «Я — чайка» (А. П. Чехов), «се черноморскою чайкой прозвали, и имя ей то подошло» (слова из песни); он — настоящий орел; она — настоящая кукушка (о женщине, бросившей детей); вот козел, свинья (о провинившемся мужчине); голубь ты мой, сизокрылый; ласточка ты моя (варианты: киска, воробышек); глядеть зверем; идти раком; фразеологизм: глухая тетеря и др.

Базовая метафора носит вполне конвенциональный характер, природа ее прецедентна, что доказывается:

— существованием конвенциональных глагольных метафор: в танце женщина *плывет* (как лебедь); *затвердил* одно и то же (как попу-гай); *не наскакивай* на меня (как петух); ну, что ты слс *тащишься* (как черепаха); так и *норовит укусить* (как собака) = вариант *ужа-лить* (как оса); она от меня *упорхнула* (как бабочка); стоит, *надув-шись* (как индюк); бригадир *взлетел* от быка через забор (как петух); само *плывет* в руки (как рыба); *парить* в облаках (как птица) и др.;

— использованием идиоматических компаративных оборотов (ко-торыс национально-специфичны): *быстрая как лань*; *упрямый как осел*; *ловкий как обезьяна*; *биться как рыба об лед*; *плыть павой*; *как птичка в клетке*; *мокрая как курица*; *неуклюжий как медведь* (англ. как слон); *хитрая как лиса*; *устала как лошадь* и др.;

— случаями словообразования на базе конвенциональных метафор: *ну за что ты на меня вызверилась*; *я не слышу, что ты там прокукаре-кал*; *что-то там промяукала*; *он взревел*; *они загоготали* и др.;

— наличием пословиц: лучше синица в руках, чем журавль в небе; высоко взлетишь — низко сядешь; пока жаренный петух не клюнет и др.

В рассказе «Ворон» И. Бунин создает оригинальную поэти-ческую метафору, используя при этом различные технологии. Что же сделало этот рассказ одним из лучших образцов малой прозы, крайне высоко оцененных читателями и критиками?

В целом рассказ представляет собой нарративную структуру, со-стоящую из **Ориентации** (общая информация, с отступлением); двух основных **нарративных эпизодов**: Эпизод 1 и Эпизод 2 с канонической структурой **Осложнение — Решение, Резюме**. Наи-более важная функция Оценка является структурной и смысловой доминантой рассказа и представлена в виде **поэтической дискурс-ной авторской метафоры**: **Мой отец — ворон**. Изобразим нар-ративную структуру рассказа схематически. Эпизод 2, который имеет подчиненное значение, поместим в середину, а общая оценка объединит два эпизода.

Заметим, что в самом начале рассказа И. А. Бунин использует еще одну когнитивную метафору: **Наполеон — пингвин** — поэти-ческое изображение Наполеона в виде пингвина, правда, в форме сравнения.

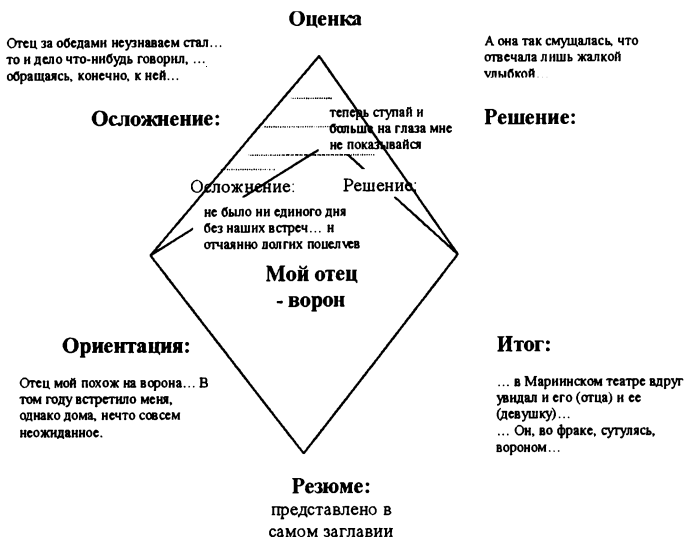

Рис. 1. Нарративная схема рассказа

Главная концептуальная поэтическая дискурсная метафора рассказа И. А. Бунина *Мой отец — ворон* составляет его **концептуальную доминанту**, определяя его смысл. Она последовательно реализуется в целом тексте с самого начала и до самого конца. Компаративные обороты рассматриваются нами здесь как частное средство передачи общего метафорического значения. Когнитивный механизм метафоры достаточно сложен; сам **предметный когнитивный перенос** признаков ворона (птицы) на отца (человека) проходит все необходимые этапы: **концептуальное наложение, совмещение, перенос** (mapping = projection), **слияние признаков** (blending) и **поглощение** (embodiment) признаков области источника (ворон) областью цели (target: отец мальчика). Мы полагаем, что наиболее актуальной задачей анализа является экспликация способов выражения концептуальной метафоры, определение технологий декодирования основного смысла рассказа. Большую помощь в этом могут оказать принципы новой складывающейся области интегративных исследований XXI в. — **когнитивной стилистики**. М. Фриман, У. Кронквист и др. выделили наиболее крупные блоки этой дисциплины [9]. Мы считаем, что почти все они — одновременно возможные пути анализа; с некоторым

расширением можно рассматривать их и как часть метода, применимого для нашего случая. К их числу мы отнесем:

— выявление совпадающих элементарных значений: **компонентный анализ** (добавлено нами);

— **соотнесенность ментальных пространств**;

— **совмещение по аналогии, слияние**;

— **нарратологический анализ** (главная смысловая функция: Оценка была уже представлена нами выше);

— **фреймовая структура** (добавлено нами).

Кроме того, целесообразно учесть более частные приемы экспликации когнитивных метафор, выделенные З. Кевечесом [10]:

— **расширение**;

— **развитие**;

— **комбинация**;

— **слияние**.

Заметим, что за последнее время нередко появляются работы, авторы которых рассматривают различного рода когнитивные переносы и сдвиги на материале целых текстов. Так, например, Е. Семино рассматривает аналогичные проблемы на материале романа Дж. Фаулза «The Collector» [11].

Прежде всего, определим семы (компоненты значения) лексемы **Ворон**, используя словарные дефиниции. По данным Словаря русского языка (В 4 т. / Под ред. А. Н. Евгеньевой) «ВОРОН — **крупная** птица с **блестящим черным** оперением, гнездящаяся обычно в уединенных местах» [12]. Произведем проекцию наиболее существенных сем на начальное описание внешности отца молодого человека (второй абзац рассказа), выделив совпадающие семы. Происходит **совмещение по аналогии**.

Невысокий, плотный, немного сутулый, → **крупная** (птица)

грубо-черноволосяй, темный длинным → с... **черным** оперением

бритым лицом, большеносый, был он

и впрямь **совершенный ворон** —

особенно когда бывал в черном фраке → с **черным клювом**
(по другим словарям)

на благотворительных вечерах нашей

губернаторши, сутуло и крепко стоял

возле какого-нибудь киоска в виде

русской избушки, поводил своей

большой вороньей головой, косясь → с **блестящим** черным

блестящими вороньими глазами → оперением

на танцующих...

Расширение и развитие метафоры происходит при наложении на текст этого же абзаца **национально-культурных сем с отрицательными коннотациями**. Ворон уже в русском народ-

ном эпосе считается **недоброй, зловещей** птицей, предвестником **несчастья**, ворон клюет трупы мертвецов, выклевывает им глаза. Ср. также с прецедентными для русской культуры текстами:

«Ты не вейся, черный ворон, над моею головой, ты добычи не дожدهшься, черный ворон, я не твой» (слова народной песни); «Вечерние поля в росе, над ними — вороны, благословляю вас на все четыре стороны» (М. Цветаева); «Я — ворон здешних мест» (сошедший с ума от горя мельник, — А. С. Пушкин); «Куда ворон костей не занесет» (словари русского языка).

Приведем фрагмент рассказа, где происходит дальнейшая проекция сем:

Отец занимал в нашем губернском городе очень видный служебный пост, и это еще более испортило его; думаю, что даже в том чиновном обществе, к которому принадлежал он, не было человека более тяжелого, более угрюмого, молчаливого, холодно-жесткого в медлительных словах и поступках.

недобрая, зловещая птица

Отрицательная оценка выражена вполне эксплицитно.

Так, уже начальный анализ позволяет представить **соотнесенность ментальных пространств ВОРОНА и ОТЦА МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА**. Покажем это с помощью рисунка.

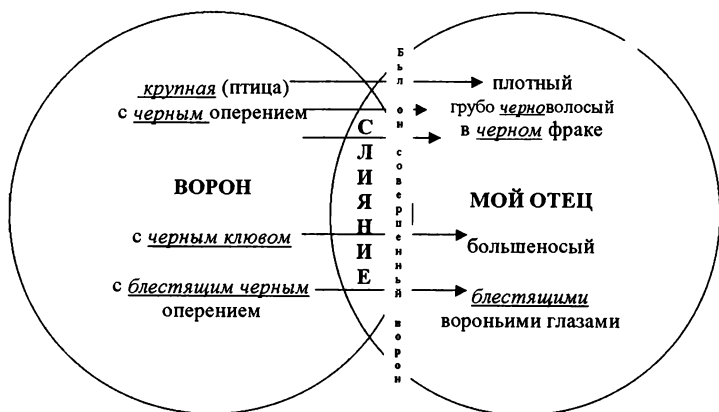

Рис. 2. Слияние (поглощение: embodiment) ментальных пространств

Дальнейшее **расширение и развитие**, а также **комбинация** существенных признаков ВОРОНА и их переноса (projection) на образ ОТЦА осуществляется через предметную фреймовую модель, в значительной степени пересекающуюся с нарративом. Основные компоненты ее следующие:

1) начальное описание внешности отца молодого человека (ср. с «Ориентацией», рис. 1);

2) совпадающие признаки и черты характера: ср. **недобрая, зловещая** птица и... не было человека более **тяжелого**, более **угрюмого**, ... **холодно-жестокоего**... Дальнейшее развитие образа отца представлено в описании обольщения девушки в нарративном Эпизоде 1 и следующем (3) этапе развития фрейма;

3) действия (жестокие) отца;

4) резюме: результат вероломства, торжество: женитьба отца на девушке.

Рассмотрим продолжение второй стадии фрейма: **Обольщение девушки**. В русской народной традиции Ворон нередко не только символ несчастья, но и **мудрая, вещая** птица. Эти культурные семы также реализованы в рассказе И. А. Бунина. Искушение молоденькой гувернантки богатством представлено в форме монологического высказывания отца за чашкой чая. Это очень хитрый его ход, свидетельствующий о его **уме**, изобретательности и даре предвидения. Приведем этот фрагмент.

— Белокурый, любезная Елена Николаевна, идет или черное, или пунсовое... Вот бы весьма шло к вашему лицу платье черного атласу с зубчатым, стоячим воротом а-ля Мария Стюарт, униженным мелкими брильянтами... или средневековое платье пунсового бархату с небольшим декольте и рубиновым крестиком... Шубка темно-синего лионского бархату и венецианский берет тоже пошли бы к вам... Все это, конечно, мечты, — говорил он, усмехаясь.

— Ваш отец получает у нас всего семьдесят пять рублей месячных, а детей у него, кроме вас, еще пять человек, мал мала меньше, — значит, вам скорей всего придется всю жизнь прожить в бедности. Но и то сказать: какая же беда в мечтах? Они оживляют, дают силы, надежды. А потом, разве не бывает так, что некоторые мечты вдруг сбываются?.. Редко, разумеется, весьма редко, а сбываются... Ведь вот выиграл же недавно по выигрышному билету повар на вокзале в Курске двести тысяч, — простой повар!

Она попыталась делать вид, что принимает все это за милые шутки, заставляла себя взглядывать на него, улыбаться, ...

Хотя черты отца здесь прямо не называются, но **развитие, расширение** фрейма, безусловно, происходит. Кстати здесь умело

использовано и **сомнение** (якобы от лица самой девушки): «И какая же беда в мечтах?» Остановимся подробнее на третьем и четвертом этапах реализации фрейма «Мой отец — ворон».

Действия отца, как отмечено, отличаются такие его качества, как **злобность** по отношению к сыну: **убийство** первой любви, изгнание сына из дома, **запрет видется** с девушкой (ворон — предвестник несчастья); и вместе с тем предвидение своей победы (ворон — **мудрая, вещая** птица). Коварные планы отца представлены в его монологе, обращенном к молодому человеку, носящем директивный приказной характер:

— Завтра ты на все лето уедешь в мою самарскую деревню. Осенью ступай в Москву или Петербург искать себе службу. Если осмелишься ослушаться, навеки лишу тебя наследства. Но мало того: завтра же попрошу губернатора немедленно выслать тебя в деревню по этапу. Теперь ступай и больше на глаза мне не показывайся. Деньги на проезд и некоторые карманные получишь завтра утром через человека. К осени напишу в деревенскую контору мою, дабы тебе выдали некоторую сумму на первое прожитие в столицах. Видеть ее до отъезда никак не надеемся. Все, любезный мой. Иди.

Резюме. Вероломные замыслы отца, основанные на обольщении, сбылись. Осенью молодой человек узнает, что его отец пересел в Петербург с «прекрасной молоденькой женой», и вскоре видит их в ложе Мариинского театра. Молоденькая жена одета в роскошный наряд, точно такой, каким отец ее искушал. «Он, во фраке, **сутулясь, вороном**, внимательно читал...»

Таким образом, **концептуальная дискурсивная поэтическая метафора** рассказа И. А. Бунина **Мой отец — ворон** получает свое рамочное завершение, реализуя все способы и приемы своей когнитивной организации, в том числе и основные этапы когнитивной модели: **концептуальный перенос, совмещение** (mapping, projection), **слияние признаков** (blending) и **поглощение признаков** (embodiment) по направлению от источника (source: **Ворон**) к цели, объекту (target: **Мой отец**).

В заключение следует отметить, что национально-культурные смыслы, представляющие ворона, будут, очевидно, различными в разных культурах.

Так, известно, что в Лондоне именно вороны с подрезанными крыльями охраняют Тауэр и защищают державу. Существует поверье, что если они покинут Тауэр, британская империя рухнет. Можно предположить, что в английской культурной традиции ворон — символ стойкости, защиты.

В то же время для образованного американца упоминание о вороне, скорее всего, ассоциируется в первую очередь с произведением Эдгара По «The Raven», написанным почти 100 лет назад (1845), которое в свое время зловещим рефреном «Nevermore» преследовало людей, как призрак, и до сих пор является символом злой судьбы, которую нельзя изменить.

В некоторых восточных культурах ворон — добрая птица, помогающая людям и символизирующая удачу. Следовательно, в разных культурах могут быть различные ассоциации, связанные с упоминанием ворона.

Примечания

Текст анализируемого рассказа И. А. Бунина «Ворон» приводится по изданию: Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1965 — 1967.

1. Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

2. Barcelona A. The State of the Art in the Cognitive Theory of Metaphor and Metonymy and its Application to English Studies / The European English Messenger, 1998. Vol. 7, Spring.

3. Там же. С. 46. Перевод наш — К. А.

4. Баранов А. Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры: почти двадцать пять лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М., 2004. С. 11.

5. Там же. С. 251. Выделено нами — К. А.

6. Barcelona A. Op. cit. P. 251.

7. Ungerer F., Schmid H. An Introduction to Cognitive Linguistics. Essex, England. 1996.

8. Кубрякова Е. С. Указ. соч. С. 55–56.

9. Freeman M. Poetry and Scope of Metaphor: Toward a Cognitive Theory of Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective / Ed. A. Barcelona. Berlin, 2000.

10. Kovecses. Metaphor: A Practical Introduction. Oxford, 2002.

11. Semino E. A Cognitive Stylistic Approach to Mind Style in Narrative Fiction // Cognitive Stylistics: Language and Cognition in Text Analysis / ed. by E. Semino and J. Culpeper. Amsterdam, 2002.

12. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1985. Т. 1: А–Й.

© Э. А. Лазарева
УрГУ, г. Екатеринбург

Рекламный дискурс:

выражение коммуникативно-прагматических смыслов

Реклама — широко известный и популярный сейчас вид массовых коммуникаций — представляет собой дискурс, имеющий усложненный, многознаковый характер. Несомненно, что единый смысл рекламного произведения выражается за счет активного взаимодействия всех его составных частей — вербальных, аудиовизуальных, а также коммуни-

кативных компонентов. Мы избрали для анализа рекламных произведений дефиницию термина «дискурс», позволяющую наиболее корректно и непротиворечиво определить исследуемый феномен. Мы используем термин в понимании Г. Г. Почепцова как «социальный процесс, в который включен текст, а текст является конкретным материальным объектом, получасмым в дискурсе» [1]. Остановимся на составляющих этого термина.

Социальный процесс. В социальном процессе возникают коммуникативные составляющие, связанные с особенностями поведения автора и адресата, их взаимосвязями, их социально-психологическими характеристиками, коммуникативными стратегиями. Особенности кода, используемого в дискурсе, накладывают отпечаток на рекламное произведение: вербальные и аудиовизуальные знаки выражают смысл и особенности канала коммуникации, та обстановка, которая изображается в рекламе, и та обстановка, которая характерна для ситуации восприятия произведения, также является составной частью рекламного смысла. Социальный процесс при коммуникации порождает все многообразие составляющих произведения, его невербальных и вербальных компонентов. Существует набор коммуникативно-речевых стратегий и тактик, используемых в рекламе.

Текст. Реклама реализуется в текстах разного типа (вербальных, аудиовизуальных), в которых выражается весь смысл этого вида коммуникации. При описании дискурса закономерно описываются и все составляющие словесного характера, без которых почти невозможна ни одна реклама.

В массовой коммуникации источник информации — организованная группа, действующая в интересах другой системы более высокого уровня. «Коллективный характер массовой коммуникации способствует вольному или невольному искажению передаваемой информации, так как в условиях опосредования увеличивается количество партнеров, одновременно вступающих в общение» [2]. Это замечание очень важно для характеристики рекламного содержания, где неминуемо приукрашиваются свойства рекламируемого предмета.

Психология до сих пор еще научно не объяснила природу связи между рекламой коммерческих структур и поведением отдельных людей, которые каждый день, общаясь друг с другом, рекламируют себя, используя практически те же самые приемы и допуская те же самые ошибки, что и крупные компании, вкладывающие в рекламу огромные финансовые средства.

Возможна такая форма рекламной коммуникации, когда принимаются во внимание взаимоотношения не только рекламиста и потребителя, но и потребителя с другими потребителями. Здесь реклама

выполняет функцию «коммуникации для коммуникации». Сначала товар представляет потребителю рекламист, затем тот же товар рекламирует потребитель в кругу значимых для него людей. Одновременно с этим он рекламирует самого себя. То есть товар рекламируется не один раз, а как минимум дважды.

Таким образом, психологически эффективная реклама заставляет потребителя самого становиться рекламистом, использовать приобретаемый товар для того, чтобы социально выделиться, привлечь к себе внимание, получить социальное одобрение, высокую социальную оценку, сохранив и поддерживая тем самым чувство личного достоинства [3].

Реклама прямо связана с продвигаемым товаром, основа тесной связи с этой реальностью обуславливает **откровенность и определенность** рекламного дискурса, который явно и недвусмысленно направлен на привлечение адресата, «вербовку» его, формирование у него заинтересованности в предмете рекламирования — это касается продвижения товаров/услуг, политических деятелей или социальных ценностей. Откровенность произведения определяет «кричащий», призывающий характер рекламы, который не скрывает ее прагматической, экономической направленности: «...несомненно, что в рекламном изображении знаки обладают особой полновесностью; они сделаны так, чтобы их невозможно было бы не прочитать: рекламное изображение откровенно, по крайней мере, предельно выразительно» [4]. Рекламный дискурс существует как явление, сотканное из противоречий. С одной стороны, это произведение, созданное для представления товара, услуги, политической партии, предназначенное для побуждения адресата к действию по приобретению рекламируемого предмета или изменению коммуникативной сферы адресата. В этом отношении реклама опирается на реальность, отражает то, что существует в окружающей жизни. Мало того, реклама прагматична, ориентирована на получение экономического и/или идеологического результата. С другой стороны, реклама является произведением, созданным для воздействия на адресата, что влечет за собой использование специальных средств выразительности, многочисленных речевых приемов и речевых тактик.

Рекламный дискурс имеет и другой постоянный прагматический признак. Речь идет о постоянной положительной **оценочности**, сопровождающей показ предмета рекламы. Это качество придает всему, о чем она говорит, свойства хорошего, прекрасного, изумительного, самого необходимого. Положительно-оценочная тональность постоянна в рекламе. Это главная прагматическая составляющая ее — то, что рекламируется, то всегда очень хорошо, превосходно, лучше всех.

Рассмотрим цели, которые ставятся при создании рекламного дискурса. Основная цель — *формирование потребительского предпочтения товара* перед другими. Это важно, поскольку человек может испытывать благорасположение к товару, но не отдавать ему предпочтение, тогда покупка не состоится. Эта главная цель уточняется целями передачи культурных ценностей, вхождения в мировое сообщество с помощью рекламы и формирования образа жизни.

Другая группа целей рекламного произведения связана с *коммуникативными потребностями* людей. Эти цели рекламы должны активизировать взаимодействие коммуникантов, при котором возникает социальное одобрение. С помощью рекламы можно удовлетворить потребности в сохранении и приумножении социально значимых ценностей (здоровье, материальное благополучие). Реклама формирует группы людей на основе общих знаний: «Мы все знаем эту рекламу». При этом рекламное обращение выступает в роли преседентного текста, известного и знакомого всем.

Возможно выделить и еще одну цель рекламного дискурса, определяющую его коммуникативный стратегический потенциал. Дело в том, что главная направленность этого средства массовой коммуникации — привлечение потребителя к товару — определяет его основную стратегию — *проталкивание товара и привлечение потребителя к товару* (по Ф. Котлеру [5]). Эти главные стратегии существуют на всех этапах вовлечения потребителя в сферу рекламного продукта, который можно агрессивно проталкивать и навязывать или побуждать потребителя к покупке путем пропаганды достоинств предмета рекламы. Главная цель определяет использование основной коммуникативно-речевой стратегии рекламного дискурса — стратегии завоевания потребителя. Эта главная стратегия, в свою очередь, определяет построение дискурса рекламы, который направлен на достижение главной цели. Для этого используется постоянное увещание, направленное на адресата, создание атмосферы повышенной заинтересованности в товаре. Основная рекламная стратегия завоевания потребителя реализуется с помощью коммуникативно-речевых тактик.

За счет чего возможна опознаваемость рекламы, ее отмеченность как вида массовой коммуникации? Рекламный дискурс вырабатывает сигналы своей обособленности от других сообщений, отделенности от других видов информации. Это могут быть шрифтовые и другие полиграфические средства (линейки, рамки, отточия и др.), сигналы расположения рекламы в определенных местах печатного издания, специальные указания — «Реклама». Но самым главным является такая коммуникативная характеристика произведения, как

выражение смысла **рекламности**. Любая реклама, зачастую будучи образным, условным произведением, выражает основной смысл «рекламность». Этот смысл можно считать постоянным, отличительным признаком, формирующим свойства этого вида массовой коммуникации. Значение «рекламность» можно сформулировать в самом общем виде как «приди и купи, оцени предмет рекламы как самый лучший, неповторимый».

Что же используется, чтобы создать рекламную коммуникацию, т. е. создать ситуацию «Я читаю (смотрю, слушаю) рекламу» — «Я создаю рекламу»? Для этого необходимо в дискурс ввести элементы, прямо направленные на адресата, изменить его поведение в сторону обращения к предмету рекламы, побудить к покупке. Говоря по-другому, можно создать сигнал рекламности, текст должен быть идентифицирован как «Я — реклама». Это означает, что необходимо использование специальных средств воздействия на адресата, чтобы привлечь его к рекламному продукту, побудить и даже принудить к покупке. При создании рекламного произведения необходимо опираться на учет названных прагматических качеств.

Примечания

1. *Почепцов Г. Г.* Теория коммуникации. М., 2001. С. 8.
2. *Рюмина Л. И.* Манипулятивные приемы в рекламе: Учеб. пособие. М., Ростов н/Д., 2004. С. 36.
3. *Лебедев-Любимов А. Н.* Психология рекламы. М., 2000.
4. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 298.
5. *Котлер Ф.* Основы маркетинга. М., 1992.

© **Т. И. Стексова**
НГПУ, Новосибирск

Адресатная направленность предвыборной агитации

Среди современных направлений развития лингвистики признанной становится так называемая политическая лингвистика, предметом исследования которой, по мнению П. Б. Паршина, является политический дискурс [1]. Интерес к политическому дискурсу проявляют ученые политологи, психологи, социологи и лингвисты, причем, как отмечает А. П. Чудинов, лингвистические исследования политического дискурса проводятся в разных аспектах [2]. К политическому дискурсу ученые относят политические газетные тексты, публичные выступления политиков, интервью с ними, а также тексты политических документов. Представляется необходимым дополнить составляющие политического дискурса текстами предвыборной агитации.

Одним из ключевых вопросов политической коммуникации в целом и предвыборной в частности является вопрос результативного воздействия на избирателя. Особенно остро этот вопрос встанет во время предвыборной кампании, центральное место в которой занимает предвыборная агитационная деятельность, под которой понимается «деятельность, побуждающая или имеющая целью побудить избирателей к участию в выборах, а также к голосованию за или против любого зарегистрированного кандидата» (Закон о выборах). В ситуации многопартийной системы, в ситуации возможного выбора политик вынужден бороться за голоса избирателей. Успех этой борьбы во многом зависит от умения правильно выстроить текст, «поэтому для участника предвыборной кампании умение правильно построить воздействующую речь и завоевать симпатии аудитории — одна из важнейших задач» [3]. Иначе говоря, аудитория представляется главным фактором политического дискурса, ради нее и создаются тексты предвыборной агитации. Адресатом политического дискурса могут быть массы, политический партнер, политический оппонент [4], причем для предвыборной агитации ядерным направлением коммуникативной деятельности политика являются массы, ведь именно их голоса обеспечивают победу или поражение на выборах.

По мнению политологов, участвуя в предвыборном процессе, избиратели часто имеют дело не со своими личными и непосредственными впечатлениями от кандидата, от его деятельности и жизни, а с рассказом о лидере, с сообщением, выстроенным таким образом, чтобы влиять в нужном для кандидата русле на получателя такого сообщения [5]. Причем даже те сведения о взглядах, делах кандидата, которые могут не разделяться массами, подаются в предвыборной агитации таким образом, чтобы представить политика с положительной стороны. Так, в своей предвыборной листовке кандидат в депутаты городского совета Р. Шило активно поддерживает осуждаемый народом закон о монетизации *(В целом закон правильный и хороший. В этом я солидарен с правительством и «Единой Россией»);* выступает за отмену льгот *(...у меня к льготам особое отношение... Мы породили целую армию иждивенцев. Я все эти годы борюсь в Совете за 100 % оплату услуг ЖКХ жителями города... Почему бюджет города должен содержать такую армию нахлебников? Многие из них вполне способны еще работать и зарабатывать. Недаром правительство хочет увеличить возраст выхода граждан на пенсию);* поддерживает стратегию «точечной» застройки города *(Я всегда поддерживаю мэрию в этом вопросе)*. Казалось бы, подобные взгляды должны скорее отпугнуть избирателя, а не привлечь. Но авторы данной листовки сумели на основе этих

непопулярных высказываний сделать правильный вывод и показать личность кандидата с положительной стороны: *Спасибо за беседу. Вас всегда отличали честность и прямота.* Итак, тексту предвыборных агитационных материалов отводится большая роль.

Как известно, всякий речевой акт рассчитан на определенную модель адресата, хотя ориентация автора на фактор адресата может представлять собой не только осознанный выбор речевой стратегии, но и слабо осознаваемый учет тех или иных особенностей адресата. Статус и конкретные черты адресата в ситуации текстопорождения в значительной степени влияют на облик текста, так как полученная информация интерпретируется адресатом субъективно, соотносится с его личными представлениями о мире. Адресаты предвыборной агитации различаются по способу восприятия (эмоционально воспринимающие и критически воспринимающие информацию); по уровню избирательной активности (активные и пассивные избиратели); по социальным признакам (пол, возраст, степень образованности, профессиональная принадлежность и т. п.); по базовым идеологическим ценностям.

Неструдно заметить, что предвыборная агитация тем успешнее, чем больше ее авторы ориентируются на конкретный тип избирателя, учитывают его ожидания при создании своих текстов.

Так, адресаты, склонные к анализу и обдумыванию содержания сообщения, лучше всего поддаются способу убеждения, представляющему систему аргументации и стимулирующему соответствующие мысли. Другая группа адресатов при решении определенных вопросов не апеллирует к знаниям, а воспринимает информацию эмоционально, соотнося ее со своими представлениями о мире. Эффект воздействия на такого адресата связан с возникающими у него ассоциациями. Некоторые исследователи соотносят деление адресатов на эмоционально и критически воспринимающих информацию с делением адресатов по половому признаку. Так, А. Н. Баранова, отмечая пристрастие женщин к фатической области, к выражению эмоциональных переживаний и чувств, считает, что женщины в большей мере задают вопросы, поддерживают диалог, используя обилие междометных высказываний, оценочных фраз. Женщины чаще склонны соглашаться, выражать солидарность. Мужчинам же, по ее мнению, свойственен стиль доминирования, команды, распоряжения, высмеивания и присвоения кличек, вербальные угрозы, похвальба [6]. Вероятно, такие тенденции действительно имеют место, но вряд ли носят универсальный характер. Кроме половых различий, существенными оказываются такие характеристики, как возраст, уровень образования, политические пристрастия и пр.

Предвыборная агитация, чтобы быть успешной, должна учитывать ожидания электората. Политологи считают, что эти ожидания известны и сводятся к набору базовых идеологических ценностей, наиболее актуальных в данный момент времени. А. А. Мирошниченко указывает на такие идеологические модели, как советский коммунизм, патриархализм, демократия, либерализм, патриотизм, социальная защита, протест, регионализм, персонализм и некоторые другие [7]. Тексты, обращенные к избирателям с различными наборами идеологических ценностей, должны различаться. Ну и конечно, необходимо учитывать такую характеристику избирателей, как их активность или пассивность. Представляется, что можно выделить несколько условных групп адресатов по совокупности, комплексу признаков.

1-я группа. Это активная группа избирателей со средним образованием (реже — высшим), городские жители пожилого возраста, приверженцы коммунистической идеологии, стоящие в оппозиции к существующей власти.

2-я группа. Активная группа городских избирателей молодого возраста с низким или средним уровнем образования, принимающих идеи «патриотизма», а точнее — национализма.

3-я группа. Активная группа жителей села со средним или низким уровнем образования, среднего или пожилого возраста, базовой ценностью которой является идея регионального благополучия и процветания.

4-я группа. Скорее пассивная, чем активная группа городских избирателей со средним или высшим образованием, молодого или среднего возраста, для которых базовыми являются идеи интернационализма и демократии.

Учет того, какой из этих групп адресован текст предвыборной агитации, так или иначе должен отражаться на выборе языковых средств. Повторимся, что чем более язык политической агитации соответствует ожиданиям и языковым предпочтениям определенной группы электората, тем более результативным будет этот текст.

Продemonстрируем это на примере анализа конкретного языкового материала. К средствам адресатной направленности относятся как средства создания диалогичности, так и некоторые другие. При этом следует отметить, что многие средства создания диалогичности характерны для предвыборной агитации, адресованной разным группам адресатов. К таким универсальным средствам относятся:

1. Точная номинация адресата: *Это под силу только вам, **молодежи*** (буклет В. Городецкого, 2004).

2. Использование местоимения *мы* и глаголов в форме 1 л. мн. ч.:

— для демонстрации коммуникативного единства автора и адресата: **Мы** задаем себе вопрос: можем ли **мы** теперь кому-то верить? (буклет М. Евдокимова, 2004);

— для создания оппозиции «мы (автор и адресат) — они (некий оппонент, противник)»: **Нашими** бедами, проблемами Новосибирска эти люди заниматься никогда не будут! **Им** нужно другое... (листовка Н. Мочалина, Н. Мамулата); **Мы** уже встречались с кандидатами, которые красиво говорили об угрозах алтайскому селу и русскому народу, обнадеживали **нас** блестящими планами на будущее. Вспомнив о простом человеке накануне выборов, **они** забывали о нас сразу же после избрания (буклет М. Евдокимова, 2004).

3. Апелляция к мнению собеседника путем использования вводных слов со значением призыва к читателю: **Согласитесь**, трудно найти объяснение тому факту, что в областном центре человек безнаказанно печатает массовым тиражом газету... (бюллетень Я. Лондона, 2004).

4. Использование риторических вопросов: *Неужели именно такого мэра ждет Новосибирск? Неужели именно такого мэра достойны мы, жители Новосибирска?* (Телегазета, 2004).

5. Использование вопросно-ответных комплексов, имитирующих беседу: *Почему все телевизионные программы «поливают» Городецкого Владимира Филипповича? Ответ есть! Хозяева телеканалов обещают молочные реки и кисельные берега, обещают все и сразу, но только в том случае, если мы выберем их* (листовка Н. Мочалина, Н. Мамулата, 2004).

Успешный политик, кроме использования универсальных средств диалогизации, варьирует свои тексты с учетом конкретной группы адресата. Для этого прежде всего необходимо найти мысль, которая бы объединила политика и аудиторию (или в терминах Дж. Тоноян — топос). Так, для **группы социально незащищенных избирателей** (чаще всего — пенсионеров) значимой является ЛСГ «льготы» (пенсии, субсидии) и предвыборная агитация строится на оппозиции **нищета — богатство**: *Подавляющее большинство — старики, пенсионеры, женщины и дети — осталось не у дел, а горстка пройдох и дельцов разом получила власть и все богатства страны* (Телегазета, 2004); *Городецкий, став мэром, первым делом отгрохал себе шикарный особняк. На какие деньги? На зарплату мэра?* (Полит-навигатор, 2004). Эта оппозиция зачастую перерастает в другую оппозицию: **народ — действующая власть**: *В России деньги есть, а пенсии мизерны потому, что власть презирует пенсионеров* («Яблоко», 2003). Причем интересно отметить, что совершенно не важны полити-

ческие воззрения кандидатов, стратегия воздействия оказывается одинаковой у разных политических партий. Ср.: *Мы за бедных! Мы самая богатая в мире страна по природным ресурсам. В то же время у нас самое большое число людей, имеющих доходы, не позволяющие достойно жить. Положение можно исправить, ресурсы, возможности для этого есть. Я об этом говорил в Думе, говорил Президенту, министрам. Везде. Но почти ничего не меняется. Потому что нет политической воли, искреннего желания покончить с бедностью. Никто не хочет связываться с олигархами. У ЛДПР, у меня такая воля, такое желание имеются! Мы все сделаем. И быстро. Повторяю, ресурсы, деньги в стране есть!* (В. Жириновский). В том же случае, если кандидат является действующим представителем власти, то в тексте обращается внимание на его заслуги перед данной группой населения: *За последние годы сделано много полезного для края: прекратились задержки выплаты пенсий; выросли зарплаты и пенсии* (буклет А. Сурикова, 2004). В текстах, адресованных данной группе электората, часто успешно используется риторика советских времен: *Здесь понимают, чьими руками в военное лихолетье поднимали заводы. Не забывают о тех, кто ковал оборонное могущество страны* (буклет В. Городецкого, 2004). Решительное «нет» *подлым наемникам, лжецам и гнусным провокаторам* (листовка «Коммунисты за народовластие», 2003).

А уже цитированная листовка Р. Шило явно рассчитана не на пенсионеров, а на представителей так называемого **среднего класса**, которых не волнует проблема льгот, которые способны сто процентно оплачивать услуги ЖКХ, именно для них и ведется в лучших районах города точечное строительство элитного жилья.

Во многих агитационных текстах, **адресованных молодежи**, значимой является мысль о развитии, перспективах: *Сложилась система взаимодействия молодежи и городских властей, которая помогла многим молодым людям проявить свои способности и таланты в различных сферах деятельности* (буклет В. Городецкого, 2004). Но так как молодежь оказывается неоднородной по своему составу, создатели текстов учитывают и образовательный уровень адресатов, их устремления. Так, в текстах для не очень образованных молодых людей используется разговорная лексика, просторечия, встречаются даже грамматические погрешности: *А вы еще сомневаетесь, что выбрать: фэрри ... с крылышками, **слюнявого коммерсилу**, бывшего горкомовского комсомольца или нынешнего секретаря обкома «ум, честь и совести»? <...> Потому, что в противном случае Анатолий Локоть укатит в столицу, а все мы останемся, как говорится, с порванной губой...* (бюллетень «Сибирская застава», 2002).

Для избирателей, базовыми ценностями которых являются идеи **регионального** благополучия, значимым оказывается то, что кандидат сделал или может сделать для их региона. Так, предвыборная агитация кандидата в депутаты Государственной Думы А. Шимкина подчеркивает его заслуги в работе на благо одного района Новосибирской области: помог построить дороги Сузун – Битки и Сузун – Шайдурово, оказал помощь в строительстве больниц и бурении новых скважин и т. п. Вся предвыборная агитация кандидата на пост губернатора М. Евдокимова была ориентирована на сельских жителей Алтайского края, являющихся активным большинством избирателей. Стратегия предвыборной агитации базировалась на подчеркивании близости кандидата и избирателей, что отражалось даже на языковых особенностях агитационных текстов: *А как работали! Играючи, красиво, **мальши**на посмотреть собиралась, **девки** собирались... А в родном селе начались **лихие** годыны. Госплемхоз развалился. Мужики не понимали, что случилось, как так?.. – **Ниче!** – усмехались селяне. С нашим-то Мишкой продержимся-то кое-как! А потом станет он, скажем, главой администрации края, так и вообще жизнь наладится...* (буклет М. Евдокимова, 2003).

Для убеждения людей, **эмоционально воспринимающих** полит-агитацию, используется ЛСГ слов со значением чувств, отношения: *С **любовью** к городу, с **уважением** к людям!* (слоган Я. Лондона); *Потому, что в Лондона **верим** мы. Потому, что Лондона **любит** Новосибирск* (листовка Я. Лондона). Очень часто тексты предвыборной агитации рассчитаны только на женщин. В них ключевыми словами являются те, что называют главные ценности семейного счастья: *Маму я очень любил, ей было трудно в жизни, но именно она дала мне в этой жизни самое главное – любовь к жизни, любовь к людям, любовь к женщине. Для меня светлей и чище образа мамы нет ничего на свете. Разве только солнце... Я считаю, что счастье должно стать нормой жизни каждого* (листовка В. Лебедева, 2003).

Для **критически мыслящих** избирателей в качестве средств воздействия выбираются совсем другие; здесь важно не затронуть эмоциональную сферу, а убедить, привлекая аргументы, в качестве которых используются цифровые данные: *...средняя месячная начисленная зарплата выросла почти в 4 раза (с 1523 рублей в 1999 году до 5868 рублей на начало 2003 года)* (буклет «Единой России», 2003). Кроме того, в качестве аргумента прибегают к ссылкам на авторитетное мнение. Так, буклет кандидата в депутаты Государственной Думы Виктора Игнатова сообщал, что данный кандидат поддержан директорами школ Засельцовского района, что подтверждалось шест-

надцатью подписями достаточно уважаемых и авторитетных директоров школ. Главной особенностью рассмотренных предвыборных материалов является косвенный характер их воздействия. Они рассчитаны на активную часть электората, и задача политтехнологов не в том, чтобы убедить их принять участие в выборах, а в том, чтобы они проголосовали именно за нужного кандидата.

В расчете на **пассивных избирателей** выбираются тактики прямого призыва: ***Воспользуйтесь** вашим правом во благо родного города* (буклет В. Городецкого); *Прочитай – **передай** товарищу!* («Навигатор», 2004); ***И не поленитесь прийти** на избирательные участки* (Р. Шило). Именно для такой группы избирателей предвыборные тексты содержат прогнозирование результата их бездействия: ***Не проголосуете вы – проголосуют за вас!*** (Я. Лондон, 2004).

Политическая коммуникация между **политиком и политическим партнером** в предвыборной агитации представлена очень скупо, чаще всего она сводится к указанию того, какая политическая сила поддерживает данного кандидата: *Вместе мы сила, тем более что на этих выборах меня поддержала самая сильная и популярная партия «Единая Россия»* (Р. Шило). Более востребованной оказалась коммуникация **политика и политического оппонента**, которая сводится к сбору и опубликованию компромата на конкурента в политической борьбе. Так, в Советском районе Новосибирска была распространена листовка, в которой перечислялись данные об одном из кандидатов в депутаты горсовета и многочисленные статьи Уголовного кодекса, вмененные в разные годы людям, которые каким-либо образом были связаны с этим кандидатом. Спустя очень короткое время этот кандидат публично снял свою кандидатуру. Как отмечают журналисты, «в округе сегодня не осталось ни одного кандидата, благородный образ которого не оказался бы омрачен щедро распространенным компроматом. Как правило, акцент делается на сугубо корыстных мотивах его депутатских устремлений или вопиющей некомпетентности» («Деловой вторник», 2005, 25 марта). Интерес представляет исследование причин выбора определенного типа политической коммуникации и его результативности, но это задача уже не лингвистическая.

Примечания

1. Паршин П. Б. Метааучные размышления о политической лингвистике: три подхода к становлению исследовательской дисциплины // Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2003.

2. Чудинов А. И. Основные направления в политической лингвистике // Там же.

3. Топоян Дж. Я. Аргументационное воздействие в предвыборной кампании // Там же.

4. Дилигентский Г. Г. Социально-политическая психология. М., 1994.
5. Романов А. А., Черепанова И. Ю. Языковая суггестия в предвыборной коммуникации. Тверь, 1998. С. 7–8.
6. Баранова А. И. Социальный статус человека в лингвистическом аспекте // «Я», «субъект», «индивид» в парадигмах современного языкознания. М., 1992: С. 53.
7. Мирошниченко А. А. Выборы: от замысла до победы (предвыборная кампания в Российском регионе). М., 2003.

© А. П. Чудинов
УрГПУ, г. Екатеринбург

Новые русские метафоры

Одним из наиболее перспективных направлений в современной метафорологии стала когнитивно-дискурсивная теория метафоры, которая возникла и развивается в рамках когнитивной лингвистики. Важно подчеркнуть, что новая теория не отказалась от всего лучшего, что было в традиционных учениях о метафоре. Она просто предложила использовать при исследовании метафор принципы когнитивной лингвистики, и это позволило увидеть новые грани в, казалось бы, хорошо известном феномене. Современная когнитивистика рассматривает метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира. Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, познает при помощи метафор тот мир, в котором он живет, а также стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира, ввести новую категоризацию в представление, казалось бы, хорошо известных феноменов.

В современной лингвистике существует две полярные точки зрения на возникновение метафоры. Первая из них восходит к трудам А. Н. Веселовского, который стремился выявить истоки «всковых метафор» и определить, почему они воспроизводимы в новых условиях, в чем причины их «смыслности по отношению к новым вопросам чувства» [1]. В этом случае предполагается, что в национальном сознании существуют извечные модели, которые в каждую новую эпоху лишь несколько модифицируются.

Ярким примером подобных процессов может служить фитоморфная метафора. В ее основе лежат базисные образы, связанные с архетипическим восприятием мира. В этом мире все происходит из каких-то семян или зерен, имеет свои корни и приносит плоды, рождается и умирает в соответствии с естественными циклами жизни. Старый дуб, родные березы и осины, русское поле и сибирская тай-

га — эти и многие другие образы уже давно используются в нашей стране как национальные символы. Роль растений в политической метафорике в известной степени сопоставима с их значимостью в мифопоэтических представлениях. Рассмотрим один из примеров:

В минувший год Народно-патриотический союз был **похож на дерево**, охваченное бурей, которая **ломала ветки и сдирала листву**. Эта буря унесла много **желтых листьев, недозрелых плодов, чахлых, нестойких побегов**. Под этим **потрепанным древом** по сию пору никому не нужные лежат Подберезкин, Лапшин и Тулсев. И их **начинает точить червь** забвения. Но **дерево в своем стволе, корнях и ветвящейся кроне не сломалось**. Стремительно **набирает новые соки, одевается свежей листвой, обретает новую высоту и ширь** (В. Чикин, А. Проханов).

Не менее традиционны и зооморфные образы, которые также оказываются в числе наиболее востребованных в современной политической коммуникации. Ср.:

Путин... **подковал и поставил в стойло иноходцев-губернаторов**, назначив **над ними семь строгих конюхов**, но те лузгают семечки, а **иноходцы прогрызают стены конюшни**... Он разгромил две виртуальные империи — ОРТ и НТВ. **Прогнал под дождь нашкодившего от возбуждения Доренко и вырвал клыки саблезубому тигру** Киселеву, вставив ему **в челюсти клочки промокашки**, но **вся русофобская тля**, как и прежде, **облепила экраны** (А. Проханов).

Вторая точка зрения представлена в трудах Е. С. Кубряковой. По ее мнению, для современного человека характерен «известный отход от наивной модели мира, или, во всяком случае, переход от этой модели мира к более изощренной, происходящий под явным воздействием прогресса науки и возникновения новых высоких технологий, развития промышленности и индустрии и т. д.» [2]. В соответствии с этой точкой зрения для современной метафоры новое состояние общества, реальное мировосприятие не менее значимы, чем древние традиции. Примером может служить спортивная метафора, которая ярко отражает именно современную жизнь. В современной политической коммуникации важное место занимают концепты, относящиеся к наиболее любимым в России видам спорта — футболу, боксу, автогонкам, теннису. Политическая деятельность регулярно метафорически обозначается как спортивное состязание, где необходимо соблюдать строгие правила честного соперничества, где успех в значительной степени предсказуем, победа приходит к сильнейшему, хотя бывают разного рода неожиданности. Ср.:

Как человек я не люблю Президента. Однако как футболист я играю с ним в одной команде (В. Новодворская); *Политических грубиянов надо удалять с поля, как строгий судья удаляет проштрафившихся хоккеистов* (К. Веснин); *Борис Федоров удален до конца игры. Ему окончательно закрыли путь в совет директоров Газпрома* (О. Губенко); *Мы присутствуем при грандиозном шахматном матче Путин – Вашингтон, где российский игрок разыгрывает партию, не предусмотренную теорией шахматной игры* (Е. Мячин).

В подобных образах очень яркие концептуальные смыслы «соревнование», «борьба», «азарт», но нет той ожесточенности, которая присуща военной или криминальной метафоре, и нет того пессимизма, который характерен для метафор с исходной понятийной сферой «Болезнь». Вместе с тем спортивная метафора часто связана с оценкой политической деятельности как сферы, где много далекого от важнейших проблем обычного человека, случайного, не подлинного, значимого только для самих участников политических игр и их болельщиков.

Активизация спортивной метафоры вполне закономерна: источником метафорической экспансии могут служить только привлекающие массовое внимание сферы деятельности. Определенную роль могут сыграть и личностные пристрастия политических лидеров, поэтому вполне закономерно, что теннисные метафоры все более уступают свое место образам, связанным с дзю-до и горными лыжами.

Специальные наблюдения свидетельствуют о двойственной природе истоков современных политических метафор. С одной стороны, трудно отрицать традиционность наиболее общих моделей. К ним относятся следующие сферы-источники:

1. Антропоморфная метафора. При исследовании этого разряда анализируются концепты, относящиеся к исходным понятийным сферам «Анатомия», «Физиология», «Болезнь», «Секс», «Семья» и др. В данном случае человек моделирует социальную реальность исключительно по своему подобию.

2. Натуроморфная метафора. Источниками метафорической экспансии в этом разряде служат понятийные сферы «Животный мир», «Мир растений», «Мир неживой природы (ландшафт, метеорология, стихии и др.)», т. е. в подобных случаях социальные реалии осознаются в концептах мира окружающей человека природы.

3. Социоморфная метафора. Исследуются концепты, относящиеся к понятийным сферам из социальной среды: «Преступность», «Война», «Театр (зрелищные искусства)», «Игра и спорт».

4. Артефактная метафора. Исследуются такие понятийные сферы, как «Дом (здание)», «Транспорт», «Механизм», «Домашняя утварь» и др. В данном случае политические реалии представляются как предметы, созданные трудом человека.

Названные разряды метафор можно схематично представить как «Человек и природа», «Человек и общество», «Человек и результаты его труда», «Человек как центр мироздания».

Важно подчеркнуть, что в основе каждой понятийной сферы лежит концептуализация человеком себя и мира в процессе когнитивной деятельности. Именно поэтому выделяется, например, понятийный разряд «Человек и природа», а не категория (или семантическое поле) «Природа». С другой стороны, конкретные метафорические образы отражают именно современное состояние общества. Метафоры передают мировосприятие нашего современника, живущего в обновленной России. Творец метафор — это ярко выраженный житель крупного города, и данный факт непосредственно отражается в возникающих метафорах.

Возьмем в качестве примера метафорическую модель со сферой-источником «Дом» и попробуем выяснить, какой дом служит прототипом для метафор. Что имеют в виду авторы: традиционный сельский дом или городское многоквартирное многоэтажное здание? Ср.:

*Коррупция так пронизала все исполнительные структуры, что стоит потянуть веревочку — и рухнут все **верхние этажи** президентской власти (А. Проханов); И у Косово, и у Чечни есть сходство с **коммунальной квартирой**. К жарким баталиям **на коммунальной кухне** нам не привыкать — хоть со сковородками, хоть с минометами. А что способно решить квартирную проблему? Только расселение. Иначе «соседи» все равно будут лупить сковородками друг друга или «разводящих» (Б. Мурадов); Мир маленький, и в этом **сообществе квартир** мы должны жить в мире и не гадить друг другу в кастрюли (К. Боровой); Даже «Известия» выразили **недоумение кухонно-коммунальными методами** воздействия на депутатов (Ю. Нерсисов).*

Рачительный хозяин постоянно стремится сделать свой дом комфортнее. С этой точки зрения легко объяснима ключевая политическая метафора эпохи М. С. Горбачева — перестройка. В слыцинский период эта метафора по отношению к недавнему прошлому использовалась преимущественно иронически. При характеристике новейших процессов предпочитали другие образы. Ср.:

*НДР требуется **капитальный ремонт**, точнее, **реконструкция**: от правящей когда-то партии после утраты крыши ос-*

тался только финансовый фундамент да несущие конструкции аппарата (Е. Бокрина); Партии власти уже не поможет **косметический ремонт** (Л. Горбунов); Надо голосовать против Ельцина... против срочно **подчищаемого и подмазываемого проекта «новой конституции»** (С. Шаньгин).

В политической речи активно используется и образ разрушения дома: так, обычно метафорически представляются разнообразные действия, направленные на резкое изменение прежней социальной системы, на отказ от традиционных ценностей. Ср.:

*Экономическая амнистия? Это просто нелепость. На гнилом фундаменте **рухнет** наше государство* (А. Солженицын); *Если вместо дома будут узкие клетки — страна **будет разваливаться*** (В. Жириновский).

Отметим, что три рассмотренных варианта данной модели обладают различным эмоциональным потенциалом в современной политической метафоре: со слотом «строительство» чаще связаны положительные эмоции; вызывавший в середине 80-х гг. положительные эмоции слот «перестройка и ремонт» сейчас больше ориентирован на иронию, а последний слот относится к числу выражающих преимущественно боль и агрессию.

Для человеческого сознания очень значимо противопоставление дома «своего» и «чужого». В советскую эпоху «свой» дом — это место проживания, но не обязательно объект владения. С изменением социальной системы все большее значение приобретает вопрос о владении домом. При развертывании рассматриваемого фрейма концепт «жильцы» метафорически обозначает граждан страны и ее отдельных регионов. Люди, проживающие в доме, могут быть его хозяевами или квартирантами.

В начале постсоветской эпохи представители самых различных политических партий, говоря о строительстве государства, предполагали, что дом будет общим, подчеркивалась необходимость совместных усилий различных политических сил, что подразумевало одинаковый статус «жильцов» (т. е. народов, партий, отдельных граждан). Признавалась лишь возможность проживания в отдельных квартирах, т. е. относительная автономия. Ср.:

*Государство — это **единый дом с общими стенами и крышей**. В нем необходимо соблюдать единые правила* (В. Алкссев); *Жесткая вертикаль власти не позволит **растаскивать федеральную собственность по региональным квартирам*** (В. Бошков).

Показательно, что о «квартирантах» (т. е. проживающих в России иностранцах и просто «не патриотах») упоминали только лидер ЛДПР

В. Жириновский и его соратники. Позднее метафорические образы заметно изменились. После создания В. Черномырдиным движения «Наш дом — Россия» вопрос о России как доме для ее граждан стал восприниматься несколько иначе. Оппоненты названных политиков начали говорить о незаконной приватизации, о том, что в новом престижном доме место найдется только для определенных групп проживающих, что хозяевами «нашего дома» стали «черномырдинцы-домушники», а не весь народ России. Все чаще заходила речь о необходимости постройки отдельных региональных домов или хотя бы наведения в них порядка.

В результате дальнейшего развертывания модели оказалось, что не всем гражданам удастся поселиться в новом доме или сохранить квартиру в старом, что грозило появлением больших групп «бомжей». Ср.:

*Не для того мы преодолевали тоталитаризм, чтобы современные домоуправцы из «нашего дома» по-прежнему нами **помыкали, как бомжами** в ихнем доме (А. Гайда); Безнравственно заявлять «Наш дом — Россия», записывая тем самым всех **в бомжи** (М. Салье).*

После поражения движения «Наш дом — Россия» на парламентских выборах 1999 г. язвительная дискуссия о хозяевах дома, квартирантах и бомжах на общероссийском уровне естественным образом прекратилась, что является еще одним свидетельством решающего влияния политического дискурса на судьбы метафорических моделей.

Рассмотренные материалы показывают, что даже самая традиционная метафорическая модель на каждом новом этапе развития общества преобразуется, создавая тем самым условия для фиксации новых элементов в когнитивной деятельности человека. Так, со второй половины восьмидесятых годов наиболее динамично развивались слоты «ремонт дома» (перестройка, ее прорабы и архитекторы), в середине девяностых особую значимость получил вариант рассматриваемой модели «Россия — это наш дом», в результате чего актуализировались образы хозяев дома, квартирантов и бомжей. Одинаково динамичны в полтора последних десятилетия слоты «конструкция здания» (фундамент, стены, крыша, дверь и др.) и «внутренняя планировка дома» (отдельные или коммунальные квартиры, кухня, коридоры, лестницы, просторные комнаты или тесные каморки).

Традиционно метафора дома связана с позитивными прагматическими смыслами: дом — это укрытие от жизненных невзгод, семейный очаг, символ фундаментальных нравственных ценностей. Соответственно строительство — это динамика, планы на будущее, стремление сделать жизнь лучше. Однако в современном российс-

ком политическом дискурсе любые метафорические модели могут развертываться таким образом, что акцентируются векторы тревожности, конфликтности, агрессивности.

Подводя итоги рассмотренным материалам, необходимо отметить следующее:

1. Целенаправленный анализ функционирующих в политической сфере метафорических моделей способствует выявлению тенденций развития политического дискурса и помогает определить степень влияния изменений социально-экономического характера на функционирование политического языка.

2. Метафорические модели, лежащие в основе современных политических метафор, достаточно традиционны. Образы животных, растений, дома уже много столетий активно используются в политическом дискурсе.

3. Вместе с тем конкретное наполнение метафорических моделей в значительной степени зависит от современной социальной ситуации. Например, древняя домашняя метафора в современной политической коммуникации используется в кардинально обновленном варианте.

4. В отечественной политической метафоре отражается мировосприятие современного человека. Чаще всего это житель большого города, и именно городская реальность служит ему источником метафор.

Примечания

1. Веселовский А. И. Историческая поэтика. М., 1989. С. 153.

2. Кубрякова Е. С. Новые единицы номинации в пересканивании картины мира как транснациональные проблемы // Языки и транснациональные проблемы: Материалы 1-й междунар. науч. конф. 22–24 апр. 2004 г. Москва; Тамбов, 2004. Т. 1. С. 11.

Секционное заседание

© Н. А. Дьячкова
УрГУ, г. Екатеринбург

Новые паремии в русском языке: «новые» мысли о «старых» ценностях?

Исследователи отмечают возросший в последние годы интерес читателей к афоризмам. Время, в которое мы живем, требует особой краткости для выражения мысли [1]. Есть и другое объяснение: «периоды максимального развития афоризмов совпадают с переломными событиями в жизни общества» [2]. Выходят антологии современных афоризмов, создаются даже клубы любителей

афористики, объединяющие как читателей этого жанра, так и тех, кто создает афоризмы [3]. Афоризм — литературный жанр. Это специально создаваемые произведения малой формы, авторы которых сознательно ориентируются на работу именно в этом жанре. Существует и другой путь пополнения фонда афористики — цитирование. Вопрос о возможности/невозможности включения афоризмов в класс паремий решается неоднозначно. Некоторые лингвисты к паремиям относят только анонимные изречения [4], при таком подходе афоризмы остаются за пределами круга паремий. Мы разделяем широкий взгляд на паремии, при котором в этот класс включаются не только анонимные сентенции, но и авторские [5]. И пословицы, и афоризмы дают возможность представить интерпретационное поле концепта, поскольку отражают языковую картину мира, служат средством, позволяющим выявить особенности восприятия мира носителями данного языка, потому что являются продуктами народного языкового сознания и объективируют как опыт целых поколений, так и отдельных представителей данного этноса [6]. Паремии представляют собой аксиологические суждения, отражающие ценностные ориентиры данного народа. Наиболее частотны те паремии, в которых респрезентированы суждения на нравственно-этические темы [4, 7]. В традиционном паремиологическом фонде приоритетными являются морально-нравственные ценности русского человека, а среди них такие, как правда, безгрешность, честность, добро, гостеприимство, смирение и др. (см. об этом в: [4, 7]). На рубеже веков появляются новые паремии, в которых отчетливо просматривается тенденция к понижению моральных ценностей. Известно, что не только мы влияем на язык, но и язык влияет на нас. Общая жаргонизация языка, о которой уже немало сказано [8, 9, 10], ерничанье и стеб, о которых исследователи пишут как об одной из ведущих стилистических тенденций современных СМИ [12], не могут не отражаться на речевой продукции современных носителей языка.

В статье будут рассмотрены новые паремии на нравственно-этические темы, поскольку именно этот пласт ценностей наиболее актуален для русского языкового сознания. В качестве основного мы избираем концепт **порядочный (человек)** и пытаемся воссоздать интерпретационное поле данного концепта. Концепт **порядочный (человек)** в русском языке имеет многослойную структуру и состоит из довольно большого количества концептуальных признаков. По-видимому, базовый слой концепта, его ядро составляет образ человека, не способного на низкие поступки, такого, который всегда честен и поступает по совести. Концептуальные признаки, составляющие когнитивные слои данного концепта, мы выявляем с помощью дефиницион-

ного анализа лексемы *порядочный*, включающего в себя и элементы ступенчатой идентификации. Анализ проводится с привлечением материалов разных словарей. По данным словарей [13, 14, 15, 18], *порядочный человек* — это прежде всего человек правдивый, честный, совестливый. В Русском семантическом словаре *порядочность, честность, искренность, ответственность* объединены в одну группу черт характера как наиболее близкие друг другу по своей природе. *Порядочность* в данном словаре определяется как «честность, неспособность к безответственным, нечестным, аморальным поступкам» [18]. С. Г. Воркачев справедливо полагает, что концепт *порядочность*, как и многие другие, обозначаемые абстрактными именами, например *совесть*, является «многокомпонентным ментальным объектом», это так называемый «калейдоскопический концепт». Для таких концептов характерно свойство текучести, они имеют нежесткую структуру и, по мнению некоторых ученых, их структурное моделирование принципиально невозможно (см. об этом: [16]). Не претендуя на исчерпывающее описание концепта *порядочность/порядочный (человек)*, мы остановимся на трех самых частотных лексических репрезентантах данного концепта: *честность/честный, правда/правдивый, совесть* — и рассмотрим их интерпретацию в новых афоризмах.

Честность — это качество, которое, по данным традиционной паремиологии, высоко оценивается русскими. Такое отношение закреплено в десятках русских паремий [17]. Уже первый взгляд на паремии, включающие лексему *честность*, позволяет выделить некоторые признаки данного концепта: 1) *честный человек уважаем в обществе: Честному мужу честен и поклон;* 2) *честность* — самое важное качество человека: *Не сильные лучше, а честные* (Достоевский); 3) *честь*, которая в целом ряде случаев понимается как синоним словам *честность, совесть* (см., например у Даля), нужно беречь: *Береги платье снову, а честь смолоду;* 4) человек без чести (т. е. нечестный, бессовестный) сравнивается со свиньей: *Свинья не знает чести*. Смежные понятия *правда/правдивый* также широко представлены в традиционных паремиях. О концепте *правда* написано очень много разными исследователями (см.: [20, 21]). По данным В. В. Колесова, в слове *правда* сопрягаются три близких этических признака: *правый, правдивый, праведный*. Этимологически *правда* и *справедливость* — это слова одного корня [11]. Н. Д. Арутюнова также указывает на то, что *правда* постоянно соседствует со *справедливостью* и что *правда* в русской ментальности — это компонент триады *правда — совесть — справедливость*, сосредоточившей в себе основные ценности [20]. Десятки традиционных паремий отражают высокую положительную оценку этой одной из основных эти-

ческих ценностей русских: 1) правда дороже всего: *Правда дороже золота*; 2) правда — это то, что от Бога: *Небеса возвещают правду Его* (Псал.); *Истина от земли воссия, и правда с небесе приниче* (Псал.) (см. об этом: [21]); 3) живущий по правде угоден Богу: *Бог тому даст, кто правдой живет; Кто правды ищет, того Бог сыщет*; 4) кто против правды, тот против Бога: *В неправде Бог карает; Живи не ложью — будет по-Божью*.

Совість — одно из ключевых понятий в представлении русских о нравственности, которое корнями уходит в православное вероучение. О данном концепте также много написано разными исследователями (обзор литературы по этому вопросу см. в: [22]).

Вот лишь некоторые признаки концепта *совість* по данным традиционной паремииологии: 1) совість — это то, что дано человеку от Бога: *Добрая совість — глаз (глас) Божий; От человека утаишь, от совести (от Бога) не утаишь*; 2) человека, преступившего нравственный закон, совість начинает мучить: *Нечистая совість спать не дает; У кого совість не чиста, тому и тень кочерги — виселица!* 3) муки совести неизбежны: *С совестью не разминуться; Совість не повесть — в архив не сдашь; Как ни мудри, а совість не перемудришь*; 4) муки совести страшны, совість беспощадна: *Совість без зубов, а загрызет; Совість мучит, сдает, томит (убивает); Беззуба, а с костями сложет (съест)*; 5) совість важнее внешней красоты: *Рожа кривая, да совість прямая*; 6) жить по совести важнее всего: *За совість и за честь хоть голову снести*; 7) совестливому нечего бояться: *Не грешна — так и смерть не страшна; Коля совість чиста — спи спокойно до утра*; 8) человек без совести достоин обличения: *У него совість — дырявое решето; Заскорузлой совести не проймешь; Душа христианская, да совість цыганская; У него совість, что розвальни: садись да катись (просторно); Когда совість раздавали, его дома не было; У него совість — мешок, что хошь положи*; 9) если жил не по совести, после смерти будешь наказан: *С его совестью жить хорошо, да умирать плохо*.

Новые афоризмы [25] также отражают традиционно высокую оценку обсуждаемых качеств личности. Признается, что *порядочность* — это важное качество, необходимое в обществе, при этом обыгрывается этимологическое родство слов *порядок*, *порядочный* (у В. Даля одно из значений слова *порядочный* мотивировано существительным *порядок*): *В основе жизненного порядка порядочность*. Среди новых афоризмов мы находим такие, которые по семантике вполне соотносимы с традиционными: *Береги честь с детского садика* (ср. *Береги... честь с молодю*). Или: *Совість — таинственное свойство человеческой души, мешающее ему оскоти-*

ниться (ср. у Даля: совесть — это «тайник души...»). Как и в традиционных паремиях, непорядочный человек сравнивается с животным: *Непорядочный человек — это порядочная скотина.*

Честность также по-прежнему находит высокую оценку в обществе: *Совершенная честность — условие чистоты полотна, на которое наносится картина твоей жизни. Грязное полотно испортит любую картину (О. Денисенко).* Однако таких прямых высоких оценок этих качеств в новых афоризмах мало. В основном в новых афоризмах: 1) констатируется факт понижения критериев порядочности в современном обществе: *Порядочным считается человек, который не врет без необходимости;* 2) утверждается, что сегодня о порядочности можно только мечтать: *Вот бы порядочность да в порядок вещей! (Е. Кащеев); Раньше мораль была хотя бы в баснях;* 3) границы между порядочностью и непорядочностью размыты: *Порядочный человек отличается от непорядочного всего лишь на порядок; Теория относительности яснее на примере порядочности;* 4) честность, порядочность и совесть — это качества, которые трудно обнаружить в наши дни: *Добропорядочность трудно выговорить, еще труднее обнаружить; Рудиментарное чувство порядочности; В стране, где процветает воровство, не может быть и речи о честности (Г. Александров); Есть люди, которым совесть не может присниться даже в самом страшном сне;* 5) порядочность — это то, от чего надо избавляться: *Для многих и порядочность — всего лишь комплекс;* 6) непорядочный всегда побеждает порядочного: *Непорядочные так легко облапошивают порядочных, потому что порядочные и представить себе не могут, что можно быть такими непорядочными (О. Муравьева);* 7) совестливому человеку трудно жить: *По чистой совести каждый хочет потоптаться; Трудно быть все время человеком. Люди мешают; Если у тебя есть совесть, то и сто способов не помогут разбогатеть;* 8) бесчестному и бессовестному легко: *Если очень долго поступать по-свински, то в конце концов можно устроиться по-человечески. Одни имеют совесть, другие — чего только не имеют! Иные, только потеряв совесть, находят то, что им надо;* 9) совесть в наши дни понятие неактуальное: *Предложение «имейте совесть» было отклонено как неделовое.* В приведенных выше афоризмах ощутим дух пессимизма и скепсиса, столь характерный для нашего общества. Эти настроения свойственны и очень многим современным произведениям «большой» литературы. Литературоведы полагают, что в эпоху посттоталитаризма произошла «постмодернизация мышления», которая позволила выработать новый взгляд на человека..., историю, общество, культуру, самую истину» [26]. Современная литература проникнута духом антропологического скептицизма. Это сомнения не только в новом

человке, о котором писали соцреалисты, но и в человеке вообще [26]. В новых афоризмах сомнению подвергается сама возможность жить в современном обществе по законам нравственности: *В честной борьбе побеждает жулик (Г. Малкин); Нравственность побеждает, как правило, на тренировках.*

Честный, совестливый человек (и вообще так называемый хороший человек) вызывает недоверие или — в лучшем случае — снисходительную улыбку: *Если ты такой честный, то почему у тебя рожа такая довольная (С. Янковский); Строгая, белоснежная, накрахмаленная совесть; Став порядочным, боялся пошевелиться; Честность не порок, но что-то мазохистское в ней есть (С. Янковский).*

О порядочности, честности, совести говорится с иронией: *Порядочность, как и девственность, теряется навсегда; Нужно очень много внутренней честности, чтобы обнаружить в себе ее недостаток; Одну правду о себе говорят только попугаи.* Ирония часто перерастает в сарказм: *«Мне не спится!» — крикнула Совесть. «Это — поначалу», — отозвалось Эхо; Порядочность — это когда потом чувствуешь себя идиотом (Эдик).* Новые афоризмы отражают и цинизм современного общества: *Угрызения совести терзают душу, но не отражаются на желудке; У нас свобода совести: хочешь — имей совесть, хочешь — не имей; По средствам живут только посредственности (А. В. Иванов).* Циничное отношение к так называемым вечным ценностям — примета времени. На эту модальность, которой окрашены СМИ разного формата и массовая культура, уже давно обратили внимание многие исследователи. Цинизм, срничанье, пофигизм, нахальная развязность — терминов, определяющих эту модальность, много. Часто для названия этой особенности используют жаргонное слово *стеб*. «По своему основному модусному содержанию, — считает В. В. Химик, — стеб можно рассматривать как субкультурный вариант иронии... Но, как и ирония в целом, стеб имеет разрушительную силу, если... избирает своей целью общественно значимые объекты. В худших своих проявлениях стеб — это нахальная развязность, которая, увы, не ограничивается объектами только молодежной субкультуры, но раковой опухолью проникает во все сферы жизни, от политики до культуры, поражая пофигизмом любые общественные ценности» [27]. Характерный для современных СМИ стеб проявляет себя и в своеобразном юморе: *Нечестные люди всегда живут в страхе, что когда-нибудь они будут наказаны; Жить счастливо — значит жить честно.* Для стеба характерна претензия на объективность: пороки не осуждаются, напротив, делается попытка дать им якобы непредвзятую оценку: *Ложь — это истина вне адекватного ей контекста (А. К.); Недоста-*

ток — это достоинство, из которого еще не научились извлекать пользу; Чем содержательнее человек, тем интересней у него недостатки; Добродетель вознаграждается, порок же приятен сам по себе; Грехи, может быть, и сокращают жизнь, но зато делают ее привлекательней и разнообразней; Человеку даны крылья не для того, чтобы он строил из себя ангела.

В конце XX — начале XXI в. появляются новые паремии, в которых отражаются сложные процессы, происходящие в обществе в эпоху посттоталитаризма. Интерпретационное поле концепта, лексическими репрезентантами которого являются лексемы *порядочность, честность, правда, совесть*, представленное новыми паремиями, заметно отличается от традиционного прежде всего модально-оценочным компонентом, а именно интонацией цинизма и срничания. Можно ли говорить о том, что новые афоризмы отражают «новые» мысли о «старых» ценностях? Известно, что паремии всегда фиксируют два противоположных взгляда на один и тот же объект — идеал и антиидеал. (Ср.: традиционные паремии о труде: *Без труда не выловишь рыбку из пруда — Работа не волк — в лес не убежит*.) В новых афоризмах очевидно преобладание антиидеала. Конечно, речь пока может идти только о поверхностных слоях данного концепта, однако можно предположить, что на наших глазах акценты смещаются в сторону антиидеала.

Примечания

1. Карпик И. А. Афористическое в произведениях Л. Н. Толстого: морфологический аспект // Мир русского слова. 2002. № 2.
2. Федоренко И. Т., Сокольская Л. И. Афористика. М., 1990. С. 187.
3. Современная отечественная афористика. М., 2002. С. 3.
4. Савенкова Л. Б. Русские паремии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ростов н/Д., 2002.
5. Пермяков Г. Л. О смысловой структуре пословичных речений // Паремический сборник. 1988.
6. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2003. С. 129.
7. См. об этом: Дьячкова И. А. Полипропозитивные структуры в сфере простого предложения. Екатеринбург, 2002.
8. Крысин Л. П. Социальная дифференциация системы современного русского национального языка // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 33–103.
9. Валгина И. С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2001. С. 121.
10. Какорина Е. В. Трансформация лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 2000. С. 67–89.
11. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове: В 5 кн. Кн. 3: Бытие и быт. СПб., 2004. С. 311.
12. Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб., 2002. С. 64.

13. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1–4.
14. БТС — Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.
15. *Ожегов С. И., Шведова И. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1997.
16. *Воркачев С. Г.* Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. М., 2003. Вып. 4. С. 5–12.
17. Цитируемые в работе пословицы извлечены из: *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М., 1994; Русские пословицы и поговорки. М., 1988; а также из дефиниций словаря В. Даля (см: [13]).
18. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1998. Т. 3. С. 258.
19. *Даль В.* Указ. соч. Т. 4. С. 599.
20. *Арутюнова И. Д.* Истина и правда // Арутюнова И. Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 557, 639.
21. *Степанов Ю. С.* Правда и истина // Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М., 2001. С. 435–451.
22. *Ермакова О. П.* Концепты *совесть* и *зависть* в их языковом выражении // Русский язык сегодня: Сб. статей. М., 2000. Вып. 1. С. 375–385.
23. *Даль В.* Указ. соч. Т. 3. С. 379.
24. *Даль В.* Указ. соч. Т. 4. С. 256.
25. Афоризмы, цитируемые без указания автора, извлечены из: [3]; с указанием автора в скобках — из Интернет; афоризмы с инициалами А. К. — из: *Коряковцев А.* Карнавал языка: Афоризмы как литературный жанр // Урал. 2002. № 3.
26. *Скоропатова И. С.* Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык. СПб., 2002. С. 176.
27. *Химик В. В.* Указ. соч. С. 64.

© Е. М. Крижановская
ПГУ, г. Пермь

Изменения в русской научной речи XX в. (постановка вопроса)

Традиционная для русского языкознания проблематика исторического изучения литературного языка нашла наиболее полное отражение в работах А. И. Соболевского, Р. А. Будагова, А. И. Горшкова, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Б. А. Ларина, Н. А. Мещерского и др. В трудах многих отечественных исследователей впервые были сформулированы актуальные вопросы изучения в историческом аспекте стилистических разновидностей литературного языка. В частности, в работе Г. О. Винокура «О задачах истории языка» была предложена общая методология изучения языковых стилей в диахронии: «Ясно, что способ изложения стилистической истории языка может быть только один — по отдельным стилям каждого исторического периода, выделяющегося в жизни языка. Внутри каждого такого периода описываются и анализируются в нужном порядке те стили языка, которые существовали в данное время, причем каждый стиль рассматривается как своеобразная система, противопоставлен-

ная другим системам, представляющая собой видоизменение соответствующей системы в предшествующий период и заключающая в себе те противоречия, которые привели к ее перерождению в период последующий» [1].

В настоящее время функциональный стиль — основное понятие лингвостилистики — признается большинством исследователей как понятие историческое. Вместе с тем, несмотря на признание историзма стилей и, соответственно, необходимости их изучения в диахроническом аспекте, до сих пор нет единого мнения лингвистов не только по вопросу о том, в каком направлении следует проводить стилистико-диахронические исследования, но и по вопросу определения объекта, целей, задач, понятийного аппарата диахронических исследований в целом. В этом отношении показательны статьи, опубликованные в сборнике «Историческая стилистика русского языка» [2], в котором представлены диаметрально противоположные по сути трактовки предмета и задач диахронических исследований стилей, базирующиеся, в свою очередь, на разном понимании языкового стиля вообще. Так, З. К. Тарланов видит основную задачу исторической стилистики в сопоставительном изучении памятников церковно-славянского языка, выявлении в них характера взаимодействия между русским и церковно-славянским языками и изучении на этой основе стилей и жанров разных исторических этапов функционирования литературного языка. Тем самым исследователь сближает проблематику изучения истории литературного языка и исторической стилистики [3]. В то время как В. В. Колесов последовательно разграничивает предмет исследования истории литературного языка и стилистики, поскольку «стилистика в исторической перспективе изучает не функционирование (что тоже является задачей истории литературного языка), а становление и развитие стилистических средств языка — всегда на фоне нейтральной нормы и в связи с развитием системы языка» [4].

Несмотря на неоднозначное понимание в современном отечественном языкознании предмета и задач исторической стилистики, все же согласно наиболее общепринятой точке зрения, нашедшей отражение в новейшей справочной литературе, историческая стилистика «изучает как становление и развитие стилистических средств языка... так и закономерности функционирования языка в различных сферах общения — в функциональных стилях и иных речевых разновидностях (типах текста), представляющих стилистико-системные образования, — в процессе их формирования и развития на разных этапах истории языка, создающих стилевую специфику того или иного функционального стиля» [5] (разрядка наша — Е. К.).

Таким образом, М. Н. Кожина определяет историческую стилистику как особое направление в русле, во-первых, стилистики ресурсов, во-вторых, функциональной стилистики. Наше исследование соответственно осуществляется в рамках второго аспекта — функционального.

Очевидно, для того чтобы история развития русского литературного языка представляла собой целостную картину, необходимо «написать историю» формирования, развития и «совершенствования» (термин Р. А. Будагова) каждого функционального стиля, в том числе интересующего нас научного стиля.

Следует отметить, что за почти полувековую историю изучения научный стиль речи рассматривался в основном в синхронии, тогда как характеру качественных изменений, происходящих внутри стиля в течение определенного времени, уделялось значительно меньше внимания. Иначе говоря, основные языковые особенности, стилевые черты, грамматические и текстовые категории и т. д. были выявлены на материале современной научной прозы.

История изучения научного стиля складывалась постепенно. Если до 50-х гг. прошлого столетия русский научный стиль практически не изучался, то в 1960–1970-е гг. количество публикаций по проблемам научного стиля неуклонно возрастает, что в значительной степени было обусловлено влиянием научно-технической революции, появлением новых наук, зарождением компьютерной техники и, в частности, применением статистических методов при оценке собственно лингвистических явлений. Все это способствовало появлению первых теоретических работ по научной речи, авторами которых (М. Н. Кожина; О. Б. Сиротина, С. А. Бах, В. А. Богданова; О. А. Лаптева и др.) были определены статистические параметры функциональных стилей, выявлены отличия научного стиля от других, рассмотрены в диахронии некоторые языковые черты.

В это же время (середина 60-х гг. — 70-е гг.) появляются монографические исследования научного стиля, выполненные М. Н. Кожиной, А. Н. Васильевой, О. Д. Митрофановой, М. П. Котуровой, О. А. Нечасовой, М. П. Сенкевич и др. В результате этих исследований «была определена истинная специфика научного стиля, сущность его речевой системности (функциональной, а не в аспекте строя языка), выявлены некоторые стилостатистические закономерности, описаны особенности функционирования лексико-грамматических средств (морфологии и синтаксиса) в научных текстах, представлены новые методы анализа в стилистике, рассмотрены вопросы об экстралингвистических факторах научного стиля речи, о его стилевых чертах (первичных и вторичных), их иерархии, о некоторых текстовых характеристиках научного стиля и тенденциях его развития; несколько позже — о диалогических отноше-

ниях коммуникантов в научных текстах» [5]. Разные аспекты изучения научного стиля речи нашли отражение и в работах обобщающего характера (см. работы Р. А. Будагова, И. Р. Гальперина, Э. Г. Ризель, Н. М. Разинкиной, Е. С. Троянской, Л. В. Славгородской, Т. Н. Мальчевской и др.). Углублению представлений о функционально-стилистической природе научной речи в целом способствовали исследования, проведенные на материале научного стиля современных иностранных языков, а также работы методической направленности (более подробный обзор работ см. в [6]).

Кроме того, к 1980-м гг. относится активное формирование самостоятельных научных направлений (научных школ), в рамках которых были проведены (и осуществляются в настоящее время) исследования, посвященные русскому научному стилю. Это направление лингвистических исследований разрабатывается пермской школой функциональной стилистики (см. работы М. Н. Кожинной, М. П. Котуровой, Т. Б. Трошковой, Е. А. Бажновой, В. А. Салимовского, Н. В. Данилевской, Н. А. Линк и др.) и в аспекте сопоставления научной речи с другими функциональными стилями школой Саратовского университета (см. работы О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилицыной, В. А. Богдановой, О. В. Мякшевой и др.).

Особый интерес в контексте нашего исследования представляет коллективная монография «Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII — XX вв.» [7], в которой русская научная речь рассматривается именно с позиций диахронической стилистики. Это отражается в цели работы: «Главная цель исследования — изучение процесса формирования научного стиля русского литературного языка с середины XVIII в. до настоящего времени (включительно), то есть выявление закономерностей функционирования языка в данной сфере в их динамике, формирование специфических, первичных и вторичных стилевых черт научных текстов, стилистическо-речевой организации последних в их истории (указанного периода), иначе — процессов образования речевой системности (как стилистическо-текстовой категории) с учетом функционирования дотекстовых и текстовых единиц и категорий, смысловой структуры этих текстов, их композиции (исходя из учета природы и законов развития научного знания), процессов кристаллизации специфики научного стиля как такового» [8]. Актуальность рассматриваемой работы заключается не только в многоаспектности исследования материала (от отдельных языковых единиц до текстовых категорий), но и прежде всего в том, что, пожалуй, впервые за всю историю функциональной стилистики принципы диахронического рассмотрения языка были последовательно воплощены при изучении эволюции отдельного стиля литератур-

ного языка за достаточно большой временной отрезок (вторая половина XVIII в. — 80-е гг. XX в.). Отметим, что основные принципы диахронического изучения речевого стиля, реализованные в данной монографии, актуальны и для настоящего исследования.

Совершенно очевидно, что изучение отдельного стиля литературного языка (в нашем случае — научного) возможно осуществить не только на материале текстов сразу нескольких временных эпох (т. е. практически трех столетий), но и на материале научных произведений одного, только что завершившегося века — двадцатого. Возможные возражения против стилистического изучения текстов такого сравнительно небольшого временного периода известны: за сто лет бытования какого-либо языкового явления трудно отследить его динамику, так как качественные изменения в языке происходят достаточно медленно, особенно на этапе высокого развития литературного языка. Кроме того, в этот период можно говорить не только о сформированности основных стилевых черт научной речи, но и о процессах широкого функционирования этого стиля в обществе, о влиянии научной речи на другие функциональные разновидности русского литературного языка и т. д.

Однако нельзя не вспомнить и о словах Г. О. Винокура, который еще в 40–50-е гг. прошлого столетия обратил внимание лингвистов на то, что «изучение языка в его современном состоянии есть, в сущности, тоже историческое изучение» [9], так как вносит определенный вклад в создание истории того или иного литературного языка в целом. По-видимому, проследить динамику тех или иных языковых процессов (в частности, происходивших в русском научном стиле) на протяжении одного XX в. было невозможно и в силу объективных причин, поскольку до завершения определенной эпохи, т. е. — в нашем случае — до конца столетия, нельзя характеризовать само явление как окончательно оформившееся. Поэтому не случайно появление в конце прошлого века первых работ обобщающего характера, цель которых — анализ основных тенденций языкового развития, наметившихся в XX в.

К сожалению, в появившихся за последнее время обобщающих работах вопросам изучения именно научного стиля не уделяется должного внимания. Так, результаты, безусловно, актуального и интересного исследования, нашедшие отражение в коллективной монографии «Русский язык конца XX столетия (1985–1995)», основываются на данных анализа современной разговорной и публицистической речи, в то время как научный стиль не представлен вовсе. Исключением является исследование современной экономической терминологии, проведенное М. В. Китайгородской в основном на материале не соб-

ственно научных, а публицистических текстов, текстов радио и ТВ, хотя толкования экономических терминов «даются в опоре на научные, юридические и учебные тексты, издания словарно-справочного характера» [10]. В данном исследовании освещаются в основном проблемы качественного изменения языковых структур под воздействием современного узуса.

В коллективной монографии «Русский язык (1945–1995)» [11], вышедшей почти вслед за рассмотренной выше работой, по-прежнему основное внимание исследователей привлекает устная и газетная речь, анализируется влияние политической идеологии на язык людей в советском и постсоветском обществе. Интерес языковедов к этим проблемам вполне объясним, поскольку смена официальной идеологии и общественного устройства в России конца 90-х гг. XX в. не могла не вызвать перестройку всех уровней системы русского литературного языка. вполне понятен и выбор материала исследования (почти исключительно газетно-публицистической и разговорной речи), так как именно эти функциональные разновидности литературного языка наиболее подвижны и в них в первую очередь находят отражение внесязыковые изменения.

К работам, отражающим изменения в структуре современного русского литературного языка, относятся исследования «Языковой вкус эпохи» В. Г. Костомарова [12] и «Активные процессы в современном русском языке» Н. С. Валгиной [13]. В фокусе внимания авторов названных работ по-прежнему остаются процессы, происходящие в системе литературного языка как под воздействием преобразований общественно-политического строя, так и под влиянием речевой практики — формирующегося языкового вкуса носителей языка, а также внутренних, интралингвистических закономерностей самой языковой системы. При этом рассмотрение научного стиля не вошло в задачи авторов.

По-видимому, такую позицию авторов многих современных работ можно объяснить не только убеждением в том, что проводившиеся в течение 50 лет многочисленные синхронные стилистические исследования научной речи позволили выявить основные особенности и закономерности функционирования научного стиля, но и кажущейся невысокой актуальностью работ этого направления в настоящее время. Однако хотя научный стиль в меньшей степени подвержен влиянию изменений, происходящих в обществе, чем разговорный или публицистический, он не только не свободен от этого влияния, но и непосредственно связан в своем развитии с социальными условиями. В качестве примера могут служить научные произведения по гуманитарным дисциплинам (истории, политэкономии, философии и

др.) 1930 — 1940-х гг., в которых последовательно проявляется жесткая идеологическая оценка работ отдельных советских ученых и целых научных направлений. (Ср. название сборника статей «Против исторической концепции М. Н. Покровского», вышедшего в издательстве АН СССР в 1939 г.) Анализ эволюции русского научного стиля в результате изменений политической идеологии на протяжении XX в., бесспорно, заслуживает внимания исследователей.

Известно, что формирование и динамика русского научного стиля были всегда тесно связаны с развитием науки. Несмотря на то что к сегодняшнему этапу в истории человечества все чаще применяется понятие «постиндустриальное общество», прогресс общества осознанно связывается с развитием наукоемких отраслей знания и информационных технологий. Все это, несомненно, отражается и на научном стиле как непосредственном «выразителе» научных идей. Правда, такое влияние не является жестким, однозначным. Очевидно, отдельные стилиобразующие черты научной речи в большей степени подвержены влиянию научно-технического прогресса, другие — в меньшей степени, поэтому, по мнению М. Н. Кожиной, «изучение проблемы должно идти, по-видимому, в трех направлениях: а) соотношения литературного языка и научного стиля; б) комплекса признаков НТР, воздействующих на изменения научного стиля; в) соотношения специфических и вторичных стилевых явлений в научной речи, проявляющихся в функционировании языковых средств» [14].

Предварительный анализ научных произведений XX столетия позволяет предположить, что эволюция научного стиля осуществлялась в направлении изменения, дальнейшей кристаллизации средств выражения первичных стилевых черт (отвлеченно-обобщенности, подчеркнутой логичности, точности и др.) при сохранении их ведущей роли в текстообразовании. Вместе с тем на протяжении данного временного отрезка могло происходить перераспределение в комплексе вторичных стилевых черт. Так, например, эволюция вторичных стилевых черт научной речи проявляется в изменении характера экспрессивности научных произведений. По-видимому, более общая тенденция к унификации в использовании языковых средств всех уровней, зародившаяся еще в ранние периоды существования языка русской науки, в XX столетии проявляет себя как эволюция от более раскованной, живой, образной речи к более строгой, нормативной и в целом — более стандартной речи.

Изменение характера экспрессивности научного текста в определенной степени связано и с эволюцией форм личности в современной научной речи. Очевидно, что «стремление еще дальше отойти от личной манеры изложения» как основная тенденция в выражении

форм личности, отмеченная О. А. Лаптевой еще в 1968 г. [15], продолжает действовать и после 1960-х гг., хотя и не всегда последовательно — в связи с процессами расширения речевой свободы периода перестройки. В этом отношении представляется необходимым рассмотреть, какие формы выражения авторского «я» становятся наиболее употребительными, частотными, а какие формы и почему отвергаются.

В связи с тем, что развитие отдельного функционального стиля во многом обусловлено развитием литературного языка в целом и, следовательно, не может не отозваться на общую перестройку языковой системы, происходящую на современном этапе, возникает необходимость рассмотрения культурно-речевого аспекта функционирования научного стиля. Под влиянием общей тенденции к изменению, увеличению вариантности и в большинстве случаев расшатыванию общелитературной нормы, становится все более актуальным вопрос о соблюдении литературных норм в трудах молодых ученых. Интересные наблюдения в этом отношении можно получить в процессе анализа таких жанров научной прозы, как авторефераты диссертаций на соискание степени кандидата наук и тексты кандидатских диссертаций, тезисы научных работ аспирантов и соискателей и др.

Процесс кристаллизации стилевых черт научной речи на протяжении XX в. проявляется не только в специфике функционирования разноуровневых языковых единиц, но и в формировании собственно текстовых категорий, в частности таких, как композиционная структура целого текста. Можно предположить, что в текстах исследуемого периода проявляется тенденция к унификации структурно-композиционных характеристик научного текста.

Наконец, изучение научных произведений XX столетия может способствовать появлению уточненной, более детальной периодизации развития научного стиля.

Таким образом, высказанные выше положения представляются, на наш взгляд, вполне логичным обоснованием необходимости изучения эволюции русского научного стиля на протяжении целого XX в. — не как одного хронологического среза в ряду «XVIII — XIX — XX вв.», а как объекта специального диахронического исследования.

Примечания

1. Винокур Г. О. О задачах истории языка // Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 213.
2. Историческая стилистика русского языка. Петрозаводск, 1990.
3. Гарланов З. К. О предмете и задачах исторической стилистики русского языка // Там же. С. 8.
4. Колесов В. В. Общие понятия исторической стилистики // Там же. С. 16.

5. *Кожина М. И.* Стилистика историческая (диахроническая) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожин. М., 2003. С. 418.

6. *Кожина М. И., Которова М. И.* Изучение научного функционального стиля во второй половине XX века // Кожина М. И. Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории: Избр. тр. Пермь, 2002. С. 104.

7. Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. / Под ред. М. Н. Кожин. В 3 т. Пермь, 1994, 1996, 1998.

8. *Кожина М. И.* Введение // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII – XX вв. / Под ред. М. Н. Кожин. Т. 1: Развитие научного стиля в аспекте функционирования языковых единиц различных уровней. Пермь, 1994. Ч. 1. С. 32–33.

9. *Винокур Г. О.* Указ. соч. С. 213.

10. *Китайгородская М. В.* Современная экономическая терминология: Состав. Устройство. Функционирование // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. 2-е изд. М., 2000. С. 169.

11. Русский язык (1945–1995) / Ред. Е. Н. Ширяев. Орск, 1997.

12. *Костомаров В. Г.* Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. 3-е изд. СПб., 1999.

13. *Валгина И. С.* Активные процессы в современном русском языке. М., 2003.

14. *Кожина М. И.* О понимании научного стиля и его эволюции в период научно-технического прогресса // Научно-техническая революция и функционирование языков мира. М., 1977. С. 191.

15. *Липцева О. А.* Внутрестилевая эволюция современной русской научной прозы // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968. С. 144.

© Т. В. Куркина
СамГМУ, г. Самара

Современные тенденции в развитии фармацевтической лексики

Известно, что языковая картина создавалась и продолжает создаваться поныне в процессе номинативной деятельности.

Цель настоящей работы — выявить, какие объекты и явления привлекают внимание специалистов в фармацевтической деятельности и каким образом проявленный интерес находит свое выражение в лексическом фонде данной науки, а также — какие тенденции в развитии терминологического языка фармации можно наблюдать в настоящее время.

Термины и понятия науки фармации представляют собой особый интерес в условиях современной России, поскольку новые социально-экономические условия конца XX в. накладывают отпечаток на процесс профессионально-научной коммуникации и влияют на протекание номинативных процессов.

Говоря о современных тенденциях в развитии фармацевтической лексики, мы понимаем, что речь в этом случае идет в том числе и о проблеме взаимоотношений действительности, мышления, сознания и

языка, поскольку, в соответствии с мнением Е. С. Кубряковой, «язык выявляет и объективирует то, как увиден и понят мир человеческим разумом, как он преломлен и категоризован сознанием» [1].

Современная лингвистика с ее антропоцентрической ориентацией уделяет особое внимание языковой личности, квалифицируя ее как терминологически-деятельностную [2]. Такая «языковая личность», как фармацевт, проявляет себя в разнообразных (письменных и устных) речевых произведениях, используя при этом язык для специальных целей (ЯСЦ) — **язык фармации**. На основе анализа фармацевтической терминологии различных областей профессиональной деятельности специалиста-фармацевта, в частности периодической и специальной литературы по фармации за последние 10 лет, мы *высказываем предположение*: языковое сознание специалиста в области фармации последних двух десятилетий отражает наполнение существующих констант этой сферы жизни общества новыми предметами, процессами, состояниями. Словарь **языка фармации** заметно изменился и пополнился новой лексикой. Профессионально значимые смыслы для фармацевтов несут в себе сегодня чаще всего финансовые приоритеты, поскольку экономические условия развития РФ способствуют глубоким изменениям в функционировании самой отрасли фармации, превратившейся в один из самых привлекательных рынков современной России.

К основным тенденциям, характерным для современной фармацевтической терминологии, мы относим следующие:

Тенденция первая: обилие заимствований из иностранных языков, главным образом из английского. Иноязычные новации в русском языке фармации последнего десятилетия — яркая примета времени.

Характерным является использование гибридных терминов, состоящих из английской и русской частей: *HR-технологии*, *call-центры*, *on line*-внедрение, биодобавки «Синяк-off», «Стройность plus» и т. д. По аналогии образован латинско-русский гибрид *ad hoc*-исследования.

С целью экономии довольно часто используются английские аббревиатуры (WHO, ЕС, FDA и др.), нередко без расшифровки и даже без перевода на русский язык. Чаще всего встречается термин *GMP* (Good Manufacturing Practice — правила хорошего производства), поскольку Россия взяла на себя обязательства осуществлять производство лекарственных средств (ЛС) в соответствии с международными нормами.

В неофициальной разговорной речи можно услышать сочетание «ОТС-препараты», в котором в действительности компонент ОТС является английской аббревиатурой: *OTC* (*over-the-counter* — без рецепта врача).

Реализация экономических связей в сфере фармации привела к расширению использования английских терминов в русской транскрипции, вызывающих иногда затруднение даже у специалистов. Если термин *джереники* (воспроизведенные ЛС) знаком практически каждому фармацевту, то значение таких терминов, как *аутсорсинг* (англ. *outsourcing* — получение услуг от сторонней организации), *бенчмакинг* (англ. *benchmarking* — способ исследования объекта из группы аналогичных объектов, например компании), *гудвилл* (разница между балансовой стоимостью компании по данным аудита и ее стоимостью при покупке), не всегда бывает понятным.

Происходящее на наших глазах внедрение иноязычных терминов в сферу фармации имеет в сфере экономики и управления фармацевтической деятельностью тенденцию к замещению русских слов иноязычными, при сохранении на сегодняшний день дублетных вариантов: *маркетинг* — *торговля*, *промоушен* — *продвижение*, *бизнесмен* — *предприниматель*. Указанные примеры позволяют отметить определенную тенденцию к сохранению национального языка в условиях терминологической экспансии, характерной для русского языка.

В разделах рекламы ЛС, в частности, в газете «Фармацевтический вестник», наблюдается частое использование английского выражения *hot line* с дословным переводом «горячая линия», хотя, как известно, оно переводится «срочная связь».

С другой стороны, употребление новых иноязычных слов в СМИ не только способствует проникновению тех или иных слов в русский язык, но и помогает иногда адаптации этих слов в языке. Так, зафиксированное в начале 90-х гг. новое заимствование *имидж*, имевшее значительно более специфическое значение по сравнению с русским *образ*, сегодня употребляется расширительно, причем не только по отношению к человеку (*имидж аптеки*, *имидж фармфирмы*). Как видно из рассматриваемого материала, заимствование остается одним из актуальных средств пополнения терминологической лексики по фармации.

Тенденция вторая: проникновение профессиональных жаргонизмов.

Овладение какой-либо профессией неразрывно связано с овладением соответствующим профессиональным словарем, метафорически переносимого и экспрессивного. Так, в терминологии фармакогнозии *свидетель* — это вещество, используемое для подтверждения нахождения определенного компонента при анализе лекарственного растения. Использование профессиональных жаргонов зависит, как известно, от условий их применения. Внедрение зарубежными фармацевтическими компаниями на российском рынке своих правил

и требований, в частности, активного продвижения препаратов, обусловило появление ряда ярких метафор для обозначения групп ЛС: *приманка* (блок лекарственных средств, располагаемый в конце торгового зала в аптеке); *трудные дети* (группа препаратов на стадии внедрения, малоодоходные из-за небольшого спроса); *бестселлеры* (препараты, приносящие основной доход); *дойные коровы* (прибыльные лекарства, не нуждающиеся в инвестициях); *сиротские* (лекарства, не выгодные для производства, так как предназначены для лечения редких заболеваний) и т. д.

Следует отметить, что в результате интегративных процессов, характерных для развития русского языка в целом, происходит взаимное сближение и взаимовлияние разных профессиональных и социальных жаргонов. Так, лексическая единица из сферы торговли *челнок* (человек, совершающий рейсы за границу и обратно с целью покупки товаров и более выгодной перепродажи их) послужила основой для образования термина *фармчелноки*. Активная «интервенция» тюремно-лагерного жаргона и легализация «сниженного языка» проникла и на страницы упомянутой нами специализированной фармацевтической прессы: *оттягивать клиентов, вычислить работников, арбитражные разборки, аптечные кидалы, клетки-киллеры*, а также *благотворительный рэкет, агрессивная выкладка товара* и т. д.

В этой связи некоторые русисты высказывают мнение о начале процесса формирования общего жаргона, единицы которого не принадлежат к какой-либо среде, а хорошо известны в разных социальных группах русского языка [3].

Тенденция третья: возвращение старых слов, например, *перемещенная аптека, рекрут, рекрутинговая компания, рекрутмент*.

Безусловно, новые ценностные ориентиры в сфере фармации, в частности, коммерция, нашли отражение и в неудачных языковых формах данной сферы жизни и производства. Так, для привлечения внимания покупателей и роста продаж лечебный эффект некоторых биологически активных добавок кодируется в их наименованиях: *артрозанет, нестарин, капилдланос, стопангин*. Названия аптек также дают богатый материал для критики: аптеки *«Неболит», «Неболейка», «Этти-Детти»*. Номинативная политика в данной сфере, к сожалению, не формируется и потому легко предположить, что подобные «перлы» номинации будут появляться и в будущем.

Таким образом, на основании проведенных исследований можно сделать следующие выводы:

1. Фармацевтическая терминология переживает пик своего развития. Она является отражением зависимости от факторов, которые

определяют экономику российского общества. Экономическую терминологию, в том числе и иноязычную, нужно рассматривать в современной фармации как реальность.

2. Использование английских слов и выражений в сфере фармации не всегда оправдано. Иногда иноязычные термины затрудняют понимание; необходимости в их введении нет и потому создается впечатление, что делается это лишь для идентификации «свой — чужой».

3. Язык — хроникер и летописец времени. Задача лингвиста — не только уметь заметить намечающиеся в языке инновации, но и стремиться объяснить их.

4. Современное поколение специалистов-фармацевтов склоняется к новому варианту профессионального языка, не такому, как прежде, но вполне пригодному для коммуникации

© А. В. Новикова
ПГИИК, г. Пермь

Прагматика косвенных речевых актов предположения

Прагматические исследования занимают в последние десятилетия значительное место в науке о языке, образуя в силу специфики своего предмета междисциплинарные отношения с философией, социологией, психологией. Гипотеза о том, что человек, употребляя определенные языковые единицы, привносит в общее языковое значение «не-что свое индивидуальное», уже высказывалась философами.

Согласно философским идеям Витгенштейна, значимым оказывается социальный контекст в понимании идей, действий и разума [1]. Обращение к понятию субъекта речи, его суждениям с наслаивающимся психологическим фоном определило переход от анализа стабильного значения слова к рассмотрению изменчивого содержания высказывания [2]. В настоящее время это явление получило теоретическое обоснование как учет человеческого фактора.

В логике, философии и собственно лингвистике подчеркивается сознательная деятельность субъекта, целенаправленно выбирающего языковые средства и тактику поведения для достижения поставленных целей, что в рамках прагматики рассматривается как прагматический эффект (Г. П. Грайс, Г. Клаус, И. М. Кобозева, Ю. М. Малинович, Ч. Моррис, И. М. Семенова, Дж. Р. Серль, Ю. С. Степанов, Тойн А. ван Дейк и др.).

Одной из основных прагмалингвистических единиц является прагма. Под прагмемой вслед за Л. А. Киселевой понимаем носитель прагматического содержания, константной прагматической информа-

ции. Прагмемы предназначены прежде всего для воздействия на эмоционально-волевую сферу психики и поведение человека [3]. Под прагматическим эффектом понимаем результат действительности прагмемы на психику и поведение человека: «...если сообщение предназначено для изменения поведения адресата, то ценность сообщения, по-видимому, тем больше, чем больше изменений в это поведение оно может внести» [3]. Прагматический эффект может быть положительным и отрицательным. При положительном прагматическом эффекте достигается полная реализация воздействия; при отрицательном прагматическом эффекте возникает результат, прямо противоположный планируемому [3]. Рассмотрим следующий пример:

«Ich trage mich mit verrückten Gedanken», sagte Wolf.

Das verstand Harriet auf ihre Art.

«Ich will vielleicht aufhören im Kollektiv.»

«Was heißt “vielleicht”?»

Wolfgang zuckte zusammen... «“Vielleicht” heißt: Was sagst du dazu?»

«Wenn du es machst, finde ich’s prima», sagte sie hart [4, 171].

Данный пример иллюстрирует изменчивость языкового содержания модального слова *vielleicht*, обусловленного ситуацией произнесения. Положительный прагматический эффект возникает только после того, как Вольф — сын Харриет — объясняет настоящее, им запланированное значение модального слова *vielleicht*.

Потребность в изучении языка с позиции субъекта и осуществляемой им деятельности в конкретных общественных ситуациях послужила основой для создания теории речевых актов или действий.

Согласно сложившимся в настоящее время представлениям, речевой акт представляет собой трехуровневую систему, включающую локутивный, иллокутивный и перлокутивный уровни.

Вслед за Тойн А. ван Дейком определяем понятие локуции через понятие пропозиции. Цель локутивных актов сводится к тому, чтобы адресат понял смысл сообщения адресанта и тем самым узнал его референциальное (пропозициональное) значение [5].

Пропозициональные акты служат аргументами для иллокутивных актов, побуждающих адресата к изменению своих представлений об окружающем мире, либо к осуществлению в этом мире нужных адресанту изменений, либо к ожиданию каких-то событий или действий в будущем. Основой для иллокутивных актов являются пресуппозиции — акт отсылки к факту, который известен (предполагается известным) адресату. Пресуппозиция прагматична в том смысле, что она представляет собой пропозициональный акт, при котором адресант принимает какие-то допущения об информации адресата [5]. Таким образом, прагматические пресуппозиции касаются знаний и убеждений говорящих.

Под перлокуцией понимается воздействие речи на мысли, чувства и посредством этого — воздействие на дела и поступки адресатов [6].

В зависимости от способа выражения речевые акты разделяются на прямые и косвенные. Прямые речевые акты передаются средствами, языковая семантика которых соответствует иллокутивной силе речевого акта. Так, например, прямые речевые акты предположения передаются конвенциональными средствами, т. е. средствами, первичной функцией которых является предположительная функция:

Endlich meldete sich die Nummer. Ich fragte nach dem Professor.

«Bedaure», sagte die Schwester, «Professor Jaffe ist ausgegangen».

«Wo ist er denn? Ich muß ihn sofort sprechen».

«Ich weiß es nicht. Vielleicht ist er noch einmal in die Klinik gegangen» [7, 205].

В данной ситуации речевой акт предположения передается модальным словом *vielleicht*, выражающим проблематическую достоверность с оттенком возможности [8]. Возможность подобного предположения объясняется наличием у медсестры пресуппозиции о возможном нахождении доктора Жаффе в данный момент в больнице.

Особый интерес для прагматики представляют косвенные речевые акты, характеризующиеся неконвенциональностью употребления. Цель употребления косвенных речевых актов определяется перлокутивным эффектом, предполагаемым соответствующим действием [9].

Р. Конрад справедливо определяет косвенные речевые акты как потенциальные, т. е. пропущенные, воображаемые, а не рсальные речевые акты [10], так как адресат «предугадывает или, точнее, вычленяет» рсальную интенцию того или иного речевого акта адресанта. Таким образом, для того чтобы существовала возможность говорить, например, о косвенном предложении, соответствующее побудительное предложение должно обязательно существовать в качестве «запланированного» адресантом [10], например:

«Dann will er nicht noch eine Portion essen?»

«Nein, ich denke, er ist satt» [4, 121].

При изучении косвенных смыслов речевых актов пресуппозиции не являются основополагающими, так как они выступают в роли конвенциональных компонентов значения слов и конструкций данного языка и опираются на понятие истинности.

Неконвенциональны в данном случае импликатуры, так как они вытекают из общих постулатов коммуникации и обладают свойством, которое Г. П. Грайс назвал неотделимостью. Как отмечают

Н. Д. Арутюнова и Е. В. Падучева, сила имплицатур речевого общения состоит не только в том, что они подсказывают технику вывода косвенных смыслов, но также и в том, что они уточняют прямой смысл высказывания, исключая другие интерпретации, совместимые с его значением [2].

Ш. Сафаров, Т. А. Шишкина отмечают полифункциональность косвенных речевых актов: они могут быть средствами как смягчения, так и усиления коммуникативной интенции адресанта [11].

При выражении раздражения, негодования адресант обычно отрицательно оценивает сложившееся положение дел и выражает свои категоричные суждения по этому поводу, порой угрожает или сильно иронизирует. В рассматриваемом примере косвенными смыслами вопросительного предположительного предложения являются угроза и возмущение:

Kam einer und war entsetzt: «Um Himmels willen, was höre ich: du stehst so schlecht in der Schule — ja, du wirst doch nicht etwa am Ende gar vielleicht bei der Matura durchfallen?» [12, 166].

Для родственника героя романа — школьника Гербера — возможность провала на выпускном школьном экзамене возмутительна и недопустима. Е. М. Вольф отмечает, что экспрессивная функция является одной из главных функций косвенных вопросительных по форме предложений [9]. В вышеприведенном примере экспрессивность подчеркивается также интонационным рисунком и прямым, нехарактерным для вопросительных предложений порядком слов.

Одной из интенций употребления адресантом косвенных речевых актов является создание иронического эффекта. Многими философами и лингвистами ирония рассматривается в связи с категорией косвенности (Вундерлих, Гордон, Грайс, Конрад, Лакофф и др.). Ирония в большинстве случаев определяется как «нечто противоположное сказанному» [13], как «контраст между ситуацией и языковой формой — игра в вежливость — целью которой является затушевать — или обыграть — реально существующую иерархию (социальные роли)» [10].

Косвенность высказывания создается нарушением максим принципа кооперации — максимы искренности («Говори правду!», «Не говори того, что ты считаешь ложным!»), максимы полноты информации, — служит адресату сигналом поиска скрытого смысла в высказывании. В соответствии с этим вырабатывается тактика создания иронии, т. е. анализ тактики адресата: контекст, ситуация, которые помогут эксплицировать истинный смысл высказывания [13]. Рассмотрим следующий пример:

«Wann hast du Zeit für mich?» (fragte Kurt)
«Ja, das ist sehr schwer...» (antwortete Lisa)
«Es wird schon gehen, denk nur nach»
«Warte mal, heute ist Mittwoch»
«Und morgen ist Donnerstag»
«Kolossal! Da ist übermorgen wahrscheinlich Freitag?»
«Wenn nichts dazwischen kommt» [12, 70].

Ситуация произнесения указывает на то, что героиня данного диалога Лиза предлагает Курту «ироническую игру», которую Курт принимает. Тем самым Лиза пытается избежать прямого однозначного ответа, который мог бы расстроить Курта. Прагматические presupпозиции объясняют возможность существования данной иронической ситуации: между участниками диалога к этому моменту возникло недопонимание, разрешением которого должен стать обоюдный разговор, к которому Лиза еще не готова. В данной ситуации достигается положительный прагматический эффект, так как запланированная интенция адресанта осознается адресатом и приводит к ожидаемому поведению. Курт опасается давить на Лизу и принимает ее тактику поведения, чтобы выйти из затруднительной ситуации. Как справедливо отмечает Т. А. Шишкина, ирония является гибким тактическим приемом для достижения адресантом стратегической цели в акте коммуникации [13].

Ирония может быть также недоброжелательной, злой, имеющей целью унижить своего коммуниканта, показать свое превосходство [13]. В следующем примере герой зло иронизирует над самой собой:

Da lacht jemand. Woher kommt dieser da, welcher lacht? Er lacht noch immer. Da muß ich wohl auch lachen. Haha. Es wird schon gehen [12, 193].

Важным для раскрытия косвенного смысла высказывания, в данном примере — иронического эффекта, является контекст. Главный герой Герберт должен сдавать выпускной школьный экзамен, что приводит его в напряженное состояние. Кроме этого он находится под воздействием своего учителя, который намерен провалить его на экзамене. Учет данных presupпозиций делает возможным эксплицировать скрытый иронический смысл слов Герберта, уже до окончания экзамена предугадывающего его результат и победу учителя.

Одной из задач употребления косвенной речевой тактики является осознанное смягчение критических высказываний. Рассмотрим следующий пример:

«Gab es auch welche mit Kriegsknirschhüften?»
«Nein, Freia, auch keine mit Prothesen...»
«Warum denn nicht, wenn du sagst, daß es vielleicht verstorbene Seelen

gibt, mit denen du sprichst, dann müßten doch manche auch Krücken und Prothesen haben! Vielleicht hast du nicht so genau hingeguckt?» gab ich meinem Vater noch eine Chance. Aber er überhörte sie [14, 42].

Главной героине романа Фрайс отец, участвовавший во Второй мировой войне, в детстве рассказывал о своих военных переживаниях, и Фрайа не раз наблюдала, как отец разговаривал, по его словам, с душами умерших. Знание данных пресуппозиций объясняет уместность вопроса девочки о том, были ли у душ умерших костыли и протезы. Фрайа вежливо высказывает логичное предположение об отсутствии таковых, избегая категоричного тона, чтобы не ранить отца.

Анализ косвенных речевых актов предположения показал, что адресанты прибегают к косвенной речевой тактике как к гибкому тактическому приему для достижения поставленной цели в акте коммуникации. В зависимости от ситуации косвенные речевые акты могут быть средствами как смягчения, так и усиления коммуникативной интенции адресанта. Косвенные речевые акты предположения употребляются адресантом для выражения вежливой просьбы, создания иронического эффекта, скрытой угрозы, возмущения, побуждения к действиям.

Примечания

1. Философия, семантика, прагматика / Послел. В. В. Петрова // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 471.
2. Арутюнова И. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 8, 30, 35.
3. Киселева Л. А. Язык как средство воздействия. Л., 1971. С. 40–41, 45–47, 50, 51.
4. Dagmar Chidolue London, Liebe und all das. Gulliver Taschenbuch 756, Beltz Verlag, 1997.
5. Дейк Т. А. ван. Вопросы прагматики текста // Текст: аспекты изучения. Поэтика. Прагматика. Семантика. М., 2001. С. 123, 124, 130–131.
6. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 86.
7. Remarque E. M. Drei Kameraden. М., 1998.
8. Бондаренко В. И. Аналитические и синтетические способы выражения модальности в немецком языке // ИЯШ. 1978. № 4. С. 34–35.
9. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985. С. 194, 191.
10. Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 358, 371.
11. Сафаров Ш., Шишкина Т. А. Об условиях реализации принципа вежливости в текстообразующих действиях // Логико-семантические и прагматические проблемы текста: Сб. науч. тр. Красноярск, 1990. С. 63–69.
12. Torberg F. Der Schüler Gerber. Paul Zsolnay Verlag, 1958.
13. Шишкина Т. А. Прагматика иронии // Логико-семантические и прагматические проблемы текста: Сб. науч. тр. Красноярск, 1990. С. 84, 85, 89.
14. Dückers T. Himmelskörper. Aufbau-Verlag Roman, 2003.

Лингвопрагматический аспект системного моделирования дискурса

Системой является любой объект, представляющий собой множество закономерно связанных друг с другом элементов и имеющий свойства целостного образования. В философском аспекте система — обособленная сознанием часть реальности, элементы которой обнаруживают свою общность в процессе взаимодействия. Одним из эффективных способов анализа систем любого уровня сложности является системное моделирование.

Моделирование как процесс построения реально существующих объектов (процессов, явлений) и исследование этих феноменов на их моделях сегодня в определенном смысле приобретает эпистемологическую природу и становится синонимом познания.

Исходя из этой двойственной природы системного моделирования, можно сформулировать принципы модельного познания, к которым могут быть отнесены следующие:

1. *Принцип объективного соответствия* формы модели оригиналу, налагая ограничения на творческую активность моделирующего субъекта, означает, что построение и выбор модели не могут быть произвольными актами субъективной природы. Это обусловлено тем, что детерминантом самого процесса моделирования является объективно осознаваемая структура того фрагмента реальности, закономерности функционирования которого исследователь пытается обнаружить в модели.

2. *Принцип экстраполяции* модельной информации — перенос информации, полученной на существенно более простой, чем реальный объект, модели, на сам оригинал.

3. *Принцип верифицируемости* модельной информации предполагает, что вместе с формированием модели вырабатываются все усложняющиеся способы ее формализации и проверки на адекватность. В противном случае, при игнорировании этого принципа, модельная информация лишится ее главного свойства — служить инструментом прогнозирования поведения и управления системой в данных условиях, при заданных целях и определенных ограничениях.

Природа моделируемых объектов может быть весьма различной. Так, ван Гиг [1] указывает, что общая теория систем развивается по двум направлениям: теории «жестких» и «мягких» систем. Первое из них основывается на подходах физико-математических наук и требует строгих количественных построений, основанных на дедуктивном методе.

Второе направление (теория мягких систем) рассматривает системы, которые могут адаптироваться к условиям внешней среды, сохраняя при этом свои характерные особенности. Мягкие системы, относящиеся к области биологических, психологических и общественных наук, подвергаясь долговременным изменениям, сохраняют свою внутреннюю сущность и способность к развитию.

Методология мягких систем получила дальнейшее развитие в трудах П. Чеклэнда [2], который выделил две альтернативные парадигмы, объясняющие природу и значение системного мышления (изучение действительности как системы, сотворенной природой или человеком, и анализ «слабоструктурированной» действительности, допускающий различные интерпретации одного объекта).

Методология мягких систем предполагает (по П. Чеклэнду) конструирование сразу нескольких адекватных моделей, описывающих различные картины мира участниками аналитического процесса, а «фактор субъекта» (человеческое измерение) играет заметную, если не главную роль.

Все вышесказанное следует учитывать при моделировании дискурса как процесса совокупной коммуникативной деятельности взаимодействующих сторон в пределах коммуникативной ситуации, как «мягкой системы», как феномена, имеющего лингвопрагматическую основу. Фактически основной задачей моделирования дискурса является анализ и описание процесса передачи, восприятия и интерпретации информации, который осуществляется посредством вербальных и невербальных (экстра- и паралингвистических средств).

Дискурс имеет свою структуру, принципиально отличающуюся от структуры лингвистических единиц разных уровней. Модель дискурса должна строиться на интеракционной основе с учетом факторов интеракционной интерпретации, коллективной интенциональности и принципа интересубъективности. Кроме того, как отмечает М. Л. Макаров, «отличительными чертами дискурса являются его *связность (когеренция)*, а также *метакоммуникативная самоорганизация*» [3]. Вероятно, у основных структурных единиц дискурса (*коммуникативный акт — коммуникативный ход (макроакт) — обмен — трансакция*) имеются когнитивные корреляты: например, рамки коммуникативного хода определяются наличием иерархически организованной целевой доминанты коммуникантов, границы трансакции зависят от характера предметно-референтной ситуации и обусловленных процедурным сценарием типов деятельности коммуникантов и т. д. Кроме того, любое речевое событие категориально и символически «маркировано» нормой в координатах данной культуры: институты, ритуалы, обычаи, способы деятельности, — и это позволяет считать дискурсивный процесс конвенциональным процессом.

Конвенциональность дискурса определяет спектр социально-культурологических параметров, которые могут служить основой дискурсивной модели в рамках институционально обусловленной коммуникативной ситуации (сфере общения). В качестве таких параметров (характеристик) может быть использован **социальный контекст** [4]: *личное, общественное, институциональное/формальное, неформальное* с учетом фреймов конвенциональных установлений, а также таких категорий, как *позиции* (роли, статусы и т. д.), *свойства* (пол, возраст и т. д.), *отношения* (превосходство, авторитет), *функции* (отец, слуга, судья и т. д.); **формы** речевой коммуникации [5]: *дискуссия, обсуждение, совещание, терапевтический диалог, слушания, заседания, массовая коммуникация* и др.; «интенциональные» **типы** разговорной речи [6]: *беседа, личный разговор; разговор «за чашкой чая», застольная беседа; профессиональная беседа; разговор продавца с покупателем; конференции, дискуссии; интервью; обучающая беседа, урок; совещание, консультация* и др.

Лингвистические параметры, определяющие структуру дискурсивной модели, тоже весьма разнообразны. Сюда могут быть отнесены внешне- и внутритекстовые **характеристики речи** [7]: *конститутивные* (относительная оформленность, тематическое, стилистическое и структурное единство и относительная смысловая завершенность); *жанрово-стилистические* (стилевая принадлежность, жанровый канон, клишированность, степень ампликации (компресии)); *семантико-прагматические* (адресативность, образ автора, информативность, модальность, интерпретируемость, интертекстуальная ориентация); *формально-структурные* (композиция, членимость, когезия); **жанровые характеристики** [8]: *коммуникативная цель* (информативные, императивные, этикетные и оценочные речевые жанры), *образ автора, образ адресата, образ прошлого* (ретроактивная направленность речевого события), *образ будущего* (приглашение, обещание, прогноз), *диктумное* (событийное) *содержание* (набор актантов, их отношения, временная перспектива и оценка диктумного события), *языковое воплощение* речевого жанра.

В основу дискурсивной модели могут быть заложены и «математические» параметры. Так, Х. Софер выделяет иерархическую, циклическую, линейную, параллельную, зигзагообразную и концентрическую структуры [9].

Дискурсивную модель можно представить в виде схемы, соответствующей современным теориям коммуникации: **адресант** (субъект коммуникативного процесса) → **сообщение** (текст/дискурс) → **канал** (типологическая разновидность текста — вербальный/не-

вербальный) → **код** (жанровая разновидность текста) → **адресат** (субъект коммуникативного процесса) → **результат коммуникации** (воспринятая и интерпретированная информация) → **обратная связь**.

Структурно система коммуникации может быть представлена следующими компонентами:

- «**информационная**» коммуникация, осуществляемая с целью сообщения новых знаний;
- коммуникация «**сотрудничества**», имсущая целью обеспечение взаимодействия субъектов коммуникативного процесса;
- «**императивная**» коммуникация, реализуемая в рамках «инструктирующего» дискурса; используется при реализации интенции «управление»;
- «**оценочная**» коммуникация, достигается путем использования оценочных речевых актов и выполняет контрольную функцию.

В контексте этой структуры типы речи в сфере коммуникативного взаимодействия можно классифицировать следующим образом: *информативно-воспроизводящий* (сообщение, репродукция и обобщение), *волюнтивно-директивный* (волсизъявление), *контрольно-реактивный* (оценочная реакция), *эмотивно-консолидирующий* (предложение собственной картины мира для кооперативного взаимодействия), *манипулятивный* (социальное доминирование, установление иерархии).

В дискурсивной модели можно условно выделить следующие иерархически организованные модули, которые участвуют в конструировании процесса передачи, восприятия и интерпретации информации: *концептуально-фактологический, когнитивный, хронологический, аксиологический, культурологический, нормативно-конвенциональный, антиципационно-прогностический и индивидуально-личностный*.

Приведенные выше модули образуют минимальную комбинацию для моделирования дискурсивного процесса. Однако способ их практического использования в ходе моделирования коммуникации может быть основан на различных подходах, и именно в этих подходах реализуются дискурсивные стратегии и проявляется индивидуальность участников коммуникации как деятелей.

Примечания

1. Гиг Дж. ван. Прикладная общая теория систем. М., 1981.
2. Checland P. B. Soft systems methodology: an overview // J. of Applied System Analysis. 1988. Vol. 15. P. 27–36.
3. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М., 2003. С. 202.
4. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 23.
5. Гойхман О. Я., Падешна Т. М. Основы речевой коммуникации. М., 1997. С. 13.

6. Henne H., Rehbock H. Einführung in die Gesprächsanalyse. 2., verb. u. erw. Aufl. Berlin; New York, 1982. P. 30.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
8. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 88–98.
9. Sopher H. The archetypal patterns of discourse // Semiotica. Berlin, 1996. Vol. 109, № 1/2. P. 1–27.

© Т. В. Попова
УГТУ-УПИ, Екатеринбург

Графиксация как новый способ русского словообразования конца XX — начала XXI в.

Русское словообразование рубежа XX–XXI вв. явно свидетельствует о том, что «праздник вербальной свободы», начавшийся в русском языке после перестройки, не только не завершен, но даже набирает силу. Деривационные механизмы русского языка способствуют возникновению значительного количества лексических новообразований «кентавроподобного», поликодового типа. Достаточно вспомнить те новообразования, в которых легко сосуществуют элементы, оформленные с помощью графических средств разных языков: *internetмен*, *VIP-билет*, *Pronaganda*, названия передач «*Вася In Da House*», «*TV-парк*», «*News Блок Daily*» и под.

Особенно много новообразований-«кентавров» появляется в периодических изданиях, прежде всего среди имен собственных. Например, анализ только двух страниц газеты «Телесемь» (2003. № 42) обнаружил более десятка аналогичных номинаций — названий телепередач: «*PRO-Обзор*», «*PRO-новости*», «*Евроныйс*», «*Муз-Film*», «*ПиП-парад*», «*СВ-шоу*», «*ТВ-клуб*», «*ТелеGa*» «*Точки. ru*»/«*Точки. Ru*» и т. д. Подобные номинации воспринимаются современным человеком как одно слово в силу соотнесенности с одним денотатом и необычности формы, цельность которой может быть подчеркнута графическими средствами, например наличием дефиса.

Приведенные выше неологизмы свидетельствуют о возрастании продуктивности графико-орфографического способа словообразования, или графиксации. Последний был выделен в качестве самостоятельного способа русского словообразования В. П. Изотовым (1994, 1996, 1998), хотя словообразовательный и художественно-экспрессивный потенциал графики и орфографии отмечался в лингвистической литературе и раньше. Этот способ был выявлен в ходе анализа одной из групп новообразований с неузualьным написанием, среди которых в целом, как нам кажется, можно выделить несколько структурно-графических типов номинаций:

— новообразования, созданные на базе русской графики с отступлениями от традиционного написания: «*ПиП-парад*», «*СВ-шоу*», «*ТВ-клуб*»;

— новообразования, созданные на базе русской графики и единиц неслерального кода: *Мурак@ми* ← *Мураками*; *1,5цкий* ← *Полторацкий*, *во-1* ← *во-первых*;

— новообразования, созданные на базе русской и иноязычной графики с отступлениями от традиционного написания: «*PRO-Обзор*», «*PRO-новости*», «*Муз-Film*».

В. П. Изотов определяет **графиксацию** как «такой способ образования слов, при котором в качестве словообразовательного оператора выступают графические и орфографические средства (графические выделения, знаки препинания и т. п.)», причем только одного языка [1].

В настоящее время выделены такие разновидности этого способа, как:

1) *дефисация* — разбиение слова дефисами на части или слоги с приданием ему другого значения: «ботать **по-**дерриде» (В. Курицын); **по-**кончить с собой (М. Липовецкий), время-после-нас, истина-для-всех;

2) *парентезис* (ср. англ. parenthesis — ‘брать в скобки’): *пост-(а)теист* (М. Эпштейн); *(само)уничтожение*; *не(слишком)лестные* (М. Липовецкий) и т. п.;

3) *квотация* (ср. англ. quotation marks — ‘кавычки’): «*супер*»*вещь* или «*супер*»*идея* (М. Эпштейн);

4) *слешинг* (ср. англ. *Slash* — наклонная черта): **пред/постмодернизм*;

5) **политупктуализация* (ср. лат. punctum — ‘точка’, poly — ‘много’; термины, отмеченные знаком (*), предлагаются автором данной статьи, хотя само явление могло быть выявлено другими исследователями) — использование многоточия: «*Оппозиция — оп...позиция*»;

6) **апострофизация*: «*Аз’ арт*» (название рубрики об азах искусства в «Огоньке»);

7) **курсивизация* — выделение курсивом одной из частей слова, которая совпадает с реально существующим словом: «А я забыл, кто я. / Звук золота все звончий. / Казна — известно чья? / А я — чей казначей?» (В Высоцкий);

8) **экскламация* (ср. англ. exclamation — ‘восклицание’) — использование восклицательного знака для разбиения узуального слова на две и более лексемы, обладающие прагматической значимостью: *вода* > «*Во! Да!*» (название газированного напитка одного из скатеринбургских заводов);

9) **графоморфоактуализация* — разбивка строки, приводящая к нестрадиционному делению слова на морфемы и актуализации его внутренней формы: *разговоры о // раз // оружии* (В. М. Костюков);

10) *слияние*, или *голофразис*, или *интеграция* [2] — написание сочетания слов или целого предложения без пробелов: *политика-как-продолжение-войны-только-другими-средствами, готовый-состоявшийся-уже-произошедший, присутствие-в-отсутствии, пространственное-становление-времени, художник-не-от-мира-сего* и др.;

11) *неузуальное* слабо мотивированное или немотивированное чередование строчных и прописных букв: «*ПиП-парад*», «*СВ-шоу*», «*ТВ-клуб*»; «*ФаБРикует*» (пример В. М. Костюкова), «*ПРАВО-писание*» (название статьи, в которой рассказывается, что старшеклассники потребовали отставки директора школы);

12) * *грамма-редупликация* — повтор буквы: «Ну рай!.. Только вот плохо — ждешь-ждешь-ждешь... Тишшшшшина» (С. Валяев) [3].

Все подвиды графического способа образования русских слов свидетельствуют о том, что «наибольшую активность в современном словотворчестве проявляют не аффиксальные, а операциональные форманты (усечение, преобразование парадигмы, устойчивый порядок компонентов)» [4] и, добавим, вставка внутрь слова несбуквенных графических средств, приводящая к его неоднозначному осмыслению и экспрессивизации.

Представляется целесообразным более подробно и глубоко проанализировать графикацию как продуктивный способ образования номинативно-экспрессивных средств русского языка, обладающих значительным текстопорождающим потенциалом.

Выделенные виды графикации, порождающие неоднозначность истолкования деривата, его некоторую виртуальность, соответствуют такой тенденции современной художественной речи, как культивирование «поэтики полуслова» [5], недоговоренности, что создаст эффект многомерности окружающих человека миров. Отказ от определенности значений и закреплённых в слове смыслов приводит к тому, что читатель воспринимает прежде всего не реалии и явления, изображаемые в тексте, а авторские интенции, «существование на... мерцающих, пульсирующих границах» [6].

Создание приведенных выше графодериватов эксплицирует и такие новые тенденции современного словотворчества, как активное развитие инкорпорирующего сращения, размывание границ между морфемами, отдельными словами и классами слов, и даже между словом и предложением. Усиление неопределённости языкового знака, в том числе в сфере словообразования (Н. А. Николи-

на), отражает «катастрофический распад реальности» [7], окружающей современного человека и воспринимаемой им, диффузность, нестабильность, текучесть его картины мира.

Примечания

1. *Изотов В. П.* Параметры описания системы способов русского словообразования. Орел, 1998. С. 76.
2. *Гугунава Д. В.* Специфика словопроизводства в литературной критике произведений постмодернизма: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2003. С. 18–19.
3. См. об этом: *Изотов В. П.* Указ. соч. С. 77–78; *Гугунава Д. В.* Указ. соч. С. 20–21; *Николина Н. А.* Новые тенденции в современном русском словотворчестве // *Русский язык сегодня*. М., 2003. Вып. 2. С. 376–387; и др.
4. *Николина Н. А.* Указ. соч. С. 386.
5. *Зубова Л. В.* Современная русская поэзия в контексте истории языка. М., 2000. С. 355.
6. *Бавильский Д.* Из глубины // *Знамя*. 2000. № 2. С. 182.
7. *Эпштейн М.* Постмодерн в России: Литература и теория. М., 2000. С. 138.

© **С. В. Соколова**
МГУ, г. Москва

Новые тенденции в способах оформления именной группы в русском и английском языках (на материале научного текста)

1. В настоящей работе рассматриваются способы оформления именной группы (ИГ) в русском и английском языках на примере перевода английского научного текста на русский язык. Какие сложности в этой связи возникают у переводчика?

Как известно, в английском языке каждая ИГ оформляется артиклем: определенным, неопределенным или нулевым, в то время как в русском языке нет грамматических показателей определенности-неопределенности. Поэтому когда мы имеем дело с переводом, с одной стороны, важно, какими средствами в русском языке передается значение артиклей. Безусловно, большую роль здесь играет разветвленная система русских местоимений.

С другой стороны, если языки обладают схожим набором средств выражения той или иной категории, обычно представляется вполне логичным сохранять это соответствие при переводе. Так, поскольку в обоих языках есть система местоимений, складывается впечатление, что английскую ИГ, оформленную указательным местоимением, можно перевести аналогичной ей русской ИГ с указательным местоимением (например, *this man* – *этот человек*). Однако такие, на первый взгляд, простые случаи представляют большую сложность, когда речь идет о целом тексте.

Оказывается, далеко не каждую русскую ИГ следует переводить ИГ на английский язык. Это отметила американская исследовательница Джоанна Николс, которая занималась переводом работы Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы» [1]. Она пришла к выводу, что русские номинализации только в некоторых случаях можно переводить на английский язык аналогичными им отглагольными и отаггективными существительными. Это связано с тем, что в английском языке такие существительные обычно вводят «пресуппозицию» (в данном случае — исходную предпосылку), информацию, которая уже известна читателю или была разъяснена в тексте. «Ассертивный» же компонент предложения (новую информацию) могут вводить только финитные формы глагола, в отличие от русского языка, где номинализация может возникнуть и в том и в другом случае. Различия в употреблении номинализаций Николс демонстрирует на следующем примере [2]:

(1) Оригинал: *Объяснение фонемных соответствий между языками общностью их происхождения из определенной исходной языковой системы предполагает необходимость реконструкции ее с целью изучения возникновения и путей преобразования исторически засвидетельствованных родственных языковых систем.*

Дословный английский перевод:

'(An) explanation of phoneme correspondences between languages by means of (the) commonality of their descent from an original linguistic system assumes (the) necessity of (a) reconstruction of it [the original system] with the goal of (a) study of the rise and paths of transformation of historically attested cognate linguistic systems.

Естественный английский перевод:

*If phonemic correspondences between languages **are to be explained** as due to a **common** descent from an original system, then that system **must be reconstructed** in order that the origin of the attested cognate languages and the changes undergone by them **may be studied** [3].*

По словам Николс, дословный перевод не передаст основную мысль предложения, а именно — что нужно реконструировать исходную систему. Таким образом, в предложенном примере из 8 русских номинализаций Николс считает возможным оставить только 3. Основную причину такого несоответствия исследовательница видит в разных средствах выражения определенности и введения новой информации в русском и английском тексте. Так, в приведенном дословном переводе слово *necessity* является существительным и, таким образом, заставляет говорящего выбирать между артиклями *the*, *a* и \emptyset . По наблюдениям Николс, номинализации в английском

языке чаще всего оформляются определенным артиклем, особенно в тех случаях, когда они предшествуют сочетанию с предлогом *of*. Это существенно ограничивает свободу говорящего при выборе артикля и приводит к тому, что в примерах типа (1) из-за «грамматической определенности» слово *necessity* может неверно прочитываться как что-то упоминавшееся ранее или как исходная информация, т. е. *necessity* не воспринимается в качестве главной мысли предложения.

2. Таким образом, отсутствие системы артиклей, с одной стороны, и количество номинализаций — с другой, приводит к тому, что в русском научном тексте складывается особая система оформления ИГ за счет специальных местоименных лексем — аналогов артиклей. Наличие таких слов в русском тексте отмечает и Николс (*данный, соответствующий, определенный, известный*). Однако она не закрепляет их за каким-то определенным артиклем. Согласно Николс, это просто частотные показатели определенности (*definiteness*) в русском тексте.

Если Николс отмечает такие лексемы в оригинальном русском тексте, то представляется важным проследить, как они функционируют в русском переводе, который во многом следует за английским языком оригинала.

В данной работе предлагается сопоставление двух научных текстов: оригинального английского из книги Джорджа Лакоффа «Женщины, огонь и опасные предметы» [4] и его перевода на русский язык, выполненного А. Н. Барановым [5].

2.1. Как показывает наш анализ, русские аналоги английских артиклей можно распределить по двум группам: лексемы со значением определенности и лексемы со значением неопределенности.

К первым относятся такие слова, как *данный, соответствующий, рассмотренный, рассматриваемый, конкретный, подобный*, которые обычно соотносятся с английским определенным артиклем или указательным местоимением (причем наиболее часто встречаются *данный* и *соответствующий*):

(2) *Berlin and Kay had shown that focal colors had a special status within color categories — that of the best example of **the** category.*

*Берлин и Кей показали, что центральные цвета обладают особым статусом по сравнению с другими цветовыми категориями — они воспринимаются как наилучшие представители **соответствующей** категории.*

(3) *They are all movements of a kind, and we know how to make movements of **that** kind.*

Они (действия) все соотносятся с соответствующим видом деятельности, и мы знаем, как совершить действие **данного** вида.

Разумеется, далеко не всегда можно говорить о дословном переводе. Характерно, что если в русском тексте употребляется другая конструкция (не такая, как в английском оригинале), то в ней обычно есть существительное, оформленное местоименной лексемой. Это подтверждает ранее высказанную мысль о том, что подобные лексемы особенно характерны для русского научного текста:

(4) *This is a common way in which graded categories arise.*

Букв. 'Это есть общий путь, по которому градуированные категории возникают'.

Рассмотренные факторы задают общую схему возникновения градуированных категорий.

2.2. К лексемам со значением неопределенности относятся такие слова, как *определенный, отдельный, тот или иной*. Данные слова чаще всего соответствуют неопределенному артиклю в английском тексте или же оформляют русскую ИГ в случае свободного перевода:

(5) *The effects had «sources», but one could not determine the sources given the effects.*

Прототипные эффекты имеют **определенные** «источники», однако мы не в состоянии их выявить.

(6) *Whenever we **intentionally** perform any kind of action...*

Букв. 'Всякий раз, когда мы намеренно осуществляем какой-либо вид деятельности...'

Во всех случаях, когда мы, имея **определенное** намерение, осуществляем какой-либо вид деятельности...

(7) *What facts about prototypicality do contribute to processing notions is a constraint.*

Букв. 'Что факты о прототипности действительно вносят в обработку понятий, есть ограничение'.

*То новое, что вносят факты прототипности **тех или иных** явлений в понятия, связанные с обработкой данных, — это ограничения.*

2.3. Однако необходимо отметить, что четкого соответствия между местоименными лексемами в русском тексте и артиклями и указательными местоимениями в английском не наблюдается. Интересен тот факт, что в английском языке можно найти практически абсолютные аналоги русских лексем интересующего нас типа. Это касается таких слов, как *данный (given), определенный (certain); отдельный (individual, exceptional), соответствующий (corresponding; associated)*:

(8) *That property can be taken as defining a graded category, where the degree of membership equals the degree to which each member has **the given** property.*

Это свойство можно рассматривать как определяющую характеристику градуированной категории, в которой степень членства совпадает со степенью проявления **данного** свойства у каждого члена.

(9) *More specifically, image schemas are mapped into **the corresponding** abstract configurations.*

Точнее, образные схемы отображаются в **соответствующие** абстрактные конфигурации...

(10) *In addition, **certain** semantic relations may hold among the arguments...*

Кроме того, между аргументами существуют **определенные** семантические отношения...

(11) *Since we reason not just about **individual** things or people but about categories of things and people...*

Поскольку мы способны размышлять не только об **отдельных** вещах и людях, но и о категориях вещей и людей...

Лексемы *отдельный* и *соответствующий* имеют два довольно часто употребляемых аналога в английском, с предпочтением первого. В двух других случаях происходит более значительная утрата первоначальной семантики как русских, так и английских лексем. *Данный* и *given*; *определенный* и *certain* достаточно частотны и в функции определителя при существительном не имеют синонимического ряда, как, например, английские *individual/exceptional*. Таким образом, можно говорить о некоторых изменениях в семантике и функции лексем *данный* и *given*; *определенный* и *certain*.

Отметим, что благодаря своему обобщенному значению русский и английский глагол с семантикой «дать» может легко служить источником грамматикализации (перехода лексических единиц в грамматические элементы). Так, исследователи Фридрих Унгерер и Ханс-Йорг Шмид указывают на преобразование причастия *given* (пример 12) в союз *given that* (13) и даже предлог (14) [6]:

(12) **Given** the chance (If I were **given** the chance) I'd do it again.

Букв. 'Дан случай (Если бы мне был дан случай), я бы сделал это снова'.

Если бы представился случай, я бы сделал это снова.

(13) **Given that** this work was produced under particularly difficult circumstances the result is better than could be expected.

Букв. 'Дано, что эта работа была произведена под особенно трудными условиями, результат есть лучше, чем можно было бы ожидать'.

Учитывая, что эта работа была сделана в исключительно трудных условиях, результат превзошел ожидания.

(14) **Given** the present conditions, I think she's done rather well.

Букв. 'Даны настоящие обстоятельства, я думаю она сделала вполне хорошо'.

Учитывая сложившиеся обстоятельства, я думаю, она вполне справилась.

Существенные изменения наблюдаются и в семантике лексемы *certain*, что подтверждают некоторые данные языка периодики. В своей работе «Неопределенные местоимения» Мартин Хаспелмат [7] отметил, что английское *certain* обычно указывает на референтные (specific) понятия. Так, согласно Хаспелмату, ИГ *a native speaker of Ainu* («индеец из племени Аину») в предложении (15) может иметь референтное прочтение с продолжением (а) и нереферентное прочтение с продолжением (б):

(15) *Nobuko wants to marry a native speaker of Ainu.*

Нобуко хочет выйти замуж за индейца из племени Аину.

(а) ...She fell in love with him during fieldwork sessions.

...Она полюбила его во время полевых работ.

(б) ...because she is Ainu herself, and she wants her children to acquire her ancestors' language.

...потому что она сама из племени Аину и хочет, чтобы ее дети владели языком ее предков.

Если же в данную ИГ добавить лексему *certain*, предложение будет иметь только референтное прочтение:

(16) *Nobuko wants to marry a **certain** native speaker of Ainu.*

Букв. 'Нобуко хочет выйти замуж за **определенного** носителя языка Аину'.

Нобуко хочет выйти замуж за одного индейца из племени Аину.

Однако в Британском национальном корпусе (British national corpus) нами были найдены примеры, где значение слова *certain* близко к неопределенным местоимениям *some* и *any*:

(17) *As it stands now, I believe, the promoters hold a **certain** amount of power over what exactly they wish to do about a **given** injury.*

Букв. 'Как это стоит сейчас, я верю, промоутеры обладают определенным количеством силы над (тем), что именно они хотят делать о данной травме'.

Судя по тому, как обстоит дело, я полагаю, промоутеры имеют определенное влияние на решение вопроса, что делать с той или иной травмой.

(18) *Do you find inspiration in reading **certain** authors? — I always liked (Pablo) Neruda...*

Букв. 'Вы находите вдохновение в чтении **определенных** авторов? — Мне всегда нравился (Пабло) Неруда'.

Есть какие-нибудь авторы, чтение которых вас вдохновляет? — Мне всегда нравился Неруда.

В примере (17) утверждается наличие силы, а не строго определенное ее количество. Лексема *certain* в данном случае близка к неопределенному местоимению *some*. Главное отличие состоит в том, что ***some*** *amount of power* ('некоторое количество силы') скорее указывает на то, что это количество невелико, в то время как ***a certain*** *amount of power* больше акцентирует само наличие силы и ее достаточность для права решения вопроса.

В примере (18) лексема оформляет нересферентную ИГ, о чем свидетельствует возможность выбора неопределенного местоимения *какой-нибудь* при переводе на русский язык.

Таким образом, можно говорить о том, что в рамках научного текста русские лексемы *данный*, *определенный* и английские *given*, *certain* приобретают местоименную функцию.

2.4. Однако при всем сходстве перечисленных лексем в русском и английском тексте у них, несомненно, имеется и ряд различий. Именно лексемы русского языка выполняют артиклевую функцию. В английском подобные слова выступают в пределах ИГ, уже оформленной каким-нибудь артиклем, что не позволяет нам говорить о тождественности функций. Причем аналоги русских местоименных лексем со значением определенности иногда выступают с неопределенным артиклем:

(19) *These may define the degree to which **a given** property holds of an individual.*

Пропозиции... могут содержать отсылки к линейным шкалам, которые определяют степень проявления **данного** свойства для некоторого индивидуума.

Кроме того, в Британском национальном корпусе встречаются примеры, где *given* употребляется вместе с неопределенным местоимением *any* («любой»), что совершенно невозможно для русского языка.

(20) *Bottom-dwelling fish like sole and cod are usually leaner than those that dwell near the surface, like tuna or herring. And **any given** fish will be leaner after it has spawned or experienced a food shortage.*

Букв. '...И **любая данная** рыба будет тоньше после того, как она отложила икру или испытала нехватку пищи'.

Глубоководные рыбы, такие как палтус и треска, обычно тоньше рыб, живущих близко к поверхности воды, таких как тунец и сельдь. Любая рыба становится тоньше при нересте или недостатке корма.

Русские местоименные лексемы *данный* и *определенный* выполняют артиклевую функцию в научном тексте и имеют такой же статус, как и русские указательные и неопределенные местоимения, поэтому их одновременное употребление в ИГ невозможно (**любая данная рыба, *эта данная рыба*), так же как невозможно одновременное употребление английских местоимений и артиклей (**the this fish*).

3. В заключение обобщим результаты сопоставления русских и английских ИГ в научном тексте.

1) Прежде всего, следует сказать, что в русском языке складывается разветвленная система местоименных слов, которые фактически являются аналогами английских артиклей. Вместо традиционных указательных и неопределенных местоимений часто употребляются новые лексемы со значением определенности и неопределенности. Такие слова получают новую функцию, благодаря десемантизации. — утрате первоначальной семантики. С одной стороны, это связано с отсутствием в русском языке грамматических показателей категории определенности-неопределенности, с другой — с большим количеством номинализаций в русском научном тексте, что в свою очередь обусловлено русской научной традицией. Поэтому такие местоименные лексемы используются для оформления русской ИГ не только при переводе английской ИГ, но и других словосочетаний.

2) Кроме того, подобные лексемы встречаются и в оригинальном английском тексте. Прежде всего, имеются в виду слова *given* и *certain*. Поскольку наблюдается изменение первоначальной семантики данных лексем, можно говорить о том, что они также вовлечены в процесс десемантизации.

3) Однако нельзя провести полную аналогию между русскими местоименными лексемами и английскими *given* и *certain*, так как в русском языке они более частотны и в научном тексте практически обязательны при существительном. В английском языке наблюдается большая свобода при выборе подобного определения, в связи с чем у русских лексем может быть несколько английских аналогов: *отдельный* — *individual, exceptional*; *конкретный* — *particular, fixed*; *соответствующий* — *corresponding, associated*. Кроме того, английские лексемы со значением определенности могут употребляться с неопределенным артиклем. Тем не менее важно отметить, что русские и английские местоименные лексемы имеют общую функцию: словесно увеличивая номинацию, они маркируют значимость вводимого по-

нения. По всей видимости, это связано с реализацией принципа иконичности, согласно которому более важное понятие должно иметь более детальное словесное выражение.

Примечания

1. *Nichols J.* Nominalization and assertion in scientific Russian prose // *Clause Combining in Grammar and Discourse. Typological Studies in Language.* Amsterdam; Philadelphia, 1988. Vol. 18. P. 399–400.

2. *Nichols J.* Op. cit. P. 403.

3. Здесь и далее курсивом выделен текст, взятый из указанных изданий; наш перевод (С. С.) дается обычным шрифтом, наш дословный перевод – обычным шрифтом в “.

4. *Lakoff G.* Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. Chicago, 1987.

5. *Лакофф Дж.* Когнитивное моделирование (из книги «Женщины, огонь и опасные предметы») // *Язык и интеллект.* М., 1995. С. 143–185.

6. *Ungerer F., Schmid H.-J.* An Introduction to Cognitive Linguistics. Addison Wesley Longman Limited, 1996. P. 257–258.

7. *Haspelmath M.* Indefinite Pronouns. Oxford, 1997. P. 37–38.

© А. М. Стрельников
НТГСПА, г. Нижний Тагил

Основные метафорические модели реализации оценочности в дискурсе президентских выборов

Одним из интенсивно развивающихся направлений современной лингвистики является исследование концептуальной метафоры. В настоящей статье рассматривается оценочный потенциал метафорических моделей в политическом дискурсе российских президентских выборов 2004 г. Под метафорической моделью мы понимаем «существующее в сознании носителей языка типовое соотношение семантики находящихся в отношениях непосредственной мотивации первичных и вторичных значений, являющееся образцом для возникновения новых вторичных значений» [1].

В современной когнитивистике (М. Джонсон, Ф. Джонсон-Лэрд, Дж. Лакофф, М. Тернер, Ж. Фоконьс, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, А. П. Чудинов) метафора рассматривается не как «сокращенное сравнение» и способ «украшения» речи, что было характерно еще для Аристотеля, а как основная ментальная операция, направленная на познание, структурирование и объяснение мира [2]. При реализации обозначенных процессов значительную роль играют личностные характеристики человека и его способность к оценке, другими словами, человек способен не только мыслить, но и по-своему оценивать разнообразие взаимоотношений с миром с помощью метафор. В процессе коммуникации именно оценочные метафоры обладают наибольшим потенциалом воздействия на со-

знание адресата. Они приобретают личностную значимость для адресата, так как зачастую воспринимаются без критического осмысления. Явную эксплицитную оценку адресат воспринимает критически и либо принимает, либо отвергает, либо маркирует как спорную. Метафорическая оценка, в свою очередь, воспринимается и присваивается адресатом на суггестивном, эмоциональном уровне. У адресата складывается впечатление, будто он сам пришел к предлагаемым автором оценочным выводам. Все это объясняет высокую частотность метафорических оценочных моделей в предвыборном дискурсе.

Политический дискурс в целом и дискурс президентских выборов в частности изобилует оценками. Оценочность можно назвать одним из основных стилесобразующих факторов агитационно-политических материалов. Она реализуется путем определенного отбора и классификации описываемых фактов действительности; внедрения фактологической информации в концептуальную; использования специфических лингвистических средств оценивания и другими способами.

Материалом для данной статьи послужили предвыборные агитационные тексты печатных СМИ, охватывающие период с декабря 2003 г. по март 2004 г. Исследовательский интерес представляли многотиражные общенациональные издания («Аргументы и факты», «Известия», «Комсомольская правда», «Труд»). В настоящей работе не рассматриваются партийные и радикальные издания в силу их сугубо пропагандистского характера, а также малотиражные региональные издания в связи с небольшим числом их адресатов.

Итак, рассмотрим оценочный потенциал метафорических моделей в дискурсе президентских выборов. Исследователи традиционно выделяют следующие модели концептуализации борьбы за голоса избирателей: **ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА – ЭТО ВОЙНА, ТЕАТР, СОРЕВНОВАНИЯ (СПОРТИВНЫЕ СОСТЯЗАНИЯ), КОРОНАЦИЯ, БОЛЕЗНЬ, МИР ЖИВОТНЫХ** [3, 4].

Метафорическая модель **ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА ЭТО ВОЙНА** представлена разнообразными фреймами: политические субъекты концептуализируются как *герои, двойные агенты, всадники*; они *идут в бой, атакуют, совершают маневры, ведут войну на два фронта, собирают под знамена, стреляют и расстреливают, прикрывают фланги и оккупируют территории*; из оружия используют *патроны, легкую и тяжелую артиллерию всех калибров*. Ср.: **Собрать под знамена** Хакамады людей крайних политических взглядов по принципу – пусть кто угодно, лишь бы увеличить процент (*Комсомольская правда. 2004. 14 янв.*). С помощью метафоры войны чаще всего дается оценка политической жизнеспособности кандидатов, а также их мотивированности в победе на выбо-

рах. Зачастую беспринципный и жестокий характер войны оправдывает такое же поведение политиков, дает им положительную нормативную оценку по бинарной оппозиции «правильно - неправильно». Тяготы «военной жизни» сближают союзников, заставляют их оказывать друг другу всемерную помощь, что положительно характеризует их с точки зрения морали.

Популярность и всепроникающий характер темы театра были подчеркнуты еще У. Шекспиром. В настоящее время театральная метафора представляет собой актуализированное метафорическое поле в дискурсе президентских выборов. Так, политики-актеры участвуют в различных видах представлений: *постановках, спектаклях, викторинах; играют в небольших антрепризах или в серьезных драмах, выступают на эстраде, снимаются в кино*. Ср.: *Предыдущие роли: снимался в шпионском кино про русского резидента в Германии. Сыграл так хорошо, что остался незамеченным* (Комсомольская правда. 2004. 22 янв.). Фрейм «Работники театра» в модели ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ – ЭТО ТЕАТР распространен широко. Субъекты политики репрезентируются как *заслуженные или народные артисты; разноплановые актеры, мастера художественного слова или разговорного жанра; кукловоды, суфлеры и работники сцены*. Невысокая значимость политика имплицитруется через номинацию *персонаж из масовки*; метафоры *режиссер* или *маэстро* дают положительную оценку профессиональных качеств. Фрейм «Театральные приемы и действия» метафорически представляет деятельность политиков: *они выходят на сцену, входят в роль, перевоплощаются, вдохновенно играют, блистают на сцене, заигрываются, пускаются в весьма вольные импровизации, меняют амплуа, уходят со сцены*. Рассматриваемая метафорическая модель также состоит из следующих фреймов: «Зрители и их реакция», «Роли и персонажи», «Периодизация представлений», «Сценарий представления». Основными типами оценки, которые реализуются с помощью данной модели, являются оценка профессиональных качеств кандидатов и их политического статуса, могущества. Однако даже положительная оценка нивелируется характерным для рассматриваемой модели вектором лживости, неискренности и определенной предрешенности (заложенной режиссером в сценарии) результатов всенародного голосования.

Метафорическая модель ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА – ЭТО СОРЕВНОВАНИЯ (СПОРТИВНЫЕ СОСТЯЗАНИЯ) также весьма частотна в дискурсе президентских выборов. Сжатые сроки проведения предвыборной кампании, обусловленные законодательством и ограниченным количеством средств на ее проведение со стороны кандидатов и их спонсоров, а также неопределенность результата

голосования и вызванная этим азартность делают выборы президента в СМИ похожими на общенациональный вид спорта. Выборы президента страны концептуализируются как *гонка, борьба, игра* (в том числе азартная карточная); политики имеют *стартовые преимущества, разминаются, соблюдают или не соблюдают правила игры, загоняют противников в угол, боксируют, совершают «рокировки»*, *вытаскивают из рукавов козырные карты, выигрывают и проигрывают, сходят с дистанции и выходят из игры*. Ср.: ***Сократим дистанцию и проведем короткий правый в подбородок, с переносом центра тяжести***, изложил мне Тюлькин тактику ближних политических боев (Труд. 2004. 2 февр.). Метафорическая модель ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА – ЭТО СОРЕВНОВАНИЯ (СПОРТИВНЫЕ СОСТЯЗАНИЯ) показала свою продуктивность при оценивании рейтинга кандидатов, их шансов на победу; оценивания профессионально-деловых и эстетических качеств кандидатов.

Метафорическая модель ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА – ЭТО КОРОНАЦИЯ. В сопоставительном аспекте следует отметить, что данная модель более характерна для российского политического дискурса в отличие от американского, где она субституируется моделью ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТЫ – ЭТО ПОДБОР МЕНЕДЖЕРА. Подобное различие можно объяснить различиями в менталитетах двух народов. Для России с ее многовековой монаршей историей до сих пор свойственно концептуализировать переход управления государством от человека к человеку не как всенародное волеизъявление, а как закономерное наследование. Ср.: ***«Путин вынужден был избавиться» от премьера — пусть прекрасного, умного и достойного во всех отношениях, но — не выстрадавшего властной волей, а оставшегося в наследство от прародителей-предшественников.*** (Комсомольская правда. 2004. 1 марта). В рамках рассматриваемой модели президент — это *преемник, правитель, властелин, властитель, принц, государь, король, царь, вольный государь*. Процесс перехода власти — это *венчание на царство, наследование престола, восшествие на престол*. Ближайшее президентское окружение — *семья, свита, двор*. Основной параметр оценивания, реализующийся с помощью данной метафоры — это удачливость политика (телеологическая оценка по оппозиции «удачливый – неудачник»). Если повезет, то кандидату-наследнику от предшественника на престоле достанется сильное государство, если нет, то придется смириться с судьбой. Помимо телеологической оценки в рамках модели реализуются оценки рейтинга и шансов на победу, а также профессионализма кандидата. Они являются следствием концептуализации кандидата как непогрешимого божьего избранника, данного народу свыше.

Метафорическая модель ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА – ЭТО БОЛЕЗНЬ была менее частотна в предвыборном дискурсе 2004 г., чем ранее описанные модели. Однако необходимо отметить, что метафора болезни и смерти включает в себе огромный эмотивный потенциал и является эффективным инструментом воздействия на электорат. Яркие авторские метафоры болезни и смерти способны не только привлечь внимание адресата, но и мотивировать его на определенный электоральный выбор. Определенно никому не захочется жить в стране, возглавляемой «политическим трупом». Ср.: *Правда, не ясно, почему на роль жертвы «участники переговорного процесса» избрали именно Рыбкина. Возможно, потому, что потенциальный «политический труп» испытывал к ним полное доверие?* (Комсомольская правда. 2004. 27 февр.). Перед смертью или излечением у политических субъектов случаются приступы беспамятства и шизофрении, помутнение рассудка, у них нарушается координация, они совершают судорожные движения. Использование метафор болезни и смерти даст ясную характеристику неспособности кандидата к осуществлению им президентских полномочий в установленный законом период времени. Эффективность использования подобных метафор особенно высока на территории бывшего СССР, которым управляли пожилые и больные генеральные секретари.

Метафорическая модель ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА – ЭТО МИР ЖИВОТНЫХ была наименее частотной из перечисленных выше в газетном дискурсе периода выборов президента России в марте 2004 г. Однако образы животных послужили ярким средством для репрезентации и оценки деятельности кандидатов в президенты. В рамках данной модели реализовались самые разнообразные типы оценки, строящиеся на двух признаках: а) внешнем сходстве кандидата с животным и б) сходстве деловых качеств кандидата с определенными качествами, традиционно приписываемыми менталитетом народа определенному животному. Соответственно можно обозначить типы оценки: а) эстетическая оценка и б) морально-этическая, интеллектуальная, утилитарная и другие оценки. Ср.: а) *Путин, хоть и плохой демократ, и холодный рыбоглазый чекист по происхождению, обязан обеспечить окончательный либеральный прорыв, используя свою исключительную популярность и практически ничем / никем не ограниченные полномочия* (Комсомольская правда. 2004. 19 янв.); б) *И поначалу жил там припеваючи, ругал хитрую лису Чубайса, а также других зверей-олигархов* (Комсомольская правда. 2004. 22 янв.). Яркий образ хитрой лисы-обманщицы, нечестного сказочного героя, столь распространенный в сознании россиян, формирует у адресата отрицательную оценку морально-этических качеств оцениваемого объекта. Здесь же

отметим небольшое количество метафорических оценочных словоупотреблений со сферой-источником МИР РАСТЕНИЙ. Ср.: Г. Зюганов: «Глазьев в чем-то напоминает все еще **зеленый помидор с легким красным налетом**» (*Аргументы и факты*. 2003. 24 дек.). Метафора «зеленый помидор» характеризует политического оппонента лидера коммунистов как еще недостаточно компетентного человека, которому рано претендовать на пост главы государства, а «легкий красный налет» символизирует то, что С. Глазьев в своей предвыборной агитации эксплуатировал коммунистические идеалы.

Итак, рассмотрев шесть основных метафорических моделей, наиболее часто актуализируемых в ходе президентских выборов, можно прийти к выводам, что они имеют большой оценочный потенциал, каждая из моделей обладает определенным набором объектов оценивания, и что метафорические оценки — это эффективный инструмент формирования мнения адресата и его электорального поведения.

Примечания

1. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. С. 43

2. Lakoff G. Metaphor and war: The metaphor system used to justify War in the Gulf // Yallet D. (ed.). Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf. Honolulu, 1991.

3. Каслова А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.

4. Чудинов А. П. Метафорическое моделирование в политическом нарративе «Российские выборы на рубеже веков» // *Respectus Philologicus*. 2002. № 2(7).

© П. В. Токарева

ОмГУ, г. Омск

Актуальные вопросы описания современного отечественного школьного письменного дискурса (специфика вопросов в учебных текстах)

Вопросы в учебных текстах (далее — УТ) — фактор предполагаемой обратной связи в паре «автор — читатель». С дискурсивной точки зрения все вопросы, представленные в УТ, можно распределить на три группы: 1) вопросы — индикаторы учебного дискурса; 2) вопросы — индикаторы учебного предмета; 3) вопросы — индикаторы авторского стиля мышления. К вопросам первой группы относятся наиболее частотные в УТ по любому предмету и для любой возрастной группы какой-либо, что-и-почему-вопросы (более подробный их анализ см. ниже). К вопросам второй группы относятся вопросы, наиболее частотные в УТ по тем или иным отраслям знаний, напри-

мер сколько-вопросы в УТ по химии. И наконец, к третьей группе можно отнести вопросы, типичные для УТ данного автора, например ли-вопросы в Географии-10 [1].

Коммуникативная функция вопросов в УТ весьма специфична. Если рассматривать вопрос как сигнал о недостатке у адресанта некоторой информации, то учебные вопросы такую функцию не выполняют. Наоборот, как раз предполагается, что автор УТ ответ на вопрос знает. Но, как показывает анализ школьных УТ, это зачастую не облегчает коммуникацию, а усложняет ее. Изначальное знание ответа приводит к определенной вольности в выборе вопросительного слова, в результате чего автор вопроса и его адресат потенциально могут по-разному понимать то, о чем, собственно, спрашивается.

Так, вопрос *Какой масштаб имеют карты атласа?* (География-6 [2]) может предполагать, что в ответе достаточно просто сказать, что масштаб бывает разный, но, возможно, автор предполагал, что ученик ответит: «Линейный, численный, именованный», а возможно, «правильный» ответ — это указание на границы размерности масштабов. При чем подобная «размытость» референта [3] не является специфической чертой какого-то одного учебника или автора.

Вообще, в массе своей вопросы в учебном дискурсе — это не столько сигналы «у меня нет информации, помогите ее найти», сколько сигналы «обрати внимание на такой-то аспект темы». Поэтому большинство вопросов легко трансформируются в императивы и часто идут под общим заголовком «Вопросы и задания».

Принципиальную изоморфность вопроса и императива можно показать на таком примере. После параграфа о смешанных числах в Математике-6 [4] дается следующее задание: *Как сложить смешанные числа? Расскажите, как выполнить вычитание смешанных чисел*, что можно сформулировать и так: *Расскажите, как сложить смешанные числа. Как выполнить вычитание смешанных чисел?* Или так: *Расскажите, как сложить смешанные числа. Расскажите, как выполнить вычитание смешанных чисел*. Или так: *Как сложить смешанные числа? Как выполнить вычитание смешанных чисел?* Очевидно, что для авторов данного УТ никакой (ни «математической», ни коммуникативной) разницы между вопросом и императивом нет. Однако объективно коммуникативная разница есть. Любой вопрос (даже о самых очевидных вещах) по своей природе предполагает возможность хотя бы двух разных ответов. Но способ математических действий со смешанными числами не предмет дискуссии (в рамках данного УТ). Автору УТ просто необходимо еще раз обратить внимание ученика на этот способ, т. е. форма (вопрос) вступает в противоречие с содержанием (предупреждение). Думается, что во-

обще все вопросы, которые без ущерба в процессе усвоения знаний можно трансформировать в императивы, есть смысл сознательно в императивы и трансформировать [5].

Какие же вопросы наиболее характерны для отечественного письменного учебного дискурса [6]? Для выяснения этого вопросы целесообразно классифицировать по вопросительному слову. Дело в том, что при поиске ответа на вопрос ученик ориентируется именно на вопросительное слово, на тот смысл, который закреплён за этим вопросительным словом не только в словаре, но и в языковой учебной практике, а они (словарь и практика), как показывает анализ УТ, не всегда совпадают.

Например, для слова **какой** [7] в роли вопросительного слова Толковый словарь [8] фиксирует единственное значение: *обозначает вопрос о качестве, свойстве, признаке чего-нибудь*. В УТ *какой*-вопросы употребляются по крайней мере в пяти значениях. В словаре: *Какой характер имеет рельеф Африки?* Как вопрос о названии некоторой реалии: *Какая соль образуется при реакции...?* (ср.: *Как называется соль, которая образуется при реакции...?*). Вместо где-вопроса: *Какова география других религий?* (ср.: *Где в мире распространены другие религии?*). Вместо вопроса о количестве: *Какой объем кислорода необходим для сжигания...?* (ср.: *Сколько кислорода по объему и по массе необходимо...?*). И наконец, широко представленный в УТ как гуманитарного, так и естественно-научного направления вопрос *Какой можно сделать вывод?*, предполагающий самые разнообразные варианты ответа, а потому самый неэффективный в том случае, когда автор УТ планирует, что ученик должен дать на него единственный «правильный» ответ.

Именно для *какой*-вопросов наиболее характерна уже упоминавшаяся выше «размытость» референта. Безусловно, она заложена в самой природе вещей, признаки, свойства, качества которых чрезвычайно разнообразны. Тем более важно, чтобы автор УТ учитывал это разнообразие и по возможности конкретизировал то, о каком типе признаков, свойств и качеств должен задуматься ученик [9].

Очень широк спектр значений и у *как*-вопросов. В Толковом словаре для слова *как* указано три значения: 1) *каким образом*, 2) *в какой степени, насколько*, 3) *до какой степени, до чего*. Попутно заметим, что первое значение (*каким образом*) чрезвычайно неконкретно. В реальной речевой практике конкретизация осуществляется за счет контекста (в широком смысле этого слова). Поэтому, употребляя *как*-вопрос, автору УТ необходимо осуществить эту конкретизацию в максимальной степени. Посмотрим, что же мы имеем в проанализированных УТ.

Как-вопрос может предполагать в ответе перечисление порядка совершения некоторых действий: *Как определяют всхожесть семян?* Это может быть вопрос о порядке событий и закономерностях: *Как происходило крещение славян? Как образуются овраги?* Он может употребляться как семантический эквивалент чем-вопроса: *Как планы местности отличаются от карт по масштабу* (ср.: *Чем планы местности отличаются от карт по масштабу?*). Или как семантический эквивалент какой-вопроса: *Как изображают холмы на плане местности?* (ср.: *Какими значками изображают холмы на плане местности?*).

Следующая разновидность как-вопросов — вопрос о функциях рсферента: *Как используются планы местности и географические карты?* Вопрос коммуникативно чрезвычайно неудачен. Во-первых, из-за «размытости» рсферента (функции у предметов могут быть самые разнообразные). Во-вторых, из-за конфликта двух установок у адресата: очевидности ответа и представления о том, что вопросы по поводу очевидного в УТ не задаются, ведь речь идет об изучении «науки», т. е. чего-то серьезного, об усвоении новых, «сложных» знаний.

С помощью как-вопроса спрашивают и о реакции кого-чего-либо на кого-что-либо (*Как восприняли идею крещения наши предки?*), а также о последствиях каких-либо событий (*Как землетрясение может изменить рельеф?*). И здесь рсферент как бы «телескопически» растянут, допускает различную «глубину» детализации, «предел» которой никак не обозначен в вопросе, что для учебного дискурса скорее минус, чем плюс, если только адресату изначально не была дана установка на «творческий» подход к ответу.

Еще одну группу как-вопросов можно назвать вопросами об «имени»: *Как называется внутренняя оболочка Земли, покрывающая ядро?* Думается, здесь можно говорить о том, что мы имеем дело с еще одним значением слова *как*, широко принятым в речевой практике, но не зафиксированным словарями.

Максимально широкое понимание допускают как-вопросы типа *Как вы это объясните? Как вы понимаете? Как думаете вы?* Давая простор мыслительной деятельности ученика, они тем самым создают и известные трудности при формулировании ответа. В тех УТ, где нет специального деления вопросов на «контрольные» (те, на которые должен быть единственный правильный ответ) и «творческие», ученик может быть дезориентирован: он и на «творческие» вопросы начинает искать «правильный» ответ или вообще становится в тупик перед подобного рода вопросами, ведь для них нет «алгоритма» ответа.

Если *как-вопрос* — это вопрос о системе аргументации, то с точки зрения адресата целесообразнее заменить его на вопрос с другим вопросительным словом, более точно фиксирующим возможную область ответов (ср.: *Как вы могли бы объяснить?* и *Чем вы могли бы объяснить...? Какими причинами вы могли бы объяснить...?*).

Перейдем к рассмотрению специфики *почему*-вопросов в УТ. Словарное значение слова *почему* — «по какой причине, вследствие чего». Так как обучение предполагает ознакомление учащихся с закономерностями процессов и явлений, т. е. причинно-следственными связями, то несудивительно, что *почему*-вопросы стабильно занимают третье место по частотности употребления в УТ. Однако не все *почему*-вопросы являются корректными, например, вопрос *Почему глобус называют моделью Земли?* (География-6 [10]). Единственный логически верный ответ на него — потому что это модель Земли (выше в параграфе приводится определение того, что такое глобус). На самом деле процитированный вопрос не такой уж бессмысленный: формулировка *Какие качества, признаки делают глобус моделью Земли (Луны или иной планеты)?* все ставит на свои места.

Чрезвычайно сложно адресату понять и такой вопрос: *По карте определите, на каком материке преобладают плоскогорья. Почему вы так считаете?* Напрашивается ответ: потому что так на карте. Но очевидно, что автор УТ хотел услышать что-то иное. Видимо, что-то по поводу цветовых обозначений на карте местности с различной высотой над уровнем моря.

Устранить вышесобозначенные проблемы можно сравнительно легко. Для этого автору УТ достаточно так переформулировать вопрос, чтобы референт был четко обозначен. Например, вместо вопроса *Что слаще — мед или сахар? Почему?* задать вопрос *Какая характеристика меда и сахара позволяет определить, что слаще? или Что значит «быть слаще» на языке химии?*

Самыми же трудными для понимания, а следовательно, и для поиска ответа являются *почему*-вопросы в УТ по литературе: почему автор назвал героя или все произведение так, а не иначе; почему герой поступает тем или иным образом, говорит те или иные слова и т. п. На все вопросы об авторских намерениях (если, конечно, автор сам об этом прямо не высказался) есть только один корректный ответ: потому, что так захотел автор. Другое дело, что мы можем проследить полученный в результате художественный эффект. Вопрос о таком эффекте был бы более уместен и в литературоведческом, и в коммуникативном плане.

Что-вопрос, согласно Толковому словарю, может указывать на то, о каком предмете, вещи, явлении и т. п. спрашивается (*Что случилось?*), выяснять причину, т. е. быть коммуникативным эквивалентом *почему*-вопроса (*Что ты задумался?*), выяснять количество, т. е. быть коммуникативным эквивалентом *сколько*-вопроса (*Что это стоит?*). Последние два словоупотребления характерны для разговорной речи, первое стилистически нейтрально.

Значение *что*-вопросов (а также *чем*-вопросов) в учебном дискурсе специфично. Среди них частотны вопросы о признаках, объединяющих или дифференцирующих различные явления, предметы и т. п. (*Что общего у...? Чем отличаются...?*). Типично учебными являются *что*-вопросы «о дефинициях» (*Что называют горизонтом?* — ср. *Что такое горизонт?*). Понимание того, о чем, собственно, спрашивается, в этих случаях обычно не вызывает затруднения, и мысленный диалог адресата с текстом не встречает особых препятствий. Несколько «размыт» рсферент *что*-вопросов типа *Что значит «ориентироваться на местность»?* Адресату может быть неясно, идет ли речь об определении понятия «ориентироваться» или о перечислении необходимых для ориентировки действий. Коммуникативно проблемным является и такой вопрос, как *Что вы наблюдаете?*, после проведения химического опыта (типичный для комплекта УТ по химии). Неясно, что нужно описать: химическую реакцию или внешние процессы, свидетельствующие о ее протекании.

Конечно, в большинстве случаев контекст соответствующей главы УТ снимает такую неясность, однако потенциальная опасность коммуникативной неудачи все же остается. Самым коммуникативно неудачным представляется *что*-вопрос типа *Что нового вы узнали?*, так как «количество» и «качество» нового для каждого адресата УТ будет разным. Хотя этот вопрос все же может быть эффективным средством приведения в систему понятийно-фактографической базы того, к кому он обращен, но только в том случае, если автор УТ прямо заявит о том, что помощь в такой систематизации и является его коммуникативным намерением.

Где-вопрос, согласно Толковому словарю, обозначает запрос информации о месте нахождения чего-либо (*Где вы работаете?*). В школьных УТ этот тип вопроса встречается крайне редко даже там, где он потенциально ожидаем — в УТ по географии. В пресуппозицию *где*-вопроса в учебном дискурсе, как правило, входит не только намерение выяснить месторасположение объекта, но и стремление получить аргументацию. Например, вопрос *Где в далеком будущем на Земле могут образоваться новые океаны?* (География-7 [11]) подразумевает ответ по типу *В далеком будущем новые океаны могут на Земле*

образовываться там-то и там-то, потому что... . Иногда это имплицитно заложенное намерение выражается эксплицитно: путем изменения модальности вводных слов (*по вашему мнению, как вам кажется*) или с помощью специальной расшифровки: *Где в Австралии находятся наиболее благоприятные территории для сельского хозяйства? Подтвердите ответ данными почвенной и климатической карт* (География-7). Практически не встречаются *где*-вопросы, связанные с простой репродукцией информации (где находится такой-то город, река и т. п.). В ряде случаев *где*-вопрос оказывается изоморфен *как*-вопросам (*Как размещаются на Земле сейсмические пояса?* = *Где размещаются на Земле сейсмические пояса?*) и *какой*-вопросам (*В каких районах океана образуются льды?* то же самое, что *Где в океане образуются льды?*). С точки зрения адресата, видимо, более предпочтительны те формулировки, которые позволяют наиболее точно «сфокусироваться» на области поиска ответа. То есть из вариантов *Где находится Бразилия? В каком полушарии находится Бразилия? В какой части света находится Бразилия? На каком материке находится Бразилия?* первый коммуникативно наименее удачен. В УТ по химии *где*-вопрос уточняет область применения какого-либо вещества: *Где и в каких условиях проходят реакции с использованием аммиака и азотной кислоты?* (Химия-9 [12]). Таким образом, если считать, что *где*-вопрос сохраняет общий смысл вопроса о месте, мы должны констатировать тот факт, что у слова «место» в учебном дискурсе помимо указанных в Толковом словаре значений есть еще одно значение — сфера приложения научных знаний.

Сколько-вопрос частотен в УТ по химии, географии и биологии. Это вопрос о количестве, а в этих науках количественные параметры чрезвычайно важны. Коммуникативной же особенностью данного вопроса является то, что он «требует продолжения»: знание количества чего-либо, как правило, нужно не само по себе, а для чего-то. Диалог, заканчивающийся *сколько*-вопросом, производит впечатление оборванности, что вкупе с некоторыми другими особенностями учебного дискурса порождает у адресата ощущение бессмысленности, бесплодности производимой деятельности.

Когда-вопросы (словарное значение — в какое время, при каких обстоятельствах) единичны в школьных УТ, причем даже по тем предметам, в которых темпоральная характеристика явлений играет не последнюю роль, например, в УТ по истории. Очевидно, это свидетельствует о том, что, как уже говорилось выше, современный школьный учебный дискурс характеризуется отходом от репродуктивной направленности в сторону инициации и стимулирования креативной когнитивной деятельности обучаемого.

Ли-вопросы. Эти вопросы можно считать свособразными индикаторами реального, а не декларируемого уровня диалогизации текста, так как они предполагают не репродуктивную деятельность адресата, а творческую, поисковую. Тем не менее реально они в учебном дискурсе используются крайне редко (исключения составляют УТ по геометрии, Геометрия-10, Литература-7 [13] и отчасти Риторика-6 [14]). В некоторых УТ встречается и некорректное использование этого типа вопросов. Так, в Литература-6 [15] встречается вопрос: *Можно ли, по вашему мнению, этот текст назвать рассказом?* Очевидно, что любой текст либо рассказ, либо нет, и это не зависит от чьего бы то ни было мнения. Если автор УТ хотел, чтобы ученик проверил сформированность навыков определения жанра художественного произведения, то в данном случае уместнее было бы так и сформулировать задание, например: *Перед вами рассказ, найдите характерные приметы этого жанра*, или *Определите жанр данного текста*, или *Является ли этот текст по жанру рассказом?*

В последнее время в УТ (особенно гуманитарного цикла) стали встречаться вопросы, включенные в объяснение теоретического материала и выполняющие прежде всего не «обучающую», а чисто коммуникативную, «диалогизирующую», функцию (*Вспомнили? Узнали? Спросили?*). Это, безусловно, новое явление в отечественном школьном учебном дискурсе. Интересным в этом отношении является комплект УТ по химии (автор — Л. С. Гузей). Его характеризует ярко выраженная коммуникативная направленность и реализация этой направленности, в частности, через «парадоксальные» (*В чем трудность классификации веществ на органические и неорганические? **Трудность для кого?***) и «провокационные» вопросы (*Откуда вы знаете, что алканы горят в атмосфере?*). Реализовать тактику провокации позволяет использование коммуникативного (выразительного) потенциала знаков препинания (*Почему для умягчения воды последовательно применяют гашеную известь и затем соду? Ведь можно, видимо, воспользоваться только последней?!*) и парцелляции, имитирующей разговорный синтаксис (*Но теперь предмет окажется загрязненным бензином. Или нет?*).

Таким образом, ясно, что в учебном дискурсе одни вопросы предполагают наличие единственно правильного ответа («квазивопросы»), их задают с целью контроля за усвоением материала. Другие вопросы (вопросы в собственном значении этого слова) действительно связаны с наличием информационных лакун в той или иной области знаний. Их задают для того, чтобы стимулировать практическое применение адресатом полученного теоретического материала. По нашим наблюдениям, общее количество вопросов в УТ, свя-

занных с проверкой понимания текста («вопросы к тексту»), от года к году уменьшается, а количество вопросов, для ответа на которые надо применить на практике теорию, изложенную в параграфе, увеличивается, что свидетельствует об общей тенденции письменного учебного дискурса к диалогизации коммуникативных взаимоотношений в паре «автор УТ — читатель».

Примечания

1. *Максаковский В. П.* Экономическая и социальная география мира: Учеб. для 10 кл. общеобразоват. учреждений. М., 1998.
2. *Физическая география: Учеб. для 6 кл. общеобразоват. учреждений / Т. П. Герасимова, Г. Ю. Грюнберг, Н. П. Неклюдова.* М., 1998.
3. Под референтом здесь понимается «то, что соответствует слову (языку) на уровне предметной (внеязыковой) действительности», а под референцией — «процесс (или результат) соотношения слова (языка) и предмета (предметного мира)» (*Клюев Е. В.* Речевая коммуникация. М., 2002. С. 195).
4. *Математика: Учеб. для 6 кл. общеобразоват. учреждений / Н. Я. Виленкин, В. И. Жохов, А. С. Чесноков, С. И. Шварцбурд.* М., 1998.
5. Для приведенного выше примера императив мог бы выглядеть приблизительно так: *Перечислите действия, которые необходимо последовательно выполнить, чтобы сложить (вычесть) смешанные числа.*
6. Всего было проанализировано 62 УТ по различным предметам школьного курса с 6-го по 11-й класс.
7. Имеют самую высокую частотность независимо от предмета и класса.
8. Здесь и далее Толковый словарь — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1985.
9. В некоторых УТ так и сделано, например: *Каких звуков больше в русском языке — гласных или согласных?*
10. *Физическая география: Учеб. для 6 кл. общеобразоват. учреждений / Т. П. Герасимова, Г. Ю. Грюнберг, Н. П. Неклюдова.* М., 1998.
11. *Коринская В. А.* и др. География материков и океанов. 7 кл.: Учеб. для общеобразоват. заведений. М., 1999.
12. *Гузей Л. С., Сорокин В. В., Суровцева Р. П.* Химия. 9 кл. М., 1998.
13. В мире литературы. 7 кл.: Учеб.-хрестоматия для общеобразоват. учеб. заведений / Авт.-сост. А. Г. Кутузов, А. К. Киселев, Е. С. Романичева и др. М., 1998.
14. Школьная риторика: 6 класс: Учеб. пособ. для общеобразоват. школы / Под ред. Т. А. Ладыженской. М., 1999.
15. В мире литературы. 6 кл.: Учеб.-хрестоматия для общеобразоват. учеб. заведений / Авт.-сост. А. Г. Кутузов, А. К. Киселев, Е. С. Романичева и др. М., 1998.

ЯЗЫКОВЫЕ КАРТИНЫ МИРА: ТРАДИЦИИ И НОВЫЕ МОДЕЛИ ИХ ОПИСАНИЯ

Секционное заседание

© Е. Н. Бекасова
ОГПУ, г. Оренбург

«Двумерность» русского литературного языка и ее роль в становлении русской ментальности

Проблема соотношения и взаимодействия исконной и церковнославянской языковых стихий в формировании русского литературного языка по-прежнему остается «актуальнейшей в русской филологии» (Л. В. Щерба). Однако, на наш взгляд, решение этой проблемы заключается не только в выяснении вопроса об основе русского литературного языка, который как самоцель с научной точки зрения является беспредметным, тем более что хрестоматийно считающиеся диаметрально противоположными гипотезы по сути являются сходными (ср., например, теории К. С. Аксакова и В. В. Виноградова, А. А. Шахматова и В. В. Виноградова, А. А. Шахматова и С. П. Обнорского). Более того, одностороннее восприятие и изложение версий оппонентов, втискивание сложнейшей истории литературного языка в прокрустово ложе теорий с уже заранее известным исходным тезисом, манипуляции отдельными языковыми единицами как русского, так и церковнославянского языков являются абсолютно бесперспективными, так как подменяют сам объект исследования — литературный язык, процессы его становления и эволюции.

Безусловно, важно определить статус и специфику взаимодействия на разных этапах развития русского литературного языка древнейшего литературно-письменного языка славян и исконного (восточнославянского по происхождению) языка. Однако история большинства языков, в том числе и всех славянских, тесно связана с проблемой заимствований, но «сопряжение церковнославянской и великорусской стихий ставит русский литературный язык в совершенно исключительное положение» [1]. Причем такое «сопряжение», как показывают наши исследования, затронуло и народно-поэтическую речь, в которой после христианизации Руси появилась возможность разнообразить арсенал языковых средств благодаря генетически родственному языку, что особенно показательно в пределах тесно связанных контекстов, например.: А и *молоды* Добрыня

Никитич *млад* [КД, с. 91], Собрал *злата-серебра* [КД, с. 238], *Здорово* ли съездил в Ерусалим-град [КД, с. 225], Служили обедни с молебнами за свос *здравие молодецкое* [КД, с. 162], А с тем поди к царю *пред* очи, *Перед* сво очи царския [КД, с. 224], Крестом *огражает* и *благословляет* [КД, с. 165], Наш-то Кисв-град нынѣ в *полону* стоит. Обошел Калин царь наш Кисв *град* [Гильф., с. 22], *Схороните* мня, *молодца*, *между* трех дорог: *между* Сурской, *между* Корсунской, третьей Питерской; В *головах*-то поставьте у добра *молодца Животворящий* крест [Киреев., с. 143], *Пребывает* сударь-надежда на *чужой стороне* [Киреев., с. 112] и т. п.

Своеобразно сплавляются генетически неоднородные элементы и в русских народных говорах. При общей тенденции к гомогенности на уровне страты диалектам свойственно более разнообразное, чем в литературном языке, гетерогенное оформление корня. На уровне структуры слова в диалектах встречаются трансплантаты, невозможные в литературном языке, например: *горожданка*, *обворощаться*, *завраченный*, *премежек*, *переградить*, *престоронный* и т. п. Такая широкая представленность в диалектах гетерогенной огласовки слов может объясняться не только проницаемостью и повышенной вариативностью их системы, но и ее большей консервативностью по сравнению с системой литературного языка, при этом гетерохронность диалекта специфична, так как процесс заимствования происходит из свосей, а не инославянской системы. Это способствует снижению порога сопротивляемости элементам южнославянского происхождения и усилению процессов адаптации, ведущих к широте представления генетически соотносенных корней и разнообразию трансплантатов.

В связи с этим значимой представляется возможность пересведения проблемы в плоскость выявления механизмов формирования уникальной, по определению Н. С. Трубецкого, «двумерности» русского языка, а также ее причин и следствий. Что обусловило «созительство», «культурные пресмства и наследия» (Н. С. Трубецкой), «симбиоз» (В. В. Виноградов), амальгаму (Г. О. Винокур), трансплантацию, импортирование и даже инкрустирование (В. В. Колесов, Н. И. Толстой, Б. А. Успенский) генетически соотносительных явлений в истории русского языка? Очевидно, что подобное возможно было лишь в условиях восприятия старославянского языка как «сво-го», причем только восточные славяне, в отличие от болгар, сербов, македонцев, обладали мощной государственностью, позволявшей защитить и взлелеять общее культурное достояние славян. Самосознание в Киевской Руси развивается прежде всего благодаря приобщению к греческому культурному наследию. Мысль язычников про-

буждалась в осознании и выдвижении идей о своем месте и роли в мировом процессе, которые вылились в представление о славе, всемирной известности и мессианстве Киевской, а затем и Московской Руси. Закрепить эти идеи, передать через пространство и время возможно было только в результате освоения связанной с христианством письменности. Русь становится хранительницей книжной сокровищницы не только славян, но и греков благодаря необыкновенно трепетному отношению к слову, языку и культуре чтения.

Филологически обработанный, сакральный и высокоавторитетный церковнославянский литературный язык предоставил в распоряжение древнерусских книжников образцовые тексты всевозможных жанров, изощренную стилистику, абстрактную и многозначную лексику, отражающую христианское мировоззрение и связанные с ним понятия, сложный синтаксис, дающий возможность рассуждать о высоких материях.

Важно отметить, что восточные славяне изначально воспринимали старославянский язык (южнославянский в своей основе) как свое достояние: **«а словеньскыи языкъ и рускыи одно есть, а языкъ словенски единъ»** [ПВЛ, 898 г.]. Вследствие этого генетическая чуждость не воспринимается носителями, так как в ряде случаев гетерогенность была не только в одинаковой степени «освящена» в канонических текстах, но и использовалась для разнообразия арсенала языковых средств.

Гетерогенность как свойство текстов церковнославянского и древнерусского языка создает условия семантической и словообразовательной специализации лексем с диагностирующими признаками. При этом разные группы праславянских рефлексов с момента столкновения генетически неоднородных элементов на русской почве имеют серьезные расхождения, связанные с особенностями их адаптации. Функционирование возможных — нередко тождественных — коррелятов регулировалось целым рядом факторов, в том числе и экстралингвистического характера (традициями скриптория, спецификой протографа и т. п.), определяющих предпочтительность того или иного гетерогенного элемента в тексте. Немногочисленные дублеты типа **нѹжа — нѹжда, свѣча — свѣща, городъ — градъ, тысяча — тысаща** и т. п., зафиксированные в пределах одного и того же текста, произведения или памятника, как правило, семантически и стилистически тождественны, поэтому неверно выдвигать к качеству причин «закрепления церковнославянизмов потребности русского литературного языка в средствах для выражения определенных понятий, так как на русской почве не было соответствующих семантических эквивалентов» [2].

Наши исследования судьбы ставшей уже хрестоматийной для иллюстраций отношений церковнославянского и русского языков группы «отдельных слов» (по терминологии А. А. Шахматова [3]) показывают, что, вопреки широко представленному в науке заблуждению о семантическом превосходстве слов с южнославянскими рефлексам, в XI — XVII вв. наблюдается или равенство значений (**надежда** — **надежа**), или преобладание значений у исконного коррелята (**нужда** — **нужа**, **одежда** — **одежа**, **вождь** — **вожь**), сопровождающиеся высокой словообразовательной активностью корней с восточнославянскими по происхождению рефлексам.

Сложно представить, как бы пошла дифференциация подобных оппозиций в литературном языке, если бы не падение Царьграда. Рвется последняя нить, связующая православных с их «духовной родиной», и особость «Москвы — третьего Рима» с ее миссией спасительница мира, погрязшего в скверне, ответственность за его судьбу начинает восприниматься чрезвычайно остро. Церковнославянский язык становится главным средством распространения православия и символом родства и единства славян. Гипертрофированное чувство ответственности порождает феномен «святости» и «несотворности» русской души. Отречение от всего физического и материального, превалирование духовного, многократно повторяемого и читаемого в любимых русским народом Псалтири, Прологе, Евангелии, проникает в систему русского языка и наполняет его высокой, «священной» семантикой, входящей в плоть и кровь образованных людей.

Трепетное отношение к «почитанию словес книжных» стало органической частью русской ментальности, поэтому церковная реформа середины XVII в., направленная на унификацию конфессиональных обрядов и текстов, привела к национальной трагедии.

Еще в XVI в. в связи с деятельностью первых русских типографий, в том числе и Ивана Федорова, были открыты многочисленные разночтения в рукописях церковнославянских памятников, которые, с одной стороны, ограничивались неизбежностью догматов Священного Писания, определявших высокий уровень стабильности и устойчивости, с другой стороны, расширялись за счет восприятия древнерусскими книжниками южнославянского в своей основе языка как «нашего словенского».

Выбор образца текста Библии стал одним из главнейших в церковном строительстве. Ревнители старой веры не хотели посягать на местные вековые разночтения и различия в чинах и предлагали «справлять по харатейным» (рукописным) книгам. Судя по нашим исследованиям, своеобразный языковой пуризм старообрядцев — «подобает умирать за един аз» — отражал две диаметрально противоположные

тенденции в реализации генетически соотносительных элементов, зафиксированные уже в памятниках XI в. [4]. Патриарх Никон требовал одного варианта, уничтожавшего старую веру и привычный церковнославянский язык, в котором веками отлагались различные языковые слои, в том числе и элементы восточнославянского языка [5]. В ходе церковной реформы не удалось полностью очистить от «чуждых», восточнославянских по происхождению, примесей богослужебные тексты, хотя их генетический фон стал более однородным.

Однако, на наш взгляд, значимость никоновских реформ определяется прежде всего тем, что кодификация новой нормы в канонических текстах, помноженная на ее тиражирование посредством книгопечатания, способствовала осознанию различий между церковнославянским и русским языками. Более того, ограниченный рамками богослужения церковнославянский язык начинает восприниматься как система неизменных текстов, каковым, по сути, он и был изначально. Вплоть до издания в 1751 г. Елисаветинской Библии продолжается процесс искусственной шлифовки «раз и навсегда данного». В результате определения сути и места церковного языка для русского языка становится возможным противоположное направление — свободное развитие, без оглядки на сковывающую «вечность» богослужебных образцов.

В XVIII в. разделение «нашего словенского» на «славяно-русский» язык способствовало семантическому и стилистическому размежеванию сосуществующих генетически соотносительных пар по линии высокое/нейтральное, абстрактное/конкретное, что нередко сопровождалось усилением формо- и словообразовательного потенциала лексем с исконными приметами. Показательна в этом плане судьба пары **вождь** — **вожь**, весьма часто используемой в качестве примера пресвалирования старославянских элементов в русском языке. Судя по словарям XI — XVIII вв. [6], высокая словообразовательная активность исконно оформленной корневой морфемы сопровождалась усложнением семантической структуры и распределением старых и новых значений между близко-значными словами **вожь**/**вожатый (вожатой)**, **вожак**. В результате преобразования сводятся не столько к утрате исконного члена, сколько к его замене словами **вожак** и **вожатый** с теми же семантическими характеристиками. Подобная семантическая «рокировка» XVIII в. вытесняет южнославянский коррелят **вождь** в разряд производных слов, большинство из которых представляет пассивную, периферийную лексику. Иными словами, платой за чистотное отношение к словам, отмеченным в «священных» текстах, нередко становится их изоляция в системе русского литературного языка.

В русском языке южнославянские элементы, функционируя практически на равных правах с исконными, с течением времени занимают определенные языковые «ниши», ср.: *просвещать* — *просвечивать*, *горящий* — *горючий*, *ограждать* — *огораживать*, *рождать* — *рожать*, *чуждый* — *чужой*, *прибрежный* — *береговой*, *единственный* — *один* и др. Здесь в полной мере проявляются качества «общежителности и переимчивости» русского языка, подмеченные А. С. Пушкиным, связанные, как писал Ф. И. Буслаев, с особенной силой русской народности и языка «претворять в свою собственность все, что ни приходит в него извне» [7].

Российский народ сумел соединить в своем языке «прошедший через горнило русского церковнославянского словарный материал» [8] и одновременно сохранить церковнославянский язык для религиозных нужд. Близость двух языковых стихий и особое отношение к церковнославянскому языку как общеславянскому достоянию и средству распространения истинной веры накладывали особый отпечаток на языковые пристрастия и формирующуюся ментальность народа, что, в свою очередь требовало присоединения к материальному, обычному, профанному духовного, высокого, сакрального.

Вплетение в систему одного языка генетически неоднородных соотносительных явлений создаст эффект «двумерности» высокого/нейтрального, нейтрального/низкого, абстрактного/конкретного и т. п., и русский язык приобретает целый ряд «важных преимуществ: однородность и устойчивость, богатство словаря, особенно в оттенках значения, которые могут иметь «торжественный и поэтический» обертон, абстрактный характер, поэтически напыщенный, ученый» [9].

Возникшая «двумерность» способствует стремлению к «высокому» и «духовному» — от патристического пафоса литературы Древней Руси до идеологических крайностей марксизма-ленинизма. И если перефразировать высказывание И. И. Срезневского о том, что «народ выражает себя всего полнее в языке своем» [10], то, видимо, можно говорить и об обратном — о влиянии высокоавторитетного, сакрального языка славян на присвоивших его носителей, а следовательно — и на формирование русской ментальности.

Примечания

1. Трубецкой И. С. Общеславянский элемент в русской культуре // Трубецкой И. С. К проблеме русского самосознания. Б. м., 1927. С. 86.

2. Филкова П. Д. Слова с сочетанием -ЖД (из *dj) в истории русского литературного языка // Годишник на Софийския университет. Факултет на славянски филологии. София, 1979. Т. 62. С. 57–58.

3. *Шахматов А. А.* Очерк современного русского литературного языка. 4-е изд. М., 1941. С. 75.
4. *Бекасова Е. И.* Свособразие языкового пуризма старообрядцев // Язык. Человск. Картина мира: Материалы Всеросс. науч. конф. Омск, 2000. Ч. 2. С. 62–65.
5. *Бекасова Е. И.* Соотношение южнославянских и восточнославянских по происхождению элементов в памятниках церковнославянского языка // Вестн. ОГПИ. Филол. науки. Оренбург, 1996. № 4. С. 16–42.
6. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–2004; Словарь русского языка XVIII в. Л.-СПб., 1984–2004.
7. Сочинения Ф. И. Буслаева. СПб., 1910. Т. 2. С. 79.
8. *Трубецкой И. С.* Указ. соч. С. 80.
9. Там же. С. 69.
10. *Срезневский И. И.* Мысли об истории русского языка. СПб., 1887. С. 104.

Источники

- Гильф.* — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. М.; Л., 1950. Т. 4.
- КД* — Древнейшие российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.; Л., 1958.
- Киреев.* — Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях. Л., 1977. Т. 1.
- ПВЛ* — Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку // Полное собрание русских летописей (воспроизведение текста 1926 г.). М., 1962. Т. 1, в. 1.

© Е. В. Бекишева
СамГМУ, г. Самара

Отражение категории пространства в клинической терминологии (на материале терминов, отражающих деформации)

Особенности восприятия и описания человеком пространства всегда играли ключевую роль в работах, выполненных в русле когнитивного направления. Так, первоначальное название теории Р. Лангакера было *Space grammar*. Интерес, связанный с особенностями передачи языковыми средствами пространственной ориентации, присутствует и в работах российских лингвистов-когнитологов Новодрановой [1], Пищулиной [2], Рахилиной [3], Топоровой [4, 5] и др. Отражению пространственных отношений в анатомической терминологии посвящена работа Л. Ф. Ельцовой [6].

Пространство как одна из онтологических категорий привлекало внимание философов с древних времен. Вплоть до XVII в. проблемой было «абстрактное пространство» геометрии. С XVII в. перед развивающейся физикой встал вопрос о «физическом пространстве», о его существовании и воспринимаемости.

Представители когнитивной лингвистики вслед за Е. С. Кубряковой описывают пространство как «контейнер», т. е. тяготеют к схематизированному, упрощенному представлению об объекте, по-

зволяющему моделировать один из принципов человеческого познания, при котором пространственное осмысление мира связано с представлением любого объекта как вместилища для другого объекта. Когнитологи считают прообразом такой интерпретации всего человеческого тело, что позволяет двойко рассматривать и сам объект. С одной стороны, человек — это часть мира, с другой, занимающая определенный объем, тело формирует пространство в человеке.

Категория пространства является по своей сути категорией неоднородной. Эта неоднородность проявляется в том, что члены данной категории обладают различным внутрикатегориальным статусом в рамках исследуемого языкового материала, образуя градацию по качеству реализуемых ими прототипических признаков. Т. В. Лушпова, анализируя пространственную лексику художественных текстов, пишет, что «пространственная точка зрения в тексте является неоднородным образованием и имеет три измерения: местоположения центра наблюдения в определенном пункте пространства; носитель, субъект наблюдения; духовный компонент, включающий в себя идеологические, психологические, этические и другие установки субъектов наблюдения» [7]. Мы полностью согласны с цитируемым автором, однако полагаем, что анализ терминологической медицинской лексики требует учитывать следующие аспекты, влияющие на языковое выражение пространственных отношений: объективную локализацию пораженного органа; его геометрический образ, формирующийся у субъекта наблюдения; когнитивный компонент, возникающий в процессе формирования концепта на основе глубоких знаний предметной области (анатомии и клинической дисциплины), психологических особенностей наблюдателя (степени способности к образному мышлению), жизненного опыта и этнической принадлежности.

Многогранная сущность и разнообразие форм и функций категории пространства в медицинской терминологии обусловлены особым онтологическим статусом анатомического и патологического объекта в сознании человека и важностью для всей его духовной и физической жизни. Пространственные свойства, выявленные в процессе анализа медицинских терминов, ограничиваются четырьмя основными признаками: локативными, метрическими, кинетическими и формообразующими.

На основе вышеперечисленных свойств термины категории пространства можно разделить на группы терминов-прототипов, различающиеся принадлежностью к интракорпоральному пространству. К ним относятся термины, отражающие пораженный анатомический объект, разные виды деформаций, патологические образования и их метричес-

кис, «кинстические» термины, выражающие различные типы дискинезий внутри организма и в процессе перемещения тела в пространстве, а также термины, отражающие экстракорпоральное пространство (географическое место, где впервые было выявлено заболевание или где оно наиболее часто возникает). Столь обширное проявление пространственных категориальных признаков позволяет рассмотреть в рамках данной статьи лишь одну тематическую группу пространственных терминов — названия деформаций.

В нашей работе под термином **деформация** мы понимаем пространственное изменение органа или части тела, врожденное или приобретенное (вызванное каким-либо заболеванием).

Для репрезентации данного концепта в клинической терминологии используются три вида креативных процессов: метафорический перенос, буквальное описание главных признаков деформации при помощи словообразовательных или синтаксических средств, а также геометрическое моделирование пространства.

Рассмотрим каждый из вышеперечисленных процессов.

Метафорический перенос

При рассмотрении метафорической номинации уместно вспомнить высказанные более десяти лет назад слова академика Б. А. Серебренникова, прогнозировавшего антропоцентрическое развитие филологической науки. Базисным понятием антропологически ориентированной лингвистики является «языковая личность», под которой понимается совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений, которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью.

Размышляя над определением языковой личности, Н. А. Красавский и А. Ю. Позолотин [8] выделяют в ней различные аспекты, в частности прагматико-мировоззренческий, кумулятивно-репродуктивный, креативный и эмотивно-прагматический (эмотикон), под последним они понимают способность человека «посредством употребления языковых единиц (уровень языковой и когнитивной компетенции) эксплицировать свои оценочные суждения (уровень интенции), объектом которых являются самые различные фрагменты мира».

Эмотикон языковой личности находит свое выражение на уровне вербальных знаков, в частности, в терминологии на уровне лексических средств (монологсем, терминологических словосочетаний и терминологических элементов).

Известно, что терминологические единицы как языковые знаки, кроме отражения научных концептов, также материально фиксируют многочисленные социокультурные, этнические трансформации и генеративное мировоззрение на разных этапах исторического развития. Наблюдение над терминологическими знаками позволяет обнаружить определенные закономерности как в развитии научного языка, так и в развитии обслуживаемой ими науки.

Одним из наиболее продуктивных способов языковой номинации в терминологии является метафора — традиционно изблюбленный объект исследования не только филологов, но и философов, психологов, социологов и историков. Обращение к изучению данного типа номинации обусловлено его полифункциональной природой: метафора в общеупотребительном языке выполняет номинативную, эвристическую и художественную функции. В терминологии же создание и употребление метафоры ограничено первыми двумя функциями.

В основе метафоры, как известно, лежит какое-либо сравнение, определенное формальное или функциональное сходство между различными фрагментами действительности. На основании такой предметно-ментальной операции, как сопоставление, человек переносит наименование с одного предмета на другой.

Нами были установлены семантические сферы, актуальные для языкового оформления концепта «деформация», выявлены типы метафор, вербализующие эти концепты в клинической терминологии, и установлена степень продуктивности данных вторичных наименований.

Наиболее актуальной для выражения концепта «деформация» явилась зооморфная метафора, например: **бычье сердце**. Обращение к признакам представителей животного мира для сравнения анатомических объектов и процессов, происходящих в организме человека, всегда было традиционным не только в медицинской терминологии, но и в символике медицины. Вспомним основной символ медицины — чашу, обвитую змеей. В ряде стран символом медицины служит **кадуцей** — магический жезл, обвитый двумя змеями, атрибут античного бога Гермеса. В этих случаях образ змеи несет в себе положительную коннотацию (мудрость, целительная сила змеиного яда) и в то же время змея напоминает нам об осторожности в лечении болезней и применении лекарственных средств.

Образы животных, отраженные метафорическими терминами, обозначающими виды деформаций, или нейтральны (с точки зрения восприятия термина) — они только констатируют факт схожести объектов действительности, или несут в себе отрицательную коннотацию,

намская на уродливость деформированного органа. По этой причине их употребление исключается в диагностических формулировках или при общении врача и больного. Так, термин **волчья пасть** заменяется на интернациональный синоним **палатосхизис** или на его русскоязычный эквивалент **незаращение неба**.

Самый высокий процент зооморфных терминов нами был зафиксирован в терминологии травматологии и ортопедии, занимающихся врожденными или приобретенными деформациями, например: **арахнодактилия** (греч. *arachne* — паук), **позвонок бабочки**, **обезьянья лапа**, **когтистая кисть** и т. п. Кроме того, большое число гречко-латинских терминов, содержащих в своей структуре указание на животное, деэтимологизировались на современном этапе развития медицинской терминологии и не воспринимаются как метафорические, например: **фокомелия** (греч. *phoke* — тюлень и греч. *melia* — часть тела, конечность) — отсутствие или недоразвитие проксимальных отделов конечностей.

Анализируя причины высокой частотности зооцентрической метафоры в языке И. В. Миронова пишет: «Мы видим несколько объяснений этому факту. Во-первых, в сознании человека большинство представителей животного мира являлись носителями отрицательных качеств, так как не до конца покорившаяся природа, в частности животный мир, представлял определенную опасность для человека. Такое антагонистическое отношение закрепилось в языке. Во-вторых, человеком испытывается определенный комплекс сверхполноценности по отношению к животным как к братьям нашим меньшим, находящимся на более низкой ступени развития. Это обуславливает появление отрицательной оценки в зооцентрических обозначениях человека и его действий. В-третьих, в лексике, ориентированной на человека как субъекта деятельности, положительная оценка осознается как норма, не нуждающаяся в особом выделении» [9].

Кроме зооморфных метафор, наиболее продуктивными типами являются следующие типы метафор:

бытовые метафоры, в которых сравнение осуществляется с предметами быта, окружающими человека: **розеточный синдром**; *фитонимические метафоры*, в которых сравнение проводится с представителями растительного мира: **луковичные головки**;

антропоморфные метафоры, в которых сравнение проводится с характерными чертами другого человека, литературного или мифологического героя: **мыс вдовы**, **ожерелье Венеры** и т. п. В данном типе метафор четко отражаются интенции автора, его мировоззрение и культурологический кругозор;

архитектурные метафоры, в которых сравнения осуществляются с архитектурными сооружениями или их элементами: **симптом «Пизанской башни»**.

В клинической терминологии актуален и обратный тип метафор, в которых обозначение физических деформаций переносится на ментальные сущности, например: **личностный сдвиг, расщепление сознания** и т. п. Такой тип метафор используется для характеристики психиатрических понятий.

Особую разновидность наименований деформаций составляют «буквальные» термины, в которых отклонение от нормы выражено путем прямого называния отличительного признака. Данный вид терминов представлен композитами гречко-латинского происхождения (**артрогриппоз** — букв. «кривой сустав»), международными производными терминами (**кифоз** — от греч. *kyphos* — согбенный + *osis* — заболевание невоспалительного характера) и сложными исконно русскими терминами (**кривошея, косоглазие, косолапость, криворукость** и т. п.).

К «буквальным» терминам относятся лексические единицы, обозначающие патологическое отверстие, углубления или патологическое отсутствие отверстия. Сема патологического отверстия (отверстий) выражена в клинической терминологии производными словами с терминологическим элементом греческого происхождения **схизис-** (*schisis* — расщелина), например: **рахисхизис** (греч. *rhachis* — позвоночник), адъективными терминами, например: **лакунарная ангина** (лат. *lacuna* — яма, ров).

Патологическое отсутствие отверстия отражено в клинической терминологии производными словами с отрицательным префиксом **а-(ан-)**, например: **атрезия** (греч. *tresis* — **отверстие**), монолексемами латинского происхождения **облитерация** (*obliteratio* — уничтожение) — отсутствие естественного отверстия, **окклюзия** (*occlusio* — закрытие) — непроходимость, **обтурация** (*obturatio* — затыкание) — закупорка.

При номинации видов деформаций широкое распространение получили геометрические обозначения. В современной лингвистике большое внимание уделяется исследованию геометрических составляющих в построении ментальных композиций различной степени абстрактности/конкретности и сложности выражаемого ими содержания [4, 10].

Многогранная сущность и разнообразие проявления форм геометрических образов обусловлены, во-первых, реальным онтологическим статусом геометрических форм в организме человека, а во-вторых, особенностями восприятия человеком окружающего мира. Исследо-

ватели пространственных отношений отмечают, что «с геометрическими образами ассоциированы такие важные пространственные представления человека, как «близость» (круг), «удаленность» (линия, угол), «направленность, протяженность» (линия), «место» (точка, линия, угол, круг), «замкнутое пространство» (круг, квадрат, сфера) и т. д.».

Элементарные геометрические образы и их композиции можно рассматривать в качестве своеобразного исографического кода многих научных медицинских понятий. Патологические явления в семантическом пространстве языка имеют разные виды репрезентации. Наиболее частотными являются следующие геометрические образы:

образ сферы, выраженный греческим термином *целе-* (cele — выбухание), например: **цефалоцеле** — выпячивание ткани головного мозга через дефект черепа;

образ цилиндра, например: **цилиндрома** — злокачественная эпителиальная опухоль;

образ шара, например: **лентиглобус** — шаровидное выпячивание передней или задней поверхности хрусталика;

образ конуса, например: **лентиконус** — конусовидное выпячивание передней или задней поверхности хрусталика;

образ воронки, например: **воронкообразная грудь**;

образ плоскости: **платибазия** (греч. platis — плоский и basis — основание) — уплощение основания черепа. Данная модель представлена словообразовательным рядом терминов: **платикрания** — резкое уплощение мозгового черепа, **платиспондилия** — увеличение поперечных размеров тел позвонков и т. п.;

образ линии (полосы): **рабдомиома** (греч. rhabdos — полоса) — доброкачественная опухоль, исходящая из поперечно-полосатой мышечной ткани;

образ равенства/неравенства: **изокория** (греч. isos — равный) — равенство диаметров зрачков правого и левого глаза; **анизокория** — неравенство зрачков правого и левого глаза. Антонимические пары данного типа выражают норму и патологию в клинической терминологии.

Как видно из вышеприведенных примеров, для индексации пространственных отношений применяются все существующие средства номинации (словообразование, заимствование, семантический способ). Это свидетельствует о широком спектре концептуальных признаков, которые необходимо отразить для адекватного восприятия термина.

Примечания

1. Поводранова В. Ф., Васина Т. А. Категория пространства в медицинской терминологии // Актуальные вопросы медицины: Тез. науч.-метод. конф. М., 1998. С. 92–95.
2. Пищулина Ю. Ф. Выражение пространственно-временных свойств категории действия в медицинской терминологии // Научно-техническая терминология. М., 2001. С. 74–76.
3. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен, семантика и сочетаемость. М., 2002.
4. Топорова В. М. Концепт *форма* в семантическом пространстве языка. Воронеж, 1999.
5. Топорова В. М. Геометрические концепты в языковой картине мира // Реальность, язык и сознание: Межвуз. сб. науч. тр. Тамбов, 1999. С. 128–131.
6. Ельцова Л. Ф. Концепты пространства в медицинской терминологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Рязань, 2000.
7. Луппова Т. В. Пространственная точка зрения в романах Ф. Кафки // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: Материалы II Междунар. науч. конф. Челябинск, 2003. С. 360–362.
8. Красавский И. А., Позолотин А. Ю. Метафора как источник инвективных номинаций человека // Реальность, язык и сознание: Междунар. межвуз. сб. науч. тр. Тамбов, 2002. С. 154.
9. Миронова И. В. К вопросу о национально-культурных особенностях проявления антропоцентризма в зооцентрических обозначениях человека и его жизнедеятельности // Филология и культура: Материалы III междунар. науч. конф. Тамбов, 2001. С. 199.
10. Кравченко А. В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск, 1996.

© С. М. Белякова
ТюмГУ, г. Тюмень

Диалектоноситель и современность: взгляд информанта и взгляд лингвиста

Современные диалектоносители, как и люди, говорящие на литературном языке, не изолированы от событий, происходящих в нашей стране и в мире. Отклик на изменения последних лет, на современную ситуацию часто присутствует в речи сельских жителей, однако диалектологи, как правило, не фиксируют такого рода высказывания. Между тем этот материал представляет ценность как для диалектологии, так и для социолингвистики. Он позволяет внести некоторые коррективы в представления о статусе современного диалекта и его адаптивных возможностях.

Социолингвистический портрет современного носителя диалекта характеризуется следующими чертами. Это люди, рожденные в 20–30-е гг. XX в. Они, как правило, имеют образование (минимум 4 класса), работали не только в колхозе. Из исторических событий помнят коллективизацию, военные годы, освоение целины. Зачастую это дети репрессированных, а затем реабилитированных отцов. У

них сложные отношения с религией, так как 30-е гг. были временем воинствующего атеизма. Многие весьма критически относятся к современной жизни, что объясняется здоровым консерватизмом, который присущ традиционному мировоззрению.

В основу статьи легли материалы, записанные автором в 1994–2003 гг. в следующих населенных пунктах Тюменской области: Медведево Голышмановского района, Сорокино Ярковского района, Ощепково Абатского района, Юргинское, Дегтярско, Шишаково Юргинского района, Усово, Пелсвино Сладковского района. Говоры данных сел относятся к числу старожильческих и имеют окаяющую основу.

Высказывания носителей говоров были распределены нами по нескольким общим темам, что позволило составить «квазитексты». Эти темы таковы: «Современная жизнь в целом», «Современные нравы», «Местное руководство», «Власть в стране», «Бог», «Климат, экология». Приведем в качестве примера два из таких квазитекстов.

Климат, экология

Климат уже изменился и сильно. И народ изменился, хилой. В землю удобрения, а хлеб же мы едим. Сейчас от хлеба запаха нет никакого. А раньше по всей деревне слышно.

Климат какой-то никакой: то жаром убьет, то морозом.

Какое может быть тепло, если из земли все выкачали? Изнутри землю греть нечем. Зато нам роскошно, зажег спичечку — жарится, варится. А природу загубили.

Вся земля, бедняшка, изрыта. Сколько лесу погубили, теперь поля пустуют.

Бог

Раньше в Бога веровали пуше.

Сейчас со старыми сойдемся: как будто Бог есть, с молодыми — в Бога не верим. Оттуда оторвался и сюда не пал, в воздухе телепашься, как мизгирь (паук).

Живем в лесу, молимся колесу, нам все равно, куды кресты класть.

Если Господь есть, взял бы прекратил все эти войны. А он, наверно, махнул рукой: деритесь, черти, до самой смерти.

Обратимся к анализу языковых средств, используемых современными диалектоносителями в высказываниях на актуальные темы.

Во-первых, это употребление речевых штампов как советского, так и постсоветского периодов. Например: *неизвестный солдат — Я все думаю: неизвестный солдат — наш поди-ка; забрали по линии НКВД; перестройка — Бог тоже, наверно, к перестройке готовится; застой — Эта не глянется нам власть, застой-то лучше был; реформа — Пока заварухи этой не было, реформы.*

Отметим также словосочетание *Белый дом* как практически повсеместное название здания сельской или районной администрации. Например: *В Белый дом придешь, все ходом ходят, и все не робят.*

Во-вторых, это лексика литературного языка, подвергающаяся в говорах различным процессам адаптации. Наиболее типичными из них являются следующие:

а) актуализация внутренней формы слова, установление мотивационных связей: *Налог наложут; Молока наложут триста литров* [т. с. установят налог], *все таскали, сдавали; Загоняли в колхозы-то. Брат сразу зашел, лошадь завел;*

б) оформление литературной лексики суффиксами субъективной оценки: *Транспортишка никакого нет; Бабы молятся: чтобы тебе, комиссарушка, башку где-нибудь оторвало;*

в) изменение сочетаемости литературного слова: *Колхозы начались; Война объявилась* (ср.: войну объявили); *Переболела инфарктом; Поднялось восстание* (ср. лит. поднять восстание); *Природа испортилась. Люди испортились, и природа перестала совпадать; Он робит по холодильникам, высшее образование кончил; Он попал под аварию; Калека первой группы.* При этом глаголы, употребляемые в литературном языке, как уже отмечалось нами [1], зачастую замещаются общерусскими глаголами с более широким значением, например: *произошла, совершилась революция* (лит.) — *сделалась революция* (диал.); *организовали колхоз* (лит.) — *сделали колхоз* (диал.).

Многие слова литературного языка осваиваются говорами без изменений, органично переходя из одной подсистемы языка в другую. См., например, употребление лексем *атмосфера, климат* в следующих контекстах: *То ли уж время такое, то ли такая атмосфера отравлена. Климат какой-то никакой: то жаром убьет, то морозом.*

Отметим и частые случаи обыгрывания литературной лексики, когда носитель говора, ощущая ее некоторую чужеродность, стремится в ходе ее употребления создать комический эффект: *Укол поросенку делает: то ли это сыворотка, то ли какая простокыша разведена на воде). Это дивно (давно) уже, как перестройка делалась, так и перестроились.*

Для описания и оценки сегодняшней ситуации активно используется и диалектная лексика. Например: *Трактора все попусту стоят. Ко всему попустились.* (Попутно отметим здесь актуализацию внутренней формы.) *На базаре одне ремки (тряпки) только. Коммунисты хватили, имали и тебе и себе, а теперь — только себе, а ты помешкашь). Фирма нарушилась. Ладно хоть позапаслись хохоряшками, такая дороговись (дороговизна).*

Очень часто для характеристики явлений современной жизни употребляются традиционные для говора выразительные средства. Наиболее частотными являются пословицы и поговорки. Например: *Сельпо на ниточке держится. Перво надо с головки пресекать, а потом с хвоста// Надо головку сначала щупать, а потом охвостье. Уж отробились — и лукошко на березу* (о том, что мало работают). *Все видят и все молчат: не мой воз — не мне везти. Сами ездят по гостям* (правительство), *а тут как шло, так и ехало. Теперь ни песен ни басен, одно вино хлещут.*

Весьма употребительны и сравнительные обороты: *Раньше работы — хоть лопатой гребь. Люди злы стали как зверята. Теперь ни лагерей пионерских нет, все как стадо баранов. Директор совхоза на дойку пришел, они (дойarki), как котята, пьяные. Он был исколот (лечили уколами), как решето.*

Реже отмечаются случаи метафоры: *В один год все провалилось. За шкуру их (детей) — и на выпаса* (в детский сад). *В бедноте жили и счас не расцвели. Один начал, растворил — а примешивать-то нечем. Теперь этот примешивает.* (Речь идет о президентах страны, сравнение с процессом замешивания теста.) *Пенсии если подвысят, то цены перескочут эту надбавку.*

Пословицы, поговорки и сравнения при этом могут комментироваться или служить выводом, итогом собственных рассуждений.

Как видно из данных материалов, при создании речевого произведения, имеющего целью оценку современной жизни, осуществляется совмещение двух взглядов на мир: традиционно-диалектного и более «продвинутого», сформировавшегося под влиянием новой реальности, в том числе и средств массовой коммуникации.

Приведенный материал позволяет, на наш взгляд, сделать некоторые обобщения, относящиеся к характеристике современного состояния русских диалектов.

Доминирующее еще в 80-х — начале 90-х гг. XX в. положение об исключительно мощном и нивелирующем влиянии на говоры литературного языка, о грядущей замене их литературной речью (см. работы Г. А. Турбина, Т. С. Коготковой, О. В. Загоровской) в последнее время сменилось несколькими иными представлениями, отражающими сложность языковой ситуации. Участники явной или латентной дискуссии по-разному оценивают состояние русских диалектов, различно отвечают на вопрос, насколько устойчивы диалектные системы под натиском социальных и интралингвистических факторов: в диапазоне от «современные говоры в традиционном понимании разрушены» [2] до прямо противоположных утверждений: «Русские диалекты проявили большую устойчивость и сохраняются как нормаль-

но функционирующие системы» [3]. Однако большинство диалектологов не столь категоричны и говорят о разного рода переходных явлениях при контактировании литературного языка и говоров и эволюции диалектов. Так, Т. С. Коготкова считает, что существуют психолингвистические факторы, сдерживающие наступление литературного языка на говоры [4]. В то же время нельзя отрицать наличие эволюционных процессов, которые проявляются в «наддиалектных» «новых особенностях, появляющихся в языке современной деревни» [5], в сходстве адаптации лексики литературного языка в разных говорах, а также в литературной разговорной речи и просторечии. (Например, произношение литературных по происхождению слов *аванс*, *пенсия*, *радио* как *аванец*, *пеньзия*, *радиво* характерно для самых разных говоров и просторечия.) Вероятно, это не только объясняется близостью данных подсистем русского языка, но может свидетельствовать и об их постепенной интеграции. Внешние деструктивные факторы (исчезновение населенных пунктов, переселение и физическое уничтожение носителей диалектов в истории нашей страны), разумеется, оказали огромное негативное влияние на судьбу русских говоров. Однако несомненна и их внутренняя эволюция, результаты которой пока не вполне ясны. По мнению В. В. Колесова, постепенно формируется сельское просторечие [6] (аналогичная точка зрения отражена в монографии «Динамика структуры современного русского языка» [7]). А. С. Герд говорит об образовании на базе традиционных говоров нового объединения — региолекта [8], охватывающего территорию не только сельской местности, но и небольших городов и утратившего наиболее яркие диалектные различия, затрудняющие коммуникацию. Эта точка зрения представляется нам более убедительной. Речь, таким образом, идет о неких формах народной разговорной речи.

При этом справедливо отмечается, что различные говоры стоят на разных ступеньках эволюционной лестницы: одни в значительной степени сохраняют свою структуру, другие — более подвержены процессам «размывания». Важнейшими факторами здесь являются территориальный и социально-экономический, имеет значение и то, относится ли говор к исконным, материнским или к говорам вторичного образования (см. работы Л. И. Баранниковой, Л. Э. Калнынь). В нашей практике приходилось сталкиваться с тем фактом, что два находящихся достаточно близко друг к другу села демонстрировали поразительное отличие в плане сохранности диалекта (например, села Дегтярево и Шипаково в Юргинском районе Тюменской области), что объяснялось различиями в количестве и составе населения и удаленностью от райцентра.

Определенная изоляция сельского населения, усилившаяся в 90-е гг. прошлого века, может привести к последствиям, которые пока до конца не ясны. Можно предположить, что процесс нивелирования говоров несколько затормозился. Не случайно некоторые социологи, в частности А. С. Панарин, отмечают существующий разрыв между двумя типами социального времени (один для элит и другой для масс). «Чем больше пространство (и добавим: время. — С. Б.) элит глобализуется, делаясь особо открытым и мобильным, тем больше пространство масс локализуется, сегментируется, «натурализируется» [9]. Тем не менее наши полевые исследования позволяют согласиться с тем утверждением, что современные говоры (при всей сложности и диалектичности этого процесса) — это «уходящая натура». Об этом свидетельствуют многие факты. Прежде всего, наша страна не изолирована от мира, она является частью европейской цивилизации. Тенденции глобализации и урбанизации в развитии современного общества приводят к тому, что во многих государствах прослеживается отчетливое стремление к стиранию диалектных различий, что, разумеется, не мешает ученым этих стран внимательно и бережно относиться к народной речи, фиксируя и сохраняя ее образцы. Достаточно убедительны и данные, приводимые Л. М. Орловым, что традиционный слой говора представляют лишь 11,5 % диалектоносителей, тогда как более 40 % жителей деревни, по его наблюдениям, практически владеют литературным языком [10]. Таким образом, традиционный слой становится раритетным.

По нашим данным, частотность собственно диалектной лексики в спонтанной речи современных носителей диалектов относительно невелика. Даже пожилые люди порой с трудом вспоминают диалектные («ранешные») слова, когда предъявляешь им какие-либо лексемы. Их реакцией часто бывают выражения *«это ранешное слово»*, *«по-ранешному все «ладоня», на ладоню хлеб выстилаш»*, *«теперь уж так не говорят»*, *«это моя мама говорила»* и т. п. Диалекты практически не порождают новообразований. Неологизмы чрезвычайно редки и в большинстве случаев имеют окказиональный характер. Однако в то же время, как показывают наши наблюдения, в целом лексико-семантическая система современного диалекта, т. е. устная народная речь (включая и ее изобразительно-выразительные средства), активно функционирует. Это подтверждает вывод Т. С. Коготковой о наличии в говорах «гибкой лексико-семантической структуры... которая длительное время способна выполнять различные коммуникативные задания, связанные с реальной и социальной действительностью наших дней» [11]. Видоизменяясь, современный диалект продолжает осуществлять свои когнитивные, коммуникативные и аксиологические функции.

Отметим, что тезис о замене говоров литературным языком практически исчез со страниц научных изданий. Высказывается совсем иная мысль: «Разного вида контакты, в которые вступают русские диалекты с литературным языком, не приводят к устранению диалекта ни путем его замены стандартной формой, ни путем его включения в диалектно-литературное двуязычие» [12].

Перестает употребляться по отношению к современным говорам термин «полудиалект». Введенный в научный оборот в 20-е гг. XX в. В. М. Жирмунским, он активно использовался в 60–70-е гг. (Ф. П. Филин, Т. С. Коготкова, Г. А. Турбин) и характеризовался как «сплав сосуществующих языковых элементов диалекта и литературного языка» [13]. Отказ от данного термина отражает, с одной стороны, несколько иное отношение к современным диалектам, утверждающее их имманентную ценность, а с другой стороны, понимание сложности процессов, характеризующих языковую ситуацию в нашей стране в последние десятилетия.

В то же время вряд ли следует допускать крен в другую сторону и утверждать, что литературный язык и диалекты — это равноправные коммуникативные системы, что возможно использование говоров в СМИ, создание художественных произведений на диалектном языке. Такая точка зрения имеет место в зарубежной диалектологии, представлена она и в отечественной науке. Думается, что сложившаяся в нашей стране языковая ситуация, когда диалекты, определенным образом эволюционирующие, принадлежат к сфере сельской коммуникации, а элементы народной речи (чаще всего в виде лексических диалектизмов) входят в состав языка художественной литературы, являются оптимальной в плане соотношения этих двух форм национального языка.

Постоянное сопоставление языковых фактов говоров и литературного языка, разумеется, необходимо в научных исследованиях, зачастую порождает не вполне желательный эффект — ощущение их диаметральной противоположности, в то время как между ними гораздо больше сходства, чем это порой представляется. До сих пор остаются актуальными слова о том, что «недооценивается универсальность ряда языковых закономерностей, глобально охватывающих как диалекты, так и другие подсистемы национального языка, за которыми видятся тенденции общезыкового развития» [14]. На наш взгляд, актуальной задачей является объединение в ходе исследования языковых фактов разных диалектов. Не умаляя значения арсальных, лингвогеографических методов исследования говоров, хотелось бы подчеркнуть, что несомненная близость между собой региональных вариантов русского языка позволяет воссоздать единую картину их лексического пространства, отражающую основные черты народного мировоззрения.

Значение русских диалектов исключительно велико в плане диахронического развития национального языка. Но и на современном этапе его существования говоры продолжают играть немаловажную роль, сохраняя и поддерживая традиционный пласт культуры. Следует согласиться с мыслью В. Е. Гольдина о том, что «народно-речевая основа, воплощенная в диалектах, вносит такой вклад в русскую речевую культуру, который затрагивает самые принципы видения мира» [15]. Вероятно, можно расширить смысл данного высказывания и говорить не только о речевой культуре, но и о русской культуре вообще или, по крайней мере, об определенных ее вариантах. Так, в частности, русская классическая литература во многом отражает именно народный, традиционный тип культуры.

Таким образом, современные русские народные говоры представляют собой сложное образование, а характер их эволюции в отечественной науке однозначно не определен. Их фиксация и изучение являются исключительно важной задачей, так как каждое десятилетие существенно меняет языковую ситуацию и многое, к сожалению, утрачивается безвозвратно. Относительную устойчивость демонстрирует лексико-фразеологический уровень говоров, что объясняется его теснейшей связью с народной культурой и ментальностью. При всем несомненном сходстве русских говоров каждый диалект представляет собой уникальный путь освоения действительности.

Примечания

1. *Белякова С. М.* Литературные слова в современном говоре // Речевая норма и диалект. Тюмень, 1989. Деп. в ИНИОН № 39806 от 18.10.89. С. 103–107.
2. *Попов И. А.* О принципах разработки программы собирания сведений для областных словарей // Теория и практика современной лексикографии. Л., 1984. С. 121.
3. *Калынь Л. Э.* Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика // Вопр. языкознания. 1997. № 3. С. 120.
4. *Коготкова Т. С.* Русская диалектная лексикология. М., 1979.
5. *Филин Ф. П.* Говоры современной деревни и Диалектологический атлас русского языка // Бюлл. диалектол. сектора Ин-та рус. яз. М.; Л., 1949. Вып. 6. С. 8.
6. *Русская диалектология: Учеб. пособие / Под ред. В. В. Колесова.* М., 1990.
7. *Динамика структуры современного русского языка.* Л., 1982.
8. *Герд А. С.* Несколько замечаний касательно понятия «диалект» // Русский язык сегодня. М., 2000. Вып. 1.
9. *Панарин А. С.* Глобальные деструкции как важнейшая стадия развития пигмизма // Полигнозис. М., 2003. С. 33.
10. *Орлов Л. М.* Социальная и функционально-стилистическая дифференциация в современных русских территориальных говорах: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1970.
11. *Коготкова Т. С.* Указ. соч. С. 302.
12. *Калынь Л. Э.* Указ. соч. С. 119.
13. *Коготкова Т. С.* Указ. соч. С. 6.
14. Там же. С. 52.
15. *Гольдин В. Е.* Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1997. С. 3.

Областной тематический словарь как способ воплощения языковой картины мира

«Словарь рисует перед своими читателями картину мира — так, как она существует в сознании носителей данного языка» [1], но алфавитный словарь исключает возможность последовательного развёртывания как воссоздаваемой картины мира, так и отдельных её участков. Целостность фрагментов отражаемого мира могут зафиксировать идеографические словари, систематизирующие слова, объединённые некоторой общей идеей. Языковая картина мира (ЯКМ) считается основным объектом современных системных словарей, что является своего рода продолжением этнолингвистических традиций отечественной лексикографии [2] и воплощает новацию современной лексикографии — синтез филологии и культуры [3]. Очевидна значимость в этом плане областных словарей, поскольку диалекты являются хранителями своеобразия национально-языковых картин мира [4]. В связи со сказанным самого пристального внимания заслуживает народная метеорология как «одна из древнейших лексических микросистем, в которой закреплён опыт практического и культурно-мифологического освоения мира...» [5].

Разрабатываемый «Сибирский метеорологический словарь» (СМС) — это сводный отраслевой словарь полного типа, совмещающий принципы толкового и идеографического словарей, системно-функциональная ориентация которого, согласуясь с современными концептуальными исследованиями, предполагает достаточно высокую степень полноты характеристик лексикографируемого континуума, что отражает отмечаемые Н. А. Лукьяновой современные тенденции российской лексикографии [6]. Для презентации атмосферных явлений средствами языка избираются денотативные классы слов, разноплановые единицы которых, будучи включёнными в словесные объединения, «рассматриваются под углом зрения того, какие свойства объекта, названного именем класса, фиксируются в том или ином случае» [7]. С целью иллюстрирования возможностей СМС для представления фрагмента ЯКМ используется денотативный класс с семантической доминантой *роза*. В качестве теоретической основы для воссоздания ЯКМ в областном словаре принимаются сложившиеся в современной лингвистике представления о таких её инвариантных особенностях, как системная многослойность, антропоцентричность, концептуальность, наивность (донаучный характер), культуросообразность, утилитаризм, национальная специфичность.

1. Системные связи анализируемого имени репрезентируются в словаре парадигматическим контекстом и контекстами текстовой последовательности. Первый образуют деривационно связанные и семантически соотносительные с данным словом единицы, напр.: н.-сиб. *порось*, камчат. *мокрость* 'роса', амур. *ороситься* 'вымокнуть от росы', алтай. *росовый* 'из росы', том. фольк. *росонька* 'ласк. к роса', том. *росянка* 'травянистое растение...', том. *слезинка* 'капля какой-л. жидкости (росы и т. п.)', амур. *сироты (за)плачут* 'о росе на цветах, появляющийся перед дождем', бурят. *помоха* 'губительная для растений роса' и т. д., — другие представлены высказываниями и/или синтагмантами: *Выдержают [лен] и в ложрасстилают, где ранние росы лежат* (Ксм.) или *туманная, утренняя, сильная, густая, вечерешняя, худая... роса... ударила, пала, покрыла, подала, (не) портила*. Приведенные и аналогичные единицы располагаются либо в качестве заголовочного слова, либо как иллюстративный материал. Если парадигматические и деривативные единицы закономерно находят место в словнике и размещаются по алфавиту под опорным словом, то те синтагматические, которые включаются в денотативный класс на основе их замкнутой сочетаемости, располагаются в левой части словаря под одним или несколькими опорными словами, что соответствует диапазону их связизменительных возможностей: том. *падать* 'ложиться, опускаться (о росе, тумане)'.

2. Освещение антропоцентричности ЯКМ в метеорологическом словаре реализуется через ту интерпретацию, которую даст человек атмосферным явлениям, рассматриваемым в качестве атрибутов своей среды существования. Современный человек как природно-биологическое существо, телесность которого социализирована и одухотворена, определяет отношение к явлениям природы прежде всего с позиции удовлетворения своих витальных потребностей: *Тепло-тепло, а рано-то как-а роса студена* (Том.). *Рано идешь, роса уже упала, уже по росе идешь, уже ноги сырые, особенно если без сапог пойдешь* (Ксм.). *В первый день забродишься в росе и всю неделю в юбке заскорузлой ходишь* (Омск.). *Вот бывало скот пасешь, вот мокрый, вот до сих пор. Роса-то была, мок весь, больша* (Ксм.). Нельзя не заметить реминисценций языческого в метафорическом словоупотреблении коренных сибиряков, что, должно быть, свидетельствует одновременно о центральном положении человека в природном мире и об уравновешенности мира человека и мира природы: *...де ранние росы лежат* (Том.); *Седня рано роса села* (Ксм.); *Бывает падает роса и не вредит ничего* (Ксм.); *...роса все съела* (Том.); *она [роса] ешо поливать может ешо в огороде* (Ксм.); *Это, говорят, роса утром приходит* (Ксм.).

3. ЯКМ как семантическое пространство языка образуется совокупностью базовых единиц — слов (словозначений) и предложений, являющихся семантическими формами [8] таких ментальных структур, как концепт и пропозиция. Семантическое обозрение имени *роса* в СМС требует значительного корпуса словосочетаний и предложений, зафиксированных в филологическом тезаурусе сибирских говоров, что позволяет пронаблюдать непосредственные и опосредованные связи имени с другими словами, чтобы показать контекстные условия, релевантные для той или иной семантической актуализации и вместе с тем разграничить речевое значение слова и смысл предложения, в котором это слово подвергается контекстной модификации.

Основанием для лексикографирования на уровне словосочетания служит понимание того, что каждый признак словозначения может выражаться разными единицами. К примеру, признак «вода» выявляется из таких сочетаний, как *капли росы, волглый от росы, роса... обсохла, намочила, стекала*. Тогда представление сочетаемости в словаре, обращенное к типизации синтагматических моделей и их лексическому наполнению, предполагает исчерпывающую систематизацию лексической сочетаемости слова, выступающей в речи нераздельно с синтаксической сочетаемостью. Так, в нашем примере семантизирующее начало принадлежит ключевым словам, замещающим при имени *роса* соответствующие синтаксические позиции: а) согласуемого прилагательного (A+N): *теплая, холодная* (температура), *осенняя, летняя* (циклическое время)... *роса*; б) глаголов в личной форме (A+V): *роса... выпадает* (функциональное состояние), *обсохла* (исчезновение), *села* (функциональное состояние/покрытие); в) господствующего глагола (V+N₃; V+от+N₂): *покрылась* (покрытие) *росой, укрывали от росы* и др. Создание иллюстративной фразеологии за счет сочетаний слов сводится к подаче как минимум одного примера из тех лексических рядов (см. глаголы функционального состояния, прилагательные, обозначающие циклическое время, и т. д.), связи которых с лексемой *роса* образуют семантико-синтагматическую сферу. Все это позволяет уяснить словозначение и показать, в каких границах контекста оно конкретизируется и дополняется (ср. *До обеда держалась на траве сильная роса*. Кем.). Значимые семантические «кванты» метсонима экспонируются также словами, находящимися с ним в «дальних» (опосредованных) связях. В рамках расширенного контекста конкретизируются, например, аспекты «время суток», «объекты покрова»: *Если утром на камне роса — значит, к вечеру пойдет дождь* (Кем.) и др.

На уровне предложения объем иллюстративной части словарной статьи метсонима определяется с учетом релевантных для его фун-

кционирования предложений типа: *Нет (не было, не стало) росы; Мало/много росы; Роса была большуша; Росы нападают больши; Роса спала* и т. п. В словаре должен быть отражен весь перечень семантических разновидностей предложений, поскольку каждый тип пропозиции является обобщением соответствующего ему набора семантических типов предложений, выступающих речевыми контекстами существования лексикографируемого слова. На примере глагольной модели предложений можно выделить несколько базовых семантических моделей со значением росы [9]:

СМ «субъект — предикат функционального состояния природных объектов», лексический вариант которой характеризуется значением ‘атмосферные осадки проявляют свое функциональное состояние, воспринимаемое человеком как движение сверху вниз’ — *А другой раз как-то ядовита выпадает роса* (Кем.).

СМ «субъект — предикат покрытия — объект — средство покрытия», лексические варианты которой наделены значениями ‘явление природы... покрывает собой что-л., какую-л. поверхность в большом количестве’ и — ‘поверхность чего-л. ... покрывается чем-л. ...’ — *Роса раньше ляжет...* (Кем.). *Если цветок сирота* покроется росой, значит, будет дождь (Амур.) и др.

Вопрос о соотношении словозначения и концепта разрешается следующим образом: лексическое значение слова *роса* есть его концепт, преломленный через лексическую форму метеонима. Контекст истолкования концепта *росы* образуют те средства языка (см.: кем., том. *ивановская роса*, алт. *росами дойти*, амур. *ороситься*, кем., том. *съесть* и др.), которые вступают с метеонимом в системные отношения и образуют его денотативный класс, состав и структура которого удостоверяют то, что с его помощью удерживается в языке далеко не все мыслительное содержание, ассоциирующееся с лексемой *роса*. Концептуальное содержание данного имени более объемно по сравнению с той совокупностью значений слов, которые репрезентируют его. Вместе с тем описание по принципу концепта «небазовых» слов денотативного класса с их семантической и текстовой конкретикой гарантирует полноту воссоздания совокупного смысла, понимаемого как знание об отображаемом явлении действительности, которое закрепляется в качестве концепта за базовым словом *роса*.

Важное различие между словозначением и концептом прослеживается в их речевых проявлениях. Специфика системного (языкового) значения слова *роса* в его реализации заключается в том, что актуальные смыслы метеонима, активизируемые в тех или иных предложениях на тему «атмосферные осадки», как правило, не достигают границ смысла предложения. Формируя таким образом смысловые основы

предложений, они оказываются обогащенными ситуативными знаниями о росе. Из представления о включенности актуального смысла метонима в смысл предложения проистекает существенное следствие для словаря: размещенные в иллюстративной части словарной статьи предложения не только семантизируют лексикографируемое слово, но и располагают информацией, достаточной для языковой концептуализации называемого им явления. Установленные различия между словозначением и концептом склоняют к утверждению о существовании доминирующих сфер, обуславливающих содержательные границы рассматриваемых единиц. Если для словозначения такой сферой является лексическая система языка в виде денотативных классов, то для концепта — дискурсивная деятельность человека.

Концептуальность ЯКМ в том, что контекстологический материал словаря должен отражать и по возможности отражает все аспекты концепта, стоящего за базовым метонимом (для *росы* — 27).

4. Многочисленные употребления слова *роса* позволяют сделать заключение о том, что народное и научное понимание атмосферного явления не совпадают. Обобщенное наивное знание о росе, сформированное по преимуществу на основе зрительного восприятия и тактильных ощущений, имеет отличия от научного по таким параметрам, как условия образования росы (влажность воздуха, скорость ветра, состояние неба), ее территориальное распределение и существование во времени. См. для примера: *Как глухота, глухо, ветру нет, роса будет. Глухой густой воздух* (Кем.); *Если с реки дует ветер, то утром будет роса* (Алтай); *А когда ведро — роса утром бывает*. Небо чистое — *роса падет* (Кем.); *Туман будет, так и роса будет* (Кем.). Только единичные говороносители знают росу, внешним источником образования которой служит «водяной пар, поступающий в ночные часы из нижних более теплых слоев почвы к охлажденной поверхности...» [10]: *Дождь дождем. Она из земли роса выходит* (Кем.); *Ночью туман падает, получается роса, а то и земля выделяет* (Кем.). В равной мере сказанное проявляется в том, что обычный человек не знает о существовании *росомера* или *росографа* и не подсчитывает годовое количество росы, вместе с тем он судит о скудном или обильном выделении росы и обращает внимание на ее отсутствие: *Че жа, вечерам-от роса навалилась, а мы шли без дороги, все выхлюпались, дак вся одежда и обувки — все было люшалоющей* (Ирк.); *На дворе чуть роса, а обувки уж мокристы, хоть выжимай* (Бурят.); *...а бывает обычный сухорос — нет росы, вот его крестьяне не любили* (Кем.).

Далее, дискурс диалектоносителей о росе содержит истинные и ложные сведения. Так, наряду с речевыми стереотипами о выпа-

дении росы, подобно дождю, с неба, проистекающими из мифологического мышления наших предков, существуют высказывания о возникновении росяной влаги при охлаждении водяного пара из атмосферы. Ср. ...*днем земля нагреется, а ночью от нее идет испарение, и оно холодно становится. Ночь, значит, холод. Эта трава, пар этот остывает на траве — вот получится роса* (Кем.); *Как-то росой. Местами как кто прошел. Ну роса и зовут росы. Падают с неба как-то* (Кем.). Кроме того, обыденное знание о росе не фиксирует существенных связей между отдельными сторонами отображаемого явления. Оно не содержит в себе зависимостей, которые устанавливаются метеорологией, к примеру, между: а) средними датами появления росы весной, облачностью и влажностью воздуха; б) средней суточной температурой воздуха осенью и продолжительностью ночи на дату появления росы; в) росообразованием и физическими свойствами поверхностей объектов покрова и т. д. [11].

5. Явление росы, осмысливаемое в понятиях материальной и духовной культуры, высвечивает свою культурную значимость прежде всего через атрибуты традиционной сельскохозяйственной деятельности человека, что подтверждается посредством лексикализации и контекстуально: общепотр. *стелить* 'раскладывать... по поверхности земли для мочки под [дождем], росой (лен, коноплю)'; *Положили лен, чтобы он росами дошел* (Алтай); *А луга у нас заливные, богатейшие луга, тут трава жесткая. Так что тут косить старались утром пораньше, когда роса. Года трава уходит...* (Кем.). Сельскохозяйственный опыт, закрепившийся в традиции, лег в основу предписания *коси, коса, пока роса*. Сибирскими говорами, равно как и русским языком вообще, удостоверяется также древнепоэтическое воззрение человека на росу как на «небородное» явление: см. *роса... падала* < *падать* 'ложиться на что-л., покрывать собой что-л.' > 'идти (об атмосферных осадках)' (ср. *дождь падал*) < 'валиться на землю, устремляться сверху вниз под действием собственной тяжести, перестав удерживаться где-л.'; н.-сиб. *божья капля* 'экспресс. роса', ирк. *хоть плюй ему в глаза, он говорит божья роса* 'презрит. о бессовестном человеке'. Отсюда восприятие росы как животворящей и целительной влаги, что выражается в сочетаниях, связанных с обычаями и обрядами: кем., том. *ивановская роса* 'роса на траве в ночь на Ивана-Купалу; по народным поверьям, обладает целебными свойствами'. Связь росы как психологически достаточно сильного понятия с образным мышлением (природа > культура) проявляется также в том, что оно выступает в виде эталона при квантовании времени (кем., н.-сиб.

по росе 'рано утром') и количества: тобол. *роса* 'много', ср. общерус. *ни маковой росинки* 'совсем ничего'.

6. Известная прагматичность картины мира в диалектах, происходящая из необходимости для человека обеспечить наилучшее приспособление к условиям окружающей его среды, выражается в специфике аксиологических характеристик атмосферных осадков. Если для дождя, града и снега преобладающей является утилитарная оценка, то для росы (и инея) таковыми выступают сублимированные (эмоциональная и эстетическая) оценки, т. е. прослеживается факт прагматической мерности. В народном мнении о росе как о менее прагматически значимом явлении утилитарное, находящее проявление в диапазоне вредного — полезного воздействия на человека и созданные им объекты, воплощается в наборе специфических номинаций как результате языкового расчленения денотативного пространства, что согласуется с потребностями человека а) предусматривать и преодолевать неблагоприятные условия при выращивании урожая и при выполнении другой сельскохозяйственной работы: кем. устойчивое *кости, коса, пока роса*, том. *съест* 'перен. причинить вред сельскохозяйственным культурам (о росах, туманах и под.)' — *А худа роса упала, вредна. Съела все... Ну как, роса упадет с туманом, и огурцы, и все съест* (Том.); б) заботиться о своем здоровье: *И вот траву надо рвать и класть, ее надо под ивановску росу, чтоб еехватила роса* (Том.).

7. Национальная специфика с точки зрения ЯКМ манифестируется, в частности, наличием — отсутствием эквивалентности и степенью ее проявления при сопоставлении анализируемого языкового пространства в разных языках. В этом плане денотативный класс *роса*, имеющий в номинативной сетке разную плотность и глубину прорисовки применительно к разным аспектам смысла, обнаруживает в качестве национальных реалий прежде всего две прагматически обусловленные бинарные оппозиции с сильно выраженными первыми членами: а) наличие — отсутствие росы (повсемест. *роса* — амур., бурят., ирк., кем., красн., омск., том., тув. *сухорос*, кем., том. *сухоросица*, амур., кем., *сухоросье* 'отсутствие росы утром'; ср. рус. лит. *снег* — *бесснежие*, англ. *snow* — *snowless* 'бесснежный'); б) роса вредная — полезная. Положительное воздействие росы на социально-природную среду в сибирской деревне, как правило, имеет синтагматическое выражение: *...колубничка с росы набирает себе ягодку* (Кем.); *...роса хорошо на грибы...* (Кем.). Исключение составляют общепотр. *стелить* и алтай. *росами дойти*, что находит поддержку в верных соответствиях из польского языка: *rosizami* 'мочить (лен, коноплю)', *roszanictwo* 'обработка льна (конопли)', *roszarnik*

‘специалист по обработке льна’. Пагубный эффект росы оязыковляется достаточно подробно: бурят. *помоха* ‘губительная для растений роса’, амур. *помуха*, кем. *яиса*, кем., том., тобол. *ржа*, кем. *падева роса*, *падъ*, красн. *падевый мед*, кем., том. *медовая роса* и т. д. Ср. лат. *roratio* ‘опадение виноградных ягод (вследствие холодных рос)’.

Определенную специфику обнаруживают и некоторые другие концептуальные аспекты. Например, в виде лакуны представленный темпоральный режим росы опозитизирован в английском языке (*dewy* ‘поэт. свежий; освежающий’); темпоральный аспект смысла, выраженный устойчивой предложно-падежной формой кем., н.-сиб. *по росе* ‘рано утром’, соотносится с нем. *vor Tau und Tag* ‘чуть свет, ни свет ни заря’, но ср.: англ. *dew-fall* ‘время выпадения росы, вечер’; фазисный способ существования атмосферного явления, не фиксируемый лексически в русских говорах, хранится в лат. *roratio* ‘появление росы’.

Такие же концептуальные аспекты для слова *роса*, как «агрегатное состояние осадков», «вид составных частиц осадков», «способ существования осадков», «расположение массы осадков относительно других объектов», характеризуются межъязыковой инвариантностью (отмечаются в 6–9 из 12 наблюдаемых языков). Это дает основание предположить, что интенциональной части семантики менее присуще национальное своеобразие.

Таким образом, словарная статья СМС, посвященная базовому концепту *роса* и содержащая в иллюстративной части обозначенный здесь и аналогичный текстовой материал, в совокупности с входящими в словник элементами денотативного класса может представлять фрагмент традиционной ЯКМ русского населения Сибири.

Примечания

1. Шведова Н. Ю. Из второй части «Предисловия» к 21-му изданию «Словаря русского языка» С. И. Ожегова (М., 1989) // Отечественные лексикографы. VIII–XX века. М., 2000. С. 430.
2. Плотникова А. А. Словари и народная культура: Очерки славянской лексикографии. М., 2000.
3. Новый Большой англо-русский словарь: В 3 т. / Ю. Д. Апресян и др. 3-е изд., стереотип. М., 1999. Т. 1. С. 6.
4. Гольдин В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: Дис. ... д-ра филол. наук (в форме научного доклада). Саратов, 1997. С. 3.
5. Копалова Н. И. Словарь пародных названий растений Урала. Екатеринбург, 2000. С. 4.
6. Лукьянова Н. А. Заметки о современной русской лексикографии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2003. Т. 2, вып. 1. С. 120–121.
7. Симашко Т. В. Языковая картина мира в кумулятивном аспекте // Мир человека и мир языка. Кемерово, 2003. С. 50; см. аналогичное: Васильев В. П., Васильева Э. В. Сибирский метеорологический словарь и особенности его организации // Русские говоры Сибири: Лексикография. Томск, 1993. С. 32.

8. Чеснокова И. В. Логические и семантические формы мышления как значимые грамматических форм // *Вопр. языкознания*. 1984. № 5. С. 3.
9. Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь // Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 2002.
10. Хромов С. П., Мамонтова Л. И. Метеорологический словарь. 3-е изд., перераб. и доп. Л., 1974. С. 403.
11. Карпенко В. И. Роса. Л., 1974. 103 с.

© О. Б. Волкоморова
ТюмГУ, г. Тюмень

Семантическое поле «возраст» в русском языке*

Разработка теории семантического поля и построение отдельных полей имеют давнюю историю. Под семантическим полем понимают совокупность лексико-фразеологических единиц, содержащих общие инвариантные компоненты в значении, а также способ их лингвистического изучения. Семантическое поле обладает следующими свойствами: поле представляет собой системно-структурное образование; в основе поля как упорядоченного множества наименований лежат гиперо-гипонимические иерархические отношения его составляющих — однозначных слов и лексико-семантических вариантов многозначных слов [1]; элементы поля имеют понятийную общность и выполняют в языке единую функцию; в поле объединяются однородные и разнородные единицы; в поле заложена способность к делению на микрополя; разные поля пересекаются друг с другом, образуя зоны постепенных переходов [2]; поле характеризуется взаимозависимостью и взаимоопределяемостью входящих в него элементов, относительной автономностью, непрерывностью смыслового пространства, обозримостью и психологической реальностью для носителя языка [3]. Одним из важнейших, фундаментальных, по словам Ю. Н. Караулова, свойств поля является его принципиальная открытость, незавершенность, неопределенность границ, способность «генерировать» новые слова [4].

В структуре поля выделяются: ядро (= имя поля, архилексема), центр, периферия. Критериями отнесения лексико-фразеологической единицы к центру или периферии служат абстрактность — конкретность, высокочастотность — низкочастотность, смысловая насыщенность, стилистическая окраска, денотация — коннотация, узуальность — окказиональность слова (лексико-семантического варианта). Определяются следующие критерии выбора имени поля, формирующего ядро: однозначность, отсутствие стилистической маркированности, нестерми-

*Работа выполнена при финансовой поддержке Федерального агентства по образованию. Грант А04-1.5-320.

нологичность, денотативность, обладание ассоциативной и семантической «прозрачностью» – возможностью видеть за ним состав поля [5]. Ядро образует лексическая единица, семантически наиболее простая, содержащая общее значение поля в «чистом» виде; центр составляют специализированные классы единиц с семантически более сложными значениями; периферию занимают вторичные наименования, входящие своими первичными значениями в смежные поля и реализующие семантику данного поля в контекстах [6]. Ядро представлено словом с родовым понятием, центр формируют слова с абстрактным значением, периферию – слова с конкретным значением [7].

Выделение нами семантического поля «возраст» в лексико-фразеологической системе русского языка происходило на основе семантико-логического критерия. Источниками послужили семантические, толковые, синонимические, фразеологические словари [8]. Набор ключевых слов, составляющих поле «возраст», предложен в минимальном идеографическом словаре Ю. Н. Караулова: возраст, старость, молодость, поколение, взрослый, зрелый, пожилой, старый, древний, молодой, молодежный, старший, младший, старуха, старик [9].

Именем поля является лексема «возраст» как наиболее общая нейтральная частотная языковая номинация. У слова *возраст* в русском языке зафиксированы следующие значения: 1) количество прожитых лет; 2) период в жизни человека, животного / период с момента появления чего-л.; ступень в росте, развитии чего-л. Представляет интерес попытка создателей сайта www.yandex.lingvo.ru выявить гендерное восприятие различных понятий. На основе ответов пользователей был создан женско-мужской толковый словарь, в котором возраст определяется как «оценочная величина, зависящая от настроения, а также от времени, потраченного на приведение себя в порядок; возраст измеряется в условных единицах – годах» (женский вариант) или как «количество лет, прошедших со дня рождения» (мужской вариант).

В центр поля входят наименования возрастов / периодов жизни: детство, отрочество, молодость, зрелость, старость. Границы между разными возрастами размыты, проницаемы, что проявляется в «круговых» словарных дефинициях: младенчество – раннее детство; детство – детский возраст, детские годы; отрочество – возраст между детством и юностью; юность – период жизни после отрочества до зрелости, в который происходит накопление и развитие жизненных сил организма, ранняя молодость; молодость – возраст от отрочества до зрелости; зрелость – состояние организма, достигшего полного развития, зрелый возраст; старость – наступающий после зрелости период жизни, в который происходит постепенное ос-

лавление деятельности организма. В. И. Даль выделяет 11 возрастов: утробный, младенческий, ребячий (детский), отроческий, юношеский, возмужалый, мужеский, середовой, нетяглый, старческий, дряхлый [10]. В современной психологии развития наиболее распространена периодизация жизни, состоящая из 8 фаз: новорожденность, младенчество, детство, отрочество, юность, молодость, зрелость, старость. Мы включаем стадии новорожденности и младенчества в период детства, а стадию юности — в период молодости. Также центр поля составляют номинации, которые из-за неопределенности их значения можно назвать «обтекаемыми»: трудный возраст, кризисный возраст, переходный возраст, средний возраст.

Периферию образуют ближняя и дальняя зоны, разграничиваемые по частотности употребления, принадлежности к языку/речи, сфере применения. К ближней периферии относятся слова разных частей речи, объединяемые на основе следующих семантических признаков:

- «обозначения лиц по возрасту»: младенец, грудничок, ползунки, малыш, малютка, кроха, карапуз, ребенок, дитя, чадо, шпингалет; подросток, отрок, тинейджер, недоросль; юноша, парень, молодой человек, девушка, барышня; мужчина, женщина, дама, молодница, матрона; старик, старуха, бабушка, дед; долгожитель;

- «совокупность людей одного возраста»: малышня, ребятня, дети, ребята, молодежь, бабье, старичье; поколение;

- «относящийся к какому-либо возрасту»: детский, юношеский, отроческий, молодежный, девичий, взрослый, женский, мужской, старый, дряхлый, ветхий;

- «свойственный определенному возрасту»: мальчишеский, зрелый, стариковский, старушечий, старческий;

- «изменяться/измениться по возрасту»: расти/вырастать-вырасти, взрослеть-повзрослеть, стареть-постареть, дряхлеть-одряхлеть;

- «указание на возраст/период жизни»: с пеленок, с колыбели, с люльки, с (от) молодых (младых) ногтей; в (самом) соку, во цвете лет, в самой поре, в самом прыску; на закате дней, на склоне лет; ардевы веки, мафусаиловы года (мафусаилов век).

В значении возрастных наименований сема «возраст» сочетается с иными семантическими компонентами: «возраст» и «пол» (мальчик, девочка); «возраст» и «интеллектуальное развитие» (вундеркинд); «возраст» и «физическое развитие» (акселерат); «возраст» и «состояние здоровья» (крепкош, бутуз, развалина, руина); «возраст» и «социальное положение» (дошкольник, молодуха, совершеннолетний).

Дальнюю периферию поля составляют слова и фразеосочетания, в которых сема «возраст» не является основной, определяющей. Например, амбал — о крепком, сильном молодом мужчине с неразви-

тым интеллектом; богатырь — о крупном, здоровом ребенке; бесенок — о бойком, озорном ребенке, шалуне или шалунье; бесприданница — девушка-невсеста, не имеющая приданого; былинка — о худенькой, стройной девушке; бой-баба — о бойкой, энергичной женщине; ветеран — старый опытный, заслуженный работник; вянуть — терять молодость, силы, здоровье; скаут — член детской или юношеской организации; юнкор — юный корреспондент (школьник, публикующий свои заметки в детских периодических изданиях); юниор — участник спортивных соревнований в одной из возрастных юношеских групп; юла — о беспокойном, непоседливом, вертлявом человеке (чаще о ребенке) и т. д. В значении фразеосочетаний нередко совмещаются признаки «опытность/неопытность» и «указание на возраст»: молоко на губах не обсохло, молодо-зелено, нос не дорос; тертый калач, стреляный (старый) воробей; стреляная (обстрелянная) птица; старый (травленный, стреляный) волк (зверь), пролетная голова (головушка). Помимо лексем и сочетаний из перескакивающих семантических полей к дальней периферии относятся авторские обозначения возраста, окказионализмы: внятный возраст — сознательный, осмысленный («Детей во внятном возрасте на всем пароходе двое — Петя и Паша» — М. Арбатова. Уроки Европы); зрелость — о стадии юности («Братний и мой гувернер, которому по зрелости наших лет полагалось ограничивать свое гувернёрство лишь писанием за нас школьных сочинений, пробовал следить за мной» — В. Набоков. Другие берега), щенок — о девушке, не вступивший в пору расцвета своей красоты («Вера — моя соучница, я видела ее только на переменах: худого кудрявого девического щенка» — М. Цветаева. Повесть о Сонечке); обрыхлиться — стать старше, опытнее («Я обрыхлилась, как говорили мои дети о подросшей кошке, издала книжку, вступила в пару творческих союзов и поняла, что дозрела» — М. Арбатова. Учителя).

Перспектива нашего исследования — дополнить языковое семантическое поле «возраст» элементами текстового, которое обладает большей подвижностью, определяется закономерностями строения и развертывания текста, актуальной значимостью единиц лексической системы. В тексте возможна нейтрализация различий единиц, относящихся в языке к разным полям [11].

Примечания

1. Новиков Л. А. Семантическое поле // Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд. М., 1998. С. 458.
2. Полевые структуры в системе языка / Науч. ред. З. Д. Попова. Воронеж, 1989. С. 5–6.
3. Кузнецов А. М. Поле // Языкознание. БЭС. 2-е изд. М., 1998. С. 381.
4. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976. С. 214.

5. Там же. С. 139.
6. Новиков Л. А. Указ. соч. С. 459.
7. Шурыгин И. А. Семантическое поле // Учебный словарь лингвистических терминов и понятий / Под ред. А. К. Карпова, Н. К. Фролова, Н. А. Шурыгина. Нижневартовск, 2002. С. 232.
8. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1968; Жуков В. П., Сидоренко М. И., Шкляров В. Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка. М., 1987; Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1998; Словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984: Т. 1–4; Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2001; Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Складневской. СПб., 2000; Яранцев Р. И. Словарь-справочник по русской фразеологии. М., 1981.
9. Караулов Ю. И. Общая и русская идеография. М., 1976. С. 278.
10. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1. С. 200.
11. Новикова М. Л. Остраннение как языковая структура текстового поля // Филол. науки. 1999. № 6. С. 37.

© Е. И. Голованова
ЧелГУ, г. Челябинск

«Словарь актуальных профессий» как отражение состояния категории профессионального деятеля на рубеже XX—XXI вв.

В 2004 г. в издательстве Челябинского государственного университета вышел в свет «Словарь актуальных профессий». Эта книга стала реализацией проекта, давно задуманного коллективом исследователей, работающих над созданием Международного словаря профессий под руководством профессора Л. А. Шкатовой. Именно ей принадлежит идея создания словаря актуальных профессий.

Главная задача словаря — систематизированно представить совокупность современных профессий, уточнить содержание давних профессий и прояснить названия профессий, лишь недавно появившихся в российской жизни.

Лексикографической базой послужила собранная силами преподавателей кафедры русского языка и кафедры теории языка, а также студентами Челябинского государственного университета картотека наименований лиц по профессии. Основными источниками современной части картотек стали толковые общезыковые и специальные словари, сводный словарь русского языка, тарифно-квалификационные справочники, общероссийский классификатор профессий, материалы периодической печати и других средств массовой коммуникации. Многие новые названия оказались впервые представленными в настоящем лексикографическом издании, несмотря на их

активное употребление в средствах массовой информации и в языке профессиональной коммуникации.

Из более чем сорока тысяч действующих профессий в словарь отобрана лишь тысяча наиболее востребованных, значимых профессий и специальностей. При подготовке словаря учитывались наименования профессий, которые вошли в состав словарей современного русского литературного языка, словарей иностранных слов, разнообразных энциклопедических словарей и справочников, а также наименования, встречающиеся в современных списках вакансий, содержащиеся в газетных публикациях под рубрикой «Требуется». Были учтены также результаты опроса, проведенного среди студентов трех факультетов Челябинского государственного университета (лингвистики и перевода, журналистики и филологического факультета). Студентам предложили ответить на вопросы: «Какие профессии можно назвать актуальными?», «Какие профессии актуальны сегодня?» и «Толкования каких профессий вам бы хотелось найти в словаре?».

В словаре отражены все основные области профессиональной деятельности: промышленное производство, наука, образование, медицина, культура, сферы обслуживания и средств массовой информации. В словарных статьях уточнены определения профессий, имеющих длительную историю, показаны системные связи и отношения между различными профессиями, входящими в общее профессиональное поле. Особое внимание в словаре уделено информации о новых профессиях, определяющих развитие современного общества, его экономический и культурный облик.

Профессии, приведенные в словаре, подразделяются на три основные группы: производственные, творческие и управленческие. Первые объединяет то, что они направлены на получение уникального продукта, общим признаком для вторых является производство (тиражирование) массового продукта, представители третьих профессий призваны обеспечить эффективность деятельности первых и вторых. Толкования производственных профессий начинаются со слова-оператора «рабочий», управленческих профессий — «работник». Выбор начального слова в толковании творческих профессий зависит от сферы деятельности лица: если это научная сфера, толкование вводится словом «специалист», если медицинская — «врач», если сфера искусств — «музыкант», «художник» или «творческий работник» и т. д. При этом слово-оператор «специалист» в большинстве случаев подразумевает наличие у представителей профессии высшего образования. Обозначение «работник» может указывать на среднеспециальное, в отдельных случаях — на высшее профессиональное образование.

Словарь начинается со вступительной статьи о месте профессии в современной культуре. Здесь отмечается, что понятие «профессия» выступает одним из базовых понятий современного общества, является основой сложной, многомерной ментальной и языковой категории профессионального деятеля. Значимость данной категории определяется ролью профессиональной деятельности в социальной идентификации личности, в ее становлении и развитии. Профессия не только является основной сферой самореализации человека, она определяет у своего носителя тот или иной взгляд на мир, от нее во многом зависит эволюция духовной жизни человека.

Под *профессией* (от лат. *profitcor* — «объявляю своим делом») понимается род деятельности, требующий специальной подготовки, являющийся основным источником доходов и осознаваемый человеком как главное его занятие. Это понятие выражается словами «профессия», «профессиональный», «профессионально», «профессионализм», «профессионал», содержание этого понятия отчасти представлено в словах «образование», «специальность», «специализация», «специалист», «квалификация», «должность» и др.

На основе сопоставления толкований в ряде словарей выделены следующие содержательные признаки понятия «профессия» в русском языке:

- 1) целенаправленная трудовая деятельность;
- 2) наличие специальной подготовки (через обучение или самообучение);
- 3) комплекс знаний и умений;
- 4) материальное вознаграждение.

Заканчивает словарь очерк «Профессия и народное сознание», где показаны истоки восприятия русским народным сознанием феномена профессии, приводятся различные способы интерпретации человека как активного преобразователя мира.

Словарь помогает понять разницу между многими близкими обозначениями в современном русском языке, например, отличие между наименованиями *актер* и *артист*. Если актером называют профессионального исполнителя ролей в театральных спектаклях, в кино и на телевидении, то артист — более широкое понятие. Это профессиональный исполнитель произведений искусства в целом: исполнитель ролей в драматических и музыкальных спектаклях, фильмах, номерах в концертах, эстрадных цирковых представлениях. Это наименование выступает общим обозначением актеров, танцоров, певцов, музыкантов и т. д. Сравните: *артист балета*, *артист театра*, *артист эстрады*, *артист цирка*.

Наибольший интерес представляют в словаре толкования новых профессий. Практически каждое иноязычное наименование сопровождается этимологической справкой. Приведем некоторые словарные статьи.

АРОМАТЕРАПЕВТ [< греч. aroma душистое вещество + греч. therapeutos ухаживающий (за больным)]. Специалист в области ароматерапии (лечение запахами).

ВАЛЕОЛОГ [< лат. valentia сила, здоровье]. Специалист по валеологии (наука о рациональных способах поддержания и сохранения здоровья, о здоровом образе жизни).

КОНТРОЛЛЕР. Специалист в области контроллинга, современной системы управления, используемой с целью поддержки руководителя (анализ причин неудач, разработка мероприятий по их устранению, общая консультативная поддержка деятельности предприятия).

ЛОГИСТИК [< греч. logikos]. Специалист по логистике, науке о планировании, контроле и управлении транспортированием, складированием и другими операциями в ходе производственного цикла (прогнозированием потребности в продукте, транспорте, сбором и обработкой заказов и т. д.).

МОДЕРАТОР [лат. moderator умеряющий, ср. ит. moderato умеренный темп]. 1. Ведущий в кадре телетрансляции, соединяющий в себе функции комментатора, диктора и интервьюера. 2. Специалист по обучению взрослых.

СОМЕЛЬЕ [фр. sommelier эконом, служащий ресторана, ведающий спиртными напитками]. Специалист по описанию и сервировке вин, составлению винных карт, дающий рекомендации по выбору напитков и последовательности их употребления (в ресторанах, барах, на выставках-ярмарках и т. п.).

ХОСТЕС [< to host принимать гостей]. Сотрудник ресторана (кафе, бара и т. п.), встречающий гостей и провожающий их к столу.

Одну из самых больших групп в словаре составляют творческие профессии. Среди них выделяются в первую очередь профессии из сферы медицины: *гематолог* (специалист по заболеваниям крови), *андролог* (специалист по профилактике и лечению заболеваний мочеполовой системы у мужчин), *гомеопат* (врач по лечению заболеваний путем воздействия на организм минимальными дозами лекарств, которые в больших дозах вызывают явления, подобные признакам этой болезни), *иридодиагност* (специалист, устанавливающий диагноз по состоянию радужной оболочки глаз), *фониатор* (специалист по заболеваниям и

физиологическим изменениям голосового аппарата человека). Представлены в словаре и такие профессии, как *мануолог* (*мануалист*), *иммунолог*, *проктолог*, *радиолог*, *психоаналитик*, *психотерапевт*.

Возможно, некоторые толкования профессий помогут развеять сложившиеся в обществе ложные стереотипы. Так, например, наименование *косметолог* — это вовсе не визажист или гример (как часто думают), это врач, занимающийся разработкой средств и методов улучшения внешности человека, маскирующий или устраняющий различные дефекты кожи, хирургическим путем изменяющий форму отдельных частей тела человека.

Весьма востребованным наименованием в современном российском обществе, для которого характерна активизация политической жизни, является *имиджмейкер*. В словаре показано, что данное слово восходит к англ. *imagemaker* (< англ. *image* «образ» + *to make* «делать») и обозначает специалиста, формирующего привлекательный образ социально значимой личности (государственного или общественного деятеля, актера, руководителя организации, предприятия и т. д.) для усиления ее влияния в обществе.

В словаре представлен ряд профессий, связанных с различной дизайнерской, художественной деятельностью. Так, в настоящее время выделилось несколько профессий, связанных с использованием растений — живых или искусственных. Интерес представляет недавно закрепившееся в языке название составителя букетов и композиций из живых цветов — *аранжировщик цветов*. Данное наименование отсылает нас к музыкальной профессии, поскольку *аранжировщик* в своем исходном значении — это специалист, перекладывающий музыкальные произведения для исполнения на другом инструменте (или другим голосом), а также для другого состава инструментов (или голосов). В отличие от рассмотренной профессии, *флорист* — это специалист по составлению букетов и композиций из засушенных растений (цветов, веток, мха), а *фитодизайнер* — специалист по оформлению интерьеров с помощью живых и искусственных цветов и растений.

Представлены в словаре и редкие профессии. Например, *гляциолог* — специалист, ведающий происхождением и свойствами ледников, формами льда и снежными покровами (от лат. *glacies* «лед» и греч. *logos* «учение»); *бальнеолог* — специалист по применению минеральных вод и лечебных грязей в лечебных и профилактических целях (от лат. *balneum* «ванна, купание» и греч. *logos* «учение»). Другие примеры. *Бутафор* — работник театра, занимающийся изготовлением и хранением бутафории, т. е. предметов, имитирующих подлинные вещи во время спектакля или представления. *Воль-*

тижер -- 1) артист цирка, выполняющий гимнастические упражнения на лошади, движущейся рысью или галопом по кругу, 2) цирковой акробат (воздушный гимнаст), совершающий перелеты с трапеции на трапецию или в руки партнера. *Дезинсектор* — работник, производящий санитарную обработку помещений для уничтожения вредных насекомых. *Манипулятор* — цирковой артист-фокусник, искусно манипулирующий различными предметами. *Постижер* — специалист по изготовлению изделий из натуральных волос (париков, усов, бород). Приведены в словаре толкования таких профессий, как *океанавт, гидронавт, океанолог, океанограф*, показаны связи и отношения между данными видами профессиональной деятельности.

Немалую долю в словаре составляют производственные профессии: *вальцовщик, модельщик, монтажник, плотник, столяр, оператор, отделочник* и др. Они сопровождаются большим количеством узкопрофессиональных обозначений, позволяющих судить о многообразии конкретного воплощения той или иной профессии — в зависимости от сферы деятельности, в которую она включена.

Приведем в качестве примера словарную статью к одному из самых востребованных обозначений:

ОПЕРАТОР [англ. operator < лат. operator действующий, работающий]. 1. Рабочий, управляющий с пульта сложными многофункциональными, многооперационными системами (промышленными линиями, установками, машинами, автоматами, агрегатами, станциями, комплексами и т. п.) в соответствии с заданным технологическим режимом. *Оператор линии по производству муки и гранул, оператор автоматической линии производства молочных продуктов, оператор ультразвуковых установок, оператор передвижной сейсмической установки, оператор канатной машины, оператор фотонаборных автоматов, оператор печатного оборудования, оператор прокатного производства, оператор электронных гравировальных аппаратов, оператор газораспределительной станции, оператор животноводческого комплекса по выращиванию и откорму крупного рогатого скота, оператор швейного оборудования.* 2. Специалист по сбору и обработке информации, обеспечивающий связь между отдельными участками (участниками) производственных технологических процессов на транспорте. *Оператор бюро информации о подходе и прибытии грузов, оператор бюро по учету перехода вагонов, оператор вагонного депо, оператор диспетчерской движения погрузочно-разгрузочных работ на автомобильном (морском, речном) транспорте, оператор диспетчерской (производственно-диспетчерской) службы, оператор наземных средств управления беспилотным летательным аппаратом, оператор по диспетчерс-*

кому обслуживанию лифтов, оператор по обработке перевозочных документов, оператор при дежурном по локомотивному депо, оператор при маневровом диспетчере железнодорожной станции, оператор электродепо метрополитена. 3. Специалист, выполняющий различные операции по сбору, передаче, сохранению, обработке, переработке, использованию информации на компьютере. Оператор электронно-вычислительных и вычислительных машин, оператор ПК, оператор связи. 4. Специалист, производящий кино- или телесъемку. Кинооператор, телеоператор.

Среди управленческих профессий, которых в словаре немало, отдельную группу составляют профессии, вернувшиеся в разряд актуальных, вновь востребованные обществом: *гувернер, швейцар, консьерж (кошержка), крупье* и др.

Словарь интересен не только с позиций воспроизведения социального портрета нашего общества, но и как собрание актуальных моделей языковой обработки информации о профессиях. Так, например, в словаре представлены названия профессий, восходящие к собственным именам: *альпинист* — от названия гор (Альпы); *гальваник* — от имени итальянского ученого Гальвани, открывшего данный источник электрического тока; *саксофонист* — от названия музыкального инструмента *саксофон*, образованного от имени изобретателя, бельгийского мастера Сакса; *вулканизаторщик* — от лат. *Vulcanus*, имени бога огня и кузнечного искусства; *рентгенолог* — от имени немецкого физика Рентгена.

Приведены в словаре профессии, близкие по звучанию и даже восходящие к одним и тем же иноязычным словам, но обозначающие совершенно разных специалистов, работающих в далеких друг от друга областях деятельности. Сравните, например, наименования *балансер* и *балансировщик*. Оба слова восходят к фр. *balans* (букв. весы), но если *балансер* служит названием циркового акробата, который исполняет номера, требующие сохранения равновесия при неустойчивом положении тела (*балансер на канате, балансер на проволоке, балансер на шесте, балансер на шаре*), то *балансировщик* — это рабочий, который производит балансировку (уравновешивание) механизмов, вращающихся частей машин при монтаже и наладке сложных технических систем.

Рассмотрим два других обозначения — *криминалист* и *криминолог*. Оба наименования восходят к лат. *crimen* «преступление», однако первый является специалистом по криминалистике, т. е. по собиранию, исследованию и оценке судебных доказательств, а второй — специалистом по криминологии, науке о преступности, ее причинах и способах борьбы с нею.

В словаре можно найти ответ на многие вопросы: чем отличается автомеханик от автослесаря, монтажник от монтажера, энтомолог от этимолога, экспедитор от эксперта, фигурант от фигуриста; в чем разница между провизором и фармакологом, фенологом и филологом, фонетистом и фониатором; в чем отличие между копиистом, копирайтером и копировщиком.

Думается, что словари подобного плана, системно представляющие состояние определенной языковой категории, отвечают когнитивным и коммуникативным запросам современного человека, удовлетворяют его потребности в получении новой и уточнении уже известной информации о культурно значимых реалиях и способствуют большей ориентации в структурах современного знания. Такие словари устанавливают «мостик» между специальным и обыденным знанием, демонстрируют динамичное развитие языка, неразрывность его связей с сознанием и деятельностью человека.

© А. Г. Жукова, Г. М. Мандрикова
НГТУ, Новосибирск

Языковая личность и фразеология: проблемы фразеологической агнонии

Отталкиваясь от высказывания В. Н. Телия о том, что никто до сих пор не знает, что на самом деле всплывает в сознании носителя языка, когда он сталкивается с той или иной ФЕ, можно предположить, что в какой-то мере ответить на этот вопрос позволяет изучение показаний языкового сознания. Если лингвоцентрическая (традиционная) лингвистика описывает язык в самом себе и для самого себя (В. В. Морковкин), то антропоцентрическая интерпретирует языковые объекты с точки зрения их отражения в языковом сознании говорящих. Сопоставление этих двух позиций открывает иной, новый взгляд на изучение языковых единиц.

Специалисты по культуре речи, ортологии, стилистике часто сталкиваются с таким явлением, как «незнание или неточное знание значения слова» (расширение, сужение, переосмысление значения носителями языка). Подобные явления укладываются в понятие «агнония», которая, по мнению В. В. Морковкина, В. Я. Черняк и др., может характеризовать не только лексику пассивного фонда, но и слова активного употребления. Изучение языковых единиц в аспекте агнонии, т. е. с позиции наличия/отсутствия в сознании носителей языка каких-либо представлений о содержании этих единиц, характера таких представлений, их зависимости от объема знаний о мире, языковой и культурологической компетенции как отдельной языковой лич-

ности, так и больших и малых групп, представляется сегодня весьма актуальным. И если подобные работы в области изучения русской лексики являются уже общеизвестными [1], то исследования фразеологических единиц в этом смысле только начинаются.

Как показывают наши исследования, фразеологический фонд русского языка, зафиксированный в соответствующих словарях, далеко не всегда имеет адекватное отражение в языковом сознании современных носителей языка (особенно молодежи), поэтому можно поставить вопрос не только о лексической, но и о **фразеологической агнонии**. Для исследований фразеологической агнонии важным оказываются различного рода интерпретации языковых единиц, полученные в результате совмещения различных психолингвистических и социолингвистических методов (опроса, анкетирования, интервьюирования и т. д. носителей языка).

Проблемы интерпретации фразеологизмов носителями языка затрагиваются в основном в работах, связанных с когнитивным и лингвокультурологическим аспектами, которые рассматривают фразеологию как способ отражения национальной картины мира. Показания языкового сознания современников носят здесь вспомогательный характер, используются в основном для того, чтобы найти подтверждение «выхода» информанта на прототипическую ситуацию. На наш взгляд, полученный таким образом материал представляет собой самостоятельную исследовательскую ценность, поскольку дает возможность увидеть, как национальная картина мира соотносится с индивидуальной (групповой). Считаем, что обращение к проблеме фразеологической агнонии также может внести свой вклад в изучение картины мира нашего молодого современника, «среднего» носителя языка, обычного человека, не отягощенного серьезным культурологическим багажом, черпающего свои знания о языке и мире не в систематическом чтении, а через «картинку» и Интернет.

Попытка исследования интерпретационных возможностей языковой личности в аспекте фразеологической агнонии позволила выявить широкий спектр связанных с этим проблем.

1. Одним из источников материала для изучения фразеологической агнонии могут служить так называемые «дефектные» дефиниции, возникающие при интерпретации носителями языка (в частности абитуриентами вузов) тех или иных фразеологических единиц. Анализ таких дефиниций показывает, что интерпретация фразеологического значения носителями языка может быть «правильной» или «неправильной» в разной степени. Полагаем, что это может быть связано в том числе и с тем, что агнонимичность фразеологических единиц для разных носителей языка неодинакова, она может

быть более «сильной» или более «слабой», т. е. данное понятие внутренне градуируется. В связи с этим представляется необходимым введение понятия **степень агнонимичности** фразеологической единицы. Как нам представляется, можно ставить вопрос о степени агнонимичности данного фразеологизма для конкретной языковой личности и шире — определенной группы носителей языка. Очевидно, можно говорить о **нулевой** (правильные ответы), **частичной** и **полной** агнонимичности. Например, степень агнонимичности фразеологизма **СИНИЙ ЧУЛОК** [2], по данным эксперимента, распределяется следующим образом:

Степень агнонимичности	Пример	Комментарий
Абсолютная	Цвет, оттенок чего-либо; ненужная вещь; предмет туалета и т. д.	Нет ответа либо ответ ни в коей мере не соотносится с конвенциональным содержанием ФЕ
Частичная *** (высокая)	Человек, отличающийся от других: внешним видом, поведением, поступками; какими-л. качествами (скромностью, замкнутостью, болтливостью и проч.)	В данных дефинициях реализуется только потенциальная сема конвенционального значения «отклоняющийся от нормы»
** (средняя)	Человек, помешанный на науке, книгах в урон своей личной жизни; погруженный в книги, научную деятельность; ведущий скучный образ жизни; поглощенный профессиональными интересами	В данных дефинициях реализуется дифференциальная сема «занимающийся научной и профессиональной деятельностью в ущерб другим интересам, в частности личной жизни», однако не реализована архисема
* (низкая)	Незамужняя женщина, ведущая себя скромно и тихо; очень скучная, неинтересная; незаметная, излишне правильная; старая дева или долго не выходящая замуж; эмансипированная женщина, читающая много книг	В данных дефинициях отражаются отрицательная характеристика женщины и подчеркиваются отсутствие в ней качеств, ожидаемых обществом, т. е. реализуются архисема и потенциальные семы
Нулевая	Женщина, не уделяющая внимания своей внешности, занятая иной, обычно умственной деятельностью; девушка-заучка, не интересующаяся ничем, кроме учебы, и под.	Верный ответ. В данных дефинициях реализована вся семная структура значения (архисема, дифференциальные и потенциальные семы)

На наш взгляд, так называемые «дефектные» дефиниции зачастую представляют собой явление частичной агнонимии, которое требует дальнейшего изучения с целью выявления внутренней градации понятия «степень агнонимичности ФЕ». Это актуально и для ответов, названных нами условно правильными, часть которых, как кажется, может быть также отнесена к случаям частичной агнонимии (например, правильная трактовка значения может не сопровождаться отнесением к определенной ситуации или употребление данной единицы в контексте может быть некорректным). В случае полной

или частичной агнонии информанты, интерпретируя фразеологизм, наиболее часто актуализируют те семантические компоненты, которые содержатся в конвенциональном значении имплицитно или вообще в нем не присутствуют.

2. Очевидно, что «дефектные» определения не являются случайными, индивидуальными, они обусловлены тем семантическим потенциалом, который заложен в конкретной языковой единице. Этот семантический потенциал является результатом функционирования единицы, ее переосмысления в разных контекстах, и тех семантических «наслоений», которыми обрастает фразеологическая единица в течение своей жизни в языке. Конкретная языковая личность использует для интерпретации в той или иной степени незнакомых ей языковых единиц вполне определенный набор «способов»: буквальное прочтение, опору на ключевое слово, опору на образ-картинку, новое метафорическое переосмысление и т. п.

Так, в самых разных аудиториях (от абитуриентов до людей, получающих второе высшее образование) нам встретились одни и те же интерпретации фразеологической единицы БАБУШКА НАДВОЕ СКАЗАЛА:

- 1) поручено важное дело, которое нужно обязательно выполнить;
- 2) дали строгое указание;
- 3) сказали несколько раз, чтобы запомнить;
- 4) задание нужно выполнить вдвоем или вместе;
- 5) сказано с твердой уверенностью в чем-либо.

«Типизированность» интерпретации, на наш взгляд, может быть обусловлена двумя основными факторами: а) интерпретационными возможностями языковой личности; б) интерпретационным потенциалом самих языковых единиц. Важной проблемой представляется в этом смысле выявление того, как именно соотносятся конвенциональное значение фразеологизма и те представления, которые существуют в сознании носителей языка. Поскольку агнонии, как известно, являются единицами, которые могут быть выделены только с позиции антропоцентрического подхода, то обращение к показателям языкового сознания носителей при их изучении, как мы уже говорили, неизбежно.

3. Опыт проведенных исследований позволяет говорить о том, что в языковом сознании конкретной социальной и/или возрастной группы конвенциональное значение конкретной фразеологической единицы может быть представлено весьма слабо. Зачастую мы имеем дело с существованием в языковом сознании особого, если так можно выразиться, «параллельного» значения фразеологизма. Примером могут служить также совершенно типичные интерпретации фразеологизма ЛЕЗТЬ В БУТЫЛКУ [3]:

1) пьянствовать, напиваться;
2) делать нечто совершенно невозможное, невероятное;
3) делать то, что дается очень сложно, делать нспосильно трудное дело, стараясь изо всех сил;

4) попасть в ситуацию, из которой нет выхода, в очнь трудное положение;

5) совершать бесполезное действие, не приносящее результата.

Отметим, что все информанты указывают, что данная единица является для них хорошо знакомой, они часто встречают ее в речи других и употребляют сами.

Все это свидетельствует о значительном интерпретационном потенциале фразеологических единиц, который, во-первых, опирается на типичные «способы» объяснения незнакомой единицы, во-вторых, определяется возможностью аналогического влияния других устойчивых единиц, в-третьих, складывается из разного рода социокультурных представлений, присутствующих в языковом сознании носителя языка.

4. Изучение фразеологической агнонимии ставит перед исследователями проблему изменений в языковом сознании общества (или его определенных групп). Это вполне соотносится с идеей, неоднократно высказываемой разными исследователями современной языковой ситуации, о тенденции к примитивизации языкового сознания, обусловленной общественными процессами (ср. «порнофикация», «жаргонизация», «криминализация» современного языка).

Каковы же причины рассматриваемого явления? Как представляется, здесь возможно высказать несколько гипотез:

1) фразеологическая агнонимия возникает в силу того, что фразеологические единицы сами по себе, объективно, являются асистемными, а потому трудными для усвоения;

2) фразеологическая агнонимия — это естественное явление, возникающее по причине изменений в общественных отношениях, в социальной жизни, отражающихся и в языковом сознании общества (или его определенных групп). (Возвращаясь к интерпретации фразеологизма СИНИЙ ЧУЛОК, скажем, что ситуация, когда женщина посвящает себя целиком бизнесу или науке в ущерб личной жизни или семье, сегодня является совершенно нормальной, обычной, зато остро встает проблема одиночества, выбора в качестве друга виртуального, а не реального человека. Отсюда, возможно, и то типичное понимание данной единицы как характеристики одинокого, несчастного человека, которое следует из большинства дефектных интерпретаций.);

3) фразеологическая агнонимия — следствие внутриязыковых процессов, связанных с изменениями в лексико-фразеологической системе языка;

4) фразеологическая агнония может служить показателем низкой речевой (читай — культурологической) компетенции носителей языка (определенных групп), связанной с тем, например, что люди стали меньше читать.

Как кажется, на современном этапе изучения фразеологической агнонии мы не можем исключать какую-либо из названных причин или отдавать одной из них приоритет. По-видимому, мы имеем дело со сложным комплексом взаимозависимых факторов, определяющих данное явление.

Одним из следствий фразеологической агнонии является то, что можно назвать коммуникативной неудачей. Как известно, средства массовой информации весьма активно используют фразеологизмы и их всевозможные трансформации как средство создания эффекта языковой игры, привлечения внимания и т. д. Нами проводились различного рода исследования с разными группами информантов (школьники / студенты, мужчины / женщины, 17-летние / 40-летние) для выяснения того, насколько задуманные авторами смыслы «доступны» широкому читателю, или так называемому рядовому носителю языка; насколько легко они дешифруются.

Интересно рассмотреть в этой связи фразеологизм СЕМЬ БЕД — ОДИН ОТВЕТ. Мы с удивлением обнаружили, что фактически никто из респондентов не знает его настоящего, словарного значения: «Рискнем, что бы ни случилось, будь, что будет, все равно отвечать. Говорится тогда, когда кто-л., зная за собой какие-л. проступки, снова идет на риск, готовый отвечать за все сразу» [4]. Правильные ответы дали всего 3 % опрошенных, остальные ответы были такими:

1) *средство, которое подходит для решения многих проблем; одно решение на несколько проблемных ситуаций, один ответ на много вопросов; много разных проблем можно решить одним способом и т. п.;*

2) *панацея; универсальное средство избавления от проблем; средство, подходящее при любых обстоятельствах; средство на все случаи жизни; средство от всех бед и т. п.;*

3) *просто, без проблем; решение любой проблемы кроется недалеко; решать проблемы, не задумываясь, махом и т. п.*

Даже на первый взгляд понятно, что данные трактовки ни имеют ничего общего с реальным значением фразеологизма, зафиксированным в соответствующих лексикографических источниках. Тем не менее информанты обнаруживают «завидную стабильность» в понимании данной единицы. Под стать этим пониманиям и предложенные ими примеры употребления: *Ты знаешь универсальное средство? — Мед: семь бед — один ответ!; Когда у студента много «хвостов», проблемы в семье и с деканатом, есть одно решение — выпиться;*

Если у тебя много проблем, надо сделать себе что-то приятное; Когда у человека все плохо в жизни, то ему говорят: семь бед — один ответ. Это значит, что что-то может решить все его проблемы; Когда к человеку приходят люди с различными проблемами, и один совет помогает всем; О средствах народной медицины, которые, как правило, помогают от всех болезней; Да у него семь бед — один ответ, т. е. все делает по одному клише и т. д.

На наш взгляд, с одной стороны, такой интерпретации способствует сама структура фразеологизма «семь бед — один ответ», поскольку компонент «бсда» ассоциируется у носителей языка не с семантикой «проступок», а со значением «проблема, неприятность, трудная ситуация». С другой стороны, очевидно, что данная единица для исследуемой группы информантов является агнонимичной, более того, на основании полученных ответов мы можем говорить о ее абсолютной агнонимичности. Оба эти условия способствуют буквальной интерпретации данной ФЕ при ее восприятии. Важно отметить типичность полученных ответов, которая позволяет выделить основные семы, актуализируемые в обсуждаемых трактовках: «одно решение нескольких проблем», «универсальное средство» и «простое решение».

Как нам кажется, появление неверного представления о значении фразеологизма СЕМЬ БЕД — ОДИН ОТВЕТ связано не только с попыткой буквального прочтения, но и с реализацией мифологемы существования волшебного средства «от всего» — проблем, болезней и прочего, которая активно навязывается рекламой, в том числе и соответствующим рекламным роликом.

Показательна мысль, высказываемая во многих ответах: *«Слыша каждый раз эти выражения, не вдумываешься в смысл, и я только сейчас оценила это употребление»*, *«Интересно, я и не задумывался, что это употребление может быть неправильным, потому что, слушая рекламу, не вникаешь в смысл»*. Складывается такое впечатление, что мы имеем дело с коммуникацией по типу: «мы не стараемся, когда создаем тексты, и вы не старайтесь их понимать».

Как известно, фразеологизм является одновременно и языковой, и лингвокультурологической единицей, поскольку, помимо лексического содержания, выражает определенные культурные представления, ценностные ориентации и т. п. Таким образом, понимание фразеологизмов — это проблема адекватности коммуникации, проблема адекватности понимания социокультурного контекста. Отсюда вытекают наше понимание явления фразеологической агнонимии в том числе и как серьезной коммуникативной проблемы.

Существование «параллельных» значений одного и того же фразеологизма — словарного, кодифицированного и индивидуального или индивидуально-группового, — реализуясь в речевой практике носителей языка, может приводить (и приводит!) к коммуникативным неудачам, когда общекультурные смыслы, заложенные в конкретной фразеологической единице, интерпретируются совершенно иначе, в соответствии с разного рода представлениями, присутствующими в языковом сознании интерпретатора. Эти представления, по-видимому, обусловлены комплексом гендерных, возрастных, образовательных, культурных, психологических характеристик носителей языка.

Таким образом, фразеологическая агнонимия является одной из актуальных и перспективных проблем изучения не только собственно современной фразеологии, но и когнитологии, лингвокультурологии и некоторых других наук. Подобные исследования могут внести существенный вклад в диагностику современного состояния языка сквозь призму языкового сознания нашего современника.

Примечания

1. Морковкин В. В., Морковкина А. В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М., 1997.
2. Жукова А. Г., Мандрикова Г. М. Фразеологическая агнонимия: опыт экспериментального исследования // Актуальные проблемы русистики: Материалы междунар. науч. конф. Томск, 2003. С. 96–103.
3. Жукова А. Г., Мандрикова Г. М. Интерпретационный потенциал фразеологических единиц (на материале эксперимента) // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: Материалы Четвертых филол. чтений. Т. 1: Лингвистика. Новосибирск, 2003. С. 98–103.
4. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1991. С. 295.

© Н. И. Коновалова
УрГПУ, г. Екатеринбург

Этнолингвистическая модель описания культурной семантики языковых единиц в словаре

Лексикографическое представление семантики культурно маркированных языковых единиц в этнолингвистическом ключе возможно в разных вариантах: во-первых, в виде энциклопедического описания традиционной культуры народа или близкородственных народов по данным мифологии, этнографии, фольклора, народных промыслов и т. п. с целью сравнительно-исторической интерпретации и реконструкции архаической картины мира (см., например, словарь «Славянские древности» под ред. Н. И. Толстого); во-вторых, в описании локальной культурно-языковой традиции по данным народной обрядности, фольклора (в таком плане выполнен, например,

«Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья» И. А. Подюкова, С. В. Хоробрых, Д. А. Антипова); в-третьих, через анализ базовых концептов культуры (например, «Константы: словарь русской культуры» Ю. С. Степанова) или через выявление закреплённых в языковом знаке культурных смыслов (отдельные фрагменты такой модели обнаруживаются в словарях разных типов) и некоторые другие. Такой широкий лексикографический «репертуар» объясняется разными подходами к определению предмета и задач этнолингвистики (см. обзор существующих в настоящее время представлений о предмете и задачах этнолингвистики в [1]).

В данной работе принимается узкое определение предмета этнолингвистики, суть которого можно представить ставшей уже устойчивой формулой «язык как зеркало народной культуры». Ср.: «Этнолингвистика в суженном и специальном понимании является той отраслью языкознания, которая ставит и решает проблемы языка и этноса, языка и культуры, языка и народного менталитета, языка и мифологии и т. п.» [2]. Такой подход предполагает интерпретацию языковых единиц как культурного текста. Продуктивным в этом смысле представляется подход к тексту как к семиотическому коду передачи культурно значимой информации.

По определению Р. Барта, текст есть «любой конечный отрезок речи, представляющий собой некоторое единство с точки зрения содержания, передаваемый со вторичными коммуникативными целями и имеющий соответствующую этим целям внутреннюю организацию, причем связанный с иными культурными факторами, нежели те, которые относятся к собственно языку» [3]. Этнолингвистическая модель представления культурных смыслов характеризуется снятием с текста ограничений вербальными рамками. Н. И. Толстой объясняет такой подход следующими обстоятельствами: «Культура многоязычна в семиотическом смысле этого слова и нередко пользуется одновременно в одном тексте несколькими языками. В этом случае... под текстом понимается не последовательность написанных или произнесенных слов, а некая последовательность действий и обращения к предметам, имеющим символический смысл, и связанная с ними речевая последовательность. Считая, например, обряд таким текстом, выраженным семиотическим языком культуры, мы выделяем в нем три формы, три кода или три стороны языка — вербальную, реальную (предметную) и акциональную (действенную)» [4].

Показателем культурной значимости текста является, таким образом, не только форма языкового знака, но и семантический потенциал ритуала, в который включен вербальный текст, что должно найти отражение в лексикографическом представлении культурного текста.

Отметим некоторые существенные параметры культурного текста:

- соответствие традиции, выступающей в качестве «культурной памяти» [5] этноса;

- устойчивость, которая проявляется в наборе символов, клишированных формулах, традиционных мотивах, значимых для данного этнокультурного пространства;

- вариативность, проявляющаяся в выборе лексического наполнения структур, в территориальной и временной изменчивости, в соотносительности отдельных компонентов с разными символами и ситуациями, в возможности передачи одного и того же содержания разными средствами;

- комплексность в представлении культурной семантики средствами разных кодов.

При выборе способа толкования знака следует, по-видимому, учитывать две ситуации: 1) культурно значимая информация об обозначаемом может быть формально выражена (внутренней формой слова или номинативного словосочетания, культурно маркированными онома, языковыми единицами, представляющими базовые концепты культуры и т. п.); 2) культурно значимая информация формально не выражена.

В первом случае возможность «считывания» этнокультурной информации носителями языка достаточно реальна, хотя ее смысловая «глубина» может быть различной, поскольку основана на разного рода языковых и внеязыковых ассоциациях и обусловлена в значительной степени общекультурной компетенцией языковой личности. Для лексикографического представления такого рода фактов достаточно интерпретации их внутренней формы, денотативной «привязки» и/или пояснения их системных (внутрипарадигматических или межапарадигматических) связей, поскольку культурный компонент составляет основу семантики этих единиц. Ср., например:

а) толкование через отсылку к культурно маркированному мотиву: *«Баевка — трава, с помощью которой «бают» знахарки, измеряют ее «шепотками» для заговоров (ср.: баить — шептать, знахарить, заговаривать. В Даль) при лечении головной боли, золотухи, простуды»* [6];

б) выявление базовых культурных смыслов через «денотативные» [7] компоненты: *«Привидения. В славянской демонологии они являются духами умерших неестественной смертью, самоубийц и грешников. Могут принимать образ человека, ребенка, девушки или женщины, а также животного, гусыни, лебедя или человекообразной фигуры с козьими ногами»* [8];

в) через анализ системных связей единиц одной парадигмы: «В севе́рнорусской топонимии устойчиво фиксируется антитеза *святой чертов*: оз. *Святик* — оз. *Чертик* [Котл.]; оз. *Святое* — оз. *Чертовое* [Прим.]; оз. *Святое* — оз. *Чертова Яма* [Бел.]; о-в *Святой мыс Чертов* [Ваш.]; пок. *Святицы* — омут *Чертова Яма* [Кад.]; д. *Святица* — д. *Чертуголье* [Тот.]; д. *Святая Лука* — бол. *Чертоугольное* [У-Куб.]; родник *Святой Ключ* — руч. *Чертовик* [Хар.].» [9].

Другой вариант семантизации выбирается, если лексические маркеры культурных смыслов отсутствуют (речь идет, в частности, об общепотребительных словах, приобретающих культурные смыслы только в комплексе с другими культурными кодами, или о предметах, действиях, признаках, выступающих в качестве символов определенного ритуала, обряда). Лексикографическая фиксация должна при этом учитывать широкие внесязыковые пресуппозиции, связанные с обрядами, суевериями, фидсистическими представлениями. Ср.: «Для установления полного взаимопонимания между отправителем и получателем недостаточно лингвистически оформленного сообщения. Для слушателя необходима опора, которую он находит в таком существенном экстралингвистическом факте, как «пресуппозиция». Пресуппозиция охватывает все то, что должно иметься в сознании получателя лингвистически оформленного сообщения, все то, что лежит за пределами этого сообщения, имея, однако, к нему определенное отношение, и что может гарантировать правильное и исчерпывающее понимание сообщения» [10]. Существенное значение для интерпретации такого рода культурных текстов имеет обращение к фольклору и живой разговорной стихии, к диалектному материалу, к народной идиоматике, которые позволяют воспроизвести символическую ситуацию, условное пространство функционирования культурного текста.

Так, представление формально не выраженных культурных смыслов может выглядеть следующим образом: *Бабий переполох*. Номинативные варианты: *девичий переполох*, *страхолох*. Колючник обыкновенный. Травянистое растение с прямым длинным стеблем, зубчатыми очень колючими листьями и лилово-пурпурными цветками. Растет на сухих опушках, лугах. Контексты употребления: *У меня соседка как-то вяжет ли чё делат ночью, в окно стукнули, она выглянь возьми, а там свинья высунулась, дак соседка потом болела рожей, вот бабий переполох помог, а так страх как выгонишь?* (1, Камышл.). Культурологическая информация эксплицирует пресуппозиции, связанные с традициями народной медицины и представлениями людей о причинах болезней: «В некоторых местах считается, что одной из причин женских болезней является испуг от «насыльного беса», который в образе какого-нибудь домашнего животного нео-

жиданно появляется перед женщиной, засидевшейся за полночь за домашней работой. Следствием такого испуга может быть умопомрачение, различные воспалительные заболевания, излечить которые можно только колючником: его запаривают вместо чая, колют им пятки больной, развешивают вокруг кровати, чтобы «насыльный бсс» больше не приближался и не усугублял болезнь своими издевательствами» [11].

Выявление культурных смыслов может осуществляться через указание символических функций обозначаемого: *«Деревянный (сухой) огонь. Огонь, добытый трением двух сухих кусков дерева. Деревянный огонь поддерживают летом около деревень, так как, по мнению крестьян (и многих инородцев Сибири), он помогает от падежей скота (Пятканов и Зобнин, 1890). Думали: сухой огонь помогает. От березы брали два столбика, терли один об другой, доставали деревянный огонь»* [12]. Характеристика денотативной отнесенности не выявляет культурного компонента семантики, контексты малоинформативны, раскрывают только мотив наименования. Автор словаря «вписывает» диалектную фразему в широкий культурный контекст, приводя сведения о символизме деревянного огня в хозяйственной обрядности.

При семантической диффузности символа описывается круг наиболее значимых культурных функций с приведением типовой метафоры и идиоматики: *«Амбар. Др.-рус. житница, хранилище жита, связанное в ритуально-магической практике с обеспечением урожайности и плодородия... В амбаре совершались продуцирующие и апотропейные действия, связанные преимущественно с жнивной, новогодней, иногда свадебной обрядностью. Широко распространен обычай хранить в амбаре жатвенную «бороду» — последний сноп или венки жатвенный... Полный амбар — метафора хорошего урожая и богатства (ср. рус. *полные закрома*)... Существует обычай открывать амбар в определенные календарные даты, например, у болгар в Рождество, чтобы в новом году был хороший урожай. Считается, что колдуны и колдуньи раскрывают свои амбары во время молотбы или когда делают пересжин, чтобы хлеб мог сам с полями сытаться в сусски (костром.). У восточных славян в амбаре молодожены иногда проводили первую брачную ночь»* [13].

Таким образом, этнолингвистическая модель представления в словаре культурных смыслов языковых единиц должна, на наш взгляд, включать в качестве основных параметров:

а) характеристику их денотативной отнесенности, при этом в особых комментариях нуждаются полифункциональные предметы, атрибуты и действия, которые могут в одних ситуациях выступать как обыденные, в других — как культурно маркированные;

б) характеристику системных связей единиц (в частности, через выявление наборов системно значимых семантических оппозиций культурного знака);

в) показания языкового сознания — психологическую реальность представленности значения в сознании носителей языка — с учетом констант русской ментальности, закрепленных, в частности, в языковой идиоматике и выявляемых в контекстах;

г) возрастную, территориальную, гендерную, социальную отнесенность культурной информации (данный компонент семантизации значим при описании дополнительных, периферийных признаков, в разной степени актуальных для носителей языка);

д) «вписанность» значения в широкий культурный контекст через ритуал, обряд, обычай, фольклор и т. п., что особенно важно для интерпретации семантики общепотребительной лексики, приобретающей культурную значимость лишь в комплексе с другими средствами передачи культурной информации;

е) интерпретацию символических смыслов, присущих языковым единицам в определенном культурном континууме, соотношенных с символикой других кодов, моделирующих культурный текст.

Данная модель, конечно, не рассматривается нами в качестве некой универсалии представления культурной семантики языковых единиц в словаре, но она обладает, на наш взгляд, достаточной операциональностью и вполне может быть использована как одна из лексикографических техник.

Примечания

1. *Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000. С. 3–10.

2. *Толстой Н. И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 34.

3. *Барт Р.* Лингвистика текста // Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики. М., 2001. С. 170. В обобщенном виде семиотический подход можно представить формулой: весь окружающий мир — некое единство разноразмерных текстов. М.Б. Храпченко называет такое расширение объема понятия, когда любой знак именуется текстом, «дурной бесконечностью» (*Храпченко М. Б.* Текст и его свойства // *Вопр. языкознания.* 1985. №2. С. 6). Однако некоторые методологические основы семиотического подхода к определению текста стали востребованными современной лингвокультурологией, этно-, социолингвистикой и рядом других смежных с лингвистикой областей научного знания, непосредственно связанных с исследованиями текста, соединяющего пространство языка и культуры.

4. *Толстой Н. И.* Указ. соч. С. 15–16.

5. См. об этом: *Гаспаров Б. М.* Язык. Память. Образ: Лингвистика языкового существования. М., 1996.

6. *Коновалова Н. И.* Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург, 2000. С. 24.

7. Применительно к таким «симулякрам», как демонологемы, понятие «денотативный» компонент значения применяется условно, поскольку объектом номинации является виртуальная реальность.

8. *Капица Ф. С.* Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы: Справочник. М., 2003. С. 97.

9. *Березович Е. Л.* Указ. соч. С. 232–233.

10. *Реферовская Е. А.* Лингвистическое исследование структуры текста. Л., 1983. С. 7.

11. *Коновалова И. И.* Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург, 2000. С. 22.

12. Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1983. С. 125.

13. Славянские древности: Этнолингв. словарь / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 104–105.

© **О. И. Коурова**

г. Шадринск

Издание «Словаря традиционно-поэтической лексики и фразеологии пушкинской эпохи» как способ сохранения лингвокультурной ценности

Исследование проблем взаимодействия языка и культуры в последнее десятилетие заметно актуализировалось, что обусловлено переходом современной лингвистики к антропологической парадигме. На сегодняшний день в рамках лингвистического антропоцентризма получили дальнейшее развитие этнолингвистика, социоллингвистика, лингвострановедение, лингвофольклористика, психоллингвистика и др., возникли новые дисциплины: когнитивная лингвистика и лингвокультурология. Ведется поиск культурных ценностей, а также «способов, которыми язык воплощает в своих единицах, хранит и трансформирует культуру» [1].

Изучение вопросов взаимодействия культуры и языка имеет выход на аксиологию — философское учение о ценностях. Ценность в философии определяется как «отношение между представлением субъекта о том, каким должен быть оцениваемый объект, и самим объектом» [2].

Как междисциплинарное понятие ценность выражает положительную или отрицательную значимость объектов окружающего мира для человека, класса, группы, общества в целом; она определяется не их свойствами, а их вовлеченностью в сферу человеческой жизни [3].

В настоящее время к понятию «ценность» обращаются не только философы, но и представители других наук, в том числе лингвисты. Например, при Волгоградском государственном педагогическом университете создана научно-исследовательская лаборатория

под названием «Аксиологическая лингвистика», объектом изучения которой является воплощение ценностей в языковом сознании и коммуникативном поведении.

Активизация исследования лексико-фразеологических систем, несущих культурно значимую информацию, по нашему мнению, требует введения в языкознание термина «лингвокультурная ценность» и его научного обоснования. Предлагаем следующее определение. Лингвокультурная ценность — это языковая система, отличающаяся устойчивостью, культурной коннотацией, соответствием нормам определенной эпохи, представляющая жизненно важные понятия той или иной нации или народности. В качестве критериев, определяющих ту или иную языковую систему как лингвокультурную ценность, мы предлагаем: соотносимость с культурно значимой сферой; наличие культурной коннотации; представление в языковом материале общечеловеческих, жизненно важных понятий; соответствие нормам определенной эпохи; устойчивость, реализуемую в регулярной воспроизводимости и коллективной культурной памяти.

Каждая историческая эпоха, художественное направление и соответствующая картина мира могут характеризоваться специфическим набором и иерархией ценностей.

К лингвокультурным ценностям мы относим традиционно-поэтическую лексику и фразеологию, которой называем устойчивый набор слов и выражений с окраской лиричности, регулярно воспроизводимый преимущественно в средних жанрах сентиментальной и романтической литературы конца XVIII — первой трети XIX в., например: *богиня красоты, возжечься, вспылать, время золотое, гореть любовью, дневное светило, жар сердца, зефир, младость, сойти на берег Ахерона, странник земной*.

Традиционно-поэтическая лексика и фразеология на сегодняшний день остается малоисследованной проблемой. Статус ее ограничен наличием лексикографической пометы (трад.-поэт.) в Словаре русского языка в 4 т. (1985–1988), Большом толковом словаре под ред. С. А. Кузнецова (1998) и Фразеологическом словаре русского языка, составителем которого являются А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов и Л. А. Ломова (2003). По показаниям этих словарей традиционно-поэтическая лексика и фразеология — «это осколки ушедшей в прошлое стилистической системы» [4]. Действительно, помету *трад.-поэт.* в вышеназванных словарях имеют 128 слов и один фразеологизм (*река забвения*). В справочной лингвистической литературе фактически отсутствует определение традиционно-поэтической лексики и фразеологии. Если же это понятие вводится, как правило, оно отождествляется с термином «поэтическое». Недостаточно дифференци-

рованы понятия «традиционно-поэтическое» и «высокое». По нашему мнению, в пределах поэтической лексики и фразеологии следует различать народно-поэтические, высокие и традиционно-поэтические слова и обороты в связи с выражением указанными парадигмами менталитета разных эпох и различного способа восприятия мира. Опыт составления поэтических словарей, где представлены метафоры, сравнения, символы и другие художественные средства, весьма широк, например: Словарь эпитетов (Горбачевич и Хабло, 1979), Материалы к словарю метафор (Кожевникова и Петрова, 2000), Словарь сравнений русского языка (Мокиенко, 2003), Словарь символов (Огольцев, 1994), Словарь поэтических образов (Павлович, 1999), Словарь языка поэзии. Образный арсенал русской лирики конца XVIII — начала XX века (Иванова, 2004) и др. Словарей, же, представляющих поэтический язык в качестве стилистических сигналов, нами не обнаружено.

На сегодняшний день актуальна проблема сохранения лингвокультурных ценностей. Термин «экология», введенный во второй половине XIX в., имеющий значение: 'наука об отношениях растительных и животных организмов и образуемых ими сообществ между собой и с окружающей средой', — в настоящее время все чаще выступает в значении 'защита', например: «экология культуры», «экология языка»; ведется разработка новой дисциплины под названием «эколингвистика».

В. Д. Девкин, З. К. Тарланов, Л. Л. Шестакова и другие лингвисты отмечают важность издания поэтических словарей, в частности языка поэзии определенного периода и направления. По мнению З. К. Тарланова [5], лингвистика должна искать ответы на разные вопросы, в том числе: «Как соотносятся между собой... «стили эпохи»...эстетические представления, каковы каноны эпохи и стили языка, их состав и структура». «Одна из назревших задач в этой области — это создание исторических словарей по поэтике».

Оценивая традиционно-поэтическую лексику и фразеологию как уникальную лингвокультурную ценность и видя противоречия и недостатки в ее исследовании, к 200-летию юбилею А. С. Пушкина мы подготовили и в 2001 г. издали словарь, в который вошло около 1400 единиц. При выявлении состава были использованы следующие критерии: рекомендованность определенной лексики и фразеологии в качестве поэтических средств, наличие прямых или косвенных лексикографических помет, регулярная воспроизводимость, отзывы критики. Методом сплошной выборки из поэтических произведений преимущественно средних жанров (элегий, посланий, романсов, лирических стихотворений) более чем 40 поэтов конца XVIII — первой трети XIX в. был произведен отбор наиболее частотных

слов и фразеологизмов с окраской лиричности, рекомендованных словарями и риториками в качестве средств поэзии.

Традиционно-поэтическую лексику и фразологию мы рассматриваем как лингвокультурную ценность в связи с тем, что она представляет устойчивый набор лирических средств поэзии конца XVIII — первой трети XIX в.; обладает разнообразием коннотации, включающей культурный, стилевой, эмоционально-экспрессивный, образный компоненты; реализуется в моделях культурных концептов: *жизнь, смерть, любовь, творчество, природа*, которые представляют романтический фрагмент языковой картины мира; является совокупностью тропов и фигур речи периода перехода к этапу художественной модальности в исторической поэтике; представляет сложность становления норм литературного и художественного словоупотребления.

В. В. Колесов [6] отмечает, что задачей исторической стилистики является «исследование возникновения коннотаций как неслучайных “со-значений”». Коннотация есть способ хранения культурной информации.

Особенностью коннотации традиционно-поэтической лексики и фразологии является включение культурного, стилового, образного, эмоционально-экспрессивного компонентов.

Культурный компонент коннотации соотносится с особенностями мировосприятия, «служит звеном, соединяющим в единую цепь «тело знака»... с одной стороны, а с другой — концепты, стереотипы, эталоны, символы, мифологемы и т. п., знаки национальной и шире — общечеловеческой культуры, освоенной народом — носителем языка» [7].

Культура конца XVIII — первой трети XIX в. напрямую связана с такими художественными направлениями, как сентиментализм и романтизм. Язык лирических произведений сентиментального и романтического содержания явился отражением улучшенного, украшенного восприятия поэтами мира, так как страстная жажда совершенства — одна из важных особенностей романтического мирозерцания. В соответствии с главными темами романтизма традиционно-поэтическая лексика и фразеология, как показало исследование, реализуется в таких культурных концептах, как *жизнь, смерть, любовь, творчество, природа*.

Приведем примеры, связанные с концептом *жизнь*.

Концепт *жизнь*, будучи концентрацией духовного мира поэтов пушкинской эпохи, реализуется в следующих фрагментах: «Жизненное бытие», «Человек в его земном бытии», «Периоды человеческой жизни», «Мир земной». **Жизненное бытие** представлено следующими моделями: жизнь как **предопределение**: *судьба, судьбина, рок,*

удел жребий; Фортуна, колесо Фортуны; жизнь как **ограниченный во времени промежуток**: дар случайный, миг, миг унылый, круг, круг дней, круг жизни, круг земной, нить жизни, Парка, предел, предел земной, сон жизни, сон минутный; жизнь как **странствие**: дорога, дорога бытия, дорога земная, дорога жизни, путь, путь жизненный, путь жизни, путь земной, путь тернистый, путь терновый, стезя, стезя жизненная, стезя жизни, странствие, странствие земное, тропа; блуждать в море суеты, блуждать в пучине волн земная бытия, бродить в сей жизни, идти, идти тропинкою своей, свершать путь жизни; жизнь как **пространство бытия**: долина жизненная, долина жизни, море, море жизненное, море жизни, океан, поле жизни, поле жизненное, пустыня бытия, пустыня жизненная, пустыня мира, пустыня тернистая, степь бытия, степь мирская; жизнь как **течение**: дни льются, дни текут, годы льются, годы текут, жизнь льется, жизнь течет, поток дней, ток жизни, ручей дней, река времен, река житейская; жизнь как **свет**: свет земной, свет подлунный, светильник, светильник дней, пламенник жизни, факел дней; жизнь как **радость, пиршество, наслаждение**: пир жизненный, пир земной, пир Вакха, пир Вакхов, кубок, чаша жизни, сладость жизни, розы; вкушать земной рай, вкушать радость, вкушать сладость бытия, вкушать сладость жизни, играть жизнью, испить фиал утех, пить радость, пить радость полной чашей, упиться отрадой юных дней. Жизнь в наслаждении недолговечна, поэтому нередко в стихах поэтов пушкинского круга звучит мотив ее предельности: «Жизнью дай лишь насладиться; **Полной чашей радость пить**: Ах, недолго веселиться И не веки в счастье жить!» (А. А. Дельвиг); нередко наблюдается обращение к противоположной модели: жизнь это **невзгоды, печаль, страдания**: бури жизни, бури рока, буря роковая, бури судьбы, отравы бытия, обитель сует, узы бременные, узы жизни, хлад бытия, холод жизни; блуждать в море суеты, влачить век, влачить дни, влачить жизнь, пить из чаши бытия.

Центральная зона концептуального поля жизнь репрезентируется, главным образом, с помощью пространственного кода (поле, степь, дорога, тропа, море, океан) и временного (миг, нить, сон, предел). Аксиональный код: жизнь — это свет, пир, праздник, а также — буря, узы, отравы, холод.

Духовным мы называем код, связанный с такими культурно значимыми сферами, как религия, мифология, литература, а также с внутренним, нравственным миром человека. Обратимся к примерам. Как показывает анализ, репрезентация жизни связана с античными мифологическими представлениями о Парке, одной из трех богинь судьбы, которые начинали прясть при рождении человека нить жизни и

впоследствии перерезали ее: «*И покамест **жизни нить** Старой **Паркой** там **прядется**, Пусть владеет мною он! Веселиться — мой закон*» (А. С. Пушкин); о *Фортуне* — богине судьбы, счастья, удачи, которая стояла на колеснице с повязкой на глазах и с рогом изобилия в руках: «*Поэтов хвалят все, питают — лишь журналы; Катится мимо их **Фортуны колесо***» (А. С. Пушкин), о *Вакхе* — божестве вина и веселья: «*О братья! О друзья! Где наш священный круг? Где песни пламенны и музам, и свободе? Где **Вакховы пиры** при шуме зимних вьюг...*» (В. А. Жуковский). Восприятие жизни как испытание чаши имеет связь с библейским выражением: *испить (выпить) чашу до дна*, имеющем значение 'перенести до конца трудности, невзгоды, страдания жизни': «***Испив** безвременно всю **чашу** испытаний, ...Усталый труженик, спешу к родной стране*» (Е. А. Баратынский).

Моделями концептуализации фрагмента «**Периоды человеческой жизни**» являются: юность: *весна, весна дней, весна златая, весна золотая, время златое, время золотое, век златой, век молодой, года весны, года златые, годы весенни, годы молодые, дни весны, дни златые, дни молодые, дни юные, заря весны, заря дней, заря лет, заря жизни, заря юности, златые дни моей весны, лета юные, лета златые, лета резвые, лета нежные, лета молодые, младость, праздник жизни, рассвет жизни, розы юности, утро, утро дней, утро лет, утро золотое, цвет жизни, цвет юности; ссередина жизни: полдень, поворот дней, лето; старость: вечер, года седые, дни поздние, закат, закат дней, закат печальный, зима жизни, осень дней, осень лет, лета оклажденные, зима жизни, час поздний, увядание; вянуть, цвет жизни вянет, увядать, отцветать, гаснуть, пламень гаснет*. Временность жизни в представленных моделях репрезентируется поэтическими образами, связанными: с временами года: *весна, лето, осень, зима*; с течением дня: *утро, полдень, вечер*; с природными явлениями: *расцветать, увядать; рассвет, заря, закат*. Таким образом, ведущими культурными кодами этого фрагмента являются временные (*весна, лето, зима, осень; утро, полдень, вечер*), биоморфные (*цвет, расцветать, увядать*), природные (*рассвет, заря, закат*).

Аксиональный код: печальные размышления о временности земной жизни. Поэты-романтики в своих стихах постоянно подчеркивали бренность своего существования, временность пребывания на Земле.

Периферийная зона представлена фрагментами: «Человек в его земном бытии» и «Мир земной».

Фрагмент «**Человек в его земном бытии**» реализуется двумя моделями: гость, посетитель Земли: *гость земной, гость минутный, гость*

мира, гость на жизненном пиру, гость на земном пиру, посетитель Земли, посетитель мира; путник, странник: *путник, странник, странник жизни, странник земной, странник минутный, странник мира*. Представленные модели вновь выделяют такую особенность жизни человеческой, как бренность, временность пребывания на жизненном пути, и образом человека в земной жизни является *гость, посетитель, странник*, часто определяемый поэтами как *минутный*, т. е. недолгий.

Фрагмент «**Мир земной**» — это *брег жизни, брег земной, край земной, земля бренная, мир дольний, мир житейский, мир земной, мир печальный, мир подлунный, мир роковой, мир юдовый*. Культурные коды этого фрагмента — пространственный: *мир, земля, брег, край*; временный: *бренный, роковой*; аксиональный: *печальный, юдовый*. Духовный код связан с христианским представлением о земном мире и о жизни в целом как о временном, полном страданий пребывании человека на Земле перед его уходом в иной, лучший и вечный мир: «*Смотрю я с земли рубежа в сторону **лучшей** жизни*» (В. А. Жуковский), «*Уж дольний мир уходит от очей, Пред **вечным** днем я опускаю вежды*» (Е. А. Баратынский).

Итак, жизнь человеческая в этом мире, по представлениям романтиков, противоречива: она печальна, но светла, она — время расцвета и увядания, она — ожидание лучшего в мире ином.

Стилевой компонент указывает на традицию употребления соответствующей лексики и фразологии в одной из важных культурных сфер — поэзии. Язык лирической поэзии конца XVIII — первой трети XIX в. — периода развития сентиментализма и романтизма — имел устойчивый набор регулярно воспроизводимых лексико-фразеологических единиц и представлял особый стиль, именуемый лингвистами «поэтическим», «украшенным», «элегическим», «фигуральным».

Образный компонент коннотации связан с тем, что традиционно-поэтическая лексика и фразология — это языковые единицы, выступающие, как правило, в виде тропов и фигур речи: **метафор**, например, *вянуть и гаснуть* — ‘слабеть, терять силы’, *гость* — ‘о человеке в его земном бытии’, *гроза и буря* — ‘жизненные невзгоды, испытания’, *дорога* — ‘жизненный путь’; **эпитетов**, например, *божественная любовь, волшебная грусть, жаркое волненье, лилейное чело, небесные черты, голос нежный, пламенное сердце, прелестный глас, тихие мечты*; **сравнений**, например, «*невинна, как агнец*», «*прекрасна, как ангел*», «*нежна, как горлица*», «*глаза, как небо, голубые*», «*уста, как розы*»; **символов**, например, любви и красоты: *Венера (Киприда, Кифера, Афродита, Цитерея), Эрот (Амур, Купидон), Лель*, поэтического вдохновения: *Камена, Кастальский Ключ, Пегас, Пинд, Пизриды*; **перифраз**: *баловень Венеры, гореть огнем любви, дни весны*,

петь любовь, утро дней; оксюморонов: сладостная грусть, горькое наслаждение, трава сладкая, милые мученья, сердца сладостные муки, сладость слез, волшебный яд желаний и др.

Эмоционально-экспрессивный компонент коннотации традиционно-поэтической лексики и фразеологии реализуется через положительно-оценочную окраску и экспрессию «сладостности, нежности, пластичности, музыкальности» [8], т. е. лиричности. Например: *агнец* — ‘о кротком, безропотном человеке’, *амврозия* — ‘аромат, приятный запах’, *ангел мой* — ‘ласковое обращение к любимой’, *Аркадия* — ‘символ идиллической счастливой жизни’, *восторги сладострастия* — ‘чувственные наслаждения’, *время золотое, года весны* — ‘юность’, *расцвести душой* — ‘стать радостным, оживленным’, *царицы Геликона* — ‘музы’ и др.

Традиционно-поэтическая лексика и фразеология отличалась регулярной воспроизводимостью, что в свое время явилось одной из причин наименования ее «поэтическими штампами», «трафаретами», «формулами», «общими местами». Однако А. Васьбицкая [9] замечает, что показателем специфических черт различных культур является частота употребления; называя подобные языковые единицы ключевыми словами, она соотносит их с ведущими ценностями культуры: «Они могут привести нас в сердцевину целого комплекса культурных ценностей... раскрывающих целую сеть культурно-специфичных, “культурно-обусловленных” сценариев».

Для нашего материала весьма значимо высказывание О. И. Титковой: «Исследования... в диахронии... перспективны, знания о том, что было актуально в прошлом, есть механизм формирования культурных ценностей» [10].

В состав базовых понятий лингвокультурологии современные ученые включают понятие ‘ментальность’ в значении ‘интеллектуальный мир человека, манера чувствовать и воспринимать его’.

Психологическим инструментарием для выражения ментальности эпохи конца XVIII — первой трети XIX в. явилась традиционно-поэтическая лексика и фразеология, представляющая через концепты: *жизнь, смерть, любовь, творчество, природа* — мир противоречивый, но наполненный романтическими устремлениями к красоте и гармонии.

Итак, издание «Словаря традиционно-поэтической лексики и фразеологии пушкинской эпохи» есть один из важных способов сохранения лингвокультурной ценности.

Примечания

1. Опарина Е. О. Лингвокультурология: Методологические основания и базовые понятия // Язык и культура: Сб. обзоров. М., 1999. Вып. 2. С. 30.

2. *Ивин А. А.* Ценность // *Философия: Энцикл. словарь.* М., 2004. С. 968.
3. *Леонтьев Д. И.* Ценность как междисциплинарное понятие // *Вопр. философии.* 1996. № 4.
4. *Панфилов А. К.* Лекции по стилистике русского языка. М., 1972. С. 72.
5. *Тарланов З. К.* О предмете и задачах исторической стилистики // *Историческая стилистика русского языка.* Петрозаводск, 1990. С. 5, 14.
6. *Колесов В. В.* Общие понятия исторической стилистики // *Историческая стилистика русского языка.* Петрозаводск, 1990. С. 17.
7. *Телия В. Н.* Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспект. М., 1996. С. 215.
8. *Винокур Г. О.* О языке художественной литературы. М., 1991. С. 241.
9. *Вежицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. М., 2001. С. 38.
10. *Гуткова О. И.* О перспективах лингвистического исследования рекуррентных единиц лексикона // *Филол. науки.* 2003. № 2. С. 85.

© М. Л. Кусова
УрГПУ, г. Екатеринбург

Об изменениях в составе фразеологических единиц, характеризующих деятельность человека

Характерной частью номинативного состава языка являются фразеологические единицы, которым, как и слову, присуща номинативная функция. Однако указывая на близость слова и фразеологической единицы, исследователи подчеркивают отсутствие тождества у данных единиц, отмечая, что денотатами фразеологических единиц в системе языка служат социально закрепленные, типизированные представления об определенных явлениях [1], что фразеологизмы охватывают сферу переживаний и чувств, гамму оценок и квалификаций [2].

В. Н. Телия подчеркивает, что фразеологизмы «не столько называют обозначаемое, сколько характеризуют его», что номинативная функция фразеологизмов связана не столько с обозначением явлений реальной действительности, сколько с приписыванием признака обозначаемому, значение идиом прагматически нагружено оценочной и объективной модальностью [3].

В этом плане представляется небезынтесным описание фразеологических единиц, связанных с отражением социального пространства, в том числе и современного. При обозначении пространства фразеологическими единицами значимо указание на беспорядок, на отсутствие порядка: *мамаево побоище, Мамай прошел, пыль столбом, содом и гоморра, вавилонское столпотворение, пыль коромыслом.*

Заметим, что представленные фразеологизмы несколько противоречат языковому закону экономии усилий: представленные единицы синонимичны, являются дублетами лексической единицы «беспорядок», различие внутри парадигмы связано со сферой употребления и

степенью интенсивности проявления признака: *дым коромыслом* (беспорядок), *как Мамай прошел* (полнейший беспорядок), *содом и гомора* (крайний беспорядок).

Выделяются также фразеологические единицы, связанные с процессуальной характеристикой беспорядка: *авгиевы конюшни* (то, что находится в беспорядке), *перевертывать вверх дном* (приводить в беспорядок).

Как и лексический состав языка, фразеологический состав динамичен, регулярно пополняется, характер этого пополнения находит отражение в том числе в материалах СМИ, что обусловлено спецификой публицистики. Л. М. Майданова отмечает, что публицистике присуще использование единиц, различных по стилистической принадлежности, что, с одной стороны, в публицистические тексты включается книжная лексика, в том числе книжная эмоционально-оценочная, с другой стороны, в публицистических статьях широко используется ориентация на разговорный стиль. Для публицистических текстов характерно использование присмов комического, например, пародирование известных текстов [4]. Указанная специфика публицистики позволяет утверждать, что в произведениях этого жанра находят отражение новые фразеологические единицы, тем более что для публицистики, очевидно, нередко значимо наличие у фразеологических единиц первичного денотата, позволяющего ярче определить некоторые логические связи, коннотативного компонента значения, связанного с репрезентацией эмоционального или оценочного отношения.

Говоря о фразеологических единицах, связанных с обозначением пространства, следует заметить, что в современной публицистике выделяется ряд фразеологических единиц, семантику которых можно определить как *конкретизация пространства, очерчивание пространственных границ*: *политическая поляна* (зона действия олигархов), *российская почва, на российской ниве, единое экономическое пространство, срез страны* (о студенческом конкурсе и его победителях) и т. д.

Следует заметить, что вопреки ранее сказанному о том, что фразеологические единицы являются средством оформления коннотации, данные фразеологические единицы нейтральны. Фразеологизация единиц в современной публицистике достаточно регулярно соотносится именно с конкретизацией пространства, даже если фразеологическая единица и не имеет пространственного значения, а связана с номинацией и оценкой конкретного лица, например: *лондонский сиделец* (о Б. Берзовском).

Приведенный пример позволяет обратить внимание на тенденцию, которая наблюдается при анализе фразеологических единиц в современной публицистике: их сознательно увеличенную денотативную и сигни-

фикативную соотнесенность. Кроме связи с первичным денотатом, подобные фразеологизмы содержат намек на литературный контекст и контекст исторический, благодаря чему субъективная модальность в них превалирует над объективной, вызывая иронию, поскольку «конспирировать» подобным образом известную политическую фигуру нет никакой необходимости. В современной публицистике при трансформации фразеологизмов регулярно наблюдается использование аллюзии.

Поскольку важнейшими категориями языка являются категории пространства и времени, и именно пространство и время — параметрические характеристики деятельности, остановимся на обозначении времени фразеологическими единицами. В отличие от конкретизируемого пространства, временные признаки чаще определяются фразеологическими единицами расплывчато, очень неопределенно: *морковкино заговенье* (неопределенно отдаленное время, которое никогда не наступит), *в редкость* (нечасто, изредка), *конца краю не видно* (бесконечно долго длится).

Обращение к временным координатам может быть связано с алогизмами: *без году неделя* (совсем немного времени, совсем недавно), с отсутствующими в действительности реалиями, т. е. данные единицы могут иметь нулевой денотат, как, например, *морковкино заговенье*.

Среди фразеологических единиц выделяются также такие, которые одновременно могут быть использованы для обозначения как локальных, так темпоральных признаков: *без конца* (бесконечно).

И хотя приводимые нами примеры из современной публицистики не являются результатом большой выборки, тем не менее в наших материалах очень редко встречались трансформированные либо новые фразеологические единицы, связанные с обозначением времени, хотя для понимания некоторых фразеологических единиц значимы ассоциативные связи с прошлым: *«красный» директор*.

Примечательно, что новые фразеологические единицы с временным значением в качестве адресата предполагают человека с определенным культурным уровнем, способным соотнести первичный денотат со значением фразеологизма, понять фразеологизм в широком литературном и историческом контексте: *розовое детство демократии* (о начале существования РФ как суверенного государства), *оранжевая революция* (о президентских выборах на Украине), *оранжевая чума* (о повторении аналогичной ситуации в странах Ближнего Зарубежья и возможности повторения в некоторых субъектах РФ).

Налицо и динамика оценки при трансформации фразеологической единицы. В фразеологизме «оранжевая революция» оценочность явно не выражена, тогда как предельно категорично выражена в единице «оранжевая чума». Можно также предполагать, что в со-

временной фразеологии появляется новая тенденция, когда фразеологические единицы соотносятся с устойчивыми конструкциями времен социализма, но при этом их значение трансформируется: изменение значения происходит не в силу изменения лексического наполнения фразеологизма, а в силу изменения его коннотации.

При анализе фразеологических единиц выявляется большая группа со значением «деятельность человека». Ю. А. Гвоздарев, описывая процесс образования фразеологических единиц на базе переменных свободных словосочетаний, выделяет словосочетания, связанные с различными видами профессиональной деятельности человека, с поведением животных, с бытом человека [5]. Фразеологизмы группы «деятельность человека» соотношены со всеми видами указанных словосочетаний: *держат нос по ветру* (первичный денотат связан с поведением животного), *ждать у моря погоды* (первичный денотат соотносится с профессиональной деятельностью человека, рыболовством, мореплаванием), *связывать по рукам и ногам* (первичный денотат связан с бытовой деятельностью человека).

Фразеологические единицы со значением «деятельность» могут быть распределены по двум парадигмам: действие — бездействие. Члены парадигмы «бездействие» либо указывают на отсутствие деятельности: *складывать руки* (переставать действовать), *хлопать глазами* (бездействовать), *отбиваться от дела* (перестать проявлять интерес к делу); либо на причины этого отсутствия, обусловленные отсутствием желания, способностей, сил, смелости, времени: *не идет на ум*, *опускать руки*, *падать духом*, *руки опускаются*, *все до лампочки*.

При этом особую позицию занимают фразеологические единицы, обозначающие бездействие, тогда как их первичный денотат связан с обозначением деятельности, некоего подобия труда: *считать ворон*, *ловить ворон*, *небо коптить*, *плевать в потолок*, *лодыря гонять*, *бить баклуши*, *валять дурака*, *переливать из пустого в порожнее*, *гранить мостовую*, *слоны гонять*, *лощить бульвары*.

Последний ряд, очевидно, отражает особенности национальной картины мира, когда легче признаться в никому не нужной деятельности, бессмысленной и бесполезной, чем в отсутствии таковой. Кстати, единицы с подобной семантикой широко представлены и в «Словаре диалектной личности» В. Д. Лютиковой: *гонять ямщину*, *баклуши околачивать*, *коровам хвосты крутить*, *мерить клюкой* и т. п. Ю. Н. Караулов отмечает, что «завершенная, однозначно воспринимаемая картина мира возможна лишь на основе установления иерархии смыслов и ценностей для отдельной языковой личности» [6], следовательно, обращение к словарю отдельной личнос-

ти может рассматриваться как дополнительный весомый аргумент в пользу утверждения, что для носителя русского языка важно увидеть деятельность, а не бездействие.

Наличие подобных фразеологических единиц говорит также об избирательности фразеологических значений по отношению к отражаемым в сознании признакам обозначаемых явлений, об интерпретационном характере фразеологических единиц. В фразеологических единицах, обозначающих подобие трудовой деятельности, появляется избыточность значения, порождаемая двуденотативностью. Занятие «собак гонять» не может восприниматься как социально значимый вид деятельности, это деятельность, равная отсутствию ее. Заметим, что причины отсутствия деятельности последовательно связаны с человеком, удельный вес объективных причин «внесловесного» происхождения гораздо ниже.

В парадигме «деятельность» фразеологические единицы связаны с различными параметрами характеристики деятельности, с определением результата деятельности, не всегда положительного: *перевертывать вверх ногами* (сделать совершенно иным, не таким, как было), *бросать на полпути* (не доведя до конца), *забегать вперед* (сделать что-л., не соблюдая последовательность). Фразеологизмы определяют содержание деятельности: *размениваться на мелкую монету* (заниматься не главным, не основным, а несущественным), возможности осуществления деятельности: *не разгонишься* (многого не сделаешь), *недалеко уйти* (не добиться больших успехов, не достичь значительных результатов).

На основании материалов «Фразеологического словаря русского языка» и словаря Р. И. Яранцева «Русская фразеология» выделяются фразеологизмы, обозначающие трудовую деятельность, интеллектуальную деятельность, речевую деятельность.

При определении трудовой деятельности фразеологизмы могут указывать на отношение к трудовой деятельности, наличие определенных умений: *валить через пень колоду* (сделать неповоротливо, нелепо), *брат голыми руками* (овладеть без особого труда); на особенности протекания этого процесса: *выжимать пот* (изнурять непосильной работой).

Значимо, что при обозначении трудовой деятельности как одного из видов деятельности человека сохраняется семантическая модель, заложенная при характеристике деятельности в целом: семантические различия при обозначении трудовой деятельности связаны либо с ее наличием, либо с ее отсутствием. При обозначении трудовой деятельности не определяются временные, пространствен-

ные параметры, хотя очевидно, что трудовая деятельность как всякий вид деятельности осуществляется во времени и пространстве, не определяется инструментом, необходимый для осуществления трудовой деятельности. Подобные фразеологизмы не были обнаружены и в словаре диалектной личности.

Фразеологические единицы со значением «речевая деятельность» также объединяются в две парадигмы: отсутствие речевой деятельности и наличие речевой деятельности. Отсутствие речевой деятельности соотносимо с лексической номинацией «молчать»: *держат язык на привязи — молчать, не болтать, не говорить лишнего.*

Причем отсутствие речевой деятельности фразеологизмы определяют более дифференцированно, чем лексические единицы. Отсутствие объясняется воздействием: *замазывать рот*, отсутствием предмета речи: *вот и весь сказ*, неуместностью высказывания в данной ситуации, в данный момент времени: *не к ночи будь сказано, под руку говорить.*

Говоря о значении идиом, В. Н. Телия замечает, что идиомы представляют собой «свертки» таких речевых актов, как одобрение, порицание, неодобрение, порицание, осуждение и т. п. [7]. Р. И. Яранцев выделяет также семантическую группу фразеологизмов «болтливость», включающую 14 единиц, например: *длинный язык, язык без костей, чесать языком* и т. д.

Заметим, что большинству фразеологических единиц, связанных с обозначением речевой деятельности, присуща отрицательная коннотация, что, с нашей точки зрения, отражает национально-культурную семантику, когда предпочтение отдается не разговору, а делу.

В семантической группе «интеллектуальная деятельность» также значимы наличие — отсутствие деятельности, интеллектуальной воздействия и интеллектуальное действие. Отсутствие интеллектуальной деятельности определяется отсутствием способности соображать: *лишиться ума, потерять рассудок, голова пухнет, закружилось в голове, голова идет кругом.*

Характеристика интеллектуальной деятельности может быть связана с ее неполнотой, отсутствием / наличием логических оснований, сомнений, понимания, способности правильно воспринимать и оценивать явления действительности: *как свинья в апельсинах, само собой разумеется, на кривой не объедешь, раскрывать карты, смотреть сквозь пальцы.*

Со всеми выделенными семантическими группами фразеологических единиц соотносятся фразеологизмы «результат деятельности». Интегральным признаком в данных фразеологизмах является

отсутствие / наличие результата, отсутствие / наличие неудачи: *почить на лаврах, дело в шляпе, остаться ни с чем, с пустыми руками, бить мимо цели*.

Приведенный ряд не является конечным (в словаре Р. И. Яранцева предлагается 22 фразеологические единицы для обозначения удачи / неудачи, и этот список не является полным), но и данного фрагмента достаточно, чтобы говорить о значимости этого явления для носителей языка.

Описанные ранее фразеологизмы, как уже отмечалось, выделены нами на материале словарей, тогда как обращение к современной публицистике позволяет выделить новые семантические группы фразеологических единиц: это фразеологизмы, связанные с обозначением политической и финансово-экономической деятельности. Появление данных групп фразеологизмов объясняется экстралингвистическим фактором. По нашим наблюдениям, в фразеологизмах, обозначающих финансово-экономическую деятельность, доминирует отрицательная коннотация, в большинстве своем они стилистически снижены: *грязные деньги, деньги крутятся, деньги отмываются, отмываемые деньги, черный нал, выброс денежной массы, страна на крючке* (названия статьи о западных производителях продуктов питания и бытовой техники), *рутинная экономическая плоскость*; хотя могут быть и нейтральными по отношению к оценочной модальности: *мелкий (средний) бизнес, жилищно-коммунальный тоннель (забрезжил свет в жилищно-коммунальном тоннеле)*.

В качестве первичного денотата носители русского языка при оценке экономической ситуации апеллируют к денежной массе, экономическая деятельность, ее результаты измеряются той единицей, что принято называть наличными, т. е., очевидно, ситуация «деньги в чулке» еще сохраняется в сознании русского человека. В качестве дополнительного аргумента к сказанному можно привести еще одну фразеологическую единицу, доказывающую, что рост благосостояния в нашей стране напрямую связывается с количеством денег, при этом не учитывается, например, степень доступности каких-либо жизненно важных услуг: *вырастает пенсия*.

Цивилизованное развитие экономики ведет к возрастанию удельного веса такой составляющей деятельности предприятий, как налоговая. Однако для российской экономики уплата налогов не всегда является нормой, что отражено в появлении таких фразеологизмов, как *налоговая горячка, громкие аресты* (аресты олигархов из-за неуплаты налогов).

Полагаем, первичный денотат фразеологизма «налоговая горячка» как раз акцентирует внимание на несоблюдении нормы в этой

сфере экономической деятельности, когда уплата налогов подобна болезни, к тому же связанной с отклонениями в психике.

В фразеологизмах, обозначающих политическую деятельность, нередко не утрачивает актуальности первичный денотат, при их употреблении наблюдается элемент языковой игры, когда первичный и вторичный денотат воспринимаются одновременно: *публичный политик, пятна на репутации (питерской) власти* (ср. пятна на солнце), *чистые люди (нужно прийти к власти с чистой программой и чистыми людьми), под ковром, слететь с поста*.

Последний фразеологизм употребляется только по отношению к кругу должностных обязанностей, связанных с государством.

Негативная оценка политической деятельности может определяться и осознаваемой говорящим двуплановостью фразеологизмов, принадлежащих просторечию и употребляемых в политических статьях, где речь идет о государственной политике: *рвать на куски (губернаторов), высосать компромат из пальца*.

В связи с последним фразеологизмом отметим, что в публицистике идет оценка и самой публицистики. До сих пор актуальны такие параметры деятельности публицистов, как свобода слова: *глоток свежего воздуха* (о гласности), подчеркивается степень влияния публицистики на сознание адресата: *информационная бомба*.

Таким образом, обращение к семантическим группам фразеологических единиц, обозначающих деятельность человека, позволило увидеть, какие аспекты деятельности наиболее значимы для носителя языка, какие сферы деятельности не имели ранее собственных номинаций на уровне фразеологических единиц, а также выявить некоторые тенденции в возникновении новых фразеологических единиц.

Примечания

1. Мелерович А. М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка. Ярославль, 1979. С. 12.
2. Жуков В. И. Русская фразеология. М., 1986. С. 137.
3. Телия В. И. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М., 1996. С. 79, 152.
4. Культура русской речи: Энциклоп. словарь-справочник. М., 2003. С. 673–674.
5. Гвоздарев Ю. А. Основы русского фразообразования. Ростов н/Д., 1977. С. 76.
6. Караулов Ю. И. Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 137.
7. Телия В. И. Указ. соч. С. 152.

Отражение наивной анатомической карты человека во фразеологизмах тюркских языков Сибири, казахском и киргизском

В корпусе фразеологии любого языка важнейшее место занимают фразеологические единицы (далее ФЕ) с соматическими компонентами — названиями частей тела. Особенно часто соматические ФЕ встречаются при характеристике человека: при определении его характера, физического и эмоционального состояния, возраста и социального положения. Органы человеческого тела, их состояние в восприятии языковых коллективов служат мерилем моральных и физических качеств человека, репрезентируют его отношение с действительностью, с другими объектами. В составе соматических ФЕ актуализированы определенные значения соматизмов, обусловленные как реальными знаниями, так и «наивными» представлениями данных языковых коллективов о функциях и свойствах частей тела. У разных языковых коллективов эти представления и «логико-ассоциативные связи» [1] имеют существенные различия.

В данной статье представлена попытка проследить значения некоторых соматических компонентов в составе ФЕ, характеризующих человека, в тюркских языках двух ареалов — сибирского (языки Южной Сибири: алтайский, хакасский, тувинский) и среднесирийского (казахский и киргизский языки). В процессе своего развития в результате интенсивных контактов этносы каждого из данных ареалов выработали ряд общих черт, как в отношении языка, так и в отношении материальной и духовной культуры. В этногенезе киргизов присутствует сибирский компонент, что подтверждается и данными киргизского языка, который в отношении лексики и грамматики проявляет общность с языками Сибири.

В рассматриваемых языках в ФЕ, характеризующих человека, задействовано до 100 различных соматизмов, некоторые из них характеризуются особой активностью во фразеобразовательном отношении. Для разных семантических разрядов, т. е. тематических подгрупп ФЕ, с той или иной стороны характеризующих человека, типичен свой набор «активных» соматических компонентов. Обозначаемые ими части тела являются важными для «наивной» анатомической карты данных языковых коллективов. Они служат центрами физической, эмоциональной и интеллектуальной жизни человека. По особенностям употребления и определенному сходству семантики терминов, обозначающих эти важные центры, можно объединить их

в следующие группы: 1) термины с основным значением 'голова', 'тсмя', 'мозг'; 2) соматизмы, обозначающие область грудной клетки (св. внутреннюю полость); названия внутренних органов; 4) названия костей и их составляющих, хрящей, конечностей и их частей; термины, обозначающие такие части туловища, как спина, поясница, стан; 5) названия лица; 6) названия органов речи и некоторые др. Сферы назначения, функции частей тела названных групп — физическая (средоточие жизненной силы, средоточие физической и социальной силы), духовная, эмоциональная (средоточие эмоций, чувств, настроений) и интеллектуальная — могут быть выделены лишь с большей или меньшей степенью условности, не имеют четких границ и часто пересекаются. Если «русская языковая модель человека», по мнению А. Д. Шмелева [2], «определяется двумя противопоставлениями» — (1) идеального и материального (*духа и плоти*) и (2) интеллектуального и эмоционального (*ума и сердца*), — то в модели рассматриваемых нами тюркских языков таких противопоставлений не наблюдается; в ней отражено восприятие человека как целостной сущности [3]. Исключение составляет казахский язык, в котором отмечается парное употребление *жан-тән* 'душа-тело', 'весь целиком': *жан-тәнін сал* = (душу-тело=своей класть) 'делать какую-либо работу, отдавая все силы, себя целиком', *жан-тәнiмен сүй* = (душой-телом=своим любить) 'очень любить'. Здесь проявляется оппозиция души и тела, связанная с мусульманскими представлениями, что не характерно для Сибирского региона. Однако в остальных в казахских ФЕ отражены более архаичные элементы, сходные с теми, которые выявляются при анализе ФЕ тюркских языков Сибири. В ФЕ рассматриваемых языков выявляется 9 лексем, обозначающих «души». Они представляют собой обособленную и своеобразную группу. Русский термин «душа» не отражает сущности этих элементов, отражающих определенные формы бытия человека.

Представителем самого человека в казахских и киргизских ФЕ выступает термин *баш* ~ *бас* 'голова' с определением 'черный': каз. *қара басым* ~ кирг. *кара башым* (черная голова=моя) 'только я сам, я один'; каз. *Малың болса, қарағым, Қара басың хан болар* [4] 'Если у тебя будет скот, светик мой, Сам ты станешь ханом (букв.: черная голова=твоя ханом станет)'.

В киргизском, а также в тувинском и казахском языках встречаются ФЕ, в которых приписывание соматизму *баш* различных половозрастных или некоторых других характеристик определяет принадлежность человека к какому-либо полу, возрасту и др.: тув. *дарга баштыг кижи* (с головой начальника человек) 'любое должностное лицо', каз. *басы жас* (голова=его молодая) 'еще молодой (о

молодых парнях и девушках)'; кирг. *катын башын эр кылып, жеңекең салды чоң жаңжал* [5] 'Тетушка, как мужчина (букв.: тетушка, женскую голову=свою мужской сделав), учинила большое побоище'.

Выступая в качестве представителя самого человека, 'голова' ассоциируется также с его **волевым началом, с его самостоятельностью, независимостью**: кирг. *өз башы менен* (своей головой=своей) 'самостоятельно, по своей воле', каз. *басы бос* (голова=его свободная) 'свободный, независимый, ничем не связанный (общаним, женитьбой)', кирг. *башы байланган* (голова=его привязана) 'лишенный собственной воли (раб, пленный или просватанная девица)'. В алтайском, тувинском языках обнаруживаются ФЕ, имеющие, вероятно, монгольское происхождение: алт., тув. *баш билин*= (голову[=свою] знать) алт. '1) быть разнузданным, самовольничать; 2) стать самостоятельным', тув. 'быть самостоятельным хозяином своей судьбы', тув. *бажын бил*= (голову=его знать) 1) быть в силах справиться с кем-либо; 2) иметь власть над кем-либо, 3) 'распоряжаться кем-либо, чем-либо', ср. монг. *толгой мэдэх* (голову=его знать) 'распоряжаться кем-либо, лишать кого-либо самостоятельности, заставляя повиноваться себе, держать кого-либо в своей власти' [6].

В ФЕ всех рассматриваемых языков актуализируется значение **'голова как носитель жизни, здоровья, благополучия, основной жизненный центр'**: алт. *бажы эзенде*, хак. *пас изенде* (голова=его здорова=когда) 'пока жив и здоров', каз. *басы кет*= (голова=его уйти) 'умереть'. Отсюда употребление данного соматизма в казахских ФЕ с семантикой 'рисковать головой > рисковать своей жизнью' и 'думать только о себе, о своем благополучии': каз. *басын өлiмге байла*= (голову=свою к смерти привязать) 'рисковать своей жизнью', *бас амаын ойла*= (головы благополучие думать) 'думать только о своем благополучии'. В разных языках в ФЕ, построенных по модели «думать, заботиться о части своего тела > думать, заботиться только о себе», используются разные соматизмы, ассоциирующиеся с эгоистическим началом в человеке, заботой о своем благополучии, сытости — тув. *думчук* 'нос', тув., алт. *хырын* 'живот', алт. *ич* 'живот', кирг. *кекиртик* 'глотка'.

Видимо, со значением 'основной жизненный центр' связано значение этого термина **'верхняя часть тела, испытывающая на себе жизненные события (в основном внезапные невзгоды), которые выпадают на долю человека'**. Это значение развилось в казахском, киргизском, а также в турецком языках: каз. *басына бәле жау*= (на голову=его беда пролиться [как дождь]), *басына күн ту*= (на голову=его день настать) 'испытывать трудности, настать тяжелому времени для кого-либо', кирг. *башына зарыл иш түш*= (на

голову=его неотложное дело унасть) 'у кого-либо случиться неотложному делу', тур. *basına dert düs* = (на голову=его страдание унасть) 'попасть в беду'. В данных ФЕ используются глаголы *tüш*= ~ *düs* = 'падать', *ту*= 'настать (о дне)', 'всходить (о светилах)', каз. *жау*= 'идти (об осадках)'. Тем самым внезапные события уподобляются природным явлениям, а также изображаются ниспосланными сверху (ср. рус. *над головой сгустились тучи*).

В тюркских языках Сибири такое употребление соматизма *баш* нами не обнаружено, но встречаются ФЕ с этим компонентом, характеризующие **опытность** человека, его **закаленность в жизненных ситуациях**: алт. *бажы катканча* I (голова=его пока не затвердеет, т. е. пока не станет прочной, крепкой) 'пока опытным не станет', тув. *бажы каткан* (голова=его затвердела) 1) опытный, бывалый; 2) хитроумный, *бажы катпаан* (голова=его [еще] не затвердела) 'неопытный, еще молодой, зеленый'.

Во всех исследуемых тюркских языках отражено представление о связи **интеллектуальной жизни человека** с двумя областями — **областью головы** (голова, темя, мозг) и **грудной клеткой**. Органом мышления, с которым связана способность человека соображать, рассуждать, выступит голова: алт. *баш жок* (голова нет) 'глупый, несообразительный', тув. *бажы барбалан*= (голова=его кожаный мешок=стать) 1) очень долго искать; 2) ломать голову над чем-либо, каз. *басы қаңғыр*= (голова=его блуждать) 'утратить способность соображать от усталости, дум, множества дел, забот'. В синонимичном значении в ФЕ иногда выступит соматизм *мее* ~ *мээ* ~ *ми* 'мозг': каз. *басы [миы] қат*= (голова=его [мозг=его] затвердеть) 'устать до невозможности соображать', алт. *бажы катканча* II (голова=его не затвердела=пока) 'пока не устал', *меези каткан* (мозг=его затвердел) 'плохо соображает'. Однако 'мозг' в большинстве случаев выступает скорее в значении 'орган, с которым связана присущая нормальному человеку способность мыслить, понимать', в то время как 'голова' — 'орган, ассоциирующийся со способностью человека соображать, рассуждать': тув. *баш чок* (голова нет) 'легкомысленный, глупый', *мээ чок* (мозг нет) 'глупая, безмозглая' (об овце): *Мээ чок хой эвес* 'не безмозглая овца (т. е. понимает)', алт. *меези чайпалган* (мозг=его расплескался) 'сумасшедший', кирг. *мээси көгөргөн* (мозг=его позеленел) 'выжил из ума'. Значение же 'вместилище разума, сознания' обычно связывается у тюркских народов с областью грудной клетки и находящихся в ней **внутренних органов**: алт., кирг., каз. *көгүс* ~ *көкүрөк* ~ *көкірек* 'грудь', тув. *чүрек* 'сердце', кирг. *колтук* 'подмышка': алт. *терен көгүстү* (с глубокой грудью) 'мудрый', кирг. *көкүрөгүндө акылы бар* (в груди=его ум=его есть) 'умный', каз. *көкірегі көзді* (грудь=его с глазами)

‘разумный, сознательный’; тув. *чүрээ арыг* (сердце=сего больное) 1) сумасшедший; 2) крайне легкомысленный, неразумный, кирг. *жел кол-тук* (встренная подмышка) ‘легкомысленный’, алт. *јүреги сокор* (сердце=сего слепое) ‘не видящий, не понимающий чего-либо’, ср. кирг. *көкүрөгү сокур* (грудь=сего слепая) ‘бестолковый’.

К сфере интеллектуальной деятельности в «наивной» анатомической карте данных языковых коллективов подключается также одна из **душ-партиципаций** *көңіл ~ көңүл* (каз., кирг.), *сагыш* (тув.): каз. *көңілден есепте* = ~ кирг. *көңүдөн эсептө* = (из души-көңіл ~ көңүл вычислять) ‘вычислять в уме’, кирг. *көңүлгө [көкүрөккө] түй* = (в грудь [в душу] завязать) ‘крепко-накрепко запомнить’, ср. *жүрөгүңдүн башына түйүп кой* (сердца=твоего на кончик завяжи) ‘крепко-накрепко запомни’, ср. в свободном употреблении тув. *Сагыжымда [хөрээмде] бодалдарымны шыгжап чор мен* ‘В душе=мой [в груди=мой] мысли=мои храню’.

Внутренние органы области грудной клетки (сердце, легкие) и душа *көңіл ~ көңүл*, *сагыш* являются также важнейшими **центрами эмоциональной и духовной жизни человека**. ФЕ с этими терминами, описывающие эмоциональное состояние и характер человека, составляют во всех рассматриваемых языках самую многочисленную группу. Можно выделить три основных значения данных соматизмов, актуализированных в составе ФЕ: 1) средоточие храбрости (сердце, грудная клетка, душа *көңіл ~ көңүл*); 2)местилище чувств, эмоций; настроений, желаний (грудная клетка, сердце, легкие, души *көңіл ~ көңүл ~ күйн ~ көңнi ~ хөңни*, тув. *сагыш, сеткил*); 3) средоточие обиды, раздражения (легкие): хак. *өкпезін тудын* = (легкое=свое удерживать) ‘сдерживать гнев, раздражение’, тув. *дөрт өкпези дөртелээ тур* = (четыре легких=сего вчетвером встать) ‘сильно рассердиться, разгневаться’, алт. *өкпө өч* = (легкое=сего погаснуть) ‘разочароваться’.

В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» значение ‘средоточие храбрости’ для соматизма ‘сердце’ отмечается как праязыковое [7]. Оно характерно как для тюркских, так и для монгольских языков: тув. *чүрек=тиг* ~ кирг. *жүрөк=түү* ~ каз. *жүрек=тi* ~ др.-тюрк. *jüräk=lig* ~ бурят. *зүрхэ=тэй* (с сердцем) ‘смелый, храбрый, отважный, решительный’. Однако в современных языках здесь уже наблюдаются некоторые расхождения. Так, возможно, отчасти под влиянием русского языка, а отчасти на основе значения ‘местилище чувств, эмоций’ происходит сдвиг в семантике этого термина в алтайском и хакасском языках. На первый план в этих языках в настоящее время выходит значение ‘средоточие доброты’: каз. *жүрегiнiң түгi бар* (у сердца=сего волос есть) ‘бесстраш-

ный', хак. *түктіг чүректіг* (с волосом сердце) 1) бесстрашный, 2) бесчувственный, жестокий, алт. *јүреги түктү* 'бессердечный, черствый'.

Круг эмоций, связанных с грудной клеткой и органами в ней, охватывает в основном следующие: страх, сильное волнение; переживание (за кого-либо); любовь, симпатия; жалость; радость: алт. *оқпо-јүреги көдүриле бер* = (легкое-сердце=его подняться), тув. *хөрек-чүрээ көдүрүл* = (грудь-сердце=его подняться) 'сильно взволноваться', каз. *жүрегі [көңілі] көтеріл* = (сердце его [душа-көңіл=его] подняться) 1) затоснить; 2) испугаться; хак. *чүрек хайыл* = (сердце таять) 'испытывать жалость, сострадание' и др. У лексемы *көңіл* ~ *көңүл* ~ *күйн* ~ *көңні* ~ *хөңни* присутствуют также значения 'настроение', 'желание': алт. *күйүнн бус* = 'испортить настроение', тув. *хөңнү баксырап тур* 'настроение=его портиться', хак. *көңнін көдір* = 'поднять настроение', кирг. *көңүлү жарык* (настроение=его светлое) 'хорошее настроение'; алт. *Сержант Кымысканов, слердин сверхсрочный службага артар күнеер бар ба?* [8] 'Сержант Кымысканов, вам хочется остаться (букв.: остаться желание=ваше есть) на сверхсрочной службе?', кирг. *Көңүлү келгени менен жүрөгү калып калган* [9] 'Желание есть, но душа уже не лежит (букв.: хотя желание=его (көңүл) пришло, сердце=его осталось)'. В алтайском это основные значения данного термина; в тувинском основное значение *хөңнү* — 'настроение'. В редких случаях значение 'желание' появляется у соматизма 'сердце', например, кирг. *жүрөгү калды* (сердце=его отстало) 'отбило охоту', алт. *јүреги ол* = ~ хак. *чүрегі ол* = (сердце=его умереть) 'потерять охоту, интерес к чему-либо'.

Таким образом, область грудной клетки можно назвать средоточием **эмоционально-интеллектуальной жизни** человека.

Другая важная область эмоциональной жизни человека — **область, расположенная под грудной клеткой**. Это **нутро** (живот), **печень, почки**.

— По употреблению в ФЕ термин *бауыр* ~ *боор* ~ *баар* ~ *паар* 'печень' близок термину 'сердце', однако ФЕ с компонентом 'печень' обозначают в основном более глубокие переживания, а также сочувствие, проявление теплых, родственных чувств: каз. *ет бауыры езіл* = [елжіре =] (мясо печени=его раздавливаясь [размякнуть]) 'жалеть, сочувствовать, болеть душой за кого-то', ср. *ет жүрегі езіл* = [елжіре =] (мясо сердце =его раздавливаясь) 'печалиться, горевать', *бауыр бас* = (печень прижимать) 'привыкнуть, считать родным', алт. *буур* = *у соок* (печень=его холодная) 'равнодушный', хак. *чағлығ паарлығ* (с жирной печенью) 'отзывчивый, щедрый, добрый'; ср. бурят. *эльгэ нимгэ-тэй* (с печенью тонкой) 'душевный, мягкосердечный, добродушный'. Ср. в русской «наивной» анатомии печень (печенка, печенки) вместе

с выделяемой ею желчью «выступают в роли носителей раздражения, недовольства другими людьми»: *сидеть в печенках, всеми печенками ненавидеть, презирать* (в отличие от сердца: *любить всем сердцем*) [10].

В тюркских и монгольских языках у термина 'печень' есть значение 'родной': каз. *бауыр* ~ кирг. *боор* 'брат, кровный родственник', кирг. *боор*=*дош* 'кровный родственник', монг. письм. *елиге нигетеи* (с одной печенью) 'кровный родственник' [11].

В представлении данных языковых коллективов печень связывается также с родами: хак. *паарынаң сыххан* (из печени=сс вышел); каз. *бауырын жарып шыққан* (печень=сс разорвав, вышедший) 'родной' (о ребенке).

Лексма *ич* ~ *йи* ~ *ижин* ~ *істі* 'нутро' в составе ФЕ, характеризующих человека, чаще всего обозначает **вместилище чувств, переживаний, замыслов, которые скрыты от других людей, скрытый внутренний мир человека**: каз. *йиі түтін, сырты бүтін* (нутро=сего дым, внешность=сего целая) 'сильно переживающий про себя свои горе'; тув. *Даштындан көөрүңге шору ышкаш херек кырында сагым саарзык, иштим ий чор мен* [12] 'Я только внешне кажусь спокойным, а на самом деле сильно переживаю (букв.: нутро=мое тоскует)'; алт. *ичинде ээрлү ат жыдыган* (внутри=сего с седлом конь сгнил) 'скрытый'.

Особенно часто данный соматизм встречается в ФЕ, обозначающих злобу, злонамеренность, зависть, ревность, коварство: каз. *Жылмаңы сыртта, йиі арам...* [13] 'Улыбка=сего снаружи, нутро=сего гадкое (человек, таящий в себе злые намерения)', *йиі мықты* (нутро=сего крепкое) 'нечестный, коварный' (хорошо скрывает свою сущность), ср. *йикі сарайы ашық* (внутренний дворец=сего открытый) 'честный, никому не желающий зла, открытый, простодушный'; кирг. *ичи чаар* (нутро=сего пестрое) 'скрытый', алт. *ичи күй*= (нутро=сего гореть) 'завидовать', тув. *ишти сөктү*= (нутро=сего распарываться) 'завидовать, умирать от зависти'.

В то же время ФЕ с компонентом 'нутро' могут обозначать и более широкий круг эмоций: алт. *ичи ачы*= (нутро=сего болеть) 'жалеть', хак. *істі чары*= (нутро светиться) 'радоваться'.

При физической характеристике (силы / слабости), определения физического состояния человека (прилив сил / обессиление), возраста (возмужание / старение) частотными являются также ФЕ с компонентами, которые обозначают названия **костей и их составляющих, хрящей, конечностей и их частей, 'спина', 'поясница', 'стан'**. Общую сему актуализированных в ФЕ значений этих соматизмов можно определить как 'часть тела человека, служащая

сму опорой (физической и духовной), олицетворяющая его силу, мощь': каз. *сүйегін әзер сүйрет*= (кости=свои слс опираться) 'выбиться из сил', *буынын баса алма*= (суставы свои наступать не мочь) 'ноги не держат, валиться с ног от бессилия', *табаны тай*= (ступни скользить) 'проявлять нестойкость, отступить'.

В русской языковой картине мира, как отмечает А. Д. Шмелев, кости — «символ старости» (*старые кости*), часть тела, которая «болсе всего нуждается в тепле», в противоположность *крови* как «символу молодости», «самому горячему, что есть в человеке» [14]. В тюркской языковой картине мира нет подобного противопоставления. 'Кости' в тюркских языках ассоциируются с крепостью и неподвижностью: алт. *катан сёөктү* (с крепкими костями) 'здоровый (с крепким здоровьем и крепкий внешне)', *катан сёөги түген*= (крепкие кости=его иссякнуть) 'умереть', тув. *соогу быжык* (кость=его крепкая) 'здоровый, крепкий, не стареющий; живучий'. «Эмпирические знания, наблюдения над физиологией живых существ (связанные с бытом, охотничьей и скотоводческой практикой) привели людей ко вполне рациональным выводам о том, что состояние костяка является показателем состояния всего организма, степени его развития» [15]. Крепость костяка, а также конечностей связывается с возмужанием, переходом из состояния слабого, не достигшего полного развития ребенка к состоянию человека, полноценно развитого, находящегося в расцвете сил. Слабость костей, напротив, означает старение: ср. тув. *сөөгү быжык* (кость=его крепкая) 'здоровый, крепкий, не стареющий; живучий', *сөөгү бак* (кость=его плохая) 'слабый, хилый, быстро стареющий'. В каком-то отношении как противопоставление соматизму *суйек* ~ *соок* 'кость' в казахском и киргизском языках выступает термин *сүлде* ~ *сүлдөр* 'скелет'. Он употребляется в значении 'видимость живого существа', 'бессильные кости' [16], 'видимость опоры': кирг. *сүлдөрүм бар, чамам жок* 'видимость во мне есть, силы нет (букв.: скелет у меня есть, силы у меня нет)', каз. *сүлдегін сүйрет*= (скелет=свой опираться) 'совершенно обессилеть'.

Таким образом, в ФЕ, характеризующих человека, отражаются архаичные воззрения, общие для данных языковых коллективов, понимание ими человека, его строения. «Наивная» анатомическая карта, элементы которой выявляются в ФЕ, представляет собой достаточно последовательно выделенный ряд отделов. Каждому из них присущ свой набор характеристик и функций. По ряду параметров тюркская модель человека отличается от русской, хотя наблюдаются и некоторые пересечения. Так, необычна для русской картины мира связь интеллектуальной жизни с грудной клеткой, особая роль печени как средоточия добрых, родственных чувств.

Примечания

1. *Золотова Л. М.* Устойчивые словесные комплексы с компонентом Корф в современном пемецком языке (к проблеме взаимосвязи лексики и фразеологии) // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1977. Вып. 99. С. 81–98.
2. *Шмелев А. Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002. С. 301.
3. *Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С.* Мироззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. Новосибирск, 1989. С. 57–58.
4. *Кенесбаев І.* Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі. Алматы, 1977. Б. 321.
5. Киргизско-русский словарь / Сост. К. К. Юдахин. М., 1965. Т. 1. С. 119.
6. *Хертек Я. Ш.* Фразеология современного тувинского языка. Кызыл, 1978. С. 87.
7. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 1997. С. 276.
8. *Озюнова А. А.* Модальные аналитические конструкции алтайского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1999. С. 15.
9. Киргизско-русский словарь. Т. 1. С. 424.
10. *Шмелев А. Д.* Указ. соч. С. 315.
11. *Цыденжапов Ш.-П. Р.* Фразеологизмы старонисыменного монгольского языка. Улаан-Удэ, 1990. С. 69.
12. *Хертек Я. Ш.* Тувинско-русский фразеологический словарь. Кызыл, 1975. С. 92.
13. *Абай.* Дүниде, сірә, сендей жар жок. Алматы, 1990. Б. 62.
14. *Шмелев А. Д.* Указ. соч. С. 313.
15. *Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С.* Указ. соч. С. 60.
16. Киргизско-русский словарь. Т. 2. С. 173.

© Т. Н. Пермякова
НГТУ, г. Новосибирск

Проблемы лексикографического описания союзов

Создание толковых словарей, которые дают интерпретацию единиц языка, — дело очень сложное, трудоемкое, поскольку задачей таких словарей является максимально полное отражение состояния языка на определенном этапе его развития.

Одной из актуальных проблем современной лексикографии является интерпретация служебного слова. Проблема лексического значения служебных слов, в том числе и союзов, активно обсуждалась в последней трети XX в. Долгое время как русскими, так и зарубежными лингвистами (П. А. Лекант, А. Н. Тихонов, Н. М. Шанский, Б. Рассел, Г. Глиссон и др.) подвергался сомнению сам факт существования лексического значения у служебных слов. Мы будем придерживаться точки зрения тех ученых (М. И. Черемисина, Т. А. Колосова, Р. П. Рогожникова, М. В. Япон), которые считают, что союзы не только выполняют функцию связи предикативных единиц, но и выражают смысловые отношения между ними.

Это даст нам основание для того, чтобы, по мнению М. В. Ляпон, усматривать в союзах «полноправный объект лексикографической фиксации и толкования, т. е. единицу толкового словаря» [1].

Создавая лексикографическое описание союзов, лингвисты опираются на некую как бы уже реально построенную синтаксическую классификацию союзов (традиционно выделяют сочинительные союзы: соединительные, противительные, сопоставительные и т. д.; подчинительные: изъяснительные, временные, сравнительные и т. д.). Между тем на сегодняшний день обоснованной семантической классификации союзов не существует, что, впрочем, не удивительно, поскольку ее создание тесно связано с определением лексического значения данных единиц.

Как правило, в лексикографических работах и словарных статьях толковых словарей русского языка с большей или меньшей обстоятельностью описываются простые производные служебные слова, большая же часть производных или составных служебных слов либо вообще не представлена в словаре, либо их описание не отражает современного состояния языка. Н. П. Перфильева [2] отмечает, что создававшаяся ситуация «свидетельствует не только о непоследовательности в лексикографической интерпретации незначимых единиц, но и о слабой теоретической разработанности проблем незначимой фразеологии (хотя современная русистика и имеет два специализированных словаря, освещающих незначимые фразеологизмы)» [3, 4].

Поэтому цель данной статьи — выявить проблемы, связанные с лексикографическим описанием союзов, с интерпретацией союзов толковыми словарями русского языка; определить, какие компоненты должно включать лексикографическое описание союзов.

Описание союза **коль скоро** встречается в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (далее ССРЯ) [5], в Словаре русского языка в 4 томах (далее МАС) [6], в Словаре русского литературного языка в 17 томах (далее БАС) [7], а также в «Словаре эквивалентов слова» Р. П. Рогожниковой [3]. Во всех перечисленных словарях авторы при описании **коль скоро** используют синонимический способ толкования. Заметим, что с точки зрения традиционной семантической классификации союзов синонимические ряды, с помощью которых объясняется данная единица, являются дефектными. БАС и ССРЯ толкуют союз **коль скоро** как однозначное слово, однако синонимические ряды приводят разные: БАС объединяет в ряду синонимов условный и временной союз *если, как только*, ССРЯ — условный и причинный *если, поскольку*. МАС и Р. П. Рогожникова интерпретируют эту языковую

форму как многозначное слово. Отсюда вытекает новая проблема — проблема интерпретации лексического значения многозначного союза, которая является актуальной, в том числе и в лексикографии. Но, к сожалению, теоретически эта проблема проработана слабо. Считается, что термин «многозначность» трансформируется при переносе со знаменательного на незнаменательное слово. Действительно, если один лексико-семантический вариант описывает условные отношения, а другой — временные, можно ли считать, что не меняется значение термина «полисемия»? Словарные дефиниции отражают, как правило, интуитивное ощущение исследователей: какое значение основное, а какое — производное.

В решении этой проблемы большую ценность имеет опыт семантической интерпретации многозначного предлога *среди*, принадлежащий Г. Е. Крэйдлину [8], который описывает значение слова не с помощью синонимического ряда, а выявляя смы, в том числе и интегрирующую для всех вариантов слова. Мы также попытаемся определить основное и производные значения в семантике союза **коль скоро**. Хотя исчерпывающего анализа семантики русских союзов нет, все же мы можем у многих союзов выделить основное значение и неосновное (производное). Если при этом союз имеет несколько значений, то отнесение его к определенному семантическому классу согласуется с частичным упорядочиванием значений в пределах словарной статьи толкового словаря: в словарях сначала всегда идет описание исходного значения, а затем уже производных.

Все словари в семантике союза **коль скоро** выделяют условное значение и ставят его на первое место. На втором месте оказываются причинная семантика и временная. В отличие от авторов словарей, мы однозначно на вопрос, какое из значений первично, условное или причинное, пока ответить не можем. С одной стороны, несомненно, что важную роль в формировании условного значения у союза **коль скоро** играет его внутренняя форма: данная единица образована от собственно условного союза **коль / коли** и наречия **скоро**. Например: *Коль скоро (коль) ничего не надо проверять, то не нужны и меры контроля, которых так добивалась Москва* (Грани.Ру. 2002. 16 мая). С другой стороны, если сопоставить частотность употребления этого союза в контекстах с условной и причинной семантикой, то мы увидим, что контексты с причинными отношениями в нашей выборке встречаются чаще (примерно 58 %). Как показывает анализ лексикографических источников, интегрирующей семей всех лексико-семантических вариантов **коль скоро** является значение обусловленности. Под обусловленностью подразумевается такой тип синтаксических отношений, при котором ситуации, описываемые в пред-

ложении, находятся в зависимости одна от другой, т. е. обусловливаемое (обусловленное) не существует без обусловливающего. Такие предложения выражают отношения причины, цели, условия, уступки, следствия; в целом их принято называть отношениями обусловленности, или обусловливающими отношениями (ТФГ 1996, 138 — 174; Евтюхин); применительно к сложноподчиненным предложениям (РГ-70, 710 — 727; РГ-80, 562 — 602). Это объясняется тем, что некоторые компоненты этого значения (такие, как причины и условия) по своей «природе» близки, а именно они являются производными для данного союза. Например: *Дата штемпеля и станет «точкой отсчета» для определения льготного срока для внесения платежа. А срок этот, как поясняют чиновники, составит 30 дней или, возможно, даже больше — власти готовы войти в положение автовладельцев и смягчить условия погашения задолженности, **коль скоро** / **если** / **при условии что** последняя возникла из-за нерасторопности госструктур в лице ГИБДД и налоговых инспекций* (Новые Известия. 2004. 6 февр.).

Ср: *Безусловно, попытки вмешательства в наши дела будут продолжаться, как и раньше, но **коль скоро** / **потому что** / **так как** я прошел испытание выборами и крикливыми дилетантами, то я готов дать им отпор и в дальнейшем* (интервью С. Ю. Глазьева «Политическому журналу», 21.04.2004).

Итак, мы выяснили, что интегрирующей семей союз **коль скоро** является значение обусловленности, производными — условия и причины.

При решении проблем лексикографического описания союзов может возникнуть вопрос о составляющих этого самого описания. Возможно предположить, что оно может включать следующие компоненты. Во-первых, в приведенных выше примерах мы произвели замену союза **коль скоро** на синонимичные условные и причинные союзы. Думается, что из факта замены можно выстроить синонимические ряды, которые должны стать одним из компонентов словарной статьи в качестве дополнительного средства обозначения семантических отношений.

Во-вторых, на наш взгляд, в словарную статью могут быть внесены описания сочетаний союза и коррелята. В нашей выборке встречаются контексты, в которые, чтобы снять неоднозначность интерпретации отношений между явлениями, говорящий вводит корреляты **значит, следовательно**.

Вообще считается, что использование данных коррелятов помогает актуализации смысловых отношений в высказываниях. Они участвуют в оформлении синтаксической связи между частями слож-

ного предложения и, по мнению некоторых ученых, являются модификаторами и конкретизаторами базовых союзов, образуя с ними союзные соединения, т. е. «являются интенсификаторами — усилителями степени признака» [9].

Рассмотрим высказывания, оформленные при участии собственно условного союза *если* и коррелятов **значит, следовательно**, и сравним их с высказываниями с союзной скрепой **коль скоро** и теми же коррелятами: **Если Филипп Петрович так поступил, значит иного выхода не было (А. Фадеев). Если сразу не приехал, значит, не так уж стремился к сыну (К. Симонов).**

При введении коррелята **значит** условная семантика нейтрализуется: **Коль скоро вы решили тронуться в путь, значит, все ваши помыслы наверняка занимает предстоящая поездка...**

В контексте с коррелятом мы не наблюдаем возможности выбора из двух предполагаемых явлений, в таком высказывании мыслится лишь одно реальное событие: **коль скоро вы решили = вы решили**; соответственно: **значит, помыслы занимает поездка**. Таким образом, отношения в высказывании приобретают характер причинности.

В-третьих, очень значимо, что в современной лексикографии концептуальной является мысль о том, что в семантическую структуру слова должен входить и прагматический компонент, что, к сожалению, не нашло пока отражения в толковых словарях.

Мы полностью согласны с точкой зрения М. В. Ляпон, которая считает, что «в словарную дефиницию незнаменательного слова необходимо, помимо базовой семы, включить прагматическую информацию: «Обработка информации происходит под давлением фактора адресата, что подтверждает представление о тексте как о таком лингвистическом феномене, который предполагает наличие истолкователя, т. е. по своей своей природе рассчитан на интерпретацию. Говорящий уже в дотекстовом состоянии прогнозирует возможную реакцию адресата и заранее откликается на нее, предотвращает или отвергает неадекватное толкование, предостерегает от грубого однозначного осмысления, выносит свою «концепцию» на обсуждение и даже призывает адресата принять участие в аргументировании, т. е. так или иначе включает в свою коммуникативную программу специальный пункт, касающийся восприятия адресатом передаваемой информации» [1].

С точки зрения прагматики в семантике, например, причинных высказываний обязательно отражена позиция говорящего. Он участвует в построении содержательной стороны причинных конструкций, отражение мыслительной деятельности в семантике высказывания приводит к появлению каузальных ситуаций *предметной при-*

чины и логической причины (обоснования)» [10]. Маркером присутствия говорящего в высказывании служит субъективный компонент, который не только эксплицирован, но и актуализирован лексическими показателями: **следовательно, значит**.

В конце концов, вряд ли американская разведка была не в курсе того, что Барзани и Талабани поддерживали связи с иранскими спецслужбами. Но **коль скоро / так как (по той причине что, поскольку)** такие сведения преданы широкой огласке, **значит** (я делаю вывод, что), в Иране это кому-нибудь нужно (Правда. РУ. 2002. 19 дек.).

...Темпы прироста иммигрантов продолжают возрастать. Но **коль скоро** люди туда едут – **значит** (я делаю вывод, что), незаполненные ниши все-таки существуют, даже если местные власти не хотят этого признавать (Независимая газета. 2002. 19 дек.).

Как видно из контекстов, эти корреляты «несут двойную нагрузку». С одной стороны, иногда союз **коль скоро** может быть не узнан адресатом высказывания, интерпретировать его бывает сложно. Тогда на «помощь приходят» корреляты **значит, следовательно**, по которым адресат «узнает» союзную скрепу как маркера конструкции обусловленности. С другой стороны, говорящий (автор высказывания) актуализирует для себя и адресата именно причинные отношения (а не условные), маркируя их союзом **коль скоро** и коррелятами **значит, следовательно**.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Союз **коль скоро** – многозначное слово, которое имеет условные и причинные лексико-семантические варианты, так как у обоих значений общая интегрирующая сема – сема обусловленности.

2. Основным способом подачи информации в словарной статье должен стать описательный компонентный способ, синонимический же может быть использован в качестве сопутствующего.

3. В структуре словарной статьи должны быть отражены сочетания союза и коррелятов, помогающих в оформлении отношений обусловленности.

4. В словарную дефиницию союза необходимо, помимо общей интегрирующей семы и лексико-семантических вариантов, включить прагматическую информацию.

Думается, что «подобный тщательный словоцентрический подход к описанию незнаменательных слов позволит создать богатый в информативном плане словарь, а также разработать научно обоснованные семантические классификации» [2] служебных слов, и союзов в частности.

Примечания

1. *Ляпон М. В.* Лексикографическая интерпретация служебных слов // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988. С. 78–81.
2. *Перфильева И. П.* Проблемы лексикографической интерпретации незнаменательных слов // Языковая компетенция: грамматика и словарь: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1998. С. 36–37.
3. *Рогожникова Р. П.* Словарь эквивалентов слова: наречные, служебные, модальные единства. М., 1991. С. 123.
4. Словарь структурных слов русского языка / Под ред. В. В. Морковкина. М., 1997.
5. *Ожегов С. И., Шведова И. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 277.
6. Словарь русского языка: В 4 т. М., 1999.
7. Словарь русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1956. С. 1157.
8. *Крейдли Г. Е.* Метафора семантических пространств и значение предложения // Вopr. языкознания, 1994. № 5. С. 19–27.
9. *Чернышева А. Ю.* Частицы в сложном предложении. Казань, 1997. С. 31–35.
10. *Теремова Р. М.* Опыт функционального описания причинных конструкций: Учеб. пособие к спецкурсу. Ленинград, 1985. С. 36

© М. В. Слаутина
УрГУ, г. Екатеринбург

Семантическое тождество и семантические различия лексем в синонимическом ряду «Бог»

Одной из характерных черт языковой картины мира является ее *салиентность, избирательность*. Важность для носителей языка того или иного фрагмента действительности обуславливает множественность и вариативность лексических средств его репрезентации. Семантическая плотность той или иной группы слов, детализация наименования, выделение смысловых оттенков являются сигналом лингвистической ценности внесязыкового объекта. В частности, это относится к синонимическим рядам, включающим различные имена одного объекта.

В лексике, относящейся к денотативной сфере «Религия», синонимический ряд, образованный именами Бога, один из самых обширных. Он включает 10 лексем: *Бог, Творец, Создатель, Всевышний, Вышний, Всемогущий, Вседержитель, Предвечный, Господь, Отец* (на самом деле, этот ряд может быть продолжен за счет составных наименований: *Царь Небесный, Отец Небесный, Вечный Судия* и под.).

Традиция использования целого ряда слов для именования Бога имеет давнюю историю. Процесс табуирования сакрального является универсальным законом, характерным для всех языков. Это находит отражение и в текстах Священного Писания, где имя Бога заменяется (или сопровождается) большим количеством формул

именования. Например, авторы словарной статьи БОГ в энциклопедическом словаре «Иисус и Евангелия» отмечают, что, помимо собственно слова *Бог*, часто употребляемого во всех Евангелиях, для обозначения Бога регулярно используется слово *Господь*, несколько реже — *Отец*, а также — *Всевышний* [1]. Комментируя строки одного из отцов древней церкви: «*В Тебе — все имена; Как же назвать Тебя, Тебя единого. Кого нельзя назвать?*», французский богослов Оливье Клеман пишет, что Бога можно назвать именем любой существующей вещи, поскольку в каждом явлении действительности присутствует Божественное начало [2]. Этот вопрос освещается также в ряде богословских трудов и в лингвистических исследованиях.

Исследование семантического комплекса лексем данного синонимического ряда проводилось на основе анализа словарных дефиниций толковых словарей; привлекались данные ассоциативного словаря под ред Ю. Н. Караулова [3]. Использовался также контекстологический анализ.

Анализ словарных дефиниций толковых словарей позволил сформулировать семантическую идею данного синонимического ряда: *объект поклонения в христианстве — сверхъестественное верховное всемогущее существо, наделенное высшим разумом, сотворившее мир и управляющее им*. Семантический комплекс лексем данного синонимического ряда включает следующие компоненты: категориально-лексическая сема ‘объект поклонения’, дифференциальные семы: ‘имеющий сверхъестественные качества, свойства’, ‘осуществляющий определенные функции’, ‘занимающий высшее место в небесной иерархии’, ‘относящийся к религии’, ‘оценка’. Однако данные ассоциативного словаря, а также контекстологический анализ показали, что семантический комплекс лексем, образующих данный синонимический ряд, значительно шире. Поэтому прототипическая семантика синонимического ряда, сформулированная с опорой на устойчивые (хотя зачастую и несущественные) представления, ассоциации, включает следующее определение: *объект поклонения в христианстве — сверхъестественное существо, обладающее высшим разумом и бесконечным вечным бытием, существующее в трех нераздельных и неслиянных ипостасях; сотворившее мир и создавшее человека по образу и подобию своему, определяющее ход земной истории и судьбу человечества и каждого отдельного человека, дающее сотворенному им человеку свободу выбора, наделенное безграничной любовью к людям и способностью их прощать независимо от степени их греховности и добродетельности; судья на последнем суде, который произойдет по окончании земной истории*.

Лексемы, образующие данный синонимический ряд, обладают семантическим тождеством. Тождество семантики находит отражение в словарных статьях толковых словарей, где дефиниции, как правило, синонимические (ср. СОШ: *Бог. В христианстве: триединый дух — творец и всеобщее мировое начало... Творец. 2. В религии: Бог как создатель мира. Создатель. То же, что творец. Вседержитель. То же, что всевышний. Господь. В христианстве: Бог*).

Семантическое тождество входящих в синонимический ряд лексем подтверждается их употреблением в однотипных контекстах. Например: *Бог знает, кого казнить, кого миловать, а не мы знаем, — проговорил старик (Л. Толстой). ... без воли Господа ни один волос не упадет с головы человека (Газданов). Создатель наделил нас высшим в мире благом — разумом (Айтматов). ...Ничто не творится без изволения Творца, даже и грех, и все ко благу (Замятин). — Не гневите, не гневите Всевышнего — все под Ним ходим... (Астафьев). Мир хранит завет Предвечно-го... (Лермонтов).*

Различия в семантике лексем данного синонимического ряда связаны с тем, что при абсолютном семантическом тождестве в каждом из имен актуализирован какой-либо семантический компонент. Так, в именах *Творец, Создатель* рспрезентирована идея творения мира. Имена *Вседержитель, Всемогущий, Господь* рспрезентируют идею управления созданным миром, всемирного могущества Бога. В лексеме *Предвечный* актуализирован временной аспект, имя рспрезентирует идею вечного, бесконечного и безначального существования Бога. В именах *Вышний, Всевышний* актуализируется оценочный компонент и указание на место в небесной иерархии. Существительное *Отец* содержит указание на отношения человека и Бога, которые в христианской картине мира мыслятся как двунаправленные: исходящие и от Бога, и от человека. Следует также отметить, что имена Бога — это не просто имена одного объекта. Каждое имя рспрезентирует один из основных христианских догматов: бытия Бога, творения мира из ничего, управления сотворенным миром и человеком; а также отражает представления об отношениях человека и Бога.

Имена существительные, образующие данный синонимический ряд, отражают один из важных фрагментов христианской картины мира, а множественность и вариативность лексической рспрезентации этого фрагмента свидетельствуют о его значимости для носителей языка.

Примечания

В статье использованы материалы Толкового идеографического словаря синонимов, создаваемого коллективом межвузовской проблемной группы «Русский глагол» под руководством проф. Л. Г. Бабенко.

1. Инсус и Евангелия: Словарь. М., 2003. С. 53–58.
2. Клеман О. Истоки. Богословие отцов Древней Церкви: Тексты и комментарии. М., 1994. С. 29–30.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992; Большой толковый словарь русского языка / Под ред С. А. Кузнецова. СПб., 2000; Склярская Г. П. Словарь православной церковной культуры. СПб., 2000; Толковый словарь русского языка конца 20 века. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Склярской. СПб., 2001; Русский ассоциативный словарь: В 2 т. М., 2002.

© В. П. Хабилов
УрГПУ, г. Екатеринбург

Роль неологии в формировании лексики в креолизованных языках Центральной Африки

Данное исследование представляет собой некоторое обобщение в области неологии — изучения новых слов языка на начальном этапе их языковой жизни. Исходя из того, что в работе исследуются неологизмы в креолизованных языках, решение вопроса о статусе данных образований позволяет выявить тенденции последующего развития языка в довольно незначительный период, так как процессы, связанные с языковыми контактами, в частности пиджинизация и креолизация, могут происходить в довольно сжатые сроки, что даст возможность проследить эволюцию языка и закономерности его развития также в короткий период времени.

Круг идей, обсуждаемых в теории языковых контактов, в основном сводится к проблемам заимствования, интерференции, конвергенции, диффузии, языкового сдвига, языковой лояльности, переклечения и смешения кода, билингвизма и диглоссии, смешения языков, пиджинизации и креолизации. Контактные ситуации включают в себя а) ситуацию сохранения языка (*language maintenance*) и б) ситуацию, приводящую к образованию новых контактных языков — смешанных, пиджинов, креольских и креолизованных языков, а также идиомов, сформировавшихся в результате декреолизации, как, например, афроамериканский английский. Одной из разновидностей контактных ситуаций или языковых контактов является пиджинизация, представляющая собой социолингвистический процесс, сопровождаемый резкой реструктуризацией языка-источника на всех уровнях языковой системы в сторону изоляции и сокращением функций. Реструктуризация грамматической системы целевого языка (суперстрата) происходит из-за неправильного его усвоения носителями языка-субстрата.

Контактные ситуации, приводящие к пиджинизации, возникли в XVI – XVII вв. на западном побережье Африки между будущими европейскими колонизаторами и местными жителями. Так, в этом регионе произошла пиджинизация португальского, испанского, французского и английского языков.

В определенных ситуациях языковых контактов пиджин может подвергнуться креолизации или нативизации. Креолизация также является социолингвистическим процессом, в результате которого вспомогательный язык-пиджин, проходя стадию расширенного пиджина, может превращаться в нередуцированный язык, способный выполнять все необходимые функции обычного языка, для носителей которого он становится родным языком (см. работы Hall; Wurm; Dillard). Структура креола в большинстве случаев характеризуется агглютинацией. Креолизация, однако, может проходить и без предварительной пиджинизации.

Процесс пиджинизации может начаться, если складываются следующие лингвистические и экстралингвистические условия: 1) доминирующее (или более выгодное) положение одного языкового коллектива, контактирующего с другим языковым коллективом, находящимся в отношении неравноправия с первым; 2) ограниченность коммуникативных функций (до одной) при непостоянстве устных контактов; 3) отсутствие намерения обучать и обучаться языку доминирующего коллектива; 4) отсутствие необходимости обучать и обучаться нормированному языку доминирующего коллектива; 5) отсутствие языка-посредника, понимаемого как доминирующим, так и подчиненным языковым коллективом; 6) принадлежность вступающих в контакт коллективов к различным этническим группам и невзаимопонимасмость их языков. Процесс пиджинизации и последующей креолизации характеризуется: 1) полной реструктуризацией морфологического уровня языка, редукцией системы аффиксов; 2) существенными изменениями в области синтаксиса, появлением сериальных конструкций; 3) появлением новых моделей словообразования и словосложения; 4) изменениями в области фонологии, особенно в тональной системе креолизованных языков.

Следует отметить, что в процессе креолизации расширение пиджина происходит как за счет имманентных средств (расширение словарного состава за счет словообразования, деривации; развитие грамматических форм и т. д.), так и за счет обогащения в результате взаимодействия с различными другими языками. Примером контактной ситуации, в которой происходит креолизация языков, может служить ситуация в Конго-Браззавиле, Конго-Киншасе и ЦАР, где все большее число местного населения склоняется в пользу регио-

нальных межэтнических креолизованных языков лингала, мунукутуба и санго [1]. Эти языки креолизовались в результате языковых контактов, т. е. прошли стадию реструктуризации языковой системы языка-источника.

На этапе пиджинизации словарный состав такого, например, языка, как санго, редуцировался до 300 слов. Становясь этнически нейтральным языком, санго начал терять исконную терминологическую лексику. Это, как известно, связано с тем, что специфика культуры народа отражается прежде всего в виде безэквивалентной лексики в лексическом составе его языка. При последующем расширении функций словарный состав этих языков расширился, увеличиваясь как за счет заимствований из европейских языков (главным образом французского) и автохтонных языков, так и за счет внутренних ресурсов самих этих языков и их языков-лексификаторов. Очевидно, именно в это время для увеличения коммуникативных возможностей санго, вопрос неполноты лексического состава языка стал решаться стихийно за счет лексики и терминологии французского языка. Это безудержное заимствование продолжалось даже тогда, когда санго был признан государственным языком (1965 г.), и в первые годы после создания (1965 г.) Национальной комиссии по изучению языка санго. В качестве примера можно привести выступление в 1970 г. президента ЦАР, в речи которого на 300 слов приходится 45 неадаптированных заимствований, причем, значительное число из них имели эквиваленты в санго. Возможно, употребление французских слов связано с потребностью более экспрессивно-го выражения определенного выражения понятия, а также с тем, что некоторые французские слова имеют более узкий смысл по сравнению со словами межэтнического языка. Например, слово санго *bíá* означает «песня, пение, церковный гимн, мелодия, музыка», в то время как французское слово *musique* в санго означает европейскую музыку, джазовую музыку. То есть между исконным словом и заимствованным словом существует расхождение в объеме значения. Есть и другие причины использования французских слов.

Рассмотрение вопросов неологии в данной работе проводится в основном на терминологическом материале, так как расширение словарного состава этих языков проходит в большой степени за счет пополнения списков их терминологической лексики.

К приоритетным сферам распространения неологизмов в этих креолизованных языках относятся социально-экономическая, общественно-политическая, научно-техническая, здравоохранение, образование, сфера культуры. Как представляется, в этих сферах наблюдаются новые явления и процессы, происходят наиболее значительные

социальные сдвиги, требующие семантически точных и экономических номинаций, не имеющих эквивалентов в языке-реципиенте.

Можно классифицировать неологизмы в этих креолизованных языках как:

1) неологизмы с семантической трансформацией (расширение семантики единицы в языке-реципиенте);

2) формально-семантические неологизмы (новообразования, созданные на основе собственных ресурсов языка в соответствии с актуальными способами деривации в результирующем языке или в языке-источнике) [2].

Образование терминов за счет внутренних ресурсов языка санго может быть лексико-семантическим (способ семантической деривации), фонологическим (супрасегментный), морфологическим и лексико-синтаксическим.

При образовании терминов способом семантической деривации терминологические значения придаются общенародной лексике. Например: *búngbì* «собрание» (грам.) → «координация»; *kamá* «борт пироги» → (мат.) «сторона фигуры»; *kamáta* «хватать» → (юр.) «арестовывать»; *leperá* «католический священник» → (религ.) «католическая миссия» и другие.

Фонологический или супрасегментный способ образования терминов связан с изменением тональной структуры слова, а именно с повышением тона (по модели словообразования), обычно в последнем слоге: *sàrà* «чесаться» → *sàrá* (мед.) «чесотка»; *bósò* «собирать вместе» → *bôsô* (полит.) «ассоциация»; *sùrà* «резать» → *sùrà* (мат.) «сегмент» и др.

Для образования лексики в специальном терминологическом значении некоторые неологизмы в процессе освоения участвуют в суффиксальной деривации, используются глагольные аффиксы с семантической специализацией: *-ka*, *-rV* (значение итеративности), *-ngo* (значение конкретизации действия), *-ngbì* (значение совместного действия). Например: *dòngò* «расставлять в ряд» – *dóngóngbì* «субординативные отношения» и др.

Словосложение — один из приемов терминообразования, относящийся к формально-семантической неологизации. Все сложные слова в санго относятся, по нашему мнению, к таковым в соответствии с критериями: а) асинтаксичности и эндоцентричности; б) синтаксичности и экзоцентричности. Исходя из этих критериев сложные слова-термины в санго, относящиеся к различным терминосферам, образуются по следующим основным моделям:

N+V *dà-gbí* (дом-гореть) «пожарная машина», *wà-kángbì* (тот, который-распределять) «дистрибутор»;

N+AdV sé-gbándâ (состояние-позже) «будущее время»;
 N+N+N wà-séndá-bé (тот, который-наука-сердце) «кардиолог»,
 sé-dú-gó (характеристика-отверстие-горло) «ларингальность»;
 N+VN+N wà-vôngô-yé (тот, который-акт покушения-вещь) «клиент»;
 N+VN+Pron sé-nîngângô-ní (состояние-факт протяженности-этой) «дуратив»; N+N +Num é-li-úsè (состояние-голова-два) «дурализм»,

N+N+N+N wà-séndá-gbè-ngú (тот, который-наука-низ-вода) «оксанограф»; N+N+VN+N wà-séndá-fângô-yé (тот, который-наука-акт показывания-вещи) «педагог»;

V+N gànà-tó (бросить-оружие) «ракетомет».

Следует заметить, что способ образования конструкций путем примыкания более двух существительных является нехарактерным для межэтнического креолизованного санго. Отсюда их асинтаксичность. Для номинации различных отраслей знания, профессий, лингвистических и физических явлений, частей тела и т. п. в санго широко используются такие опорные многозначные слова, как wà «тот, который...», sé «состояние», lì «голова, вершина», kùà «работа», gbè «низ, задняя часть», màbókò «рука», dà «дом» и др.

Базовой структурой при образовании устойчивых терминологических словосочетаний лексико-синтаксическим способом является детерминативная синтагма с непосредственным и опосредованным соединением компонентов, а также определительная синтагма:

N+N gèré-pùpù (опора-ветер) «радиоволна», wà-kùtù (тот, который-автомобиль) «шофер»;

N+VN fângô-ñàmà (акт убийства-животное) «охота»;

Adj+N vùrù lé (белый-глаз) «блеск глаза».

Компоненты детерминативной синтагмы, а следовательно, и терминологического словосочетания могут быть соединены и опосредованно по модели N + tí + N с помощью детерминатива tí: kámbà tí síngà (провод-дет.-коммуникация) «телефонный кабель»; zò tí ndàò (человек-дет.-кузница) «кузнец»; zò tí fângô-ñàmà (человек-дет.-акт убийства-животное) «охотник».

По нашим сведениям, детерминативная синтагма с опосредованным соединением компонентов более употребительна для обозначения реалий в ЦАР, чем конструкции без детерминатива, которые многим кажутся искусственными.

Язык лингала, будучи языком агглютинативного типа, имеет богатую морфологическую структуру с префиксальными и суффиксальными распространениями и в связи с этим представляет собой удачную модель для неологизации. Морфологическая структура с глагольно-именным корнем имеет следующий вид: префикс + (распрос-

транение) + корень + (распространение 1) + (распространение 2) + суффикс. Например глагол *ko-tu-na* «спрашивать» с префиксальным распространением имеет следующий вид *ko-mi-tun-a* «спрашивать себя», от которого можно образовать неологизм, заменив префикс *ko-* на *mo-*: *mo-mi-tun-i* «мыслитель». Таким образом, если возникает необходимость наименования нового явления или понятия и если ничто не препятствует укоренению новообразования в соответствии с нормами языка-реципиента, то происходит обогащение языка за счет неологизма и имеются широкие возможности для внутриязыковой эволюции. Как можно видеть из примера образования неологизма лингала, этот аффиксальный способ довольно продуктивен. По этому способу образовались следующие слова:

Семантическая трансформация

bo-bat-el-i «консервация»
li-bwat-o «причал»
li-zu-am-i «план»
mo-sak-an-i «любитель»
e-lilingi «дублирование (актера)»

Формально-семантические неологизмы

li-kab-o «акция»
e-bot-an-a «интерес»
mo-somb-el-a «посредник»
li-tat-ol-I «манифест»
bo-kom-is-I «актуализация»

Кроме неологизмов, образованных аффиксальным способом, в языке лингала существует способ образования неологизмов с помощью словосложения как с непосредственным соединением, так и с опосредованным соединением компонентов по моделям *N + N* и *N + ya + N*:

Семантическая трансформация

N + N
bopesi-maboko «инвестирование»
bobendi-mai «дренаж»
N + ya + N
mokomi ya bileko «хроникер»

Формально-семантические неологизмы

N + N
mokanda-etondeli «судебный процесс»
ndimo-ngai «лимон»
N + ya + N
nzebi ya zalelo «экология»

Рассмотренные неологизмы представляют собой новообразования, судьба которых в языке не вполне определена. Для их вхождения в литературный язык нужно, чтобы явления и предметы, которые они обозначают, стали бы необходимыми для всего общества в целом и использовались бы достаточно долгое время.

Примечания

1. См. об этом: Санго // ЛЭС. М., 2002. С. 432; Монокутуба // Там же. С. 309-310.
2. Centrafrique Sango / Lexique Thematique de l'Afrique Centrale (LETAC). Paris, 1983.

НОВОЕ В ЛИНГВИСТИКЕ ТЕКСТА

Секционное заседание

© Л. М. Алексеева
ПГУ, г. Пермь

Интерпретация научного текста на основе ИММ

Проблема интерпретации научного текста в настоящее время приобрела особую актуальность. Как отмечают исследователи, по мере развития наука постепенно превращается в кодовую систему с очень емким содержанием для каждого кодового знака. Стремление науки к более емкой кодификации удаляет язык науки от бытового языка, делает его более специальным, закрытым. Поэтому выявление смысла научного текста даже для специалиста перерастает в очень серьезную проблему. Данная проблема входит в предмет исследования многих наук: психологии, герменевтики, логики, философии и др. В лингвистике проблема поиска смысла научного текста приобретает большую актуальность, поскольку именно в лингвистике наблюдается период смены научной парадигмы. В докладе ставятся две цели: 1) представить теоретические основы интерпретации научного текста; 2) показать некоторые «технологические» возможности, казалось бы, сугубо умозрительных и теоретических представлений при интерпретации конкретного научного текста.

Попытаемся продемонстрировать, каким образом в результате сугубо интеллектуальных процедур объем воспринимаемой информации научного текста увеличивается.

I. Теоретические основы интерпретации научного текста. В ходе изложения данного вопроса используются два базовых термина: *интерпретация* и *научный текст*. Рассмотрим содержание первого термина. В самом общем виде интерпретацию научного текста можно определить как один из способов изучения индивидуального мышления. Интерпретация дает возможность проследить логику построения научных суждений, выявлять структуру научных постулатов и правила вывода, способы верификации высказываний. Интерпретация помогает упорядочить мнение интерпретатора относительно воспринимаемого научного текста.

В настоящее время осмысление языка науки происходит очень быстрыми темпами. Какие задачи в связи с этим призвана решать интерпретация научного текста? Прежде всего – выявление смыс-

ла научного текста. Под смыслом в данном исследовании понимается то содержание текста, которое определяется **связями** исходных терминов с другими языковыми знаками внутри и за пределами данного конкретного текста (по Р. Барту, смысл — это актуальная форма внешнего **внеязыкового** отношения знаков). В других терминах смысл — это перевод чужих мыслей на язык своих собственных. «Субъект не может иметь мыслей, если он не переводит речь другого» [1]. Таким образом, интерпретация научного текста — это перевод одной схемы в другую человеком, принадлежащим другой концептуальной схеме.

Цель интерпретации научного текста — достичь понимания текста, в котором формируется новое научное знание. В отличие от прошлых научных традиций, в настоящее время термин «понимание» определяется не столько как умение установить набор дифференциальных признаков объекта, сколько как способность **построить действующую модель** явления или объекта. В отличие от интерпретации художественного текста, допускающей множественность, субъективность, интерпретация научного текста более ограничена уровнем свободы толкования, поскольку она имеет цель упорядочить и объективировать научное знание. Интерпретация научного текста должна давать научные результаты: она предполагает дальнейшее конструирование или развитие научной теории.

Интерпретация — это **создание метатекста**. Основу метатекста могут составлять различные структуры (модели): языковые, логические, образные и т. д. Что является основой метатекста в случае интерпретации научного текста?

Традиционная методика интерпретации дает на этот вопрос однозначный ответ: в основе интерпретации научного текста лежат термины, т. е. языковой материал (языковые модели). Действительно, термины — это основные компоненты (языковой материал) научного текста. В этом смысле интерпретацию научного текста можно назвать языковой, поскольку ее целью является выяснение значения термина (в широком смысле — вербального текста).

Однако меньшую значимость имеет осознание другой стороны научного текста — когнитивной. Известно, что в основе научного текста лежит продукт когнитивной деятельности, т. е. любой научный текст актуализирует концепт, концентрированный сгусток научной мысли. Таким образом, теоретической основой интерпретации научного текста является идея воплощения в нем двух начал: языкового и когнитивного.

Традиционная методика интерпретации научного текста учитывала в основном два аспекта интерпретации: языковой и коммуникативный. Когнитивный аспект лишь декларировался. В данном исследова-

нии не ставится вопрос о том, в какой степени тот или иной подход адекватен для интерпретации текста, не говорится о том, что данные аспекты являют собой «явное» и «скрытое», внешнее и внутреннее, настоящее и воображаемое. На этот вопрос трудно ответить. В докладе лишь делается попытка показать, какой из этих аспектов порождает лучшие условия для возникновения новых идей. В данном случае также не утверждается, что один способ интерпретации заменяет другой. В нашем представлении это две взаимно дополняющие формы интерпретации научного текста.

Соотношение языкового и концептуального является очень сложной общенаучной проблемой. Для нас же существенен только один момент: концептуальное представляется в языковом не в полной мере. Слово (иначе говоря, языковой материал) представляет концепт не полностью. В научном тексте значения слов передают (актуализируют) лишь коммуникативно необходимые концептуальные признаки. Следовательно, интерпретируя научный текст на языковой основе, мы можем получить определенное недопонимание. Слово, по И. А. Стернину, является лишь средством доступа к концептуальному знанию, которое позволяет выйти на мыслительные структуры. Многие исследователи, в частности Д. Дэвидсон, полагают, что ни язык, ни мышление нельзя полностью объяснять друг через друга, ни то, ни другое не является приоритетом с когнитивной точки зрения. Более того, процедура выявления смысла предполагает обращение не столько к тексту, сколько к смысловой структуре самой личности [2]. Природа научных моделей индивидуальна, поскольку они в отличие от законов природы неоднозначны, один и тот же фрагмент действительно может быть описан разными исследователями при помощи разных моделей. Кроме того, термины ввиду своей конвенциональной природы имеют смысл только в рамках одной отдельной теории. При переходе в другую теорию они изменяют свои значения или условия применимости. Это также может привести к непониманию. Именно данное свойство термина позволило в свое время П. Фейерабенду, Т. Куну судить о несоизмеримости теорий в науке. Интерпретация в этом смысле — это поиск соизмеримости теорий. Принимая все это во внимание, можно утверждать, что интерпретация требует **моделирования**, а не поиска значений терминов по словарям. Таким образом, научный концепт не привязан к словарной единице, он может передаваться сколь угодно сложными в языковом отношении образованиями. Научный концепт принадлежит семантике многих текстов, он интертекстуален. Поэтому языкового материала оказывается явно недостаточно для интерпретации научного текста.

Более адекватным основанием для интерпретации научного текста в этом плане оказывается **концептуальная структура**. По Р. И. Павиленису, никакая вербальная формулировка не может исчерпать соотносимого с ним содержания, в то время как концептуальная структура, присутствующая при любом акте интерпретации, представляет собой основной контекст интерпретации как языковых, так и неязыковых знаков. Возможность (зависимость содержания интерпретации) интерпретации текста на основе определенной концептуальной структуры он назвал индексальностью [3].

Таким образом, концептуальные структуры — это знаки другой (неязыковой) природы. Если в основу интерпретации научного текста положить знаки другой природы (например, схемы, модели), то в этом случае может быть достигнуто более полное понимание, поскольку концептуальные различия получаются минимальными, «несомненными» семантикой слов. Целью интерпретации научного текста на основе схем, моделей является создание общей системы координат, т. е. своего рода соразмерности (соизмеримости) понимания. Модель в отличие от языкового знака не требует исчерпывающего представления содержания образа. Она строится по типу доминантности (термин А. И. Новикова).

Остановимся непосредственно на элементах, составляющих основу когнитивной интерпретации научного текста. В различных теориях эти элементы номинируются по-разному: семантика «невидимого», скрытого (С. С. Гусев), «отсутствующая» действительность, или «присутствие отсутствующего» (В. В. Малявин), «образные схемы» (Дж. Лаккофф), «концептуальные схемы» (У. Куайн). Лингвисты многих направлений склонны считать, что концептуальные схемы (ментальные модели) являются способами организации опыта, системами категорий, актуализированными в тексте.

В лингвистике первые шаги по моделированию языка были сделаны не лингвистом, а математиком В. В. Налимовым [4]. В. В. Налимов говорит о 30 значениях термина «модель». В отечественной лингвистике проблему моделирования текста исследовал Ю. Н. Тынянов [5]. Он уделял внимание различным графическим фигурам, играющим роль «эквивалента» содержательного текста. Ю. М. Лотман отмечал, что пространство в тексте есть язык моделирования, с помощью которого могут выражаться любые значения, коль скоро они имеют характер структурных отношений [6]. Поэтому пространственная организация есть одно из универсальных средств построения любых культурных моделей.

М. Джонсон употреблял термин «образная схема» (или образ-схема), вокруг которой организуется весь наш опыт: образная схема — это повторяющийся динамический образец (pattern) наших

процессов восприятия и наших моторных программ, который придает связность и структуру нашему опыту (например, *вместилище, источник-путь-цель* и др.). М. Джонсон говорил о том, что можно составить список всех образных схем, он насчитал их 27.

Другим базовым термином является научный текст. Научный текст — это когнитивное образование, являющееся результатом переработки исследователем информации о его познании мира. Интерпретация научного текста выступает для исследователей также **знанием**, поскольку интерпретаторы ищут смысл, результаты переработки информации, воплощенные в тексте.

Выявить концептуальные схемы в тексте сложно, поэтому ученые-профессионалы изначально стараются отгородить смысл от ненадежных способов его презентации. Осуществляется это при помощи **фундаментальной метафоры**, обеспечивающей надежность понимания.

В моем понимании основой научного текста должны быть индивидуальные ментальные модели. Природа индивидуальных моделей метафорическая: 1) метафора хорошо соотносится с понятием метатекста по параметру производности, она позволяет назвать то, что еще не кодифицировано в языке науки; 2) метафора благодаря своей природе легче и быстрее пробуждает и стимулирует мысль; 3) метафора — средство понимания; 4) создавая контекст тождества, метафора заставляет учитывать условный характер тождества, обращать внимание на «скрытые» неявные возможности представления явлений [7].

Каждый этап развития всеобщего знания связан со смысловой глобальной метафорой (эпистемой). Так, в основе самой древней метафоры лежало сопоставление человека с объектами природного мира: подобное познается подобным. Позднее данная метафора трансформировалась в объекты, которые были созданы самим человеком в результате того, что человека стало интересовать уже не столько природное, сколько им же творимое. В поле зрения человека попали инструменты, средства производства искусственных объектов. Появляется «машинная» метафора, затем метафора «внутреннего мира» человека. Этот процесс очень длительный. Большинство исследователей до определенного времени не осознают новизну новой метафоры из-за инерции прошлых установок. Современная наука давно уже использует принцип дополнительности. Это тоже одна из причин широкого распространения метафоры в науке. Попадая в новую систему связей, концепты обнаруживают ранее невыраженные смыслы.

II. Техника интерпретации научного текста. Сама идея «технологии» интерпретации научного текста основана на модели языка В. В. Налимова, которая определена им как непрерывная

функция распределения смысловых значений (в отличие от предельных неделимых смыслов). Для уяснения смысла интерпретации нам необходимо обратить внимание на два положения:

1. Адекватность интерпретации научного текста зависит от того, насколько полно интерпретатор осознает **различие** в понимании одной и той же объективной реальности, насколько быстро он это воспринимает. Интерпретатор начинает более явно и четко понимать сущность своих собственных целей и взглядов, он находит в исходных схемах свою позицию. Но, с другой стороны, интерпретатор начинает испытывать давление исходного текста на свои взгляды, и как следствие этого, он вынужден каким-то образом деформировать свои собственные убеждения (процесс адаптации).

2. Авторы-исследователи, главной задачей которых является производство новых знаний о мире, постоянно стремятся ограничить рамки возможных толкований. Они пытаются компактным образом представить знания. Эту роль выполняют схемы. Ученый-специалист отличается от неспециалиста не столько большим объемом знания, сколько видением скрытых связей между явлениями, что позволяет ему глубже понимать то или иное явление.

Покажем технику моделирования на конкретном примере интерпретации статьи В. В. Налимова «Наука и биосфера: опыт сравнения двух систем».

Концепт организация науки Новое

явное
удаление от обычного языка
усложнение кода
макроорганизм
ассоциативный язык
случайный характер
способность к адаптации
мутация
давление внешних факторов на
внутренние
переоценка ценностей

неявное
некоторый непонятный
механизм
специальный язык
различие внешних и внутренних
факторов

противоречивое
прямое (конфликт)
апофатическое (от обратного)
не рост кристалла
не алгоритм
косвенное (метафора, «как если бы»)
вавилонская трудность
фильтры
генератор случая
генетический код
интеллектуальная
индустрия

старое
наука — неживая система
складирование знания
сверхлогическое мышление
нерасчлененность

Описание схемы. Данную схему можно назвать образной. Образная схема — это свособразное «повторение труда, вложенного автором» [8]. Учитывая индивидуальный характер научного творчества, можно приписать индивидуальный характер и самой схеме. Как строится подобная схема? Она создается главным образом конструктивными способностями интеллекта интерпретатора. Пресжде всего данная схема является результатом осознания цели и задач исследования автора. При создании модели сравниваются идеи по отношению к постановке конкретных задач, анализируются способы актуализации неявного знания. Исходный вербальный знак трактуется как возможный след мысли. При интерпретации также учитывается базовая схема научного произведения — движение от старого к новому. В целом можно соотнести базовую схему научного произведения с образной моделью пути, описанной Дж. Лакоффом [9]. В соответствии с данной моделью существует место, источник движения (в нашем примере — это старое знание), последовательность этапов, соединяющих начальный и конечный пункты. Структурные элементы: **источник** (исходный пункт), **назначение** (цель), **путь** (этапы). Базовая логика: наука находится в постоянном движении, проходит путь от старого к новому, наука доказательна, неявное становится явным.

Логика данной статьи показывает, что автор использует две линии суждений, идущие снизу вверх: создание нового знания а) путем трансформации неявного в явное, б) путем противопоставления старого новому. Первая линия суждений связана с тем, что в науке очень долго сохраняется эффект «странности», т. е. процесс адаптации новых идей происходит не быстро. Цель анализируемой статьи сократить временной период адаптации идеи развития науки при помощи метафорического представления процесса трансформации неявного знания в явное.

Вторая линия суждений показывает, что любое научное открытие — это не столько снятие вопросов, сколько их усложнение. Трансформация старого знания в новое приводит к возникновению совершенно новых более сложных смыслов. Эти две линии трактуются нами как способы передачи авторских идей, помимо этого данные линии одновременно способствуют раскрытию возможностей других идей, не представленных в излагаемой концепции в явном виде.

Выводы: 1. Интерпретация научного текста — это интенциональный анализ взаимоотношений концептов, которые не представлены в тексте однозначно словами или терминами, т. е. значения концептов не сводится к сумме значений терминов. 2. Техника интерпретации научного текста основана на одной из глобальных метафор науки, а также на одной из имеющихся образных моделей.

Примечания

1. См.: Дэвидсон Д. Истина и интерпретация. М., 2003. С. 224.
2. См. об этом: Новиков А. И. Доминантность и транспозиция в процессе осмысления текста // Проблемы прикладной лингвистики-2001. М., 2001. С. 179.
3. Павленко Р. И. Понимание языковых и неязыковых текстов: интенциональность, интенциональность, индексальность // Язык и логическая теория. М., 1987. С. 40.
4. См.: Палимов В. В. Вероятностная модель языка: О соотношении естественных и искусственных языков. М., 1973.
5. Тынянов Ю. Н. Проблемы стихотворного языка. М., 1965.
6. См.: Лотман Ю. М. К проблеме пространственной семиотики / Семиотика пространства и пространство семиотики. Тарту, 1986. Вып. 720.
7. Гусев С. С. Смысл возможного. СПб., 2002. С. 216.
8. Библин В. В. Язык философии. М., 2002. С. 107.
9. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004. С. 358–359.

© Н. В. Головенкина
ЮУрГУ, г. Челябинск

Когнитивное исследование художественной картины мира М. А. Булгакова (природная метафора как средство моделирования действительности)

Творчество М. А. Булгакова как одного из самых ярких писателей прошлого века по-прежнему привлекает внимание исследователей, несмотря на то, что оно изучено достаточно многоаспектно. В своей работе мы исследуем когнитивные закономерности метафорического моделирования действительности в реалистических произведениях М. А. Булгакова, запечатлевших исторические, политические события России в период Первой мировой и Гражданской войн, а также бытовое устройство столицы 20-х гг. XX в.

Типичным языковым, образным и одновременно когнитивным (познавательным) элементом художественной картины мира М. А. Булгакова (в период творчества 10–20 гг.) является метафора. Писатель с ее помощью осмысливает и репрезентирует действительность.

В многообразии метафорических моделей субсфера ПРИРОДА обнаруживает себя как основной источник метафорической экспансии. В настоящей статье мы рассмотрим только метафорическую модель, основанную на понятийной сфере «Мир животных».

Мир животных как источник метафорической экспансии традиционен для русского языка и русской культуры. Об этом писали В. И. Жельвис, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, А. П. Чудинов. Метафорические модели «Человек — это животное», «Общество

людей — это мир животных» укоренились в человеческом сознании с незапамятных времен. Мстафоры из области животного мира наиболее наглядно поясняют механизм создания экспрессивности с помощью внутренней формы. Антропоморфное представление о животных является эмотивным по своей природе, содержит ряд специальных модусов оценки. Внутренняя форма обогащает оценочную структуру новым типом эмоциональной оценки, суть которой сводится к запретам на проявление всякого рода «звероподобия», нечеловеческого начала в человеке [1].

1. Фрейм «Состав царства животных».

1.1. Слот «Собственно животные».

В массе булгаковских мстафор наблюдаются образы конкретных животных, каждое из которых обладает в представлении носителей языка определенной чертой (лиса — хитростью, медведь — неуклюжестью, щенки — наивностью, шакал — продажностью), т. е. образы являются прототипическими.

Среди мстафор зооморфных образов первое место по частотности и развертываемости занимает метафора «человек-волк». Ее можно считать типичной авторской булгаковской мстафорой, образующей его стиль. Эта метафора у Булгакова амбивалентна: с одной стороны, волчьими аллюзиями маркированы персонажи заведомо отрицательные, явно не близкие автору; с другой стороны, «волчьи» черты придаются героям явно автобиографическим [2]. В оценочном плане сравнение с волком двойственно, и эта двойственность сохраняется в булгаковском творчестве на всем протяжении [3].

Хищное животное ВОЛК метафорически ярко показывает образ жизни персонажа, его поведение, характер движения. Первое упоминание о бандите «волке» в романе «Белая гвардия» связано со сценой, когда он через окно наблюдает за Василисой, устраивающем в стене тайник. Ср.: *«На черной безлюдной улице волчья оборванная серая фигура беззвучно слезла с ветви акации, на которой полчас сидела, страдая на морозе <...> Пружинно прыгнув в сугроб, фигура ушла вверх по улице, а далее провалилась волчьей походкой в переулках»* (Б. г., с. 29). В следующем эпизоде раскрываются портретные черты этого же персонажа. Ср.: *« — С обыском, — ответил первый вошедший волчьим голосом <...> В человеке все было волчье <...> Лицо узкое, глаза маленькие, глубоко сидящие, кожа серенькая, усы торчали клочьями, и небритые щеки запали сухими бороздами, он как-то странно косил, смотрел исподлобья <...> успел показать, что идет нечеловеческой ныряющей походкой привычного к снегу и траве существа»* (Б. г., с. 187).

Автор подчеркивает деклассированность и аполитичность грабителей, прикидывающихся «идейными» пестлуровцами, совершенно ясно: к политике они не имеют никакого отношения, они обречены занимать маргинальное, «волчье» положение. Определяющим в символикe волка является признак «чужой» [4]. На протяжении эпизода слова «волк», «волчий» употреблены более тридцати раз.

Работу шпиона писатель метафорически называет волчьей, чему способствуют явные общие компоненты названных концептов: скрытая охота, выслеживание.

Ср.: *«До трех, припав к подножию серой кариатиды, истомленный волчьей жизнью, бодствовал шпион»* (№ 13 — Дом Эльпит-Рабкоммуна, с. 112).

Самого себя Булгаков сравнил с волком в письме к Сталину от 30 мая 1931 г., однако это сравнение возникло на почве ассоциации животного как «жертвы человеческой охоты».

Ср.: *«На широком поле словесности российской СССР я был один-единственный литературный волк. Мне советовали выкрасить шкуру. Нелепый совет. Крашеный ли волк, стриженный ли волк, он все равно не похож на пуделя.*

Со мной и поступили как с волком. И несколько лет гнали меня по правилам литературной садки в огороженном дворе.

Злобы я не имею, но я очень устал и в конце 1929 года свалился. Ведь и зверь может устать.

Зверь заявил, что он более не волк, не литератор. Отказывается от своей профессии. Умолкает. Это, скажем прямо, малодушие.

Нет такого писателя, чтобы он замолчал. Если замолчал, значит, был ненастоящий.

А если настоящий замолчал — погибнет.

Причина моей болезни — многолетняя затравленность, а затем молчание» (Письмо Сталину, с. 688).

Метафора погони, травли, охоты на человека, когда гонимый превращается в зверя, возникает в творчестве писателя в рассказе «Необыкновенные приключения доктора», потом повторяется в романе «Белая гвардия» [5]. Преследуемая жертва, изгой показывает не агрессивную-активную, а страдательно-пассивную роль хищника.

Ср.: *«Достаточно погнать человека под выстрелами, и он превращается в мудрого волка; на смену очень слабому и в действительно трудных случаях ненужному уму вырастает мудрый звериный инстинкт. <... > Уже совершенно по-волчьи косил на бегу Турбин глазами»* (Б. г., с. 167).

В «Театральном романе» главный герой неоднократно сравнивается с волком. Это сложный, неоднозначный образ, как отмечает Е. А. Яблоков, с явными автобиографическими аллюзиями [6].

Ср.: «... жестом всех призвал в свидетели, — поглядите; смотрит на меня **волчьими глазами**» (Театральный роман, с. 253) или: « — А вы, — тонко улынувшись, шепнул Бомбардов, — злой человек! <... > Слова его кольнули меня. Я считал, что я совсем незлой человек, но тут же вспомнились слова Ликоспастова о **волчьей улыбке...**» (Театральный роман, с. 357).

Широко представленная во всем творчестве метафора человек-волк даст основание исследователям говорить о связи образа с психологическим состоянием автора. Настоящая работа не ставит задачи обнаружить фобии писателя, поэтому примеры и комментарии исследователей по этой теме будут пропущены.

В привычном для российского менталитета понимании ЛИ-СИЦА — зверь хитрый. Эта черта становится общим компонентом для концептуализации поведения человека при метафорическом описании бегства гетмана Украины с помощью германской поддержки.

Ср.: «Худой, седоватый, с **подстриженными усиками на лисьем бритом пергаментном лице человек** <... > Возле него шевелились три немецких офицера <... > Они **помогали лисьему человеку** переодеться <... > наглухо забинтовал голову... так, что остался видным лишь **правый лисий глаз** да тонкий рот, чуть приоткрывавший золотые и платиновые коронки» (Б. г., с. 93).

Фамилия одного из персонажей, напоминающая отчество, восходит к названию животного — Лисович. Автор таким образом, используя присем говорящей фамилии, намекает на природную хитрость, изворотливость, умение приспосабливаться к внешним изменениям представителей всего семейства, передающиеся от предков.

Ср.: «... никто не называл инженера иначе, как **Василиса**. Случилось это потому, что домовладелец с января 1918 года, когда в городе начались уже совершенно явственно чудеса, сменил свой четкий почерк и вместо определенного «**В. Лисович**», из страха перед какой-то будущей таинственностью, начал в анкетах, справках, удостоверениях, ордерах и карточках писать «**Вас. Лис.**» (Б. г., с. 27–29).

Продолжает метафорический ряд хищных животных ХОРЕК, особенностью поведения которого является кровожадность. Писатель, показывая хищнические предчувствия выгодных изменений, описывает поведение персонажа.

Ср.: «... вошел **похожий на бесхвостого хорька капитан** — помощник начальника снабжения <... > — Слушаю, — любопытно глядя, **ответил хорек** <... > **Любопытные огоньки заиграли в глазах хорька**» (Б. г., с. 120).

Общее наименование ЗВЕРЬ по отношению к человеку возникает в эпизоде обращения жертвы к палачу.

Ср.: « — **Господин генерал, вы — зверь. Не смеете вешать людей**» (Красная корона, с. 81).

Метафорическое употребление концепта ЗВЕРЬ появляется при описании пожара. Уничтожающий все на своем пути огонь образно сравнивается со все пожирающим зверем.

Ср.: «... **бледневшее небо, на котором колыхался, распластавшись, жаркий оранжевый зверь.... Тихо было в переулке, и чуть поросил снежок. Но звериное брюхо все висело на небе... [Аннушка] пошла медленно, на зверя не оглядывалась... А зверь, как побледнело небо, и сам стал бледнеть, туманиться**» (№ 13 — Дом Элыпит-Рабкоммуна, с. 119).

Концепт СОБАКА так же неоднозначен, как концепт ВОЛК. В традиционных представлениях образ собаки амбивалентен, он ассоциируется как с собачьей преданностью, так и с собачьей враждой, злобой [7]. Образ собаки сопутствует образу волка практически во всех текстах писателя — это отмечает исследователь Яблоков в книге «Художественный мир М. Булгакова». Эти фигуры, с одной стороны, едины — в позиции хищности и агрессии, с другой стороны — антагонистичны.

Кроме образа собаки-преследователя, возникает образ собаки-жертвы. Преданность влюбленной женщины сравнивается с положением собаки по отношению не к хозяину, но к существу, фактически выступающему в образе волка. Врач-наркоман, на чей волчий образ автор намкает фразой «**повернулся и, оскалившись, говорю**», подавляет сопутствующий ему образ верной женщины (оскал — мимическая черта животных, демонстрирующих агрессию). Отношения хищника и жертвы-собаки налицо.

Ср.: «... **сзади меня, как верная собака пошла она <... > Повернулся и, оскалившись, говорю: — Сделаете или нет?**» (Морфий, с. 472).

Беззащитность людей перед стихией войны или насильственной смертью для Булгакова аналогично положению собак, как беспомощных жертв неумолимой силы.

Ср.: «... **обманутые и втянутые в авантюру люди вроде вас будут перебиты, как собаки**» (Б. г., с. 97) или: « — Ой, **убить тебе треба, як собаку. У-у, кровопийца...**» (Б. г., с. 192).

Положение воспитанников военного училища как рядовых исполнителей сопоставляется с типичным для охотничьих собак состоянием. Ср.: «**Юнкера, наконец, прибежали, пытая, как загнанные гончие, со свистом и хрипом**» (Б. г., с. 123).

Слова, освещающие концепт СОБАКА, в большинстве случаев употребления несут идею несчастной, безропотной жертвы, но в ряде случаев присутствует выражение враждебности. В виде агрессора собаки метафорично выступают при живописном изображении звучания колоколов во время церковной службы, они ассоциируются у писателя с собачьим лаем.

Ср.: «... метались и кричали маленькие колокола, словно яростные собаки на цепи» (Б. г., с. 203).

Метафорические модели **человек-зверь** или **человек-волк** являются для творчества Булгакова типичными, формирующими стиль писателя. Выбирая хищных представителей из животного мира в качестве источника сопоставления, писатель стремится показать общие черты в сущности природы человека и животного. Модель является доминантной для писателя, так как является особо частотной (более сотни раз), развернутой (представлена разнообразными слотами) и рассредоточенной по разным текстам (роман «Белая гвардия», «Театральный роман», «№ 13 Дом Эльпит-Рабкоммуна», «Письмо Сталину», «Морфий» и др.).

1.4. Слот «Низшие животные».

Группа низших животных — одна из самых многочисленных среди зооморфных метафор, в связи с чем предполагаем возможным разделить ее на две подгруппы (или концептосферы): 1) пресмыкающиеся и 2) насекомые.

В концептосфере ПРЕСМЫКАЮЩИЕСЯ выделяются обобщенное понятие *гады* и конкретные представители, а именно: *змея, уж, удав, черепаха, гусеница*. Метафорические словоупотребления данной концептосферы, направленные на человека и его деятельность, имеют ярко выраженную негативную характеристику. С ними связано представление о всякого рода низости.

Ср.: «Я говорю про его предтечу Михаила Семеновича Шполянского, **человека с глазами змеи** и с черными баками. Он уехал в царство антихриста...» (Б. г., с. 232) или: «... и так от него стало тепло и уютно, что я забыл, что на улице беспросветная мгла, и даже перестало казаться, что **Ликоспастов змея**» (Театральный роман, с. 336) или: «— Утром сегодня являюсь, а **эта змея** пристает... — Виноват, это кто ж змея? — **Жена моя, понятно...**» (По поводу битвы жен, с. 246).

Использование Булгаковым метафор сферы пресмыкающихся наблюдается при образном описании предметов, например: *тонкой змеей на полу лежал электрический провод, провод от штепселя змеей сполз к стулу, шланги ползли как удавы, поезд без паровоз как гусеница без головы, подкрепление одной черепахой* — или

при образном описании массы людей, выстроенных в определенном порядке, например: *змеей вытянулся строй; полк, растянувшись змеей; растянутая гусеница стояла, гудела, ворчала, шла гусеница.*

Собирательное название всех пресмыкающихся — *гады* — метафорически употребляется автором в описании парадоксальной исторической ситуации. Военные неудачи и поражение России (т. е. победа Германии) в 1917 г. помогли большевикам захватить власть, а поражение Германии в 1918 г. помогло большевикам эту власть удержать — избавиться от тяжелых, непомерных условий Брестского мира, начать восстановление империи в прежних границах (Лесский. Триптих Булгакова, с. 81). Деятельность обеих сторон, таким образом, дискредитируется.

Ср.: «Они поняли, что судьба их связала с побежденными, и сердца их исполнились ужасом. — Немцы побеждены, — **сказали гады.** — Мы побеждены, — **сказали умные гады**» (Б. г., с. 57).

Концептосфера НАСЕКОМЫЕ как источник метафорической экспансии при образном переносе на человека имеет традиционно негативную коннотацию. Негатив заключается в указании на степень ничтожности человека как индивида. Ср.: « — *Живее, живее, старикан! Что ползешь, как вошь по струне?*» (Б. г., с. 86), или: « — Ты знаешь, что сейчас в музее сидит **тысяча человек** наших, голодные с пулеметами... Ведь их петлюровцы, **как клопов, передушат...**» (Б. г., с. 178), или: «С немцами шутки шутить нельзя, пока что... Что бы там ни было, а **немцы** — штука серьезная. **Похожи на навозных жуков**» (Б. г., с. 90), или: « — Господи, господи! Если бы немцы не сделали этой подлости, все было бы отлично. Двух их полков достаточно, чтобы **раздавить этого** вашего **Петлюру как муху**» (Б. г., с. 15), или: «Не только Петлюры бы духу не было в Малороссии, но мы бы **Троцкого прихлопнули** в Москве, **как муху**» (Б. г., с. 35), или: « — Эх, эх, — вздыхал **Николка** и брел, **как сонная муха**, из столовой через прихожую» (Б. г., с. 185), или: «**Автор** почему-то находился тут же, **расхаживая** по утлым перекладам так же **свободно, как муха по стене...**» (Театральный роман, с. 364), или: «Полез по куче битого кирпича, а затем, **как муха, по отвесной стене**, вставляя ноги в такие норки, что в мирное время не поместилась бы и копейка» (Б. г., с. 137), или: «Знаю я, что ты думаешь. Знаю. Ты, як бы твоя власть была, **изничтожил бы нас, як насекомых**» (Б. г., с. 192).

Несколько десятков подобных метафорических примеров унижительного уподобления людей (человека) насекомым употреблено в диалогах персонажей, что моделирует своеобразную картину

взаимоотношений в социуме. Кризисная ситуация в обществе (окупация, революция, гражданская война) повышает требования к личности на всех уровнях (внутреннем, межличностном и т. п.), адаптивные возможности человека (массы людей) не соответствуют, значительно не дотягивают до запрашиваемого условиями среды уровня личной защиты, что способствует формированию ощущений ничтожности. Длительное состояние подобного стресса приводит к дистрессу и, как следствие, к гибели индивида, процесс чего, собственно, и живописует Булгаков в романе «Белая гвардия».

Обращение писателя к животным разного уровня — высшим (млекопитающие) и низшим (насекомым) обнаруживает некоторую закономерность, которая заключается в следующем. Высшие животные как сфера-источник метафорической экспансии моделирует поведение характерных персонажей, т. е. персонажей с заданными специфическими чертами характера. Обозначения человека с помощью сферы низших животных, по сути, являются инвективами. Г. Н. Складаревская в монографии «Метафора в системе языка» говорит о том, что обычно зооморфные «наименования-характеристики направлены на дискредитацию, резкое снижение предмета и обладают яркой пейоративной окраской» [8]. Представленным в нашем исследовании метафорам с источником НИЗШИЕ ЖИВОТНЫЕ присущи исключительно негативные характеристики, низводящие человека до уровня ничтожности.

Для зооморфной метафоры Булгакова свойственно образное представление человека в виде животного, прототипические функции которого он раскрывает как в мелких чертах и деталях эпизода, так и глобально во всей концепции произведений.

Примечания

1. Телия В. П. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991.
2. Чудакова М. Жизниописание М. А. Булгакова. М., 1988. С. 452–464.
3. Яблоков Е. В. Художественный мир Булгакова. М., 2001. С. 341.
4. Там же. С. 341.
5. Там же. С. 357.
6. Там же. С. 359.
7. Успенский Б. А. Избранные труды: В 2 т. Т. 1: Язык и культура. М., 1994. С. 120.
8. Складаревская Г. П. Метафора в системе языка. СПб., 1993. С. 91.

Периферийные смыслы концепта «Солнце» (на материале текстов К. Кинчева)

В данной статье представлен фрагмент описания концепта «Солнце», репрезентированного в текстах К. Кинчева.

Под концептом мы понимаем репрезентированную в языке оперативную содержательную единицу сознания, которая культурно обусловлена и отражает комплекс всех представлений и ассоциаций, возникающих у носителя языка в связи с каким-либо явлением действительности. Данное определение было сформулировано после рассмотрения и обобщения точек зрения современных ученых-лингвистов на концепт. На наш взгляд, оно отражает все существенные признаки концепта.

Вполне закономерным при исследовании концептов является обращение к текстам, поскольку, как пишет Л. Н. Мурзин, «культура вообще существует в форме текстов — знаковых произведений духовной деятельности человека» [1]. Подобного же мнения придерживается и В. А. Маслова, которая называет тексты подлинными хранителями культуры и замечает, что приобщение человека к культуре происходит посредством присвоения им «чужих» текстов, в то время как язык является лишь механизмом, способствующим кодированию и трансляции культуры» [2]. Таким образом, изучение концептов, репрезентированных в художественном тексте, ценно не только тем, что может дать представление о индивидуальной концептуальной картине мира автора того или иного текста, но и тем, что может выявить, как индивидуальная концептуальная система отражает коллективную систему представлений, сложившуюся в данной культуре, а иногда и влияет на нее. Так, Л. Г. Бабенко отмечает, что выражаемые в литературно-художественной форме знания автора о мире наряду с универсальными общечеловеческими знаниями содержат уникальные, самобытные, порой парадоксальные представления автора. При этом «степень соответствия универсальных и индивидуально-авторских знаний в художественной картине мира текста может быть различна: от полного совпадения, тождества — до разительного несовпадения, полного расхождения» [3].

Обращение к творчеству современного русского рок-поэта, лидера рок-группы «Алиса» К. Кинчева позволило исследовать специфику концепта «Солнце», существующего в сознании отдельной языковой личности.

При создании модели концептуального анализа, целью которого является описание содержания и структуры концепта, мы опирались на методику, предложенную И. А. Стерниным [4] и модифицированную применительно к избранному материалу. Данная модель включает в себя следующие этапы анализа:

1. Выявление репрезентаций исследуемого концепта в тексте.
2. Определение базовой лексемы-репрезентанта концепта (термин, предложенный И. А. Стерниным), т. е. слова, которым чаще всего репрезентируется концепт в тексте.
3. Анализ словарных толкований базовой лексики-репрезентанта концепта.
4. Анализ сочетаемости репрезентантов концепта в исследуемых текстах.
5. Выявление на основе сопоставления результатов анализа словарных толкований базовой лексики-репрезентанта с результатами исследования концепта, репрезентированного в тексте, объективных и индивидуально-авторских смыслов концепта.
6. При необходимости соотнесение выделенных концептуальных смыслов с информацией общекультурного фонда (историко-культурным контекстом).
7. Построение структуры концепта на основе полученных данных.

Концепт имеет полевую структуру, состоящую из ядра и обширного интерпретационного поля, в котором выделяется ближайшая и дальнейшая периферия. Ядро концепта включает базовый слой и наслаивающиеся на него когнитивные слои. Базовый слой концепта содержит определенный наглядно-чувственный образ того или иного предмета. Наслаивающиеся на него когнитивные слои отражают определенный результат познания внешнего мира, т. е. представляют собой результат когниции. Интерпретационное поле концепта содержит разнообразные смысловые признаки, скрытые от прямого наблюдения и формирующиеся на основе ассоциативных, в действительности ненаблюдаемых связей, которые могут быть предопределены культурным контекстом.

В настоящей статье мы более подробно остановимся на рассмотрении дальнейшей периферии концепта «Солнце», репрезентированного в текстах К. Кинчева, но прежде мы считаем необходимым кратко охарактеризовать ядерную зону и зону ближайшей периферии исследуемого концепта.

1. Концепт «Солнце», репрезентированный в текстах К. Кинчева, имеет многоуровневую структуру, состоящую из ядра, которое включает базовый слой (чувственный образ) и наслаивающиеся на него когнитивные слои, и обширного интерпретационного поля (периферии).

2. Содержание концепта «Солнце», репрезентированного в текстах К. Кинчева, формируется на основе объективных и индивидуально-авторских смыслов, при этом индивидуально-авторские смыслы являются производными от объективных.

3. Вследствие этого концептуальные смыслы не являются изолированными друг от друга, что обуславливает наличие ассоциативных связей между ними.

4. Среди объективных смыслов выделяются следующие: солнце воспринимается как небесное тело, имеющее цвет, способное перемещаться и обладающее свойствами излучать свет и тепло, а также как источник чего-то ценного, жизненно необходимого. В основном объективные смыслы входят в ядерную зону концепта.

5. Зона когнитивных слоев концепта «Солнце» формируется на основе как объективных, существующих в языке, так и индивидуально-авторских смыслов. В нее входят следующие представления автора о солнце: 1) солнце предстает как живое существо; 2) солнце воспринимается как природная стихийная сила (наблюдается связь солнца с огнем и ветром); 3) отмечается связь солнца с движением времени; 4) солнце является воплощением света, способствующего духовному прозрению и очищению, и тем самым противопоставляется ночи, тьме, шире — злу.

6. Ближайшая периферия концепта «Солнце» отражает в основном индивидуально-авторские представления К. Кинчева и включает следующие смысловые компоненты: аксиологический (солнце выступает как нечто ценное, то, что ищут, ждут, к чему стремятся, что является жизненно необходимым), этический (солнце предстает как воплощение свободы, истины, Бога), эмоциональный (солнце становится предметом и источником положительных эмоций), эстетический (солнце и его проявления оцениваются как эстетически прекрасные).

К дальнейшей периферии концепта «Солнце» относятся отдельные (одинокые) непродуктивные концептуальные смыслы, которые представляют собой ассоциации с уже выделенными концептуальными смыслами.

Так, в одном из исследуемых контекстов (приведенный ниже текст песни «Осеннее солнце») *солнце* ассоциативно связано *со смертью*. Данный концептуальный смысл репрезентируется только в одном тексте, что свидетельствует о его уникальности. При этом он является производным от смысловой доминанты ядерной зоны концепта, которая отражает связь солнца с движением времени.

Осеннее солнце

Смотри, как август падает с яблонь.
Это жатва, это сентябрь.
Омытый дождем берег птицами отпст.
Из вереницы траурных дат этот день,
Только этот день плачет...
Смотри, как ветры
Собирают в стаи самых усталых,
Как поднимают и кружат над Распятисм листья.
Смотри, как лес полыхает и медленно гаснет.
Это сентябрь.
Осеннее солнце — гибель-сюрреалист.
Осеннее солнце — жатва.
Осеннее солнце листьями падает вниз.
Весна будет когда-нибудь завтра.
Смотри, как кровью дурманит болота кикимора-кляква.
Как ведьмы-вороны тревожат День Вознесенья.
Смотри, как в саван туман наряжает озера,
Как стелет звезды по самой воде поднебесье.
Смотри, как ветви и тени деревьев ложатся на травы.
Как кружит души над куполами стон Благовеста.
Как поминают вином и хлебом, как провожают
Лето...

Необходимо отметить, что К. Кинчев посвятил песню «Осеннее солнце» умершему другу.

В данном тексте выражается сложное переплетение языческих и христианских мотивов. В основе пересечения этих мотивов лежат представления об умирающем и воскресающем Боге: у древних славян они отражены в мифе о божестве плодородия Яриле (который нередко приравнивался к Дажьбогу-Солнцу), у христиан — в истории жизни и смерти Иисуса Христа. Кроме того, на присутствие языческих мотивов указывает использование названий демонических персонажей: *кикимора*, *ведьма*, а на присутствие христианских мотивов — использование религиозной лексики: *Распятие*, *День Вознесения*, *купола*, *Благовест*.

Влияние мифологических представлений отразилось также в том, что время года в данном тексте образно сопоставляется с периодом жизни человека, осень — со смертью человека. По древним верованиям, характерным для аграрной эпохи, осень — это время, когда солнце утрачивает свою животворящую силу, вследствие чего природа погружается в сон, умирает, но только лишь для того, чтобы вновь пробудиться и воскреснуть весной. Отсюда строчка *Весна будет когда-нибудь завтра*. Нужно отметить, что славяне-язычники, считая себя единым целым с природой, подобным образом воспринимали и смерть.

Она представлялась им не как конечный этап в жизни человека, а как сон, только более глубокий, чем обычный, после пробуждения от которого человек переходил в другой мир.

Не случайно поэтому слово «солнце» находится в одном ряду со словами «гибель», «жатва». Жатва — это та же смерть, гибель, так как знаменует собой окончание годовичного природного цикла. Важным является также то, что слову «солнце» в данном тексте в качестве атрибута неизменно сопутствует слово «осеннее». На основании этого можно сделать вывод, что со смертью связано солнце лишь в осенний период своего годовичного цикла.

Следует отметить, что древние славяне считали Даждьбога учредителем солнечного календаря и в зависимости от активности солнца делили год на активную (весна, лето) и пассивную (осень, зима) части. А праздники, посвященные Солнцу, были наиболее почитаемы и всегда отмечались коллективно и с большим размахом. К ним относятся зимний солнцеворот (25 декабря), Масленица (праздновалась изначально в дни весеннего равноденствия, 20 — 25 марта, но с принятием христианства была перенесена на конец февраля — начало марта, так как веселый и даже несколько разнузданный характер языческих масленичных обрядов не мог совместиться с христианским Великим постом), летний солнцеворот (21 или 22 июня), совпавший позднее с днем Ивана Купалы (ночь с 23 на 24 июня). То, что эти праздники приурочены к трем из четырех основных солнечных фаз, свидетельствует, что для славян-язычников солнце связано с идеей Времени [5].

Интересной представляется строка *Омытый дождем берег птицами отпет*, на первый взгляд не имеющая никакого отношения к солнцу. Значение краткого причастия «отпет» совершенно отчетливо указывает на христианский обряд отпевания умершего. Но для нас важным является то, что субъектом действия (*отпевания*) выступают *птицы*, поскольку в славянской мифологии птицы связаны как со смертью, так и с солнцем. Как пишет Б. А. Рыбаков, «рай русских, обиталище душ умерших... находился не под землей (хотя это было характерно для мифологической картины мира многих народов. — Г. Г.), а где-то высоко-высоко... в далекой солнечной стороне. Владимир Мономах, говоря о появлении перелетных птиц, прибывающих из теплых южных земель, пишет: «сему ся подивуемы, како птица небесная из ирья идуть...». Географически этот языческий рай, страна усопших, находился где-то на востоке, за морем, в месте восхода солнца. <...> Местонахождение душ в ирии, откуда прилетают перелетные птицы, повлияло на то, что и сами души предков отождествлялись с птицами» [6]. Иными сло-

вами, птицы воспринимались как медиумы между миром земным и миром небесным, миром живых и миром умерших.

Отметим, что связь *солнце — птицы* наблюдается также и в других контекстах и формирует еще один концептуальный смысл, который относится к дальнейшей периферии концепта «Солнце». Приведем несколько примеров:

Как-то раз по весне ранней

Поманила пожар-птица

По дорогам земли дурня

К солнцу тропы искать.

(«Дурак»)

Где разорвана **связь между солнцем и птицей** рукой
обезьяны...

(«Стерх»)

...Слетались **птицы** на болота...

<...>

...**На крыльях солнце несли...**

(«Шабаш»)

Итак, в текстах К. Кинчева солнце ассоциативно связано со смертью, с птицами. Данные концептуальные смыслы формируются на основе языческих и христианских представлений и относятся к зоне дальнейшей периферии концепта «Солнце».

Содержание концепта «Солнце», репрезентированного в текстах К. Кинчева, формируется на основе как универсальных общекультурных знаний, так и индивидуально-авторских представлений. Общекультурные знания отражаются прежде всего в присутствии в творчестве К. Кинчева языческих и христианских мотивов. Это позволяет говорить о том, что концепт «Солнце» у К. Кинчева обладает национально-культурной спецификой, так как сосуществование и взаимодействие языческих и христианских представлений указывает на такое явление, как двосерие, которое принято считать феноменом исключительно русской культуры. Индивидуально-авторские же представления выражаются в первую очередь в том, как К. Кинчев, творчески осмыслив и переработав универсальные общекультурные знания, воплотил их в своих текстах.

Примечания

1. Мурзин Л. Н. Язык, текст и культура // Человек — текст — культура. Екатеринбург, 1994. С. 161.

2. См.: Маслова В. А. Лингвокультурология. М., 2001.

3. Бабенко Л. Г., Васильев И. Е., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург, 2000. С. 82 — 83.

4. См.: Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.

5. См.: Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1997.

6. Там же. С. 371–372.

Опыт описания пространственного образа в поэзии И. Анненского

При анализе художественного текста исследователь выявляет индивидуально-авторскую картину мира – вариант мира реального, являющийся результатом восприятия и творческого переосмысления субъектом (автором). С одной стороны, данная структура «отражает универсальные законы мироустройства, а с другой – индивидуальные, даже уникальные, воображаемые идеи» [1], т. е. авторская картина мира является результатом вторичной концептуализации мира. Исследование фрагментов авторской картины мира – это один из способов описания языковой личности автора посредством интерпретации его текстов. Действительность прежде всего осмысливается через такие категории, как пространство, время, движение и т. д.

Художественное пространство традиционно описывается скорее с литературоведческих, нежели лингвистических позиций (работы М. Бахтина, Ю. Лотмана, Б. Успенского). Тем временем проблема создания лингвистической методики описания такой многогранной и сложной категории, как пространство, стоит весьма остро, особенно применительно к тексту поэтическому, в котором каждая лексема аккумулирует множество смыслов.

В настоящей статье на материале поэзии И. Анненского мы попытаемся продемонстрировать вариант описания пространства посредством пространственных образов. Пространственные образы, создаваемые в поэтических текстах, обладают более или менее постоянными (в рамках творчества поэта) характеристиками, переносимыми из текста в текст, являются ключом к пониманию художественной картины мира и дешифровке поэтических смыслов в рамках сверхтекста одного автора.

Для описания пространственного образа мы используем следующую методику:

- 1) выявление текстов, в которых содержится номинация локуса;
- 2) распределение лексики текста по тематическим (функционально-семантическим) группам, формирующим типы пространства в тексте;
- 3) выявление доминанты тематической группы (далее – ТГ), семантический анализ состава ТГ;
- 4) контекстологический анализ лексем, входящих в ТГ;
- 5) рассмотрение взаимодействия разных типов пространств в рамках текста;

6) выявление общей структуры пространства, репрезентированного в тексте;

7) обобщение результатов анализа в виде схемы пространственного образа (в рамках одного текста и далее – в рамках сверткста).

В качестве иллюстрации предложенной методики рассмотрим структуру художественного пространства в стихотворении «Свечку внесли» («Трилистник сумеречный»). Для художественного мира И. Анненского характерны следующие пространственные образы: *сад, дом, вокзал, вагон / поезд*, основанием для их выделения является, во-первых, количественная частотность употребления, во-вторых, концептуальность для автора, в-третьих, вынесение данной (или однокоренной) лексики в заглавие микроцикла (трилистника). Проанализируем два стихотворения, входящие в «Трилистник сумеречный»:

Свечку внесли

Не мерещится ль вам иногда,
Когда сумерки ходят по дому,
Тут же возле иная среда,
Где живем мы совсем по-другому?

С тенью тень там так мягко слилась,
Там бываст такая минута,
Что лучами незримыми глаз
Мы уходим друг в друга как будто.

И движеньем спугнуть этот миг
Мы боимся, иль словом нарушить,
Точно ухом кто возле приник,
Заставляя далекое слушать.

Но едва запылает свеча,
Чуткий мир уступаст без боя,
Лишь из глаз по наклонам луча
Тени в пламя сбегут голубос.

Заголовок предполагает наличие в тексте замкнутого пространства (помещения), так как предикат *внести*, относящийся к семантической группе глаголов однонаправленного перемещения, ориентированного относительно конечного пункта, имеет следующее лексическое значение: 'Перемещать (переместить) что-л. на руках, помещая внутрь какого-л. помещения' [2]. Помимо указания на конечный пункт перемещения, данная лексема задает позицию субъекта, находящегося внутри помещения. Маркером замкнутого пространства в данном тексте выступает предложно-надежная форма *по дому*,

входящая в состав пропозиции S (*сумерки*) – Р (*ходят*) – Лос. (*по дому*). Если рассмотреть лексическое наполнение компонентов пропозиции, то в позиции субъекта выступает отвлеченное существительное *сумерки* (оптическое явление, представляющее собой очень слабое освещение перед заходом солнца и наступлением ночи, а также перед восходом солнца), относящееся к семантической группе «Оптические явления» [3], позиция предиката замещена глаголом перемещения в пространстве, а позиция локатива замещена существительным с конкретным значением. Подобная структура задает основное внутритекстовое противопоставление пространства реального (предметного) и ирреального. В соответствии с этим в тексте выделяются две тематические группы лексики.

ТГ-1 – лексика с предметным значением или значением конкретно-физического действия, создающая образ мира реального: *свечка, внесли, ходят по дому, глаз, движеньем спугнуть, словом нарушить, ухом... притик, слушать, запылает свеча*.

Доминантой ряда оказывается лексема *свеча*, которая выступает знаком вещного мира. Остальные члены группы несут в себе семантику конкретного, будь то номинация части тела (*глаза*), глагол восприятия (*слушать*) или отвлеченное существительное (*движенье*).

ТГ-2 – лексика, создающая образ ирреального мира: *мерещиться, иная среда, живем... по-другому, тень, слилась, лучами незрими, как будто, далекое, чуткий мир уступает, тени*.

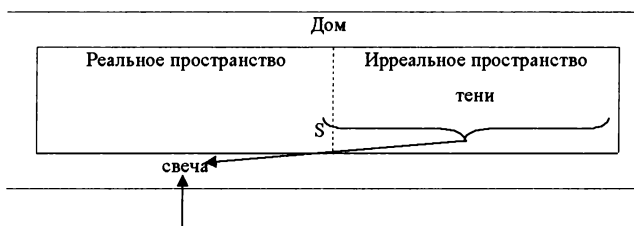
Доминанта данного ряда – *чуткий мир*, это и есть поэтическая номинация пространства ирреального. Члены ряда объединяются на основании наличия семантики инакости, чуждости, неясности и нереальности. Так, глагол *мерещиться* (представляться (представиться)) в воображении, мысленно предполагает, что объект в реальности не существует. Основными субъектами действия в этом предполагаемом и представляемом мире оказываются тени, которые связаны с миром реальным, но существуют в своем пространстве, в своем плоскостном мире.

Возникает явное противопоставление двух пространств, обозначенных выше. В рамках текста эти два типа художественного пространства вступают во взаимодействие. Первые строки текста сталкивают пространство дома, принадлежащее субъекту, и иную среду. Наречие *возле* указывает на тип пространства, приближенного в говорящему, находящегося в его зоне (что может быть подтверждено и дейктическим наречием *тут*), но словосочетание *иная среда* и придаточное *где живем мы совсем по-другому* дают возможность говорить об отдаленном, чуждом, в данном случае, ирреальном пространстве, так как оно раздваивает человека. Дальнейший контекст дает разверну-

тое описание именно этого типа пространства. Так, субъектами действия становятся *тени*, действуют *лучи незримые*, пространство дополнительно отдалается наречием *там*, а действия происходят *как будто*, то есть нереально. Следующее четверостишие являет собой столкновение реального и ирреального пространств. Важным оказывается то, что взаимодействие и даже органическое существование этих двух пространств невозможно, в силу зыбкости, ненадежности, «чуткости» ирреальности. Так, *движение и слово*, принадлежности объективной действительности и трактующиеся как принадлежность мира людей, могут только спугнуть мимолетное соприкосновение миров, дающее возможность наблюдать за иными сущностями, *заставляя далекое слушать*. Последнее четверостишие сталкивает миры еще более явно, при этом победа остается за реальным пространством. Интересно и то, что средством борьбы оказываются *свеча и пламя* – знаки мира реального. Образ пламени приобретает двоякий смысл. В реальном пространстве стихия огня оценивается как отрицательное явление, уничтожающее, разрушительное начало, в ирреальном же пространстве пламя становится своего рода спасением, так как *тени сбегают в него*.

Таким образом, можно говорить о ирреальном пространстве как о мире, где все наоборот, тень вместо света, убежище вместо разрушения, как о зыбкой структуре бытия, разрушающейся при столкновении с миром реальности.

Общая пространственная структура текста может быть представлена следующим образом:

Данная схема представляет замкнутое пространство дома, в котором сосуществуют два пространства, при этом граница между ними нечеткая, зыбкая (обозначена пунктиром), лирический субъект включен в пространство реальное, но наблюдает (видит и слышит – подчеркнутые зоны восприятия) пространство ирреальное; внесение свечи как источника света разрушает полутьму, а следовательно, и чуткий мир, который, сбегая «в пламя голубое», исчезает.

Перед панихидой

Сонет

Два дня здесь шепчут: прям и нем
Все тот же гость в доме,
и вянут космы хризантем
В удушливом дыму.

Гляжу и мыслю: мир сму,
Но нам-то, нам-то всем,
Иль люк в ту смрадную тюрьму
Захлопнулся совсем?

«Ах! Что мертвец! Но дочь, вдова...»
Слова, слова, слова.
Лишь Ужас в белых зеркалах

Здесь молит и поет
И с поясным поклоном Страх
Нам свечи раздаст.

В тексте выделяется четыре тематические группы лексики, задающие соответствующие пространства.

ТГ-1 – лексика, создающая образ дома: *здесь, шепчут, в доме, космы хризантем, нам, дочь, вдова, слова, в белых зеркалах, свечи*.

Доминантой ряда становится предложно-падежная форма *в доме*, задающая наряду с дейктическим наречием *здесь* точечное пространство, в которое оказывается включен лирический субъект, что подтверждается также употреблением местоимения 1-го лица *нам*. Остальные члены ряда принадлежат к предметному миру и создают интерьер помещения (*хризантемы, зеркала, свечи*) или образ мира «жизни», т. е. содержат в своем значении сему «человек» (КЛС в ЛЗ лексем *дочь, вдова*; ДС в ЛЗ глагола *шептать*; АС в ЛЗ лексемы *слова*).

ТГ-2 – лексика, связанная с идеей смерти: *прям и нем... гость, вянут, в удушливом дыму, люк в ту смрадную тюрьму, мертвец, в белых зеркалах, свечи*.

Доминантой ряда является лексема *мертвец*, к ней примыкает образная номинация *гость*. Остальные члены ряда содержат в своем лексическом значении ассоциативные семы смерти: *вянуть, удушливый, белые зеркала* (т. е. закрытые тканью — русский обычай завешивать тканью зеркала в доме после смерти одного из членов семьи), *свечи* (обязательный атрибут похорон). Особое место в ряду занимает образная номинация гроба: *люк в смрадную тюрьму*. Замкнутое пространство гроба соотносится в тексте с замкнутым про-

странством тюрьмы, при этом актуализируется дифференциальная сема «нволи», а люк соотносится с крышкой гроба.

ТГ-3 – лексика, создающая эмотивное пространство текста: *Ужас, Страх*.

Данная группа включает в себя синонимический ряд с доминантой *страх*. Семантические различия в рамках ряда связаны со степенью проявления эмоции: так, ужас – это сильный страх. Общие компоненты значения: чувство сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения перед какой-либо опасностью. В рамках текста, таким образом, источником эмоции страха оказывается мертвец и связанное с ним пространство Смерти.

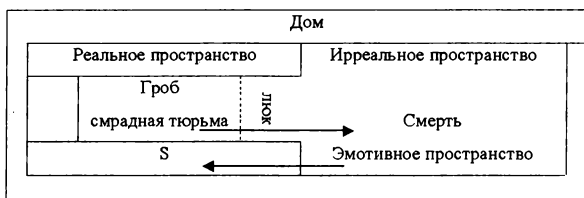
Заголовок текста задаст пространство Смерти, так как в качестве дифференциальной семы лексема *панихида* включается сему «смерть», а предлог *перед* формирует временную локализацию происходящего в тексте.

Лирический субъект обозначает свое нахождение внутри пространства дома: наречие *здесь* (ЛЗ: В этом месте), а также глагол *шепчут* (способность восприятия слухом, ДС «тихо» показывает непосредственную включенность субъекта). Развернутая номинация покойника *пряма и нем... гость в доме* создает образ за счет ассоциативных сем прилагательных прямой и немой. Сочетание *гость в доме* создаст противопоставление пространства смерти и пространства дома. После смерти человек, ранее проживающий в доме, являющийся членом семьи (см. лексическое значение *дом*, употребление лексемы в тексте может быть проинтерпретировано двояко: помимо пространственного значения, связанного с помещением для жилья, актуализируется также значение «семья, люди, проживающие вместе»), становится гостем, чужим человеком. Так, противопоставление жизнь – смерть в рамках текста может быть соотносено с мифологической антиномией свое – чужое.

Далее текст строится на основе противопоставления Жизнь – Смерть, при этом оказывается, что последняя медленно проникает в пространство жизни. Так, *цветы вянут* (ср. умирают), а *дым от свечей удушлив* (ср. со словом «удушь»). Между двумя мирами существует четкая преграда, связанная с образом гроба, который выступает, во-первых, как маргинальная зона между мирами, а во-вторых, его крышка является люком (закрывающееся отверстие для проникновения вниз, внутрь чего-либо). Образ люка может быть двояко интерпретирован. С одной стороны, он соотносится непосредственно с крышкой гроба, а с другой стороны, реальное точечное пространство расширяется до пространства ирреального, мира «после жизни», тогда люк становится абстрактным образом-символом проникновения в мир

иной. Рассматриваемое четверостишие, на наш взгляд, наиболее четко выражает пространственную модель мира, заложенную в тексте, а также содержит одну из ключевых проблем в творчестве И. Анненского. Постановка риторического вопроса указывает на сложность проблемы соотношения жизни и смерти в рамках авторского сознания. Жизнь, таким образом, оказывается наиболее шатким и зыбким положением человека, так как он постоянно находится в ожидании смерти и задается вопросом: *захлопнулся ли люк совсем* (т. е. навсегда)? Непрочность и неясность человеческой жизни по сравнению с определенностью смерти подчеркивается и включенной в текст репликой с риторическим восклицанием *Что* (ЛЗ: Ничто, ничего не значит) *мертвец!* и неполным предложением *Но дочь, вдова...* (что с ними будет?). Эмотивное пространство в тексте связано с доминирующими эмоциями ужаса и страха. Написание данных лексем с прописных букв, употребление глаголов речевого воздействия (*молит*), звучания (*поет*), передачи объекта (*раздает*), имеющих ДС «человек», а также словосочетания *с поясным поклоном* (физическое действие) указывает на персонификацию эмотивных состояний. Употребление частицы *лишь* подчеркивает единственность данных образов, их главенствующее положение.

Таким образом, общая структура пространства в данном тексте может быть представлена следующим образом:

Данная схема представляет замкнутое пространство дома, в котором сосуществуют три пространства. Граница между пространством реальным и ирреальным нечеткая (обозначена пунктиром), своеобразным «проводником», люком между пространствами оказывается крышка гроба. Лирический субъект включен в пространство реальное, но одновременно на него воздействуют субъекты мира эмоций, персонифицированные, а значит, также включенные в мир ирреальный.

Обобщенная структура замкнутого пространства, на наш взгляд, может быть представлена следующим образом: в центре находится наблюдатель (лирический герой, субъект повествования, субъект эмоции и т. д.); окружающая его среда заполнена различными предметами, вещами, знаками материального мира, людьми; за пределами обозначаемого пространства обязательно есть некий иной мир, который

может быть наблюдаем через стекло или другую полупрозрачную среду или в сознании субъекта существует априорное знание об этом мире (сна, смерти), часто недостижимом, но остро ощущаемом.

Итак, анализ пространственных образов в поэзии И. Анненского показал, что ведущая роль в их формировании принадлежит лексическим средствам. Особенностью пространственных образов, функционирующих в поэзии И. Анненского, является то, что части реального (предметного) пространства имеют постоянную эмотивную оценку, соотносены в сознании лирического субъекта с определенными видами эмоций.

Примечания

1. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учебник для вузов. Москва; Екатеринбург, 2004. С. 108.

2. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. Л. Г. Бабенко. М., 1999.

3. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2005.

© Ю. В. Казарин
УрГУ, г. Екатеринбург

Новые качества поэтического текста

Текст, в частности поэтический, в отличие от речевых реализаций и результатов, характеризуют следующие качества: *цельность* (И. Р. Гальперин), *связность* (И. Р. Гальперин), *завершенность* (Г. В. Колшанский, И. Р. Гальперин), *отдельность* (Т. В. Трошина), *прагматичность* (И. Р. Гальперин) [1]. Все эти качества текста вообще и художественного в частности в целом присущи поэтическому тексту (далее — ПТ), который как особый вариант художественного текста имеет свои, характерные только для данного типа текста качества.

Н. С. Болотнова отмечает, что выделенные учеными качества (признаки) текста являются соотносительными, ср.: 1) интеграция — когезия — связность — ретроспекция — проспекция; 2) модальность — эмотивность — экспрессивность — прагматичность; 3) цельность — контекстуально-смысловая завершенность — отдельность [2]. Это замечание свидетельствует о том, что проблема выявления и определения признаков и качеств текста, художественного текста, в том числе и ПТ, находится в стадии разработки.

В последние годы в теоретическом текстоведении сложилась парадигма категориальных (в отличие от типологических и видовых) признаков текста, среди которых Н. С. Болотнова выделяет: коммуникативность, концептуальность, прагматичность, информативность,

структурность, интегративность, регулятивность, смысловую завершенность, отдельность, цельность, членимость, когезию, модальность, экспрессивность, эмотивность, перспективность, ретроспективность [3]. Данная парадигма признаков текста представляет собой иерархию качеств (коммуникативность → модальность), присущих любому функциональному типу текста и определяющих его количественные, качественные и структурные особенности. Широкий набор оснований подобной классификации вполне оправдан сложной природой исследуемого объекта.

Л. Г. Бабенко, рассматривая признаки художественного текста, утверждает: «Основу универсальных категорий текста составляют целостность (план содержания) и связность (план выражения), вступающие друг с другом в отношения дополнительности, диархии» [4]. Далее ученый называет такие категориальные признаки художественного текста: *целостность* (или цельность), которая обусловлена концептуальностью текстового смысла; *связность*, которая обеспечивается категориями информативности, интегративности, завершенности, хромотона и др.; *завершенность* (контекстуально-смысловая); абсолютная *антропоцентричность*; *диалогичность*; *единство внешней и внутренней формы*; *развернутость и последовательность* (или логичность); *напряженность* (эстетически обусловленная прагматичность, концептуальность и образность); *интерпретируемость* [5].

Поэтический текст как функционально-эстетическая система, являясь особым вариантом художественного текста, имеет специфические, присущие только поэтической системе текста признаки, среди которых выделяются следующие:

1. **Комплетивность**; этот признак тесно связан с эстетическим функционированием ПТ, когда ПТ является причиной, процессом, реализацией и результатом языковой деятельности и языковой способности [6] автора как субъекта социума, эстетики и языка. В процессе поэтического выражения и поэтической номинации возникают такие единицы ПТ, которые заполняют семантические и — в целом — знаковые лакуны в языке (еще в первой половине XIX в. П. А. Вяземский заметил: «О нашем языке можно сказать, что он очень богат и очень беден. Многих необходимых слов для изображения мелких оттенков мысли и чувства недостает» [7]). ПТ является источником лингвосополнения (ср. номинацию А. С. Пушкина «Печаль моя светлая» — поэт номинирует новую эмоцию за счет оксюморонного словосочетания «светлая печаль»). Лингвосополняющая функция особенно заметна на лексическом уровне языкового макрокомпонента системы ПТ, созданного в рамках эстетики авангарда (тексты футуристов) и избыливающего неологизмами. Комплетивность ПТ связана

преимущественно с процессами неологизации, метафорической номинации в сфере поэтической фразологии (см. поэтические афоризмы А. Грибоедова, вошедшие в лексическую систему русского языка). Комплетивность ПТ обнаруживает теснейшую взаимосвязь и взаимодействие системы языка с системой ПТ.

2. Экспериментальность, т. е. наличие в структуре и системе ПТ элементов языкового и текстового эксперимента, языковой игры («элемент игры, столь важный и для оригинального творчества, и для личности» [8]), приводящий к смысловому сдвигу, «смысловым темнотам» [9]. Данный признак ПТ проявляется не только в текстах авангардного характера (стихотворения А. Крученых, В. Хлебникова, Г. Айги, А. Еремснко), но и в стихотворениях, созданных в рамках традиционалистской поэтики и эстетики, ср. стихотворение О. Мандельштама «Пусти меня, отдай меня, Воронеж...», где поэт предлагает читателю анаграмматическую игру с лексемой *Воронеж* (роль анаграммы в языковой игре подробно рассмотрена в работах Т. А. Гридиной [10]) и одновременно даст ключ к декодированию анаграммы: «Воронеж — блажь, Воронеж — ворон, нож»; а также стихотворение Б. Пастернака «Сон», где в строках «И, как с небес добывший крови сокол, Спускалось сердце на руку к тебе» содержится смысловой сдвиг / смысловая темнота «Спускалось сердце на руку к тебе». М. В. Панов утверждает, что «настоящий сдвиг оправдан только изнутри, строгим стихотворением» [11]. Обязательная экспериментальность ПТ обусловлена такими его характеристиками / качествами, как абсолютная антропологичность (проявление авторской языковой способности и динамики) и комплетивность («Поэзия, в сущности, высшая форма лингвистической, языковой деятельности» [12]).

3. Герметичность; этот признак ПТ выражается в наличии устойчивых формально-смысловых индивидуально-авторских кодов, что, во-первых, обуславливает возможность множественной интерпретации, а во-вторых, затрудняет восприятие и формы, и содержания ПТ в целом (см. стихотворение А. Крученых «Весна-Томлень», VI: «Над землей будун / Кувыркаль / Хохочьюк хохочущ / XXIV века / Я смею!..» — или стихотворение О. Мандельштама «Я около Кольцова...» без поддержки историко-культурной и поэтологической информации). Герметичность формально-смыслового кода ПТ обусловлена наличием таких признаков, как цельность, экспериментальность и комплетивность.

4. Репродуктивность, т. е. способность ПТ к формальной и смысловой воспроизводимости, к подражательности, тавтологии (формы, смысла, кода в целом), рефрени. С античных времен поэзию соотносят с наукой, а науки, по словам Леонардо да Винчи, «доступ-

ные подражанию, таковы, что посредством их ученик становится равным творцу и также производит свой плод» [13]. Проблеме репродуктивности поэзии посвящено исследование Х. Блума «Страх влияния» [14], в котором прослеживается генетическая зависимость творчества поэта от наследия предшественников. Наиболее подражательными в русской поэзии оказались тексты О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, М. Цветаевой и И. Бродского. Репродуктивность ПТ обусловлена такими качествами, как герметичность и экспериментальность.

5. Цельнооформленность и идиоматичность; данные признаки прежде всего соотносятся с когезисой, связностью и выражаются в максимальной степени формализации ПТ, в наличии триединства графической, дискурсной и языковой формы ПТ, а также в отсутствии вариативности плана выражения ПТ, в полном или достаточно полном изоморфизме формы и содержания при наличии высокой степени вариативности последнего. Эти признаки дополняются таким качеством ХТ и ПТ, как ссемантическая неаддитивность [15], а также строгая формальная неаддитивность ПТ. Цельнооформленность и идиоматичность связаны с категорией цельности текста и проявляются в том, что ПТ как единая система всегда «больше» суммы своих частей и в формальном, и — что очень важно — в смысловом отношении. Данные признаки принадлежат преимущественно (допустимы исключения) ПТ, что и делает его уникальным в парадигме вариантов ХТ. Уникальность ПТ определяется также тем, что поэзия предшествует всем остальным родам и видам литературы [16].

6. Энергетичность. По мере развития лингвистики текста и текстоведения парадигма признаков ПТ будет постоянно пополняться, что объясняется тем, что ПТ считается одним из самых «энергоемких» видов текста. Напряженность ПТ [17] столь высока за счет тотальной выразительности (выразительной силы единиц ПТ), что в последние годы в текстоведении обострился интерес к проблеме энергии текста и энергии ПТ [18]. Энергетичность, или энергия, ПТ нуждается в специальном отдельном исследовании. Данный объект настолько сложен, что должен находиться в зоне абсолютной научной полипарадигматичности, на стыке таких наук, как лингвистика, философия, физика, психология, нейролингвистическое программирование (Р. Дилтс, например, говорит о возможности преобразования методами нейролингвистического программирования «созидающей и разрушительной силы слов» [19]) и др. На современном этапе развития лингвистики ПТ уместнее всего будет рассматривать поэтическую энергию как часть образной и в целом смысловой, психологической и эстетической напряженности ПТ. Остается неясным

вопрос о единицах энергии, о процессах «энергетического заряда» стихотворения. Предположение о том, что «поэзия имеет дело с энергиями, с их художественным «распределением» внутри стихотворения» [20], остается спорным, но актуальным и перспективным для дальнейшего специального исследования ПТ как функционально-эстетической системы.

7. Энигматичность. Глубинные смысловые структуры ПТ формируются на основе сложнейшего комплексного и многостороннего взаимодействия единиц вербальной, паравербальной (дискурсной) и невербальной природы. Специфика многоаспектного и многоярусного выражения поэтических смыслов определяет наличие особых механизмов и способов их восприятия, декодирования и интерпретации. С. С. Аверинцев, характеризуя смысловые «темноты» в поэзии О. Мандельштама, говорит прежде всего о природе восприятия «загадочных мест» в ПТ. Действительно, фрагмент поэмы С. Есенина «Черный человек»: «Голова моя машет ушами, как крыльями птица, сй на шес ноги маячить больше невмочь», — представляет собой, во-первых, денотативно не представимую картину, а во-вторых, в силу затрудненного декодирования лексико-смысловой организации данной метафоры, остается безусловной поэтической загадкой, вызывающей к жизни такое **постоянное качество** ПТ, как **полиинтерпретативность**.

Данный перечень качеств ПТ не имеет характера законченности, так как поэзия, как и любая другая форма духовной деятельности человека, не может быть познана до конца. Широкий набор признаков ПТ, позволяющий рассматривать его как особый вариант художественного текста, обусловлен специфическим типом языкового мышления, результатом которого является ПТ.

Примечания

1. См. об этом: *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981; *Колшанский Г. В.* Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990; *Трошина Т. В.* О семантико-синтаксической целостности (когерентности) художественного текста // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982.
2. *Болотнова Н. С.* Основы теории текста. Томск, 1999. С. 20–21.
3. Там же. С. 31–37.
4. *Бабенко Л. Г., Васильев И. Е., Казарин Ю. В.* Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург, 2000. С. 56.
5. Там же. С. 55–64.
6. *Караулов Ю. И.* Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности. М., 1992. С. 5–6.
7. *Вяземский П. А.* Старая записная книжка. М., 2000. С. 12.
8. *Иванов Вяч. Вс.* Статьи о русской литературе // *Иванов Вяч. Вс.* Избранные труды по семиотике и истории культуры. М., 2000. Т. 2. С. 772.
9. *Аверинцев С. С.* Поэты. М., 1996. С. 273.

10. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.
11. Панов М. В. Сочетание несочетаемого // Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исслед. 1911–1998. М., 2000. С. 306.
12. Бродский И. А. Большая книга интервью. М., 2000. С. 143.
13. Винчи Л. да. Избранные произведения. М., 1999. Т. 2. С. 11.
14. Блум Х. Страх влияния: Теория поэзии. Карта пересчитывания. Екатеринбург, 1998.
15. Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. М., 1999. С. 41.
16. Аристотель. Об искусстве поэзии. М., 1957.
17. Бабенко Л. Г., Васильев И. Е., Казарин Ю. В. Указ. соч. С. 62.
18. См. об этом: Кузьмина П. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург; Омск, 1999; Блум Х. Указ. соч.; Дилтс Р. Фокусы языка: изменение убеждений с помощью НЛП. СПб., 2000; Гордин Я. Перекличка во мраке: Иосиф Бродский и его собеседники. СПб., 2000; Бродский И. А. Указ. соч.; Николаева Т. М. От звука к тексту. М., 2000.
19. Дилтс Р. Указ. соч. С. 12.
20. Николаева О. Поэзия как энергия // Знамя. 2001. № 2. С. 205–207.

© Ю. В. Кондакова
УрГАХА, г. Екатеринбург

Цветономинации в творчестве Окуджавы и Городницкого

Цветообозначения несут в себе некоторую смысловую нагрузку, которая позволяет им играть различные роли в тексте и влиять на его понимание. Лексика цвета заставляет заново пересмотреть текст, переосмыслить его, открывая в нем новое, неувиденное ранее. В настоящее время актуальным является обращение к языку бардов. Поэтические миры Окуджавы и Городницкого многомерны, и лексика цвета может служить неким переходным мостиком между плоскостями созданных этими авторами миров.

В. Кандинский писал о черном и белом цветах: «Черный цвет звучит как Ничто без возможностей, как мертвое Ничто после угасания солнца, как вечное безмолвие без будущности и надежды... Белый цвет звучит как молчание, которое не было внезапно понято. Белое — это Ничто, которое юно... это ничто изначально, до рождения сущего, на фоне белого все краски утрачивают чистоту звучания, а некоторые совершенно растекаются, оставляя после себя слабое, обессиленное звучание». Именно в этом аспекте и следует воспринимать наиболее часто встречающуюся в лирике Окуджавы оппозицию «черный — белый». Универсальная для всех времен и культур оппозиция, предопределенная антонимическими свойствами данных цветовых слов в их переносных и символических значениях, далеко не всегда получает у Окуджавы традицион-

ную интерпретацию, где белый цвет имеет «позитивное» содержание, а черный — негативное. Белый цвет в лирике Окуджавы это прежде всего цвет начала, исходная точка бытия, а черный — завершения, что сам поэт выразил в стихотворениях «Как научиться рисовать», «Меня удручают размеры страны проживания».

...**белую** краску возьми, потому что
это *начало*, потом
желтую краску возьми, потому что
все созревает, потом
серую краску возьми, чтобы осень
в небо плеснула свинец,
черную краску возьми, потому что
есть у начала конец.

...то *белое*, красное, серое
то вдруг оранжевое,
а то голубое...
но черное в самом конце.

Но в стихотворении «Строка из старого стиха слывет ненастоящей» появляются дополнительные смыслы:

Текут стихи на белый свет
Из тьмы крошечной
Из всяких горестных сует,
Из праздников души.
Не извратить бы вещей смысл
Одной строкой поспешной
Все остальное при тебе —
Мужайся и пиши.

Белый цвет здесь только точка отсчета, с которой начинается жизнь, творчество. Это «зерно», своеобразной почвой которого является черная тьма. Таким образом, актуализируется еще одно символическое значение — черный цвет как символ земли (по Флоренскому). Земля, в которую все уходит, но благодаря которой возрождается новая жизнь. Цветовой круг замыкается, символизируя собой круговорот жизни.

В стихотворении Б. Окуджавы «Грузинская песня» каждая строфа заканчивается повторяющейся строкой «А иначе зачем на земле этой грешной живу?». Здесь особое значение имеет инверсия «на земле этой вечной», подчеркивая основную тему стихотворения, которая хотя и не вынесена в заглавие, но звучит в каждой строфе. Все стихотворение представляет собой интеллектуально-психологическое раскрытие ключевой рефренной темы. Темой вечности проникнута лексика, характеризующая вечные ценности — дружбу, любовь, творчество. Обратим внимание на фрагмент цветовой палитры произведения:

В *темно-красном* своем будет петь для меня моя Дали,
В *черно-белом* своем преклоню перед нею голову,
И заслушаюсь я, и умру от любви и печали...
А иначе зачем на земле этой вечной живу?

Не случайно образ женщины-музы, вдохновляющей поэта (цветовой облик которого черно-белый), представлен в темно-красном. Темно-красный цвет (или пурпурный) — любимейший цвет монархов, создающий впечатление величия, избран для характеристики любимой, так как культ светлого женского образа лейтмотивно проходит через все творчество Окуджавы. Но любопытно, что красный цвет — это цвет, находящийся на границе света и тьмы, т. е. вступает во взаимодействие то с черным цветом, то с белым (вспомним черно-белый облик поэта). Поэт находится на пограничье между черным (символ времени) и белым (символ вечности), между бытием и небытием, а его возлюбленная, его муза перебрасывает мост между временем и безвременьем. Ее «темно-красное» происходит от красного и черного и, следовательно, соединяет в себе свойства этих цветов. Темно-красный выражает страсть к жизни, страстную любовь, соединяющую в себе земное и небесное.

Итак, в творчестве Окуджавы можно определить семантику белого и черного как семантику времени и вечности, начала и конца. Но в ряде произведений Окуджавы присутствует и более традиционная символика черного и белого, которые считаются символами двух противоположных полюсов, т. е. черный и белый цвета связаны между собой настолько, что являются своеобразной дуальной или бинарной формулой. Противопоставление черного — белого находится глубоко в нашем сознании, так, вспомним сказки, где зло олицетворяет черный цвет, а доброе начало — белый. Эти символические значения черного и белого представлены в таких контекстах, как «черного Зла не бояться» («Что-то сыночек мой усидением стал тяготиться»), «безумцем из черного хора» («Проводы у военкомата»), «черным камнем, брошенным в пророка» («Европа пьет водичку из Босфора»), «белые вербы как белые сестры» («Песенка о пехоте»), «Мама, белая голубушка» («Новое утро») и т. д. А реализуются эти значения следующим образом: черный как злой, тягостный, мрачный, безотрадный, тяжелый («черный час», «черные даты», «черные мысли», «черная тоска»), белый как добрый, светлый, чистый.

Лексические единицы цветового поля «белый» имеют кроме общезыковых и архетипических символических значений и индивидуально-авторские значения. В ряде контекстов цветономинация «белый» называет цвет, символизирующий надежду («надежда, белую рукою», «белая книга ожиданий», «белый ангел», который «шпечет, что надежда есть»). В другом контекстологическом окружении это цветообозначение имеет ироническую окраску. В стихотворении «Полдень в деревне» цветономинация «белый» сочетается с уменьшительным «ручка» («ручка белая»), что дает иронический эффект,

который усиливается инверсией и характерным лексическим окружением (слова с уменьшительными суффиксами — платочек, человек, молоточек, глазки).

Цветообозначения черного и белого у Городницкого имеют свою семантическую специфику. Так, в стихотворениях из сборника «Ночная вахта», входящего в книгу «Новая Голландия», черный цвет связан с понятиями страсти, тайны и значительности. Таковые значения реализуются в стихотворениях «Черная мадонна», «Гонка пирога», где черный цвет связан с миром лирического субъекта, а белый — с чуждым ему миром, хотя это единичные контексты. Если же рассмотреть творчество Городницкого в целом, то цветовой контраст белый — черный не отражает контраст семантический. В этом контексте выражается древнейшее мифологическое понимание белого цвета, которое рассматривает в своей статье «Семантика цвета в эволюции психики человека» Л. Н. Миронова. Исследовательница утверждает, что белый цвет «неразделим с идеей абсолютного покоя, холода и пустоты, эквивалентом которого является смерть». Поэтому белый — это цвет погребальных саванов, привидений, траурной одежды японцев и китайцев. Только в новое время белый стал означать радость и веселье, а в древности и в Средневековье он чаще всего мифологически отождествлялся с безмолвием, ритуальной или физической смертью. Характерным примером здесь является стихотворение Городницкого «Не жениться, поэты». Именно с белым цветом как воплощением небытия связано употребление оксюморонного сочетания «черный снег»:

Ненадолго хватит вашего терпенья
Черный снег над головами кружит
Затерялись затупившиеся перья
Между бабьих ленточек и кружев

Таким образом, мы наблюдаем, что в творчестве Окуджавы и Городницкого имеют место символические значения белого и черного цвета. Но если в лирике Окуджавы преобладают более поздние представления о белом цвете как о показателе доброты, а о черном — как показателе нечистоты, зла мрака, то в художественном мире Городницкого расставлены иные акценты. Подобные сочетания двух диаметрально противоположных начал повлияли на то, что семантика белого в присутствии черного подверглась модификации, переосмыслению, что объясняется амбивалентностью значений белого цвета. Но все-таки это не значит, что белый цвет в палитре Городницкого всегда сопряжен с горем и смертью. О белом как истоке творчества и жизни можно говорить, обращаясь, например, к стихотворению «Тени тундры», где «на листе бумаги белой» возникает целый мир. Белый как воплощение небытия, смерти,

холода все же содержит в себе возможности возрождения в ином качестве. Белый в сочетании с черным не выглядит фатальным цветом, воплощающим лишь потусторонность, пассивность и смерть, но выявляет скрытые возможности возрождения, начала новой жизни.

© Ю. И. Костромина
УрГУ, г. Екатеринбург

Семантический анализ поэтической рифмы (на материале поэзии И. Бродского)

В семантической структуре поэтического текста рифма играет особую роль, она не только сопоставляет строки, выполняя «ту функцию, которую в безрифменной народной и псалмической поэзии играли семантические параллелизмы, — сближает стихи в пары, заставляя воспринимать их не как соединение двух отдельных высказываний, а как два способа сказать одно и то же» [1], но «вторгается» практически во все процессы смыслообразования и смысловыражения, которые осуществляются другими единицами текста» [2]. Мы уже определили, что поэтическая рифма сопоставляет прежде всего не фонемы или слова, а смыслы, выражаемые единицами любого объема. Смысловое взаимодействие единиц, составляющих рифму, отмечалось поэтами еще с XVIII в. (А. С. Пушкин, А. К. Толстой и др.). Отечественные ученые говорили об этом с самого момента появления стиховедческой традиции (В. М. Жирмунский [3], Д. С. Самойлов [4], Ю. Н. Тынянов [5] и др.). Но до сих пор остается открытым вопрос о том, каков механизм этого взаимодействия.

Юрий Михайлович Лотман говорил о «принципе рифменности» как о ведущем принципе организации смысловой структуры поэтического текста [6]. Суть этого принципа заключается в повторе элементов текста, при котором происходит их частичное, но ни в коей мере не абсолютное совпадение. Именно в моменте частичного расхождения в условиях повтора рождается жизнь стиха, именно подвижностью, создаваемой расхождениями в повторяющемся, дышит и живет смысл поэтического текста. Лотман верно подметил, назвав этот принцип рифменным, поскольку в рифме он наиболее последовательно выдерживается на всех уровнях ее организации. Но обратимся к одному из этих уровней — семантическому. Каким же образом становится возможно такое рифменное взаимодействие смысловых единиц текста и каковы его языковые предпосылки?

С одной стороны, рифма создает условия повторения, сравнивает, приравнивает текстовые единицы. Рассмотрим такое четверостишие:

Вдали по площади покатой
съезжали два грузовика,
с последним отсветом заката
сбивались в кучу облака.

(«Петербургский роман» [7])

В рифме *покатой / заката* сравнивается закатное небо с покатой площадью, объединенные в единой мысли метафорической природы — «соединения земного и небесного плана размышлений о жизни и смерти». Этой же единой мыслью связываются слова и в рифме *грузовика / облака*, уподобляясь друг другу в новом метафорическом значении, приобретая общий ассоциативный смысл жизненных забот и трудностей. То есть два слова (а значит, и обозначаемые ими понятия / явления), прежде не сопоставляемых между собой, встретившись в рифме, обнаруживают общие элементы значения. Возникает вопрос: как это возможно?

Это объясняется двунаправленной природой слова: связью его с предметом (или явлением), с одной стороны, и с понятием — с другой. Природу этой связи А. И. Федотов описывает следующим образом: «Наличие многих свойств и качеств у разных предметов и явлений, воспринимаемых человеком, даст ему возможность ассоциативно связывать эти предметы и понятия, и при этом сложившийся образ сразу находит опору в семантике слов. Вместе с тем слова, будучи вторыми сигналами, основанными на первых сигналах — ощущениях, сами могут вызывать образные представления. Значимые слова, указывая своей семантикой на понятия с их признаками или наметая «внутренней формой» на признак, по которому назван предмет, вызывают в сознании человека и те представления и переживания, которые связаны с ними» [8]. Поскольку мир не дискретен и все предметы и явления действительности связаны между собой по схожести (движение облаков по небу и движение грузовиков по площади) или по смежности (закатное небо над покатой площадью), то и слова, обозначающие их, тоже оказываются так или иначе связанными, образуя единое семантическое пространство языка.

В языковой системе семантическую структуру слова формирует несколько аспектов. Л. А. Новиков предлагает выделять четыре вида (аспекта) лексического значения: «1) значение как специфическая языковая форма обобщенного отражения внесязыковой действительности, 2) значение как компонент лексической единицы, т. е. структурного элемента лексико-семантической системы языка, 3) значение как выражение отношения говорящих к употребляемым словам (знакам) и воздействие слов (знаков) на людей и 4) значение как актуальное, конкретное обозначение, название предмета, явления (ситуации)» [9].

Каждый из этих аспектов значения обуславливает свой пучок языковых и внеязыковых связей слова, большинство из которых не отражаются в словарной дефиниции и не осознаются при каждом конкретном употреблении этого слова, но имплицитно присутствуют в нем и могут быть актуализированы в любой момент.

И. А. Стернин в работе «Лексическое значение слова в речи» подробно рассматривает процесс формирования актуального значения слова в коммуникативном акте: «Кроме дифференциальных семантических компонентов, число которых, как правило, невелико, в значении выделяется значительное число недифференциальных компонентов разного типа, которые не нужны для построения каких-либо оппозиций, структурно значимых для данного языка. Такие компоненты однако весьма активно проявляют себя в лексическом значении — они являются вполне реальными для носителей языка элементами языковой компетенции, часто актуализируются в речи, ложатся в основу семантического варьирования слова и его семантического развития в диахронном плане, в значительной степени обуславливают сочетаемость и ассоциативные связи слова» [10]. Смысловая структура слова формируется из семантических компонентов (ссм), которые соотносены с признаками называемых реалий, а воспринимающее сознание выделяет гораздо больше признаков в объективной действительности, чем это необходимо для отделения одной лексико-смысловой единицы от другой. Концепция актуального значения слова и наличие дифференциальных и интегральных ссм в структуре этого значения, предложенная И. А. Стерниным, позволяет описать не только сложность семантической структуры рифменных единиц, но и всю природу их смыслового взаимодействия в поэтическом тексте.

Смысловая структура рифменных единиц в поэтическом тексте достаточно сложная, двойственная. Это обуславливается тем, что рифменная единица оказывается вписанной как минимум в два контекста (горизонтальный и вертикальный), и они оба по-своему формируют ее смысловую структуру, актуализируя те или иные компоненты. С одной стороны, горизонтальный контекст — контекст предложения, фразы, стихового ряда — определяет один набор смысловых компонентов рифменной единицы, как любой другой единицы текста. С другой стороны, вертикальный контекст — контекст рифмопарадигмы — либо меняет семную иерархию внутри смысловой структуры, либо привносит новые смыслы, непересекающиеся в двух актуальных контекстах данных единиц, создавая, таким образом, дополнительный смысловой уровень. Н. Б. Попова описывает этот процесс формирования актуального значения смысловой единицы поэтического текста в следующих терминах: «Одновременно со снижением

роли синтагматических отношений структура поэтического текста выделяет парадигматические связи. Прежде всего реализация нескольких значений одного и того же слова. Как отмечает Януш Славинский, слово в поэтическом тексте «тянет за собой свое прошлое», на этом основана его «принципиальная многозначность, его специфическая омонимичность». С другой стороны, парадигматические отношения устанавливаются благодаря явлению мотивации. То есть слово в результате фонетического, морфологического, синтаксического, композиционного, стихового параллелизма ассоциируется с другим словом, приобретая его значения и отдавая ему свои собственные значения» [11]. Например:

Поэты пушкинской поры,
ребята светские, страдальцы,
пока старательны пиры,
романы русские стандартны...
(«Памяти Е. А. Баратынского»)

Актуальное значение слова *страдальцы* формируется, с одной стороны, пропозицией предложения и предшествующих номинаций того объекта, который назван этим словом («поэты пушкинской поры, ребята светские»), а с другой стороны, сама пропозиция обращает нас к истории, апеллируя к нашему знанию, представлению о том, что происходило с русской просвещенной молодежью начала XIX в. В структуре этого слова в горизонтальном контексте можно выделить следующие смыслы: «целое поколение молодых людей» (окказиональные референтные смыслы), «испытывающих негативные эмоции» (системные смыслы) «в связи с нереализованностью их жизненных устремлений и идеалов свободы и справедливости, не сумевших преодолеть косность общественной структуры, разочаровавшихся в правительстве, в собственных друзьях, в жизни» (личностные смыслы)... Это определение можно продолжать, и его полнота будет зависеть от личных знаний и представлений читателя, для каждого набор сем будет свой как в содержательном, так и в количественном отношении. Вторая единица данной рифмопары — *стандартны* — в горизонтальном контексте актуализирует смыслы «повторение» (структурный) «ситуации, героев и проблем, характерных для этого времени в силу определенных исторических обстоятельств» (личностные и окказиональные семы). В условиях вертикального контекста смысловые структуры этих слов претерпевают изменения: в первой единице усиливается сема причинности и, как следствие этого, обстоятельственные смыслы, а во второй единице появляется («наводится», по терминологии И. А. Стернина) негативная эмоционально-оценочная коннотация.

Смысловая структура еще более усложняется, если рифменная единица в горизонтальном контексте оказывается вовлеченной в метафору, употребленной в метафорическом значении. Анализируя специфику слова в поэтической функции языка, Л. А. Новиков говорит о «колеблющихся признаках» слова, употребленного в поэтической функции: «Сущность «колеблющихся» признаков семантики слов в их поэтической функции можно объяснить следующим образом. Значение слова предстает здесь как подвижное, в виде амплитуды колебаний: от своего обычного, постоянного значения (оно определяется вхождением в ряд собственной сочетаемости этого слова...) до значения, соотносительного с семантикой того слова, с которым сочетается данное слово (это значение возникает за счет вхождения данного слова в ряд сочетаемости соседнего с ним слова...)» [12]. Таким образом, рифма оказывается включенной даже не в два, а в три контекста: сложный вертикальный контекст, состоящий из двух «колеблющихся» смысловых пластов метафорического словоупотребления, и горизонтальный контекст, в свою очередь добавляющий новый смысловой пласт в структуру значения рифменной единицы.

Если в метафоре сопоставляются значения двух (или трех) слов, в результате чего рождается общий смысл высказывания, то в рифме порой сопоставляются уже готовые смыслы, сформированные вертикальным контекстом, а это означает, что каждая из них может сама уже являться метафорой. Например:

Смеркалось. В комнате *героя*
трещала печь и свет горел,
безмолвно в *зеркало сырое*
герой все пристально смотрел.
(«Петербургский роман»)

Сама ситуация, обрисовываемая в предложении (пропозиция предложения), метафорична: сырое от дождя окно, в которое смотрит герой и видит в нем дождь и свое отражение; таким режиссерским решением автор передает слияние героя с природой, единство их настроения и существования в данный момент. Это создается, с одной стороны, за счет метафорического описания окна — *зеркало сырое*, а с другой стороны, за счет рифменного соединения слов *сырое*, которое в данном контексте означает «дождь», и *героя*, которое в контексте словосочетания *в комнате героя* содержит сложный смысл «пронизанности комнаты геросом, его присутствием», и таким образом герой приравнивается к стихии дождя по степени своего присутствия, но с учетом компонента «зеркальности» и в то же время «прозрачности» во второй единице эта рифмопара подчеркивает значение «проникновения одной стихии в другую, присутствия одного в другом, стирания границ между ними».

Вернемся к приведенному раньше примеру:
Вдали по площади покатой
съезжали два *грузовика*,
с последним отсветом заката
сбивались в кучу *облака*.

(«Петербургский роман»)

Ритмико-синтаксический параллелизм двух этих фраз уже обуславливает сравнение их пропозиций: покатая площадь с двумя движущимися по ней грузовиками уподобляется закатному небу с плывущими по нему облаками. Однако мы заметим, что в рифму здесь вынесены актанты ситуации (*площади покатой* — *заката* (в данном контексте означает «закатное небо» вообще), *грузовика* — *облака*), что усиливает параллелизм конструкций и привносит дополнительные значения в это сравнение. Так, первая рифмопара при сопоставлении двух контекстных употреблений корня -кат- (покатый — «склон», заката — «время») привносит новое значение «вторая половина жизни», репрезентируемое, в частности, устойчивым словосочетанием «на склоне лет». Вторая рифмопара не вносит новых значений в смысловую структуру текста, но трансформирует значения самих зарифмованных слов, добавляя сему «легкости», «невесомости» в значение первого слова и сему «тяжести» — в значение второго слова, что подчеркивает образную, нематериальную природу референтных компонентов значений этих слов.

Итак, поэтическая рифма — одно из средств выразительности в поэтическом тексте, по способу смыслового воздействия приближенное к метафоре. Подобно метафоре рифма работает на уровне компонентного строения единиц, ее составляющих, используя одинаковые семы как основание для сравнения и в то же время модифицируя семное строение самих единиц, участвующих в этом сравнении, при помощи актуализации периферийных, скрытых, личностных или окказиональных сем. В результате такого взаимодействия рифменных единиц между собой поэтическая рифма способна выполнять смыслоорганизующую и смыслообразующую функции в тексте: повторение смысловых компонентов рифменных единиц определенным образом упорядочивает смысловую организацию текста, «наведение» новых сем, особенно в метафорических рифмах, дополняет семантическую структуру текста.

Примечания

1. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996. С. 69.
2. Казарин Ю. В. Поэтическое состояние языка (попытка осмысления). Екатеринбург, 2002. С. 390.
3. Жирмунский В. М. Теория стиха. Л, 1975.
4. Самойлов Д. Книга о русской рифме. М, 1982.
5. Тынянов Ю. М. Проблема стихотворного языка. М, 1965.
6. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996. С. 69.

7. Все тексты цит. по: Сочинения Иосифа Бродского. СПб., 1997. Т. 1.
8. Федотов А. И. Семантическая основа образных средств языка. Новосибирск, 1969. С. 11.
9. Повиков Л. А. Семантика русского языка. М., 1982. С. 86–87.
10. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985. С. 13–14.
11. Попова И. Б. Информативность поэтического текста. Екатеринбург, 1992. С. 62–63.
12. Повиков Л. А. Указ. соч. С. 132.

© А. Ю. Ларионова
УГТУ-УПИ, г. Екатеринбург

Прецедентные тексты в молодежной речи (на материале квазифразеологизмов)

Целый ряд текстов помнится членами культурно-языковой общности наизусть, начальный фрагмент таких текстов обладает своеобразным «пусковым свойством». К ним относятся пословицы, поговорки, афоризмы, строки из песен, стихов, прибауток, сказок, анекдотов, лозунгов, рекламы и других обращающихся в определенной среде произведений фольклора, литературы и mass media. Традиционно они относятся к устойчивым в широком смысле сочетаниям слов, фразеологизмам [1]. Также их определяют как прецедентные тексты [2]. Г. Л. Пермяков назвал их клише, признавая за ними статус подлинного (= воспроизводимого) языкового знака [3].

В современной молодежной речи подобные тексты очень частотны, но в трансформированном, обновленном виде. Условно мы назвали их квазифразеологизмами, или квазифразеологическими единицами (КФЕ). КФЕ, по существу, единицы, полученные в результате сокращений, переделок известных текстов, часто окказиональные в плане употребления, кажущиеся устойчивыми в силу присутствия отдельных элементов системных единиц (слов, или их сочетаний, и/или структурных типов) — так называемых «сигналов». Принципиальное отличие КФЕ от системных единиц заключается в том, что варианты фразеологизма характеризуются семантическим тождеством при замене отдельных компонентов в рамках одной и той же синтаксической конструкции. Для квазифразеологизма критерий семантического тождества принципиально не может быть реализован, так как цель создания и функционирования КФЕ сугубо экстралингвистическая: вследствие неожиданной трансформации привычной единицы достичь определенного результата — эмоционального воздействия. При этом роль внутренней формы идиомы играет образное основание. Системная единица отдает часть информации о типовом представлении в типовое представление

нового наименования, сохраняя некоторые свои «черты» как образная гештальт-структура, которая и является стимулом для эмоциональной реакции [4].

Материалом для наблюдений служат трансформированные прецедентные тексты, фиксируемые в устной и неконтролируемой письменной речи студенческой молодежи (неконтролируемая письменная речь — это так называемые «наскальные» письменна вуза, т. е. высказывания на партах, столах, стенах, дверях и т. п.).

Предмет наблюдений — интерпретация и освоение «внутреннего пространства» говоримого, выяснение внесязыковых причин появления и условий функционирования данных выражений.

Любой языковой материал, распространенный в вузовской и — шире — молодежной среде, в силу перспективности развития данного социума, является интересным и актуальным для исследования в рамках разных направлений лингвистики (психо-, социо-, когнитивной, культуры речи и т. д.) и представляет собой языковую субкультуру как «результат совместной творческой деятельности субъектов определенного социума» [5]. В аспекте же такой проблемы, как фразеологизмы и интертекст, исследование данной субкультуры признается актуальным и перспективным [6].

КФЕ являются производными фразеологических единиц, образуют парадигму, отражающую современные процессы языковой активности в сфере культуры, и представляют собой модифицированные вариантно-устойчивые выражения. Под модифицированными мы имеем в виду измененные ФЕ, под вариантно-устойчивыми — некую продуктивность отдельных ФЕ и их потенциал в создании целого ряда КФЕ, т. е. своеобразных одноосновных квазифразеологических парадигм. Например, ФЕ «Ученье — свет, а неученье — тьма» является основанием для следующих КФЕ:

1. *Ученье — свет, неученье — приятный полумрак.*
2. *Учеба — это свет, а в темноте спать легче.*
3. *Ученье — свет, в его лучах уж не один студент зачих.*
4. *Ученье — свет, а неученье — чуть свет и на работу.*

ФЕ «Одна голова хорошо, а две лучше» является основанием для следующих КФЕ:

5. *Один ум хорошо, а два — пошло.*
6. *Одна голова хорошо, а две некрасиво.*
7. *Одна голова хорошо, а две — мутант.*
8. *Одна голова хорошо, а все тело лучше.*
9. *Одна голова хорошо, а два сапога — пара.*

ФЕ «Баба с возу — кобыле легче» является основанием для следующих КФЕ:

10. Баба взводу — полковой кобыле легче.
11. Бабу с возу! Кобылу — в позу!
12. И бабу с возу, и волки сыты.
13. Кончил дело — бабу с воза.
14. Баба с возу — потехи час.

ФЕ, подвергшиеся преобразованию, по мнению носителей языка, как правило, содержат имплицитные смыслы, которые усматриваются, превосхищаются, домысливаются в процессе речевой деятельности. По отношению к системной единице специфика «переделок» реализуется в виде антонимии смыслов (примеры 1–3, 5–8), алогичности (пример 9), изменения сигнификативной составляющей (примеры 11–14), в том числе при сохранении прежней коннотации — отрицательной/положительной (примеры 4, 10). Существенным является то, что сформировавшаяся в системной единице оценочная «проработка» явления в КФЕ часто замсняется на противоположную (или другую), а эмоциональное излучение нового элемента (слова, словосочетания, инверсионных преобразований и т. д.) усиливается за счет увеличения ассоциативного ряда, обусловленного субъективностью эмоций:

Любовь зла, но не так, как на это надеется козел.

Чем меньше женщину мы любим, тем больше времени на сон.

Место клизмы изменить нельзя.

Три дня и три ночи скакал Иван Царевич, пока скакалку не отобрали.

Вероятно, именно антонимические в широком смысле (т. е. мало ожидаемые или совсем неожиданные) потенциалы ФЕ и вызывают интерес к созданию КФЕ и их использованию в речи.

Преобразованию способствует также ритмическая организация precedentного текста, его фонетические особенности, провоцирующие речетворчество. Например:

Язык до киллера доведет: благодаря частичному изменению фонетического облика элемента ФЕ, что не мешает ее узнаванию, реализуется двоякая как минимум интерпретация КФЕ, в том числе и антонимического характера: с помощью расспросов можно найти киллера для убийства кого-либо, а можно и самому стать жертвой киллера, если много говорить.

Тяжело в учении, легко в строю: такое утверждение, созвучное с системной единицей, в определенной ситуации — в воскомате — вызывает далеко не жизнеутверждающие и патриотические чувства, скорее, наоборот, в современной ситуации непрекращающихся в России локальных войн выполняет «непризывную» функцию, т. е. обратную ожидаемой.

Примеры показывают, что распространенные предложения имеют большие возможности для смыслового варьирования, игры с вторичными смыслами. Вместе с тем нераспространенные или минимально распространенные односоставные предложения также используются для квазифразеологических вариаций, чаще — на основе фонетических перскомбинаций, которые, с одной стороны, предполагают узнавание первоисточника, а с другой — обеспечивают функционирование новой единицы. Материальная форма слов в таких случаях способна вызывать ассоциации с активными для русского сознания явлениями, и в результате в речи появляются новые КФЕ, например: *Играй, гормон; Цивильный сирюльник; Бронетемкин «Поносец»; НеГЕЕспособен; Мишка на сервере; Ни пука, ни пера; Толстячок, а приятно; Отправить по мылу (по e-mail); Ваять дурака; Не свисти — девок не будет* и др.

Следует отметить, что одна языковая единица в трансформированном виде может соотноситься с разными смыслами и понятиями в зависимости от ситуации: устойчивое сочетание *убить время* послужило основой для предикативной единицы *Здесь было жестоко убито время*, которая фиксируется и в учебной аудитории, и в туалетной комнате. По существу, формально одна и та же КФЕ имеет разный сигнификативный и, следовательно, интерпретационный потенциал.

По мнению Л. В. Щербы, мы часто употребляем слова и формы слов, не предусмотренные или не нашедшие места в современных словарях [7]. При рассмотрении КФЕ с точки зрения грамматики на первый план выступают критерии моделей и образцов (1), с точки зрения лексики — смысловая и стилистическая уместность (2), с точки зрения общения — этичность (3). В любом случае всегда имеет место сличение факта речи с ее системным образцом, отраженным в языковом сознании говорящего. Наблюдения за КФЕ в молодежной речи в названных аспектах позволяют сформулировать следующие особенности их функционирования.

I. С точки зрения моделей и образцов.

Модель ФЕ в КФЕ трансформируется:

— за счет замены элементов ФЕ словами/словосочетаниями иного тематического поля при сохранении категориально-грамматической общности и возможном синтаксическом распространении: *Челюсть не воробей, вылетит — не поймает; Яйца от курицы недалеко падают; Тише будешь — дальше уедешь; За одним зайцем погонишься, двух уже не поймает; Народ не роскошь, а средство обогащения;*

— за счет изменения категориально-грамматического статуса элементов ФЕ (в том числе на основе омоформ) и, соответственно, синтаксической структуры высказывания, включая компиляцию фраг-

ментов или целиком воспроизведенных ФЕ: *Ничто не стоит так дешево, как хочется; Снимаю, порчу; Одна голова хорошо, а два сапога — пара; Доверяю, но проверяюсь; В гостях хорошо, а дома нету; Нервные в клетке не восстанавливаются; Молоко вдвойне смешней, если после огурцов.*

«Сигналом» ФЕ в последнем виде трансформаций может быть сохранение денотата одной из грамматических основ, «фактом трансформации» — изменение денотата другой грамматической основы или второго сказуемого, представляющих ситуацию, отличную от традиционно ожидаемой. В связи с этим изменившееся смысловое наполнение переводит квазипродукт в иную тематическую группу: *Сделал дело — вымой тело* (ср.: *Сделал дело — гуляй смело*) > значение *свободно распоряжайся временем после выполненных обязанностей* заменяется на *приведи себя, свой внешний вид в порядок.*

II. С точки зрения смысловой и стилистической уместности лексики.

Сегодня, по мнению многих ученых [8], доминирующей в общении является тенденция его вульгаризации. Для КФЕ характерно взаимодействие средств разной стилиевой принадлежности и разных стилистических потенциалов [9], причем влияние разговорной «стихии», в частности некодифицированной, на системные единицы в данных текстах является очень существенным. Модификации здесь опираются на субъективно понимаемую коммуникативную целесообразность [10] (термин Б. Н. Головина), которая определяется сугубо индивидуальным подходом к выбору речевых средств и таким же индивидуальным отношением к коммуникативным качествам речи (таким, как уместность, чистота и др.). Стремление к «осовремениванию» существующего лексикона за счет стилистически сниженной (вульгарной, бранной) лексики — подтверждение низкого уровня культуры и соответствующего ему языкового вкуса молодежного социума.

Сознательное введение новых, часто вульгарных по форме и содержанию, компонентов в устойчивые конструкции влечет нарушение автоматизма речевой деятельности (возможного только в неосознанной спонтанной речи), что и обеспечивает внимание к ним.

Специфика замещения, а также функционирование внутренних квазифразеологических парадигм свидетельствуют о том, что речевые заместители, прежде чем оказаться в составе КФЕ, проходят этап «коммуникативного взвешивания», в результате чего из элементов-претендентов выбирается наиболее оптимальный для данной ситуации общения, являющийся своеобразным коммуникативным центром высказывания. Как правило, ими становятся разные по стилистическим характеристикам элементы, которые, помимо неожиданности нового смысла в плане содержания, привлекают внимание просторечной, грубой, вульгарной

лексикой в плане выражения: *Кто рано встает, тот рано **помрет**; С кем поведешься, с тем и **нажрешься**; Слово не воробей, на голову **не наделает**; Любишь кататься — катайся **к чертовой матери**.*

Очевидно, что по-новому замещенные позиции призваны выполнять особую коммуникативную функцию в речи — отвечать требованиям социумной специфики общения.

III. С точки зрения этичности общения.

Использование отдельных идиом в процессе коммуникации «сдерживается» культурными традициями. В ряде случаев подобные ограничения можно объяснить действием разного рода табу [11], но именно табуированные элементы и привлекают внимание, легко запоминаются, а соответственно, воспроизводятся и тиражируются. Требование этичности общения в публичных местах в текстах КФЕ, как правило, нарушается в силу функционирования в них излишне откровенных, грубых и пошлых обозначений.

Слово не воробей, на голову не наделает (вместо просторечного глагола *наделать* встречаются более вульгарные и грубые слова).

*Не имей сто друзей, а имей их **подруг*** (экспрессивность создается за счет столкновения общеупотребительности глагола *иметь* в нейтральном значении и его стилистически ограниченного употребления в вульгарном смысле).

Итак:

1. КФЕ представляют сегодня довольно крупный пласт в языковой системе, их можно считать ярким проявлением национально-культурной специфики языка.

2. Мудрость, заключенная в отдельном фразеологизме, реконструируется в рамках КФЕ под влиянием языкового вкуса молодежной субкультуры, т. е. субкультура создает собственный стиль общения.

3. ФЕ выступают как «оболочки» для новых, специально создаваемых знаков субкультуры.

Наблюдения позволяют отметить следующие **особенности КФЕ**:

1) лаконичность формы (структурная схожесть с системной единицей),

2) ритмичность организации (часто рифмовка внутри текста или по отношению к элементу первоисточника),

3) назидательность смысла и эффект нарушенного ожидания,

4) экспрессивность как общепризнанная особенность русской культуры коммуникации [12]; КФЕ в молодежном социуме являются эмоциональными обозначениями, заключающими и наименования, и широкий спектр коннотаций.

Изучение особенностей возникновения КФЕ, их трансформаций, имплицитного содержания, функционирования является актуальным.

Примечания

1. Фразеология в контексте культуры. М., 1999.
2. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002. С. 48.
3. Верещагин Е. М. Мир как кольцо: итеративность клише в славяно-русской гимнографии // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 240.
4. Феофанова А. Б. Культурно-значимая роль внутренней формы идиом с позиций когнитологии // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 174.
5. Телия В. П. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. С. 217.
6. Григорьев В. П. Принцип как языковой интертекст? // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 187.
7. Свирцова Л. И. Современные отечественные и зарубежные исследования в области культуры речи (в нормативном и коммуникативном аспектах) // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996. С. 45.
8. См. об этом: Ширяев Е. П. Культура речи как особая теоретическая дисциплина / Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996; Граудина Л. К. Проблемы нормирования русского языка: реальность и прогнозы // Там же.
9. Бельчиков Ю. А. Взаимодействие функциональных разновидностей языка (Контаминированные тексты) // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996. С. 335.
10. Головин Б. П. Основы культуры речи. М., 1980.
11. Юминова А. Б. Культурологический аспект развития семантики идиом поля «смерть» в современном русском языке (по результатам психолингвистического эксперимента) // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 221.
12. Козлова Т. В. «Новые русские»: понятие и дискурс // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 97.

© М. Ю. Мухин
УрГУ, г. Екатеринбург

Лексические универсалии художественного текста

Любой текст отражает свой фрагмент действительности, но интуитивно понятно, что в основных номинациях предметов и явлений мира эти фрагменты должны пересекаться. Допустим, что есть группы лексики, встречающиеся закономерно практически в любом тексте. Они и должны в первую очередь отражать приоритеты текстовой номинации и, значит, отражать базовые (и не индивидуальные, а общезначимые) концепты, которые автор неосознанно репрезентирует в произведении.

Подтвердить эту мысль и выстроить объективный список наиболее важных понятий, отражаемых в тексте, может только частотный анализ, проведенный на большом массиве словоупотреблений. При этом логично сопоставлять в одной группе тексты, написанные приблизительно в одно время.

Сходные проблемы решает в своих работах В. С. Басвский на материале русской поэзии [1]. Поэтический текст имеет свою специфику: его малая протяженность даст автору возможность в большей степени отразить «доктрину» собственного, личностного восприятия мира (например, употребить или не употребить несколько раз слово *душа*). В итоге поэзия (и в этом ее эстетическая стезя) должна давать больше искажений в сравнении с более близкой к естественной речи прозой. Только в этом смысле можно говорить о том, что чем больше по объему текст, тем объективнее результаты частотного анализа.

Данное исследование проводится на материале 12 прозаических произведений М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова одного времени (1920 — 1930-х гг.), содержащих в сумме около 720 тыс. словоупотреблений. Материал (знаменательные слова) ограничен нарицательными именами существительными — по 100 самых частотных из каждого романа, т. е. всего 1200. Далее в базе данных был проведен сопоставительный анализ, распределивший этот массив по количеству произведений, в которых они оказываются частотными (от 12 до 1 соответственно).

Исследование показывает, что лексические универсалии, преселекционные в каждом тексте, действительно существуют. 10 слов попадают в число самых частотных во всех текстах: **человек (люди), голос, голова, время, жизнь, рука, день, лицо, свет, глаз**. Эта группа уже задает основные направления стратификации. В итоге 41 слово, по нашим данным попадающее в первую сотню 7 из 12 исследуемых произведений (т. е. в более половины текстов), можно тематически систематизировать следующим образом:

1. Наиболее общие обозначения человека: *человек (люди), женщина*. Слово *мужчина* почти никогда не является частотным. Заметим, что в русском языке, как и во многих других, слово *человек* в разных контекстах является синонимом слову *мужчина*. Ср.: *Вас какой-то человек спрашивает. Человек остановился у двери* — кто решит, что речь идет о женщине? Это сужает значение слова *мужчина* и семантически (*мужчина* в 1-м знач. = не-женщина), и стилистически.

2. Термины родства: *мать, жена*. Прочие (типа *отец, сестра, брат, муж*) существенно отстают. Последние два соображения можно, вероятно, объяснить характером мужского взгляда на мир.

3. Органы тела и внешние признаки человека: *голова, рука, лицо, глаз, нога, сердце*; можно объединить с ними и слово *голос*.

4. Время и его промежуток: *время, год, день, ночь, вечер, утро, час, минута*.

5. Пространство и его координаты: *мир, земля, место, сторона, город, улица, двор, дом*; сюда же примыкают слова, обозначающие части жилища: *комната, окно, дверь, пол, стол*.

6. Слово *жизнь* и наименования наиболее важных обобщенных результатов деятельности человека: *мысль, слово, дело*.

7. Особняком стоят слова *вода, свет, бог, солнце, конец*. В силу очевидной частотности разных значений этих слов (проблема многозначности здесь не решается) они не могут быть причислены, например, к группам «пространство», «жизнь» и т. д.

Неудивительно, что слова тематических групп «Человек», «Время» и «Пространство» оказались самыми важными: они задают основные координаты не только текста, но и человеческой жизни вообще. Любопытно то, что они с такой последовательностью проявляют себя в каждом художественном тексте. Речь идет о показателях от 0,04 до 0,64 % от всех словоформ, что в крупном произведении составляет не одну сотню словоупотреблений, например, *человек (люди)* («Чевенгур») — 741 случай, *рука* («Мастер и Маргарита») — 356, *глаз* («Белая гвардия») — 238, *год* («Дар») — 229.

Интересно в этом смысле сопоставить полученные данные с частотностью лексики, которую дает проза XIX в., а также современный материал.

Можно, вероятно, говорить о том, что рассмотренные слова (как бы частотны в отдельном романе они ни были) не стоит привлекать без контекстологического анализа для характеристики идиостиля отдельного автора, а также для решения проблемы атрибуции текста.

Примечания

1. См.: Баевский В. С. Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы. М., 2001. В первую очередь гл. 11, «Темы и вариации русской поэзии XIX-XX вв.» (с. 192–217).

© А. С. Назин
СурГУ, г. Сургут

Традиции и новаторство поэтики Толкиена

«Средневековый поэт мог рассказывать о подвигах Эрека, но ему в голову не пришло бы говорить о том, как он въехал на двор замка Иньоля, как его конь топтал при этом колючие звезды волчца, выглядывавшие из расщелин камней, как он сам оглянулся и увидел вокруг себя одни развалины... Эти реальные подробности обличают новое время...» [1].

Так писал известный литературовед Александр Николаевич Весселовский в своем труде «Историческая поэтика», сравнивая пер-

воисточник — кельтские сказания о короле Артуре с позднейшим переложением — циклом поэм «Королевские идиллии» английского поэта Альфреда Теннисона.

Историческая поэтика, родоначальником которой был Веселовский, изучает устойчивые литературные стили, системы и коды условностей, постоянно пополняющие кладовую литературной памяти. Чтение художественных текстов предполагает распознавание, дешифровку этих кодов, и наметанный глаз знатоков видит не только данный текст, но и интертекст.

Ключ к постижению творчества Толкиена кроется в Библии, «Песни о Нибелунгах», «Калевале», языческих верованиях северных европейцев и «Старшей Эдде», пронизанной благородным нордическим духом. «Мне так понравился этот дух, — признавался Толкиен, — что я всегда старался воссоздать его доподлинно». Произведения этого писателя опираются на Традицию с большой буквы — поэтические, языковые, культурные традиции Европы. Толкиен создаст собственную Книгу Бытия, совершенный литературный микрокосм, целую космогонию со своими ритуалами, героями, языками, со своими традициями, своей религией, своей логикой — мир, достойный идеализированной античности.

Изначально автор имел своей целью укрепить боевой дух англичан, несших в Первой мировой войне огромные потери. Толкиен вспоминал: «И тогда пришла мне однажды мысль написать сборник легенд, более или менее связанных между собой, — от крупных повествований на космогонические сюжеты до романтических сказок — и посвятить их Англии, моей родине» [2]. Но идя от национальной идеи, писатель сумел создать произведение всемирной значимости (пенталогию «Хоббит», «Властелин колец» из трех частей, «Сильмариллион»): оно подобно величайшим эпосам, легендам и сказаниям, объединенным в одну мировую Традицию. Эта Традиция сродни юности мира, когда все вещи еще предстают в неразрывном единстве, первозданной цельности. Это время рождения мира, и повествование о первых днях Хоббитании, о первых годах жизни эльфов, о начальных временах других сказочных рас оставляет впечатление чего-то очень знакомого во вселенском смысле.

«Вначале был Эру, Единый. На Арде зовется он Илуватар. Первыми создал Он Айнуров, Священных. Они стали плодом его дум и были с ним раньше всех творений» — это начальные строки из «Сильмариллиона», главы «Айнулиндалэ (Музыка Айнуров)» [3].

Внимайте мне все
священные роды,
великие с малыми
Хеймдалля дети!

Один, ты хочешь,
чтоб я рассказала
о прошлом всех сущих,
о древнем, что помню [4].

Перекличка творчества Толкина с песней «Прорицание вельвы» из «Старшей Эдды» очевидна, как и с другими архаичными космогоническими эпосами.

Для традиционных эпических повествований, подобных гомеровским поэмам, древнегерманским, скандинавским песням, характерно особое, «эпическое», мирозерцание, которое отмечено максимальной широтой взгляда, максимальной объективностью. Повествователь рассказывает о событиях с невозмутимым спокойствием. Ему внятно все, ему присущ дар «всеведения». Не случайно Гомера уподобляли небожителям-олимпийцам. Таким же «божественным» даром всезнания обладает и повествователь в толкиновском цикле.

Эпическое повествование — это рассказ о происшедшем ранее. Между ведением речи и предметом словесных обозначений должна быть временная дистанция. Повествование ведется со стороны и, как правило, имеет грамматическую форму прошедшего времени. Эпический художественный текст оказывается сплавом повествовательной речи и высказываний персонажей, являющихся их речевыми действиями.

Максимальная объективность — конститутивная черта эпичности и позднейшей классической литературы, классической в понимании Виктора Максимовича Жирмунского, выделившего два типологических стиля в поэзии — объективный и субъективный, или классический и романтический.

Классическая поэзия стремится к объективному видению мира и потому создает собственную систему поэтики. Слово содержит в себе собственную семантику. Поэтому количество метафор минимально, образы наглядны, на первое место выступает деталь.

Романтическая поэзия отличается субъективным видением мира, вербализацией бесконечного, стремлением передать мистический, трансцендентальный опыт. Образы в романтической поэзии зыбкие, нечеткие, аморфные. Основной поэтический прием — метафора.

Хотя основным материалом анализа для Жирмунского была русская поэзия начала XX в. — поэзия акмеистов и символистов, ученый рассматривает вопрос шире, на примере всей европейской литературы прошлого, деля ее на два названных типа.

Объяснение художественного значения поэтических приемов, их взаимной связи и характерной эстетической функции и составляет задачу теоретической поэтики. В свою очередь поэтика историческая должна установить их происхождение в поэтическом стиле

эпохи, их отношение к предшествующим и последующим моментам в развитии поэзии.

«Поскольку материалом поэзии является слово, в основу систематического построения поэтики должна быть положена классификация фактов языка, которую даст нам лингвистика. Каждый из этих фактов, подчиненный художественному заданию, становится тем самым поэтическим приемом» [5]. Ученый выделяет такие области пересечения лингвистики и поэтики: поэтическая фонетика, или эвфония, метрика, словесная инструментовка, мелодика, поэтическая неология, поэтический синтаксис, семантика, учение о тропах и фигурах речи. Для каждой группы вопросов намечается два разных подхода: с одной стороны, выбор определенных элементов (тематика), с другой — их расположение в некоторой последовательности, развитие и сочетание (композиция).

Классический стиль ищет типичного и всеобщего, закрепляет что-то основное, неизменное, вечное. Такой стиль, по мнению Жирмунского, является метонимическим, перифрастическим, условно-генерализующим. Вещественный, логический смысл слова играет здесь решающую роль. Объективный момент подчеркивается описаниями, пластической изобразительностью.

В противоположность ему романтический стиль можно назвать эмоциональным, направленным на смутное, скорее звуковое, чем смысловое, музыкально-лирическое воздействие, при сопутствующей ему затемненности элементов вещественного значения.

«Классический поэт имеет перед собой задание объективное: создать прекрасное произведение искусства, законченное и совершенное, самодовлеющий мир, подчиненный своим особым законам. <...> Момент субъективный при этом в рассмотрение не входит: какое нам дело до «личности» и «психологии» зодчего, когда мы смотрим на созданное им прекрасное здание?

Напротив, поэт-романтик в своем произведении стремится прежде всего рассказать нам о себе, «раскрыть свою душу». Он исповедуется и приобщает нас к эмоциональным глубинам и человеческому своеобразию своей личности» [6].

Процитируем Жирмунского далее: «Классический поэт — мастер своего цеха. Искусство для него — «святое ремесло». Он знает и любит техническую сторону своего дела, он владеет материалом и вместе с тем охотно подчиняется его законам, как условиям, необходимым для эстетического совершенства. <...> С этим связано консервативное, во всяком случае бережное отношение поэта к художественной традиции в области поэтического языка и стиля: в классическом произведении традиция предстанет перед нами не разрушенной, а по-новому углубленной. <...>

В противоположность этому для поэта-романтика законы и условия поэтического материала и формы являются досадными и стеснительными «условностями». В своем стремлении к абсолютно выразительной форме, безусловно и до конца соответствующей его переживанию, он разрушает уже сложившуюся форму ради новой, более изменчивой и индивидуальной. <...> Разрушив условное совершенство классического искусства, романтическое искусство неизбежно вступает в период опытов, исканий, этюдов, незаконченных набросков. В сущности, его цель — абсолютное и свободное от всяких условностей выражение переживания — представляет бесконечное задание, реально несуществующее, лишь намечающее предел осуществления. Вот почему романтики так остро ощущали недостаточность всякого искусства, «несвыразимость» переживания в слове...» [6].

Если, по Жирмунскому, классический и романтический стили противоположны, не имеют точек пересечения, не могут сосуществовать в рамках творчества одного и того же поэта, тем более в пределах одного и того же произведения, то следует признать, что творчество Толкиена является исключением из правил, совместившем в себе черты поэтики обоих стилей.

Прежде всего стиль Толкиена представляется классическим: этому способствует и связь с Традицией, и эпическая форма, и эпический замысел, и психологическая объективность в описании воображаемого мира. Между всеми произведениями пенталогии существует сложнейшая система семантических и структурных связей, благодаря чему можно говорить о внутренней интертекстуальности творчества Толкиена. Не случайно после написания «Властелина колец» автор вернулся к «Хоббиту» и переделал несколько фрагментов, согласовав их содержание с последующей трилогией. В переводе Королева в тексте «Хоббита» можно найти реалии, отсутствующие в оригинале романа, но встречающиеся в следующих произведениях автора.

Однако стилю Толкиена присуща не только классическая объективность. Субъективность его — в попытке решить вечные вопросы добра и зла, смысла человеческой жизни (все сказочные расы являются ипостасями людей). Попытки понять себя самого и мир вокруг себя особенно важны в изображении главных героев цикла — Бильбо и Фродо. Толкиен почти не использует внутренние монологи. Один из важнейших способов выражения психологии персонажей и своего собственного внутреннего мира для Толкиена — это отражение восприятия природы. Метафорика Толкиена, в целом скупая и сдержанная, становится здесь более выразительной, отражая духовную работу, духовные поиски главных героев.

Рассмотрим фрагмент из «Властелина колец», часть 1:

«А у Фродо душа так и ныла: он корил себя за легкомыслие и уж совсем было собрался повернуть всех вспять (то есть невсedomо куда), как вдруг тягостный подъем кончился, деревья **раздвинулись и выпустили** путников на ровную поляну, а тропа **побежала** напрямик к зеленому холму, безлесному, похожему на **лысое темя** над вздыбленными волосами» (пер. А. Кистяковского, В. Муравьева, [7]).

В оригинале:

«They now hurried forward again, delighted with the thought of climbing out for a while **above the roof of the Forest**. The path **dipped, and then again began to climb** upwards, leading them at last to the foot of the steep hillside. There it left the trees and faded into the turf. The wood stood all round the hill **like thick hair that ended sharply in a circle round a shaven crown**» [8].

Попытка изображения колесаний, неуверенности, душевного смятения героя через внутренний монолог не была бы действительно удачной: Толкиен понимал невозможность полного отражения сложности внутреннего мира человека (хоббит — одна из человеческих ипостасей). Здесь он разделяет мнение романтиков о том, что выразить бесконечность переживания — бесконечная же задача, до конца никогда не решаемая. Поэтому автор поступает иначе: он показывает по контрасту словесно едва намечасмое настроение героя — и восприятие им природы, и эта эмоционально-психологическая антитеза, наполненная природными метафорами, помогает читателю, с его тоже сложным и неоднозначным мировосприятием, лучше понять чужой микрокосм.

Как известно, романтики творят новый язык из старых форм, иначе сочетая их и наделяя новым символическим содержанием. Толкиен сделал больше: он сотворил по-настоящему новые языки — квэнья (на основе финского) и синдарин (на основе валлийского). Для выражения новых сущностей, для создания нового мира автору понадобились абсолютно новые формы. Вот почему каждая раса в пенталогии говорит на своем собственном языке, показанном или фрагментарно, несколькими словами, звукокомплексами, или развернуто, находя отражение в стихах и иных окказиональных текстах, с алфавитом и обширными авторскими комментариями в приложениях.

Оригинальное, несбываемое сочетание названных черт в творчестве Толкиена даст возможность говорить о своеобразии поэтики этого автора, соединившей в себе, казалось бы, несоединимые характеристики. Всемирное движение толкинистов, популярность жанра фэнтези и

непреходящая слава Толкиена — творца новых миров — служат показателями стабильного интереса к творчеству этого автора на протяжении нескольких последних десятилетий. В связи с этим изучение своеобразия поэтики Толкиена и адекватность ее отражения в русских переводах представляется весьма актуальной задачей современной лингвистики, теоретической и исторической поэтики, литературоведения и других наук филологического содружества.

Примечания

1. *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. М., 1989.
2. *Ботталь П.* Толкиен: Мир чудотворца. Пер. с франц. М., 2003. С. 23.
3. Сильмариллион / Джон Рональд Руэл Толкин; Под. ред. К. Толкина; [Пер. с англ. Н. В. Григорьевой, В. И. Грушецкого; Предисл. к 1-му изд. К. Толкина; Худож. Т. Кейн.]. СПб., 1993. С. 21
4. Библиотека всемирной литературы. Т. 9: Бесовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах. М., 1975. С. 138
5. *Жирмунский В. М.* Задачи поэтики // Жирмунский В. М. Поэтика русской поэзии. СПб., 2001. С. 25–79.
6. *Жирмунский В. М.* О поэзии классической и романтической // Жирмунский В. М. Поэтика русской поэзии. СПб., 2001. С. 358–363.
7. Хранители: Повесть / Пер. с англ.; Предисл. В. Муравьева. М., 1988. С. 123.
8. *Tolkien J. R. R.* The Lord of the Rings. London, 1995. С. 111.

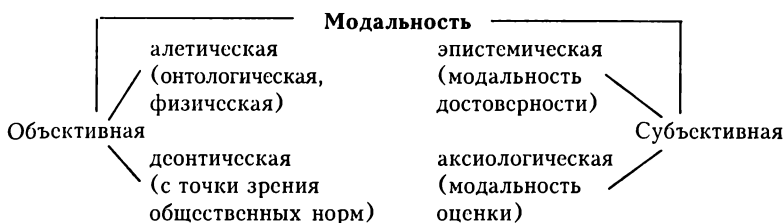
© Г. А. Ободин

УрГЭУ, г. Екатеринбург

Модальность экономического текста (на материале немецких энциклопедических статей)

Модальность является универсальной категорией, поэтому она привлекает внимание многих ученых — лингвистов, логиков, философов [1, 2, 3, 4, 5, 6]. В лингвистике модальность рассматривается как «функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [7]. Отсюда принято различать объективную и субъективную модальность. В этом же значении приходится констатировать и другие обозначения: онтологическая и гносеологическая модальность [8], модальность действительности и недействительности [9] и др.

Очень широко модальность изучается в логике в связи с исследованием структуры суждения как формы мысли [10]. Одним из важнейших свойств любого суждения является модальность. Принято различать четыре вида модальности: два из них связаны с объективной, а два других — с субъективной модальностью [11].

«Вид модальности, устанавливающий характер связи между предметом и признаком, как он наличествует в реальной действительности, называется объективной модальностью» [12]. *Земля вращается вокруг Солнца. Необходимо, чтобы Земля вращалась вокруг Солнца. / Покупатель — король. С общественной точки зрения является нормой, чтобы покупатель был королем.* Субъективная, в частности эпистемическая, модальность представляет чью-либо точку зрения и является основой формирования достоверных знаний об окружающем нас мире. *Возможно / по всей вероятности / конечно же англичанин М. Кейнс установил, что безработица находится в прямой связи с фазами конъюнктурного цикла.* Оценочная, аксиологическая, модальность может быть заключена в самом слове / выражении: *Волнистые линии, напоминающие структуру волн.* Она может быть передана и описательно. *В настоящее время труднее влиять на конъюнктурные циклы, чем это было до середины 60-х годов прошлого века.*

Явление модальности нельзя рассматривать в отрыве от проблемы предикативности. Предикативность — «ключевой конституирующий признак предложения, относящий информацию к действительности и тем самым формирующий единицу, предназначенную для сообщения» [13]. Для придания предложению свойственной ему функции необходимо совершить акт предикации. «Этимологически и деривационно «предикация» восходит к слову «предикат» — от позднелатинского «*predicatum*», «сказанное», а в терминологическом пересмыслении — «свойство», «отношение». Тем самым предикация есть способ приписывания признака его носителю» [14]. Иными словами, это — акт создания пропозиции (простого предложения) в соответствии ситуацией.

Названные категории — и предикативность, и модальность — отличаются масштабностью, в результате чего трудно установить их границы. Предикативность может быть определена только опосредованно. Это говорит о том, что она не имеет собственного кода выражения. В отличие от этого модальность, если брать ее объективную сторону, имеет свой маркер — категорию наклонения. В структуре текста категория модальности, основываясь на теорети-

ческом и практическом опыте, помогает формировать научные знания. В отличие от предикативности модальность имеет своего автора, который для получения достоверной информации может обратиться к прецедентному контексту [15].

Экономический дискурс, базирующийся на реалиях общественной жизни, включает в себя большое количество мнений и теорий. Желание узнать новое, глубже понять происходящие в хозяйственной жизни явления заставляет авторов обращаться к временам Библии, к периодам мировых экономических кризисов, войн, к моменту зарождения того или иного концепта (деньги, маркетинг, «мозговая атака», моббинг и т. д.). Это даст возможность проследить и довести до потребителя один из вариантов развития описываемой проблемы и охарактеризовать ее современное состояние. Так, во времена написания Библии было замечено, что в экономической жизни общества существуют 7 «жирных» и 7 «тощих» лет. Появилось желание, а в последующем и необходимость, глубже проникнуть в суть данной проблемы (период первого мирового кризиса) с целью повлиять на фазы «застоя» и найти возможные пути продления фазы «подъема».

Необходимость разрешения проблемы сопряжена с определенными пресуппозициями. С одной стороны, специалисты знают, как обстоит дело в экономике на определенном этапе развития общества — «sein» (ситуация). Они так же знают, каким должно быть положение дел — «sollen» (ситуация). С другой стороны, они поставлены в зависимость от возможных путей развития событий и пытаются найти «правильный» выход в сложившейся ситуации. Таким образом, желание глубже узнать настоящее заставляет нас обращаться к прошлому, желание изменить состояние дел — думать о будущем. Все это проблемы модальности...

В первую очередь автор всегда высказывает свое желание в заголовке текста. Уже на этой стадии им предлагается один из возможных путей разрешения интересующей его проблемы. Распознать желание автора удастся лучше всего, когда мы находим в заголовке сложное слово (к примеру, *Verbraucherpolitik* — политика, направленная на защиту интересов потребителя). Вторая часть сложного существительного — *die Politik* — имеет широкое значение и происходит из сферы государственной и общественной жизни. «Политика» определяется как целенаправленная деятельность, в которой находят свое выражение интересы и противоречия различных классов. Позднее это слово стало употребляться в различных отраслях, связанных с производительной и непроизводительной сферами человеческих отношений, где сохранило свое основное значение. Следовательно, заголовок нам подсказывает, что автором движет желание

показать деятельность и взаимные связи между потребителями и производителями с научной точки зрения. Не исключается возможность привлечения предшествующего опыта. Вероятно, речь также пойдет о рекомендациях потребителю с целью укрепления его позиций на товарном рынке. В ходе раскрытия темы автор использует различный лексический материал. Он начинает свои рассуждения со ссылки на теорию либеральных демократов — отправная точка дискуссии. Вначале, когда речь идет о производстве на заказ — «Produktion auf Bestellung», он становится их сторонником. В отношении характеристики потребителя на первый план выступают такие слова, как: König (король), Konsumentensouveränität (суверенитет потребителя), Kundenwünsche (желания клиентов), Lenkungsfunction des Konsumenten (управляющая функция потребителя). Деятельность и отношения между потребителем и производителем на этом этапе можно назвать прозрачными — der kostengünstigste Produzent, das kostengünstigste Verfahren, an dem kostengünstigsten Ort. При назывании производителя, метода и места производства автор использует превосходную степень прилагательного, что свидетельствует о высшей степени достоверности предлагаемой информации. В качестве предикатов по отношению к потребителю встречаем причастие I ausschlaggebend — решающий (Konsumentenwünsche) и прилагательное deutlich — ясный (Lenkungsfunction des Konsumenten). Исключается употребление языковых средств, которые вносят в контекст оттенок неопределенности, — наречия мнениа, неопределенный артикль, модальные глаголы, частицы и т. д.

Далее автор описывает ситуацию отношения между потребителем и производителем в современном промышленном государстве. Она характеризуется непрозрачностью рынка — «ein anonymer Markt». Анализируя деятельность производителя в связи с изменением потребительского спроса, автор употребляет условное предложение; прилагательное falsch; глаголы bestrafen, versuchen; существительные Unsicherheit, Problem, Risiko. Позиция потребителя является еще более неопределенной: ему предлагается большой выбор товаров без определенного критерия оценки их качества — die Fülle und Unübersichtlichkeit der Warenangebote. Он одновременно встречается и с положительными — vermehrte Wahlmöglichkeiten — и отрицательными — unlösbare Probleme des Preis- und Qualitätsvergleichs — явлениями. По ходу рассуждения употребляются глаголы erschweren, überfordern, beurteilen, unterliegen, имеющие в контексте общую сему — «оказывать каким-либо образом отрицательное воздействие». К ним добавляется существительные с той

же самой ссмой — Unübersichtlichkeit, Wahlmöglichkeiten, Probleme, Schwierigkeiten, Gefährdungen. С целью придания ситуации большей неопределенности используются модальные глаголы können и müssen. В этой же части текста наличествует большое количество наречий и частиц, придающих информации большую значимость: jedoch, grundsätzlich, nämlich, zusätzlich, tatsächlich, dadurch, damit, noch, sogar и т. д. Тем самым автор объясняет либералам на примере фактов, что в экономической науке на проблемы потребителя появилась иная (сегодняшняя) точка зрения. Ее стоит или принять, или опровергнуть. Кроме того, автор даст ответы на многие вопросы, которые в настоящее время требуют своего разрешения.

Известно, что истина усваивается быстрее, когда автор не прямо высказывает свое мнение, а привлекает лексический материал, который заставляет работать мысль, искать правильное решение. В русском языке эту функцию берут на себя модальные слова (возможно, вероятно, навсрное и т. д.), которые выполняют роль вводных и относятся ко всему предложению. В немецком языке для этой цели употребляются модальные глаголы — dürfen, können, mögen, müssen, которые наряду с основным значением (возможность, желательность, необходимость) могут употребляться для передачи субъективной модальности, выражая различную степень предположения. В этой связи следует также упомянуть и другие модальные глаголы: в частности, глагол sollen может использоваться для передачи чужого мнения, а глагол wollen — для передачи собственного мнения.

Анализируемый материал показывает, что в энциклопедических статьях названные модальные глаголы часто служат для передачи эпистемической модальности и тем самым помогают формировать истинное представление о том или ином экономическом понятии. Обратимся к примерам: глагол dürfen. «*Die Veränderung der Zyklen von durchschnittlich 9 auf 4 Jahre dürfte eine unmittelbare Folge dieser Bemühungen sein*» (Konjunktur, Ausg. 1). Модальный глагол dürfen имеет здесь значение «ist zu vermuten» — можно предположить, возможно. Один из вариантов перевода предложения на русский язык: *Возможно, что изменение продолжительности конъюнктурных циклов в среднем с 9 до 4 лет явилось непосредственным следствием этих стараний*. Глагол können: «*So ergibt sich eine wechselseitige Abhängigkeit, die im Extremfall (Modediktat) sogar in eine Produzentensouveränität umschlagen kann*» (Verbraucherpolitik, Ausg. 1). — Таким образом, получается взаимная зависимость, которая в экстремальном случае (диктат моде), вероятно, обращается даже в монополию производителя. В обоих примерах значение возможности не упраздняется, а воспринимается

как «гипотетическая» возможность. Отсюда и может идти речь о «предположении» или «допущении» [16].

Глагол *müssen*, как и глагол *können*, может использоваться для выражения предположения, гипотезы. Но в то время как с помощью глагола *können* передается возможное положение дел, глагол *müssen* выражает высокую степень предположения, так называемую «гипотетическую» необходимость. «*Vordringliches Anliegen im Interesse der Verbraucher muss daher eine wirksame Wettbewerbspolitik sein*» (Verbraucherpolitik, Ausg. 1). — *Поэтому настоятельным желанием в интересах потребителя является, конечно же, действенная политика в области соревнования.* Поскольку модальные глаголы *dürfen*, *können*, *müssen* и др. в энциклопедических статьях нередко берут на себя функцию субъективной модальности, то объективная модальность в подобных случаях перемещается в именную сферу. Это хорошо видно на примере сложных существительных: *Warenangebot* — *Waren werden angeboten* (достоверность); *Wahlmöglichkeiten* — *Es gibt Möglichkeiten, etwas aus einer bestimmten Menge von Waren zu wählen* (возможность).

В энциклопедических статьях модальный глагол *sollen* часто берет на себя функцию деонтической модальности. В этом случае предложение с *sollen* выражает задачу, цель и служит средством для выражения социального желания, программы действий: «*Dies soll durch Anwendung einer zielgerichteten Verbraucherpolitik erreicht werden*» (Verbraucherpolitik, Ausg. 1). — *Это достигается путем применения целенаправленной политики по защите прав потребителей.* В подобных конструкциях модальный глагол *sollen* употребляется с инфинитивом пассива действия, выполняющего роль передачи предписания, указания и т. п. Этим достигается экономия языковых средств и создается перспектива изложения в соответствии с авторскими намерениями, включая в себя что-то определенное для достижения поставленной цели. В энциклопедических статьях на стадии вывода довольно часто вместо предикатных используются именные конструкции. Поэтому для более полного анализа грамматических конструкций приходится привлекать метод трансформации. Ср. *Die Zielsetzungen sind: Stärkung der Stellung des Verbrauchers am Markt durch Wettbewerbsförderung und -erhaltung...* (Verbraucherpolitik, Ausg. 1). Трансформация = *Die Stellung des Verbrauchers am Markt soll durch Wettbewerbsförderung und -erhaltung gestärkt werden.*

В таких предложениях глагол *sollen* может быть заменен глаголом *wollen* в его основном значении. При этом наряду с желанием (*Gewollten*) может быть указано лицо или инстанция, которое(ая) желает этого (*der Wollende*). Получается сложноподчиненное пред-

ложение с подлежащим «лицо / инстанция» в главном предложении. Желание оказывается в придаточном предложении с союзом *dass* (в функции прямого дополнения). Модальные глаголы *sollen* – *wollen* находятся в зависимости актив-пассив: *Der Staat will, dass... – Государство хочет, чтобы...* С помощью глагола *sollen* передается акт воли, что в прямой речи обычно выражается императивом: *Der Staat empfiehlt den Produzenten «Stärken Sie die Stellung des Verbrauchers durch...!»* Наряду с императивом можно употребить другие языковые средства: *Der Staat wünscht, möchte, dass...* При употреблении глагола *sollen* в этом значении важно помнить: 1) кто является агенсом, 2) кому предназначена рекомендуемая информация, 3) от кого зависит выполнение поставленной цели.

Рамки дискуссионного доклада позволили остановиться только на нескольких способах выражения модальности в энциклопедических статьях экономического дискурса. Остальная часть исследования является предметом специальной монографии.

Примечания

1. Беляева Е. И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. Воронеж, 1985.
2. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
3. Милосердова Е. В. Семантика и прагматика модальности (на материале простого предложения современного немецкого языка). Воронеж, 1991.
4. Коньков В. И. Речевая структура газетного текста. СПб., 1995.
5. Конюшков М. И. Модальность в свете прагматики. // Вопр. функциональной грамматики: Сб. науч. тр. / Под ред. И. И. Конюшквича. Гродно, 2000. Вып. 3. С. 58–78.
6. Баженова Е. А. Эпистемическая ситуация: развитие понятия // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 2000. С. 154–178.
7. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 303.
8. Ваулина С. С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке XI–XX вв. Л., 1988. С. 16.
9. Беляева Е. И. Указ. соч. С. 159.
10. Гетманова А. Д. Логика: Для пед. учеб. заведений. 5-е изд. М., 2002.
11. Трунова О. В. Природа и языковой статус категории модальности (на материале английского языка). Барнаул, 1991. С. 17.
12. Там же. С. 16.
13. ЛЭС. С. 392.
14. Трунова О. В. Указ. соч. С. 12.
15. Баженова Е. А. Прецедентный контекст как «визитная карточка» старости // Текст и дискурс: Проблемы экономического дискурса. СПб., 2001. С. 68–81.
16. Duden / Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / 6. neu bearbeitete Auflage / Herausgegeben von der Dudenredaktion / Bearbeitet von Peter Eisenberg, Hermann Gelhaus, Helmut Henne, Horst Sitta und Hans Wellmann / Band 4. Mannheim Leipzig Wien Zürich, 1998. P. 93–104.
17. Примеры взяты из приложения к газете «Markt»: Markt-Lexikon von Prof. Dr Dietmar Krafft.

ЯЗЫК СМИ: НОВЫЕ ТИПЫ ДИСКУРСИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ)

Секционное заседание

© Е. П. Аникин
г. Челябинск

Речевые стратегии сопоставления и акцентирования (на материале российской и американской коммерческой рекламы)

Анализ научных публикаций последних лет свидетельствует о неослабевающем интересе лингвистики к изучению воздействующего потенциала языка. Свидетельством актуальности данной проблематики является ряд работ отечественных и зарубежных лингвистов, посвященных способам использования языка в качестве средства воздействия в различных сферах, в том числе и СМИ. Среди особо заметных можно выделить работы Баранова (1990), Блакара (Blakar, 1979), Болинджера (Bolindger, 1980), Доценко (1997), Кара-Мурзы (2000), Ларсона (Larson, 1992), Московичи (1998), Пироговой, Паршина (2000). Не меньшее внимание уделяется изучению культурных различий, определяющих выбор того или иного перлокутивного присма в разных языках. Сопоставлению способов воздействия и изучению их лингвокультурных особенностей посвящены работы Музыканта (1998), Стернина (Sterninc, 2003), Леонтович (2003) и др.

Внимание к проблеме стратегий речевого воздействия связано с распространением функционально-прагматического подхода к языку, появлением таких методологических направлений в языкознании, как прагматика и когнитивная лингвистика, рассматривающих язык как инструмент речевого воздействия, формирования или изменения картины мира реципиента речевого сообщения. Когнитивные возможности языка являются мощным средством речевого воздействия.

Рекламная коммуникация характеризуется стремлением адресанта к достижению коммерческих, т. е. паралингвистических, целей. При этом для достижения этих целей широко используется воздействующий потенциал языка — его возможности интерпретировать окружающую действительность, внушать точку зрения, отличную от той, которую получатель информации мог бы сформировать самостоятельно, воздействовать на подсознание и т. д. Таким образом, реклама — это

сфера, в которой речевое воздействие является необходимым средством достижения стоящих перед нею целей. Под речевым воздействием (в узком смысле) понимается использование особенностей устройства и функционирования паралингвистических знаковых систем, и прежде всего естественного языка, с целью построения сообщений, обладающих повышенной способностью воздействия на сознание и поведение адресата или адресатов сообщения (Паршин).

Одной из особенностей рекламной информации является наличие ряда факторов, препятствующих ее восприятию. Среди этих факторов выделяют:

- недоверие к рекламной информации;
- отрицательное отношение;
- привыкание и, как следствие, стирание остроты восприятия и т. д.

Задача преодоления данных негативных факторов заставляет создателей рекламных сообщений прибегать к постоянно возрастающему числу приемов речевого воздействия. Очень часто речевые приемы, вводящие реципиента рекламного сообщения в заблуждение, определяются термином «речевое манипулирование» или «контрабандное воздействие языка» [1]. Слышкин называет использование языка в рекламе с целью воздействия «текстовым насилием методом паразитической дополнительности» [2].

Практическую и окончательную реализацию речевого воздействия получает посредством речевых стратегий и тактик. Определение речевой стратегии, по нашему мнению, должно иметь два аспекта — процессуальный и результативный. Под речевой стратегией мы понимаем совокупность лингвистических и паралингвистических приемов, способов корректировки модели мира адресата сообщения с целью принятия им решения, выгодного или необходимого адресанту. Стратегии реализуются за счет речевых тактик и ходов. Перечень стратегий речевого воздействия (а также определяемых ими тактик и коммуникативных ходов) в рекламе обширен и потенциально пополняем.

Одной из стратегий, часто используемых при создании рекламных сообщений и, следовательно, обладающих высоким воздействием потенциалом, является стратегия акцентирования одного из свойств рекламируемого объекта. При использовании данной стратегии адресант пытается сконцентрировать внимание адресата на одном из привлекательных свойств товара или же искусственно его сконструировать. Другие свойства рекламируемого объекта выводятся за рамки рекламного сообщения и, следовательно, сферы восприятия адресата. Среди привлекательных свойств, наиболее часто акцентированных в рекламных сообщениях, можно выделить следующие:

- цена и экономичность;
- безопасность и полезность для здоровья;
- новизна и оригинальность;
- традиционность;
- страна производства рекламируемого объекта и т. д.

Акцентирование одного из перечисленных выше свойств при помощи различных приемов — коммуникативных ходов — ведет к реализации соответствующей тактики (например, тактики акцентирования цены и экономичности рекламируемой продукции). Анализ стратегии акцентирования предполагает анализ тактик и ходов, определяемых ею.

В качестве примера остановимся на тактике акцентирования страны производства рекламируемого объекта. Анализ данной тактики очень ярко выявляет различия в картинах мира российского и американского потребителя. В российском рекламном дискурсе тактика акцентирования страны производства реализуется за счет следующих коммуникативных ходов:

- Эксплицитное утверждение иностранного происхождения товара:

Электроинструменты из Германии. DWT.

Electrolux. Швеция. Сделано с умом.

Запомни! Корейские машины — в ИНКОМ АВТО!

- Намек на иностранное происхождение товара за счет использования в названии иностранных слов и букв:

Соки и нектары Rich.

G7. Живи. Играй.

Магазин LEFUTUR. Настоящее будущее — в LEFUTUR.

Данный коммуникативный ход можно назвать манипулятивным, ибо он вводит реципиента в заблуждение относительно страны производства товара.

Наличие проиллюстрированных выше ходов в российском рекламном дискурсе объясняется недоверием российских потребителей к товарам отечественного производства, желанием использовать продукцию, соответствующую мировым стандартам качества.

- Отечественный производитель — иностранная лицензия (традиции, признание, качество):

Бочкарев. Единственное российское пиво, награжденное медалью качества в Германии.

- Акцентирование отечественного происхождения продукции:

Балтика — знаменитое пиво России.

Российские железные дороги. Нам есть, чем гордиться.

Флагман. Мы верим в нашу команду.

Наличие данного коммуникативного хода в дискурсе объясняет-

ся укреплением в последние годы отечественного производителя, а также естественным дихотомическим делением действительности по шкале «свое» — «чужое». Использование данной особенности наивной картины мира реципиента Иссерс называет «стратегией формирования «своего круга» [3]. Не случайно в рекламном сообщении компании «Флагман» использованы национальные атрибуты — флаг, изображение сборной России по футболу и т. д. Данные паралингвистические ходы усиливают воздействие коммуникативного хода.

Соответствующая тактика акцентирования представлена и в американском рекламном дискурсе, однако набор ходов, определяемых ею, имеет качественные и количественные отличия:

— Коммуникативный ход «Сделано в США» («Американское качество»):

Great American Insurance Company. Built on relationship and focused on service.

Tippmann Sports LLC. — Manufacturer of High Performance Paintball Equipment. Tippmann Paintball — Made in the USA.

— Акцентирование штата производства продукции:

Chesterfield. Virginia blend.

Petite Sirah may be the best California wine you've never tried.

Первый из вышеприведенных коммуникативных ходов дублирует аналогичный коммуникативный ход в российском рекламном дискурсе. Отсутствие трех первых представленных в российском дискурсе ходов объясняется уверенностью американцев в превосходстве их отечественных товаров: «По мнению их, все американское хорошо. Американского худого ничего быть не может. Янки — патриот всегда и везде» [4]. Наличие хода, акцентирующего название штата, можно объяснить глубоко развитым чувством регионального патриотизма у американцев.

Очень часто в рекламных сообщениях используются приемы, призванные выделить рекламируемый объект из ряда аналогичных товаров, подчеркнуть его уникальность. Этой цели адресант добивается за счет стратегии сопоставления.

Среди речевых тактик, ведущих к реализации данной стратегии, можно выделить:

1. **Эксплицитное некорректное сравнение**, когда рекламируемый товар сравнивается либо не с тем, либо вообще ни с чем не сравнивается, но создается иллюзия его сравнения с товаром другой марки.

Данная тактика реализуется посредством следующих коммуникативных ходов:

— Создание суженного или расширенного класса сравнения, когда товар сравнивается:

а) с товарами той же марки, но устаревшими в технологическом отношении (при этом товары других марок вообще исключаются из поля зрения реципиента сообщения):

Now there's a way to stay even drier. New Kotex Ultra. Thins with wings. You've got it together with Kotex.

В данном рекламном сообщении утверждается, что Новые *Kotex Ultra* эффективнее старых. При этом аналогичная продукция других фирм исключается из круга сравнения.

Новый «Е» — отстирывает лучше! (по сравнению со старым);

б) с товарами других марок, но исключительно отставших в техническом плане; при этом продукция фирм, производящих аналогичные рекламируемые товары, вычеркивается из круга сравнения:

Because nothing outlasts Energizer;

Duracell. Испытания доказали, что Duracell работает дольше, чем обычные батарейки. Ничто не работает так долго.

И в том, и в другом примере алкалиновые батарейки фирм *Energizer* и *Duracell* сравниваются не со своими аналогами, а с батарейками, устаревшими в техническом плане, — с обычными.

— Сравнение с товаром принципиально иной категории или с абстрактным понятием.

В рекламе пряжи *Better than a sweater* качество пряжи сравнивается не с качеством пряжи другого производителя, а с товаром другой категории. При этом изображение свитера на иллюстрации наталкивает реципиента на мысль, что если он купит данную пряжу, «свитер у него будет уже в кармане», т. е. покупка пряжи данной марки как бы отождествляется с приобретением свитера.

В рекламе мобильного телефона от фирмы *Samsung: More fun than a phone should be*, телефон сравнивается вообще с абстрактным понятием радости. Безусловно, игровой характер данного сообщения способен поднять его перлокутивный потенциал, но, пожалуй, лишь для части потребителей, ибо другие хотели бы услышать более веские причины в пользу приобретения телефона.

— Сравнение ни с чем.

Борисова и Пирогова [5] выделяют еще более интересный тип некорректного сравнения — сравнение ни с чем. Так, в рекламе одной из пейджинговых компаний слоганом служил призыв: «Получи больше за те же деньги». Под лексической единицей «больше» подразумевалась бесплатная информация о котировке валют, прогноз погоды и некоторая другая информация, обычно предоставляемая пейджинговыми компаниями бесплатно. Слоган, по мнению Борисовой и Пироговой, таким образом, приобрел «смысл получи больше, чем ничего».

2. Помимо тактики некорректного эксплицитного сравнения весьма продуктивна **тактика имплицитного сравнения**. Использование имплицитной информации является весьма характерным для рекламы, ибо призыв «купи», выраженный напрямую, т. е. эксплицитно, может быть интерпретирован реципиентом как попытка навязать ему чужую волю и будет отвергнут. По мнению Е. Г. Борисовой и Ю. К. Пироговой, в подобной ситуации имеет место использование языка как средства «контрабандного» воздействия на сознание слушателя [6].

Данная тактика реализуется посредством следующих коммуникативных ходов:

— Сравнение через семантическую пресуппозицию.

Come to where the flavour is. Come to Marlboro country.

В качестве семантической пресуппозиции данного рекламного слогана можно рассматривать утверждение о том, что «только сигареты *Marlboro* обладают вкусом (только страна *Marlboro*); другие сигареты не имеют вкуса». Данное суждение является семантической пресуппозицией, ибо остается верным и при утверждении, и при отрицании рекламного сообщения:

Don't come to where the flavour is. Don't come to Marlboro country.

— Сравнение через условия успешности речевого акта:

Find out why more business people prefer Vodafone.

Данное рекламное сообщение имплицитно содержит информацию о том, что большее количество людей используют услуги компании мобильной связи *Vodafone*, и коммуникативные условия, созданные адресантом, практически не позволяют поставить это суждение под сомнение.

В сообщении «*Finally! An airline that recognizes business travel for what it really is. Canadian Air Travel*» имплицитно содержится информация о том, что другие авиакомпании, появившиеся раньше «*Canadian Air Travel*», не разбираются в своей работе. В данном примере возможно содержание паразитической имплицитной информации, следующей из импликации, — «компании, которые появятся позже, может быть, будут разбираться в бизнес-турах еще лучше рекламируемой авиакомпании». Однако ее роль нивелируется, во-первых, сложностью извлечения, а во-вторых, эффектом сенсации, на который делает ставку рекламодатель.

— Сравнение через прагматическую пресуппозицию.

Прагматические пресуппозиции представляют собой пресуппозиции, касающиеся знаний и убеждений адресанта и адресата [7]. Очень часто прагматические пресуппозиции находят свою реализацию через аллюзии (литературные и исторические), но нередко их источником являются знаки повседневной жизни.

В качестве примера хода сравнения через прагматическую presupposition можно привести рекламное сообщение фирмы «Coca Cola»: на иллюстрации изображены лица одиозных вождей и полководцев: Гитлера, Ленина, Наполеона и бутылка «Coca Cola». Под иллюстрацией слоган: «*Only one launched a campaign that conquered the world. Coca Cola*». Эффективность данного сообщения во многом зависит от знаний реципиента исторических реалий.

3. Тактика **акцентуации абсолютного превосходства и уникальности рекламируемого товара** реализуется посредством фокусирования внимания на тех качествах продукта, которые, по мнению рекламодателя, делают рекламируемый продукт принципиально отличным от других:

The orangemostest drink in the world!

Однако иногда выделение этого признака и необязательно — продукт может объявляться лучшим без какой бы то ни было аргументации:

Carlsberg. Probably the best beer in the world.

Для во многом схожих коммуникативных ходов данной тактики характерно употребление прилагательных в превосходной степени сравнения, порядкового числительного «*the first*» (первый), прилагательного «*the only*» (единственный), создание неологизмов с приставкой «*super*» (супер-) и других, по определению Блэккара, «пустых слов» [8]:

Yves Saint Laurent. The best choice of the successful person.

The only anti-perspirant for Teens.

Газета по суперцене!

С первого взгляда подобные сообщения кажутся малоубедительными людям с развитым критическим сознанием. Однако многократный повтор одного и того же рекламного сообщения воздействует на подсознание (такой прием называют суггестией) и снижает уровень критicismа при восприятии рекламного текста.

Приведенные тактики отнюдь не исчерпывают стратегию сопоставления рекламируемого товара, подобно тому как приведенные ходы не исчерпывают всего содержания тактик.

Примечания

1. Борисова Е. Г., Широкова Ю. К. Имплицитная информация в рекламе и пропаганде // Имплицитность в языке и речи. М., 1999. С. 145.
2. Слышкин Г. Г. От текста к символу. М., 2000. С. 73.
3. Иссерс О. С. Паша-«Мерседес», или Речевая стратегия дискредитации // Вестн. Омск. ун-та, 1997. Вып. 2. С. 52.
4. Музыкант В. Л. Теория и практика современной рекламы. М., 1998. С. 340.
5. Борисова Е. Г., Широкова Ю. К. Указ. соч. С. 149.

6. Там же. С. 145.

7. Пирогова, 2001: 218

8. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 106.

© Э. В. Будаев

НТГСПА, г. Нижний Тагил

Криминальный мир как сфера-источник для метафорического представления России, Грузии и стран Балтии в российской и британской прессе (2000–2004 гг.)

Когнитивно-дискурсивный подход к исследованию концептуальной метафоры конституирует необходимость апелляции к ментальным и экстралингвистическим факторам при экспликации закономерностей функционирования метафорических моделей, а саму метафору рассматривает как ментальную операцию, способ концептуализации и категоризации мира.

Демократические преобразования в республиках бывшего СССР находят отражение в метафорическом представлении действительности в британской и российской прессе: заметное распространение получает метафорическая модель с исходной понятийной сферой «Криминальный мир».

На материале российской прессы криминальная метафора исследовалась в ряде работ по метафорическому моделированию политической действительности. Так, в диссертации А. Б. Ряпосовой показано, что метафорическая модель с исходной понятийной сферой «Криминальный мир» является одной из самых востребованных в политическом нарративе «Российские федеральные выборы 1999–2000 гг.» [1]. В монографии А. П. Чудинова анализируется метафорическая модель со сферой-источником «Криминальный мир» в российском политическом дискурсе последнего десятилетия XX в. и отмечается значительная активизация криминальной метафоры при концептуализации российской действительности [2].

Также криминальные по сфере-источнику метафоры востребованы в политическом дискурсе зарубежных стран. Дж. Лакофф рассматривает метафоры американской политической речи как средство оправдания войны в Персидском заливе и исследует реализацию сценария «Злодей-Жертва-Доблестный Спаситель» [3]. Т. Рохрер показывает, что выявленный Дж. Лакоффом сценарий наполняется метафорами с криминальной сферой-источником [4]. Автор анализирует в идиоме Дж. Буша метафорическое представление Ирака как преступника-насилыника (*Иракское вторжение в Кувейт* –

это изнасилование). По мнению автора, американцы поверили метафоре Дж. Буша, потому что президент неоднократно ссыался на доклады о реальных изнасилованиях и грабежах, имевших место в Кувейте в связи с иракской аннексией. В обществе людей всякое преступление должно караться не только ради жертвы преступления, но ради всего общества, заключившего общественный договор. Буш развивает метафору «Государства — это люди» метафорой «Международная политика — это общественный договор», в котором США (полицейский) должны установить порядок. Если следовать этой логике, то изнасилование Кувейта — это преступление не только против Кувейта, но и против общественного договора, т. е. против всех законопослушных людей-государств. Характерна криминальная метафора и для концептуализации внутренней политики в американской политической речи. Например, в коллективном исследовании концептуальных метафор в политической речи одного из ведущих консерваторов США выявлена регулярная апелляция к метафоре «ЛИБЕРАЛЫ — ЭТО ПРЕСТУПНИКИ». Либеральные группы — это банды воров, головорезов, торговцев наркотиками, террористов, грабителей, мошенников. Жертвами преступников становятся рядовые граждане. Соответственно функцию полиции выполняют консерваторы и т. п. [5]. Исследуя метафорическую репрезентацию образа России, О. А. Шаова относит концептуальную метафору «В. В. Путин — это член преступного сообщества» к наиболее востребованной в дискурсе масс-медиа Франции [6].

В настоящей статье рассматриваются криминальные по сфере-источнику метафоры, зафиксированные в статьях российской и британской прессы (2000–2004 гг.), посвященных России, Грузии и странам Балтии.

Фрейм «Преступники и их специализация»

В российской прессе субъекты политической и экономической деятельности от рядовых чиновников и бизнесменов до глав государств метафорически представляются как разного рода преступники (*жулики, киллеры, воры, убийцы, насильники, бандиты, рэкетир, медвежатники, пираты, шулеры, угонщики* и др.). Ср.:

Насколько омерзителен цинизм князьков, когда они все сваливают на народ, называя его не готовым к демократии. Они подобны насильнику, надругавшемуся над девушкой, а потом кричащему, что она нечиста! (Г. Сатаров / Новая газета. 2004. № 70). Поэтому я обращаюсь прежде всего к тем, кто делает свой выбор в последний момент, под влиянием настроения либо под влиянием нанятых олигархами телевизионных и газетных киллеров (Г. Зюганов / Завтра. 2000. № 6). Значит ты не мудрый правитель, а жулик, очередной строитель Нью-Васюков (МК. 2000).

Не скупятся на криминальные метафоры и в британской прессе (*assassins, bribers, criminals, fraudsters, gamblers, gangsters, looters, mobsters, murders, robbers, thugs* и др.). Ср.:

*His chosen successor, Vladimir Putin, is a thin-lipped, near-silent ex-spy, an old KGB man with all the hallmarks of an **assassin** (The Guardian. 2000). Yeltsin started to back off from the liberal reforms he had supported earlier and a horrible mutant emerged, a kind of Leninist-Capitalism, its new, almighty barons **the gangsters** of a violent kleptocracy (The Guardian. 2000).*

Фрейм «Преступная деятельность»

Структура сферы-источника позволяет развертывать метафорическую модель и концептуализировать политическую деятельность как деятельность преступную (*изнасиловать, украсть, обчистить, раздеть до нитки, убивать, грабить, вымогать, взрывать, душить, прихватизировать, играть краплеными картами, опустошать карманы, жульничать, шельмовать, мошенничать, воровать, шахидизм, террор, гоп-стоп* и др.).

Поразил С. Шойгу, организовавший у себя в партии **двойную бухгалтерию**: он, оказывается, «лидер партии», но не ее член, а следовательно, может оставаться министром сколько ему захочется (Труд-7. 2000). Путину же лучше. Сейчас у него психология «**гоп-стоп**»: **налететь, ухватить...** (МК. 2000). Они третий раз **изнасиловали** страну. Вновь **украли** у народа право спокойно и квалифицированно обсудить проблемы, которые волнуют каждого гражданина и требуют быстрого решения (Завтра. 2000).

В британской прессе «преступная деятельность» субъектов политической деятельности образно представляется посредством метафор *extortion, to fiddle, grabbing, harbouring, to hijack, payoff, gerrymandering, plundering, to steal, to rig, to cheat, crude fake, to intimidate, to blackmail, to stifle* и др. Ср.: *To put it bluntly, it was a **payoff** to Russia to acquiesce in the admission of new members to Nato in November (The Observer).*

Сферой-мишенью криминальных метафор регулярно становятся российские и грузинские выборы всех уровней. «Преступная деятельность» организаторов выборов представляется посредством метафор *to fiddle, to rig, to cheat, phoney, lawless, fraudulent* и др. Актуализация таких метафор формирует прагматические смыслы «неподлинности», «недемократичности» выборов, что соответственно «обусловлено преступной деятельностью их организаторов». Ср.:

*The Kremlin's political solution to the Chechen question rested on shaky foundations — the election of Mr Kadyrov was **fraudulent** and*

the subsequent national parliamentary poll gave Mr Putin's United Russia an incredible 80 per cent of the vote (Daily Telegraph. 2004).

Сюда же относятся утверждения (без юридического обоснования) о конкретных преступных методах. Отметим, что обычно речь идет в обобщающем смысле, что создает образ «тотальной коррумпированности» и «повсеместной беззаконности». Ср.:

Corruption, slander and dirty tricks still getting Russia's vote (Daily Telegraph. 2003).

Отметим, что авторам анализируемых статей, безусловно, известен принцип презумпции невиновности, однако это не мешает им регулярно использовать криминальную по сфере-источнику метафору.

Фрейм «Преступные сообщества и их структура»

Следуя когнитивной топологии сферы-источника, субъекты политической деятельности могут метафорически представляться как преступные сообщества (*банда, мафия, Семья, кучка жуликов, преступный клан, «староельцинские», «новопитерские», «чубайсовские»*) со своей структурой и системой иерархических отношений (*крестный отец, крутые, авторитеты, блатные, вор, шестерки, преступные сообщества, подельники, крыша, общак*). Ср.:

Месяц назад он (Россель) даже мечтал создать уральскую **мафию**, с клятвой верности родине, чтоб и в столице ощущались ее длинные руки (МК. 2002. № 42). И не власть это никакая, а всенародный Гербалайф, многомерная **система воровства**: хочешь украсть — спроси меня как. На низших уровнях вертикали положено брать до 10 тысяч долларов в одни руки, а на верхних — нефтяными компаниями, не меньше (Завтра. 2004). Президенты приходят и уходят. «**Семья**» — вечно (МК. 2000).

В британской прессе агрессивный потенциал модели достигает крайней точки, когда целое государство метафорически представляется как преступное сообщество. Ср:

*The politics of envy and fear combine in an echo of 1930s Moscow, as Saakashvili's anti-corruption campaign, egged on by the west, allows the biggest gangsters in this **gangster state** to eliminate their rivals (The Guardian. 2004). Beneath the clown doll was a corrupt chancer, his hands so deeply in the till with Russia's treasure that at the end of his reign he stood at the head of a **near-gangster** state, with crime the country's greatest and most terrifying export (The Guardian. 2000) (О Ельцине). This is not a war between peoples; this is a battle against a **criminal** and his **gang**... The sooner Mr Abashidze is apprehended or forced to give up what he has **wrongly taken** — the situation will improve immensely (The Guardian. 2004).*

Фрейм «Правоохранительные органы и жертвы преступлений»

Понятийная сфера-источник предполагает наличие жертв преступлений и правоохранительных органов. Метафоры данного фрейма наиболее рельефно отображают геополитическое соперничество России и стран Запада на постсоветском пространстве.

Дж. Лакофф в упоминаемой выше работе показал, как метафорическая модель «Злодей-Жертва-Доблестный Спаситель» используется для персконцептуализации политической картины мира в массовом сознании. Анализ метафор выявляет развертывание аналогичной модели в российской и британской прессе, только с другим «составом действующих лиц». Так, в политическом нарративе «Расширение НАТО и ЕС» в британской прессе в роли злодея выступает Россия, которая пытается «запугать» восточноевропейские государства (в том числе страны Балтии), а правоохранительную функцию берет на себя Европейский совет. Ср.:

*Russia faces EU sanctions over “**bullying**” in eastern Europe... «We are not going to let them **blackmail** us. They’re behaving extremely badly, so we’re sending them a clear message that the EU will not be pushed around», said one official (Daily Telegraph. 2004). The EU is warning Russia that it may impose hard-hitting sanctions unless it drops its **belligerent** attitude towards the east European countries joining the union in May (The Guardian. 2004).*

В создаваемой британской прессой метафорической картине вмешательство «правоохранительных органов» тем более необходимо, потому что «злодей» кроме «запугивания» использует и другие несправедливые действия. Ср.:

*The popular theory is that Russia is **strangling** Ventspils so as to force Latvia’s government to give Transneft its remaining 39 % stake... (The Economist. 2003).*

На Кавказе и в Средней Азии роль полицейского (*policeman*), жандарма (*gendarme*) берут на себя США. Ср.:

*The prominence of its deployment in the region suggests that the division, based at Fort Drum in New York state and traditionally attracting recruits from the Rockies, is being moulded into **the US gendarme** for the vast unstable post-Soviet region between Turkey and China (The Guardian. 2002).*

К этому же фрейму следует отнести концепт *whistle-blower* (доносчик, осведомитель). Буквально метафора *whistle-blower* переводится как «свистун», т. е. тот, кто свистит, чтобы привлечь внимание окружающих и органов правопорядка к правонарушению. В русском языке слова «доносчики», «стукачи» традиционно несут в себе негативные смыслы. Еще древние славяне, согласно Русской правде, могли *не выдавать* преступников — членов общины, уплатив князю

«дикую виру», которая раскладывалась на всех обшинников. Эта особенность правосознания в немалой степени характерна и для современного российского мировоззрения, в котором «преступник — это не обязательно враг общества» [7]. Для британской картины мира, вероятно, характерен другой оценочный смысл, согласно которому «долг всякого гражданина сообщать о замеченном правонарушении». Ср.:

*Second, there is the difficulty of rooting out corruption in a state where two of the potential **whistle-blowers**, the political opposition and the media, have been neutered (Daily Telegraph. 2004).*

Для метафорического представления недостаточности или неадекватности политических действий президента используется метафора *ombudsman* (омбудсмен, специальное должностное лицо для наблюдения за законностью действий государственных органов). Омбудсмена назначает правительство, а его прямая обязанность — разбор жалоб частных лиц на государственные учреждения. Ср.:

*It is as if he is not the government, but its vexed, frustrated **ombudsman** (The Observer. 2004).*

Если в британской прессе Россия — преступник, а страны Балтии — жертва, которую нужно защищать, и если в Грузии царит криминальный хаос, который нужно прекратить с помощью иностранного полицейского, то в российской метафорической картине распределение ролей несколько иное. В российской прессе именно Россия представляется жертвой преступления.

*Запад не просто на нас давит или тянет с кредитами, не просто нас унижает или высокомерно обучает. Нам отрубают голову, у нас **вырывают сердце** (Завтра. 2000).*

Также Грузия становится или жертвой преступления, или новым членом мировой криминальной структуры во главе с США.

В последнее время олигархи по-разному сбегают от российского правосудия. Ср.:

*Есть мнение, что вы так красиво ушли под **крышу** Саакашвили, который сам находится под **крышей** у Буша (АиФ. 2004).*

*Мы уподобимся тому сторожу, которому **бандиты** [США] поручили сдувать пылинки с новенького «мерседеса», поставив его в ветхий, рушащийся гараж [Грузия].*

Что касается внутренней политики, то и в британской, и в российской прессе «жертвами» преступной деятельности обычно становятся СМИ, граждане страны, промышленность, демократия и пр. Ср.:

*A single example shows the extent to which Abramovich has been able to legally and openly **plunder** the privatised oil industry (The*

Guardian. 2003). *Mr Putin has done much to stifle emerging democracy during his first four years.* (*Daily Telegraph*. 2004).

Мы все — давно в заложниках у этой власти (Сов. Россия. 2004).

Отметим, что для создания «криминального» образа политика британские журналисты апеллируют к советскому, также, по их мнению, «криминальному» политическому прошлому. Ср.:

Beneath the drunk doll was a cunning operator of the old Soviet era, who had managed to climb up the greasy pole of the kleptocracy in the dying days of the old Soviet empire under Leonid Brezhnev, and later became the boss of Moscow... (*The Guardian*. 2000) (о Ельцине).

В современной российской политической речи криминальная метафора нередко акцентируется жаргонной лексикой (*наезд, разборка, разруливание, опустить, развести, выбивать, кинуть, смыться, крышевать, мочить*). Как отмечает А. П. Чудинов, криминальная метафора достаточно традиционна для советской политической речи, а «в современной России криминальная метафора стала настолько распространенной, что складывается впечатление, что сейчас ни один стремящийся к успеху политический деятель уже не может обойтись без уголовной метафоры или хотя бы без уголовного жаргона» [8]. Ср.:

Но гадают все: коснутся эти «наезды» одного олигарха или нет? (МК. 2000). *Ведь и бизнес и СМИ неоднократно «опущены»* (Новая газета. 2004). *Как олигархи «разводят» премьеров* (МК. 2000).

Важно отметить, что криминальная метафора довольно «избирательна»: актуализация криминальных образов напрямую зависит от того, какая постсоветская республика становится сферой-магнитом метафорической экспансии. Если для концептуализации российской и грузинской действительности в российской и британской прессе криминальные метафоры используются регулярно, то для метафорического представления стран Балтии предпочтение отдается образам из других понятийных сфер (за исключением метафор слота «Жертва преступников» в британской прессе).

С одной стороны, сама действительность обуславливает актуализацию концептов сферы-источника «криминальный мир», с другой — криминальная метафора оказывает влияние на мышление и принятие решений, выявляет мощный прагматический потенциал, актуализирует крайне психоративные эмотивные смыслы, служит средством переконцептуализации политической действительности. Вероятно, это диалектическое взаимодействие концептуальной метафоры и действительности объясняет нередкие случаи недостатка во взаимопонимании между российскими и британскими народами.

Примечания

1. Ряпосова А. Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы (1999 – 2000 гг.)»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
2. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001.
3. Lakoff G. Metaphor and war: The metaphor system used to justify War in the Gulf / / D. Yallet (ed.). Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf. Honolulu, 1991.
4. Rohrer T. The Metaphorical Logic of (Political) Rape: The New Wor(l)d Order // Metaphor and Symbolic Activity. 1995. Vol. 10, № 2, Spring. P. 115 – 137.
5. Adamson T., Johnson G., Rohrer T., Lam. H. Metaphors We Ought Not Live By: Rush Limbaugh in the Age of Cognitive Science. Oregon, 1992.
6. Шаова О. А. Метафорическая репрезентация образа России в дискурсе масс-медиа Франции // Лингвистика: Бюл. Урал. лингв. о-ва / Отв. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург, 2004. Т. 14. С. 114.
7. Чудинов А. П. Указ. соч. С. 95.
8. Там же. С. 103.

© М. В. Гаврилова
СПбГУ, г. Санкт-Петербург

Понятие «патриотизм» в русском политическом дискурсе начала XXI в.

В новейшем политическом дискурсе обнаруживается вторичная идеологизация слов, возвращение идеологем советского политического дискурса: *единство, стабильность, государственный, патриотизм*. При этом наблюдается переосмысление значения слов и изменение контекстуальных условий их употребления.

Рассмотрим этимологическое и лексическое значение слова *патриотизм* в русском языке. Во всех толковых словарях русского языка указывается, что слово *патриотизм* произошло от греческого *patris*, что означает ‘родина, отчество’. В советском политическом дискурсе в идеологических целях изменили данные о времени появления слова в русском языке. В этимологическом словаре М. Фасмера и в этимологическом словаре А. Г. Преображенского указывается, что слово *патриот* впервые встречается у Петра Первого [1, 2]. В словаре русского языка, вышедшем в 1982 г., в иллюстративном материале приводится следующий фрагмент из статьи М. Калинина «О коммунистическом воспитании»: «*впервые слово «патриот» появилось в период французской революции 1789–1793 гг., патриотами тогда называли себя борцы за народное дело, защитники республики в противовес изменникам, предателям родины из лагеря монархистов*» [3]. На протяжении века лексическое значение слова *патриотизм* ‘любовь к родине’ оставалось неизменным, однако после революции 1917 г. понятие вклю-

чает в себя и сему 'преданность народу'. Представим толкование слова в исторической перспективе: патриотизм — 'любовь к отчизне, к отечеству' [4]; патриотизм — 'любовь, преданность, привязанность к отечеству, своему народу' [5]; патриотизм — 'любовь к родине, преданность своему отечеству, своему народу' [6]; патриотизм — 'любовь к родине, преданность своему отечеству, своему народу' || 'преданность, приверженность чему-либо' [7].

Отметим, что в конце XIX — начале XX в. слово *патриот* имело амбивалентную оценочную характеристику. С одной стороны, оно означало 'любитель отечества, ревнитель о благе его, отчизнолюб, отечественник или отчизник'; патриотизм — 'любовь к отчизне, к отечеству'; патриотический — 'отчизненный, отечественный, полный любви к отчизне' [8]. С другой стороны, в словарях приводилась стилистическая помета 'ироническое' (*патриот своего отечества, квасной патриотизм*) [9], 'презрительное' *патриот своего отечества* [10]. Кроме того, существовал глагол *патриотствовать* со значением 'прикидываться, притворяться патриотом': патриотствующие хулиганы [11].

В советском политическом дискурсе значение слова *патриот* приобрело идеологические наслоения. Любовь к родине, Советскому Союзу, была неразрывно связана с преданностью социалистическим идеалам: «В ходе социалистической революции меняется социальная сущность отечества, главным содержанием этого понятия становится социализм — объект национальной гордости и подлинное отечество трудящихся, формируется социалистический всенародный патриотизм, гармонически сочетающий любовь к лучшим национальным традициям своего народа с беззаветной преданностью социализму и коммунизму и с уважением к другим народам» [12]. Подобное понимание отражается в словарной статье, где зафиксировано значение 'тот, кто борется за установление социалистического строя в своей стране' [13]. Это значение способствует возникновению синонимических отношений между *патриотизмом, советским патриотизмом, социалистическим патриотизмом*. В советском политическом дискурсе слова *патриот* и сочетание *советский патриот* являлись абсолютными синонимами. Советский патриотизм провозглашался подлинным чувством. Ср.: «советский народ — истинный патриот» (Посл.) [14]. Кроме того, сочетание (*советский*) *патриотизм* и (*социалистический*) *интернационализм* являлось устойчивым синонимическим выражением. Ср.: «глубокие чувства социалистического интернационализма и советского патриотизма» [15].

Идеологически нагруженным является иллюстративный материал словарной статьи. В толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова приводится словосочетание *советский патриот*

тизм, в малом академическом словаре приводятся цитаты В. И. Ленина («патриотизм — одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств». «Ценные признания Питирима Сорокина»), М. И. Калинина («мы должны воспитывать всех трудящихся СССР в духе пламенного патриотизма, в духе безграничной любви к своей Родине». «О коммунистическом воспитании»), писателя Леонова («общеизвестно, что большой патриотизм начинается с малого — с любви к тому месту, где живешь». «В защиту друга») [16]. В современном толковом словаре необходимым компонентом описания слова являются устойчивые выражения советского политического дискурса: *пламенный патриот, патриот своего завода, патриотический рассказ, патриотичный человек, местный патриотизм* [17].

Известно, что семантический примитивизм являлся отличительной особенностью советского политического дискурса. «Яркое средство выражения идеологического примитивизма — семантическая оппозиция» [18]. В советском дискурсе *социалистический = советский патриотизм* противопоставлялся *буржуазному национализму и космополитизму*.

В 90-е г. XX в. в русском политическом дискурсе наблюдается противопоставление слов *патриот* и *демократ*. Приведем пример из газетной публикации: «главное у патриотов — готовность заменить демократию авторитарным режимом». Толковый словарь впервые зафиксировал абсолютную синонимию прилагательных *патриотический = национал-патриотический*. Существительное в форме множественного числа *патриоты* приводится с пометой ‘зафиксирован впервые’ в значении ‘национал-патриоты’ [19]. В текстах СМИ слово *патриот* приобретало ироническую окраску и нередко заключалось в кавычки.

В системе семантической оппозиции «свой — чужой» патриотизм является «нашей» ценностью. В периоды острой внутриполитической борьбы противопоставление создается находящейся у власти политической силой при помощи составного существительного, маркирующего «ложного» патриота, а также использования кавычек. Например, в 30-е гг. XX в. это слово — социал-патриоты («*большевики, разоблачая роль социал-патриотов в войне 1914–1918 гг., указывали, что они, социал-патриоты, социалисты на словах и патриоты империалистического Отечества на деле*»); в середине 90-х гг. — «патриоты», патриоты = национал-патриоты, государственники — патриоты.

Далее рассмотрим понимание политического термина «патриотизм» в программах основных политических партий России и выступлениях действующего президента.

В программе **КПРФ** сохраняется идеологический компонент значения, характерного для слова *патриотизм* в советское время. О важности патриотизма свидетельствует тот факт, что патриотизм является одной из главных целей партии. Слово семантически связано с ценностями советского периода, в частности с дружбой народов, общностью патриотизма и интернационализма: *«патриотизм, равноправие наций, дружба народов, единство патриотических и интернациональных начал»*. Синонимический ряд помогает выявить идеологические представления КПРФ о патриотах: трудящиеся = патриотические силы; народно-патриотические силы = силы социального и национального освобождения [20].

В программных документах партии **«Родина»** понятие патриотизм включает в себя четыре семантических комплекса, во-первых, это эффективная экономическая политика на благо людей (*«быть патриотом сегодня — это значит проводить такую экономическую политику, при которой земля и ее ресурсы, капитал, труд и предпринимательская энергия народа эффективно используются для подъема духовности, образованности и материального достатка граждан России, для роста качества и продолжительности жизни»*), во-вторых, борьба за возвращение народной собственности (*«вместе мы решим главную патриотическую задачу — вернем богатства страны народу и восстановим социальную справедливость»*), в-третьих, защита многонационального народа России посредством согласования различных интересов (*«патриотизм — это политическая позиция, предполагающая защиту многонационального народа Российской Федерации, его героического прошлого и будущего посредством согласования интересов всех социальных слоев, классов и групп через систему общенационального диалога»*), в-четвертых, защита страны (*«требование социальной справедливости в условиях современной России несет в себе глубокий патриотический смысл. Наш народ всегда объединялся перед лицом общей угрозы. Основой патриотизма было стремление защитить и сохранить большую и малую Родину, выстоять перед угрозой разрушения нашего общего дома»*) [21].

ЛДПР как «партия истинных патриотов России, партия сопротивления антинациональным комрадорским силам» понятие «патриотизм» отождествляет с национальными интересами России на международной арене: *«В современных условиях ЛДПР выдвигает идею патриотизма на первый план, что связано, прежде всего, с необходимостью действовать в национальных интересах Российского государства»* [22].

В программных документах партия **«Единство»** слово *патриотизм* встречает лишь единожды в следующем контексте: *«нельзя позволить кому бы то ни было присваивать те фундаментальные идеи, из*

которых вырастают все современные политические программы — идеи свободы, равенства, справедливости, патриотизма» [23].

Партия «Яблоко» объявляет себя партией патриотов, добавляя: «но не таких, которые зовут страну в изоляцию и националистическое безумие. Национальные интересы России не имеют ничего общего с великодержавными мифами. Быть патриотом — означает для нас не заявлять бесконечно о своем патриотизме, а работать на благо страны и ее граждан. Наша позиция — **патриотизм дела, а не патриотизм слова**». То есть деятельность на благо страны и ее граждан является определяющим признаком патриота в понимании членов партии «Яблоко» [24].

Наши наблюдения показали, что действующий президент использует слово *патриотизм* избирательно, в основном в жанрах приветствия, поздравительных телеграммах, обращениях к военным накануне праздников, вручения государственных наград. Можно предложить, что В. В. Путин повышает стилистический ранг слова, придавая ему высокое звучание.

В системе представлений президента патриотизм наряду с историей и традициями является объединяющим фактором: «Я бы хотел все-таки вернуться к тому, что говорил глава муниципального образования города Новая Ладога. Он хорошие слова сказал по поводу того, что патриотизм должен основываться на нашей истории. Вообще, считаю, что если говорить о какой-то объединяющей идеологии, то для такой сложной, федеративно устроенной, многонациональной и многоконфессиональной страны, как Россия, одним из самых существенных объединяющих факторов должен быть общероссийский патриотизм. И, конечно, одним из его оснований является наша история. Здесь, в Старой Ладоге, уделяется этому должное внимание. В стране в целом еще недостаточно. Зачастую этого, к сожалению, недостаточно для того, чтобы этот патриотизм был основательным и жизнеспособным» (17.07.03).

Добавим, что в выступлениях В. В. Путина понятие «патриотизм» пересекается с семантическим полем «военное дело»: «Вся история нашей страны буквально пронизана традициями, идеями и ценностями военного патриотизма. Патриотизм армии и гражданственность российского офицерства во все времена питали духовность российского общества» (22.02.04). Подобная смысловая близость понятий патриотизма и воинской службы, обусловленная в том числе историческим развитием страны, является характерной особенностью русского языкового сознания. Подтверждением этому могут служить данные «Русского ассоциативного словаря», где в статье «патриот» приводятся следующие ассоциации: патриот — советский 4; гражда-

нии, подлинный 3; военный, долг, знамя 1 [25], а также использование в выступлениях президента составного прилагательного *военно-патриотический* (работа, движение и др.).

Понимание патриотизма как воинской обязанности защищать родину соединяет политические дискурсы различных исторических периодов. Ср.: *«наиболее яркое проявление социалистический патриотизм нашел в годы Гражданской войны и военной интервенции 1918–20 гг. в России и Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–45 гг.»* [26]; *«Армия и Флот во все времена в России были школой патриотизма, мужества и беззаветной преданности Родине. И всегда народ гордился своими защитниками, почитал их нелегкий ратный труд, хранил в памяти имена героев»* (В. В. Путин, 23.02.00). Говоря о патриотизме, президент акцентирует внимание аудитории на семe 'защита людей' (*«...воинов внутренних войск справедливо называют солдатами порядка. Ваша готовность защитить и прийти на помощь людям — это и есть истинный патриотизм. Именно это ценят в вас люди. Именно на это надеются наши граждане. И ваша задача — эту защиту людям дать»*, 10.10.02) и 'чувство ответственности за свою Родину'.

Отметим, что В. В. Путин понимает патриотизм как чувство гордости за свою страну, что отражает общественные настроения россиян в начале XXI в. [27]: *«Нам недостаточно вспоминать о том, какие мы были красивые, талантливые и великие. Нам нужно, чтобы мы сегодня были такими. Нам нужно, чтобы сегодня уровень жизни нашего населения повышался, чтобы люди чувствовали результаты нашей с вами работы и на федеральном уровне, на уровне Президента, Правительства; и на региональном, и на муниципальном. От нас с вами в этом смысле зависит очень много. И только в этом случае то основание, о котором мы сейчас с вами говорили, — патриотизм — будет жизнеспособным. В том случае, если мы с вами и все граждане России будем гордиться своей страной сегодня»* (17.07.03).

В. В. Путин уточняет содержание понятия «патриотизм». Слово вступает в сочетательные связи с определениями *военный, жизнеспособный, российский, общероссийский, русский, истинный, основательный, высокий* и т. п. Прилагательное *патриотический* согласуется с существительными *отношение, традиции, дело* и др.

Устойчивое употребление контактной позиции в тексте слов *патриотизм* и *гражданственность* позволяет предположить, что в выступлениях президента данные понятия являются близкими по значению: *«вы принадлежите к поколению писателей, которые продолжают лучшие традиции отечественной литературы — патри-*

тизма, гражданственности, верности своему призванию и долгу» (поздравительная телеграмма В. Распутину, 15.03.02); «но в критических ситуациях народ России проявил свои самые лучшие патриотические, гражданские качества» (инаугурационная речь, 2004 г.).

По мнению В. В. Путина, патриотизм должен проявляться в делах: «...особо хочу отметить тех, кто удостоен звания Героя Российской Федерации. Это истинные патриоты, в самом высоком смысле этого слова патриоты, и граждане своей страны. Их биография только подтверждает, что истинный патриотизм не кричит о себе, что глубокое чувство к Родине проявляется в поступках и подвигах» (27.03.03).

Частотность использования устойчивого словосочетания *патриотическое воспитание* (молодежи, молодого поколения, подрастающего поколения) в выступлениях президента, возможно, является отражением социального запроса о необходимости патриотического воспитания в современной России. При этом в системе представлений президента преобладает понимание патриотического воспитания как возрождения воинских традиций: «...мы обязаны хранить лучшие традиции российских военных. Они возрождаются сегодня и в самой армии, и в кадетских корпусах, и в суворовских училищах. Растет интерес к нашей военной истории, к вашим традициям, понимание того, насколько важно гражданское, патриотическое воспитание. Каждый юноша должен ощущать себя защитником. Чувствовать ответственность и за своих близких, и за Родину в целом» (23.02.03). С начала XXI в. в стране отмечаются такие политически значимые события, как введение воинских ритуалов в церемонию инаугурации президента, вручение знамен воинским частям, открытие памятников воинам внутренних войск, предложение ввести предмет «начальная военная подготовка» в средней школе, создание и работа телевизионного канала Министерства обороны «Звезда», утверждение в ближайшее время концепции патриотического воспитания граждан на 2006 – 2010 гг., являющейся продолжением уже существующей программы, что также, по мнению руководства страны, должно способствовать воспитанию патриотических настроений в обществе.

Подведем некоторые итоги. В периоды относительной стабильности политической системы (советский период, начало XXI в.) понятие «патриотизм» имеет положительную оценочность; используется текстах, имеющих высокий стилистический ранг. Устойчивая ситуация в стране характеризуется созданием и частотным использованием определений, уточняющих содержание понятия. В советском политическом дискурсе были распространены атрибутивные сочетания: *советский, социалистический, пролетарский, революционный* и т. п. *патрио-*

тизм. В выступлениях В. В. Путина слово вступает в сочетательные связи с определениями *военный, жизнеспособный, российский, общероссийский, русский, истинный, основательный, высокий* и т. п.

В новейшем русском политическом дискурсе патриотизм оказывается востребованной общественной ценностью, что находит свое отражение в актуализации понятия в речах президента. Патриотизм становится одним из центральных топикив русского политического дискурса. При этом различные политические партии претендуют на подлинность их трактовки понятия. Подобная политическая борьба приводит к тому, что в программах партий объем понятия «патриотизм» оказывается различным: эффективная экономическая политика на благо людей, борьба за возвращение народной собственности, защита многонационального народа России посредством согласования различных интересов, защита страны («Родина»), защита угнетенного русского народа, национальные интересы России на международной арене (ЛДПР), работа на благо страны и ее граждан («Яблоко»), военная служба, гражданственность, история (В. В. Путин).

Примечания

1. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1987. Т. 3. С. 217.
2. Пресображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка: В 2 т. М., 1959. Т. 2. С. 747.
3. Словарь русского языка: В 4 т. М., 1982. Т. 3. С. 33.
4. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1994. Т. 3. С. 55.
5. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1994. Т. 3. С. 67.
6. Словарь русского языка: В 4 т. М., 1982. Т. 3. С. 32–33.
7. Современный толковый словарь русского языка. СПб., 2001. С. 499.
8. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 3. С. 55.
9. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: Сб. образных слов и иносказаний: В 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 16.
10. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 3. С. 55.
11. Там же.
12. Большая советская энциклопедия: В 30 т. М., 1969–1978.
13. Толковый словарь языка совдепии. СПб., 1998. С. 425.
14. Там же.
15. Толковый словарь языка совдепии. С. 426.
16. Словарь русского языка: В 4 т. Т. 3. С. 33.
17. Современный толковый словарь русского языка. С. 499.
18. *Купина Н. А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995. С. 10.
19. Толковый словарь русского языка конца XX века. СПб., 2000. С. 459.
20. Программа КПРФ утверждена на IV съезде КПРФ 20.04.1997 г.
21. Программные документы партии: программа партии «Родина» принята съездом 08.09.2002 г., изменения и дополнения внесены Третьим Внеочередным съездом 15.02.2004 г.; заявление съезда партии «Родина» принято съездом политической партии «Родина» 06.07.2004 г.; манифест «За Родину, за справедливость» принят съездом политической партии «Родина» 06.07.2004 г.

22. Программа ЛДПР принята на XIII съезде партии 13.12.2001 г.

23. Предвыборная программа всероссийской политической партии «Единство и Отечество» — «Единая Россия» (утверждена 20.09.2003 г. на III съезде всероссийской политической партии «Единство и Отечество» — «Единая Россия»), программа всероссийской политической партии «Единство и Отечество» — «Единая Россия» (утверждена в окончательной редакции 29.04.2003 г. на II Съезде партии), манифест всероссийской политической партии «Единство и Отечество» — «Единая Россия» (принят 23.04.2003 г. на II съезде партии).

24. Демократический манифест — программа российской демократической партии «Яблоко» (Основы государственной политики на 2003–2005 гг. М., 2003).

25. Русский ассоциативный словарь. Кн. 2: Обратный словарь: от реакции к стимулу. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Ч. 1. М., 1994. С. 219.

26. Большой энциклопедический словарь: В 30 т. М., 1969–1978.

27. По данным фонда «Общественное мнение», «на понимании патриотизма как чувства гордости за страну следует остановиться особо, учитывая все выше сказанное о патриотизме — как его понимают респонденты. Для многих россиян чувство патриотизма непременно подразумевает такую гордость — 78 % опрошенных считают, что патриот должен не только любить родину, но и гордиться ею (лишь 13 % полагают, что патриот может только любить родину, гордиться же ею не обязан)» (www.fom.ru).

© Р. А. Каримова, Е. Н. Александрова
БашГУ, г. Уфа

Спортивный дискурс как индикатор состояний говорящего

Значимость проблематики состояния (и эмоций), ее отражения в языке возросла с развитием лингвистической теории, в частности, с разработкой коммуникативных аспектов. Если ранее изучение проблемы велось главным образом в системном плане [1], по данным письменной, обработанной речи, то теория и практика речевой коммуникации, с ее функциональной направленностью и устными речевыми произведениями как, объектом открывает большие возможности для суждений о состоянии субъекта.

Решение задачи стимулируется и практическими потребностями, которым отвечает прикладная дисциплина — лингвокриминалистика, базирующаяся с лингвистической стороны на просодии речи, учитывающая также другие речевые уровни: она, в частности, занимается «лингвосоциопсихологическим портретированием личности» [2].

В настоящее время актуальна интеграция результатов данной прикладной дисциплины и лингвистических исследований по различным сферам непосредственного, устного общения, обеспечивающая освещение проблемы исходя из комплекса речевых средств (просодических, коммуникативно-структурных и стилистических), отражающих состояние субъекта.

Одно из условий ее решения — расширение объекта, выход за рамки институционального и повседневного (обиходного) общения

(которым до сих пор ограничиваются) и обращение также к иным сферам общения, одной из которых является коммуникация в рамках спортивной деятельности. С одной стороны, данное общение, как специальное, определяется самой предметной сферой деятельности, с другой же — оно обуславливается характером адресованности (массовому адресату). Поэтому позиция данного объекта, спорта, весьма видная и в современной модели мира выходит за пределы специальной области, обращена также к масскультуре.

Предлагаемые далее наблюдения направлены на то, чтобы проследить за данной речевой деятельностью, ее продуктом — спонтанным текстом и связью характеристик спонтанного текста с состоянием говорящего (нейтральное, состояние напряженности, эмоционального пика).

В свете этой задачи значим выбор адекватного типа устного текста. Им избран устный спортивный репортаж (считающийся в ТВ-журналистике ведущим жанром), как тип текста, коммуникативная цель которого — спонтанная вербализация восприятия деятельности субъектов. Обращение к непосредственной перцептивной ситуации (и ментальным действиям) как фактору спонтанно порождаемого текста предпочтительнее, чем к конситуации и обработанному, письменному тексту, потому что спонтанный текст более показателен в плане концептуализации и языкового представления, несет отпечаток состояния говорящего.

Языковой материал составили репортажи о соревнованиях по наиболее динамичным видам спорта (о велогонках на Олимпиаде — 2004, лыжных гонках и биатлоне на зимнем чемпионате мира 2004 — 2005). Согласно своей целенаправленности такой тип текста событийно насыщен, отмечен актуальной референтной отнесенностью, имеет социолингвистическую значимость. Данный текст стимулирует выдвижение ряда актуальных вопросов, таких, как: референтность текста и его структура (композиция); характер коммуникативно-семантического поля — ядра текста; типология говорящих и вопрос о коммуникативной личности; лингвокогнитивный потенциал репортажа как типа текста; динамика состояний субъекта, отражаемых текстом, на последнем из которых мы остановимся. Степень воздействия данного текста в составе дискурса возрастает, ибо дискурс включает также фактологические материалы, т. е. информацию, подавляемую визуальными средствами (видеоряд составляют: участники соревнования и его пространство, членение пространства и др.); аудиоряд: звуки (сопровождающие действия), шумы (реакции зрителей).

По внешним условиям порождения основная масса высказываний репортажа — это устный спонтанный монолог, так как они про-

дуцируются субъектом одновременно с восприятием, сообщение о содержании которого является целью говорящего (включения в текст телефонного диалога с экспертом, главным тренером обусловлены стратегией говорящего). Содержание восприятия — благодаря осуществлению коммуникативной языковой функции — раскрывается предметным планом монолога, представленным терминологическим полем текста. В связи с тем, что адресат монолога (многомиллионная аудитория ТВ) дистантен, в реализации текста возрастает роль функции воздействия, он относится к публицистическому фоностиллю (одному из фоностилей спонтанной нормативной речи), пронизан оценочностью, с ее характерными средствами. О стиле текста свидетельствуют типы РС (фонстических слов); специфика членения спонтанного текста на синтагмы (включая выделительные ударения в просодических моделях синтагм); синтаксические особенности спонтанного текста [3].

Высказывания спонтанного монолога являют композицию текста, в высокой степени ситуативно обусловленного, иначе говоря, отражающего структуру референтного мира: модель движения / действия в пространстве / времени, с их этапами. Поэтому в тексте — соответственно коммуникативной цели — определенностью отмечена лишь рамка (вступление и концовка); организацию же основной части (с ее контекстов-микротем) диктует динамика, событийность действительности, ее восприятие (и осмысление) говорящим, осуществляющим свою стратегию.

Для реализации данного текста особенно важны некоторые психофизиологические характеристики речевого субъекта (темперамент, реактивность, объем ОП и ДП, внимание; степень мотивации, апперцепционная база; характер психологической установки), а также его профессионально-интеллектуальный уровень (владение нормами устной речи, репертуаром функциональных стилей звучащей речи).

Предмет речи — движение и действие субъектов в пространстве / времени (референтный мир) — освещаются перцептором говорящим в отнесенности к целостному событию, которое вовлечено в ситуацию общения и представляется в тексте согласно прототипической модели «движение / действие здесь, сейчас».

Большая часть наблюдаемого текста (о гонке преследования по биатлону) приходится на освещение говорящим (перцептом) движения (бег) субъектов. О том, что оно воспринимается речевым субъектом в неразрывной связи с пространством и временем, свидетельствуют лексемы, общие для описания как времени, так и пространства: скорость, ускорение, разрыв / отставание; это КС, которые выступают в позиции ремы высказывания. В целом же в контекстах со

значением движения субъектов выявляется набор КС, составляющих одноименное поле. Это предикаты движения (двигаться и др.) с их разновидностями.

В коммуникативно-семантическое поле текста (КСП) включаются также средства, обозначающие локализацию субъекта относительно пространственных точек, которые входят в поле зрительного восприятия говорящего: *старт; вершина, подъем, рубеж и др.; вот; тут; здесь; вперед и др.; сейчас уже, еще*. Изменения позиции субъектов в пространстве и времени их статуса (выражаемое смыслом «порядок») передается лексемами и сочетаниями *переместиться, перейти, выйти в лидеры и др.*

Интерпретация восприятия движения / действия и одновременная вербализация их субъектом осуществляется в спонтанном тексте различным образом. В одних случаях перцептор (говорящий) остается имплицитным; он наблюдает и сигнализирует реализации исходной (личной) модели движения с показателями пространственного и временного дейксиса, а также просодические параметры высказывания (в частности, возрастание темпа речи): ...Сергей Чепиков / только что покинул стартовый створ / /; ...Николай Круглов / уже / убежал. Примечательно, что данные модели отражают совпадение векторов события и высказывания с его коммуникативной организацией (от темы к реме), так что реализации моделей носят прототипический характер.

В других случаях наблюдатель тоже имплицитен, но коммуникативная перспектива высказывания обнаруживает его пространство как ориентир наблюдателя (говорящего), так что он включается в интерпретацию события, в его пространство, обозначенное препозитивной группой (темой высказывания): ...хотя / к этой дуэли [в зн.: к этой группе] (Т) / уже / приближаются еще / (R) три норвежских биатлониста.

Наконец, значительное количество случаев приходится на эксплицитность наблюдателя: ...и что же мы видим / на очередной отметке...; ...итак / внимание! / первая стрельба / /, — представляемую моделями восприятия, иногда интерпретативными включениями, а также предикативной единицей в составе сложноподчиненного предложения. Отмечаются также структуры с именительным темой и специальные конструкции со значением восприятия: ...Ларс Бергер / / кажется / он идет тише / спокойней / на самом деле / очень мощно. В таких контекстах актуализуются обозначения существенных моментов события, осуществляется стратегия текста и реализуется фактор адресата. В целом перцептивность в спонтанном репортаже предстает как текстообразующая категория.

Другой составляющей объекта восприятия является действие (стрельба, занимающая в деятельности данного рода важнейшее место). Его представляет в соответствующих фрагментах КСП со значением акциональности с КС *стрелять*. В нем лексемы *мишень, огневой рубеж, промах, стрельба, стрельбище* и некоторые другие входят в «активный словарь говорящего» (по Л. В. Златоустовой): ...Фруде Андерсен срывает стрельбу / четыре промаха // . В акциональных высказываниях таких фрагментов КС актуализуются интонационно-просодически: мелодикой, выделительными ударениями и синтагматическим членением, при котором КС составляет синтагму, а также позицией КС в качестве ремы. Такие контексты, максимально ориентированные на текущую ситуацию, отмечены малой глубиной конструкций не только глагольного, но и именного строя, эллипсисом, что соответствует условиям их порождения и направленности адресатам, воздействию.

Наконец о близости контекстов со значением движения и действия в составе цельного текста свидетельствует наличие общей части их КСП — специальной лексики, базирующейся на терминологизации общеупотребительных слов (часть их входит в активный словарь говорящего), что соответствует адресованности текста, а также обращение коммуниканта к метафорам из военной сферы (*борьба* и др.), характерное для публицистики.

Восприятие охарактеризованных событий внеязыковой действительности выступает каузатором состояния говорящего — его динамики: от нейтрального до состояния напряженности (включая пик эмоциональности).

Для суждений о состоянии наблюдателя/говорящего по его речи (тексту) целесообразно использовать текстовую модель данной семантики. Общая модель такого текста (изоморфная предложенческой модели того же значения) имеет следующий вид: перцептор/говорящий > ПС: объект восприятия (ментальной деятельности) > каузатор состояния говорящего > состояние / речь говорящего; адресаты ТВ.

Наблюдения над текстами данного типа (спортивного репортажа) показывают, что в целом они отражают нейтральное состояние субъекта, ряд же фрагментов передает речь в состоянии напряженности. Это контексты, отмеченные динамической событийностью, отражают конфликтную ситуацию, что обусловлено характером фрагмента референтного мира. В наблюдаемых текстах динамизм событий, столкновения связаны с определенными этапами целенаправленного движения/действия (как *контрольные отметки, спуски-подъемы, огневой рубеж, финиш*).

Для отражения состояния напряженности показательны просодический и синтаксический параметры текста: ритм, тембр, отсутствие пауз и заиканий, характер выделительных акцентов и насыщенность ими контекста, мелодика.

Проследим за ритмической неурегулированностью как показателем эмоционально насыщенного контекста (в котором ритмическая схема отражает последовательность типов ритмических структур (фонетических слов), где числитель соответствует количеству слогов, знаменатель — номеру ударного слога):

2/1 2/2 3/2 2/2 3/2 2/1 4/3 4/2
 // Исланд // и он имеет сейчас возможность / также побороться за первое
 2/1 2/1 3/3 1/1 3/1 5/3 3/2 1/1 2/2
 место: если... поразит все мишени // удивительно / по Рико Гросс / еще
 4/3 2/2 4/4 1/1 1/1 5/4 2/1 4/3
 начинает стрелять / и у него есть шанс за призовое место побороться //.

Из грамматических явлений на первый план в тексте, отражающем состояние напряженности, выдвигаются синтаксические: это построения без глубины, проспективности; преобладание высказываний — моделей простых предложений; единичные сложноподчиненные конструкции (условные) с препозитивной (минимальной, равной предикативному ядру) главной частью и придаточной с паузой колебания после союза, тоже с минимальной разверткой; это характерные незавершенные высказывания с ровным мелодическим контуром при достаточно высоком темпе речи. То есть синтаксис таких фрагментов отражает линейность речи, связность создается нанизыванием синтагм типа незавершенности, посредством начального союза *и*: ...итак / по одному / промаху / нет / у Свена Фишера последний / и ... / Рафаэль Пуаре // все-таки его тактика оказалась эффективной / но подождите еще / и у того и у другого штрафной / и два круга / и сейчас у Вольфа есть шанс выйти в лидеры // . В таких контекстах используется диалогизация речи (средствами волитивного регистра) как показатель сопереживания говорящего.

В общем в тексте отражается постепенное изменение состояния говорящего, когда к концу напряженность достигает пика (эμφазы) и напряжение разрешается. Это видно по возрастанию числа таких контекстов и их объема, объясняемому характером референтного мира (движения / действия от старта к финишу как развития и разрешения ситуации).

В плане лексики обращает на себя внимание только сигнал состояния напряженности субъекта — метатекстовые номинации (однословные, также фразовые), отмечающие эмоциогенность внеязыковой ситуации (возможные в сопровождении междометий и частиц модального значения): ...очень скоротечная гонка // ; ...но и ско-

рость / большая напряженность гонки / интенсивность сказывается на его точности //; ...и уж тем более в такой / плотной / жесткой / конкурентной э-э гонке //.

Таким образом, основной показатель текста, реализованного в состоянии напряженности, — это высокая степень спонтанности, которая проявляется и на просодическом, и на синтаксическом уровнях. Целью коммуникации, типом текста и спецификой воспринимаемой деятельности (характером движения/действия субъектов) объясняется ограниченный набор состояний (волнение, радость, восхищение, а также удивление). Наличие или отсутствия проявлений эмоциональности в тексте может служить, по нашему мнению, одним из критериев типологии текста.

Примечания

1. *Бондарев И. И.* Отражение пространства деятеля и пространства наблюдателя в высказывании // *Логический анализ языка. Языки пространств*. М., 2000; *Бондарко А. В.* К вопросу о перцептивности // *Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура*. М., 2004.

2. *Златоустова Л. В.* Универсальное, групповое и индивидуальное в речи (лингвистический аспект) // *Русский язык: Исторические судьбы и современность. Междунар. конгресс исследователей рус. яз.* (Москва, МГУ, 13–16 марта 2001 г.): Тр. и материалы, М., 2001. С. 405–406.

3. *Златоустова Л. В.* Сопоставительная просодия в славянских языках // *Научн. докл. филол. ф-та МГУ*. М., 1996. Вып. 1. С. 36–48.

© **К. В. Киуру**
ЮУрГУ, г. Челябинск

Дискурсивные категории в политическом медиатексте: формирование и интерпретация имиджа

Сегодня реконструкция реальности из текста перемещается в центр внимания не только социологов и лингвистов [1]. Дискурс-теория обогащает работу психологов и психоаналитиков: анализ вербальных и невербальных кодов помогает вскрыть мир подсознательного, а значит, реконструировать многие социальные болезни общества [2]. Работы дискурс-исследователей созвучны тому, что делают специалисты по рекламе и связям с общественностью, имиджмейкеры [3]. Дискурс-анализ может стать значимым орудием в руках политиков. Уже сегодня дискурс-экспертиза становится одной из аналитических практик юриста.

Лидер в своем дискурсе не только идентифицирует себя, т. е. называет и интерпретирует, но и «делает» себя, и тем самым конструирует свой электорат, побуждая его думать и действовать определенным образом. Таким конструирующим началом обладают дис-

курсные и риторические практики, реализующие единство темы и ее знакового воплощения. Вербализация проблемы, преподносимой лидером, одновременно есть и видение проблемы, а значит, несет в себе предпосылки ее понимания. Разная формулировка проблемы является, по сути, разным речевым действием, а с учетом того, что в политическом дискурсе речевое действие носит перформативный характер (т. е. является действием реальным), можно сказать, что форма общения (дискурсные и риторические практики — формат и жанр) программирует лидера и его аудиторию. К этой группе дискурс-типов относятся: *популист* — стремится максимально удерживать аудиторию, даже за счет нарушения логических связей, целостности текста, за счет отказа раскрыть глубоко тему выступления; *рационалист* — говорит по существу, опирается на общепонятную терминологию в изложении своих взглядов и предмета дискурса в целом, помнит, кому он говорит и для чего; *борец* — у него всегда есть мишень (проблемы или субъекты, группы или институты), он критичен по отношению к миру и социуму, он борется, максимально используя арсенал пропагандистских приемов и риторических практик.

Дискурс субъекта выявляет его кортежные характеристики. Они чрезвычайно важны для политика, поскольку дают материал для построения дискурс-портрета и позволяют отнести его к той или иной группе дискурс-типов, таких как: *общенациональный* — проецирует себя на всю страну, поэтому неизбежно использует дискурс консолидации, готов принять в свой кортеж заблудших «чужих»; *региональный* — проецирует себя на отдельные регионы, направленность на консолидацию и конфронтацию уравновешена, он готов включить в свое поле широкое число субъектов, но доминанта деления на «своих» и «чужих» (чужаков) тоже сильна; *партийный* — для него характерна корпоративность, на первом месте партия и ее интересы, он озвучивает ее идеи, он лидер команды, но при этом остается «одним из них».

Дискурс политика конструирует реальность, а значит, и свой кортеж. Способы, какими политик создает кортежную аудиторию, информативны при построении его дискурс-портрета. Мы полагаем, что существует целый ряд дискурс-категорий, позволяющих реконструировать кортеж коммуниканта: энциклопедичность, лингвистический статус, интерактивность, невербальное поведение. Исходя из этого можно выделить следующие типовые варианты. *Стратег* использует ограниченное число коммуникативных средств, не очень активен в коммуникации, делегирует решение возникающих коммуникативных задач исполнителям, участвует в коммуникации только в значимых ситуациях. В основном применяет широкие энциклопе-

дические знания, придерживается литературного варианта языка, навыки интеракции не столь актуализированы. *Тактик* применяет максимально возможное количество коммуникативных средств, постоянно решает возникающие коммуникативные задачи, демонстрирует такие навыки, как: интерактивные (владеет как вербальными, так и невербальными средствами эффективного взаимодействия); лингвистические (владеет престижной формой национального языка и других языков и диалектов, обнаруживает широкий стилистический диапазон). Его энциклопедичность (демонстрация широких знаний политической ситуации, истории и т. д.) не столь важна.

В дискурсе *прагматика* четко актуализирована идея реальности, он прочно стоит на земле, сам исходит из фактов и к ним подводит аудиторию. Для *идеолога* первична идея, он как бы под нее строит реальность. *Идеалист* мало считается с реалиями, для него важно не то, что есть на самом деле, а то, как к этому относиться — важна не сама идея или факт, а ее вербализация. Соотношение операционализаторов *фокус на предмете дискурса, фокус на субъектах дискурса* позволяет конкретизировать характеристику типа. Так, при активном использовании коммуникативных стратегий обоих типов (предметно-ориентированных и реляционных) мы можем добавить дополнительную сугубо речевую характеристику — *эффективный коммуникант (пропагандист)*.

Группа типовых вариантов *демократ, мессия, народник* выделяется исходя из того, каково «я» политика — открытое/закрытое; того, как оно располагается по отношению к «я» других. Они могут быть равнозначны и существовать как бы параллельно, но возможен вариант, когда политик ставит свое «я» над «я» других и, наконец, когда он — «один из всех». Здесь важно учитывать, какие цели формулирует политик. Выделенные типовые варианты мы интерпретируем следующим образом. *Демократ* — тот, кто демонстрирует в своем дискурсе приверженность демократическим ценностям, кто признает свое «я» и «я» других. *Мессия* — тот, кто несет аудитории идеи, но сам как бы поднимается над аудиторией, его «я» — редкое, но сильное, закрытое для аудитории. *Народник* — тот, кто одновременно и «один из всех» и «над всеми», ибо у него есть своя особая миссия, он открыт, но его открытость условна, ибо он открыт институционально, а не лично. Разница очевидна и репрезентирует различное отношение политиков к себе. Так, если в первом примере сильное «я» не затмевает наличия других субъектов коммуникации, то во втором примере «я» как бы воспаряет над аудиторией, оно не равно аудитории, оно закрыто для нее и разъясняет аудитории то, что той самой не дано понять. В третьем случае адресант одновременно и такой, как все, и особый, у него своя особая миссия, которая

возвышает его над всем и даст ему право критиковать, нести свой идеал в народ. Таким образом, его открытость относительна: он открыт институционально, но не лично.

Здесь для нас важно зафиксировать в дискурсе политика соотношение категорий *миф* — *реальность*. Поддерживает ли политик расхожие мифы, конструирует их или же развенчивает? Как он работает с фактами? Приводит факты для того, чтобы остаться в реальности и решать жизненные проблемы, или же, опираясь на факты, уводит аудиторию в мир мифа, а может быть, он всего лишь воспроизводит мифы и конструирует новые, не соприкасаясь с реальностью. Мы выделяем следующие типовые варианты. *Менеджер* — человек дела, опирается на факты, руководит аудиторией. *Сказитель* поддерживает виртуальность, опирается на мифы и ведет аудиторию в мир идей. *Технолог* уводит в виртуальность, опирается на факты (возможно, в сочетании с идеями) и преобразует в идеи и мифы. *Учитель* возвращает в реальность и стремится развенчать мифы, функционирующие в обществе. Здесь есть возможность сравнить, как работает лидер с предметной информацией теста, сохраняя при этом свой контакт с аудиторией. Так, если первый пример демонстрирует собранность адресанта, концентрацию на предмете разговора, его фактологичности с тем, чтобы аудитория понимала, как ей надо действовать (четкая последовательность, указание на отправную точку деятельности и пр.), то во втором случае мы видим стремление адресанта действовать согласно идее, он опирается на миф, который должен быть и мотивом деятельности, и его конечной целью. В свою очередь, третий пример демонстрирует некоторое смешение первых двух позиций: так, адресант начинает с факта, и аудитория, начиная полагаться на эти факты, не замечает, как исподволь ее продвигают к принятию мифа. И наконец, последний пример демонстрирует противоположную линию дискурса: адресант отталкивается от мифов, циркулирующих в обществе, но шаг за шагом дискредитирует их и возвращает аудиторию в реальность.

Набор возможных дискурс-типов:

1. Коллективист. Индивидуалист. Институционалист.
2. Созерцатель. Деятель. Сбалансированный.
3. Популист. Рационалист. Борец.
4. Общественный. Региональный. Партийный.
5. Тактик. Стратег.
6. Прагматик. Идеолог. Идеалист. Пропагандист.
7. Демократ. Мессия. Народник.
8. Менеджер. Учитель. Сказитель.

Проведенное исследование представляет интерес со следующих позиций:

— Оно даст возможность понять, что план содержания дискурса (текстов, функционирующих в обществе) многогранен. Соответственно, для реализации эффективного общения необходима опора на **дискурс-категории** (знание специфики их кодирования и декодирования), отражающие эту многогранность, что обеспечивает владение **дискурс-компетенцией**. Инвентаризация дискурс-категорий, составляющих дискурс-компетенцию, — необходимое звено ее внедрения.

— Оно даст возможность понять, что дискурс субъекта является его зеркальным отражением. Будучи дискурс-компетентным, мы можем не только выступать в качестве эффективных коммуникантов, но и использовать свою дискурс-компетенцию для проведения **дискурс-экспертизы**. Последняя требует владения навыками определенных аналитических и синтезированных дискурсных практик. Эта методология способствует раскрытию и совершенствованию механизма оптимизации коммуникации, а также механизма речевого воздействия риториков на аудиторию, а значит, и механизма их «разоблачения» — декодирования их мотивов, целей, взаимоотношений, ролей и миссий, которые они на себя берут, и многого другого, что определяет дискурс-компетенцию коммуниканта и позволяет построить **дискурс-портрет адресанта**.

— Оно даст возможность понять, что дискурс-экспертиза, заложенная в дискурс-исследовании, открывает новые пути анализа дискурса политических лидеров. На основании актуализации разнообразных дискурс-категорий в текстах политиков мы смогли построить **дискурс-типы** и, далее, **дискурс-типологию политического лидерства**, включающую в том числе набор типовых вариантов, описывающих и формирующих политического лидера, его кортеж и его аудиторию.

— Оно даст возможность не только определить с *дискурсных позиций* суть такого понятия, как **политическое лидерство**, но и построить дискурс-модель имиджа, а также обнаружить ряд других дискурс-моделей, которые манифестируются в современной политической коммуникации.

Политическое лидерство, с точки зрения дискурсных позиций, — это отношение, актуализирующее взаимодействие и его аудитории, его электората (но не взаимодействие между самими лидерами, как действительными, так и мнимыми). Согласно дискурсной логике, *политический лидер должен реализовывать себя по следующим направлениями:*

Во-первых, идентифицировать себя, соотнеся с другими субъектами и с теми традициями и явлениями, которые сегодня приемлет его электорат. При этом лидер общенационального уровня должен бороться за все сегменты электората без исключения.

Во-вторых, развивать в себе способность видеть и оценивать и качества, и деятельность «своих» и «чужих» с тем, чтобы быть способным мобилизовать людей на действия.

В-третьих, он должен формировать и закреплять лидерские качества, соотнося набор этих качеств с тенденциями в развитии общества, тогда станет понятно, почему для одного времени нужен популист, для другого — рационалист, для третьего — борец, а иногда требуется сочетание всех этих дискурс-типов.

В-четвертых, понять, что лидерство — это короткая реальность, а значит, политик немыслим без своей группы, аудитории. Аудитория должна «прорасти в нем», и он обязан постоянно взаимодействовать с ней на соответствующем уровне (в организации, регионе или на всем пространстве страны).

В-пятых, понять, в чем сила лидера, и уметь целенаправленно формировать свой ближайший кортеж, т. е. делегировать часть своих функций другим.

Примечания

1. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Москва; Волгоград, 2000.
2. Potter J., Wetherell M. Discourse and social psychology. Beverly Hills, CA: Sage, 1987.
3. Поценцов Г. Г. Спин-доктор, который умеет «лечить» события. М., 1999.

© И. А. Наумова
ЧелГУ, г. Челябинск

Метафоры из сферы-источника «Техника» в российских СМИ

Исследование метафоры — одно из важнейших направлений современной когнитивной лингвистики. Современная когнитивистика рассматривает метафору как основную ментальную операцию, как способ познания мира.

Как подчеркивают Дж. Лакофф и М. Джонсон, наша понятийная сфера носит преимущественно метафорический характер, наше мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обуславливаются метафорой [1].

Продукты технического прогресса окружают нас со всех сторон. «Технический аромат» проникает в самые разнообразные сферы нашей жизни. Средства массовой информации не являются исключением. Анализ публикаций в СМИ позволяет говорить о том, что количество случаев употребления метафорических выражений из сферы-источника «Техника» постоянно растет. Это неизбежно

оказывает влияние на наше восприятие мира, окружающей нас действительности и самих себя.

Как отмечает Н. И. Борковец, одна из наиболее естественных моделей мышления — модель механизма. Она не просто хорошо объяснима с точки зрения соотношения целого и части (машина / механизм), но и прогностична с исторической точки зрения [2].

А. П. Чудинов подчеркивает, что целенаправленный анализ функционирующих в политической сфере метафорических моделей способствует выявлению тенденций развития политического дискурса и помогает определить степень влияния изменений социально-экономического характера на функционирование языка [3]. Целью данного исследования является контекстуальный и дискурсивный анализ технических по сфере-источнику метафор, выявление их фреймовой и слотовой структуры.

Материалом для анализа послужили публикации общественно-политической тематики российских СМИ.

Техническая метафора может быть представлена следующими фреймами: «Техника и ее разновидности», «Детали технического устройства», «Функционирование техники», «Люди, работающие с техникой», «Создание техники».

Рассмотрим фреймово-слововую структуру модели «Общество — это техническое устройство».

1. Фрейм «Техника и ее разновидности»

Слот 1.1. Технические устройства

Очень часто политические структуры, процессы, происходящие в экономике, отрасли хозяйства, коллеги главы государства метафорически представлены как устройства, производящие что-либо, машины, аппараты.

*Тысячами людей управляет бюрократическая **машина** (В. Жаров, КП, № 223, 2004).*

*Такой порядок вовсе не означает. Что кандидаты в губернаторы должны избираться специально поставленными чиновниками из **аппарата** президента (М. Прусаков, КП, № 223, 2004).*

*Главным **генератором** инфляции являются услуги (В. Кузнецовский, Гудок, № 246, 2004).*

Слот 1.2. Технические приспособления

Итог реформы энергетики рассматривается СМИ как обладание рубильником, владелец которого получает огромный вес в политике.

*Чубайс, прежде всего, должен завершить реформу энергетики. Взять **рубильник**. В России **рубильник** есть, прежде всего, политический **рычаг** (А. Караулов, АиФ, № 12, 2005).*

Слот 1.3. Электронно-вычислительные приборы

Для объективной оценки и констатации результатов внутренних экономических процессов, происходящих в стране, метафорически используются названия вычислительных приборов.

*С украинской стороны кричат: «Да мы Россию испокон веков кормим!» Шелкаем **калькулятором** и с досадой признаем: «Не только кормят, но и еще усиленно поят» (А. Седов, КП, № 47, 2004).*

*На **калькуляторе** эти последствия не посчитаешь. Но ясно одно, никто не отпустит цены на газ (В. Миронов, [www.Экспертный канал открытая экономика. htm](http://www.Экспертный_канал_открытая_экономика.htm)).*

Слот 1.4. Транспортная техника

Сферы деятельности представлены как устройство, обладающие огромной мощностью и способностью вытащить Россию из кризиса.

*Большинство россиян считают крупный бизнес **локомотивом** социального развития. Именно крупные компании становятся сегодня **локомотивом** социального развития регионов (А. Белова, ЮП, № 139).*

*Строительство — **локомотив** экономики, который тянет за собой другие, смежные отрасли (Л. Полежаев, РГ, № 282, 2004).*

Слот 1.5. Строительная техника

Экономические процессы и участники этих процессов сравниваются со строительной техникой, причем четко прослеживается ее функция: созидаящая или разрушающая.

*С. Пискун сегодня выполняет роль **бульдозера**. В том, что Святослава Михайловича бросили на амбразуру, с его согласия, или без него, я в этом не сомневаюсь (Л. Грач, www.from-ua.com/news/423b0384b0167).*

*Образно говоря, президент (В. Ющенко) предлагает заменить «**подъемный кран**» олигархической приватизации на «**бульдозер**» социалистической реприватизации (Н. Сергеев, www.versii.com/material.php?pid=8567).*

2. Фрейм «Детали технического устройства»

Слот 2.1. Крепежные детали

Рядовые граждане России сравниваются с мелкими деталями технического устройства, которые находятся в полной зависимости от разного рода чиновников.

*В чем состоит смена власти? Один зажимает **гайки**, другой отжимает — всего два действия со стороны руководства. У них в руках **гайка**, а мы — **болт** для них. Чем больше закручивают гайки, тем радикальнее становится оппозиция (М. Жванецкий, АиФ, № 46, 2004).*

Слот 2.2. Детали, приводящие в действие техническое устройство

Действия руководства страны, юридическая сила законодательства, общественные организации метафорически обозначаются как детали, активизирующие техническое устройство, дающие импульс к работе.

Грубо говоря, человек в центре нажимает на **кнопку**, после чего по всей стране загораются **лампочки**, и все дружно бегут исполнять приказание, поступившее из центра (В. Никонов, РГ, № 283, 2004).

Властных **рычагов** у полпреда не так много (Е. Добрынина, РГ, № 278, 2004).

Этот базовый закон, призванный полностью обновить систему регулирования отрасли связи, содержит ряд кардинально новых **рычагов** для либеризации и динамичного развития рынка (А. Санаев, РГ, № 283, 2004).

С тех пор количество поводов для разговоров о том, — есть в России гражданское общество или его нет, увеличилось, потому что появились признаки того, что государство хочет просто превратить гражданские организации в **приводные ремни**, которые помогали бы ему управлять страной (Е. Ясин, www.arп-пп/discurs_s/296.html).

Слот 2.3. Детали, характерные для отдельных технических устройств

Если государство в целом представлено как машина, то отрасли экономики государства — это основные комплектующие детали этой машины, отлаженная работа которых обеспечивает благополучие, успешное проведение реформ.

Госдума притормозит «**двигатель** торговли» (Т. Шкель, РГ, № 280, 2004).

Энергетика — это **мотор** кубанской экономики (А. Алексеев, РГ, № 82, 2004).

Участники рынка — банки, риэлторы, все остальные — никогда по части Жилищного кодекса не предъявляли больших претензий. Для них это (содержание старого Жилищного кодекса) не было **тормозом** (И. Грачев, www.opes.ru/comment.doc.asp?d.no55971).

Слот 2.4. Детали, использующиеся в самых разных технических устройствах

Прежнее государственное устройство, как показывает следующий пример, полностью демонтировано и перед нами теперь образ новой государственной политики, лишенной старых изъянов.

Лампочки давно все перегорели или их выкрутили. **Провода** снесли во вторсырье, а что касается неподкупных чиновников, то...авторитаризм быстро не сложится, даже если к этому очень стремиться (В. Никонов, РГ, № 283, 2004).

Однородность имеющих власть чиновников, их стандартность представлена сравнением с калиброванными деталями, безликими, бездушными.

Я их (чиновников) всех видел раньше. Они как будто все знакомые, какие-то **калиброванные**, как **шарикоподшипники** (М. Жванецкий, АиФ, № 46, 2004).

3. Фрейм «Функционирование техники»

Метафорика данного фрейма представляет деятельность государственных институтов как функционирование технических устройств, причем явно можно проследить позитивные и негативные стороны этого процесса. Мы выделяем следующие слоты:

Слот 3.1. Неполладки в работе техники

Такая неблагодарность правительства и «Единой России» в отношении тысяч заслуженных соотечественников и привела к резкой **«разгерметизации»** наших отношений (Д. Рогозин, АиФ, № 46, 2004).

Средства для финансирования расходов в марте в Пенсионном фонде имеются, никаких **сбоев** не будет (М. Зурабов. [www.ПРФ. htm](http://www.ПРФ.htm)).

Многие из необходимых реформ — банковская, ЖКХ, естественных монополий — заторопились, **буксует** введение ипотеки (В. Нионов, РГ, № 283, 2004).

А корень ее (ситуации) — во вседозволенности власти, что чревато уже **потерей управляемости** государством (С. Прусаков, КП, № 223, 2004).

Конфликтные ситуации между участниками политического дискурса, преснятия в ходе экономических реформ рассматриваются как неполадки в работе технического устройства.

Слот 3.2. Полезная работа техники

Деятельность государственных институтов, политически активных граждан, развитие и ход политических и экономических процессов часто рассматриваются как полезная работа техники.

Строительство — локомотив экономики, который **тянет** за собой другие, смежные отрасли (Л. Полежаев, РГ, № 282, 2004).

Главная задача сейчас — **синхронизировать** скорость проведения реформ с преобразованиями в системе обеспечения безопасности движения (В. Закатаев, Гудок, № 44, 2005).

Устойчивое **функционирование** экономики невозможно без нормального **функционирования** судебной и правоохранительной систем (Г. Греф, РГ, № 284, 2004).

И она же (бюрократическая машина) фактически **«перемалывает»** конкурентов на региональных выборах (В. Жаров, КП, № 233, 2004).

Именно молодые умы чаще всего **генерируют** самые оригинальные идеи (Л. Старикова. ЮП, № 139, 2004).

Эти территории будут **«выкачивать»** человеческие ресурсы из соседних, менее успешных (О. Терехина, ЮП, № 125, 2004).

Мы 70 лет строили коммунизм. Как показывает опыт мировой истории, ровно столько же понадобится, чтобы демонтировать старое устройство и **пойти** новым курсом (А. Шафигулин, ЮП, № 133, 2004).

Общество получило ясный **сигнал** о том, что государство намерено решительно повысить надежность всей системы, — и немедленно успокоилось (АиФ, № 46, 2004).

В противном случае «матрица не **перезагрузится**», она не выдержит идеологических дискуссий и персональных разногласий (А. Колесников, РГ, № 18, 2005).

4. Фрейм «Создание техники»

Слот 4.1. Проектные работы

Работа правительства нередко сравнивается с созданием, проектными работами, в результате которых получают новые фигуры политической арены, новые экономические отношения.

Известно, что и «Родина», и «Единая Россия» **сконструированы** умными людьми из Кремля (Д. Rogozin, АиФ, № 46, 2004).

Там,наверху,что-то затеяли. Что-то **выстраивают**. Скрывая чертежи в запертых сейфах. (А. Лившиц, www.finiz.ru).

Слот 4.2. Обработка и сборка

Часто решения, принимаемые властными структурами, требуют доработки. Такая необходимость рассматривается СМИ как шлифовка, полировка, т. е. доведение решений до товарного вида.

Существуют общепринятые отношения между областным бюджетом и бюджетами муниципальных образований. Там есть свои проблемы — вопросы **шлифовки** методики определения дотаций по выравниванию бюджетной обеспеченности... (А. Котов, www.regions.ru).

Большая часть времени и сил администрации будет теперь направлена на подготовку,проведение всякого рода популистских мероприятий, прочую зачистку и **полировку** (В. Боровский, Пермский обозреватель, № 12, 2005).

5. Фрейм Люди, использующие технику

Слот 5.1. Люди, управляющие техникой

Глава государства метафорически представлен человеком, который управляет техническим устройством. На нем лежит вся ответственность за безопасность и благополучие находящихся внутри людей.

Это трагическая ситуация — поезд летит к пропасти. И это трагическое непонимание — **машинист** спит (А. Минкин, МК, 2005).

Слот 5.2. Люди, обслуживающие технику

В контексте реформ, в частности ЖКХ, люди, непосредственно связанные с руководством страны, и просто рядовые граждане, метафорически обозначаются как обслуживающий персонал техническо-

го устройства, они предстают в образе команды, от слаженной работы которой зависит движение в правильном направлении и благополучный итог этого движения.

*Логика проста: дом, все равно, что корабль, отпущенный в свободное плавание — место назначения вроде бы известно, но как до него доплыть никто не знает, поскольку **капитана** еще не выбрали, да и вся команда на борту — сплошь дилетанты. И чтобы этот дом-корабль не постигла участь «Титаника», нужно поскорее навести на нем порядок. Для чего в первую очередь необходимо преподать будущим отличным **боцманам, лоцманам и матросам** азы морского дела. (Л. Карташова. <http://www.rg.ru/2005/03/04/tovarischestvo.html>).*

Политические процессы, освещаемые в СМИ, представлены неким механизмом, который запускается, буксует, тормозит. Партии в стране конструируются умными людьми из Кремля; в отношениях лидеров этих партий может произойти резкая разгерметизация. Фигуранты политического дискурса налаживают контакты, разруливают ситуацию, зажимают и отжимают гайки.

Попытаемся выявить причины этой мощной экспансии метафор из сферы-источника «Техника» в политический дискурс посредством средств массовой информации. Появление и прочное укоренение в речи таких словосочетаний, как «гуманитарные технологии», «PR-технологии», «политические технологии», «предвыборные технологии» свидетельствуют о технократичном мышлении людей в нашем обществе. В этой связи можно вспомнить слова современного философа В. В. Розанова: «Техника, присоединившись к душе, дала ей всемогущество, но она же ее и раздавила. Появилась техническая душа...» [4].

Одним из главных условий технического устройства является его предсказуемость. Рядом с предсказуемостью всегда есть место контролю над ситуацией, а это, в свою очередь, ведет к стабильности. Нам сообщают о том, что крупный бизнес — это локомотив социального развития, происходит отлаживание эффективного внешнеполитического механизма Российского государства, главным генератором инфляции являются услуги. Таким образом, средства массовой информации внушают человеку определенный позитивный настрой с помощью технической метафоры. Это является эффективным шагом в процессе коммуникации общества и власти. Кроме того, использование технических метафор позволяет стандартизировать политические процессы, освещаемые в СМИ.

Примечания

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Теория метафоры. М., 1990. С. 387.

2. *Борковец И. И.* Техническая метафора в художественной картине мира: На материале писемской прозы XX века и ее переводов на русский язык: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. С. 43.

3. *Чудинов А. И.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. С. 73.

4. *Розанов В. В.* Мысли о литературе. М., 1999. С. 223.

© А. Ю. Перескокова

ЮУрГУ, г. Челябинск

Реализация речевой агрессии в медианарративе России на метафорическом уровне

Речевая агрессия послужила предметом для многих лингвистических и социологических исследований в России. Многие из авторов ограничивали рабочий материал нарративом средств массовой информации и массовой коммуникации. Среди публикаций можно особо выделить коллективный труд В. М. Амирова, Л. В. Ениной, Н. А. Кушиной, Э. А. Лазаревой, Л. М. Майдановой, Е. Г. Соболевой, Т. Г. Федотовских, Э. В. Чепкиной. «Речевая агрессия и гуманизация общения в СМИ», работы Ю. В. Щербининой (2004), З. М. Ивановой, Н. В. Муравьевой, Л. В. Ениной, Е. Н. Басовской.

В определении одного из перечисленных ученых речевая агрессия — это «сфера речевого поведения, которая мотивирована агрессивным состоянием говорящего» [1]. В текстах агрессивное состояние, по мнению Н. В. Ениной, может проявляться в двух вариантах: «автор прямо призывает адресата к агрессивным действиям» и «автор подчас предмета речи вызывает или поддерживает агрессивное состояние» [2].

Е. Н. Басовская, исследуя агрессивное речевое поведение как средство достижения сиюминутных целей средств массовой информации, предлагает рассматривать данное явление в узком понимании — «речевой акт, замещающий агрессивное физическое действие: оскорбление (в том числе грубая брань), насмешка, угроза, враждебное замечание, злопоселение, категоричное требование без использования общепринятых этикетных средств» и в более широком — «все виды наступательного, доминирующего речевого поведения» [3].

Директор Учебно-консультационного центра Союза издателей и распространителей печатной продукции Н. В. Муравьева [4] разделяет феномен речевой агрессии на два четко обозначенных вида:

1) «активность использования оценочных слов, в том числе и ненормативных»;

2) «навязывание со стороны говорящего своего речевого (и шире — коммуникативного) поведения, в отказе от диалогичности, в не-

умении «слушать» собеседника, нежелании (или неумении) журналиста создавать общее языковое пространство участников общения».

В отличие от многих исследователей, Н. В. Муравьева vedущую роль отводит второму виду речевой агрессии, рассматривая его как «явление контактного плана», попытку журналиста «показать свое языковое (и даже информационное) превосходство» [5]. Практически этот вид реализуется через употребление чрезмерного количества терминологической лексики, профессионального жаргона, что резко огорчает читателя или слушателя от обсуждаемой темы, автора и участников обсуждения. Навязывание своей точки зрения потребителю СМИ со стороны журналиста часто достигается через многократное употребление местоимений «я» и «ты». В первом случае автор эксплицитно указывает на свое превосходство в данной речевой ситуации, притягивает все внимание к своей личности. Употребляя местоимение «ты» по отношению к читателю/слушателю, журналист создает ситуацию панибратского общения, в которой он изначально претендует на лидерство, как субъект дающий, а не получающий информацию. Внутренние стимулы, заставляющие медиарботника проявлять агрессию, могут быть выявлены при анализе его метафорического творчества. Исходя из принципов когнитивного подхода, метафора является отражением и одновременно средством познания психических процессов человека, способа его мышления. Метафора в когнитивном аспекте — это единица, атом, составляющая концептуальной системы человека, его рефлексия реальной картины мира. Также нельзя не сказать о высокой коннотативной маркированности когнитивных метафор в средствах массовой информации. Любая, даже невыразительная, «стершаяся» метафора в новом неожиданном (каким почти всегда бывает нарратив СМИ) контексте признается когнитивно значимой и получает большой заряд экспрессивности и стилистической окрашенности. В поисках примеров речевой агрессии на метафорическом уровне внимание следует обращать на наличие большого количества языковых аномалий, перенасыщенность разговорно-просторечной и эмоционально-оценочной лексикой, превышение пределов огрубления и вульгаризации литературного языка, перенасыщенность текста негативной оценкой личности через использование ярлыков, чрезмерной экспансией иноязычных слов и нарушением языковых норм, ситуативно и стилистически не оправданных, т. е. на те признаки речевой агрессии, о которых писала З. М. Иванова [6].

Средства массовой информации как один из социальных институтов являются зоной пересечения интересов разных социальных субъектов, таких как государство, политические партии, представители деловых кругов, массовая аудитория и отдельные личности. По

мнению Л. Н. Фсдоговой [7], СМИиК выступают в двусудной роли: «как институт, участвующий в процессе формирования целей развития общества, и как механизм их актуализации». Наравне с утверждением, что деятельность СМИ – это творческий процесс создания реальной (влияние или побуждение вышеперечисленных социальных субъектов к конкретным действиям) и наивной (образ окружающей действительности в понимании человека, сложившийся под влиянием массовой информации) картины мира, нельзя умолчать о том, что, работая по эффекту бумеранга, все социально значимые события, в свою очередь, проецируются на работе и продукте СМИ. Военная и криминальная сферы порождают большое число метафор, которые можно интерпретировать как тенденциозно агрессивные, и, одновременно, представляют социальную важность.

В метафорическом контексте нет открыто бранной или ненормативной лексики, поэтому реализация речевой агрессии проходит через языковые единицы, неуместно употребленные и несущие сильный негативный заряд, частые языковые аномалии («нарушение правила употребления какой-то языковой или текстовой единицы» [8], «ошибки, сделанные то ли по недостаточному знанию языка, то ли под наплывом эмоций, то ли подсознательно, то ли чисто случайно» [9]), к которым, по сути, можно отнести и метафоры.

Для записи интервью с А. Коржаковым была брошена мегазвезда В. В. Познер. Несколько часов главный телеакадемик «пытал» собеседника. Но то, что мы увидели в эфире, не было похоже даже на краткий видеоконспект (Носовец С., Пресс-атташе, 15.07.04).

Текст последних киселевских «Итогов» на НТВ, когда он постоянно наезжал на Путина, ты писал? (А. Мельман, МК, 27.11.03).

Уход Лесина многие восприняли со злорадством, некоторые с облегчением. И все-таки, несмотря на все перекосы рынка и «зачистки» НТВ, ТВ6, ТВС, именно при Лесине сложилась конкурсная система распределения частот... (А. Качкаева, Телескоп, март 2004).

Сдвиг в сторону агрессии в поведении или манере подачи материала журналиста лучше прослеживается не на отдельно взятых примерах, но при анализе метафорического контекста целой статьи. Намеренное повторение одной и той же метафоры в рамках одной статьи оказывает определенное негативное влияние на читателя и укореняет созданный образ в сознании. Ср.:

Телекиллерство себя изжило (заголовок). <...> Четвертая власть — это эфемерное понятие, ее не существует. Есть **телевизионное киллерство**, которое раньше уважали и боялись, но сейчас этот жанр себя изжил (М. Маркелов, АиФ, 9.01.2003).

Психическое состояние агрессии отдельно взятого журналиста реализуется в его работах. В зависимости от того, является ли это состояние временным эмоциональным выплеском или это устойчивая доминанта «Быть агрессивным», статьи с напряженной тональностью варьируются от одной нестиличной до пролонгированной во времени серии. Для некоторых авторов такая манера письма становится идиостилем, а их самих относят к «информационным киллерам». Ср.:

*Тюрьма — это уж слишком. Во всем мире практикуется иной способ наказания **информационных киллеров** — денежный штраф (В. Выжutowич, РГ, 17.10.03).*

*Соловьев, похоже, родоначальник нового поколения **телекиллеров**. Из старых лучших — А. Караулов. Хотя в этом амплуа были и такие мастера, как Невзоров и Доренко, и время от времени **постреливали** Сванидзе и Леонтьев (И. Пашутин, Пресс-атташе.Ру, 7.07.03).*

*Кому интересно, как живет страна, если нужно кого-то **замочить** с телеэкрана? (С. Одоевцев, МК, 23.06.03).*

Общая атмосфера агрессивности средств массовой информации создается, помимо большой семантической вариативности метафор, многократным обращением к одним и тем же метафорическим образам. Некоторые из них становятся настолько привычными, что позволяют предсказать их переход из разряда речевых в разряд языковых метафор (при традиционном подходе). Еще не создано формулы, подсчитывающей коэффициент силы влияния на общество в зависимости от частотности употребления определенной метафорической единицы, но не вызывает сомнения тот факт, что образ журналистов как солдат, вооруженных перьями-штыками, а иногда компьютеромышь-штыками, участвующих в битвах за свободу слова, крепко обосновался в сознании россиян. Ср.:

*На смену великолепным раздолбаям-обозревателям приходят азартные **солдаты информационных войн** (Е. Карсанова, МН, 2000, № 38).*

*Ревенко проделает огромный объем работы и вовремя выдаст очередной сюжет. Как военный человек, Женя **держал свой рубеж до конца, используя все подручные средства, и не отступая пока не придет депеша из командного пункта** (А. Николаев, Пресс-атташе.Ру, 13.07.03).*

*Воскресный вечер превратился в **поле информационной битвы титанов**: ОРТ, РТР и НТВ (Г. Симанович, Огонек, 1996, № 20).*

*СМИ и сегодня в основном «мобилизованы и призваны». Но поскольку на дворе — демократия и свобода слова, постольку и **штыки колют** не в одном, как раньше, а в самых разных направлениях (Л. Радзиховский, Огонек, 1997, № 38).*

Массовая коммуникация — процесс, в котором представлены принципиально две стороны: адресант и адресат. Адресанта можно определить достаточно легко. Это может быть отдельный журналист или печатное издание, представленное редактором или коллективом, или третье лицо, использующее средство массовой информации для передачи сообщения. Адресата-получателя конкретизировать сложнее, так как количество человек, принявших искомое сообщение, подсчитать точно невозможно. Это всегда большая неоднородная группа людей. Однако, личность или совокупный образ адресата-героя сообщения высвечивается в самом контексте — это тот, на кого направлена агрессия автора-адресанта. Героем сообщения может быть представитель конституционной власти или ее собирательный образ, работники СМИ, в том числе начальство, или концепт СМИ в целом, спонсоры и заинтересованные лица, потребители медиапродукта.

Одной из самых количественно представленных сфер-мишеней является сфера-мишень «Власть» или, конкретнее, «Президент РФ». Уже много лет СМИ борются за статус полноправной четвертой власти, и исполнительная власть всегда считалась главным противником суверенитета СМИ. Избрав себе роль олицетворения свободы слова, СМИ рассматривают любое вмешательство в свои дела как попытку ущемить естественные и конституционные права гражданина РФ и возмездие СМИ. Самым популярным метафорическим сравнением, таким образом, является утверждение, что власть — это «душитель свобод». Ср.:

*Враги те, кто выступает за профессиональную армию, и те, кто против введения в школах в качестве предмета православного Закона Божьего, враги те, кто против введения цензуры на телевидении и **удушения СМИ*** (М. Юрьев, Пресс-атташе, 29.11.04).

*Говорят, что Леонид Парфенов был уволен с НТВ не из-за происков А. Герасимова и **кремлевских душител**ей свободы слова* (Пресс-атташе, 21.07.04)

*Это я был **душителем** телевидения Гусинского* (А. Кох, Правда. ru, 7.10.2003).

*В 2000 году обещать сделать все красиво было несложно. ТВЦ, после того, как там похозяйничали сначала Анатолий Лысенко, а затем Сергей Лисовский, находился в **полузадушенном состоянии**, с недо-стачей в 20 млн. долларов США.* (Пресс-атташе, 28.09.04).

Комментируя работу своих коллег-конкурентов, журналисты предпочитают употреблять следующие метафоры:

*ОРТ и РТР **оккупировали** освещение выборов* (В. Злотницкая, Профиль, 2003, № 4).

*Как далеко может зайти **экспансия НТВ?*** (В. Матизен, Огонек, 1995, № 42)

11. Там же. С. 5.

12. Михальская А. К. Русский Сократ. М., 1996. С. 159.

© Е. А. Пименов
КемГУ, г. Кемерово

Политические метафоры: новые и традиционные модели

Современная лингвистика развивается в направлении когнитивных исследований языка. Это направление преломляется по-разному в исследованиях концептуальных структур, языковой картины мира и ее фрагментов, способов объективации знаний о мире. Одним из таких способов выступает метафора. В данной статье анализируются некоторые новые и традиционные метафорические модели, используемые в публицистических текстах. Под метафорической моделью понимается «существующая в сознании носителей языка взаимосвязь между понятийными сферами, при которой система фреймов сферы-источника служит основой для моделирования понятийной системы другой сферы-магнита» [1].

В публицистических текстах частотны антропоморфные метафоры, когда те или иные политические реалии выражаются признаками человека. Подобные метафоры образованы на основе социально-политических, экономических, интерперсональных и витальных признаков. Например, регионы «наделяются» полномочиями (*Единство страны и безопасность ее граждан нельзя обеспечить, если **регионы** не обладают для этого ни достаточными **полномочиями**, ни ресурсами*. Труд. 11.02.05), власти экономят за чужой счет (*Тем не менее в массовом сознании превалирует мнение о том, что **власти хотели** обмануть граждан, **сэкономить** за их счет немалые деньги*. Труд. 11.02.05), интересы вступают в борьбу (*Обычная в политике **борьба интересов***. АиФ. 2005. № 6), инициатива, как живое существо, может быть парализована (*Страна, где коррупция **парализует живую инициативу***. АиФ. 2005. № 6). Страна переосмысливается как человек, который думает (*Что у Грузии **на уме?*** АиФ. 2005. № 3), обладает собственными интересами (*...В. Путин четко заявил, что у **России есть** собственные **национальные интересы***. АиФ. 2005. № 6), как некое живое существо, претерпевающее трудности в своем существовании, испытывающее магическое воздействие (*Утешает и вселяет надежду одно: **Россия переживала** и такие смутные времена, так что, надеюсь, **переживет** и это **наваждение***. Труд. 11.02.05). Магические метафоры в публицистических текстах передают сценарии воздействия на человека, общество (очаровательный политик; обаять/заворожить элек-

типутинскую зыбь на Западе усиленно **гонят** и щедро проплаченные лоббисты «ЮКОСА». АиФ. 2005. № 6). У метафоры действий рук — *манипуляции* — сферой-источником является производственная терминология: так обозначался труд работников различных профессий (*Известны и те, кто манипулировал голосами избирателей против нового президента*. АиФ. 2005. № 6). Вновь актуальными стали метафоры заложника — насильственно удерживаемого лица в целях обеспечения неких требований (*Сегодня «второй» В. Путин выглядит как заложник некомпетентного и потерявшего доверие правительства*. АиФ. 2005. № 6).

В современной публицистике широкое развитие получила метафора обучения, которая проявляется в сценариях учительства и ученичества. В качестве учителя выступает обычно президент страны, в качестве ученика — правительство. Такая метафора проявляется в сценариях решения поставленных вопросов (*В понедельник на совещании с членами правительства президент России жестко потребовал решить наконец вопрос с повышением денежного довольствия служащим*. Труд. 11.02.05), постановки новых задач (*А Владимир Путин поставил перед участниками совещания... новые задачи*. Труд. 11.02.05). Выбор задач — исключительное право учителя (*Но задача, поставленная президентом, обсуждению не подлежит*. Труд. 11.02.05).

Действия правительства объективированы в ученических сценариях обдумывания, размышления (...*В первую очередь правительству надо думать, как вывести хотя бы работающих россиян из категории нищих, подняв минимальную зарплату*. Труд. 11.02.05), исправления ошибок и изменения ошибочных решений (*Правительство России в авральном режиме пытается исправить собственные ошибки, выделяя все больше ассигнований, изменяя ряд принятых решений*. Труд. 11.02.05), урока (*Не обращая внимания на колкие комментарии депутатов, Фрадков анонсировал, во-первых, подробный рассказ о вынесенных уроках, во-вторых, рассказ «о пяти ключевых направлениях в дальнейшей работе правительства»*. Известия. 10.02.05; *Власти извлекли, на ваш взгляд, уроки из печального опыта внедрения неподготовленных новаций?* Труд. 11.02.05). Часто речь идет об уроке математики, где правительство — ученик — совершает математические действия (*Впредь нашему правительству, прежде чем внедрять какую-либо реформу, придется все просчитывать до мелочей...* Труд. 11.02.05), допуская при этом просчеты (*Оксана Дмитриева, напротив, оказалась не склонна — и, проявив неженскую непреклонность, даже каким-то образом*

подсчитала, во что обошлись **ошибки правительства**. Труд. 11.02.05), которые именуются ошибками и упущениями (По ее данным, «**упущения**» Михаила Зурабова стоили 550 млрд. рублей, а **ошибки Кудрина** и вовсе потянули аж на триллион рублей... Труд. 11.02.05; **Ошибки власти** дорого обходятся стране. Труд. 11.02.05).

Политические деятели могут быть представлены энтомологическими метафорами, сфера источник которых живой мир, а именно мир насекомых (*Страна, в которой **чиновники** хапают одну льготу за другой, расплодилось, как **мухи**, и жадно **жужжат** над чужой собственностью.* АиФ. 2005. № 6); анималистскими метафорами, сфера-источник которых мир животных (*политическая стая шакалов; ср.: Но как без шума тронуть маститых **региональных зубров?*** АиФ. 2005. № 3); орнитологическими метафорами, их сфера-источник — мир птиц (*налетели политики, как воронье; ср.: Власть попытается заставить олигархов **нести золотые яйца** не только в свои корзины.* АиФ. 2005. № 3). Анималистическими метафорами описывается правление регионами страны, последние при этом предстают в образе лошадей: традиционный для России символ — русская тройка (*Говорят, во властных коридорах уже вьется немало людей, жаждущих **принять бразды правления** Москвой, Татарстаном, Башкирией...* АиФ. 2005. № 3).

Жизнь, существование страны и отдельного человека традиционно описывается метафорой пути. Каждая страна, любой народ движется своей дорогой, опережая соседей или отставая от них (*Это само по себе показывает, что в своем демократическом развитии **Украина** даже до недавней революции опережала Россию.* Известия. 10.02.05). Проблемы, встающие перед страной и человеком, отождествляются с преградами, препятствиями на этом пути (*В своем независимом **существовании Украина и Россия сталкивались** с одними и теми же проблемами, однако Москва и Киев давали разные примеры их решения.* Известия. 10.02.05; *Но **правительству** «надо почувствовать, что оно **столкнется** с бурной реакцией малоимущих слоев населения».* Известия. 10.02.05). Движение страны на своем политическом пути развития уподобляется движению машины, которая также встречает препятствия (*Значит, помимо провальной монетизации существуют и другие (и может быть, более важные) причины **пробуксовки политики.*** АиФ. 2005. № 6). Объединение усилий позволяет двигаться стране в правильном направлении. Осознанное движение вперед обозначается метафорой выбранного курса (*Фактически премьер-министр впервые внятно и по пунктам изложил экономический **курс** возглавляемого им пра-*

вительства. Известия. 10.02.05). Рассогласованность в действиях группы людей приводит к разброду, выбору отдельного пути для каждого (*Российская политическая оппозиция действительно находится в разброде.* Известия. 10.02.05).

Интересное преломление получила метафора руководства руководителя. Руководитель обычно определяется субъектной позицией: он деятель, активное лицо. Объектная позиция слова, обозначающего руководителя, предполагает в качестве субъекта абстрактное имя, обозначающее стремление — установку к действию (*Поэтому уверен: президентом руководило стремление преодолеть явную конституционную слабость руководителей субъектов Федерации.* Труд. 11.02.05).

Особое развитие получила метафорическая модель 'политика — игра' (*политические игры*). В современной публицистике эта метафора реализуется по новым сценариям, где президент отождествляется с крупье в казино (*Помнится, президент однажды призывал сделать ставку на развитие предпринимательства.* Труд. 11.02.05). Игроком в таком сценарии может быть власть, метонимически именуемая Кремлем (*Общая оценка сводится к тому, что Кремль сделал ставку не на того кандидата.* АиФ. 2005. № 6). Похожий сценарий относится к сфере-источнику игры в тотализатор, где также делают ставки (*[Главы районов] преданно кивали головами. Потом выходили из кабинета и тихонько взвешивали — на кого ставить.* АиФ. 2005. № 3). Метафора тяжеловоза, тянущего свой груз власти, встречается редко (*груз ответственности*), а метафора лошади на бегах частотна (*Часто, решив, что губернатор непроходной, или откровенно его сплавляли, или одновременно ставили на двух лошадей.* АиФ. 2005. № 3). В этом случае возможно говорить о символике власти, закрепленной в нашем менталитете: власть — это выигрышный случай, когда претенденту на власть повезло. Чтобы получить власть в свои руки, нужно приложить усилия, «выложиться» только один раз. Затем — власть твоя, делай что хочешь. В другом сценарии игры президент подобен арбитру в коллективной игре (*Президент России четко обозначил позиции — при реформировании жизненный уровень граждан не должен быть снижен.* Труд. 11.02.05). Признак 'арбитр' используется в описании действий власти (*Власть должна стать беспристрастным арбитром в экономической конкуренции.* Труд. 11.02.05). Коллективная игра предполагает ведущие позиции, определяющие ход игры (*Критик не устают напоминать, что ведущие позиции в государстве (включая руководящие посты в госкомпаниях) занимают действующие и бывшие офицеры служб безопасности.* Известия. 10.02.05), команду,

играющую в одни ворота (*Они политики одного «разлива» и совсем недавно были в одной команде экс-президента Л. Кучмы.* АиФ. 2005. № 6). Хорошая командная игра в политике сравнивается с игрой профессионалов. Неупрофессиональной считается игра с допущением ошибок, не соответствующих уровню игры (*Но команда исполнителей играет не на уровне высшей лиги, забивает мячи в свои же ворота, нападающие ссорятся друг с другом. А виноват вратарь.* АиФ. 2005. № 6).

Метафорическая модель 'политика — игра' реализуется в ином виде: политика — это театр, на сцене которого выступают актеры, а в зале находятся зрители, реагирующие на спектакль (*Политическая сцена -- тоже сцена: возникали и своеобразные ситуации, отмеченные смехом как в депутатском зале, так и в зале для прессы.* Труд. 11.02.05). Каждому актеру-политику отведена своя роль (*Роль внешне наивного персонажа, порой почти «простака» в этом действе досталась премьеру Михаилу Фрадкову (хотя Алексей Митрофанов почему-то заявил, что премьер «похож на Мюллера»).* Труд. 11.02.05). Само представление на сцене обозначается как трагедия, комедия или фарс. Иногда спектакль заканчивается провалом (*Российскую внешнюю политику оценивают в промежутке от трагически ошибочной до комической и даже фарсовой. В реальности она крайне прагматична — за исключением нескольких громких провалов (сравнимых с ошибками США в Ираке).* Известия. 10.02.05). Театрализация политических выступлений, заранее расписанный сценарий позволяют обозначить это действие как игру; «прагматический потенциал этой метафорической модели определяется ярким концептуальным вектором неискренности, искусственности, ненатуральности, имитации реальности» [2]. По словам М. В. Черняковой, театральная метафорическая модель включает по жанровой смежности кинематографическую, эстрадную и цирковую метафору [3], однако, как видно из приведенных примеров, сама театральная метафора может быть включена в модель игры. Метафорическая модель игры состоит из сценариев игры на деньги в казино, спортивной и любой иной командной игры, театральной игры на сцене.

В систему политических метафор проникают профессионализмы, теряющие свое первоначальное значение. Так, из металлургии были заимствованы производственные сценарии проката и обкатки труб. Эти сценарии теперь используются в актуализации признаков действий власти (*Сегодня во многих регионах местные власти методом проб и ошибок обкатывают новую систему лекарственного обеспечения льготников.* Труд. 11.02.05).

Среди традиционных метафор можно упомянуть домашнюю и милитарную. Домашняя метафора 'страна / государство — дом' основывается на признаках внутреннего пространства здания, имеющего вход (*Когда большинство, приходящее во власть, будет возвращено в культуру, естественной для их прадедов, тогда возникнет иная генерация, иной внутренний ритм понимания страны.* АиФ. 2005. № 6), коридоры (*И не пора ли пройтись с метлой по коридорам зажившей власти?* АиФ. 2005. № 6), фундамент, опору дома-страны (Власть, может быть, и укрепит. Труд. 11.02.05), остов здания (*Так что укрепление властной вертикали пойдет экономике только на пользу.* Труд. 11.02.05). «Здание» власти имеет несколько уровней (*Дело в том, что состояние экономики российского юга беспокоит власть всех уровней.* Труд. 11.02.05). Некоторые общественные объединения именуются палатами (*Общественная палата начала действовать задолго до официального введения этого института в масштабе России.* Труд. 11.02.05). Признаки метафоры 'страна-дом / здание' «прочитываются» в строительной метафоре (*Чиновники строят страну, удобную для них, а не для народа.* АиФ. 2005. № 6) и метафоре соседства (*И почему, наконец, мы не нравимся соседям?* АиФ. 2005. № 6).

Милитарные метафоры актуальны для выражения действий правительства страны в области реформирования (*«Гайдар довел реформы до конца, а нынешняя власть не решилась, протрубив отступление по всему фронту»,* говорится в одной из публикаций. Труд. 11.02.05), а также оценки действия руководства страны другими странами в лице прессы (*К счастью, Райс и Лавров понимают, что американо-российские отношения не должны стать жертвой войны слов, которую в последние месяцы западная пресса и часть русской объявили российскому государству и президенту Путину.* Известия. 10.02.05). Сценарии этой метафорической модели разнообразны: объявление войны, наступление и отступление по всему фронту, нападение, борьба, захват, отпор и натиск (нападать на своего оппонента; бороться с политическими противниками; дать отпор агрессивным политикам; штурмовать политические бастионы).

Государство — это большой механизм, у него есть *рычаги управления*, используя которые можно воздействовать на регионы (*Словом, сигналы в регионы из Москвы уже пошли.* АиФ. 2005. № 3). Метафора 'власть — механизм' образована на основе признака инструментального вмешательства в действия власти и возможного регулирования ее функций (*Сохраняются эффективные инструменты гражданского контроля над властью, одним из которых будет наша*

Общественная палата. Труд. 11.02.05). Власть-механизм обладает пультом управления (*У сильных региональных лидеров есть свой пульт управления чуть ли не каждым депутатом.* АиФ. 2005. № 3). Работа власти-механизма требует постоянного контроля (*Отныне работа региональной исполнительной власти попадает под постоянный и жесткий контроль.* Труд. 11.02.05). Сбои в работе власти-механизма выражаются в образе его наладки, отладки (*отладить/ наладить работу местных советов; ср.: Представители «Единой России» в регионах делали все, чтобы исправить положение вместе с губернаторами...* Труд. 11.02.05). Механистическая метафора машины характеризует действия реформ в нашей стране (*Реформы не буксуют, на них просто сил не хватает.* Известия. 10.02.05).

Признаки разных сценариев могут быть объединены в одном контексте; например, возможно совмещение метафор игры, механизма, ученика (*И, наконец, должны быть понятные правила игры и механизмы исполнения этих правил. Что опять же задача власти.* Труд. 11.02.05), зооморфных и антропоморфных метафор (*Наше правительство – не те кони, которых нельзя менять на переправе. Это бригада врачей, которая совершила ошибки одна за другой.* Комсомольская правда. 10.02.05), метафор пути и войны (*Но вот что настораживает: опросы, проведенные еще до начала «льготной войны» Аналитическим центром Ю. Левады, говорят о том, что население, сохраняя доверие к президенту, не понимает, «куда идет страна».* АиФ. 2005. № 6).

Встречается уже ставшая традиционной кулинарная метафора [4]. Признаки недостатка профессионалов, тех или иных недоработанных политических документов объективируются в метафорах продуктов (*В России чудовищный кадровый голод на профессионалов.* Известия. 10.02.05; *С самого начала обсуждения Федерального закона о монетизации льгот мы убеждали федеральные власти: нельзя в такой спешке, без детальных финансовых расчетов... принимать в «сыром» виде этот документ, касающийся десятков миллионов россиян.* Труд. 11.02.05). Непопулярные политики, не приносящие во власть ничего нового, предстают в образе законсервированных продуктов (*Вот украинцы и сказали: любить Путина – пожалуйста, а московские «политические консервы» – извините, не надо. Поищем что по свежее в Европе.* АиФ. 2005. № 6). Воздействие лестью и иными способами на политических деятелей называется *умасливанием* (*Говорят, и многие нынешние губернаторы пытались умаслить полпредов, замолвить за них словечко в Москве.* АиФ. 2005. № 3). Встречается метафора производства продуктов – муки, – характерная

для описания деятельности местных властей (*Местные депутаты зажаты между двух жерновов*. АнФ. 2005. № 3).

В описании власти, политиков и иных общественно-политических реалий возможны пространственные метафоры. Наиболее частотной выступает метафора политического окружения лидера (*И разве не старается каждый западный лидер окружать себя людьми, которых хорошо знает*. Известия. 10.02.05), которое влияет на ту или иную область деятельности политиков (*Среди окружения президента появились недовольные его [В. Христенко] деятельностью*. АнФ. 2005. № 3). Круг — символ замкнутого пространства, ограничения, а в другой стороны — защиты. Оппозиция власти в пространственных метафорах представлена рядами (*Ошарашенная власть ищет каких-то зачинщиков и находит их в рядах оппозиции*. АнФ. 2005. № 3). Выведение из круга с целью занятия поста в регионе доверенного лица обозначается пространственной точкой (ср.: *Но и в регионе президентский ставленник — не чужой человек*. АнФ. 2005. № 3).

В русской культуре в определенные исторические периоды власть передавалась по наследству. Менялись государственные устроения, а имущественная метафора наследства власти сохранилась (*В России до сих пор власть передавалась по наследству*. Известия. 10.02.05). Иногда эта метафора трансформируется в имущественную метафору передачи владения в другие руки (*Леонид Кравчук, автор украинской независимости и первый президент страны, проиграв выборы в 1994 году, без истерики передал власть «москалю» Кучме*. Известия. 10.02.05). Власть изменилась, а представление о подчиненных регионах — *вотчине* — как о собственности сохранилось (*Отдавать подведомственные волости в чужие руки им, конечно, больно*. АнФ. 2005. № 3). Глава региона воспринимается как владелец всего, чем руководит (*Однако и уходящих губернаторов сбрасывать со счетов не стоит. Каждый из них в своем регионе — барин*. АнФ. 2005. № 3).

Относительно редкими выступают антропоморфная метафора поведения (*На самом деле русская политика остается крайне осторожной*. Известия. 10.02.05), вещественная метафора ускорения (*Во время первого жесткая фискальная политика и новые налоговые правила стали главным макроэкономическим ускорителем роста*. Известия. 10.02.05), пространственная метафора ограничения амбиций (*Если бы Путин не ограничил экономических (не политических) амбиций Ходорковского, он просто потерял бы возможность управлять Россией*. Известия. 10.02.05), метафоры стихийных бедствий (*Правительство должно сделать все, чтобы не допустить*

новых **социальных потрясений**. Труд. 11.02.05), метафора мира — небесного и земного (*И о новой звезде политического небосклона. О президенте Украины В. Ющенко*. АиФ. 2005. № 3).

Основными сферами-источниками образования метафор выступают человек (его тело и внутренний мир), религия, магия, закон (право), война, производство, строительство, образование, театр, развлечения, животные и насекомые, продукты. Многие метафоры основаны на достаточно устойчивых символах культуры: наиболее древними считаются метафоры пути-жизни, власти-наследства, магические и религиозные метафоры.

В публицистическом дискурсе, характеризующем те или иные политические реалии, используются следующие метафорические модели: 1) антропоморфная (включающая витальные, соматические, духовные, религиозные, социально-политические, экономические, интерперсональные и магические признаки, а также признаки образования, права); 2) зооморфная (образуемая признаками животных, птиц, насекомых); 3) производственная (объединяющая механистические признаки, признаки производственного процесса, кулинарные признаки пищи и продуктов).

Традиционными считаются политические метафоры 'политика — игра' (спортивная игра, театр, нововведения в эту метафорическую модель — 'политика — азартная игра на деньги', 'политика — коллективная игра'), 'политика — война', 'страна/ государство — (многоэтажный) дом' и 'власть/ государство — (многоэтажный) дом', 'субъекты и объекты политик — продукты', 'политика — магия'. Новыми, получившими развитие только в последнее время, являются метафорические модели 'президент — учитель' и 'правительство — ученик'.

Примечания

1. Чудинов А. П. Когнитивно-дискурсивное описание метафорической модели // Лингвистика: Бюл. Урал. лингв. о-ва. Екатеринбург, 2004. Т. 13. С. 107.
2. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1999–2000). Екатеринбург, 2001. С. 114.
3. Чернякова М. В. Театральная метафора как средство манипуляции в публикациях российских и американских СМИ, посвященных войне в Ираке // Лингвистика: Бюл. Урал. лингв. о-ва. Екатеринбург, 2004. Т. 13. С. 86–96; 89.
4. См. подробнее: Пименова М. В. Политика в зеркале метафоры (кулинарные концептуальные метафоры в описании политики) // Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2003. С. 131–132.

Содержательно-прагматические особенности корпоративных изданий

Уже стало трюизмом утверждение, что мы живем в эпоху расширения информационного пространства. Увеличивается число речевых практик: появляются новые средства массовой информации, активно развивается информационное поле Интернета, все чаще ведутся разговоры о будущем такого явления, как журналистика мобильной связи. К новым для России явлениям следует отнести и интенсивное развитие корпоративной журналистики, журналистики, связанной с освещением деятельности разного рода корпоративных институтов.

Корпоративная журналистика — явление двойственное по своей природе. С одной стороны, это собственно журналистика, со всем арсеналом приемов и средств, выработанных традиционной публицистикой. С другой стороны, это именно корпоративная журналистика, журналистика, развивающаяся в сфере новой публичной коммуникации — связи с общественностью. Связи с общественностью как особый социальный институт требуют и особого дискурса. Специфика этой дискурсной практики предопределена прежде всего целевой установкой: тексты ориентированы на создание положительного образа предприятия, фирмы, политического деятеля или политического института в глазах общественности и традиционных СМИ.

Сама публичная коммуникация в сфере публичных рилейшенз неоднородна, существует в виде разных речевых практик, в число которых входит и корпоративная журналистика. Если попытаться дать общую характеристику этого вида коммуникации, то среди конституирующих можно назвать следующие признаки:

основная цель корпоративных изданий — создание и поддержание положительного имиджа предприятия, фирмы;

основной адресат корпоративной коммуникации — члены данного предприятия, члены, так сказать, «ближнего круга», мира данной корпорации.

Содержательные особенности корпоративного издания обусловлены в первую очередь границами «малого, или своего, мира», мира данного предприятия, который задает отбор фигурантов, действующих лиц, пространства-времени, в котором протекает жизнь этого малого мира. Кроме «ближнего круга», есть и «большой мир», мир, в котором существует и функционирует предприятие. Иными словами,

референтный план модели мира корпоративных изданий синтезирует, по сути, два референтных плана, причем референтный план большого мира включается в модель мира предприятия селективно, только в тех содержательно-прагматических границах, в которых существует связь данного предприятия с этим миром.

Особая интенциональность корпоративного издания — создание положительного образа предприятия — задает и отбор концептов, формирующих и поддерживающих позитивное отношение к корпорации.

Как отмеченные нами особенности корпоративного дискурса проявляются в текстах корпоративных изданий? Мы остановимся на особенностях формирования референтной рамки подобного рода изданий.

Референтная рамка корпоративной газеты формируется отбором содержательных элементов (актантов, действующих лиц, события, протекающего в определенном хронотопе — пространстве-времени, по М. М. Бахтину). Также референтная рамка обусловлена периодичностью и местом издания, которые входят в число типологических признаков газеты. Мы будем говорить о хронотопе референтной рамки корпоративного издания.

Требование говорить «только хорошее» и, одновременно, решение сверхзадачи СМИ — находиться в «*настоящем*, в точке, где действие происходит в данный конкретный момент времени» [1], заставляют авторов корпоративных газет и журналов сообщать своим читателям актуальную информацию о текущих событиях и выстраивать хронотоп «истории» своего предприятия. То есть, по сути дела, в такого рода изданиях мы имеем дело с двумя видами хронотопов: с хронотопом текущей жизни и с хронотопом «биографической истории» завода, корпорации и т. д., который создается по мифологической матрице.

В зависимости от типа предприятия, обслуживаемого печатным органом, а также от периодичности издания, хронотоп текущей жизни строится по двум моделям.

Первая модель характерна для небольших предприятий, периодичность издания которых — один раз в неделю. Эту модель хронотопов можно назвать «семейной», поскольку, как правило, издания приурочены или к какому-нибудь празднику, или к важному событию (событиям), происходящим на предприятии. Пространственные границы очерчены миром (производственной территорией в широком и узком смысле) этого предприятия. Границы этого «своего» пространства раздвигаются лишь в том случае, когда описывается внешняя деятельность субъекта. Временные границы, как правило, задаются концептуальным временем — временем знаменательного

события (8 Марта), темой номера (весна, день рождения предприятия). Актуальность времени чаще всего подчеркивается тематикой материалов и датой выпусков.

Примером издания с подобным «ссемейным» хронотопом может служить газета «Энергетик» ОАО «Свердловэнерго». В тематическом выпуске, посвященном празднику 8 Марта (Энергетик. 2005. 7–13 марта) на актуальность события указывает дата номера выпуска, названия рубрик «8 Марта — Международный женский день», «Праздник», «Слабый пол», «Невыдуманные истории». Концептуальное время — конкретное событие, актуальность которого подчеркивается, совмещается с перцептуальным, т. е. с субъективно переживаемым временем. Так, во вступке к «Невыдуманным историям» автор материала задает особый характер его прочтения адресатом: «Во все времена великие творцы посвящали женщинам свои произведения: стихи, полотна, шедевры архитектуры. У каждого творца была своя муза-вдохновительница. Представители сильной половины энергетиков им (творцам) ничуть не уступают. «Все, что мы делаем, мы делаем ради наших прекрасных женщин», — уверяют они. Сколько безумных, трагических, забавных поступков они совершали и совершают до сих пор. Как жаль, что обо всех из них мы никогда не узнаем! Наверняка получилась бы неплохая альтернатива Книге рекордов Гиннесса. Ниже рассказанные истории — безусловное подтверждение тому, что наши замечательные мужчины заткнут за пояс великих творцов».

Этот метатекстовый элемент позволяет автору материала встроить момент речи в праздничное время и сформировать у читателя особую психологическую установку на прочтение материала. Это один из приемов, позволяющих создателям номера выразить смысл «наше предприятие — это одна семья».

Вторая модель хронотопа свойственна изданиям больших корпораций, объединяющих несколько предприятий. В отличие от первой модели, в которой хронотоп референтной рамки ограничен пространством мира предприятия (отсюда, как правило, обилие сюжетов-биографий, рассказов об увлечениях) и время-пространство особыми средствами не маркируется, хронотоп во второй модели организуется сложнее. Можно говорить о расширении хронотопа и о его матрешечном типе.

Прежде всего, это хронотоп отдельного предприятия. Пространство референтного мира газеты ограничено реальными географическими границами данного предприятия. И чаще всего издания в своем названии содержат топоним, очерчивающий географические параметры информационного поля газеты, или имя, называющее профиль предприя-

тия: «Горняцкая округа» (газета ОАО «Гайский горно-обогатительный комбинат»), «Сталь» (газета коллектива металлургического завода им. А. К. Серова), «За медь» (газета ОАО «Уралэлектромедь»). Преобладает концептуальное время, привязывающее выпуск газеты к точной дате того или иного события. Это традиционный для газеты хронотоп.

В настоящее время явно прослеживается тенденция для крупных корпораций, кроме изданий, освещающих жизнь отдельного предприятия, иметь и общую корпоративную газету. Перед создателями этого типа издания стоит задача связать хронотопы отдельных изданий, синтезировать, объединить их в единый хронотоп корпорации. Иными словами, происходит расширение хронотопа, прежде всего за счет расширения его пространственных границ. Обычно корпоративная газета выходит раз в неделю, поэтому временные рамки задаются этим параметром и из отдельных новостей отбираются только положительные новости, которые структурируются по рубрикам — тематическим или посвященным тем или иным знаменательным датам.

Кроме, так сказать, «производственного» хронотопа газеты, который предопределен географическими координатами предприятий, входящих в холдинг, и актуальным моментом времени, к которому привязан выпуск газеты, в изданиях активно формируется и особый «Личный хронотоп», связанный с людьми в этом мире производства. Для семантической модели «Ближний круг» корпоративного мира актуальность приобретают две смысловых модели: «жизнь человека на производстве», «производственная биография» (это, как правило, зарисовки на производственную тему), и вторая модель — «увлечение людей, работающих на данном предприятии».

Дав общую характеристику хронотопа, вернемся к общей прагматической цели корпоративного издания — созданию положительно-го образа предприятия. Эта цель заставляет журналистов обращаться к мифологическому сознанию адресата. Как известно, к основным свойствам мифа относится его цельность, понятность в объяснении мироздания, его избирательность в отборе содержательных компонентов, позволяющая выделить, подчеркнуть те стороны явления, которые важны для формирования образа. Мифологический хронотоп корпоративного издания в качестве прототипических схем своей конструкции активно эксплуатирует схемы космогонических мифов и мифов о героях.

Наиболее тщательно мифологический хронотоп разрабатывается в корпоративных журналах. Периодичность выхода журналов — раз в месяц, поэтому актуальность, «свежесть» информации во много снижается. Акцентируется расширенное время, которое вбирает в себя и мифологизированную историю, и текущую жизнь корпорации.

Мифологический хронотоп, как уже отмечалось, активно эксплуатирует модель космогонических мифов. При этом тщательной проработке подвергаются две древнейших семантических оппозиции — «свои — чужие» и «хаос и космос, порядок». Так, первый номер корпоративного журнала «Сибнефть» (2000) открывается юбилейной статьёй «Через преодоление трудностей — к реальным и устойчивым достижениям». Концептуальное время отражено в рубрике «Сибнефти» — 5 лет», а вот хронотоп самой статьи имеет мифологизированный характер. Постоянно подчеркивается смысл «там, где «Сибнефть» — там порядок, а где чужие (то есть остальное пространство страны) — там хаос»: «Мы все помним, что процесс формирования Компании как единого организма, состоящего из взаимосвязанных и взаимодополняющих частей, не был безболезненным. Играли свою роль предубеждения и предрассудки, боязнь нового, желание сохранить привычные условия труда, производства, управления, распределения материальных средств. Компанию пытались использовать и в политических играх, противопоставляя руководство трудовым коллективам, спекулируя на объективных трудностях акционирования. Однако руководству «Сибнефти» удалось выработать верную стратегию противостояния негативным факторам и постепенно нейтрализовать их. Компания не втягивалась в политические интриги, не компромисовала перед внешними и внутренними проблемами, а вела напряжённую и кропотливую работу по формированию по-настоящему эффективной корпорации, соответствующей лучшим мировым образцам». В статье разными способами и средствами подчеркивается креативный, демиургический характер деятельности компании. В следующих публикациях эта тема детально разрабатывается: до компании территория была не благоустроена, природа гибла, молодежи негде было отдыхать — с приходом и с работой компании жизнь изменилась к лучшему.

Не менее важна для мифологического хронотопа и смысловая линия «организованное пространство и время созданы героями». И это не случайно, поскольку «на основе сведений о личности или организации составляется текст, чаще — тексты, которые призваны сформировать у адресата определенный образ предмета речи, и этот образ, или имидж, в дальнейшем должен повлиять на поведение адресата в нужном для создателей текстов направлении» [2]. Показателен в этом плане заголовок одной из зарисовок «Геобогини из ГИВЦа» (Сибнефть. 2000. № 2). В тексте четко прослеживаются две смысловые линии. Одна связана с конкретной деятельностью женщин — работниц одного из подразделений холдинга, другая представляет их в подчеркнuto мифологических тонах, при этом явно ощущается стремление обратиться к глубинным стереотипам положительной личности.

Таким образом, можно сказать, что при кажущейся простоте референтная рамка корпоративных изданий предстает сложно организованной. Она совмещает в себе два основных типа хронотопа: хронотоп текущего времени и мифологический хронотоп. Такая гетерогенность референтного хронотопа во многом обусловлена доминантой корпоративного дискурса — прагматической целью создания положительного образа предприятия.

Примечания

1. *Цуладзе А.* Политическая мифология. М., 2003. С 223.
2. *Майданова Л. М., Соломатов С. И., Федотовских Т. Г.* Прототипические образы и тексты PR // Роль СМИ в достижении социальной толерантности и общественного согласия. Екатеринбург, 2002. С. 242–243.

© Т. Г. Федотовских
УрГУ, г. Екатеринбург

Логические уловки в имитации реалистичности обещания в агитационной предвыборной листовке

В период предвыборных кампаний появляются тексты, содержанием ядром которых является призыв политика «Проголосуй за меня!». В частности, такой призыв звучит в листовке, которая является одним из жанров, обслуживающих предвыборную кампанию.

В символическом пространстве, отраженном в текстах листовок, выделяется несколько тем. Помимо представления об участниках агитационного общения (кандидат, избиратель, обычно представляемый словами *народ, земляки, екатеринбуржцы, горожане*), пространство может включать в себя понятия «партия», «общественное движение», «социальная группа, поддерживающая кандидата», понятие «власти» (*государство, центр, дума, глава области, глава города, олигарх*), понятие «блага», которое будет обеспечено «избирателю» со стороны «кандидата», если последний будет выбран на искомый пост. «Блага» в текстах разных кандидатов практически не различаются. Каждый кандидат считает своим долгом бороться за социальную справедливость, за власть закона, за подъем промышленного производства и т. д. Последовательность этих благ варьируется лишь в зависимости от пристрастий кандидата, может быть, даже от моды на ту или иную тему.

Обещая те или иные блага, кандидат, естественно, выстраивает текст так, чтобы в нем была создана хотя бы видимость реалистичности даваемых обещаний. При этом благодаря ограниченному периоду (предвыборный период), на который рассчитано действие листовки, избиратель всегда понимает смысл высказывания и интерпретирует его так, как это запланировал говорящий. Например,

такое косвенное высказывание, как «я знаю о вашей нелегкой жизни», всегда толкуется однозначно: «если вы меня выберете, я решу ваши проблемы».

К сожалению, очень часто в листовках мы можем прочитать только обещание, допустим, «так будет» или «так должно быть», но шаги кандидата к выполнению этого обещания никак не прописываются. Таким образом, создаются тексты, рассчитанные не на реалистическое мышление избирателей, а на аутистическое. С. Г. Кара-Мурза писал о том, что «цель реалистического мышления — создать *правильные* представления о действительности, цель аутистического мышления — создать *приятные* представления и вытеснить неприятные, преградить доступ всякой информации, связанной с неудовольствием (крайний случай — грезы наяву)... Для того, чтобы манипулировать сознанием путем усиления аутистического мышления, необходимо хорошо знать структуру желаний в разных слоях общества, особенно желаний навязчивых» [1]. Вряд ли нужно воображать «более навязчивые» желания, чем желание пенсионера иметь пенсию побольше или желание отставного военного обрести крышу над головой. Именно такие желания и эксплуатируются в листовках.

Листовка — небольшой по объему текст, здесь не используются развернутые аргументы (например, аналогии), но проявления нарушений логических и естественных связей встречаются на каждом шагу. Рассмотрим нарушение этих связей в ситуации, где кандидаты общаются старикам повышение пенсий, их своевременную выплату. При этом кандидат выстраивает вполне правдоподобные, на первый взгляд, логические цепочки. *«Больше объемы производства на наших заводах > Наполнение Пенсионного фонда > Больше денег в Пенсионном фонде — больше **пенсии** у ветеранов труда и войны, пенсионеров, инвалидов»*. Как известно, величина пенсии не зависит от большого количества денег в Пенсионном фонде. Связь «работающее предприятие — существование пенсий» бесспорна (если никто не работает, то нет и пенсий), как, например, в тексте: *«Социальные **гарантии пенсионерам** и нуждающимся может обеспечить только устойчивая работа отечественных предприятий, а не разовые подати неизвестно как разбогатевшего толстосума»*, но текст говорит не просто о существовании пенсий, а именно об увеличении пенсий, но к данному обещанию выстроенная цепочка в реальной действительности (не в аутистическом мышлении) не подходит. В СМИ даже однажды глухо прозвучал вопрос: куда делись из Пенсионного фонда огромные, не израсходованные за год на пенсии деньги? (Тема никакого развития не получила.) Закон не устанавливает зависимости: много денег в Пенсионном фонде — повышаем пенсии. Так что

эта связь проводится в тексте ради того, чтобы сказать адресату «нечто приятное» и создать видимость реалистичности обещания.

«...Только восстановленное производство даст рабочие места, зарплату, **пенсии**»; «Будут работать заводы — будут рабочие места, достойные зарплаты, **пенсии**, детские пособия!». Снова та же нереальная связь «работающее предприятие — достойная пенсия», связь из области идеала, грезы, но не из области юридической и социальной практики.

«В Палату Представителей должны войти независимые депутаты, те, кому по силам оказать реальную помощь и поддержку промышленности, сельскому хозяйству, транспорту и другим отраслям хозяйства. Справимся с этой задачей — решим и проблемы с выплатой заработной платы, детских пособий, установления **достойных пенсий**». В данном тексте вообще очень трудно проследить какую-либо связь между разными отраслями хозяйства и повышением пенсий. Что значит «оказать реальную помощь транспорту» — неясно, и уж тем более остается за пределами понимания адресата связь этой помощи с установлением достойных пенсий.

«Что необходимо сделать в первую очередь для ветеранов и пожилых людей? Обеспечить взывание пенсионных взносов с предприятий-неплательщиков. Добиться смены руководства Свердловского отделения Пенсионного фонда РФ, наладить нормальную работу Пенсионного фонда и исключить нецелевое использование средств». И опять происходит подмена логических связей. По мнению составителей листовки, существует прямая связь между наполнением Пенсионного фонда и повышением пенсий. Кроме того, вряд ли для пенсионеров имеет какое-то значение то, кто руководит Пенсионным фондом, важно, чтобы пенсия выплачивалась в достаточном для нормальной жизни объеме.

«Надбавка к **пенсиям** из бюджета. Прожиточный минимум в городе больше, чем в небольшом населенном пункте». Кандидат не добавляет «как в Москве». А если бы добавил, нереальность обещания сразу стала бы очевидной. Бюджет муниципального образования, даже такого, как Екатеринбург, абсолютно неприспособлен к выплачиванию таких надбавок: объективно не до них, так как рушится жилищное хозяйство, субъективно не до них, так как никакой громкой славы мэр не заработает (заявить о себе можно строительством аквапарков и дворцов спорта). Более реалистичным это обещание выглядит в том случае, если его рассматривать как следствие другой ситуации: «Законодательные повысить статус Екатеринбурга в соответствии с реальным значением города для Свердловской области и Российской Федерации. Повышение статуса города по-

зволит... выплачивать из городского бюджета ЕКАТЕРИНБУРГСКИЕ НАДБАВКИ к пенсиям и зарплатам, пособия малоимущим и многодетным семьям». Здесь уже приходится задуматься о нереальности первой ситуации — повышении статуса города.

«Поставить пенсии в жесткую зависимость от уровня цен. Отныне пенсии будут неуклонно расти». Ни в каком законе такой связи не устанавливается, уверенность в неуклонном росте пенсии совершенно непонятна.

«Пенсионная реформа в рамках Екатеринбурга: 1. Проверка и пересмотр на городском уровне методик расчета пенсий с целью их увеличения в рамках действующего законодательства. 2. Введение доплат пенсионерам за счет резервов городского и областного бюджетов, в частности — внебюджетных фондов города. В первую очередь — в отношении 266 784 пенсионеров Екатеринбурга с доходами ниже прожиточного минимума. 3. Доведение уровня фактических минимальных пенсий до уровня средних зарплат по промышленным предприятиям города. Первая цель — уровень 1500 рублей с дальнейшей перспективой на повышение. 4. Создание муниципального пенсионного фонда с целью выплат гарантированных дополнительных надбавок к пенсиям горожанам, занятым в бюджетной городской сфере — на первом этапе, и занятых на всех предприятиях города — на втором этапе. Задача — дополнительно к государственным пенсиям создать возможность дополнительных пенсионных выплат в размере 150–750 рублей в месяц в зависимости от трудового стажа». На первый взгляд обещание «повысить пенсии» в этом тексте приобретает максимальную конкретизацию: кому повышать пенсии, на сколько повышать, где брать деньги для выплат. Но в то же время нельзя не заметить, что текст изобилует неясностями, противоречиями и мифическими обещаниями. Неясным оказывается первый пункт: каким образом изменить методику расчета пенсий, если эта методика описана в законе о пенсиях? Во втором пункте говорится о резервах городского и областного бюджетов, хотя всем известно, что если вдруг и появится резерв в бюджете, то он вряд ли пойдет на доплату к пенсиям. Далее, непонятно, почему кандидат так уверенно заявляет, что жителям **города** будут выплачивать из резерва **областного** бюджета. Кроме того, можно увидеть смысловую ошибку, допущенную в этом пункте. Автор говорит о бюджетных выплатах и тут же заявляет, что эти выплаты будут осуществляться за счет внебюджетных фондов города. Что же все-таки имеется в виду? Ну а последние два пункта обращены только к адресатам с аутистическим мышлением, так как только

неисправимый мечтатель может себе представить, что минимальная пенсия будет равна средней зарплате на промышленных предприятиях города.

«Непрерывное увеличение пенсий до размера, обеспечивающего пожилым и престарелым достойное существование»; «Поднять размер минимальной пенсии до прожиточного минимума пенсионеров; установить единый размер компенсации». Это примеры того, как навязчивое желание адресата просто упоминается в тексте, без всякого, даже мифологизированного объяснения, как его удовлетворить.

«Очень важно, чтобы вы пришли на избирательный участок и сделали правильный выбор. Сделать выбор надо всем. Пенсионерам — потому, что не должно быть нищей старости у ветеранов труда». Фрейм «пенсия» здесь обозначен косвенно — через центральную фигуру, пенсионера, а также через понятие «нищая старость». Понятно, что, чтобы не было нищей старости, должна быть достойная пенсия.

Обобщая сказанное, еще раз подчеркнем, что в текстах листовок чаще всего создается лишь видимость реалистичности обещания, на самом же деле для этой видимости кандидаты прибегают к различным уловкам. При этом и кандидат, и избиратель играют в игру по одним правилам: я вам предлагаю **как бы** вполне реалистичный выход из создавшейся сложной ситуации, а вы **как бы** мне верите и выбираете меня на искомый пост.

Примечание

1. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М., 2002. С. 474–475.

© Н. М. Чудакова
НТГСПА, г. Нижний Тагил

Образы России и русского народа в дискурсе российских средств массовой информации (2000–2005 гг.)

Изменения, происходящие в современной России, объясняют повышенный интерес к проблемам поиска национальной идеи, восстановления идентификации русской нации. *«Мы не понимаем, кто мы и что значит быть россиянином, каковы наши цели и ценности»*, — пишет Л. Алексеев, журналист газеты «Версия», в статье «Понять Россию» (Версия. 2003). В средствах массовой информации развивается и поддерживается мысль о том, что сплотить многонациональное государство, расположенное на большой территории, с множеством религиозных конфессий, может только возрожденная русская идея: *от русской идеи — к идее новой России.*

В соответствии с когнитивными изысканиями объединение людей в этнос / нацию происходит посредством концептов — идеальных сущностей, которые несут на себе отпечаток духовного облика человека определенной культуры (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, А. П. Бабушкин, А. Вержбицка, З. Д. Попова, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, В. Н. Телия, Р. М. Фрумкина, А. Д. Шмелев и др.). В связи с чем на современном этапе развития лингвистической науки особую актуальность приобретают исследования, посвященные анализу понятий, являющихся базовыми для менталитета русской нации. Например, А. Д. Шмелев в работе «Русская языковая модель мира: материалы к словарю» рассматривает такие ключевые слова русской языковой картины мира, как *свобода и воля, простор, смирение, гордость, попрек, долг и обязанность, стыд, судьба* и др. [1]. К основополагающим понятиям русской культуры, ее «константам», согласно словарю Ю. С. Степанова «Константы: словарь русской культуры», относятся РУСЬ, РОССИЯ, РУССКИЕ, РОССИЯНЕ. Объединяя данные концепты в одну группу, автор прослеживает тесную связь истории русского народа с историей русского государства. «Национальность и государственность в нашем случае тесно связаны», — замечает Ю. С. Степанов [2].

Как известно, ярким средством выявления существующих в национальном сознании представлений о современной политической, социальной ситуации в России служит концептуальная метафора. Результатом процесса метафорической концептуализации действительности, специфика которой определяется национальным, социальным и личностным сознанием, выступает определенная система знаний. Путем описания основных ее элементов может быть получено целостное представление о национальной картине мира. Поэтому, учитывая, с одной стороны, важность для понимания русского менталитета концептов РОССИЯ и РУССКИЙ НАРОД, а также, с другой стороны, особенности конкретного исторического периода, специально остановимся на метафорической репрезентации интересующих нас этноцентрических концептов в дискурсе средств массовой информации 2000–2005 гг.

В теории концептуальной метафоры важное место занимает понятие метафорического моделирования, сущность которого состоит в «раскрытии имплицитных параллельных значений, дополнительных к эксплицитно выраженному смыслу метафорических высказываний» [3]. При метафорическом моделировании сохраняется эмотивный потенциал, характерный для концептов источниковой сферы, что делает метафору мощным средством концептуального воздействия на общество. Исследователи (А. Н. Баранов, О. С. Иссерс, Н. А. Кушина,

Л. М. Майданова, Е. И. Шейгал и др.) неоднократно отмечали повышенную активность метафорических моделей, акцентирующих конфликтные пути решения политических проблем. Метафорические модели «Российская действительность — это война», «Российская действительность — это мир криминала» связываются в сознании носителей языка с силовыми действиями: ранить, убивать, насилловать, обманывать и т. д. По справедливому замечанию А. Н. Баранова, такие метафоры социально небезопасны в плане влияния на поведение человека [4].

Отметим, что в метафорическом представлении концептов РОССИЯ и РУССКИЙ НАРОД дискурс СМИ по-прежнему использует негативные оценочные образы. Так, РОССИЮ репрезентируют метафоры ВЕЩИ и МЕХАНИЗМА: «Россия — это пробный шар», «Россия — это пугало-посмешище», «Россия — это трамплин на Запад», «Россия — это маятник», «Россия — это автомобиль без подушек безопасности». Ср.: *Президент Вл. Путин... успел ликвидировать политические свободы, максимально придавить СМИ и превратить Россию в мировое пугало-посмешище* (Арт. Троицкий // Новая газета. 2005). *Россия же с точки зрения глобальной проблемы человечества является как бы пробным шаром, где разворачивается уже не демографический кризис, а катастрофа в отдельно взятой стране* (В. Казначеев // Век. 2001). *Россия — маятник: повезет — не повезет* (М. Полторанин // Аргументы и факты. 2000).

РУССКИЙ НАРОД представлен в дискурсе СМИ ЗООМОРФНЫМИ метафорами: «Русский народ — это бык», «Русский народ — это тягловое быдло», «Русский народ — это лошаденка». Ср.: *Государствообразующий русский народ — тягловое быдло* (Б. Комоцкий // Континент. 2003). *Российская власть который раз за последние столетия попытается совершить «мобилизационный рывок» за счет сверхлишений своего народа, хлыстом загоняя его в светлое будущее. Все продумали кремлевские технологи и новые державники. Только вот загнанная и послушная лошаденка с вываливающимися ребрами может на этот раз не вытянуть* (А. Пионтковский // Новая газета. 2004).

Менее частотны метафоры МИФИЧЕСКОГО СУЩЕСТВА: «Россия — это самый большой карлик», «Россия — это рогатый заяц». Ср.: *Нынешний строй в России — это рогатый заяц. Запад, конечно, доволен таким «рогатым зайцем». Им он очень удобен, их он устраивает* (А. Зиновьев, В. Кожемяко // Советская Россия. 2002).

В СМИ посредством метафор ВЕЩЬ / МЕХАНИЗМ, ЖИВОТНЫЕ / МИФИЧЕСКИЕ СУЩЕСТВА осмысливаются такие негативные явления современной России, как коррупция, угроза тер-

рористических актов, демографические проблемы, раздробленность политического сознания, непредсказуемость политических решений. Во всех контекстах прослеживается идея нестабильности, случайности, абсурдности и даже опасности жизни в нашей стране. Например, использование образа несуществующего животного (оксюморон *рогатый заяц*) актуализирует, с одной стороны, знание фольклорных традиций, в которых свойства живых существ выступают как вариант мифологического кода: *заяц — трусливый, рогатый — обманутый*. С другой стороны, акцентируется внимание на неестественности, бесполезности подобного факта: зайцу не защитить себя от внешних врагов, и рога не удержаться на его голове, поэтому он становится только посмешищем в глазах окружающих. Так, по мнению А. Зиновьева, выглядит нынешний строй в России: абсолютно абсурдно и нелепо.

Однако единичность подобных метафорических выражений, а также отсутствие конфликтных метафор ВОЙНЫ, КРИМИНАЛА, БОЛЕЗНИ в представлении концептов РОССИЯ и РУССКИЙ НАРОД свидетельствуют, по нашему мнению, об их относительной позитивной оценке. Ср.: *Люди (пока еще) положительно реагируют на слова «справедливость», «Россия», «свобода»* (Дид // Новая газета. 2005).

Вместе с тем одним из активных источников метафорической экспансии становятся освоённые русской национальной культурой реалии мира ПРИРОДЫ: *Там, на Урале, должно быть, все такие: сколько ни толки в ступе, а они все зерно, а не мука*. Здесь весьма важной представляется мысль Дж. Лакоффа о согласованности наиболее фундаментальных культурных ценностей с метафорической структурой основных понятий данной культуры [5]. Именно природа представляет собой ту ценность, которая дана человеку изначально и категории которой являются центральными для русской цивилизации.

В дискурсе российских СМИ 2000 — 2005 гг. концепт РОССИЯ регулярно коррелирует с концептами сферы «Неживая природа», например: ЗЕМЛЯ; ГОРА — ПРОПАСТЬ. Ср.: *Земля — это Россия* (А. Фефелов // Завтра. 2001). *Русское сознание мыслило иной категорией — принципом почвы, и именно русское пространство было священной сверхценностью. Возможно, что категория земли вообще является центральной для русской цивилизации, определяющей ее своеобразие и уникальность* (А. Сергеев // Завтра. 2001).

Особенности русской национальной жизни определяются бесконечными русскими пространствами — именно эту ключевую зависимость выявляют писатели, историки и философы, пытаясь понять русский национальный характер. Например, Н. А. Бердяев в эссе «О власти пространств над русской душой» отмечает: «Не раз уже

указывали на то, что в судьбе России огромное значение имели факторы географические, ее положение на земле, ее необъятные пространства... Русская душа подавлена необъятными русскими полями и необъятными русскими снегами, она утопает и растворяется в этой необъятности... Русская душа ушиблена ширью, она не видит границ, и эта безгранность не освобождает, а поработит ее... Широкий русский человек, как русская земля, как русские поля» [6].

Эта причудливая «география русской души», склонность к крайностям в дискурсе СМИ представлена ключевой оппозицией ориентационных метафор ВЕРХА и НИЗА, ГОРЫ и ПРОПАСТИ. Ср.: *А в России — все пики, скалы, пропасти. Извержения. Сотрясения земли. И целые пространства, которые не поддаются профессионализации. И вечно так: прорыв куда-то — и потом обрыв. Прорыв — обрыв. Прорыв — обрыв... Никакой постепенности. Никакого развития. И этим всегда легко воспользоваться. Сократить то измученную, то изуродованную, то загнанную страну к какому-то отчаянию, к пропасти, к преждевременному прыжку русского преждевременного человека* (А. Битов // Новая газета. 2003).

Как считают авторы теории метафорического моделирования Дж. Лакофф и М. Джонсон, ориентационные метафоры пространственно (вертикального) перемещения типа ВЕРХ-НИЗ согласованы с базисными культурными ценностями страны [7]. Стремление к развитию, к жизни, самореализации, метафорически осмысленное как движение вверх, актуализирует позитивные смыслы. Движение, направленное вниз, выявляет в системе метафорических понятий отрицательную оценочную семантику. Проведенный нами анализ показал преобладание метафор с негативным оценочным потенциалом, что, однако, далеко не всегда свидетельствует о состоянии кризиса в стране. Имплицитно возникают совсем другие смыслы: именно эти неопределенные состояния верха и низа — неожиданного взлета и быстрого падения, так свойственные русскому характеру, — делают возможным преобразование, в противоположность основательности и постоянству. Жить в России — значит балансировать на краю пропасти, срывать с нее и выкарабкиваться; взбираться на крутые склоны гор, и снова лететь в бездну, и снова вылезать, чтобы жить, обрабатывать землю и выращивать на ней урожай. Такое представление отнюдь не создаст у адресата негативного восприятия происходящих в обществе процессов, так как отражает закон развития самой природы — рождение, развитие, зрелость, упадок. Нельзя все время только расти, считают журналисты, *идущий покой свидетельствует о своеобразной останков-эволюции* (И. Кормильцев // Новая газета. 2004), а *через трудности страна идет к своей зрелости*.

Именно поэтому представленная нами картина русской жизни была бы неполной без одной ключевой метафоры – метафоры ПУТИ / ДОРОГИ. Ср.: *Наша российская жизнь – одна сплошная переправа. Бурный поток, грозовой перевал, тропинка над обрывом, три бревнышка через трясины* (Д. Драгунский // Новое время. 2003). *Что делать, чтобы не повторять ошибок прошлого и разбудить силы, которые выведут Россию на путь развития* (А. Корсаков // Вск. 2000).

Путь развития России может быть светлым, прямым, окольным, гибельным, порочным, скользким. Русский народ часто стоит на распутье, не зная, какие пути-дороги выбрать; не видя главной дороги, раздумывает на обочине экономического роста. Ср.: На что решится Путин на этом, простите за каламбур, перепутье? (Новая газета. 2002). *Путин есть, а путей не видно* (А. Рябов // Новая газета. 2003). *Пока не свернем с чужого пути, своего не найдем* (В. Георгиев // Вск. 2001).

Даже выбрав свой путь по каким-то только для нас значимым приметам, *пробив дорогу*, мы не уверены в том, что не потеряем эту дорогу, что она окажется единственно правильной и не *приведет в тупик, в никуда*. Ср.: *Без покаяния знаменитый режиссер показал дороги к хаму и к Храму. Выбор был за нами. Мы остались жить в мире, где дороги не ведут к Храму* (И. Соломоник // Новая газета. 2004). *Кампания его критики следок свой обязательно оставит, а следок этот, может стать, обратится в тропку, из которой федеральная власть в состоянии выстроить столбовую дорогу, не напрямую, а хитрым зигзагом ведущую к дальней цели* (М. Исакадзе // Вск. 2000). *И по пути реформ можно идти в разные стороны* (В. Зусв // Век. 2001). *Дорога в никуда* (С. Чернышев // Век. 2001). *И как-то все потом обломилось, оборвалось. Расплылось в пространстве одной шестой. Точно Петр дорогу проложил – а она увязла, потерялась, разбежалась по необъятности. Снова, значит, ехать некуда* (А. Битов // Новая газета. 2003).

Человек и нация, пытающиеся определить свое положение по отношению к ценностям, приоритетным в современном мире, нуждаются в точных, четких инструкциях – с этой целью в дискурсе СМИ используются метафорические образы ГОРИЗОНТА, КАРТЫ, КОМПАСА. Ср.: *Чтобы не заблудиться, путешественнику нужна карта, в крайнем случае хотя бы компас. Нации, путешествующей по своему настоящему, тоже нужна такая карта или компас, которое может дать научное знание* (А. Постников // Новое время. 2003). *«Обаяние» рейтингов – самый ненадежный компас в вашем выборе* (Л. Столярченко // Новая газета. 2003). *Консенсус есть лишь в*

области внешней политики: ее необходимо развивать по всем азимутам (В. Рокотов // Вск. 2000). Факт переговоров станет первым шагом к миру. Первым робким шагом по той дороге, которая упирается в горизонт (И. Мильштэйн // Новое время. 2000).

Прагматические смыслы, формируемые метафорами ГОРА — ПРОПАСТЬ, ПУТЬ / ДОРОГА, ГОРИЗОНТ / КАРТА / КОМПАС, состоят в следующем: Россия в своем развитии знала периоды расцвета и упадка, русский народ отказался от прошлого и пытается определиться в современном мире, выбрать собственный путь развития.

В дискурсе СМИ образ РУССКОГО НАРОДА соотносится с ТЕКУЧЕЙ ВОДОЙ / РЕКОЙ. Ср.: *Традиция, обычай — самоопределение народа в условиях полной и тотальной неопределимости. Народ течет в традициях, как река по руслу. Они — его коллективное право, его самовыражение. Может река выйти из русла в половодье, так и народ может выйти из традиции — в период, скажем, революции, но все равно все вернется на круги своя. Высохнут, заболотятся революционные разливы, заквакают лягушки, а народ — вона, течет себе по основному руслу. Поставьте народу камень, напишите на нем «закон» — обогнет народ камень и потечет дальше* (А. Новиков // Новое время. 2002).

Представления о реке у каждого народа связаны с национальной речью: так, стимул РЕКА у носителей русского языка вызывает первую и самую частотную реакцию — ВОЛГА. Утверждение «русские есть принадлежность русского сознания» находит свое продолжение в дискурсе средств массовой информации: концепт ВОЛГА номинирует РОССИЮ, ЕНИСЕЙ — СИБИРЬ. Ср.: *Волга впадает в Лимпопо. Учитывая хорошие политические отношения с большинством стран Африки, Россия может реализовать многие проекты на Черном континенте* (И. Иванов // Россия. 2003). *Волга впадет в Адыгею* (А. Осипов // Новая газета. 2004). *Штормит Енисей при тихой погоде. Олигархи сбросили маски и открыто пошли на захват богатейшего региона России, да, пожалуй, и всего мира* (А. Колесников // Россия. 2002).

В процессе метафоризации актуализируются в основном общекультурные смыслы: ВОДА — это источник и символ жизни. Кроме того, в метафорическом представлении РУССКОГО НАРОДА как РЕКИ значимыми становятся следующие ассоциации: непрерывное движение, стремление вперед, сила, трудолюбие, беспокойный характер. Образованная на базе сферы-источника «Вода» метафорическая модель «Развитие России — это состояние и движение воды» отражает такую модель действительности, где все положительные явления приобретают динамичный характер.

Таким образом, важнейшими вопросами, поднимаемыми в дискурсе современных российских средств массовой информации, являются вопросы самоидентификации русского народа и поиска национальной идеи. Переход к новой России делает социально востребованными и значимыми ключевые образы русской культуры: РОССИЯ, РУССКИЙ НАРОД — ЗЕМЛЯ, ПУТЬ / ДОРОГА, КАРТА / КОМПАС, РЕКА. Взаимозависимость данных концептов в дискурсе СМИ начала XXI в. подтверждает тезис А. Н. Баранова о возрастающей роли органистической метафоры, в частности метафоры природы, «в связи с попытками ориентации на ценности православия и народности, возвращением к «истокам» [8]. Персактуализация смыслов (с милитарного на природный) может свидетельствовать в некоторой степени о стремлении к стабилизации в обществе. «Наше общество больше всего нуждается в милосердии, в мире, в заживлении ран, в оздоровлении правопорядка, в возвращении к нормальным нравственным и духовным ценностям», — пишет «Новая газета» (2004).

Примечания

1. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М., 2002.
2. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд. М., 2004. С. 151.
3. Феденева Ю. Б. Метафорическое моделирование в агитационно-политических текстах // Многозначность в лексике современного русского языка / Под ред. А. П. Чудинова. Екатеринбург, 1999. С. 303.
4. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001. С. 225.
5. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23. С. 51.
6. Бердяев П. А. О власти пространств над русской душой // Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1998. С. 325–327.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: Сб. / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М., 1990 (главы 1–6). С. 404–407.
8. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю. М., 1991. С. 190.

© О. А. Шаова
УрГУ, г. Екатеринбург

Культура России как сфера-магнит для метафорической экспансии в дискурсе масс-медиа Франции (1999–2005 гг.)

Для французской национальной картины культурной жизни характерен эгоцентризм: во французском сознании национальная культура занимает главенствующее положение едва ли не во всех сферах. Зарубежная культура априорно воспринимается французами как нечто вто-

ростепенное по отношению к культуре Франции. Это положение в полной мере относится и к нашей стране. Вместе с тем во Франции достаточно известны произведения классиков русской литературы (А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов) и некоторые из современных писателей (В. Астафьев, А. И. Солженицын, Б. Акунин). Французы знакомы также с образцами русского театра (Л. Додин, О. Ефремов), музыки (М. Глинка, П. И. Чайковский, В. Спиваков), живописи (К. С. Малевич, В. Кандинский).

Национальный эгоцентризм французов отчетливо проявляется и при освещении российской культуры во французских СМИ. Освещая достижения отечественной культуры, французские газеты довольствуются ролью фактографа, бесстрастно фиксирующего события: новинки театральной и кинематографической жизни, литературные годовщины и юбилеи, результаты спортивных соревнований, открытия выставок. Как следствие, творимая французскими СМИ метафорическая картина культурной жизни России дробна, фрагментарна, мозаична. Отсутствие системности используемых для характеристики метафор и, следовательно, невозможность объединения их в метафорические модели — главное ее свойство.

Единственная группа метафор, широко распространенная во французских периодических изданиях при характеристике культуры России, обладающая определенной структурой и регулярностью использования в газетных текстах, может быть представлена метафорической моделью КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ РОССИИ — это ВОЙНА.

1. Фрейм: «*Guerre*» — «Война»

Современная культурная реальность России концептуализируется в сознании носителей французского языка как организованная вооруженная борьба (*guerre, conflit*). Ср.:

Les artistes russes dans la guerre des cultures (М., 22.03.99). — *Российские артисты в войне культур.*

Guerre aux «mal-pensants» dans la littérature russe? (Н., 23.12.02). — *Война «инакомыслящим» в русской литературе?*

Метафорическое осмысление российской культуры в терминах войны актуализирует отрицательные ассоциативные признаки, связанные с идеей конфликтности, взрывоопасности, угрозы существованию культурного пространства в России. Ср.: *La culture russe est en péril* (М., 15.07.02). — *Российская культура в опасности.*

2. Фрейм: «*Opérations de guerre*» — «Военные действия»

В соответствии с тематикой исходной понятийной сферы события в различных областях культурной жизни России могут быть представлены как бой (*combat*), битва (*bataille*), поход (*campagne*), борьба (*lutte*), путч (*putsch*). Данные метафорические наименова-

ния манифестируют спланированный, организованный, массовый характер проявления враждебности. Ср.:

On mène un combat pour garder la culture russe (Н., 03.10.00). — *В России ведется бой за сохранение культуры.*

Une nouvelle bataille commençait pour ce spécialiste du cinéma soviétique (Nahoum Kleiman) viscéralement attaché au Musée du cinéma (М., 11.12.01). — *Для специалиста советского кино (Наума Клеймана), глубоко привязанного к Музею кино, начинается новая битва.*

A Moscou, le grand putsch des artistes (Л., 13.06.04). — *В Москве артисты устроили путч.*

Энергичность, решительность, агрессивность действий субъектов культурной деятельности эксплицируются через метафорические номинации *атаковать* (*attaquer*), *биться* (*battre*), *брать на abordаж* (*aborder*), *брать штурмом* (*prendre d'assaut*), *быть в состоянии борьбы* (*être aux prises*), *раздавить* (*écraser*), *оборонять* (*défendre*). Большинство используемых метафор являются «стертыми», прочно вошедшими в языковой обиход, однако «необычный» контекст возвращает представленным наименованиям утраченную образность, оживляет ассоциативные признаки борьбы. Ср.:

La France a battu la Russie (2-1), lundi 5 janvier, à Perth (Australie) (М., 07.01.04). — *В понедельник 5 января в Перте (Австралия) Франция выиграла (досл. побила) у России (2-1).*

Le cinéma russe aux prises avec la censure politique et économique (М., 06.02.05). — *Российское кино борется с политической и экономической цензурой.*

Формируемые метафорами этого фрейма прагматические смыслы, актуализация которых происходит за счет контекстологических средств — агрессивный способ разрешения конфликтных ситуаций.

3. Фрейм: «*Participants de la guerre*» — «*Участники войны*»

Данный фрейм представлен антитетичными слотами: «Враги» — «Союзники», «Жертвы», а также включает слот «Воинские подразделения».

Слот 3.1. *Ennemis* — Враги

Тематика источникового слота «Враги» активно взаимодействует со слотом сферы-мишени «Деятели российской культуры». В результате переноса содержания субъекты культурной деятельности, придерживающиеся иных взглядов, мировоззрений, позиций, образно номинируются как враги (*ennemis*), противники (*adversaires*), мятежники (*rebelles*). Ср.:

Maïa Plissetskaïa, rebelle du Bolchoï (М., 12.10.99). — *Майя Плисецкая — мятежница в Большом театре.*

Tatjana Zdanoka, la passionaria russophone de Lettonie. Elle est considérée par ses adversaires comme une ennemie de la cause lettone, une traître à la nation (М., 12.06.04). — Татьяна Зданока, русскоговорящего пассионария Латвии, противники считают **врагом** латвийского дела, предателем нации.

Слот 3.2. Alliés — Союзники

Рассматриваемый слот находится в смысловой оппозиции с предыдущим. В концептуальной картине мира адресата — представителя французской лингвокультуры достижения в различных сферах культуры, выдающиеся деятели культуры, единомышленники оцениваются положительно за счет использования метафорических номинаций с позитивным прагматическим потенциалом: (союзник),

(герой). Ср.:

Mandelstam, pur héros, une sorte de saint, qui tint tête à Staline lui-même (Н., 12.06.00). — Мандельштам — настоящий **герой**, своего рода святой, противостоявший самому Сталину.

La Lada Niva, véritable héros du socialisme, ce tout-terrain dont la réalisation fut décidée par le 24e congrès du Parti communiste d'Union soviétique, n'a jamais trahi ses idéaux (М., 17.10.03). — Лада Нива — настоящий **герой** социализма, вездеход, о создании которого было решено на XXIV съезде КП СССР, никогда не предавал свои идеалы.

Слот 3.3. Victimes — Жертвы

Участники культурных «баталий» могут становиться жертвами (*victimes*), заложниками (*otages*), пленниками (*prisonniers*) в случае неудачного исхода «сражения». Ср.:

L'écrivain Vladimir Sorokine victime du retour à l'ordre moral en Russie (М., 15.07.02). — Писатель Владимир Сорокин — **жертва** возвращения к моральному порядку в России.

Метафоры слотов «Враги», «Союзники», «Жертвы» тянут за собой шлейф разнообразных ассоциаций. В культуре России, как и на войне, есть «свои» и «чужие», с которыми необходимо бороться, воевать, что неминуемо влечет за собой человеческие потери.

Слот 3.4. Unités — Воинские подразделения

Объединения совместно действующих в сфере российской культуры людей во французских газетах обозначаются как *armée* (армия), *troupe* (войсковая часть), *bataillon* (батальон). В армии имеются и свои стратеги, полководцы (*stratéges*). Ср.:

Alexandre Popov demeure le stratège de la vitesse intelligente (М., 27.07.99). — Александр Попов остается **стратегом** разумной скорости.

Un bataillon de coiffeurs russes a débarqué à Paris (М., 24.10.00). — **Батальон** российских парикмахеров высадился в Париже.

Метафорические номинации данной группы создают в сознании реципиента масштабную картину милитаризации культурного пространства России.

4. Фрейм: «Cours de la guerre» — «Ход войны»

Слот 4.1. *Début de la guerre* — Начало войны

Осмысление культурной реальности России в военных терминах даст основание использовать военные метафоры для обозначения начала культурных событий, конфликтов, перипетий: *déclarer la guerre* (объявлять войну), *déchaîner la guerre* (развязать войну), *la guerre éclate* (война начинается). Ср.:

La Mosfilm déclare la guerre à la privatisation des grands studios de cinéma russes (М., 09.05.01). — «Мосфильм» **объявляет войну** приватизации российских киностудий.

Слот 4.2. *Issue de la guerre* — Исход войны

В соответствии с семантикой исходной понятийной сферы удаchi и достижения субъектов культурной действительности представлены во французских газетных текстах как победа (*victoire*). К данному слоту относятся также номинации: *triompher* (одержать блестящую победу), *gagner la guerre* (выиграть войну), *vaincre* (побеждать), *vainqueur* (победитель).

Образное использование перечисленных лексем, эксплицирующих смыслы «взять верх», «восторжествовать», «добиться успеха над противником», обеспечивает ментальную репрезентацию этих понятий, как правило, в виде положительного образа. Актуализация дополнительных (зачастую уничижительно-иронических) смыслов указанных метафор происходит за счет контекстологических средств. Ср.:

L'auteur du «Barbier de Sibérie» semblait triompher dans les luttes au sein du comité d'Etat à la cinématographie (М., 14.05.99). — Автор «Сибирского цирюльника», казалось, одержал блестящую победу в борьбе, раздиравшей Государственный комитет по кинематографии.

Fandorine avait gagné sa place au Panthéon des héros mythiques de la littérature noire (Н., 09.10.03). — Фандорин завоевал свое место в пантеоне мифологических героев третьей-сортной литературы.

Победителю достается имущество побежденного врага. Ср.:

Une restitution liée à la querelle des «trophées». L'authentification du tableau de Brême risque de provoquer une poussée d'adrénaline dans les chancelleries de Bonn et de Moscou (М., 27.12.99). — Рес-титутция, связанная с распрями из-за «**трофеев**». Установление подлинности картины из Бремена может спровоцировать скандал в Министерстве юстиции Москвы и Бонна.

Неудачи на культурном поприще образно номинируются как поражение (*défaite*). Французские журналисты дают возможность своим реципиентам вывести эту имплицитно содержащуюся информацию, обращаясь к когнитивным потенциям метафор *perdre la guerre* (проиграть войну), *mettre en déroute* (обратить в бегство), *vaincu* (побежденный). Ср.:

Le jeune Russe Vladimir Kramnik s'est emparé du titre mondial sans avoir concédé la moindre défaite face à celui qui dominait les échecs depuis 1985. Vaincu, «l'Ogre de Bakou» ne renonce pas (М., 04.10.00). — Молодой россиянин Владимир Крамник завладел мировым титулом, не согласившись на **поражение** перед тем, кто обладает титулом чемпиона мира по шахматам с 1985 г. **Побежденный** «Бакинский Людоед» не отступает.

Слот 4.3. *Conséquences de la guerre* — Последствия войны

Любая война влечет за собой человеческие жертвы, потери в материальных и духовных сферах, разруху. Война внутри российской культуры или между культурами на страницах французских газет ведет к убийствам (*assassinats*), смерти (*mort (f)*), уничтожению (*anéantir*). Ср.:

Culture unique = mort de toute culture (М., 14.10.99). — Единственная культура = **смерть** всякой культуры.

Le dirigeant du Parti communiste de la fédération de Russie (PCFR) appelle à «une croisade sainte contre l'anéantissement de la langue et de la culture russes par la culture du Coca-Cola» (Н., 23.03.00). — Лидер КПРФ призывает к «крестовому походу против **уничтожения** русского языка и русской культуры культурой кока-колы».

Данный фрейм обладает ярко выраженным негативным прагматическим потенциалом, так как акцентирует внимание адресата на агрессивном, насильственном способе решения проблем в культурной жизни России.

На основании вышесказанного материала можно утверждать, что к метафорической модели КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ РОССИИ — это ВОЙНА французские журналисты обращаются чаще при образной номинации и характеристике современной российской культурной реальности, формируя и подтверждая уже имеющуюся концептуальную картину мира в сознании реципиента.

Данная модель обладает неоднородным прагматическим потенциалом: в модели выделяются как метафоры, слоты с ярко выраженной положительной эмотивной нагрузкой («Победа», «Союзники»), так и с отрицательной экспрессивностью («Война», «Враги»). Большое количество «стертых» военных метафор с почти утрачен-

ной образностью, используемых французскими СМИ при описании культурной действительности России, актуализируют внутренние смыслы за счет контекстологических средств.

Представленные в настоящем исследовании материалы свидетельствуют о том, что современная российская культура, по существу, мало интересует французов, а события в российской культурной жизни отражаются в современной французской прессе крайне скудно и бессистемно. Французские газеты, обсуждая российскую культурную действительность, постоянно «заимствуют» многие факты из российских СМИ, одновременно «заимствуются» и языковые (в том числе метафорические) способы представления этих фактов.

Условные сокращения

- М. — Le Monde
- Л. — Liberation
- Н. — L'Humanité

Научное издание

Новая Россия:

новые явления в языке и науке о языке

Материалы Всероссийской научной конференции
14 – 16 апреля 2005 г.
Екатеринбург, Россия

Редактор *Н. В. Чапаева*
Верстка *М. В. Дудоровой*
Ответственный за выпуск *Ф. А. Еремеев*

Подписано в печать 20.09.2005. Формат 84 × 108 / 32.
Уч.-изд. 35 л. Бумага офсетная. Гарнитура Peterburg.
Печать офсетная. Тираж 200 экз. Заказ **282**

Издательство Уральского университета
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в ИПЦ «Издательство Уральского университета»
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4